

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

С. Э. Поляков

**«ТЕМНАЯ
МАТЕРИЯ»
СОЦИАЛЬНЫХ
НАУК**

С. Э. Поляков

«ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ» СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Санкт-Петербург • Москва • Минск

2024

ББК 88в
УДК 159.9.01
П54

Поляков С. Э.

П54 «Темная материя» социальных наук. — СПб.: Питер, 2024. — 448 с. — (Серия «Мастера психологии»).
ISBN 978-5-4461-2131-1

Сергей Эрнестович Поляков — известный психолог и психиатр, кандидат медицинских наук, автор многих научных работ, в том числе трех монографий по общей психологии.

В своей четвертой книге С. Э. Поляков представил читателю хотя и ожидаемый, но все же непривычный взгляд на психофизическую природу окружающего мира. Многих выдающихся исследователей со времен Античности привлекала психическая составляющая реальности, которую они пытались обсуждать в разных контекстах, используя несовпадающие понятия.

С. Э. Полякову удалось выделить и описать ее, очертить границы и дифференцировать от других форм реальности, раскрыть природу, характер и структуру формирующих ее сущностей, показать феноменологические особенности и динамику образования репрезентирующих их психических явлений. Он назвал ее объективной психической реальностью и убедительно доказал, что человек живет не только в физическом, но и в ментальном мире, создаваемом обществом. Этот мир, как и физическая реальность, противостоит индивидууму и независим от него. Он даже имеет свои собственные многочисленные объекты, которые пребывают и действуют лишь в нем.

Автором открыта новая грань реальности и создана новая область науки, что делает книгу интересной не только для психологов, социологов и философов, но и для представителей других, в том числе естественно-научных дисциплин.

16+ (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

ББК 88в
УДК 159.9.01

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Информация, содержащаяся в данной книге, получена из источников, рассматриваемых издательством как надежные. Тем не менее, имея в виду возможные человеческие или технические ошибки, издательство не может гарантировать абсолютную точность и полноту приводимых сведений и не несет ответственности за возможные ошибки, связанные с использованием книги. Издательство не несет ответственности за доступность материалов, ссылки на которые вы можете найти в этой книге. На момент подготовки книги к изданию все ссылки на интернет-ресурсы были действующими.

Оглавление

Часть I. Предпосылки появления понятия *объективная психическая реальность*

Глава 1.1	История осознания людьми наличия объективной психической реальности (ОПР)	8
§ 1.	Введение	8
§ 2.	Термины, предшествовавшие появлению понятия <i>объективная психическая реальность</i> (ОПР)	9
§ 3.	Бывает ли психическая реальность объективной?	18
	Тезисы	22
Глава 1.2	Психические предпосылки появления ОПР	23
§ 1.	Реальность и психика	23
§ 2.	Психические феномены и процессы, обеспечивающие формирование сущностей мира	28
	Ощущения и ментальные образы	31
	Психические конструкции	31
	Чувственные психические конструкции	32
	Модели-репрезентации	33
	Вербальные образы	34
	Понятия	35
	Вербализация	36
	Вербальные репрезентации	36
	Концептуализация	36
	Концепт	37
	Понятия и концепты	38
	Вербальные психические конструкции	38
	Изменчивые вербальные конструкции	39
	Стабильные вербальные (и языковые) конструкции, не являющиеся концептами	39
	Вербальные концепты	39
	Коституирование новых сущностей	40

	Конструирование новых сущностей	40
	Психическая конструкция и психический конструкт	41
	§ 3. Психические механизмы формирования сознанием сущностей мира	42
	§ 4. Вербальные репрезентации — основа человеческого разума	46
	Тезисы	53
Глава 1.3	Сущности мира, формируемые человеческим сознанием	55
	§ 1. Роль психики в формировании сущностей мира	55
	§ 2. Виды сущностей	67
	§ 3. Наиболее общие сущности	73
	Тезисы	82
 Часть II. Важнейшие области ОНР 		
Раздел 2.1	Физическая область ОНР	88
	Глава 2.1.1. Две грани предметов	88
	Тезисы	100
	Глава 2.1.2. Физические сущности ОНР	101
	Тезисы	111
	Глава 2.1.3. Научная картина физического мира как часть ОНР	113
	§ 1. Знание	113
	§ 2. Научные сущности ОНР	121
	§ 3. Факты ОНР	130
	§ 4. Важнейшие общенаучные сущности ОНР	135
	§ 5. Можно ли свести ОНР к знанию?	143
	Тезисы	146
Раздел 2.2	Социальный мир как часть ОНР	149
	Глава 2.2.1. Психическая составляющая социальной реальности	149
	§ 1. Компоненты социальной реальности	149
	§ 2. Сущности социальной реальности	151
	§ 3. Формирование и усвоение социальных сущностей	159
	§ 4. ОНР и культура	165
	Тезисы	170
	Глава 2.2.2. Физические аспекты социальной области ОНР	171
	§ 1. Поведение людей как часть социальной реальности	171
	§ 2. Сущности ОНР, имеющие отношение к поведению	175
	§ 3. Существует ли Вселенская или Божественная объективность важнейших социальных ценностей?	186
	Тезисы	190
	Глава 2.2.3. Действия и события в ОНР	192
	Тезисы	203

Раздел 2.3	Сущности ОНР, конституирующие психику	205
Глава 2.3.1.	Некоторые важнейшие для психологии сущности	205
Душа		205
Психика		206
«Я»		209
Сознание		213
Бессознательное		221
Осознание		223
Понимание		223
Мышление		225
Воля		227
Внимание		227
Интеллект		228
Тезисы		229
Глава 2.3.2.	Личность и некоторые психические сущности, связанные с ней	230
Личность		230
Человеческие ценности		231
Убеждения		236
Мировоззрение		241
Стереотипы		241
Предвззудки и установки		244
Защита собственного психического содержания		246
Тезисы		247
Глава 2.3.3.	Второстепенные, но активно используемые в научной литературе психические сущности	248
Архетип		248
Коллективное бессознательное		256
Психические комплексы		256
Культурный код		257
Тезисы		260
Раздел 2.4	Особые области ОНР	261
Глава 2.4.1.	Религиозные верования как специфическая область ОНР	261
Тезисы		265
Глава 2.4.2.	Математика как особая область ОНР	265
§ 1.	Споры о математике	265
§ 2.	Количественные сущности мира и математики	271
§ 3.	Референты математических сущностей	278
§ 4.	Репрезентирует ли математика мир?	283
§ 5.	Где пребывают математические сущности?	287
Тезисы		289

Глава 2.4.3. Другие области ОНР.....	291
§ 1. Области ОНР, создаваемые в процессе трудовой деятельности.....	291
§ 2. Область психической реальности измерений	294
§ 3. Область ОНР, представленная игровой реальностью.	298
§ 4. Области ОНР, связанные с искусством и литературой ...	300
§ 5. Область ОНР, создаваемая средствами массмедиа	304
Тезисы.....	317

Часть III. Разные аспекты ОНР

Глава 3.1	Время как базовая сущность ОНР	320
	§ 1. Современное понимание времени	320
	§ 2. Время — координатная ось тотального изменения, представленная в ОНР	322
	§ 3. Производные от времени сущности мира	330
	§ 4. Концептуализация времени в разных ОНР	335
	§ 5. Время и специальная теория относительности.	341
	Тезисы.....	344
Глава 3.2	ОНР и язык.....	347
	Тезисы.....	358
Глава 3.3	Еще раз о некоторых особенностях ОНР.....	360
Примечания.....		391
	Примечание 1. «Третий мир» К. Поппера	392
	Примечание 2. Х. Ортега-и-Гассет	394
	Примечание 3. Виды концептов	396
	Примечание 4. Т. Шефф об «академических бандах»	396
	Примечание 5. А. Д. Александров о математике.	399
	Библиография	403
Предметный указатель		441

**ПРЕДПОСЫЛКИ
ПОЯВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
*ОБЪЕКТИВНАЯ
ПСИХИЧЕСКАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ***

История осознания людьми наличия объективной психической реальности (ОПР)

§ 1. Введение

Физики пишут, что в их действующих моделях Вселенной явно не хватает какой-то невидимой сущности, называемой ими темной материей. Лишь открытие этой сущности может объяснить все наблюдаемые ими явления, не вписывающиеся в традиционную картину Вселенной. То масса галактического скопления мала для такой большой скорости его движения. То видимая масса не способна так сильно искажать световые лучи. То плотности видимого вещества не хватает для объяснения особенностей его движения. Другими словами, в выстроенной ими научной картине Вселенной явно не хватает чего-то очень важного, но пока скрытого. И лишь добавление в физическую науку некой темной материи, не дающейся в руки физиков, позволит им построить более совершенную физическую модель мира.

Мне представляется, что и в моделях социальных наук тоже явно не хватает какой-то глобальной сущности, обнаружение которой помогло бы решить многие проблемы социологии, философии, эпистемологии, лингвистики, самой психологии и ряда других наук. По аналогии с физической напрашивается название «темная материя», но только уже в науках об обществе.

Известный социолог Б. Латур (2006а, с. 199) тоже прямо говорит о том, что социологам не хватает «недостающей массы», которую они безуспешно ищут. Они постоянно, с некоторым отчаянием сосредоточены на том, чтобы обнаружить социальные связи, достаточно прочные для объединения всех нас, или моральные законы, которые были бы достаточно

незыблемыми, чтобы заставить нас вести себя должным образом. Однако при суммировании социальных связей мы не получаем требуемого итога. Нестойкие и слабые моральные принципы — вот и все, что могут обнаружить социологи. Общество, которое они пытаются воссоздать при помощи тел и норм, постоянно разрушается. Чего-то все время недостает. Такого, что было бы строго социальным и высокоморальным.

Автор прав. Между тем на протяжении двух с лишним тысячелетий лучшие умы человечества настойчиво обсуждают в разных социальных науках и под разными названиями какую-то странную сущность. Они по-разному понимают ее и пытаются даже описывать. Но в итоге получается, что упоминаемое ими нечто является чем-то вроде общей психики людей, общего сознания или некой общей области идей. При этом всем вроде бы очевидно, что есть только индивидуальное сознание. Однако не менее очевидно, что и обсуждаемая ими сущность весьма реальна.

Картина, сложившаяся к сегодняшнему дню в социологии, напоминает ту, что наблюдается в космологии. Не хватает какой-то «темной сущности», «темной социальной материи», которая мощно влияет на человеческую жизнь, но никак не дается в руки исследователей. И без которой никак не получается создание целостной картины общества и человека в нем.

Что это за «темная материя», или «недостающая масса», проявляющаяся в общественных и даже в гуманитарных науках?

Данная книга предназначена для того, чтобы показать, что это — объективная психическая реальность (ОНР).

§ 2. Термины, предшествовавшие появлению понятия *объективная психическая реальность* (ОНР)

В трудах большинства выдающихся мыслителей прошлого и серьезных исследователей, являющихся нашими современниками, можно найти упоминания об объективной психической реальности (ОНР) или ее фрагментах, хотя каждый из них обозначает ее по-своему: мир идей и мир эйдосов (Платон, 1968); описываемые им же универсальные совершенные формы Сократа (Платон, 1993); вещи, которые не истинны и не ложны (Г. Галилей, цит. по: А. В. Койре, 2003, с. 128–153); врожденные идеи (Р. Декарт, 1994); модусы (Б. Спиноза, 1957); априорные категории сознания, чистые априорные суждения, идеи разума, иллюзорные ошибки и видимости разума (И. Кант, 1980; 1994); абсолютная идея, объективный дух и универсум, мировой дух, мировой разум (Г. Гегель, 2000); универсум высказываний в себе и истин в себе, суждения сами по себе (Б. Больцано, цит. по: К. Р. Поппер, 2002, с. 109); мировая воля (А. Шопенгауэр, 2011); коллективный дух,

душа народа (В. Вундт, 2002); третья область и универсум объективного содержания мысли (Г. Фреге, цит. по: К. Поппер, 1983, с. 440); миры мысли (У. Джеймс, 2000); царство чистых предельных форм, жизненный мир, общий дух, общая воля народа (Э. Гуссерль, 1995); коллективные представления, факты коллективного сознания (Э. Дюркгейм, 1995); объективный дух, исторически-духовный мир (Н. Гартман, 1997); душа культуры (О. Шпенглер, 2006); соборное сознание (С. Н. Трубецкой, 1994); символический универсум (Э. Кассирер, 2002); мир универсалий (Б. Рассел, 2000); единовременное культурное качество (П. Сорокин, 2007); ноосфера (Э. Леруа (Le Roy E., 1927; П. Тейяр де Шарден, 2001; В. И. Вернадский, 1944); космическое сознание (Э. Фромм, 2004); коллективный опыт человечества (Л. Н. Гумилев, 2004); третий мир (К. Поппер, 1983; 2002); космическое бессознательное (Д. Судзуки, 2002); душа толпы (Г. Лебон, 1995); бессознательное как речь Другого (Ж. Лакан, цит. по: П. Горностай и Т. Титаренко, 2001); коллективные представления, коллективное сознание (Л. Леви-Брюль, 1999); жизненное пространство (К. Левин, 2000); мир Платона (Р. Пенроуз, 2011); мир, нами самими созданный (И. Гердер, цит. по: Р. Смит, 2014, с. 185); идея мира смыслов как пограничного царства, расположенного между миром ценностей и миром бытия (Г. Риккерт, 1998); коллективное бессознательное (К. Юнг, 1991); мир систематического единства абстрактно-общих моментов (М. М. Бахтин, цит. по: А. А. Леонтьев, 2001, с. 265); логосфера (Р. Барт, 1994); групповая душа, объективный дух, групповой дух, социальная сфера современников и историческая сфера предков (М. Шелер, 2011); бессознательные структуры (К. Леви-Стросс, 2001; М. Фуко, 2004); предрассудки (Х.-Г. Гадамер, 1988); смысловое поле (Л. С. Выготский, 1982); воображаемый музей (А. Мальро, 2005); между-мирие (М. Мерло-Понти, цит. по: В. Декомб, 2000, с. 72–73); коллективное верование, социальная вера, мир обычаев, мышление эпохи, идеи эпохи, дух времени (Х. Ортега-и-Гассет, 1997); социальный разум, социальное сознание, или осознание общества (Ч. Х. Кули, 2019); транссубъективное пространство (Д. Н. Узнадзе, 2004); символический универсум, смысловой универсум, объективная социальная структура (П. Бергер и Т. Лукман, 1995); жизненный мир (Л. Бинсвангер, 1999); интеллигибельная материя (М. К. Мамардашвили, 2001); сверхприродная объективная действительность (Э. В. Ильенков, 1979/1991); многомерный мир (А. Н. Леонтьев, 1983); действительность второго порядка (П. Вацлавик (P. Watzlawick, 1977)); семантическая вселенная (В. В. Налимов, 2007); семиосфера (Ю. М. Лотман, 2004); мир значений (А. А. Леонтьев, 2001); психосфера (В. А. Звегинцев, 1968); знаемый мир (А. Д. Логвиненко, 1985); глобальная социальная память (М. А. Розов, 2009); мир субъективных категорий (О. А. Корнилов, 2013); надындивидуальные, надсознательные явления (А. Г. Асмолов, 2002); вещи,

хранящиеся в человеческом сознании как общее достояние (А. А. Шевцов, 2004); многомерное пространство жизни (В. Е. Ключко, 2005); общественное сознание (советский марксизм); массовое сознание, коллективное сознание, социальное сознание или дух; коллективная душа; народный дух; дух нации; логические предметы; идеальные предметы; идеальная структура вещи; интерсубъективный мир и т. д. и т. п.

Перечень сходных по смыслу сущностей можно еще долго продолжать. Например, только среди предшественников, создавших теории, сходные с его собственной теорией «третьего мира», К. Поппер (2008, с. 83) указывает Гесиода, Ксенофана, Гераклита, Парменида, Платона, Аристотеля, стоиков, Плотина, Г. Лейбница, Б. Больцано и Г. Фреге.

Трудно напрямую соотносить множество перечисленных мною выше конструктов, даже не созданных в абсолютном своем большинстве, а лишь задуманных разными исследователями, с вербальной психической конструкцией, формирующей то, что я обозначаю понятием *объективная психическая реальность*. Трудности эти обусловлены не только существенными различиями в мировоззрениях исследователей и особенно в концептуализации ими мира и психики, но и незавершенностью их собственных представлений о рассматриваемой ими сущности. Однако совершенно очевидно, что и эти, и многие другие авторы говорили примерно об одном и том же, понимая это каждый по-своему и рассматривая с разных позиций.

Как видно из приведенного выше списка, уже более 2500 лет мыслители обсуждают объективный психический мир, выделяя его наряду с объективным физическим миром и субъективным психическим миром индивидуального сознания.

Большинство перечисленных выше авторов были не психологами, а философами и универсальными мыслителями, занимавшимися самыми разными областями знания. Возможно, именно поэтому обозначенные ими сущности в большинстве своем недостаточно конституированы и аморфны. Предложенные сущности не столько могут претендовать на реальное наличие в мире, сколько подтверждают сам факт наличия в реальности чего-то не очень понятного, но очевидно присутствующего в ней и при этом, несомненно, имеющего отношение к человеческой психике и обществу.

Одни из перечисленных выше сущностей представлены лишь в виде названий. Например, объективный дух (Г. Гегель, 2019, 2019а; Н. Гартман, 2003); групповая душа и групповой дух (М. Шелер, 2011); исторический дух (Н. Гартман, 2003); надындивидуальное сознание, всемирное и мировое сознание (П. Я. Чаадаев, 2011), соборное сознание (С. П. Трубецкой, цит. по: Л. И. Василенко, 2013), коллективный интеллект (Н. Н. Моисеев, 1999) и многие другие.

В некоторых работах представлены краткие определения обозначенных авторами сущностей. Например, М. Шелер (2011, с. 15) рассматривает объективный дух как «воплощенный в какой-либо материи или воспроизводимых психофизических деятельности смысл». Символические универсумы в понимании П. Бергера и Т. Лукмана (1995, с. 157–158) — это системы теоретической традиции, впитавшие различные области значений, матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений.

Абсолютное большинство предложенных сущностей не были сформированы окончательно, хотя и представлены уже вербальными концептами, впрочем, весьма аморфными. Например, сознание классовое и сознание групповое (Л. Уайт, 2004, с. 205; А. Ребер, 2001, с. 289; Р. С. Немов, 2007, с. 403; К. К. Платонов, 1984, с. 89); коллективное сознание (С. Московичи, 1998, с. 163); национальное сознание (Д. В. Ольшанский, 2003, с. 323; В. Г. Крысько и Д. И. Фельдштейн, 1999, с. 176–177). К той же группе сущностей, представленных не вполне завершенными вербальными концептами, можно отнести большую часть и других рассматриваемых исследователями сущностей (общественное сознание, массовое сознание и т. д.)¹.

¹ В. П. Галкин (1997), например, предлагает такой концепт, формирующий сущность, обозначенную словосочетанием «общественное сознание»: совокупность сходных вербальных психических конструкций (терминология моя. — С. П.), имеющихся у множества членов общества (взгляды, представления, идеи, теории), или совокупность сходных реакций и мнений значимой части членов общества на те или иные явления.

Т. Б. Сергеева (2009, с. 115–116) считает общественное сознание целостным образованием, обладающим внутренней структурой, включающей в себя различные уровни (теоретическое, обыденное сознание, идеология, общественная психология) и формы сознания (политическое, правовое, этическое, эстетическое, научное, религиозное, философское).

В. Г. Кузнецов (2007, с. 380) и В. И. Левин (2010, с. 42) рассматривают общественное сознание как совокупность всех результатов духовного творчества людей (взгляды, представления, идеи, политические, юридические, эстетические, этические и другие теории), представленную на двух уровнях — обыденного и теоретического сознания — в таких формах, как мораль, искусство, религия, наука, философия, идеология.

Словосочетание «массовое сознание» исследователи тоже трактуют по-разному. Р. С. Немов (2007, с. 403), например, понимает под этим систему психологических явлений, характерных для больших, неорганизованных объединений людей (масс и толп), включающую в себя знания, убеждения, потребности, нормы, ценности, отношения, общие эмоциональные переживания. Эта система формируется как выражение социально-психологического состояния общества в данный момент и проявляется массовыми настроениями, общественным мнением, а также легитимными и нелегитимными действиями.

Д. В. Ольшанский (2001, с. 355) считает массовое сознание одним из видов общественного сознания. М. Р. Жбанков (1999, с. 406) использует этот термин для обозначения формирующегося под действием средств массовой информации и стереотипов массовой культуры шаблонного, деперсонализированного сознания рядовых граждан развитого индустриального общества, а также для обозначения одной из форм дотеоретического миропонимания, основанной на сходном жизненном опыте людей.

К самой малочисленной группе относятся сущности, определения которых довольно хорошо разработаны их авторами. Это, например, символический универсум Э. Кассирера (1988), который пишет, что у человека есть символическая система: «Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. ... Человек живет не просто в более широкой реальности, он живет как бы в новом измерении реальности. ... Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть» (1988, с. 28–29).

Автор справедливо полагает, что человек настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Даже в практической сфере человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он приводит слова Эпиктета: «То, что мешает человеку и тревожит его, — это не вещи, а его мнения и фантазии о вещах» (1988, с. 29).

Наиболее подробно разработанной представляется мне сущность, предложенная К. Поппером (1983, 2002) и названная им «третий мир».

К. Поппер (1983, с. 439–440) различает три мира, или универсума: мир физических объектов или физических состояний; мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний и, возможно, диспозиций к действию; и мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства. Он указывает, что обитателями его третьего мира «являются прежде всего теоретические системы, другими важными его жителями являются проблемы и проблемные ситуации. Однако его наиболее важными обитателями... являются критические рассуждения и то, что может быть названо — по аналогии с физическим состоянием или состоянием сознания — состоянием дискуссий или состоянием критических споров; конечно, сюда относятся и содержание журналов, книг и библиотек» (1983, с. 440–441).

Он продолжает: «Большинство оппонентов идеи об объективном третьем мире, конечно, допускают, что существуют проблемы, предположения, теории, аргументы, рассуждения, журналы и книги. Но они обычно говорят, что все эти явления по своему характеру являются символическими или лингвистическими выражениями субъективных ментальных состояний или, возможно, поведенческих диспозиций к действию. <...> В противоположность этому я утверждаю, что все эти явления и их содержание нельзя относить ко второму миру» (там же).

По мнению автора, «...третий мир есть естественный продукт человеческого существа, подобно тому, как паутина является продуктом поведения паука... третий мир в значительной степени автономен, хотя мы постоянно воздействуем на него и подвергаемся воздействию с его стороны. Он является автономным, несмотря на то, что он есть продукт нашей деятельности и обладает сильным обратным воздействием на нас, то есть воздействием на нас как жителей второго и даже первого мира... в результате указанного взаимодействия между нами и третьим миром происходит рост объективного знания, и существует тесная аналогия между ростом знания и биологическим ростом, то есть эволюцией растений и животных» (2002, с. 114)¹.

К. Поппер, несомненно, внес важный вклад в понимание проблемы дополнительного по отношению к физической реальности идеального мира. Однако нельзя не отметить, что знакомство с его представлениями об этом мире не позволяет читателю сформировать ясной и целостной картины, а тем более принять в качестве сущностей этого мира многие объекты, помещенные туда автором.

Нельзя, например, согласиться с утверждением К. Поппера (2000, с. 71–72), что этот мир содержит язык, творения человека в живописи, архитектуре и музыке, а также все книги и библиотеки. С тем, что центральная роль в нем отводится понятиям истинности и ложности. Что мир этот даже состоит в значительной степени из физических объектов, таких как книги, здания и скульптуры, и в нем обитают симфонии. Впрочем, автор, видимо, пытается выразить мысль о некоем своеобразии физических объектов своего третьего мира. Но, как мне кажется, это получается не очень удачно.

Так, К. Поппер пишет, что в третьем мире «...есть мраморные скульптуры, такие как скульптуры Микеланджело. Это не просто материальные, физические тела, а уникальные физические тела. Статус картин, архитектурных сооружений, рукописей музыкальных произведений и даже статус редких экземпляров печатных книг в чем-то подобен этому статусу, но, как правило, статус книги как объекта мира 3 совершенно другой» (2000, с. 72).

Однако не вызывает сомнений тот факт, что в любом случае вклад К. Поппера в разработку проблемы ОПр огромен и превышает вклады других исследователей.

Многие исследователи рассматривают отдельные проблемы, вопросы и аспекты того, что я называю объективной психической реальностью.

Г. Бейтсон (2007, с. 17) считает, например, самым известным открытием Платона открытие «реальности» идей. Он пишет (там же), что мы обычно относим обеденную тарелку к реальности, а ее круглую форму — лишь к идеям. Платон же заметил, что воспринимаемый мир содержит множе-

¹ Более развернуто представления К. Поппера о «третьем мире» приведены в Примечании 1.

ство объектов, которые напоминают «круглую форму», приближаются или стремятся к ней, и заявил, что «круглая форма» идеальна (прилагательное от слова «идея». — *С. П.*) и что подобные идеальные компоненты мироздания — реальная основа для объяснения его форм и структур. По словам Г. Бейтсона (там же), для Платона, как и для Уильяма Блейка (1757–1827) и многих других, «вещественный мир», который наши газеты считают «реальным», был чем-то вроде побочного продукта истинной реальности форм и идей, потому что вначале была идея.

В литературе есть множество указаний на сосуществование разных миров. Г. Гегель (цит. по: А. А. Шевцов, 2004, с. 474), например, полагает, что содержание наших знаний составляют отчасти предметы, которые мы познаем посредством чувственных восприятий, отчасти же предметы, основой которых является сам дух. Первые составляют чувственный мир, вторые — умопостигаемый. И, например, правовые, нравственные и религиозные понятия относятся к последнему.

Э. Дюркгейм (2018, с. 733) тоже пишет, что существует два противоположных друг другу мира, к которым мы принадлежим в равной степени. С одной стороны, это мир опыта и ощущений, а с другой — это безличный мир чистого разума.

Рассматривает два мира и Б. Рассел (2000). По его (2000, с. 228) мнению, один представлен вещами, существующими строго определенное время. Другой представлен универсалиями, существующими вне времени. Мир универсалий — это мир бытия, неизменный, строгий, точный. Мир существования изменчив, без точных границ, без ясного плана и организации, но он содержит все чувства и мысли, все чувственные данные, все физические объекты, все, что может вызывать или добро, или зло, все, что изменяет ценности жизни и мира. Оба мира реальны и важны.

Г. Фреге (1997, с. 47) указывает, что следует различать внешний мир чувственно воспринимаемых вещей и область того, что не может быть воспринято с помощью чувств. Например, мысль, высказанная в теореме Пифагора, вневременна, вечно, неизменна.

П. П. Гайденко (2007, с. 188) пишет, что, согласно И. Канту (1965, с. 304), человек — житель двух миров: чувственно воспринимаемого, где он подчинен законам природы, то есть пространственным и временным определениям, и сверхчувственного, где он свободно подчиняет себя умопостигаемому — нравственному — закону, над которым не властно время. И. Кант (1965, с. 304) мыслит сверхчувственный, умопостигаемый мир в качестве «совокупности разумных существ как вещей самих по себе».

Дж. Келли (2000, с. 17) замечает, что, поскольку живой организм способен репрезентировать свое окружение, он может подставлять на его

место альтернативные конструкции и фактически что-то делать со своим окружением, если оно ему не подходит. Тогда мир для живого сознания реален, но отнюдь не непоколебим.

Р. Пенроуз (2011, с. 368) замечает, что, говоря о «мире Платона», мы приписываем ему некий вид реальности, которая определенным образом сравнима с реальностью физического мира. С другой стороны, сама реальность физического мира кажется уже менее очевидной, чем она представлялась до появления теории относительности и квантовой механики, точность которых обеспечивает почти математический абстрактный уровень существования нашей физической реальности. И Пенроуз задает вопрос: возможно, в каком-то смысле эти два мира на самом деле один и тот же мир?

Дж. Лакофф (2004, с. 273–274) указывает, что одним из краеугольных камней объективистской парадигмы является убеждение, что человеческий ум не может творить реальность. Он утверждает ложность этого убеждения и его противоречие данным культурной антропологии. Автор (2004, с. 274–275) утверждает, что культурные категории реальны благодаря человеческой деятельности. Правительства реальны. Они существуют. Однако они существуют только потому, что люди придумали их и затем действовали в согласии с этой концептуализацией. Вообще продукты человеческого воображения играют огромную роль в создании реальности. Деревья и скалы могут существовать независимо от человеческого ума. Правительства — не могут.

Дж. Лакофф (2004, с. 384) доказывает, что многие из наших наиболее важных истин не являются истинами, относящимися к материальному, физическому миру. Они возникают в соответствии с концептуальной системой, о которой нельзя сказать, что она полностью соответствует реальности и независима от человеческого опыта. Человеческий опыт столь же реален, как скалы и деревья, кошки и коврики. Поскольку мы действуем в соответствии с нашей концептуальной системой и поскольку наши действия реальны, наша концептуальная система играет главную роль в создании реальности.

Я могу лишь добавить, что даже физические объекты на самом деле далеко не так независимы от человеческого ума, как принято считать. Но об этом мы подробнее поговорим позже.

М. К. Мамардашвили (2002, с. 21) пишет о существовании некоего культурного котла, в котором человек варится и в котором производится нечто, природой не порожаемое. Сам котел тоже человеческое изобретение. Мифы, ритуалы, символы изобретены человеком, и упаковано все это в многотысячелетнюю историю, «раскрутить» которую почти невозможно.

А. А. Леонтьев (2001, с. 262) подмечает, что человек живет в мире человеческом. Что его отношения к физическому миру преобразуют вещи

в предметы, «одухотворяют» мертвую действительность. Что человек в очень большой степени сам конструирует эту действительность, опредмечивая в ней свою деятельность и создавая среду человеческих предметов, не существующих без человека.

Что же все эти сущности (мир универсалий, значимый мир, дух времени, идеи эпохи, третий мир и т. п.) представляют собой с точки зрения психической феноменологии? Главное, где они пребывают?

В. П. Зинченко (2002, с. 335) замечает, что психология все еще ищет адекватные термины для обозначения этих «третьих вещей», «понимательных вещей», «интеллигибельной материи», как их называл тоже искавший термин М. К. Мамардашвили (2002).

Ему вторит А. Г. Асмолов (2005, с. 225), полагающий, что вопросы о природе надындивидуальных, надсознательных¹ явлений так и остаются только вопросами. Автор задается вопросом: как проникнуть во все эти надындивидуальные бессознательные структуры? Каково их происхождение?

В литературе широко представлены многочисленные попытки исследовать сущности объективной психической реальности (терминология моя. — С. П.), их связи с индивидуальным сознанием и механизмы взаимного влияния.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 258) рассматривает, например, влияние на индивидуума доминирующих в обществе идей разного рода и обсуждает механизмы этого процесса. Он пишет, что индивидуальная жизнь ввергнута в определенные обстоятельства коллективной жизни. И этой коллективной, анонимной жизни соответствует свой мир, свой набор убеждений, с которыми так или иначе приходится считаться и индивиду. Мир коллективных верований, называемый «идеями эпохи», «духом времени», значим сам по себе, помимо и даже вопреки нам.

По словам автора (1997, с. 258), убеждение, каким бы твердым оно ни было, значимо только для человека. Но идеями времени, носящимися в воздухе, убеждениями живет некий анонимный субъект — общество. Они сохраняют значимость, даже если человек их не приемлет. Их категорическую требовательность он чувствует, сколько бы ни отрицал ее. Они налицо, они стоят перед ним с неотвратимостью стены, которую он должен волей-неволей учитывать, поскольку ему не пройти сквозь нее, а нужно безропотно искать дверь или же посвятить жизнь ее пробиванию.

¹ Надындивидуальные надсознательные явления, по мнению А. Г. Асмолова, «...представляют собой прижизненно усвоенные индивидом (как членом той или иной социальной общности) образцы поведения и способы познания, характерные для этой общности. ...Присутствуя в психике субъекта, имеют социокультурное происхождение. ...Играют огромную роль в упорядочении сознательных явлений и организации опыта субъекта. ...Усваивая в онтогенезе эти “образцы”, ребенок создает свою индивидуальную систему значений, которая характеризует его как члена данного общества» (2002, с. 244).

Да, действительно многие идеи «с неотвратимостью стены стоят перед нами». Но как и почему? Они же всего лишь чьи-то старые мысли? Каким образом они трансформировались в окружающую меня объективную реальность, воздействующую на мою жизнь?

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 258) поясняет, что дух времени, значимый мир воздействует на жизнь каждого не просто потому, что он налицо, что я пребываю в нем и в нем же вынужден двигаться и существовать, а потому, что большая часть моего мира, моих верований коренится в коллективном их наборе, совпадает с коллективными верованиями. Дух времени, идеи эпохи, по существу и в подавляющем большинстве живут во мне, стали моими. Человек с малых лет впитывает убеждения своего времени, иначе говоря, включен в общеобязательный мир.

Идеи этого яркого мыслителя¹ вносят много нового в понимание роли объективного психического содержания сознания членов общества.

§ 3. Бывает ли психическая реальность объективной?

Существуют разные определения реальности. Одни авторы рассматривают ее максимально узко, связывая термин с его первоначальным значением: реальность (от лат. *realis* — «вещественный, действительный») — это вещьественность. Однако большинство авторов существенно расширяют значение этого понятия:

- аспекты физического мира, которые могут быть публично и надежно измерены (например, Р. С. Немов (2007, с. 363–364); А. Ребер (2001, с. 182));
- то, что не является продуктом вымысла или фантазии (например, С. Б. Давлетчина (2005, с. 34));
- конструкторы, которые являются выводимыми или поддающимися толкованию с помощью логической индукции или теоретического анализа, но не являются измеримыми в вышеуказанном смысле, в частности гравитация, естественный отбор, личность и т. д. (например, А. Ребер (2001, с. 182));
- то, что человек считает или рассматривает как действительно (лично для него) существующее, например реальность Бога для данного человека, его собственные ощущения, переживания, мысли, свобода воли и т. п. (например, Р. С. Немов (2007, с. 363–364));

¹ См. Примечание 2.

- все то, что индивид считает «реальным». В том числе: добрая воля, призраки, Бог и т. д. (А. Ребер, 2001, с. 182); «все существующее, весь материальный мир, включая все его идеальные продукты, в том числе — реальные ошибки и иллюзии» (Д. Десятерик, 2005, с. 146).

Исходя из широкого определения реальности вряд ли у кого-либо может вызывать сомнения реальность содержания человеческого сознания.

Можно, пожалуй, только отметить, что понятие *реальность* слишком расширилось, а эта сущность слишком расплылась и в значительной степени утратила роль эффективной репрезентации мира. Но данное понятие настолько глубоко вошло в наш язык и гуманитарные науки, что не позволяет нам просто отказаться от него.

Значением слова «объективное» тоже является аморфный вербальный концепт с размытыми границами, поэтому правильнее было бы отказаться и от этого термина. Однако он тоже очень широко используется, и сделать это практически невозможно.

Д. Дэвидсон (1993, с. 145) прав, утверждая, что сама мысль о том, что наши реакции не являются, скажем, простыми откликами на возбуждение нервных окончаний, а относятся к внешним объектам, ситуациям и событиям, зависит от нашей коммуникации с другими людьми, взаимодействующими с теми же самыми вещами.

Иными словами, можно считать объективным то, что сходно репрезентируется сознанием разных людей. И об этом мы можем узнать, только общаясь с ними. Поэтому наиболее распространенным и общепринятым значением слова «объективное» является следующее: нечто реальное, существующее вне индивидуального сознания и независимо от него, доступное иному сознанию и повторно доступное сознанию индивидуума.

Ф. Капра и П. Ф. Луизи (2020, с. 261) пишут, что объективное описание природы стало идеалом, к которому должна стремиться наука. Однако квантовая теория показала, что этот классический идеал объективной науки не работает. Мы пришли к пониманию того факта, что в практике научного исследования всегда неявно присутствуют субъективные измерения, хотя обычно они не находятся в центре внимания. А в науке о сознании даже сами данные, подлежащие анализу, оказываются чем-то субъективным — внутренним опытом.

В то же время на необычный факт объективизации психического давно обращали внимание разные исследователи. В. Дильтей (1996, с. 99), например, замечает, что в языке, мифах, литературе, искусстве и истории мы видим как бы объективированную психическую жизнь, прочное образование, построенное из психических составных частей и по их законам. Э. Гуссерль (2000, с. 572) пишет об идеальных сущностях, обладающих

объективностью, и приводит в качестве примеров прямые отрезки, треугольники и окружности.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 374–375) справедливо полагает, что определенные пласты нашей жизни уже не несут в себе индивидуального содержания, они имеют статус всеобщности, или «объективны». Не могут, например, существовать «индивидуальная» математика или «личный» арифметический счет. Напротив, когда человек мыслит цифрами, он арифметизирует свою субъективную истину, и его истинность состоит именно в подключенности к объективной истине.

Интересную точку зрения высказывает К. Манхейм в своей книге «Идеологии и утопии», вышедшей в свет в 1929 году (цит. по: В. И. Порус, 1998, с. 228): мыслят не люди как таковые, не изолированные индивиды, мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации. Индивид лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него. Он попадает в унаследованную ситуацию с соответствующими ей моделями мышления и пытается разработать унаследованные типы ответа или заменить их другими для того, чтобы более адекватно реагировать на новые вызовы, явившиеся следствием преобразований данной ситуации.

Я бы, впрочем, уточнил, что мыслит все же индивид, но он использует в своем мышлении распространенные в обществе вербальные психические конструкции, чаще всего созданные ранее другими людьми. И мыслит действительно часто «в специфическом стиле», возникшем задолго до него. Иными словами, он вынужден использовать только известные понятия, строго определенную концептуализацию мира и известные теории, созданные обществом до его появления на свет.

К. Хьюбнер (1998, с. 254) обсуждает «исторические правила», под которыми понимает правила, определяющие мышление и поведение людей и действующие не так непосредственно, как естественно-научные законы, только в исторически ограниченное время и на географически ограниченном пространстве. В качестве примеров он приводит поведение римлянина во времена республики, человека эпохи барокко, человека научно-технической цивилизации, поведенческий кодекс джентльмена Британской империи прошлого столетия; правила языка, художественный стиль, правовые и хозяйственные системы, политические идеологии, религиозные ритуалы Античности, Средневековья и современности.

Автор (1998, с. 254) утверждает, что вся наша жизнь с самого начала и до конца определяется такими историческими правилами. Причем в исторических и гуманитарных науках они служат такой же основой для объяснения поведения людей, какой являются в естественных науках законы при объяснении материальных процессов.

Г. Г. Шпет (2007, с. 68) совершенно справедливо утверждает, что идея, смысл, сюжет — объективны. Идея может влезть или не влезть в голову философа. Ее можно вбить в его голову или невозможно. Но она есть, и ее бытие нимало не определяется емкостью его черепа. Даже то обстоятельство, что идея не влезает в его голову, можно принять за особо убедительное доказательство ее независимого от философа бытия.

М. М. Бахтин (цит. по: Б. Мещеряков и В. Зинченко, 2004, с. 517) тоже говорит, что идея — это не субъективное, индивидуально-психологическое образование с «постоянным местопребыванием» в голове человека. Она интериндивидуальна и интерсубъективна. Сфера ее бытия не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями. Идея — это живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний¹.

Учитывая все эти перечисленные выше совершенно верные мысли, нельзя не согласиться с тем, что **объективными могут быть не только доступные восприятию физические сущности, например предметы и физические объекты, в том числе даже языковые конструкции, но и присутствующие в сознании множества людей их одинаковые вербальные репрезентации (одинаковые идеи), способные экстерииоризироваться в форме этих языковых конструкций.**

Следовательно, термин «объективное» можно использовать и для обозначения сходного психического содержания, присутствующего сразу во множестве сознаний, в отличие от того субъективного содержания, которое присутствует лишь в сознании индивидуума. При этом **огромная часть содержания субъективного по своей сути индивидуального сознания является по своему смыслу общим для множества людей, так как очень сходно что-то репрезентирует. То есть субъективная по форме психическая реальность может быть объективной по своему содержанию.** Иначе говоря, **она может быть психической, но одновременно объективной.**

Итак, проблему объективной психической реальности люди с интересом обдумывают и обсуждают, используя самые разные названия, на протяжении последних двух с половиной тысячелетий. Э. Кассирер (2002, с. 30) замечает применительно к тому, что я называю ОНР: «С тех пор как Платон в “Софисте” поставил... проблему системного “общества” чистых идей и форм — ее не оставляют в покое на протяжении всей истории философской мысли».

Впрочем, Ю. Фримен и Г. Сколимовский (2000, с. 268) отмечают, что нет вообще ни одной идеи в современной философии, которую нельзя

¹ С позиций психической феноменологии я готов принять мнение автора, который не был психологом, об интериндивидуальности и интерсубъективности идей лишь в качестве метафоры.

было бы отследить вплоть до Древней Греции. Причем довольно легко можно отыскать предшественников любой новаторской мысли или доктрины. У всех значительных доктрин очень древние корни.

И. Валлерстайн (2020, с. 55) тоже пишет, что практически ни одна картина мира не может претендовать на совершенную новизну. Как правило, несколько десятилетий или веков назад кто-то уже говорил нечто подобное. Поэтому, когда мы говорим о новой системе взглядов, мы имеем в виду, что мир впервые готов всерьез воспринять ее идеи, а возможно, и то, что эти идеи поданы в наиболее достоверном и доступном для большинства людей виде.

Мне представляется, что давно и несомненно назрела необходимость рассмотрения и изучения этой «интерсубъективной» области, этого «символического универсума», а точнее, даже целого мира психических явлений, существующего, как полагает множество исследователей, наряду с миром физическим. Тем более что для всех по-прежнему остается непонятной природа этой огромной области, сущности, ее «населяющие», происходящие в ней процессы и изменения, связь этого «универсума» с индивидуальной психикой и многое, многое другое. Вообще этот мир остается *terra incognita*, неизвестной и ничейной землей, к исследованию которой имеет смысл перейти.

Тезисы

1. Существует область реальности, которая не является физическим миром, но обладает отдельными его свойствами: дана всем людям, не зависит от индивидуального сознания, живет по своим внутренним законам. Она представляет собой нечто вроде объективной, но в то же время психической реальности, присутствующей для людей наряду с объективной физической реальностью.
2. На протяжении двух тысячелетий она под разными названиями — идеальный мир Платона, ноосфера, общественное сознание, массовое сознание, третий мир и т. п. — в разном контексте упоминается и даже обсуждается в научной литературе.
3. До сих пор нет понимания того, что она собой представляет с точки зрения психологии и смежных наук, где она пребывает, как связана с индивидуальным сознанием, как соотносится с реальностью физической и т. д.

Психические предпосылки появления ОПР

§ 1. Реальность и психика

Обсуждать объективную психическую реальность невозможно без предварительного рассмотрения основных представлений о психических феноменах и механизмах, принимающих участие в ее формировании и функционировании. Поэтому еще раз кратко изложу известные и некоторые новые представления о психике и ее явлениях, подробно обсуждавшиеся мною ранее (С. Э. Поляков, 2011; 2017), но имеющие непосредственное отношение к теме книги.

Вне человека существует «реальность в себе», не зависящая от него, если не учитывать его деятельность в ней, но целиком определяющая его жизнь. Она не структурирована в себе самой в форме предметов и явлений, их свойств и действий, так как подобную концептуализацию осуществляет репрезентирующее ее человеческое сознание. Ее нельзя разделить на физический, социальный и психический миры. Она не имеет вне человеческой психики чувственных качеств, то есть невидима, безмолвна, не обладает запахом, вкусом и т. д. Мы не можем знать, что она такое «сама по себе», так как она дана нам только в форме наших же психических репрезентаций.

Все то, что человек обнаруживает в собственном сознании, обладает для него бесспорной, хотя и качественно разной реальностью. Различия в субъективной реальности психических явлений обусловлены особенностями самих психических феноменов — образов восприятия, воспоминания и представления. Характер, или качество, реальности задается в том числе созданной ранее нашими предшественниками и усвоенной нами репрезентацией мира, в рамках которой появляются актуальные репрезентации реальности.

Психика — это нечто вроде создаваемого живым организмом инструмента, предназначенного для репрезентирования «реальности в себе» и действующего в ней организма, а также возможных изменений реальности и организма в будущем. Это специфическое устройство с совершенно непонятной пока науке природой трансформирует никак иначе не постижимую для человека «реальность в себе» в доступную ему антропоморфную предметную и вещественную физическую форму. **Основной функцией психики является адекватное репрезентирование непрерывно изменяющейся «реальности в себе» и действий в ней организма.**

Антропоморфное репрезентирование происходит в человеческой психике — специфической «внутренней среде», или субстрате, создаваемом организмом. Оно делает «реальность в себе» доступной и в определенной степени более понятной, то есть предсказуемой для организма. Все, уже репрезентированное в психике ранее, легко воспроизводится в ней в дальнейшем, а потому знакомо и относительно понятно для организма.

Принято считать, что психика — это функция мозга, то есть она порождается мозгом. Хотя, во-первых, организм в целом, например, играет в ее появлении не меньшую роль, чем мозг. Достаточно, в частности, снизить уровень глюкозы в крови или уменьшить содержание кислорода во вдыхаемом воздухе, чтобы человек потерял сознание. Во-вторых, известно, что тело и психика оказывают друг на друга заметное для наблюдателя влияние. Следовательно, характер связи между мозгом и психикой нам до сих пор не вполне понятен.

Психика проявляется в виде разных психических явлений, или феноменов: простых — ощущения, мгновенные психические образы¹, эмоции и желания, и сложных — психические конструкции (чувственные, вербальные и смешанные).

Простые психические феномены — это то, что невозможно разложить на более элементарные явления, например ощущения и мгновенные образы. Самыми короткими по продолжительности (десятки и сотни миллисекунд) ментальными образами являются мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления). В субъективном психическом настоящем времени «помещается» по крайней мере несколько последовательных мгновенных образов, репрезентирующих то, что только что было, но уже ушло, и то, что только что появилось в окружающем мире (а соответственно, и в нашей психике).

Ассоциируясь между собой, ощущения и мгновенные образы способны формировать новые сложные психические феномены — психи-

¹ Мгновенными зрительными образами восприятия я называю сенсорные визуальные феномены, существующие в сознании минимальное время и субъективно оцениваемые как факт наличия внешнего объекта. Есть также мгновенные образы представления и воспоминания.

ческие конструкции. Простые психические феномены могут возникать и существовать в сознании самостоятельно, не нарушая этим единства психических конструкций, в которые могут входить в качестве структурных элементов.

Сложные психические феномены, или психические конструкции, — это не просто случайные наборы связанных между собой мгновенных образов и ощущений, обладающие лишь суммой свойств этих явлений, а самостоятельные новые целостные психические феномены с новыми свойствами. Новое целое, возникающее в результате такой ассоциации, больше, чем сумма составляющих его частей, и способно выполнять в психике новую функцию — репрезентировать сущности окружающего мира и самой психики. Психические конструкции бывают чувственные, вербальные и смешанные.

Важнейшей частью психики является то, что принято называть «я» или «самость». «Я» — это в первую очередь интегрированная психическая репрезентация организма-носителя — активно действующего в мире тела со всей совокупностью проприоцептивных, интероцептивных, тактильных, кинестетических, болевых, температурных и других ощущений от него и образов восприятия его частей, а также репрезентация самой психики, порождаемой этим телом. Все эти репрезентации создают специфическое комплексное и интегрированное ощущение наличия в данный момент и существования во времени уникального «я», или переживания собственного присутствия в мире. Своего рода совокупная репрезентация уникальных психических репрезентаций.

Анализ содержания собственного сознания обнаруживает в нем несколько разных частей: 1) последовательность меняющихся зрительных образов восприятия объектов, доступных взгляду, и слышимых звуков, ощущения; 2) глобальную модель-репрезентацию окружающего мира (представляемо-вспоминаемый образ окружающего мира, или картину мира в форме условной, приплюснuto-вытянутой в разном направлении сферы диаметром от нескольких метров до бесконечности); 3) переживание наличия «я» (чувство «я»); 4) то, что можно назвать «преимущественно вербальным телетайпом», — последовательно возникающие в сознании понятия и конструкции из них, невербальные образы воспоминания и представления, тоже репрезентирующие окружающий мир и собственные психические явления, «я» и даже сам факт рефлексии психикой собственных вербальных и чувственных репрезентаций, то есть нечто вроде «репрезентации репрезентаций репрезентаций».

Возникающие в сознании психические явления представляют собой психические репрезентации, то есть не «зеркальные отражения» элементов «реальности в себе», как полагали раньше большинство исследователей, а лишь адекватные в разной степени психические знаки этой реальности.

Загадка в том, что эти репрезентации, если мы правильно понимаем сущность психических явлений, возникают как бы для кого-то. Как репрезентации они не могут формироваться сами для себя.

Исходя из нашего опыта и унаследованных нами от предшественников трафаретов миропонимания, кто-то или что-то должно подвергать их рассмотрению. Говоря метафорически, если кино никто не смотрит, его создание и существование не имеют смысла. Если мы отказываемся от такой аналогии, нам придется признать, что психические явления, возможно, не являются репрезентациями.

Попытка объяснить ситуацию тем, что организм создает психические репрезентации для себя, является ответом лишь по форме, но не по содержанию, так как кто-то или что-то в организме должен их рассматривать и делает это. В итоге вопрос о том, кто или что субъективно противостоит нашим репрезентациям и рассматривает их, так и остается пока без ответа.

Психическое репрезентирование протекает на двух уровнях — сенсорном (в форме ощущений и ментальных образов — зрительных, слуховых, тактильных и т. д.) и вербальном. Чувственные репрезентации являются непосредственными, или прямыми, репрезентациями «реальности в себе». Они репрезентируют ее в рамках, определяемых нашими органами чувств, и в специфически антропоморфном виде. Например, в форме света, цветов, звуков, вкусов, запахов и т. д. Перцептивные репрезентации обладают специфическими качествами несомненной реальности, предметности, физической «вещественности»¹ и независимости от воспринимающего их субъекта.

Вербальные образы — это тоже сенсорные (зрительные, слуховые или тактильные) образы, но образы слов, или простых физических объектов, получивших в сознании людей дополнительное, символическое значение и превратившихся в результате этого из первоначальных репрезентаций звуковых или графических объектов — слов в репрезентации совершенно иных сущностей, обозначаемых этими словами.

¹ Между принципиально разными чувственными и вербальными человеческими репрезентациями одних и тех же элементов «реальности в себе» часто возникают неразрешимые противоречия. Одно из них касается понятия *вещество*. Так, наши вербальные репрезентации однозначно исключают наличие в мире этой сущности. Тогда как чувственные репрезентации с еще большей убедительностью доказывают нам факт ее присутствия. Для меня лично это понятие обозначает нечто совершенно реальное и несомненно данное каждому человеку в виде множества его чувственных репрезентаций, в наличии которых он в принципе не может сомневаться. Другими словами, я вкладываю в понятие *вещество* не вполне привычный смысл — нечто, доступное нашим органам чувств, данное нам сенсорно. Соответственно, понятие *вещественность* репрезентирует одно из свойств этого нечто, заключающееся именно в его чувственной доступности людям, в его чувственной данности нам. **Вещественное означает чувственно данное нам.**

Сложность понимания мира и психики заключается в том, что **не существует психических и физических явлений, как до сих пор считает большинство исследователей, несмотря на многократные опровержения декартовского дуализма.** Есть лишь психические явления и доступная нам только через них «реальность в себе». Следовательно, **все доступные нам, например, специфические физические сущности представлены в такой форме исключительно в нашей же психике, что, впрочем, никак не отменяет существования объективной «реальности в себе» вне нашего сознания.**

Психика содержит в себе одновременно и то, что принято считать физическими сущностями (представлены в ней образами восприятия), и то, что принято считать психическими сущностями (образы представления или воспоминания, понятия, эмоции и т. д.). Даже физический предмет дан человеку только в форме его (человека) психических репрезентаций. Более того, **психические образы восприятия предмета и есть сам предмет. Конститулируемый психическими феноменами сознания предмет, не являясь для здравого смысла психическим, фактически не существует как чувственно данный предмет вне человеческого сознания. Он является одновременно и физическим (для сознания), и психическим (по сути).**

Предмет конституируется психикой в месте локализации соответствующего элемента «реальности в себе». Образы его восприятия обладают всеми свойствами предмета — предметностью, реальностью, полнотой или завершенностью, целостностью, достоверностью, дистальным характером по отношению к наблюдателю, находятся во внешней реальности и т. д. Это объясняется тем, что, оставаясь совокупностью психических феноменов, они являются, однако, для человека единственным оригиналом, то есть подлинником того, что человек привык считать физическим предметом.

Формируя предметный физический мир, индивидуальное сознание создает психическую по происхождению, но вещественную, физическую по форме глобальную перцептивную чувственную репрезентацию «реальности в себе», которую принято называть общим для всех людей окружающим физическим миром.

Психика не отражает, не воспроизводит и не копирует «реальность в себе», а конституирует и конструирует, то есть заново созидает ее в себе, используя психические феномены для формирования своей личной физической предметной реальности. **Собственными психическими средствами психика конституирует то, что было принято называть раньше «веществом» и «материей». «Идеальная», как принято считать в соответствии с доминирующей в современной науке объективистской парадигмой, психика создает в себе не только психические, но и физические сущности — рассматриваемые ею же затем в качестве окружающих предметов, физических объектов и явлений.**

Психика формирует в себе антропоморфный предметный физический вещественный мир в строгом соответствии с «реальностью в себе». При этом она пользуется психическими сущностями, отсутствующими в «реальности в себе» без человека. Например, такими, как свет, цвета, звуки, запахи, разный вкус и т. д. Все они конституируются исключительно в психике благодаря специфическим психическим ощущениям света, цветов, звуков, запахов, вкуса и т. д.

Привычная нам физическая предметная реальность, представляющая собой лишь человеческую психическую репрезентацию «реальности в себе», не изоморфна «реальности в себе», а является антропоморфным ее представлением. Причем так называемый общий предметный физический мир существует в форме миллиардов уникальных субъективных вариантов (по числу живых людей). Конституируемые каждым индивидуальным сознанием антропоморфные репрезентации «реальности в себе» зависят как от нее, так и от конкретного сознания.

Вместе с тем индивидуальный субъективный предметный мир очень сходен у разных людей вследствие общей для всех «реальности в себе», биологического сходства людей и их постоянной коммуникации друг с другом. И все же составное понятие *общий объективный физический мир* обозначает лишь особый концепт, вербально репрезентирующий чувственно конституированную людьми и якобы присутствующую вне их сознания сущность.

Психических явлений, совсем не несущих информацию¹, наверное, не бывает. Сам факт их возникновения уже что-то репрезентирует. **Все психические явления сопровождаются специфическим субъективным чувством переживания их наличия и реальности, то есть их осознанием.** Другое дело, что конкретные репрезентации могут быть в разной степени понятны сознанию в данный момент или даже почти непонятны.

§ 2. Психические феномены и процессы, обеспечивающие формирование сущностей мира

До сих пор не только в общественном мнении, но и в естествознании доминирует представление о том, что в окружающем человека мире независимо от людей присутствуют самые разные сущности — физические, социальные, психические и др. Они представлены там в виде предметов, разного рода объектов, явлений, свойств и т. д. Хорошо об этом написал

¹ Информация — совокупность психических феноменов, или некое психическое содержание, репрезентирующее людям какой-то аспект «реальности в себе». Данное психическое содержание потенциально доступно передаче от одного человека к другому с помощью языковых конструкций или иных знаковых систем.

Дж. Лакофф: «Одним из краеугольных камней объективистской парадигмы является независимость метафизики от эпистемологии. Мир такой, какой он есть, независимо от любых понятий, мнений или знаний, которые имеют люди. Другими словами, ум людей не может творить реальность. Я берусь утверждать, что это ложно и противоречит почти всему, что известно из культурной антропологии» (2004, с. 273–274).

Я согласен с автором и считаю, что в окружающей нас «реальности в себе» без человека нет никаких сущностей. Кстати, именно **психика репрезентирует «реальность в себе» сущностно**. Она выделяет в непрерывном потоке собственных репрезентаций сходные повторяющиеся фрагменты и на их основе формирует психические инварианты — сложные психические феномены, или психические конструкции. С их помощью она репрезентирует то, что рассматривает затем в качестве сущностей окружающего мира.

Сущность — это нечто, рассматриваемое сознанием как внешнее и самостоятельное по отношению к нему¹, нечто, объективно присутствующее в окружающем антропоморфном мире (или в самой психике, если обсуждаются ее собственные сущности) и доступное рассмотрению со стороны сознания в качестве противостоящего ему объекта.

Психика создает сущности физические, или вещественные, и неведущие. Первые — это, например, дерево, ветер, облако. Вторые — это, например, власть, свобода, выбор, энергия, инерция и т. п. Первые доступны восприятию. Вторые — нет, но они присутствуют, как нам кажется очевидным, в нашей жизни и характеризуются автономным от нас существованием.

Для формирования сущностей человеческая психика создает сложные психические явления, или психические конструкции. С их помощью сознание конституирует и конструирует сущности и помещает их обратно в созданный им антропоморфный мир. Устойчивые психические конструкции, например модели-репрезентации предметов и вербальные концепты более сложных сущностей, будучи инвариантами, упрощают мир и облегчают людям его понимание.

Психические конструкции превращаются в репрезентации разнообразных сущностей лишь после ассоциирования с образами обозначающих эти сущности слов. Неизвестное человеку, то есть ничего не обозначающее для него слово само по себе бессмысленно и бесполезно. Но, ассоциируясь в сознании с репрезентацией определенной сущности, образ конкретного слова приобретает в результате дополнительное значение и превращается для человека в понятие.

¹ Вопрос о соотношении сознания и психики будет затронут ниже.

Вероятно, формируя психические конструкции, репрезентирующие сущности, и обозначая их образами легко создаваемых и узнаваемых маркеров — слов, человеческая психика непроизвольно стремится не только организовать исходно аморфный и непрерывно меняющийся поток своих репрезентаций, но и обеспечить возможность опосредованной передачи другим людям собственного психического содержания.

Репрезентации сущностей окружающего мира, их действий, связей и отношений не порождены человеческой фантазией, а являются способом наиболее простого и вместе с тем адекватного психического представления того, с чем люди сталкиваются, пребывая и действуя в «реальности в себе». То есть **эти сущности в абсолютном своем большинстве являются не вымыслом, а антропоморфными репрезентациями элементов «реальности в себе» в психике.**

Психологии, по-видимому, следует признать, что **главным результатом функционирования человеческой психики и сознания является не формирование психических явлений — понятий и вербальных конструкций, а построение в психике сущностей окружающего мира и оперирование ими.**

В процессе онтогенеза психические феномены индивидуального сознания постепенно усложняются. Формируются все более сложные явления, сначала чувственные, а потом и вербальные психические конструкции. Ассоциируясь с образами слов, они превращаются в концепты, репрезентирующие разные сущности мира. Вербальные концепты постепенно усложняются, а представляемые ими сущности становятся все более умозрительными. Тем не менее **между самым элементарным ощущением и самой сложной вербальной конструкцией, репрезентирующей наиболее отвлеченную сущность, есть феноменологически очевидная связь.**

Ощущение и вербальная конструкция представляют собой начальное и конечное звенья одной цепи: 1) ощущение → 2) психический образ, в том числе мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления) → 3) чувственная психическая конструкция = модель-репрезентация = чувственный концепт → 4) понятие = психический образ известного слова → 5) вербальная конструкция, в том числе вербальный концепт.

Давайте подробнее рассмотрим некоторые вопросы феноменологии этих психических явлений¹.

¹ Более подробное обсуждение психической феноменологии репрезентаций представлено в специальных работах (см.: С. Э. Поляков, 2011; 2017).

Ощущения и ментальные образы

Как можно заключить, исходя из приведенных ниже¹ и далеко не самых плохих определений этих психических явлений, у нас нет тех определений, которые могли бы вполне удовлетворять, поэтому самым эффективным вариантом пояснения того, что они собой представляют, является отсылка к интроспекции, что я уже предлагал в своих работах ранее.

По моему мнению, ощущение и образ восприятия (зрительные, например) — явления одного порядка, различающиеся лишь уровнем своего развития или степенью дифференцированности их свойств. Ощущение свидетельствует, что нечто есть, а ментальный образ раскрывает, что это нечто представляет собой в сравнении с другими, даже очень похожими на него нечто.

Вызываемые предметом ощущения — это не репрезентации каких-то дополнительных сущностей — свойств предмета, как представляется естественным нашему здравому смыслу. Это, как и образы восприятия, репрезентации того же предмета, отличающиеся от образов его восприятия лишь иной чувственной модальностью и степенью сложности. Правильнее поэтому говорить не об ощущениях и образах восприятия, как принято в отечественной психологии, например, а лишь об образах восприятия разной модальности и разной степени информативности, которая обусловлена особенностями развития соответствующих органов чувств.

Психические конструкции

Психические конструкции относятся к сложным психическим феноменам. Психическая конструкция обычно не существует в сознании в каждый конкретный момент целиком, а разворачивается в нем во времени. В следующий момент в сознании появляется ее новая часть, представляющая, однако, как и предыдущая, всю конструкцию в целом. Психическая конструкция уникальна, самостоятельна и независима от других психических конструкций. Это отдельная форма сложных психических феноменов, самостоятельное целостное психическое явление, создаваемое сознанием для репрезентации отдельных сущностей.

¹ Ощущение — «...элементарный опыт чувства... о каких-либо состояниях внутри или вне тела...» (А. Ребер, 2001, с. 590).

Зрительный образ восприятия является наиболее типичным примером ментального образа. А. Ребер (2001, с. 530–531), например, объясняет его как нечто похожее на мысленную картинку, являющуюся аналогом сцены из реального мира.

Можно выделить три основные группы психических конструкций, сильно различающихся между собой: чувственные (например, модели-репрезентации предметов), вербальные (например, вербальные концепты) и смешанные, которые составляют большую часть концептов. Психические конструкции делятся также на конструкции, являющиеся концептами, и на прочие конструкции.

Чувственные психические конструкции

Чувственные психические конструкции состоят из множества жестко ассоциированных между собой мгновенных ментальных образов и/или ощущений. Они бывают мономодальными (например, зрительная или слуховая) и полимодальными. Полимодальная психическая конструкция возникает в сознании как удивительный синтез разномодальных, а потому радикально различающихся между собой и, казалось бы, принципиально несопоставимых друг с другом психических явлений — разных по модальности сенсорных репрезентаций одного и того же аспекта «реальности в себе».

Д. Беркли (2000, с. 39, 65, 82–83) указывает, что в процессе восприятия в сознании возникают совершенно разные, несопоставимые и несоизмеримые по своей форме и содержанию репрезентации одного и того же элемента реальности.

Из этого следует, что нельзя, например, никак сопоставить желтый цвет и кислый вкус или ощущение гладкости и запах лимона. Тем не менее сознание объединяет их в единую чувственную психическую конструкцию, чувственно конституируя новый предмет — лимон. Разномодальные психические феномены объединяются в новую целостность благодаря «единству сознания», описанному И. Кантом (1994, с. 101, 104).

Можно сказать, что не только предмет обуславливает связь своих репрезентаций в сознании. Их связь — результат действий сознания, которое объединяет многообразное содержание собственных образов и ощущений в целостную репрезентацию предмета, физического объекта или явления — чувственную психическую конструкцию.

Итогом накопления в памяти разных репрезентаций, формирующих конкретный предмет А, например, оказывается возникновение в сознании чего-то узнаваемого и однозначно расцениваемого человеком как известный ему предмет (объект) А, отличный от других, даже сходных с ним предметов (объектов) Б и В. Это «нечто» и есть тот психический

инвариант, то сложное психическое явление, или устойчивая психическая чувственная конструкция, которая чувственно репрезентирует известный человеку предмет (объект) А. Данную психическую сущность я называю моделью-репрезентацией определенного предмета (объекта или явления) А.

Модели-репрезентации

В отличие от ментальных образов и ощущений модель-репрезентацию следует рассматривать как сенсорную психическую репрезентацию следующего по сравнению с ними уровня сложности. С момента ее появления начинается конституирование сознанием в окружающей реальности чувственно репрезентируемых им сущностей — предметов, физических объектов и явлений. Феноменологически модель-репрезентация знакомого предмета является совокупностью образов воспоминания и представления этого и даже, возможно, сходных с ним предметов, с которыми человек уже сталкивался в прошлом, в динамике их разнообразных изменений.

Модель-репрезентация не просто сумма входящего в нее множества образов представления и воспоминания. Ее элементы выступают как части некой целостности — психического гештальта, имеющего дополнительное качество, заключающееся в том, что любая часть модели-репрезентации полноценно замещает ее в сознании. Следовательно, каждая ее часть эффективно выполняет также функцию репрезентирования соответствующего будущего предмета.

Модель-репрезентация предмета существует в сознании как самостоятельный психический объект и как чувственное знание о предмете. Наконец, как сам этот будущий предмет, который превратится в предмет, когда получит название. Например, мономодальная зрительная модель-репрезентация некоего «нечто» превращается для ребенка в чувственный концепт предмета тогда, когда ассоциируется в его сознании с образом слова, обозначающего этот предмет.

Имеющаяся в сознании модель-репрезентация позволяет нам мысленно «увидеть» знакомый предмет сразу и в целом как единую сущность. Она обеспечивает не только наличие целостной репрезентации предмета в сознании даже при отсутствии его восприятия, но и субъективную тождественность предмета самому себе. Тождественны самим себе в разные периоды времени не якобы объективно существующие вне человека

предметы, а модели-репрезентации этих предметов, присутствующие в сознании в виде инвариантов.

Модели-репрезентации являются психическими объектами, которыми манипулирует человеческое сознание, основными содержательными чувственными единицами сознания, имеющими понятный человеку смысл. Несмотря на то что мы всегда воспринимаем лишь какие-то части видимых нами предметов и объектов, все они остаются для нас едиными тождественными самим себе сущностями потому, что в нашем сознании имеются их модели-репрезентации.

Модель-репрезентация известного человеку предмета не является чем-то раз и навсегда данным ему, неизменным и статичным. Она видоизменяется в течение жизни в результате взаимодействия человека с репрезентируемым ею элементом «реальности в себе». Даже всплывающая в сознании, она как бы «течет», так как составляющие ее элементы сменяют друг друга. Это, однако, не мешает ей быть очень устойчивой, стабильной.

Фактически модель-репрезентация определенного предмета — это чувственная психическая конструкция, представляющая его в сознании. Вводя понятие *модель-репрезентация*, я старался подчеркнуть тот факт, что в сознании могут существовать полноценные физические сущности — предметы, физические объекты и явления даже без их актуального восприятия. И сознание способно ими манипулировать. Именно поэтому я раньше не ставил знак равенства между моделью-репрезентацией и чувственной конструкцией.

Кроме того, я хотел разграничить модель-репрезентацию объекта и чувственные психические конструкции, репрезентирующие более сложные сущности, например ситуацию, событие, город Москву, Большой Каньон и т. п. Хотя одновременно с понятием *модель-репрезентация объекта* я использовал понятие *глобальная модель-репрезентация*, понимая его как чувственную психическую конструкцию, представляющую в сознании окружающий, потенциально доступный восприятию физический мир в целом.

Вербальные образы

Слова — это легко создаваемые и воспринимаемые людьми простые искусственные физические объекты (звуковые и графические), доступные слуховому и зрительному восприятию. Восприятие слова вызывает появление

в сознании его ментального или вербального образа¹. Слуховые и визуальные образы слов могут быть понятными (если они ассоциированы с определенными имеющимися в сознании концептами) и непонятными человеку (если они не ассоциированы с концептами, то есть слова ему неизвестны).

Специфика ментальных образов известных человеку слов заключается в том, что каждый из них репрезентирует ему не столько само определенное слово, сколько обозначаемую данным словом иную сущность окружающего мира или самого сознания. При этом феноменологически вербальные образы физических объектов — слов отличаются от невербальных образов прочих физических объектов лишь наличием у образов слов этого дополнительного по очередности появления, но главного по сути значения.

Понятия

Психические (ментальные) образы слов языка, несущие понятный ему смысл, я называю понятиями. Следовательно, понятие — это только и всегда вербальный образ, или образ слова, обозначающего известную человеку сущность (предмет, объект, явление и т. д.). Значениями понятий в психике являются чувственные, вербальные и смешанные относительно стабильные психические конструкции, или концепты.

Образ слова, обозначающего новую сущность, маркирует в психике ее концепт, делая сущность заметной и потенциально доступной другим людям, интериоризировавшим данное понятие. Модель-репрезентация превращается в чувственный концепт определенного предмета, лишь когда ассоциируется в сознании с образом слова, обозначающего данный предмет.

Однако понятие — это не просто нечто вроде ярлыка для концепта. Оно способно полноценно заменять собою концепт в сознании, а потому вербальный образ становится новым самостоятельным психическим феноменом, важнейшим элементом вербального мышления. Возникновение понятий у людей сильно уменьшило проблему субъективных различий между уникальными индивидуальными чувственными концептами, репрезентирующими у разных людей одну и ту же сущность. Оно позволило замещать в их сознании уникальные сложные субъективные концепты чувственными репрезентациями гораздо более простых физических объектов — слов.

¹ Термин «вербальный» определяют как словесный, состоящий из слов или выраженный в словах (см. например, А. Ребер (2001, с. 123)). Соответственно, словосочетание «вербальный образ» я использую как аналог словосочетания «образ слова», во всех случаях понимая под этим только психический образ слова.

Вербализация

Вербализация¹ всегда протекает в рамках определенного языка и подчиняется его специфической системе концептуализации. Перевод чувственных репрезентаций в вербальные образы, а затем в слова конкретного языка не просто радикально меняет форму психического репрезентирования реальности, но и особым образом структурирует антропоморфный мир. Вербальные репрезентации формируют в нем новые сущности, делают заметными связи и отношения между ними.

Вербальные репрезентации

Благодаря вербальным конструкциям люди не только вербально конституируют (или повторно по-новому репрезентируют) реальность, доступную восприятию и обычно уже чувственно репрезентированную ими, но и «препарируют», «расчленяют» и видоизменяют ее. Репрезентируя вербально реальность, недоступную восприятию, человек создает по механизмам аналогии вербальные конструкции, которые могут стать, а могут и не стать адекватными ее моделями. Последнее зависит от того, насколько эффективно они позволяют прогнозировать будущие изменения реальности и результаты действий человека в ней.

Вербальные репрезентации субъективно столь же реальны для человека, как и чувственные психические явления, например невербальные образы восприятия, представления и воспоминания. Человек, воспринимающий известные ему слова, понимает их так же немедленно и непосредственно, как он понимает образы восприятия знакомых ему предметов. Это обеспечивает высокую эффективность вербального мышления и облегчает коммуникацию между людьми.

Концептуализация

Выделение сознанием в процессе репрезентирования мира отдельных сущностей в нем, обозначаемых при этом словами, следует называть концептуализацией. Говоря метафорически, концептуализация — это «нарезание» мира людьми на множество сущностей в процессе его вербального репрезентирования. Следовательно, концептуализацию мира определяет

¹ Понятие «вербализация» имеет несколько значений. 1. Замена субъективных чувственных концептов понятиями и конструкциями из них, то есть повторное моделирование чувственно репрезентированной уже реальности. 2. Мысленное построение вербальных конструкций, описывающих и объясняющих недоступную восприятию реальность, формирование этой реальности. 3. Экстериоризация психического содержания собственного сознания с помощью слов языка.

не только сама «реальность в себе», но и сознание. Представители каждого общества, обладающего уникальным языком, осуществляют ее с помощью создаваемых ими стабильных психических конструкций, или концептов, репрезентирующих жизненно важные именно для данного общества сущности и маркируемых образами обозначающих эти сущности слов.

Люди концептуализируют и обозначают словами, а главное — сохраняют потом в языке обозначения лишь значимых для них элементов мира. И чем важнее для них какая-то грань реальности, тем более детально они ее концептуализируют, тем большее количество сущностей формируют из ее репрезентаций и обозначают словами языка. Созданная однажды специфическая концептуализация конкретной области мира полностью определяет последующее ее понимание новыми поколениями. Она принимается обществом и передается с помощью языка новым поколениям. Это происходит до тех пор, пока кто-то из людей не концептуализирует ту же область мира по-другому, сформировав в ней новые сущности и обозначив их иначе.

Можно воспринимать нечто в окружающем мире, но как бы не замечать его, то есть не выделять в видимом мире и, следовательно, не мыслить о нем как об отдельной сущности. Только после того, как кто-то первым выделит (конституирует) эту новую сущность в потоке собственных репрезентаций и обозначит ее специальным словом, остальные люди тоже приобретают возможность выделять и воспринимать это нечто в мире как особый объект.

Концептуализировать один и тот же аспект «реальности в себе» можно по-разному, то есть на основе одних и тех же референтов можно создать альтернативные сущности, которые одинаково успешно будут его репрезентировать. Нет и не может быть единственно верной вербальной концептуализации реальности, а сформированные вербальными концептами ее новые сущности далеко не всегда идеально соответствуют ей. Недостаточно адекватная концептуализация создает в дальнейшем трудности для познания и порождает в науке множество псевдопроблем. Учитывая несовершенство нашей концептуализации мира, мы должны постоянно проводить ревизию своих концептов.

Концепт

Каждое понятие имеет ясное для человека значение лишь благодаря ассоциированному с ним конкретному концепту, репрезентирующему в сознании определенную сущность. Концепт — стабильная психическая конструкция, являющаяся значением слова, обозначающего определенную сущность реальности. Он несет комплексную информацию об этой сущности, выражая представления людей о мире, отмеченные этнокультурной спецификой.

Каждое знакомое слово актуализирует в сознании человека уникальный концепт. Концепты, как и психические конструкции, бывают чувственными, вербальными и смешанными¹. Можно дать поэтому и такое определение концепта — устойчивая психическая конструкция (чувственная, вербальная или смешанная), репрезентирующая конкретную сущность и ассоциированная в сознании с образом слова, обозначающего данную сущность.

Понятия и концепты

Понятие не существует без концепта, и наоборот. Они оба и всегда в связке репрезентируют некую сущность, имеющую практическое значение для людей. Лишь ассоциируясь с образом слова, психическая конструкция становится концептом и как бы включается через данное слово в сферу языка, приобретая возможность опосредованной трансляции с помощью этого слова от человека к человеку.

В свою очередь, с помощью слов языка можно получить доступ к концептам индивидуального сознания. Не бывает поэтому концептов, не ассоциированных с понятиями и якобы существующих независимо от слов, как полагают некоторые исследователи. Встречаются лишь не ставшие пока концептами психические конструкции, репрезентирующие еще не обозначенные словами и лишь могущие появиться в будущем сущности.

Вербальные психические конструкции

Понятия можно метафорически сравнить с самыми мелкими фрагментами игры «Лего», так как из них сознание строит все свои вербальные конструкции. Вербальная психическая конструкция — это конструкция, составленная из понятий, то есть образов понятных человеку слов. Вербальные конструкции бывают двух видов: стабильные и изменчивые. К первым относятся вербальные концепты. Ко вторым — прочие вербальные репрезентации реальности.

Понятия и вербальные конструкции могут замещать собой чувственные репрезентации, участвующие в мышлении, тем самым облегчая и упрощая его. Они обеспечивают передачу психического содержания в процессе коммуникации между людьми. Актуализируя сходные концепты в сознании участников коммуникации, понятия делают возможной унификацию содержания сознания разных людей и построение у них сходной картины мира. Они создают условия для негенетического наследования сходных преимущественно вербальных репрезентаций мира.

¹ См. Примечание 3.

Изменчивые вербальные конструкции

Изменчивые вербальные конструкции названий не имеют, то есть не ассоциированы с образами слов, но тоже используются сознанием для репрезентирования реальности. К ним относятся, например, пропозиции — самые короткие осмысленные вербальные репрезентации реальности (*пошел дождь, море волнуется, сильный ветер* и т. п.).

Изменчивые вербальные конструкции (например, идеи, мнения, оценки, взгляды и т. д.) репрезентируют уже не отдельные сущности, а большие фрагменты окружающего мира. Люди непрерывно создают их для представления характеристик, связей, функций, изменений и взаимозависимостей сущностей в доступном для понимания виде. Такие конструкции являются уже элементами знаний и заблуждений. Некоторые вербальные конструкции репрезентируют даже наиболее общие представления человека о себе, об окружающем и его собственном месте в мире, о базовых человеческих ценностях, о целях и путях их достижения и т. д. (например, убеждения).

Стабильные вербальные (и языковые) конструкции, не являющиеся концептами

Есть небольшая группа стабильных вербальных конструкций, которые, однако, не являются концептами. Они представляют собой наиболее общие репрезентации мира, сформированные людьми. Эти вербальные репрезентации могут быть прямыми (естественно-научные законы) и иносказательными (пословицы и поговорки), научными и бытовыми, завершенными и незавершенными, поучительными, рифмованными, эмоционально окрашенными и т. д. К этой же группе относятся и многие неизменяемые факты, например исторические.

Вербальные концепты

Стабильные вербальные конструкции, являющиеся репрезентациями сущностей реальности, называются вербальными концептами. Они всегда ассоциированы с образами слов, обозначающих данные сущности. Только ассоциируясь с образом слова, вербальная психическая конструкция становится концептом. Ее физическим аналогом является соответствующая конструкция языка.

Все вербальные концепты были целенаправленно сформированы кем-то из людей в прошлом для репрезентирования сущностей мира (физических, социальных, психических, трудно квалифицируемых, просто

вымышленных и т. д.). Сознание создает вербально конституированные и сконструированные им сущности по образцу физических сущностей, репрезентируемых чувственно. Абсолютное большинство сущностей, образованных с помощью вербальных концептов, недоступны непосредственному восприятию. Однако люди даже гипостазиируют некоторые из них, превращая в якобы присутствующие в вещественном физическом мире.

По самой своей природе некоторые вербальные концепты неоднозначны и нечетко очерчены, потому что репрезентируют области «реальности в себе» с размытыми границами, нередко плохо доступные или вовсе недоступные восприятию. Однако данное обстоятельство не мешает большинству этих концептов быть вполне адекватными реальности и полезными людям. Тем более что исследователи в любой момент могут подвергнуть свои концепты (и понятия) ревизии, что периодически и делают.

Конституирование новых сущностей

Конституирование — это образование концепта, репрезентирующего новую сущность на основе чувственных репрезентаций. Можно выделить чувственное и вербальное конституирование. Первое происходит в результате отождествления в сознании кого-то из людей его новой модели-репрезентации с новой физической сущностью окружающего мира и связывания ее с образом нового слова, созданного или использованного человеком для обозначения этой сущности. Такой, например, как обнаруженный сравнительно недавно «большой летающий посум» — самое крупное сумчатое, способное парить в воздухе (В. Е. Соколов, 1984, с. 21).

Вербальное конституирование происходит, например, в результате консолидации в сознании человека многих разных чувственных репрезентаций в смешанный концепт с помощью специально созданной им вербальной конструкции. Скажем, такой: *зверь — это дикое хищное животное: волк, медведь, тигр и т. д.* Итоговый смешанный концепт представляет собой вербальную конструкцию, иллюстрируемую разными моделями-репрезентациями хищников.

Конструирование новых сущностей

Конструирование — это создание сознанием с помощью воображения и как бы на пустом месте концепта, репрезентирующего новую сущность. Как и конституирование, оно может быть чувственным и вербальным. Чувственное конструирование — это построение нового чувственного концепта, по сути дела, новой «синтетической» модели-репрезентации

(и сущности) из фрагментов моделей-репрезентаций известных физических сущностей и обозначение ее новым словом, например «кентавр», «минотавр», «русалка».

Вербальное конструирование — создание с помощью вербальной конструкции вербального или смешанного концепта, репрезентирующего новую недоступную или не вполне доступную восприятию сущность, и обозначение ее новым словом. Например: *иммунизация — возникновение иммунного ответа в организме после введения антигена*. Нередко довольно сложно определить, вербально конституирована или все же сконструирована та или иная сущность.

Психическая конструкция и психический конструктор

Сущности, изначально создававшиеся исследователями с какими-то специальными целями как вымышленные, но для чего-то нужные их создателям, называются конструктами. Психические конструкторы — это вербальные концепты, формирующие сущности, заведомо не существующие или даже невозможные.

Иногда достаточно сложно отличить конструктор от вербальной конструкции, репрезентирующей сущность, возможно, присутствующую в реальности (как представляется исследователям). Дело в том, что между сущностями, несомненно имеющими чувственные референты в реальности, и конструктами располагается непрерывный спектр сущностей, все менее очевидных ближе к одному полюсу — конструктору и все более очевидных ближе к другому полюсу — вербальному концепту, конституирующему доступную в некоторой степени восприятию физическую сущность.

У одних сущностей референтов больше и они явные, у других они косвенные и трудно обнаруживаемые. В отношении одних конституированных сущностей (например, городское хозяйство, капитализм, энергия) у нас складывается ощущение, что за ними в реальности, безусловно, что-то стоит. В отношении других сконструированных сущностей (идеальная жидкость, психологическое поле) мы не сомневаемся, что это нечто придуманное человеком.

Конструкторы можно рассматривать поэтому в качестве небольшого подвида вербальных концептов, которые формируют заведомо странные для здравого смысла или невозможные сущности, плохо вписывающиеся в чувственно репрезентируемую нами реальность. Хотя порой и очевидные конструкторы, например круглый квадрат, представляются нам в некотором смысле реальными и имеют в чувственно репрезентируемом окружающем мире несомненные референты — круг и квадрат.

§ 3. Психические механизмы формирования сознанием сущностей мира

Онтогенетически процесс развития индивидуальной психики, а соответственно, и репрезентирования сущностей мира человеком складывается из таких последовательных этапов, как: чувственное репрезентирование фрагментов мира, доступных восприятию, и формирование в нем сущностей; вербальное репрезентирование тех же сущностей, уже репрезентированных чувственно; вербальное конституирование и конструирование сущностей мира, не вполне доступного восприятию; вербальное конституирование и конструирование сущностей мира, недоступного восприятию вовсе, и их использование для репрезентирования новых областей мира и создания еще более умозрительных сущностей.

Очередной раз подчеркну, что **человеческое сознание формирует не концепты (и понятия), а сущности¹ окружающего мира, используя для этого создаваемые им концепты (и понятия)**. Можно выделить два основных механизма формирования сущностей — на основе моделей-репрезентаций доступных восприятию элементов «реальности в себе» и с помощью специально построенных сознанием вербальных концептов.

Необходимо также различать формирование сущностей (и понятий) и их усвоение. Процесс формирования в сознании наших далеких предков сущностей окружающего мира в форме его предметов, физических объектов и явлений, доступных восприятию, покрыт мраком тысячелетий, поэтому о нем нет смысла говорить. Тогда как процесс формирования сущностей, недоступных восприятию, активно продолжается и сейчас, и его необходимо обсудить.

Образование новых недоступных или не вполне доступных непосредственному восприятию сущностей осуществляется исследователями, а не детьми². Оно происходит по аналогии с уже сформированными у них физическими сущностями. Для создания нового объекта исследователь всегда строит из уже известных ему понятий специальный вербальный концепт, раскрывающий природу и содержание новой сущности.

¹ Подробнее см. в главе 1.3 «Сущности мира, формируемые человеческим сознанием».

² Необходимо, однако, отметить предрасположенность и способность детского сознания к легкому формированию новых физических сущностей (на основе уже имеющихся в сознании моделей-репрезентаций) и созданию новых слов для их обозначений по аналогии с известными ребенку образцами. Это проявляется, например, в виде легкого образования ребенком неологизмов для обозначения подобных сущностей: «стрекозел» (муж стрекозы); «учило» (учебник); «ползук» (червяк, по аналогии с «жук» и «червяк»); «за ещё» (двухлетнюю Сашу спросили: «Ты куда? За песочком, но ты уже принесла». — «Я иду за ещё») (К. Чуковский, 1990). Но данная способность касается только формирования детьми сущностей реальности, доступной восприятию.

Вербальный концепт, формирующий новую сущность, выстраивается «открывающим» (как до сих пор принято считать и говорить по аналогии с открытием физических сущностей) ее изобретателем, который затем экстериоризирует концепт и созданную им сущность в объективную психическую реальность общества для всеобщего использования. Все остальные люди лишь усваивают вербальный концепт и знакомятся с новой сущностью. Для этого им необходимо интериоризировать концепт и обозначающее сущность слово.

Ребенок усваивает новые вербальные концепты (и соответствующие сущности) в процессе социализации. Чувственные же модели-репрезентации его сознание формирует самостоятельно, но в чувственные концепты, репрезентирующие физические сущности, они превращаются только после изучения ребенком слов, обозначающих данные сущности. Процесс непроизвольного образования моделей-репрезентаций¹ в сознании ребенка приводит к дифференциации окружающего мира на чувственном уровне, к дроблению его на отдельные физические предсущности, облегчающие ребенку его понимание.

Благодаря появлению в сознании ребенка моделей-репрезентаций он легко усваивает в процессе коммуникации слова (и понятия), обозначающие уже представленные чувственно в его сознании элементы окружающего мира. Заместительное вербальное репрезентирование доступного восприятию мира приводит к запоминанию ребенком обозначений для всех уже чувственно репрезентированных им предсущностей и формированию из его моделей-репрезентаций и образов обозначающих их слов полноценных чувственных концептов (и понятий).

В сознании ребенка, а соответственно, и в окружающем его мире появляется большое количество обозначенных словами физических сущностей — «мама», «папа», «мячик», «тетя», «киса» и т. д. Одновременно выстраивается устойчивая индивидуальная чувственная конструкция — глобальная модель-репрезентация доступного ему предметного физического мира, сходного с мирами других людей. Без этого его сознание утонуло бы в нескончаемой череде изменяющихся сенсорных репрезентаций бесчисленных элементов «реальности в себе».

Сущности (и понятия), сформированные с помощью вербальных концептов, усваиваются ребенком гораздо позже тех, которые формируются на основе его собственных моделей-репрезентаций. Первые простые вербальные конструкции, перенятые или даже сформированные ребенком,

¹ Смысл создания психикой чувственных конструкций в том, что они позволяют мысленно манипулировать чувственно репрезентируемыми сущностями, даже когда референтов этих физических объектов и явлений нет в поле восприятия. Чувственные психические конструкции, вероятно, создает даже психика животных.

моделируют его же чувственные репрезентации окружающего мира, дублируя их. Затем, используя уже усвоенные сущности (и понятия), его сознание усваивает вербальные концепты, репрезентирующие более сложные сущности (и понятия).

На каждом следующем этапе репрезентирования мира сознание ребенка знакомится с новыми, более сложными сущностями и обозначающими их новыми словами, овладевая вербальными конструкциями, построенными из уже известных ему понятий. Процесс повторяется многократно, и вербальные концепты усложняются с каждым новым циклом своего развития. Это позволяет ребенку, опираясь первоначально на чувственные концепты, познавать в конечном счете максимально умозрительные сущности.

В физическом мире язык представлен словами, устными фразами и письменными предложениями, а в сознании людей — преимущественно слуховыми и зрительными образами этих слов (понятиями) и их значениями — концептами. То есть язык — это, с одной стороны, множество слов, используемых людьми в процессе языковой коммуникации. С другой стороны, это грандиозная вербальная репрезентация реальности, созданная человечеством за время его существования в виде множества вербальных репрезентаций сущностей и используемая людьми в процессе вербального мышления и словесной коммуникации.

Понятия и вербальные конструкции индивидуального сознания легко трансформируются людьми в слова и фразы языка, как бы материализуясь в них, и передаются в процессе коммуникации, а также с помощью технических материальных носителей. Будучи воспринятыми, слова, фразы и письменные предложения языка вновь трансформируются в сознании других людей уже в их собственные вербальные психические конструкции. Благодаря этому люди способны как бы обмениваться своим вербальным психическим содержанием.

Овладевая родным языком, ребенок интериоризирует огромный объем знаний о мире, накопленный обществом в виде слов и языковых конструкций. В его сознании они превращаются в понятия и вербальные конструкции, репрезентирующие ему не только окружающие предметы, но и отвлеченные сущности мира. Благодаря усвоению языка у ребенка на базе чувственно-образного мышления формируется вербальное мышление. Именно поэтому усвоение родного языка в буквальном смысле превращает его в разумного человека.

Усвоение языка ребенком идет по стопам чувственного моделирования «реальности в себе» и на базе уже построенных его сознанием моделей-репрезентаций физических сущностей, что сильно облегчает и упрощает процесс обучения. Образы слов, обозначающих предметы, их свойства, действия и отношения, становятся составной частью уже присутствующих

в сознании ребенка чувственных концептов физических сущностей, обозначаемых этими словами, и просто замещают их в его мышлении.

Ребенок не реализует некие «врожденные языковые универсалии», а связывает ментальный образ обозначающего предмет слова с собственной моделью-репрезентацией этого предмета. То же самое верно в отношении свойств и действий предмета. Чтобы построить пропозицию из двух понятий, репрезентирующих, например, предмет и его свойство, ребенку надо лишь заменить образами соответствующих, хотя и новых для него слов свои чувственные репрезентации предмета и его свойства. Для этого ему не нужно усваивать никаких правил грамматики и лингвистических законов. Достаточно просто подражать окружающим¹.

Язык не является чем-то самостоятельным и независимым от прочих когнитивных функций человека. Он не «отдельный лингвистический модуль», как утверждает доминирующая в психологии и лингвистике теория языка, а часть когнитивного аппарата, использующая те же когнитивные способности человека и даже те же психические феномены. Разница лишь в том, что чувственные образы слов имеют дополнительное символическое значение. Использование языка является высшей, но естественной частью процесса когнитивного развития человека, а вербальные модели реальности надстраиваются над чувственными ее репрезентациями как их органичное дополнение и развитие, так как язык базируется на чувственных репрезентациях мира.

Вербальные репрезентации окружающих сущностей возникают у ребенка на базе чувственных репрезентаций, сначала лишь обозначая и замещая в его сознании доступные восприятию сущности. По мере усвоения языка и расширения словарного запаса ребенок начинает постигать вербальные концепты, репрезентирующие сущности, недоступные восприятию.

Вербальные конструкции являются репрезентациями реальности (окружающей, прошлой, будущей, возможной и даже вымышленной), а потому их структура определяется чувственными репрезентациями соответствующей реальности, а не логическими законами или правилами языка.

¹ Оппоненты могут сказать, что окружающие как раз и подчиняются правилам грамматики и лингвистическим законам. Но и это не так. Более 10 % взрослого населения, по данным ЮНЕСКО, неграмотны, то есть никогда не учились, видимо, как и их родители. Но они хорошо владеют родным языком. Впрочем, не только они, но и образованное население мира не только не пользуется, но и в абсолютном своем большинстве не сможет воспроизвести ни один лингвистический закон. Правила же грамматики нужны им лишь при письме. Язык не функционирует по правилам грамматики и лингвистическим законам, так же как окружающий нас мир не регулируется физическими законами. Все законы и правила – это лишь вербальные конструкции людей, пытающихся понять мир. Язык соответствует чувственно воспринимаемой реальности и в конечном счете лишь новым способом отражает окружающий мир, а потому исследователи и «обнаруживают» в нем лингвистические законы, логичность, последовательность и порядок.

Устным и письменным языковым конструкциям (фразам и предложениям) в сознании соответствуют вербальные конструкции, которые могут быть осмысленными (*мама варит кашу*), если они правильно репрезентируют реальность, и бессмысленными (*висит зеленый смех*), если они реальность не репрезентируют.

Универсальные глубинные структуры языка — это не что иное, как сходные у всех людей чувственные репрезентации общего для всех мира. Соответственно, глубинная структура предложения — это сходные у всех людей чувственные репрезентации того элемента реальности, который репрезентируется данным предложением. Чувственная репрезентация легко трансформируется в специфические для конкретной культуры вербальные конструкции, а затем — в так называемые поверхностные структуры, то есть в предложения разных языков. При чем делает это по правилам, присущим конкретному языку.

§ 4. Вербальные репрезентации — основа человеческого разума

Что такое разум?

Нам известна пока лишь одна форма разума — психическая¹. Разум можно условно разделить на два уровня — низший (чувственный, или животный) и высший (человеческий, или вербальный).

В психологии разум, или ум, трактуют как способность понимания и осмысления; высшую умственную способность и сущность человека, лежащую в основе познания им мира и целенаправленного поведения в нем. М. Кордуэлл (2000, с. 270) замечает, что термин используется для обозначения совокупности сознательных процессов (восприятия, внимания или интеллектуальной деятельности). В. А. Жмуров (2012) рассматривает разум как гипотетическую, а иногда и метафорическую конструкцию, представляющую умственные способности и ментальный опыт личности.

В то же время, как пишет, например, Р. С. Немов (2007, с. 356), термин «разум» недостаточно четко определен в своем научном значении. Чаще всего с его помощью обозначают интеллект или совокупность мыслительных, познавательных процессов человека.

¹ Специалист по истории гуманитарных наук Р. Смит (2014, с. 151) пишет, что в последние десятилетия XX в. и начала XXI в. ряд исследователей мозга и философов сознания ясно и определенно заявили, что знания о совершающемся в мозге объясняют, что именно происходит, когда люди что-то чувствуют или действуют.

То есть в очередной раз, но уже на новом уровне повторяется виток привычного для психологии процесса редукции психики и сознания к чему-то более простому, но зато доступному для объективного исследования.

Другими словами, разум представляет собой психическую сущность, несомненно, имеющую референты в реальности, так как он позволяет, например, отличать человека от прочих живых существ. Однако в силу своей сложности и многомерности эта психическая сущность пока недостаточно четко определена. Тем не менее, несмотря на трудности с ее определением, мы можем выделить то, что позволяет нам говорить о наличии разума у живого организма.

Главным образом это правильное, целесообразное в данной ситуации (с нашей точки зрения) поведение организма. Применительно к человеку это еще и качество создаваемых им языковых конструкций, которые должны быть адекватными ситуации, связными, целесообразными, последовательными, понятными нам и правильными (с нашей точки зрения). Следовательно, **мы говорим о наличии разума, если организм эффективно и правильно (как мы считаем) репрезентирует мир и действует в нем, а человек еще и создает на основе своих репрезентаций правильные и понятные другим людям языковые конструкции.**

Как мы определяем качество чужих языковых конструкций?

Исключительно по их понятности или непонятности нам, их правильности и уместности. Субъективно оценивая их, мы делаем вывод, что их создал кто-то разумный, не вполне разумный или вовсе неразумный.

Разум чувственно-образного, или животного, уровня выражается в форме возникающих в психике сенсорных репрезентаций, адекватных окружающему миру; в возможности достраивания имеющихся незавершенных или неполных сенсорных репрезентаций; в построении прогностических чувственных репрезентаций вероятных изменений актуальной окружающей реальности и действий организма, необходимых в ней. Наличие адекватных, упорядоченных и связанных между собой чувственных репрезентаций окружающей реальности вполне объясняет на этом уровне функционирование разума, от которого требуется правильное и эффективное представление мира в психике, обеспечивающее наилучшие приспособительные действия организма в нем.

Человеческий разум должен уже делать возможными адекватное вербальное репрезентирование окружающей реальности и самого человека в ней; творческое достраивание имеющихся незавершенных или неполных чувственных и вербальных репрезентаций, свободное произвольное манипулирование репрезентациями и их произвольные преобразования; построение вариативных прогностических вербальных репрезентаций возможных изменений реальности и преимущественно вербальных стратегий поведения, эффективных с точки зрения адаптации человека к миру; успешную коммуникацию с другими людьми благодаря способности экстерниоризировать собственные вербальные конструкции в форме конструкций языковых.

В результате констатации (С. Э. Поляков, 2011; 2017) того факта, что понятия и вербальные конструкции — это никакой не «особый лингвистический модуль», самостоятельный и загадочный, а главное, не связанный с чувственными репрезентациями человека¹, с вербальных образов спал ареол таинственных психических сущностей. При рассмотрении феноменологии понятий и вербальных конструкций оказалось, что это такие же (преимущественно) слуховые и зрительные образы простых физических объектов — слов, как, например, визуальные и слуховые невербальные образы прочих физических объектов (зрительные образы книги, грозы и поля пшеницы или невербальные понятные нам слуховые образы гудка паровоза, рева мотора, жужжания мухи).

Различия между невербальными и вербальными образами восприятия заключаются в том, что первые имеют только одно значение — репрезентируют воспринимаемый объект. Тогда как вторые имеют дополнительное и более важное для человека значение. Они репрезентируют не столько сами слова, сколько совершенно иные сущности, которые обозначаются этими словами.

Постижение феноменологической сути и функций понятий и вербальных конструкций вполне позволяет нам объяснить содержательные механизмы разумной психической активности. При этом образов слов и конструкций из них, репрезентирующих не самих себя, а другие, дополнительные сущности, оказывается вполне достаточно для полного раскрытия содержательных механизмов человеческого разума. Каждому из нас, чтобы понять смысл разумной вербальной (и языковой) конструкции, например этого предложения, достаточно просто знать значения составляющих ее понятий.

Вербальные (и языковые) конструкции по определению осмысленны (если соответствуют реальности и нашему жизненному опыту) или бессмысленны (если им не соответствуют). Разум проявляется непосредственно в них. И именно они, а не биохимические или физиологические процессы в мозге являются содержанием и выражением человеческого разума.

Странными и даже нелепыми представляются поэтому доминирующие сейчас в психологии теории, согласно которым причиной разума является мозг, его электрическая или биохимическая активность и т. п. Они доминируют потому, что в психологии по-прежнему чрезвычайно сильна бихевиористская парадигма. Бихевиоризм, конечно, эволюционировал в менее радикальные и маскированные формы, но и сегодня преобладает в головах исследователей.

¹ Подобные представления до сих пор доминируют в лингвистике и когнитивной психологии.

Именно он не позволяет им принять очевидную реальность того, что проявления разума можно даже непосредственно увидеть (и услышать) в языковых конструкциях окружающих людей. И их не следует искать в нервных импульсах нейронов или в биохимии нейромедиаторов. Последние, несомненно, интересны сами по себе, но не как «ключи к разуму»¹, а скорее как его предпосылки. Как субстраты и механизмы, участвующие в процессах порождения психики, но не более того.

Психологическое изучение собственно психических явлений как проявлений и содержательной формы разума сейчас не просто нужно, оно необходимо немедленно и облигатно. Многие важнейшие психологические термины до сих пор не определены даже в самой психологии. Из последнего факта с очевидной неизбежностью следует, что, например **физиологи, пытающиеся изучать психические феномены, не могут понимать, что именно они изучают, поскольку даже психологи этого не знают, ибо сами не вполне разобрались еще с предметами своего изучения.** Говоря метафорически, для того чтобы начать изучать на биохимическом уровне, как растут грибы, надо сначала понять, что такое грибы и чем они отличаются от листьев, желудей и улиток.

Как буквы обеспечивают возможность письменности, так и понятия (ментальные образы известных и понятных человеку слов) обеспечивают возможность функционирования его разума. Изучать вместо вербальных образов и конструкций из них физиологическую активность мозга, чтобы понять сущность разума, так же «полезно» и «продуктивно», как изучать перья и чернила (вместо значений слов), чтобы понять смыслы текстов.

Несомненно, психическая разумная активность сопровождается и обеспечивается физиологической активностью мозга, а также выделением железами внутренней секреции множества гормонов и других биологически активных веществ, сокращениями сердечной мышцы, дыхательными движениями диафрагмы, перистальтикой кишечника и прочее и прочее. Однако из этого не следует, что разум — это физиологические процессы,

¹ Некоторые исследователи (см., например, К. Р. Пао (2006, с. 818–821)) высказывают предположение, что совсем не обязательно все психические явления сводятся к состояниям мозга и не существуют помимо этих состояний.

Я не придерживаюсь точки зрения о самостоятельном, не зависящем от центральной нервной системы существовании психических явлений. Но само наличие такой позиции свидетельствует о том, насколько далеко разнесены собственно психические феномены и, возможно, связанные с ними физиологические механизмы и состояния мозга. Насколько бесперспективно пытаться на данном этапе искать в темной комнате черную кошку, которая, не исключено, совсем и не кошка, да к тому же может и вовсе отсутствовать в комнате. Эта сегодняшняя бесперспективность поиска корреляций психических феноменов с физиологическими связана не только с несовершенством наших исследовательских возможностей в области биологии, но главным образом с отсутствием у нас адекватной психической феноменологии.

протекающие в организме. Подобные рассуждения — просто вредный и не соответствующий реальному положению дел редукционизм.

Следует провести границу между содержанием человеческого разума — его психическими субстратами, с одной стороны, и механизмами его обеспечения, с другой стороны. Если его механизмы можно разделить на психологические (восприятие, мышление и т. д.) и биологические (головной мозг, нейронные сети, их электрическая и биохимическая активность и т. д.), то его содержание, или понятные людям психические проявления разума, — это несомненно прерогатива психологии. И привлечение для объяснения содержания человеческого разума анатомических, физиологических и биохимических сущностей мозга ничего не добавляет к пониманию разума¹.

Понятия и вербальные конструкции человеческого мышления — это основные его строительные элементы — общепонятные людям кирпичики, обеспечивающие опосредованную языком ясность и доступность для людей содержания чужих слов и языковых конструкций, а через них и вербальных мыслей. Экстериоризируемые человеком в форме языковых конструкций понятия и вербальные конструкции его мышления являются для окружающих основной, а главное, понятной и очевидной для них формой проявления его разума. Они несут в себе постижимые и ясные всем смыслы, дают каждому возможность заметить и признать наличие у Другого разума, аналогичного собственному.

Люди используют в своем мышлении понятия и конструкции из них. Они легко интериоризируют в форме собственных понятий воспринятые ими чужие языковые конструкции и правильно понимают их. Одновременно они экстериоризируют в своих словах собственные вербальные конструкции, легко понимаемые другими людьми, воспринимающими их. Следовательно, **все люди, владеющие определенным языком, имеют**

¹ Я по своему образованию и научной направленности — врач, воспитанный в традициях «советской материалистической» научной школы, поэтому не стоит полагать, что я склонен к психологизму и идеализму. Первая моя научная работа 50 лет назад была посвящена физиологии нервной системы. Но со временем для меня стало совершенно очевидно, что более высокий уровень развития любой системы нельзя понять и описать, исходя из нижележащих уровней. Так как у него есть свои новые, специфические сущности, обеспечивающие его функционирование.

Базовые уровни, конечно, тоже надо изучать, и они важны как сами по себе, так и для понимания более высоких уровней. Но высший уровень следует изучать непосредственно как таковой. Другими словами, попытки сведения психики и разума к физиологии и биохимии мозга — вредный редукционизм. Еще раз хочу уточнить, что не предлагаю прекратить изучать корреляцию биологических параметров с психическими феноменами. Но на данном этапе развития науки, когда психические феномены часто недостаточно четко определены, а наше проникновение в биологические процессы весьма поверхностно, такого рода работы просто малоперспективны.

в своем сознании одни и те же субстраты человеческого разума — понятия и вербальные конструкции с общими понятными всем смыслами.

Понятия и вербальные конструкции замещают собой в психике людей чувственные психические репрезентации и прочие психические явления. Экстериоризировав их в форме конструкций языка, человек легко может сообщить другим людям о своих субъективных ощущениях и образах, даже о собственных эмоциях, желаниях и предпочтениях, может изменять поведение окружающих и предлагать им способы действий. Все это позволяет говорить, что материализованные в словах, фразах и предложениях **адекватные реальности понятия и вербальные психические конструкции являются основной формой выражения человеческого разума.**

Очевидность того факта, что понятия и вербальные конструкции обеспечивают вербальное мышление, а следовательно, и функционирование человеческого разума, доказывается тем несомненным обстоятельством, что мои оппоненты, читая данный текст, понимают сейчас в качестве моих репрезентаций реальности изложенные здесь слова, с которыми могут быть согласны или не согласны. И именно эти вербальные репрезентации, а не физиологические механизмы их мозга вызывают появление в их сознании вербальных конструкций, созвучных моим идеям или противоречащих им, то есть проявлений их собственного разума.

Вербальное содержание человеческой психики может быть относительно устойчивым и, наоборот, весьма изменчивым. К первому, кроме репрезентаций существенных событий личной жизни и жизни близких людей, относятся вербальные репрезентации физического и социального мира; научная картина мира; доминирующие в сознании членов общества и регулирующие поведение людей вербальные конструкции; вербальные концепты, репрезентирующие сущности, в наличие которых человек верит; некоторые наиболее выдающиеся (с точки зрения общества и самого человека) результаты вербального творчества людей (сюжеты литературных произведений, мифов, притч, басен и сказок, отдельные песни и стихи, пословицы и поговорки и прочее).

К изменчивому вербальному содержанию человеческой психики относятся вербальные репрезентации актуального мира, его обыденных событий, непрерывно происходящих с индивидуумом и близкими ему людьми, а также событий в стране и мире, наиболее широко освещаемых средствами массовой информации. Если устойчивое вербальное содержание человеческой памяти (и сознания) сохраняется на протяжении годов и десятков лет, то изменчивое вербальное содержание сохраняется на протяжении минут и дней, реже дольше.

Вербальные конструкции являются репрезентациями мира и представляют в сознании самую разную реальность — прошлую, физическую,

настоящую, вымышленную, искусственную, недоступную восприятию, психическую¹ и т. д. В процессе коммуникации вербальные репрезентации, в том числе идеи, предположения, теории, убеждения и т. д., как бы отрываются от индивидуального сознания, приобретая независимость от него. Они могут при этом широко распространяться между людьми и сохраняться уже в их сознании.

Пребывая сразу во многих сознаниях, вербальные репрезентации фрагментов реальности становятся объективными, противостоят каждому из индивидуальных сознаний как некая объективно присутствующая вне их, пусть и психическая, сущность. Значительная часть вербального содержания сознания членов общества сходна, и ее условно можно назвать общим психическим содержанием их сознания, так как многие вербальные конструкции поступают к людям из общих источников — учебников, средств массовой информации, книг, проповедей и т. п.

Все вербальные концепты и множество прочих вербальных психических конструкций (идей, мнений, оценок, взглядов и т. п.), которые можно назвать общим или объективным психическим содержанием сознания членов общества, способны жить в их сознании как бы собственной жизнью. Следует уточнить, однако, что объективным, то есть независимым от конкретного сознания и доступным многим людям, может быть лишь содержание вербальных психических репрезентаций, но не сами уникальные психические явления. **Объективны не психические феномены, а те сущности и фрагменты мира, которые эти феномены репрезентируют в конкретном сознании.**

Объективное общее психическое содержание сознания, являясь важнейшим элементом культуры любого общества, во многом формирует индивидуальную картину мира каждого его члена, определяя его мировоззрение, политические и религиозные взгляды, мораль и нравственность, культурные предпочтения, социальные стереотипы, суеверия и жизненные установки. Оно воздействует на поведение каждого человека и обуславливает закрытость его сознания для альтернативных вербальных репрезентаций окружающего мира, даже если те более адекватны реальности.

Передача общего (сходного) вербального психического содержания следующим поколениям с помощью языковых конструкций обеспечивает его негенетическое наследование новыми поколениями и даже его распространение в других обществах.

¹ Вербальные конструкции репрезентируют в том числе содержание самой психики, ее чувственные репрезентации, эмоции, состояния и т. д. В этом случае можно говорить о репрезентациях репрезентаций.

Тезисы

1. Главная функция психики — адекватное репрезентирование окружающего мира и его возможных изменений.
2. Разные психические феномены филогенетически едины и представляют собой, по всей видимости, этапы развития ощущения. Существует единая цепь последовательно усложняющихся психических феноменов: 1) ощущение → 2) психический образ, в том числе мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления) → 3) чувственная психическая конструкция = модель-репрезентация = чувственный концепт → 4) понятие = образ понятного слова → 5) вербальная конструкция, в том числе вербальный концепт.
3. Одним из основных результатов функционирования психики является даже не создание все более сложных психических феноменов, а формирование с их помощью сущностей окружающего мира (физических, социальных, психических и т. д.) по образцу сформированных первыми физическими сущностями: предметов, объектов и т. д. Психика репрезентирует «реальность в себе» сущностно, создавая для этого сложные психические явления, или психические конструкции.
4. Психические конструкции, репрезентирующие сущности мира, называются концептами. Они ассоциированы с понятиями, или образами слов, обозначающих соответствующие сущности. Концепты бывают чувственными (модели-репрезентации), вербальными и смешанными.
5. Вербальные образы, или понятия, феноменологически представляют собой такие же слуховые и зрительные образы, как и невербальные. Но в отличие от них образы простых физических объектов — слов приобретают в сознании дополнительное, символическое значение, превращаясь в результате из репрезентаций слов в репрезентации совершенно иных сущностей, обозначаемых этими словами.
6. Экстериоризируя свои вербальные мысли в форме языковых конструкций, человек опосредованно как бы передает их окружающим людям, которые понимают его, если владеют тем же языком, то есть имеют те же понятия с близкими по смыслу концептами. Языковые конструкции, адекватно репрезентирующие мир, являются внешним понятным для всех выражением человеческого разума, его материализованными в языке проявлениями.
7. Экстериоризируемые человеком в форме слов, фраз и предложений понятия и вербальные конструкции его мышления представляют собой важную форму и способ существования и проявления человеческого

разума, его психический субстрат, так как несут постижимые и очевидные для людей смыслы. Главное, их вполне достаточно для ясного и полного объяснения содержательной стороны человеческого разума.

8. Вербальные репрезентации мира социально обусловлены. Они создаются конкретными людьми, но сохраняются и накапливаются в сознании всех членов общества, а потом негенетически наследуются его новыми членами и участвуют в формировании их основных личностных конструкций.
9. Следует разделять биологические механизмы функционирования мозга, ответственные за возникновение психических феноменов, и психические проявления разума. Изучение первых с целью проникновения в сущность разума на нынешнем этапе развития психологии малопродуктивно. Изучение вторых перспективно и является прямой задачей психологии.

Сущности мира, формируемые человеческим сознанием

§ 1. Роль психики в формировании сущностей мира

Для того чтобы понять, что представляет собой объективная психическая реальность, необходимо рассмотреть сущности, создаваемые человеческим сознанием. Именно с их помощью психика формирует объективную психическую реальность.

Парадоксально, но психология практически не уделяет внимания принципиально важному вопросу о сущностях, которыми оперирует сознание. Философия и естествознание занимаются сущностями, рассматривая их, однако, совершенно в иной — общенаучной плоскости. Я. Хакинг (1998), например, убедительно демонстрирует многовековую историю острых споров о реальности и нереальности физических сущностей.

Я же говорю сейчас исключительно о психических репрезентациях сущностей, так как вопрос об их природе и происхождении является одним из важнейших не только для естествознания и философии, но и, конечно, для психологии.

Внимание психологов почему-то не привлекают имеющиеся глобальные странности:

- 1) наличие вокруг нас множества сущностей, которые, с одной стороны, относятся исследователями к физическому миру, а с другой стороны, не присутствуют в нем как физические объекты и недоступны восприятию;
- 2) нередкое отсутствие отчетливых границ и даже явных различий между физическими и психическими сущностями;
- 3) отсутствие границ между физическим и социальным мирами;

- 4) игнорирование того факта, что многие привычные нам сущности явно были созданы человеческим сознанием¹.

Мне представляется очевидным, что **сознание конституирует или конструирует все объекты и явления (то есть сущности), даже чувственно репрезентируемые им.** Разница между сущностями заключается в том числе в степени участия сознания и «реальности в себе» в их формировании.

Другими словами, **объектов и явлений (или сущностей) без человека и вне его сознания в окружающем мире нет. Все они в разной степени — продукты его сознания, взаимодействующего с «реальностью в себе».** Более того, **даже, например, множество сущностей физического мира не могут быть отнесены к вещественным физическим объектам и явлениям** и в принципе недоступны непосредственному восприятию.

Формируя новую сущность, например научную, исследователь создает специальный вербальный концепт, конституирующий или даже конструирующий эту сущность, и обозначает ее новым словом. При этом его сознание не «открывает» якобы исходно имеющиеся в окружающем мире, но недоступные прямому восприятию сущности (как до сих пор считают многие представители естествознания), а конституирует или конструирует их с помощью вербальных конструкций разного вида и сложности. Например, таких: *масса — физическая величина, одна из основных характеристик материи, определяющая ее инерционные и гравитационные свойства* (Я. А. Смородинский, 1983, с. 121); *гравитация — одна из четырех фундаментальных сил в природе, самая слабая по сравнению с остальными* (И. Д. Новиков, 2022, с. 119).

Э. Кассирер (2006, с. 348) пишет, обсуждая познание мира людьми, что мы познаем не предметы, а предметно, создавая внутри равномерного течения содержаний своего опыта определенные разграничения и фиксируя постоянные элементы и связи.

Я хотел бы уточнить. **Мы репрезентируем окружающий мир даже не предметно, а сущностно. Сущность — это самостоятельное нечто, выстроенное сознанием из собственных психических репрезентаций одного из множества аспектов «реальности в себе», помещенное затем сознанием в его же глобальную психическую репрезентацию окружающего мира в качестве отдельного, независимого от сознания и самодостаточного фрагмента этого мира.**

То есть это репрезентация чего-то самостоятельного в представлении человеческого сознания. Но так как для сознания наличествует только репрезентация этого «нечто», потому что элемент «реальности в себе»

¹ Даже если придерживаться объективистской точки зрения, в соответствии с которой физические сущности присутствуют в окружающем мире независимо от человеческого сознания.

доступен сознанию лишь в таком виде, то именно она рассматривается сознанием как внешняя сущность.

Понимание данного факта принципиально меняет представления о человеческой психике и ее базовых функциях. Думаю, что теоретической психологии имеет смысл признать, что **психическое репрезентирование «реальности в себе» сопровождается выделением в потоке психических репрезентаций сходных, в чем-то повторяющихся фрагментов. Создавая из них чувственные, а затем вербальные и смешанные концепты и обозначая их словами, человеческая психика формирует сущности реального мира. Помещая их в конечном счете в свою антропоморфную репрезентацию мира, она наделяет их самостоятельным и независимым от нее бытием.**

Мы привыкли считать, что окружающий мир наполнен разнообразными «вещами» (предметами, объектами и явлениями, их свойствами и действиями, состояниями, ситуациями и т. д. и т. п.). Наиболее очевидную и наиболее реальную для нас группу составляют чувственные, или вещественные, сущности, которые раньше было принято называть материальными. К ним относятся в первую очередь предметы, а также доступные непосредственному восприятию физические объекты и явления, их свойства и действия.

Чтобы обнаружить в окружающем физическом мире следующую большую группу физических сущностей (обозначаемых, например, такими понятиями, как *бригада, школа, пехота, переправа, армия, победа* и т. д.), нам требуется приложить некоторые интеллектуальные усилия. Эти сущности сознание конституирует тоже на основе образов восприятия, но лишь с помощью специальных вербальных конструкций¹.

Удельный вес чувственных репрезентаций, участвующих в формировании подобных сущностей, очень велик. И после их предварительного вербального конституирования человек способен, как ему кажется, даже воспринимать многие из них. Ту же бригаду, к примеру. По крайней мере, он видит рабочих, из которых она состоит.

Очередную большую группу составляют сущности (обозначаемые, например, понятиями *кризис, норма, налог, акт, дисциплина, догма, век, ресурс, зависимость, сумма, убеждение, наука, знание* и т. п.), непосредственному восприятию в принципе недоступные. Хотя и их тоже могут иллюстрировать чувственные репрезентации. Можно сказать, что эти сущности имеют в окружающем физическом мире отчетливые референты. Однако мы понимаем, что вообще-то подобные сущности довольно необычны.

¹ Например, таких: *бригада* — группа рабочих или служащих, сообща производящих какую-то работу.

Тем не менее **мы не задаем себе вопрос об этой необычности многих знакомых нам «вещей»**. О том, где они пребывают и что собой представляют. Мы вполне удовлетворяемся привычными формулировками. Хотя у нас есть все основания самым серьезным образом задуматься о том, чем же являются такие сущности окружающего мира, и, возможно, пересмотреть наши взгляды относительно их реального наличия в мире. Ведь многие из них представляют собой нечто, репрезентированное лишь психическими конструкциями наших предшественников.

П. Бурдые (1994, с. 88–89), например, пишет, что с фразой «общественное мнение благосклонно относится к повышению цен на бензин» соглашаются, не задаваясь вопросом, может ли существовать такая штука, как «общественное мнение», и как. Тем не менее философия научила нас, что имеется масса вещей, о которых можно говорить и без их существования.

Ч. Х. Кули (2019, с. 95) полагает, что политическая система, фундаментальные права собственности и т. д. являются в современном государстве установленными, насколько они установлены, не потому что они священны или авторитетны, а потому, что общественный ум убежден в их незыблемости.

Я лишь могу добавить, что если такую сущность, как общественный ум, можно рассматривать как фигуру речи, то такую сущность, как, например, общественное сознание, серьезные исследователи десятилетиями обсуждают в своих многочисленных научных трудах.

Все сущности, которые выделяет в реальности человеческое сознание, были когда-то конституированы или даже сконструированы людьми с помощью концептов (и понятий). Однако большинство наших современников не только не знают об этом, но и не задумываются по этому поводу. До сих пор не понята гениальная мысль Дж. Локка: «...еще одно значительное злоупотребление словами состоит в том, что слова принимают за вещи. В некоторой степени это касается всех названий вообще... они (люди. — *С. П.*) не могут... отказаться от мнения, что слова... представляют собой нечто действительно существующее. ...у нас на свете было бы гораздо меньше споров, если бы слова принимались за то, что они есть, [то есть] только за знаки наших идей, а не за самые вещи. <...> Трудное дело — убедить кого-нибудь в том, что слова, которые употреблял его отец, школьный учитель, приходский священник или другой такой же почтенный наставник, не обозначают ничего реально существующего в природе» (1985, с. 555–556).

У. Джеймс (2000, с. 70) отмечает, что добрая половина понятий, которыми мы пользуемся, являются понятиями о невозможных или проблематичных сущностях — нулях, бесконечностях, четвертом измерении, абсолютном совершенстве, силе, отношениях и т. п.

Ч. Х. Кули (2019, с. 70) указывает, что такие слова, как «благо», «право-та», «истина», «любовь», «дом», «справедливость», «красота», «свобода», являются могущественными творцами того, что они обозначают.

Историк науки Р. Смит (2014, с. 269) пишет, что историческим достижением научных сообществ является объединение с помощью термина «ген» определенных характеристик природы таким образом, что он обрел устойчивость. Но в качестве изолированной сущности, обладающей собственной каузальной силой, никакого гена не существует. Слово «ген» лишь позволяет представить сложный процесс состоящим из понятных частей, с которыми возможны те или иные манипуляции.

Р. Смит (2014, с. 110) задает вопрос: можно ли заключить, что такие «вещи», как разум, общество, экономика, культура, наука, религия, государственное устройство и закон, существовали до того, как появился адекватный им язык? И сам же отвечает, что суждения о том, насколько радикальным должен быть ответ на данный вопрос, могут очень различаться. Утверждения, что до XIX века такой «вещи», как общество, не существовало, а имелись лишь частные формы коллективного существования, возможно, и не вызовут слишком активных возражений. Но возражения возникнут, если кто-то станет утверждать, что до XIX века не существовало сознания.

Слова автора хорошо иллюстрируют тот факт, что сущности создаются человеческим сознанием и в нем самом, но отнюдь не на пустом месте, а на основе воспринимаемых и понимаемых мыслящим субъектом референтов, с которыми он сталкивается в окружающем мире и которые пытается объяснить самому себе. Общества и сознания до того, как человек конституировал эти сущности, действительно не было в мире. Но в мире были в огромном количестве референты этих сущностей, которые и позволили людям в конечном счете их конституировать в качестве отдельных и самостоятельных объектов. Впрочем, в физическом мире этих сущностей и сейчас нет. Они есть только в объективной психической реальности.

Р. Смит (2014, с. 260) пишет, что многие современные исследователи считают базовые категории, такие как психология, общество, сознание, индивид, вневременными и конституирующими так называемые естественные виды, то есть такие, в реальности которых они уверены. Но их окружает мир конституированный, в том числе науками и технологиями. В этом мире трансцендентной истине негде бросить якорь, и мы уже не можем давать дефиниции сущностям, не сопровождая их описаниями, всегда доступными для пересмотра, чем мы на самом деле непрерывно и занимаемся.

Философ Д. Бэкхерст (2014, с. 101) напоминает слова другого философа, Я. Хэкинга, который полагает, что «многочисленные виды человеческих существ и человеческих поступков рождаются рука об руку с изобретением для них названий» (Hacking, 1986; 2002, с. 113). Примером является

гомосексуалист. Я. Хэкинг полагает, что гомосексуалисты не существовали до их категоризации как таковых. Существовал однополюсый секс, но не было определенного вида человека — гомосексуалиста, прежде чем людей классифицировали таким образом в XIX в. Автор (там же) называет это «изготовлением людей».

Сам Д. Бэкхерст (2014, с. 103–104) полагает, что «человеческие виды» не являются чистым изобретением, но содержат смесь изобретения и открытия, типичную для практики человеческого самопонимания. По его (2014, с. 65) мнению, когда кто-то говорит, например, что гендер является социальной конструкцией, он может иметь в виду, что: 1) не существует такой вещи, как гендер; 2) такая вещь существует, но в противоположность, скажем, массе гендер является продуктом человеческой практики; 3) гендер сконструирован так же, как масса и все остальное.

Р. Смит (2014, с. 265) цитирует Джамбаттиста Вико: «...там, где люди не могут составить никакого представления о далеких и неизвестных вещах, они судят о них по вещам известным и имеющимся налицо» (Д. Вико, 1994, с. 73).

То есть мы создаем недоступные нашему восприятию, а порой даже представлению и пониманию сущности по образцу других сущностей, хорошо известных нам, — сущностей физического мира.

Почему и зачем сознание формирует психические сущности и помещает их в окружающий мир в качестве физических, социальных и т. д.?

Во-первых, **создавая из непрерывного и изменчивого потока чувственных психических репрезентаций инвариантные, повторяющиеся, доступные повторному рассмотрению психические формы и представляя их в виде отдельных внешних сущностей, сознание, вероятно, тем самым упрощает для себя окружающий мир, делает его доступным своему пониманию и манипулированию, а в итоге приобретает способность предсказывать его изменения.**

Во-вторых, сознание произвольно конституирует в форме разных сущностей — физических предметов, объектов и явлений доступные восприятию элементы «реальности в себе». Следовательно, **физические сущности как бы являются для него первичной привычной и естественной принадлежностью окружающего физического мира, естественными образцами для всех прочих создаваемых сущностей. Репрезентации новых недоступных восприятию элементов «реальности в себе» сознание закономерно формирует по образцу репрезентаций ее элементов, доступных восприятию.**

Из множества создаваемых в результате взаимодействия с «реальностью в себе» сущностей сознание в конечном счете формирует собственный антропоморфный окружающий мир в форме глобальной личной

репрезентации «реальности в себе». **Создаваемые сущности могут быть физическими, биологическими, экологическими, химическими, социальными, философскими, психическими, трудными для классификации и т. д. Без и вне человека в самой «реальности в себе» антропоморфных сущностей нет, а других сущностей не бывает.**

Человек репрезентирует окружающую «реальность в себе» и создает сущности на двух уровнях — чувственном и вербальном. Следует различать также формирование новых сущностей и усвоение сознанием уже созданных обществом сущностей. Новые сущности создают главным образом исследователи, тогда как усваивают уже имеющиеся сущности (и обозначающие их понятия) в процессе своей социализации, а затем используют их все люди.

Формирование физических сущностей на чувственном уровне протекает в сознании каждого человека естественным путем. У ребенка непроизвольно формируются чувственные модели-репрезентации элементов окружающего его мира. Они позволяют ребенку, не владеющему еще языком, достаточно эффективно взаимодействовать с элементами окружающего мира, используя чувственно-образное мышление. Даже, например, искать спрятанный взрослыми предмет, непосредственно не воспринимаемый в данный момент ребенком, но уже знакомый ему.

Однако в конкретные сущности они превращаются для ребенка лишь после усвоения им обозначающих их слов и связывания образов этих слов с моделями-репрезентациями соответствующих предметов, явлений и объектов. Формирование сущностей, обозначаемых базовыми общими понятиями (например, *стул, кровать, ложка* и т. п.), может идти параллельно, так как эти новые более сложные сущности репрезентируются теми же самыми моделями-репрезентациями конкретных предметов, объектов и явлений.

Принципиально новым является этап усвоения ребенком сущностей, репрезентируемых уже вербальными конструкциями (например, такими: *насекомое — это муха, пчела, клоп, муравей; школа — место, где учат детей; шофер — человек, управляющий машиной*). Сущности такого рода могут быть чувственно лишь проиллюстрированы, но не репрезентированы, так как на чувственном уровне их целостная репрезентация уже не складывается из слишком разных форм.

Например, сущность (и понятие) *кошка*, усвоенная на предыдущем уровне, репрезентируется одной собирательной моделью-репрезентацией разных кошек, с которыми сталкивался ребенок. Но сущность и понятие *насекомое* иллюстрируется уже многими и сильно различающимися собирательными моделями-репрезентациями мух, тараканов, пчел, бабочек и т. д.

Обычно, знакомя ребенка с новой для него сущностью, репрезентируемой вербально, взрослый приводит для объяснения конкретные примеры.

Например, он говорит: «Лекарство — это таблетки, которые нужно пить во время болезни, чтобы выздороветь». Или: «Хороший ученик всегда приходит в школу с выученными уроками, как Петя. Петя — это хороший ученик».

В результате в сознании ребенка формируется смешанная чувственно-вербальная репрезентация некой поначалу достаточно аморфной сущности, обозначаемой словами «лекарство» или «хороший ученик», с которой ассоциированы вполне конкретные чувственные репрезентации хорошо известных ему объектов, иллюстрирующих эту аморфную пока сущность.

На последующих этапах ребенок усваивает еще более сложные для его понимания сущности, созданные людьми с помощью вербальных конструкций задолго до его рождения. Это происходит в процессе обучения языку по мере усвоения понятий, репрезентируемых все более и более сложными вербальными конструкциями¹.

По мере обогащения словарного запаса ребенка растет сложность вербальных конструкций, репрезентирующих уже известные ему сущности². Для того чтобы понимать такие вербальные конструкции, ребенку необходимо прежде усвоить понятия, из которых они строятся, и обозначаемые ими сущности окружающего мира: *организм, вещество, создание* и т. д.

Можно условно выделить разные этапы постижения сущностей (и понятий), репрезентируемых вербальными конструкциями: усвоение сущностей, конституированных с помощью вербальных конструкций, иллюстрируемых чувственными репрезентациями³; усвоение сущностей, конституированных с помощью вербальных конструкций, почти не иллюстрируемых чувственными репрезентациями⁴. Реальная иерархия сущностей, конечно, не исчерпывается приведенными выше этапами. Но она и не является предметом нашего рассмотрения.

Важно отметить, что новые сложные сущности сознание создает в форме вербальных конструкций, которые сами состоят из все более и более

¹ Например, такими: *репертуар* — это совокупность драматических, музыкальных и других художественных произведений, исполняемых в специальном учреждении; *аванс* — это платеж, произведенный покупателем или заказчиком до получения им товара или услуги; *абсурд* — нечто нелепое, из ряда вон выходящее, противоречащее здравому смыслу.

² Например, *животные* — это подвижные живые существа, обитающие на Земле (а не просто лошадь, собака, мышь и т. д.), или даже — организмы, которые питаются готовыми органическими веществами, создаваемыми другими организмами. *Насекомые* — это класс беспозвоночных членистоногих животных (а не муха, пчела, клоп и муравей).

³ Например, *организм* — живое тело, существующее самостоятельно и состоящее из согласованно функционирующих сложных частей, или органов; *вещество* — то, из чего состоит физическое тело.

⁴ Например, *традиция* — то, что переходит от одного поколения к другому путем усвоения демонстрируемого поведения старших, устной или литературной передачи; *вера* — принятие каких-либо положений без теоретических и практических доказательств.

сложных понятий. Каждое из них в свою очередь конституировано или сконструировано с помощью вербального или смешанного концепта. В итоге формируется пирамида из усложняющихся вербальных концептов, основанием которой являются концепты чувственные.

Любая конституированная и сконструированная с помощью вербальной конструкции сущность может быть заменена иными, альтернативными сущностями, тоже конституированными или сконструированными с помощью вербальных конструкций для выполнения тех же или схожих функций. То есть **сознание способно формировать альтернативные сущности в одной и той же области «реальности в себе», не менее (а порой и более) эффективно репрезентирующие ее.**

Все сущности, конституированные и сконструированные с помощью вербальных конструкций, даже традиционно рассматриваемые как объекты и явления физического мира, являются объектами человеческого сознания, помещенными им в физическую реальность. В «реальности в себе» их нет, но среди ее чувственных репрезентаций обычно присутствуют их референты.

Референты — это чувственные репрезентации, позволяющие исследователям, во-первых, предположить наличие чего-то, например некой новой сущности в «реальности в себе», так как о ее присутствии свидетельствуют эти референты. А во-вторых, дающие исследователям основание создать репрезентирующий сущность специальный вербальный концепт, опирающийся на эти чувственные репрезентации. Референты — это не обязательно прямые чувственные репрезентации некой сущности, а, например, чувственные репрезентации иных сущностей или даже результатов их взаимодействия.

Восприятию, в частности, доступны следующие явления, наблюдаемые недалеко от берега моря или океана: многочисленные мелкие волны на фоне спокойного моря; другой цвет воды, окрашиваемой примесями и илом; разрывы в общей массе волн. Это чувственные референты особой сущности — отбойного течения. Она была конституирована людьми с помощью вербальной конструкции: *отбойное течение — это течение, направленное под прямым углом от берега к морю*. Впрочем, для вербального формирования сущностей обычно не требуется столь явных и очевидных референтов.

Философ Г. Райл (2000, с. 127–128) пишет, что существуют не только больные люди и бактерии, но и невидимая связь между ними. Но вывод от болезней к бактериям есть вовсе не вывод, а описание некоторой третьей сущности. Поэтому получается не рассуждение «поскольку то-то и то-то, потому так-то и так-то», а сообщение «существует ненаблюдаемая связь между этими наблюдаемыми событиями». Однако если мы спросим, зачем постулируется эта третья сущность, то услышим в ответ лишь то, что она позволяет нам делать вывод от болезней к бактериям.

Действительно, репрезентирование «реальности в себе» часто приводит к созданию новых сущностей. По большей части полезных и необходимых нам для ее понимания. Порой, однако, лишних и бесполезных, а то и вредных. Сущностей, которые мы потом безуспешно пытаемся изучать и анализировать, попадая в итоге в неразрешимый тупик.

Философ Д. С. Соммэр (2008, с. 28–29) пишет, что Ф. Бэкон определил источники заблуждений, свойственные человеческому мышлению, и его открытие, которому уже несколько столетий, не утратило своего значения до сих пор. По мнению Ф. Бэкона (1978), причинами заблуждений является неопределенность значения слов и их неадекватное применение, а также замена фактов словами. Люди склонны давать название вещам, которые не существуют, например «судьба», «удача», «рок». Склонны употреблять слова, значение которых плохо определено, неясно или не является единственным. Склонны употреблять слова и при этом верить, что вещи либо действия, обозначаемые ими, существуют на самом деле. Склонны к неограниченному использованию таких слов, как «демократия», «мораль», «адекватный», «определенный», «логика» и т. д.

Обозначение словом очередной психической конструкции (чувственной модели-репрезентации или вербальной конструкции), репрезентирующей новую сущность, дает этой сущности право на жизнь, возможность бытия в сознании и языке. Образ слова (понятие) маркирует репрезентацию сущности — концепт, открывая возможность ее объективирования путем передачи другим людям в процессе коммуникации и ее последующего попадания в ОПР общества. Это касается даже таких, например, сущностей, которые обозначаются словами «ничто», «некто», «что-то» и т. п.

Множество привычных для нас объектов созданы сознанием наших предшественников и помещены в окружающий нас мир. Например, экватор, навигация, проекция, экземпляр, система, образец, преобразование, передача, ответственность, инфляция, этнос, спрос и прочее и прочее. Мы не можем их найти среди физических предметов, но наш здравый смысл тем не менее относит их к миру окружающему, а то и вовсе физическому.

Где же они находятся, если их нельзя обнаружить в окружающей физической реальности?

Они находятся в объективной психической реальности и являются ее сущностями. Хотя наш здравый смысл относит их к сущностям физической, социальной или психической реальности, а многие из них даже гипостазированы людьми.

Являются ли данные сущности лишь изобретениями, фантазиями человеческого сознания?

Нет, потому что они репрезентируют пусть и в специфическом антропоморфном виде что-то присутствующее в «реальности в себе». Людьми

могут быть созданы и иные антропоморфные репрезентации этого нечего. И только сам окружающий мир определяет пригодность и адекватность антропоморфных репрезентаций реальности, создаваемых человеком в форме новых сущностей мира.

Социолог Г. В. Осипов и теоретик науки С. Г. Кара-Мурза (2013, с. 26) отмечают, например, что абстрактным и многозначным понятиям *свобода* и *демократия* придавали в России 1990-х годов значение каких-то реальных сущностей и ради них ломали устойчивые, необходимые для жизни установления и отношения. В то же время «разные авторы видели в фундаментально ложном представлении о свободном рынке разные сущности. Одни воевали ради этого призрака, другие против него. Таким же объектом гипостазирования стало понятие частной инициативы. Многим казалось, что за ним кроется какая-то магическая сила, источник экономического развития, “невидимая рука рынка”» (2013, с. 34–35).

Сформированные сущности (и соответствующие понятия) начинают жить самостоятельной жизнью независимо от своего создателя. Недаром антрополог и культуролог Л. Уайт замечает: «Понятия живут собственной жизнью. Снова процитируем Дюркгейма: “Однажды родившись, они повинуются своим собственным законам. Они друг к другу притягиваются, друг от друга отталкиваются, объединяются, делятся и размножаются...” (E. Durkheim, 1912, p. 424)» (2004, с. 314–315).

Тот факт, что сущности (и понятия) создаются людьми, подтверждают наблюдения Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2004), описавших так называемые «воплощенные понятия». Фактически это сущности (и понятия), сконструированные человеческим сознанием исходя из особенностей строения человеческого тела, его положения в окружающем мире и его физических возможностей, а также проекций нашего сенсорного и пространственного опыта на абстрактные области.

Как и почему сущности создаются человеком?

В этой связи вспоминаются слова А. Эйнштейна и Л. Инфельда об «открытии» физиками поля: «Для физика начала XIX столетия не существовало поля. Для него были реальными только субстанция и ее изменения. Он старался описать действие двух электрических зарядов только с помощью понятий, относящихся непосредственно к обоим зарядам. Сначала понятие поля было не более чем прием, облегчающий понимание явлений с механической точки зрения. Наш новый язык — это описание поля в пространстве между зарядами, а не самих зарядов; описание поля существенно для понимания действия зарядов. Признание новых понятий постепенно росло, пока субстанция не была оттеснена на задний план полем. Стало ясно, что в физике произошло нечто весьма важное. Была создана новая реальность, новое понятие, для которого не было места в механистическом

описании. Постепенно и не без борьбы понятие поля завоевало прочное положение в физике и сохранилось в качестве одного из основных физических понятий. Для современного физика электромагнитное поле столь же реально, как и стул, на котором он сидит» (1965, с. 124).

Странно, но до сих пор большинство исследователей игнорируют другие важнейшие слова А. Эйнштейна и Л. Инфельда: «Физические понятия суть свободные творения человеческого разума, а не определены однозначно внешним миром, как это иногда может показаться. В нашем стремлении понять реальность мы отчасти подобны человеку, который хочет понять механизм закрытых часов. Он видит циферблат и движущиеся стрелки, даже слышит тиканье, но он не имеет средств открыть их корпус. Если он остроумен, он может нарисовать себе некую картину механизма, которая отвечала бы всему, что он наблюдает, но он никогда не может быть уверен в том, что его картина единственная, которая могла бы объяснить его наблюдения. Он никогда не будет в состоянии сравнить свою картину с реальным механизмом, и он не может даже представить себе возможность или смысл такого сравнения. Но он, конечно, уверен в том, что по мере того, как возрастает его знание, его картина реальности становится все проще и проще и будет объяснять все более широкий ряд его чувственных восприятий. Он может также верить в существование идеального предела знаний и в то, что человеческий разум приближает этот предел. Этот идеальный предел он может назвать объективной истиной» (1965, с. 30).

Авторы (1965, с. 216) указывают, что наука вынуждает нас создавать новые понятия и новые теории. Все существующие в науке идеи (теории) родились в драматическом конфликте между реальностью и нашими попытками ее понять. Они (1965, с. 239) заключают, что наука является созданием человеческого разума, его свободно изобретенными идеями и понятиями. Физические теории стремятся образовать картину реальности и установить ее связь с миром чувственных восприятий. Единственное оправдание построений нашего разума состоит в том, образуют ли и каким путем образуют такое звено наши теории.

Если вернуться теперь от физики к психологии, то с ее точки зрения человек, пытаясь понять что-то в мире, создает вербальную репрезентацию этого нечто. Эта репрезентация является продуктом его размышлений и фантазии, хотя и базируется на опыте его взаимодействия с миром. И если она выдерживает последующую проверку практикой, то превращается в действующую репрезентацию реальности. В любом случае именно человеческое воображение, основывающееся на чувственных репрезентациях окружающего мира и опыте взаимодействия с ним, активно участвует в создании все более сложных преимущественно вербальных репрезентаций сущностей мира.

§ 2. Виды сущностей

Огромное количество конституированных и сконструированных нашими предшественниками сущностей наполняют окружающий нас антропоморфный мир. Мы считаем некоторые из них странными, но вполне реальными объектами этого мира.

Сущности можно разделить в соответствии с уже сформированными философией классами на объекты и явления, свойства и действия, отношения и т. д. Их можно делить и по другим принципам: по механизмам формирования (конституированные и сконструированные на основе моделей-репрезентаций, вербально конституированные и сконструированные); по областям реальности, в которых расположило их сознание людей (физические, психические, социальные, научные, фантастические и т. д.); по степени их реальности (максимально реальные, возможно реальные, вымышленные и невозможные); по их привязке к времени (существовавшие в прошлом, имеющиеся сейчас, те, которые появятся в будущем) и т. д.

Пожалуй, самое очевидное деление сущностей по областям реальности: относящиеся к физическому миру¹, относящиеся к социальной сфере², относящиеся к психическому миру³, относящиеся к вымышленному миру⁴, трудно квалифицируемые сущности⁵, особые субъективно очевидные физические сущности, конституированные как физические объекты, но в действительности таковыми не являющиеся⁶.

¹ Например: наводнение, большинство, имущество, множество, город, торможение, прогноз, сохранение, данные, скорость, цикл, частота, эклектика, экспансия, активность, форма, содержание, структура, закономерность, термин, тест, эффект, техника, предрасположенность, типология, заповедник, фигура, фон, реципиент и т. д.

² Например: право, труд, лидер, группа, служба, деятельность, поведение, культ, институт, анархия, антагонизм, капитализм, милитаризм, герой, политика, апартеид, богема, социализация, специализация, гарантия, гласность, господство, творчество, гуманизм, приватизация, диалог, досуг, репутация, защита, статус, стиль, торговля, предписание, адресат, залогодатель, заемщик, доктрина, ересь, экстремизм, такт и т. д.

³ Например: сомнение, мысль, тревога, идея, образ восприятия, память, апатия, ощущение, представление, воля, сопереживание, фрустрация, самоанализ, цель и т. д.

⁴ Например: ангел, волшебник, гном, эликсир молодости, ядерная зима и т. п.

⁵ Например: некто, прочее, нечто, дилемма, экзистенция, практика, тактика, юмор, судьба, красота, истина, безобразие, фальсификация, чудо, фикция, фатализм, абстракция, релятивизм, эквивалент, предпосылка, причина, следствие и т. д.

⁶ Например: запах, звук, вкус, холод, тепло и т. п. — объекты, существующие согласно здравому смыслу в физической реальности независимо от воспринимающего их субъекта и проявляющиеся в форме его ощущений. Они репрезентируются специальными вербальными психическими конструкциями. Например, такими: *запах* — свойство предмета, вещества, воздуха, воспринимаемое обонянием; *звук* — физическое явление, вызываемое колебательными движениями частиц воздуха или другой среды, воспринимаемое органом слуха; *вкус* — качество, вкусовое свойство пищи, оцениваемое по производимым ею ощущениям.

Механизмы конституирования и конструирования исследователями сущностей психики, формируемых на основе интроспекции, аналогичны механизмам конституирования и конструирования исследователями физических сущностей, поэтому сущности психического мира так же, как и сущности физические, могут быть реальными (ментальный образ, понятие, эмоция), гипотетическими (воля) и вымышленными (коллективное бессознательное).

Сознание способно создавать самые странные сущности. В ОПР есть сущности очевидно гипотетические и даже вымышленные. Особенно много их в науке, в том числе в психологии. Философ А. Дж. Айер (2010, с. 219), например, обвиняет психологов в неспособности избавиться от метафизики и в употреблении неточно определенных слов вроде «интеллект», «эмпатия» или «подсознательное». Он полагает, что особенно много таких «метафизических элементов» в теориях психоаналитиков и их можно было бы устранить философским прояснением данных терминов.

Сущности могут относиться одновременно к разным реальностям. Например, быть физическими, но вымышленными: Медуза Горгона, Змей Горыныч, птица Феникс, Царевна-лягушка, Снегурочка, кентавр, тролль, хоббит, живая и мертвая вода и т. д. Или психическими, но реальными: мысль, желание, ощущения, образ и т. д. Они могут быть физическими и реальными (например, масса, энергия, работа, электрический заряд, сила тока, путь, скорость движения, время, гравитация, напряжение и т. д.), хотя конституированы с помощью вербальных конструкций¹.

Сущности могут быть сконструированными и при этом практически недоступными чувственному иллюстрированию. Например, невообразимые сущности — пятое измерение. Они могут быть физическими, но вымышленными².

Есть сущности, сконструированные с помощью вербальных конструкций, считавшиеся ранее физическими и рассматривавшиеся как возможно реальные, но оказавшиеся теперь в фантастической реальности³. Сущности, референтами которых являются физические объекты, реально присутство-

¹ Например, таких: *масса* — это скалярная физическая величина, определяющая инерционные и гравитационные свойства тел в ситуациях, когда их скорость намного меньше скорости света (Л. Б. Окунь, 1992, с. 50–52).

² Например, не соответствующими реальности окружающего мира (царь Китая) или прошлого (жена М. Ю. Лермонтова, король Франции, правивший с 1970 по 1980 годы), или даже мира вымышленного (сын князя Болконского и Наташи Ростовской)

³ Например: эфир, флогистон, ньютоний и другие несуществующие химические элементы, философский камень, левитация, астрал, торсионное поле, антивещество, флюид, высшие энергетические слои, тонкие вибрации, чакры, энергетические оболочки и т. п.

вавшие ранее в физическом мире, но в настоящее время исчезнувшие¹. Сущности странные или неопределенные². Сущности, способные возникнуть в будущем, но в настоящее время не существующие³. Широко известны сущности, созданные в художественной литературе⁴.

Можно выделить еще много других групп сущностей. Например, инструментальные, или подсобные, сконструированные с помощью вербальных конструкторов, в качестве того, чего точно нет в окружающем физическом мире⁵. Невозможные в принципе, но все же созданные сознанием. Сущности такого рода являются убедительной демонстрацией способности сознания создавать даже такие сущности, которых не может быть, но которые созданы им и существуют теперь в общей ОПР⁶. Не обнаруженные пока в реальности, чье существование, однако, возможно⁷.

Многие созданные человеком сущности остаются, говоря метафорически, «недоделанными». П. Бурдые (1994, с. 68), например, вообще полагает, что понятия могут и в некоторой степени должны оставаться «открытыми», «временными». Что, однако, не означает быть неопределенными, приближительными или путаными. Например, понятия «признание» и «непризнание» были введены, чтобы дать имя чему-то такому, что отсутствовало в теориях власти или было обозначено только в самом грубом виде («власть приходит снизу» и т. п.).

Тем не менее есть множество достаточно аморфных вербальных концептов, которые конституируют столь же аморфные сущности. Со временем они либо уточняются, либо забываются, как, например, народный дух (А. И. Тимофеев, 1996, с. 67).

Все перечисленные выше сущности объективно присутствуют, но лишь в сознании людей и в ОПР.

Есть лишь одна группа сущностей, реально претендующих на то, что они если и не изоморфны, то хотя бы несомненно адекватны элементам

¹ Например: динозавры, исторические личности, наши умершие родственники и знакомые, Бастилия, Сухаревская башня, Троя и т. д. Важно, что референты исчезли, а сущности сохраняются в нашей ОПР.

² Например: некто, нечто, что-то, это и т. п.

³ Например: гравилет, поселение на Луне, человек, родившийся 1 января 2050 года, и т. п.

⁴ Например: литературные герои, фантастические страны, миры и даже вселенные.

⁵ Например: число пи, постоянная Планка, средняя величина — «центральная тенденция, являющаяся результатом суммирования в одну величину тенденций всех переменных в распределении, взятом как целое» (А. Антинази, 2009) и т. п.

⁶ Например, сухая вода, четырехугольный треугольник, сумма углов треугольника в евклидовой геометрии, равная 270 градусам, и т. п.

⁷ Например, сфера Дайсона, белая дыра, океаны под поверхностью Марса.

«реальности в себе». Это физические предметы, физические объекты и явления, их свойства и действия. Они воспринимаются не только человеком, но и животными как нечто несомненно присутствующее в окружающем физическом мире. Однако наше сознание формирует свою картину физической реальности не только из них, но и из множества других сущностей, пребывающих лишь в человеческом сознании. В физической реальности такие сущности представлены более или менее очевидными чувственно репрезентируемыми референтами.

Чрезвычайно важным признаком сущности является ее доступность или недоступность восприятию. Доступные и недоступные восприятию сущности радикально отличаются друг от друга. Но и те и другие обычно обозначаются в языке существительными, имеют род, число, склоняются как существительные, могут действовать и обладают свойствами. Например, «значительная длина со временем уменьшилась». Данное обстоятельство стирает для людей различия между чувственно конституированными (построенными преимущественно с помощью восприятия) сущностями и сущностями, сконструированными с помощью вербальных концептов.

Новые сущности человеческое сознание конституирует и конструирует, так сказать, по образцам, то есть по подобию уже созданных им на основе чувственных репрезентаций физических предметов, объектов и явлений. Между предметами и типичными физическими объектами ОПР располагается особая группа физических сущностей, которые занимают промежуточное положение. Например, природные процессы: наводнение, метель, ураган, извержение, закат, восход, затмение, землетрясение и т. д.

Уже одно то, что сознание использует существительные для обозначения формируемых им сущностей ОПР, сразу придает им сходство с предметами, физическими объектами и явлениями.

Б. Уорф (2003, с. 171) обсуждает, например, такие слова, как *summer* («лето»), *winter* («зима»), *september* («сентябрь»), *morning* («утро»), *noon* («полдень»), *sunset* («заход солнца»), которые являются существительными. И замечает, что мы говорим *at sunset* («на заходе солнца») или *in winter* («зимой») так же, как *at a corner* («на углу»), *in an orchard* («в саду»).

Эти слова образуют множественное число и исчисляются подобно существительным, которые обозначают предметы материального мира, о чем говорилось выше.

Он (2003, с. 172) пишет, что в силу языковой аналогии мы говорим, например, вместо «периодизации» (*phasing*) о «периоде» и «периодах» (*a phase* и *phases*). Похожая ситуация имеет место, когда мы говорим о существительных, обозначающих вещества. Результатом ее является двучленное словосочетание «бесформенное вещество плюс форма». Например, *a bottle of milk* («бутылка молока») или *a piece of cheese* («кусочек сыра»). Следовательно,

такие общие понятия, как substance («субстанция») и matter («материя»), могут заменить в данном словосочетании почти любое существительное.

По мнению автора (2003, с. 172), по аналогии образуются существительные, выражающие протяженность во времени, для которых и появился термин time («время»). Мы говорим a time, то есть какой-то период времени, событие, исходя из модели a mass noun (существительных, обозначающих вещества), подобно тому, как a summer («некое лето») мы превращаем в summer («лето») (как общее понятие) по той же модели. Итак, используя наше двучленное словосочетание, мы можем говорить или представлять себе a moment of time («момент времени»), a second of time («секунда времени»), a year of time («год времени»). Здесь сохраняется модель a bottle of milk («бутылка молока») или a piece of cheese («кусочек сыра»). И это помогает нам представить, что a summer реально содержит такое-то и такое-то количество (time).

Приведенные Б. Уорфом (2003, с. 171–172) примеры хорошо иллюстрируют огромное влияние уже сложившихся и зафиксированных в языке форм на концептуализацию людьми новых фрагментов «реальности в себе» и создание новых сущностей.

Парадоксально, но большинство даже вымышленных сущностей, являющихся психическими объектами и пребывающих лишь в ОПр, имеют вполне реальные физические референты и могут действовать в ОПр. Недаром М. Мамардашвили пишет: «Сами эти вещи не существуют, например душа. А что-то ведь с ней происходит. И происходящее имеет следствия, которые потом наблюдаемы на уровне бытия» (2002, с. 108).

Итак, **большинство наших понятий обозначают конвенциональные сущности, представленные в сознании вербальными конструкциями. И люди принимают в качестве реального то, что эти конструкции репрезентируют.** Например, такие, несомненно, реальные с точки зрения здравого смысла «вещи», как нефтедобыча, коллективизация, восстание, скотоводство, посевная, глобализация, эмансипация и т. п., в конечном счете не более чем вербальные психические конструкции людей, обозначенные словами и превратившиеся от этого в особые сущности мира.

Люди именно так концептуализировали совокупности других объектов, их отношений и действий, событий и ситуаций, происходящих с их участием и т. д., то есть большие фрагменты физического мира. В качестве новых и более глобальных сущностей они присутствуют лишь в сознании. Тогда как в чувственно репрезентируемом физическом мире¹ им соответствуют

¹ Нефтедобыча, например, включает в себя множество рабочих и их специфические действия, а также нефтяные вышки, скважины, бурение скважин, трубы и т. д. Специальная вербальная конструкция (например, такая: *нефтедобыча — отрасль экономики, занимающаяся добычей природного полезного ископаемого — нефти*) конституирует все эти сущности — объекты, действия, связи между ними и т. д. в виде новой сущности мира.

лишь физические референты — разнообразные, но совершенно иные сущности — рабочие, их действия и отношения, используемые и создаваемые ими специфические объекты и т. д.

Кстати, многие сущности, та же самая нефтедобыча, вообще «пребывают» только в длящемся времени. То есть для их развертывания требуются продолжительные периоды времени. Тем не менее здравый смысл часто рассматривает их даже как физические сущности. Хотя в физическом мире в каждый данный момент нет нефтедобычи, а есть лишь набор ее референтов. Она присутствует лишь в ОПР, но наш здравый смысл даже не сомневается в ее безусловном наличии в физической реальности.

Используемые нами сущности создаются как на основе моделей-репрезентаций, так и с помощью вербальных концептов. При этом обычный человек не делает различий между теми и другими. Например, не различает в качестве присутствующих и отсутствующих в физической реальности такие сущности, как тюремная камера и свобода или планета и ее орбита.

Огромное число сущностей сконструированы с помощью вербальных конструкций, составленных из понятий, в свою очередь сконструированных из других более простых понятий с использованием чувственных репрезентаций лишь для иллюстрирования этих сущностей или связанных с ними явлений.

Многие физические, химические, биологические, социальные и т. д. сущности вообще не репрезентируются чувственно. Они конституируются либо конструируются сознанием лишь с помощью вербальных концептов. Впрочем, данное обстоятельство не мешает многим из них (темная материя, квантовые струны, темная энергия, телепортация, кротовые норы и т. п.) быть иллюстрированными образами представления и воспоминания совершенно иных объектов с похожим названием, но доступных восприятию.

В зависимости от наличия у сущностей референтов в окружающем мире они могут быть условно разделены на, несомненно, имеющие множество очевидных референтов в окружающей физической реальности¹; имеющие менее очевидные референты в физической реальности² и имеющие в физической реальности трудновывяляемые референты³.

¹ Например: капитал, армия, базар, алгоритм, валюта, больница, работа, энергия, масса, электричество, любовь, болезнь, собственность, телевидение, суд, ферма, фонд, стоимость и т. д.

² Например: самообладание, связи, синдром, убеждение, состояние, среда, стихия, искусственный интеллект, мутация, ценность, экономия и т. д.

³ Например: софизм, идеализм, сознательность, истина, отношение, стратегия, система, абстракция, умысел, предназначение, формальность, трансцендентальность, условность и т. д.

§ 3. Наиболее общие сущности

Как отмечалось выше, самые общие сущности уже разделены философией на объекты и явления, их свойства и действия, события, связи, отношения, ситуации и прочее и прочее. Кстати, все эти слова сами обозначают сущности объективной психической реальности и репрезентируются довольно аморфными вербальными концептами.

Так, к примеру, *объект* (в самом широком плане) — *это аспект окружающего мира, который осознается человеком*. Здесь этот термин употребляется в основном в значении чего-то или практически всего обозначаемого в языке существительными. Явление — другая важная сущность, тоже конституированная вербальной психической конструкцией. Например, такой: *явление — что-либо в сознании, то есть любое психическое содержание, появившееся в нем*. Или такой: *явление — воспринимаемое человеком «нечто», еще не классифицированное им как объект, свойство, действие, отношение и т. д.*

Явления, как и объекты, можно разделить на физические, биологические, химические, социальные, психические и т. д., а также (с большой долей условности) на процессы¹ и состояния².

Легко заметить, что одни из перечисленных сущностей доступны восприятию хотя бы в виде своих референтов, тогда как другие невозможно столь же просто там обнаружить. Тем не менее мы привыкли считать частью реальности и те и другие.

Свойства и действия тоже обозначаются в языке существительными и формируются сознанием по тем же механизмам, что объекты и явления. То, что принято обозначать понятием *качество* или *свойство*, естественным образом разделяется по крайней мере на две большие группы. Это нашло отражение еще в «первичных» и «вторичных» качествах Дж. Локка (1985).

Одни свойства конституируются чувственно с помощью собирательных моделей-репрезентаций множества сходных в определенной модальности объектов и считаются физически присущими объекту. Например, твердость, тяжесть, голубизна, сладость, гладкость и т. д. Другие свойства трудно, а порой и невозможно непосредственно воспринять, и они конструируются сознанием вербально. Например, электропроводность, изменчивость, неустойчивость и т. д. Некоторые свойства занимают как бы промежуточное положение: растворимость, горючесть, хрупкость и т. д.

¹ Например: северное сияние, буря, пожар, закат, затмение, наводнение, снегопад, вымирание, оледенение, растворение, излучение, восход, засуха, распад, конкуренция, воспаление, выздоровление, болезнь, восприятие и т. п.

² Например: смерть, мороз, зной, облачность, слякоть, равновесие, неопределенность, перенаселение, сон и т. п.

В литературе широко распространено представление о возможности существования свойств в качестве особых самостоятельных сущностей окружающего мира и соответственно возможности наличия в сознании их репрезентаций в качестве независимых от объектов ощущений. С. Неретина и А. Огурцов замечают: «Позиция реализма состоит в том, что свойства считаются существующими реально, образуя конститuenty вещей, и столь же реально существует тождество свойств» (2006, с. 13).

Я уже писал ранее, что **сознание во всех чувственных модальностях всегда репрезентирует лишь одно — некую чувственно воспринимаемую сущность**. В одних модальностях (зрительной, в меньшей степени слуховой и тактильной) эта сущность репрезентирована максимально полно, что позволяет сознанию выделять репрезентируемые объекты среди множества прочих даже сходных с ними в данной модальности. Такие сенсорные репрезентации в отечественной психологии принято называть образами объектов.

В других чувственных модальностях сознание способно репрезентировать лишь множества сходных в определенной модальности объектов: теплые, гладкие, кислые и т. д. Но возникающие репрезентации не позволяют ему выделять отдельные объекты в данном множестве. Сенсорные репрезентации такого рода принято называть ощущениями, вызываемыми объектами.

Ощущение, в отличие от образа, не позволяет идентифицировать конкретный объект среди множества других объектов, созданного сознанием на основе сходного ощущения. То, что единичное ощущение не в состоянии самостоятельно репрезентировать конкретный объект, нашло отражение в языке: гладкий (и приклад, и стол, и каток и т. д.), сладкий (и виноград, и чай, и шербет и т. д.).

Феноменологически то, что принято считать свойством объекта, — это лишь одна из самостоятельных чувственных репрезентаций того же самого объекта, возникающих в «неосновной» для человека сенсорной модальности, а не какое-то его качество. Вводим же мы новое понятие *свойство объекта* наряду с имеющимся понятием *объект* потому, что так нам легче рационально объяснить и объединить в одну чувственную репрезентацию объекта все его самостоятельные разномодальные сенсорные репрезентации — и основную (образ объекта), и второстепенные (ощущения, возникающие в иных модальностях).

В процессе формирования сущностей сознание вычленяет, абстрагирует из многих моделей-репрезентаций различных объектов их (объектов) сходные мономодальные репрезентации. Например, лимонный запах или сладкий вкус. И создает на их основе очередную новую умозрительную

сущность в виде так называемого общего свойства множества разных объектов: белизна, голубизна, краснота и т. п. На основании собственных ощущений, вызываемых у него элементами «реальности в себе», человек сформировал такие сущности, как темнота, теплота, холод и т. д. В виде особых сущностей люди конституировали и многочисленные изменения¹ окружающего мира — движение, перемещение, превращение, трансформацию, переход и т. д.

Одни физические действия (удар, связывание, трение, удушение, рост, падение и т. д.) человек конституирует на основе чувственных репрезентаций. Другие (распад частицы, перескок электрона на новую орбиту, поглощение света черной дырой, синтез тяжелых металлов и т. д.) он конструирует с помощью вербальных конструкций. Есть и сущности, конституированные с помощью вербальных конструкций, но на основе чувственных репрезентаций, — растворение, некроз, заживление, поиск, венчание и т. д.

Интересно, что здравый смысл часто не в состоянии разграничить, например, физические явления и действия в физической реальности. И это находит отражение в языке. Так, гравитация — это явление, а притяжение скорее действие.

Среди сущностей, относящихся к движениям, действиям, изменениям и их результатам, можно выделить: физические движения, действия и изменения², социальные действия и изменения³, психические действия и изменения⁴, психические действия в ОПР, маскируемые действиями физическими, которые сами по себе имеют совершенно иной смысл⁵. Легко можно выделить и другие варианты действий. Например, действия и одновременно их результат. Они могут происходить в физической, социальной и психической реальности⁶.

¹ Изменение — форма бытия мира, выражающаяся в виде тотального и постоянного превращения всего в нечто иное, трансформации, перехода из одного состояния в другое. Частным проявлением изменения является движение — изменение положения предмета или его частей в пространстве, перемещение, состояние, противоположное неподвижности, покою.

² Например: ходьба, разговор, полет, плавание, горение, взлет, разбег, передача, гравитация, скольжение, падение, построение, разрушение, парение, покраснение, потепление, кипение, растворение, ловля, отклонение, увядание и пр.

³ Например: стагнация, инфляция, протест, репатриация, расселение, подавление и т. д.

⁴ Например: восприятие, мышление, представление, решение, запоминание, рассмотрение и т. д.

⁵ Например: крещение, венчание, воцарение, бракосочетание, импичмент, принесение присяги и т. д.

⁶ Например: переезд, падение, разрушение, покупка, выигрыш, добыча, потеря и пр.

Кроме объектов и явлений, свойств и действий, в окружающем мире присутствуют и другие сформированные людьми сущности. Например, события, состояния, ситуации, отношения, связи¹ и т. д. Как и прочие сущности, они обозначаются в языке существительными и обычно конструируются вербальными или чувственно-вербальными концептами.

Э. Тейлор и Дж. Уиллер (1969, с. 30) пишут, что в физике основное понятие — событие. Оно характеризуется местом и моментом времени, в который произошло. Примерами событий являются: испускание частицы или световые вспышки (взрывы); отражение или поглощение частиц; столкновения и почти столкновения, именуемые совпадениями. В. Гейзенберг (1990, с. 145) полагает, что понятие *событие* должно быть ограничено наблюдением. Наблюдение играет решающую роль в атомном событии, и реальность различается в зависимости от того, наблюдаем мы ее или нет.

Психолог Н. Смит (2003, с. 63) же, например, считает, что событие — это то, что происходит; безразлично, знаем мы об этом или нет.

То есть то, о чем мы не знаем и никогда не узнаем, — это тоже события для нас?!

С данным утверждением автора трудно согласиться. Более того, события существуют во времени. А. Ребер, например, полагает: «Событие. Случай, явление, часть действительности, что-то, что происходит, что имеет начало и конец и может быть определено в терминах изменения» (2001a, с. 272).

Но тогда событий в физической реальности нет в каждое конкретное мгновение настоящего времени, так как они требуют для своего развертывания временного периода, течения времени. Но физическая реальность наличествует только в краткое конкретное настоящее мгновение времени. Из этого вытекает очевидный факт — событие не существует в настоящем мгновении физической реальности. Оно появляется только в длящемся времени и лишь в человеческом сознании, представляя собой

¹ Событие — явление, фрагмент действительности, имеющее начало, окончание и определенную внутреннюю динамику; любое изменение реальности, оказывающее влияние на человека. Состояние — относительно устойчивое положение, в котором находится сущность, когда ее основные параметры сравнительно устойчивы. Ситуация — совокупность фрагментов окружающей среды, сложившаяся на данный момент времени и определенным образом воздействующая на человека. Отношение — эмоциональная реакция, возникающая у человека при восприятии определенного объекта или возникновении в его сознании репрезентации этого объекта, и поведенческий ответ, обусловленные опытом взаимодействия с этим объектом. Связь — тесная зависимость объектов друг от друга и их взаимовлияние. (Эти и некоторые другие определения сущностей взяты из электронного издания «Национальная энциклопедическая служба России (НЭС)» и других словарей и в разной степени изменены.)

репрезентацию последовательных изменений (мгновений) физической реальности, то есть не что иное, как психический объект, конструкцию человеческого сознания.

Эту мысль подтверждают многие авторы. Л. Витгенштейн прямо говорит, что событие создается языковой конструкцией: «Простейшее, элементарное предложение утверждает существование некоего события» (1994, с. 29).

О том же пишет Ж. Делез: «...события-эффекты не существуют вне выражающих их предложений...» (1995, с. 40).

Можно добавить, что события, как и факты, создаются вербальными конструкциями людей, а потому в качестве таковых существуют только в сознании и в ОПР. События могут быть не только физическими, но и социальными (вечеринка, собрание, заседание, утренник, бал, выборы, ратификация, награждение, референдум, опрос и т. д.), психическими (осознание, прозрение, принятие и пр.) и т. д.

Сущности, которые относятся к состояниям, тоже весьма разнообразны: состояния объектов физической реальности¹; психические состояния человека²; состояния социальных объектов, например государства³; состояния живых существ⁴; состояния прочих объектов, например системы⁵.

Многие сущности можно отнести сразу к разным группам. Например, пасмурность, холод, жара, облачность, дождь, мороз, сушь и т. д. — это и явления природы (одна сущность ОПР), и состояния погоды (другая сущность ОПР). Все это свидетельствует об аморфности концептов, конструирующих многие из перечисленных сущностей.

Описание вариантов сущностей можно продолжить. Все они обозначаются существительными, то есть конституированы или сконструированы сознанием в форме объектов и относятся нашим здравым смыслом к реальности. Хотя очевидно, что в качестве объектов могут существовать лишь в сознании. Они образуют множества, легко превращающиеся в новые более общие сущности, обозначаемые новыми обобщающими понятиями⁶.

¹ Например: влажность, загрязнение, сухость, взаимозависимость, притяжение, подчинение, влияние, принадлежность, взаимодействие и т. д.

² Например: неуверенность, возбужденность, тревожность, мнительность, раздражительность, радость, переутомление, бодрость, влюбленность и пр.

³ Например: перемирие, война, разруха, разорение, обогащение, поражение и пр.

⁴ Например: сон, пробуждение, бодрствование, агония, смерть и пр.

⁵ Например: равновесие, неустойчивость, стабильность и т. д.

⁶ Например: *работа* — это и *стирка*, и *уборка*, и *пахота*; *отдых* — это и *чтение*, и *болтовня*, и *игра*; *спорт* — это и *плавание*, и *бег*, и *борьба*; *деятельность* — это и *работа*, и *отдых*, и *спорт*.

Сущности мира конституированы и сконструированы сознанием, а потому, естественно, пребывают только в нем. Это, впрочем, не мешает сознанию локализовать большинство из них в окружающем человека мире в месте нахождения репрезентируемых ими элементов «реальности в себе». В психологии до сих пор не определено, где пребывают, например, само пространство сознания и психические явления; как соотносятся воспринимаемое, воображаемое (представляемое) и вспоминаемое пространство окружающего мира и что следует считать пространством внутренним, а что — внешним.

Что такое пространство сознания и где оно находится?

М. Мерло-Понти (1999, с. 90–91) полагает, например (и как мне кажется, справедливо), что феномены сознания следует искать вовне, в окружающей реальности, которую нужно рассматривать не как некие объекты, находящиеся вне нас, а как феноменальное поле нашего же сознания, перекрещивающееся с феноменальными полями других сознаний.

Кстати, феноменальные поля (пространства) индивидуальных сознаний не перекрещиваются друг с другом. Психические феномены разных сознаний просто похожи друг на друга и локализуются в тех же местах «реальности в себе». Образы восприятия и ощущения, репрезентирующие, например, предметный физический мир, локализуются во внешнем по отношению к нашему телу пространстве в местах нахождения репрезентируемых ими элементов «реальности в себе». Соответственно, такие объекты сознания, как вещественные физические сущности, локализуются часто далеко за пределами нашего тела.

Многие сущности ОНР вовсе не имеют локализации. К тому же ОНР развернута во времени. Некоторые ее сущности относятся к прошлому или к будущему и пребывают в воображаемом пространстве, которое просто невозможно локализовать. Пространство сознания может быть и внутренним (по отношению к телу), и внешним, и не имеющим локализации. И везде в нем могут присутствовать многообразные сущности ОНР.

Сущности ОНР создаются сознанием по образцу предметов (шкатулка, диван, очки и т. п.), вещественных физических объектов (облако, солнце, горы и т. п.) и явлений (солнечное затмение, мороз, гроза и т. п.). Но в отличие от них они не совсем вещественны или вовсе не вещественны¹. Причем между вещественным объектом и вербально сконструированным объектом, недоступным восприятию, располагается непрерывный спектр сущностей.

Одни сущности ближе к предметам и физическим объектам, например вес (предмета) или высота (горы), и хотя бы частично доступны восприятию. Другие почти недоступны восприятию, например гигроскопичность

¹ Напомню, что вещественность, в моем понимании, заключается в чувственной доступности сущности людям, в ее чувственной данности им.

(вещества), интенсивность (излучения) и т. п. Но и те и другие конституированы вербально. В отличие от предмета, непосредственно доступного восприятию, его вес лишь косвенно доступен восприятию в виде ощущения давления предмета. Эта сущность конституирована сознанием на основе чувственных репрезентаций, но с помощью вербальной конструкции, например такой: *вес — сила, с которой предмет действует на опору, препятствующую его падению* (Ю. Г. Рудой, 1988, с. 262).

Следующая группа физических сущностей (например, растворимость, морозостойкость, всхожесть, живучесть, электропроводность и т. п.) располагается как бы еще дальше от предметов, физических объектов и явлений. Эти сущности не могут быть конституированы без вербальных выводов из чувственных репрезентаций, а последние играют скорее роль иллюстраций.

Есть сущности, еще более удаленные от предметов и еще менее доступные восприятию. Например, климат, здоровье, экология и т. п. Восприятию доступны лишь их референты, на основе которых сознание формирует их с помощью вербальных концептов¹.

Наконец, есть множество сущностей, которые вообще недоступны восприятию. Их сознание формирует, делая сложные умозаключения, строя аналогии и допущения. Для этого оно создает сложные вербальные концепты, которые и превращаются в репрезентации новых сущностей. Например, таких, как опыт, приспособление, генофонд, эволюция, достоинство, откровенность, ответственность и т. д.

ОПР наполнена множеством сущностей, пребывающих лишь в ней самой, хотя и относимых нами к физическому миру. При этом нам было бы крайне сложно обойтись без них, если бы мы вдруг решили произвести «инвентаризацию» своего физического мира. **Будучи созданными людьми и являясь продуктом культуры, они для каждого следующего поколения предстают как давно известные, внешние и независимые от человека, а потому не менее реальные, чем вещественные и доступные восприятию сущности окружающего мира.** При внимательном рассмотрении они кажутся не совсем обычными, но вполне объективными и, без сомнений, присутствующими в мире.

В. В. Морковкин и А. В. Морковкина (1997, с. 50–51) пишут, что сознание человека содержит огромное количество понятий, для которых в окружающем мире нет соответствующих объектов, но без которых сам

¹ Например, таких: *климат — многолетний режим погоды, свойственный той или иной местности на Земле и являющийся одной из ее географических характеристик* (Словарь русского языка: в 4 т., 1999, с. 58); *здоровье — состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов* (Пreamбула к Уставу (Конституции) ВОЗ, 1973, с. 1).

этот мир становится непроницаемым для человеческого разума. В окружающем мире нет, в частности, объектов, обозначаемых словами «вера» и «неверие», «возвышенное» и «низкое», «прекрасное» и «безобразное», «добро» и «зло», «дух», «свобода» и т. д.

По словам авторов (там же), ментальные сущности, именуемые множеством подобных слов, расширяют эмпирическую ограниченность (то немногое, что дано только в восприятии. — С. П.) предметного мира и фиксируют связи, выстроенные человеком за тысячелетия умствования. Мир, «населенный» такими сущностями (наряду с чувственно воспринимаемыми вещами), — это качественно другой мир по сравнению с дочеловеческим (или внечеловеческим) окружающим миром. Именно этот другой мир является единственной реальностью для социализированного человека.

Действительно, подобные сущности сразу и целиком невозможно непосредственно воспринять в окружающем мире в конкретный момент времени, как, например, предметы. Конкретную болезнь нельзя «увидеть»¹. Да и увидеть при наличии специальных знаний можно лишь иные сущности — ее референты — имеющиеся у больного симптомы болезни, но не ее саму.

Реальны ли сущности ОПР?

Сущности, репрезентируемые чувственно, отличаются от сущностей, репрезентируемых вербально, своей вещественностью. Однако и чувственно (камень, арбуз, ручей и т. д.), и вербально репрезентируемые сознанием сущности (правительство, полиция, меридианы, часовой пояс и т. п.) почти одинаково реальны для здравого смысла при условии получения человеком вербальных репрезентаций из авторитетных для него источников.

Из того факта, что сущности формируются человеческим сознанием, не следует, что они лишь изобретения человеческого сознания. Они соответствуют «реальности в себе», так как именно она определяет пригодность и адекватность репрезентаций реальности, создаваемых людьми в форме новых сущностей. Человек играет в специфической концептуализации окружающего мира важную, но отнюдь не определяющую роль. Он лишь формирует собственную антропоморфную картину окружающей «реальности в себе», помогающую ему успешно существовать и действовать в ней.

Можно долго и безуспешно спорить по поводу реального наличия в мире физических предметов, объектов и явлений. Но совершенно очевид-

¹ Для того чтобы поставить диагноз, человек должен научиться не просто наблюдать симптомы, но и «видеть», то есть распознавать известные медицине их специфические сочетания и изменения состояния больного, характерные для разных болезней. Следовательно, в его сознании должны сформироваться смешанные репрезентации доступных и недоступных восприятию проявлений разных болезней на разных этапах их течения. На основе восприятия симптомов человек, владеющий дополнительными специальными знаниями, способен обнаружить, точнее, распознать болезнь.

но, что в нем нет сущностей, выстроенных человеческим сознанием с помощью вербальных конструкций. Например, таких, как энергия, экология, свобода, справедливость, надежда, удача и прочее, и прочее. В «реальности в себе», безусловно, за ними что-то стоит, но там есть нечто иное. Тем не менее это иное концептуализировано людьми именно так.

Столь же очевидно, что в окружающем мире есть референты всех сформированных людьми, а оттого «человеческих», или антропоморфных, сущностей. Но референты не идентичны сущностям, и мы знаем, что все наши сущности созданы с помощью концептов и понятий нашими предшественниками, пытавшимися понять и описать мир. Например, сущности, обозначаемые основными понятиями любой науки, не следует искать в природе. Даже в физике мы имеем дело исключительно с созданными исследователями концептами (и понятиями), репрезентирующими физические сущности.

Все сущности являются результатом психического творчества людей, которое тем не менее опирается в конечном счете на данные их восприятия. То есть **сущности не формируются людьми волюнтаристски, лишь по их желанию**. Новый концепт появляется не потому, что репрезентирующая что-то вербальная конструкция получила обозначение, а вследствие того, что у общества возникла потребность в выделении, описании и обозначении словом некоего нового элемента «реальности в себе». Последний может быть не вполне доступен восприятию или вовсе недоступен ему, но он, по мнению исследователя, все же присутствует в мире.

В известном нам мире **нет сущностей, независимых от «реальности в себе» и человеческого сознания**. Формируемые сознанием сущности отличаются друг от друга лишь количеством оснований для введения их в наш антропоморфный мир. В качестве таких оснований выступают их референты — чувственные репрезентации (для физического мира) и психические переживания (для мира психики), позволяющие исследователям предполагать наличие чего-то в «реальности в себе» и репрезентировать это нечто с помощью нового вербального концепта.

Соответствуют ли сущности ОПП «реальности в себе»?

Да, но в разной степени — от максимального соответствия в случае чувственно репрезентируемых физических сущностей до минимального в случае психических конструкторов, имеющих немногочисленные и не очень явные референты в физической реальности.

Насколько сущности ОПП соответствуют элементам «реальности в себе»?

На этот вопрос можно ответить словами Яна Хакинга (1998, с. 154–160), который пишет, что хорошим свидетельством в пользу существования постулируемого или выводимого объекта является наличие у нас понимания

его причинных сил. Наилучшим же свидетельством будет создание нами машин, которые будут надежно работать, используя ту самую причинную силу.

Следовательно, по мнению автора (там же), лучшим подтверждением научного реализма служит инженерия, а не теория. Суть заключается не в том, чтобы понять мир, а в том, чтобы изменить его. Долгоживущие теоретические объекты, которыми мы так и не смогли начать манипулировать, обычно оказываются всего лишь замечательными заблуждениями. И еще, когда мы используем некоторые ненаблюдаемые сущности для исследования других аспектов природы, мы имеем право утверждать (пока нам не докажут, что мы ошибаемся в том, что делаем), что эти сущности реальны.

Я согласен с мнением таких авторитетов, как Г. Гельмгольц (2002, с. 36–37), Э. Кассирер (2006, с. 349), Б. Рассел (2001, с. 181), о том, что даже наши чувственные репрезентации представляют собой лишь знаки вещей, читай элементов «реальности в себе».

При этом я допускаю, что чувственные репрезентации являются в некоторой степени и в узких диапазонах нашего восприятия, возможно, даже их иконическими знаками. Но ни доказать, ни опровергнуть этого мы не можем. Более того, как показывает практика, однозначные утверждения в науке, как правило, ошибочны.

Тезисы

1. Большинство исследователей исходят сейчас из объективистской позиции, в соответствии с которой в окружающем мире присутствуют объекты и явления разного вида, доступные или недоступные восприятию. Задача исследователя — обнаружить их, максимально детально изучить и описать.
2. Однако объектов и явлений без человека и вне его сознания в «реальности в себе» нет. Сущности, наполняющие антропоморфный мир, который наш здравый смысл считает окружающим миром, не присутствовали изначально в нем и не были открыты нашими предшественниками. Они были созданы ими в форме психических репрезентаций элементов мира, наделены самостоятельным и независимым от сознания бытием и помещены в глобальную психическую антропоморфную репрезентацию мира. Все сущности, которые мы выделяем в реальности, были когда-то конституированы или даже сконструированы нашими предшественниками с помощью концептов (и понятий).

3. Сущность — это психическая репрезентация элемента «реальности в себе», создаваемая сознанием и рассматриваемая им как нечто целостное, самостоятельное, отдельное от сознания и самодостаточное, присутствующее в окружающем мире или даже в самой психике. Формирование сущностей облегчает сознанию понимание мира и ориентирование в нем.
4. Для формирования сущностей сознание строит психические конструкции (чувственные, вербальные и смешанные), или концепты, которые и репрезентируют разные сущности мира (физические, биологические, экологические, химические, социальные, философские, психические, трудные для классификации и т. д.).
5. Создавая из потока изменчивых чувственных репрезентаций инвариантные, доступные повторному рассмотрению психические конструкции — концепты, сознание рассматривает их как репрезентации независимых от него сущностей. Тем самым оно упрощает мир, делает его более понятным для себя, приобретая в итоге способность предсказывать его возможные изменения. Образ обозначающего сущность слова превращается в новое понятие, которое отождествляется с сущностью и замещает ее в мышлении.
6. Психические образы доступных восприятию элементов «реальности в себе» сознание конституирует в виде конкретных физических сущностей — предметов и вещественных объектов и явлений. Лишь в отношении этих сущностей можно предполагать, что они если и не изоморфны, то, несомненно, соответствуют фрагментам «реальности в себе». Они воспринимаются не только человеком, но и животными как нечто безусловно присутствующее в окружающем мире.
7. Побуждают сознание к созданию новой сущности, недоступной восприятию, ее физические референты — объекты и явления, уже сформированные сознанием на основе чувственных репрезентаций мира.
8. Пытаясь понять что-то недоступное его восприятию, человек формирует вербальную репрезентацию новой сущности, или вербальный концепт, который является продуктом его размышлений и воображения, хотя и базируется на опыте его взаимодействия с миром. И если созданная им сущность выдерживает последующую проверку практикой, то превращается в действующую репрезентацию фрагмента реальности.
9. Люди не создают сущности волюнтаристски, по собственному желанию. Все сущности зависимы от «реальности в себе» и человеческого сознания. При формировании сущностей — как доступных

восприятию, так и в высшей степени умозрительных — меняется лишь степень участия в этом процессе чувственных репрезентаций «реальности в себе», с одной стороны, и воображения — с другой.

10. Человек создает сущности на двух уровнях — чувственном и вербальном. Следует различать также формирование новых сущностей и усвоение сознанием уже созданных обществом сущностей. Сознание способно формировать альтернативные сущности в результате восприятия одного и того же элемента «реальности в себе».
11. Сущности ОПР, сформированные нашими предшественниками и современниками, обозначаются в языке именами существительными. Изучая родной язык, ребенок тем самым знакомится с множеством сущностей, с их свойствами, действиями и изменениями и получает в итоге основополагающие знания общества об окружающем его антропоморфном мире.

**ВАЖНЕЙШИЕ
ОБЛАСТИ ОПР**

Будучи изначально противником идей Платона (2018) о самостоятельном существовании его «мира идей и эйдосов», я с большим удивлением обнаружил, что изучение феноменологии психических явлений неожиданным образом привело меня к установлению факта объективного существования чего-то напоминающего в некоторой степени тот самый платоновский «мир идей», пусть и совсем не в том виде, в котором изображал его Платон.

Оказалось, что нечто похожее существует не где-то в высших божественных сферах, а рядом, в головах окружающих людей и в моем собственном сознании. Причем это не столько мир идей, сколько мир, репрезентированный идеями, сходными у множества людей. Правильнее сказать, мир, репрезентированный одинаковыми или близкими вербальными конструкциями людей — их знаниями об окружающей реальности и заблуждениями по поводу нее, теориями, взглядами и мнениями, разделяемыми большинством членов общества. В итоге это мир, в котором все мы живем.

Преимущественно вербальные и при этом сходные психические конструкции множества людей репрезентируют в их сознании огромную часть мира — физического, социального и даже психического. Причем если в формировании вещественного физического мира психика, говоря метафорически, играет роль ведомого по отношению к «реальности в себе», то в формировании мира, почти недоступного или вовсе недоступного восприятию, психика людей играет по отношению к «реальности в себе» роль первой скрипки.

Выстраиваемая психикой каждого конкретного человека часть окружающей антропоморфной реальности независима от него, совершенно реальна и столь же объективна для него, как и вещественный физический мир. Я назвал ее поэтому объективной психической реальностью (ОНР). Пребывая в сознании людей, ОНР, как и физический мир, определяет их поведение. Хотя сущности ОНР человек не может обнаружить в окружающем мире.

Такие, например, сущности, как норма, решение, болезнь, открытие, культура, одиночество, экология, воспитание, ресурс, обслуживание, риск и т. д. и т. п., нельзя непосредственно воспринять. Но физические референты, на основании которых наши предшественники их сформировали, вполне доступны восприятию.

Объективная психическая реальность представлена множеством физических, социальных, психических, фантастических и других сущностей мира, их свойств, связей, отношений и т. д., созданных человеческим сознанием с помощью вербальных концептов. Причем в реальности этих сущностей люди убеждены, несмотря на их очевидное отсутствие среди доступных восприятию объектов и явлений.

Нам остается поэтому только признать, что, **несмотря на свое своеобразие, подобные сущности** (от физических объектов и явлений, недоступных восприятию, до сложных научных и философских объектов) **явно не просто вымысел человеческого сознания и они определяют нашу жизнь, хотя и пребывают лишь в нашей объективной психической реальности.**

ОПР представляет собой особую громадную часть мира, в которой ее сущности действуют, изменяются, вступают в сложные связи и отношения. **ОПР включает в себя разные сферы реальности — мир физический, мир социальный, мир психических сущностей и т. д., к рассмотрению которых имеет смысл перейти.**

Физическая область ОПР

Глава 2.1.1. Две грани предметов

Природный, физический, или вещественный, мир — это в первую очередь окружающий мир, доступный восприятию, данный нам в виде образов и ощущений, а потому наполненный для нас предметами, вещественными объектами и явлениями, их свойствами, действиями и т. д. Но он не исчерпывается только ими. **Наш мир физической реальности включает в себя колоссальную область объективной психической реальности. Это не только в принципе недоступные восприятию физические сущности, но и множество важных аспектов предметного физического мира, доступного восприятию¹.**

А. Шюц (Schiitz A., 1962, с. 48–66) пишет о солидарности мыслителей в том, что любое знание о мире включает ментальные конструкторы, а понятие природы, как показал Э. Гуссерль², является идеализированной абстракцией.

Действительно, само слово «природа» обозначает сущность, конституированную сознанием с помощью вербальной конструкции вроде такой: *природа — это совокупность естественных условий на Земле (поверхность, растительность, климат), органический и неорганический мир, все существующее на Земле, не созданное деятельностью человека³.*

¹ Кто-то из читателей пойдет дальше и скажет: «Зачем мы выделяем ОПР, если и предметный физический мир, доступный восприятию, тоже сформирован нашим сознанием? А раз так, то и он должен быть отнесен нами к ОПР». Такая точка зрения не лишена основания. Но нам необходимо разделять реальность, легко репрезентируемую людьми чувственно, и реальность, которую они могут репрезентировать только вербально. И в этом втором случае постоянно присутствуют сомнения в том, а действительно ли репрезентированное нами представляет собой реальность.

² Husserl E. Formale und transzendente Logik. Halle, 1929. Sec. 74. S. 167. Erfahrung und Urteil. Sec. 24, Sec. 51 b.

³ Природа // Толковый словарь русского языка: В 4 т. — М., 1939. Т. 3. — П-Ряшка. — С. 843–844.

Если сознание животных и новорожденного репрезентирует окружающий мир только сенсорно, то **сознание взрослого человека репрезентирует даже самые простые предметы уже на двух уровнях — сенсорном и вербальном**, или чувственном и символическом. В результате даже нейтральный предмет, такой, например, как ложка, не может быть воспринят человеком без своей смысловой составляющей, то есть без вербальных конструкций, раскрывающих разные его значения.

На чувственном уровне ребенок знакомится с ложкой в возрасте нескольких месяцев, учась удерживать ее в руке. В процессе взаимодействия с ней: ее хватания, засовывания в рот, облизывания и т. д. — сознание ребенка строит ее модель-репрезентацию. Однако в предмет, называемый ложкой, она превращается лишь после того, как он усвоит слово «ложка» и образ этого слова ассоциируется с ее моделью-репрезентацией.

Но на этом этапе конституирование данного предмета только начинается. Со временем ребенок приобретает разнообразное, в том числе вербальное, знание о ложках. Он узнает о разных функциях ложки: есть, накладывать, помешивать, снимать пену, бить по лбу, использовать для причащения и т. д. и т. п. Узнает о том, что ложки бывают разные (чайные, десертные, столовые и т. д.), что их делают из металла (стали, алюминия, серебра, золота и пр.), из дерева, стекла, кости и т. д. Что ложки люди начали изготавливать в глубокой древности. Разные ложки используются для разных блюд. И прочее и прочее.

По сути дела, **вербальная репрезентация любого предмета в человеческом сознании** не только не уступает по значимости и важности для человека чувственной его репрезентации, но и **играет преобладающую роль в понимании им конкретной вещи**. Многие искусственные предметы и объекты вообще могут быть поняты человеком лишь в результате усвоения им их чувственно-вербальных репрезентаций, раскрывающих скрытые смыслы предметов. Например, предметы для настольных игр, научные приборы, пульта управления машин и аппаратов, клавиатура компьютера, мобильный телефон и т. д.

У каждого доступного восприятию элемента окружающей физической реальности обязательно есть смысловой компонент, раскрывающий человеку его общественное значение и делающий предмет хотя бы в минимальной степени понятным ему.

Вербальные конструкции, репрезентирующие назначение предмета, интериоризируются ребенком из ОНР в процессе социализации. В результате в его сознании выстраивается сложнейшая система вербальных значений предмета, своего рода вербальная надстройка над чувственными репрезентациями. Такая же надстройка в форме вербальных конструкций присутствует

в сознании всех членов общества, которые с помощью слов обмениваются ее фрагментами друг с другом в процессе коммуникации.

Нож, кастрюля, топор, любой другой предмет, с одной стороны, некая вещественная физическая сущность. С другой стороны, предмет является одновременно и сущностью ОНР, которая имеет большое количество значений и выполняет целый «букет» функций. Причем о множестве функций предмета, то есть о его психической стороне, можно узнать только из ОНР.

Что такое предмет без его смысловой части, обеспечиваемой ОНР?

Это и не предмет вовсе. По крайней мере, это не тот предмет, который пребывающие в ОНР люди видят в нем. Вспомним басню И. А. Крылова «Мартышка и очки». Очки для мартышки или ребенка, не имеющих представления об их назначении, и очки для взрослого человека — это разные предметы.

Целые области антропоморфного физического мира состоят как бы из двух уровней. Ф. де Соссюр (2006, с. 109–110) замечает, что для нас, например, тождественны два скорых поезда Женева — Париж, отправляющиеся в 20:00, но через 24 часа. На наш взгляд, и тот и другой — это один и тот же скорый поезд, хотя и паровоз, и вагоны, и поездная бригада — все в них разное.

Получается, что у нас в сознании есть физический объект — поезд, который едет из одного города в другой. И есть второй тоже вроде бы физический объект — поезд, который выходит каждый день по расписанию из одного города в другой. Однако этот второй все же не физический, а психический объект, который лишь отождествляется в нашем сознании с конкретным физическим объектом и помещается нами в окружающую физическую реальность.

Точно так же у нас есть президент страны — психический объект (относимый нами к реальности физического мира). И есть конкретный человек с конкретной фамилией, которого мы знаем в лицо, выполняющий функции президента и тоже относимый нами к физической реальности. На деле же первый объект пребывает в объективной психической реальности, тогда как второй — в физическом мире. Можно сказать и иначе: конкретный физический объект — человек превращается еще и в объект ОНР — президента и начинает действовать в двух реальностях.

Ф. де Соссюр (там же) спрашивает, почему после полной перестройки улицы она не перестает быть собой? И сам же отвечает, что ее сущность не чисто материальна. Она заключается в некоторых условиях, чуждых ее случайному материалу, например, в ее положении относительно других улиц. Автор (2006, с. 111) приводит и другой пример. Мы можем легко заменить в шахматах коня любым предметом, ничего общего с ним не име-

ющим, придав ему ту же значимость. Он спрашивает, с чем мы отождествляем в этом случае любой предмет? И отвечает, что явно не с фигурой, изображающей коня.

Действительно, любой другой предмет — пробка от шампанского, катушка из-под ниток, запонка, колпачок от авторучки и т. д., может быть произвольно связан нашим сознанием с моделью-репрезентацией шахматного коня, а потому легко может заменить собой данный объект среди прочих моделей-репрезентаций фигур, взаимодействующих в нашем сознании во время шахматной партии.

И. Гоффман (2003, с. 84–85) пишет, что шахматы содержат два принципиально различающихся основания. Одно принадлежит физическому миру, где происходит пространственное перемещение материальных фигурок. Другое относится к социальному миру противоборствующих в игре сторон.

С. Московичи (1998, с. 343–344) указывает, что вплоть до Возрождения общество видело в деньгах субстанцию, переходящую из рук в руки. Оно доверяло деньгам, поскольку счет шел в звонкой и весомой монете, лучше золотой. По мере распространения денежной экономики с ее коммерческими сетями и финансовыми правилами в Европе стоимость денег отделилась от их физической основы, начала фиксироваться на кусках бумаги и стала цифрой. Деньги начали оценивать по услугам, которые они оказывают, по ритму их обращения и накопления. Они приобрели безличный и абстрактный характер.

Продолжая мысль автора, можно сказать, что кусок золота трансформировался сначала минимально — в более удобный физический предмет — монету. Монета же «осуществила неадекватный кульбит», трансформируясь в бумажку — бумажную банкноту, а последняя вообще превратилась теперь в электронную цифровую запись.

Почему стало возможным это странное превращение?

Только потому, что деньгами являются не кружок металла, листок бумаги или совокупность цифр, а та вербально репрезентируемая сущность — универсальное средство обмена, которую в ОНР люди вкладывают в эти предметы. У большинства физических предметов, объектов и явлений, с которыми все мы имеем дело, есть две грани, две стороны. Одна внешняя, видимая — физическая. Другая внутренняя, скрытая — психическая, или, как часто и не совсем правомерно говорят исследователи, социальная.

Ж. Бодрийяр (2007, с. 12–13), обсуждая эту социальную сторону предметов, говорит о необходимости отменить гипотезу первичности потребительской стоимости предметов. Эта гипотеза приписывает предметам функциональный статус утвари, удовлетворяющей природные потребности людей. Автор же считает, что она неверна и истинной является теория социальной демонстрации и значения.

В качестве подтверждения своих мыслей он (2007, с. 13) приводит данные Б. Малиновского о том, что в примитивных обществах жителей Тробрианских островов существовало радикальное различие между экономической функцией и функцией-знаком в виде наличия двух классов предметов, участвующих в двух параллельных системах обмена, — кула (система символического обмена, основанная на кругообороте, обращающемся даром браслетов, коле, украшений, вокруг которой организуется социальная система значимости и статуса) и гимвали (торговля обычными предметами).

Ссылаясь на Т. Веблена (*Veblen Th. The Theory of the Leisure Class.* — 1899), Ж. Бодрийяр (2007, с. 15) пишет, что в патриархальном обществе женщину старались роскошно одеть не для того, чтобы она была красивой, а для того, чтобы своим величием она свидетельствовала о легитимности или социальном превосходстве своего хозяина.

Социальную сторону вещи обсуждает и Р. Харре (2006, с. 118–133), рассматривая ее в аспекте нарративов. Вещь оказывается «социальным объектом», включенным в то или иное повествование. Христианский нарратив превращает, например, алкоголь в вино для причастия. Предмет может существовать в качестве не одного, а нескольких социальных объектов, каждый из которых характеризуется особой ролью в повествовании. Соответственно, вещь лишается постоянного места в пространстве социальных смыслов, а вместе с ним и постоянного собственного значения. В качестве социального объекта она существует одновременно во множестве повествовательных миров. «Если кто-то захочет спросить: “Каково значение моста как социального объекта?” — пишет Р. Харре, — потребуется выяснить, перекинут ли мост через Сену или через реку Квай...» (2006, с. 129).

Сказанное лишь подтверждает, что **все вещи имеют две стороны — вещественную и невещественную, или, как чаще говорят, социальную. Хотя правильнее было бы говорить о физической и психической сторонах любой вещи.**

Искусственные физические объекты, например материальные произведения искусства, исходно переполнены смыслами, далеко выходящими за пределы кусков мрамора, дерева, полотна и красок. Искусствовед и переводчик А. Е. Майкапар (1996, с. 5) замечает, что существует множество картин, сюжеты и содержание которых четко определены, однако средний посетитель не понимает их содержания, даже если под ними имеется подпись. Например, «Фалерийский учитель», «Визит Тотилы», «“Клевета” Апеллеса», «Суд Камбиса». Воспринимающий не понимает назначения решетки, которую держит святой, даже прочитав, что это святой Лаврентий. Подобные примеры встречаются на каждом шагу, когда мы ходим по залам картинных галерей или рассматриваем репродукции картин старых мастеров.

Действительно, **все предметы искусства наполнены смыслами, пре-
бывающими в ОПР и далеко выходящими за пределы того, что неподго-
товленный зритель может непосредственно воспринять, взаимодействуя
с ними.**

А. Е. Майкапар (1996, с. 6) отмечает, что изучением содержания картин и их смыслов занимается даже специальная наука — иконология. К. Кларк (1996, с. 15) пишет о странном заблуждении критической мысли, внушавшей нам, что сюжет картины не важен и значение имеют лишь форма и цвет. Однако все художники придавали огромное значение сюжету, который использовали, и сочли бы невероятным широкое распространение столь абсурдной концепции.

То есть сюжет картины как элемент психической стороны этого предмета играет важнейшую роль в ее постижении людьми. Встречаются, однако, и более сложные и труднопостижимые отношения между физической и психической составляющими предмета.

В. Декомб (2000, с. 38–39) ссылается, в частности, на приведенный А. Кожевным (*Kojève A. Introduction a la lecture de Hegel.* — Gallimard, 1947. — Р. 485) в качестве примера предмет — золотое кольцо, который рассматривает затем и П. Сартр в своей книге «Бытие и ничто». В кольце есть отверстие, имеющее для кольца столь же сущностное значение, как и золото. Не будь золота, не было бы кольца. Но не будь отверстия, золото (которое тем не менее существовало бы) также не было бы кольцом. По словам В. Декомба (2000, с. 38–39), получается, что есть бытие (золото) и есть отсутствие бытия, то есть ничто (отверстие). Ничто включается в бытие, и появляется золотое кольцо.

Я разовью мысль автора. **Порой предмет возникает из вещества лишь после того, как человек добавит в него что-то.** Даже не что-то (отверстие, как пишет В. Декомб (2000, с. 39)), а ничто в материальном плане — пустоту. На самом деле **человек добавляет в изделие форму — собственный ментальный зрительный образ границ (контуров) физического предмета. Она и рождает из аморфного вещества специфический, полезный человеку или даже художественный предмет.** Со временем именно такой образ может превратиться в характерный для данного общества, типичный образец подобных предметов, часто воспроизводимый представителями данного общества и воспринимаемый ими как идеальный.

Социальную сторону вещей подробно рассматривает Г. Зиммель (2006; 2006а). Он (2006, с. 43–44) выделяет в вазе, например, два аспекта — осязаемый, имеющий вес, включенный в действия и связи окружающего мира кусок металла как часть действительности, и ее художественную форму, которая ведет совершенно отдельное существование, для которого

материальная часть вазы является всего лишь носителем. Ваза одновременно находится в двух мирах. По его (2006а, с. 51) словам, некоторая современная мебель, будучи непосредственным выражением индивидуальной артистичности, кажется униженной, когда на нее садятся. Она прямо-таки требует рамы.

Неудивительно, так как здесь мы опять сталкиваемся с добавлением к физическому веществу психического образа вещи, что порождает новый искусственный предмет, порой в форме произведения искусства.

Многие исследователи отмечают, что **даже наши образы восприятия предметов зависят от нашего исходного вербального знания о предметах и их формах**. Более того, **мы получаем от общества эталоны художественных форм в виде образов восприятия тех широко растиражированных обществом произведений искусства, которые оно считает образцами красоты, мужественности, женственности, моды, утонченности, изысканности и т. д.**

Журналист и писатель У. Липпман (2004, с. 99), например, пишет, ссылаясь на историка искусства Б. Беренсона (Berenсон В., 1897, с. 60), что если учесть бесконечное число очертаний, которые принимает объект, и отсутствие у нас внимания и чувствительности к деталям, то вещи вряд ли обладают формами и свойствами, настолько ясными и определенными для нас, что мы можем вызывать их в своей памяти, когда нам заблагорассудится. Потому в нашей памяти всплывают стереотипные образы, одолженные нам искусством. Мы имеем обыкновение «отливать» увиденное в формы одного-единственного знакомого нам искусства. У нас есть свой стандарт художественной реальности.

По мнению У. Липпмана (2004, с. 99–100), если кто-то из наших знакомых покажет нам формы и цвета, которые мы не сможем тут же привести в соответствие с собственным ограниченным набором форм, мы не примем их, сожалея о неспособности знакомого воспроизвести вещи такими, какие они есть на самом деле. Мы испытываем неудовольствие, когда видение предметов художником отличается от нашего видения, и испытываем сложности при оценке искусства, например, Средних веков, поскольку с тех пор способ видения художественных форм многократно изменился.

Автор (2004, с. 104) пишет, что нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними. И наши предубеждения управляют процессом нашего восприятия. По его (2004, с. 125) словам, способ нашего восприятия вещей — это сочетание того, чем они на самом деле являются, и того, что мы ожидаем увидеть. Астроном видит небо иначе, чем влюбленная парочка. Сочинения И. Канта (1724–1804) у кантианца

вызывают мысли, отличные от тех, которые они вызывают у сторонника радикального эмпиризма. Таитянская красавица кажется более привлекательной своему таитянскому поклоннику, нежели читателю журнала *National Geographic Magazine*. Компетентность в любой области означает на самом деле увеличение числа аспектов, которые человек способен увидеть, а также привычку не принимать желаемое за действительное.

Автор, несомненно, прав. Наличие у нас вербальных репрезентаций физического объекта, предшествующих его восприятию, трансформирует последующее восприятие объекта.

Д. Майерс (2001, с. 445) сообщает, например, об экспериментальном выявлении влияния вербальной информации об объекте на его восприятие. В экспериментах Э. Ланджер и Л. Имбера (Ellen Langer & Lois Imber, 1980) студенты Гарварда просматривали видеозапись читающего человека. Когда об этом человеке им предварительно сообщалось нечто необычное (что он пациент онкологической клиники, гомосексуалист или миллионер), испытуемые обнаруживали у него особенности, которым наблюдатели, не получавшие дополнительной информации, не придавали значения. В результате оценки испытуемых выглядели преувеличенными. Те, кто думал, что человек болен раком, подмечали нечто необычное в его лице и движениях тела, делавшее его более «непохожим на большинство людей», чем он выглядел в глазах наблюдателей контрольной группы.

Н. Геген (2005, с. 60) пишет, что люди с высоким статусом оцениваются как более высокие и более красивые, чем люди с низким.

Каждый легко может вспомнить случаи из своей жизни, когда восприятие мира и окружающих предметов неожиданно менялось после получения вербальной информации о них. Например, профессионально и оригинально составленное меню в ресторане с необычными названиями блюд резко повышает интерес к ним и желание их попробовать. А слова о том, что именно в этом здании происходили исторические события и по его коридорам ходили великие люди, принимавшие судьбоносные для страны и мира решения, немедленно меняют наш взгляд на это здание.

М. К. Мамардашвили (2002, с. 282) замечает, что после создания художником нового произведения в мире появляется новый взгляд на физическую реальность, новые возможности для ее рассмотрения и понимания. После написания «Гамлета» в мире стали возможны и возникли вполне определенные переживания, мысли, чувства и представления. Они именно такие, а не другие. Странный парадокс: они таковы, потому что невидимое сцепление точно построено, определено, и поэтому возможны новые чувства, ощущения, переживания. Мы по-новому увидели мир. Ссылаясь на М. Пруста («В поисках утраченного времени»), он (там же) пишет, что

после полотен Ренуара возник мир Ренуара, который нас окружал, но мы его не видели. Лишь после появления его полотен он стал возможным, и мы видим в мире женщин Ренуара.

Я бы все же сказал, что каждый творец новых моделей не столько открывает нам глаза на существующие в мире объекты, сколько создает для нас новые модели все той же реальности, новые способы ее восприятия, новые подходы к ее пониманию, которые с этого момента становятся всеобщим достоянием именно благодаря объективной психической реальности.

А. Шюц (Schiitz A., 1962, p. 48–66) отмечает, что мы воспринимаем культурные объекты с помощью человеческих действий, в которых они создаются. Инструмент, например, воспринимается не как вещь (чем он, конечно, тоже является), но с учетом цели, для которой он создан, и его назначения для других.

Могу лишь добавить, что это касается не только культурных объектов, но и практически всех объектов, которые человек создает и с которыми он имеет дело. ОНР удивительным образом дополняет даже воспринимаемую нами природную физическую реальность.

Социолог В. Вахштайн (2006, с. 8–9) отмечает, что для последователей П. Бурдьё (1930–2002) всякая материальная вещь есть социальный конструкт, порождение социальных отношений. Так же и из аксиомы Э. Дюркгейма (1858–1917) «объяснять социальное социальным» напрямую следует требование «редукции материального», его замещения социальным и объяснения социальным же — социальными функциями, повседневными практиками, общественными отношениями, взаимодействиями и коммуникациями. Поэтому социологу так легко дается представление вещи в образе «ансамбля социальных отношений», «результата объективации», «фетиша» или «оснащения повседневных практик».

Социолог Дж. Ло (2006, с. 226–227) именно в таком свете рассматривает физические объекты, описывая их в качестве производных некоторых устойчивых множеств или сетей отношений, сохраняющих свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны. Например, корабль может быть представлен в виде сети остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды. И разрыв этой сети отношений кладет конец дискретной объектности.

Интересно то, что психическая сторона вещи не остается постоянно неизменной, а меняется со временем. Иллюстрацию факта ее трансформации с течением времени приводит антрополог И. Копытофф (2006, с. 137), описывая «биографию хижины» в заирском племени *суку*. Она начинается

с того, что хижина служит домом для пары или — в случае полигамной семьи — для жены с детьми. Через несколько лет хижина последовательно становится гостевым домом или жилищем для вдовы, местом встреч подростков, кухней и, наконец, курятником или хлевом для коз, а потом разваливается, подточенная термитами. Физическое состояние хижины на каждом этапе соответствует ее функции. Хижина, используемая не так, как диктует ее состояние, вводит людей *суку* в смущение и говорит им о многом. Так, если гостя селят в хижину, которой положено быть кухней, это кое-что говорит о статусе гостя, а если на участке нет хижины для гостей, это говорит о том, что хозяин участка ленив, негостеприимен или беден.

У некоторых предметов и физических сущностей их психическая сторона начинает настолько преобладать над физической, что они превращаются в символы иных сущностей. Наиболее типичным и известным примером такой инверсии смысла физической сущности являются слова языка. Человек слышит сложное чередование звуков или видит графический объект. Но слуховой и зрительный образы слова репрезентируют ему совершенно иной физический объект, а то и вовсе сущность, не имеющую чувственных репрезентаций.

Слова не единственные объекты, репрезентирующие иные сущности. Например, круглый и плоский кусочек металла (физическая, или вещественная, сторона объекта) мы воспринимаем не в этом качестве, а как монету определенного достоинства (психическая сторона того же предмета). Специфическое сочетание звуков — мелодию (физическая сторона) — мы воспринимаем в качестве гимна страны (психическая сторона).

Символизация физической реальности, трансформация ее объектов в знаки чего-то совершенно другого играет важнейшую роль в жизни общества. Множество предметов (порой странных или даже забавных) превратились в символы власти, государства, отдельных его структур, общественного статуса и т. д. Это цепи, жезлы, мантии, короны, штандарты, флаги, головные уборы, ордена, значки, галстуки и даже заколки для галстуков, особые балахоны и прочее.

Все искусственно созданные людьми предметы физической реальности становятся специфическими сущностями только благодаря их второй, психической стороне — их значениям, присутствующим в ОНР. Благодаря им банкнота — это денежный знак, одежда — то, что надевают на собственное тело, мобильный телефон — средство коммуникации, а карандаш — средство для рисования и письма и т. д.

Банальные, казалось бы, предметы переполнены для нас смыслами, которые существенно меняют эти предметы в наших глазах. И эти смыслы

касаются не только истории данных предметов, наших вербальных знаний об их функциях и внутреннем строении. Они гораздо глубже и разнообразнее. Получается, что **окружающий нас вещественный мир, даже предметный, на деле отнюдь не просто физический. Он как бы имеет второе дно, точнее, «второе лицо» — психическое (хотя его называют социальным), которое для нас порой даже важнее первого, внешнего, непосредственно доступного восприятию.**

По словам Р. Харре (2006, с. 130–131), сам выбор чего-то в качестве сущностей или свойств, важных для естественно-научного исследования, есть продукт определенной системы верований. Даже наше представление о Вселенной как составленной из отдельных звезд основано на конвенции, заставляющей нас видеть небесные тела связанными между собой особым образом. Древние арабы находили на небе не те же самые созвездия, что и древние греки, потому что на общую образную основу, имевшуюся у тех и других, налагались несовпадающие нарративные значения.

Продолжая мысль автора, можно сказать, что облик (или выражение) «второго лица» даже физического предмета или объекта зависит от других наших вербальных конструкций, в плоскости которых мы воспринимаем и анализируем данный объект.

Понятно желание социологов повысить роль социальной стороны предметов. Надо отдать им должное, так как именно они обнаружили эту «вторую» сторону вещей. Однако **дискуссии о том, что важнее — социальный аспект предметов (читай совокупность их вербальных репрезентаций) или физический аспект (читай чувственные репрезентации предметов), бессмысленны. И то и другое для людей одинаково важно.**

Кстати, даже сами социологи борются против преуменьшения роли материального в предметах. Так, Б. Латур спрашивает: «Не заблуждаются ли социологи, пытаясь сделать социальное из социального, подлатав его символическим, не замечая присутствия объектов в тех ситуациях, в которых они ищут лишь смысл? Почему социология у них остается безобъектной?» (2006, с. 184).

Итак, каждый привычный нам физический предмет имеет две стороны, заключает в себе две грани. Одна доступна восприятию и чувственному репрезентированию. Другая недоступна восприятию, но может быть репрезентирована вербально. Причем вторая нередко является для нас более важной.

Следует отметить, что не только вещи (предметы) имеют две принципиально различающиеся грани. **Весь материальный природный мир имеет те же две разные стороны. Одна доступна нашему непосредственному восприятию. Тогда как другую мы можем постичь, лишь усвоив сфор-**

мированные нашими предшественниками вербальные репрезентации связей, отношений, взаимодействий и взаимозависимостей природных объектов.

Кладезями дополнительных значений являются даже земля, небо, ветер, реки и моря, горы, леса, дождь, гром, снег, другие природные физические объекты и явления. Практически все естественные и доступные восприятию окружающие нас сущности переполнены значениями, вложенными в них нашими предками.

Обыкновенное дерево имеет множество дополнительных смыслов: «ось мира», «древо познания», «древо жизни», «священное дерево», «космическое дерево» и т. д. и т. п. В геральдике закреплены специфические символы, универсальные и понятные представителям разных культур: дуб — символ крепости и силы, олива — символ мира, пальма — символ долголетия, сосна — символ жертвенности, лавр — символ славы. Многие деревья являются символами отдельных стран.

Не меньше насыщены смыслами обычные камни: обереги, надгробные камни, священные камни, камни-исцелители, жертвенные камни и т. д. Большая рыба — белая акула после фильма «Челюсти» превратилась в наших глазах в кровожадного людоеда, все стремления которого сосредоточены на том, чтобы сожрать кого-нибудь из нас. Тогда как другая, еще более крупная рыба с огромной пастью — китовая акула благодаря фильмам и рассказам о ней превратилась для нас в удивительное существо, с которым жаждут тесно пообщаться все ныряльщики.

Даже естественные объекты физического мира (вода, воздух, земля, деревья, ветер и т. д.) не могут полноценно существовать для людей без дополнительных смыслов, сохраняемых в ОПР и формирующих ее. Само глубокое понимание окружающей физической реальности невозможно вне рамок ОПР, потому что без нее нельзя постичь их бесчисленные смыслы.

Важно, что огромное количество физических сущностей ОПР, даже некоторые предметы появляются в нашем сознании не в результате их восприятия нами, а вследствие интериоризации нами вербальных конструкций, полученных от других людей. *Видели ли вы, например, лично когда-нибудь астролябию, бутоньерку, весы для писем, щипцы-мушеты, слезницу, песочницу для чернил, стригиль?*

У. Липпман даже спрашивает: «Кто на самом деле увидел, услышал, почувствовал, посчитал и назвал предмет, о котором у вас есть определенное мнение? Может быть, это был человек, сказавший вам о нем, или человек, услышавший об этом от кого-то другого, или кто-то узнавший об этом предмете еще более опосредованно?» (2004, с. 63).

Итак, множество объектов, привычно относимых нашим здравым смыслом к окружающему природному миру, являются сущностями, конституированными или сконструированными человеческим сознанием. Более того, все окружающие нас предметы, физические объекты и явления не только имеют две стороны — физическую и психическую, но и являются конкретными физическими сущностями только для нашего сознания.

Недаром В. Виндельбанд, обсуждая вклад И. Канта в культурологию, пишет: «Во всем том, что нам представляется данным, кроется уже деятельность нашего разума...» (1995, с. 9).

Тезисы

1. Привычный нам окружающий физический мир состоит из собственно вещественного физического мира, доступного восприятию, и из огромной физической области объективной психической реальности. Она тоже включает в себя две части — не только вовсе недоступные восприятию физические сущности, но и множество не воспринимаемых непосредственно граней окружающего предметного физического мира, в принципе доступного восприятию.
2. Сознание взрослого человека репрезентирует окружающее на двух уровнях — сенсорном и вербальном, поэтому физический мир имеет как бы две разные стороны. Одна доступна нашему восприятию. Другую мы можем постичь, лишь усвоив сформированные нашими предшественниками вербальные репрезентации связей, отношений, взаимодействий и взаимозависимостей ее сущностей.
3. Любой предмет тоже имеет как бы две стороны — вещественную (репрезентированную чувственно) и невещественную (репрезентированную вербально), раскрывающую человеку общественное значение предмета. Соответственно предмет является и физической сущностью, и сущностью ОНР, имеющей обычно большое количество значений и выполняющей целый «букет» функций.
4. Вербальная репрезентация предмета, пребывающая в ОНР, не только несет в себе множество разных смыслов, раскрывая неожиданные, недоступные восприятию аспекты предмета, но и нередко вовсе превращает его чувственную репрезентацию в знак иной сущности. Типичным примером такого трансформирования являются предметы-символы и слова языка.
5. Множество объектов, привычно относимых здравым смыслом к миру физической реальности, являются сущностями ОНР, вербально

конституированными или сконструированными человеческим сознанием.

6. Индивидуум получает от общества эталоны художественных и других форм в виде образов восприятия тех широко растиражированных обществом произведений искусства, которые оно считает образцами красоты, утонченности, изысканности, моды, мужественности, женственности и т. д.
7. Каждый творец новых моделей не столько открывает людям глаза на существующие в мире объекты, сколько создает для всех новые модели реальности, новые способы ее восприятия, новые подходы к ее пониманию, которые благодаря объективной психической реальности становятся всеобщим достоянием.

Глава 2.1.2. Физические сущности ОНР

Кроме доступных восприятию физических сущностей — предметов, физических объектов и явлений (например, дом, дерево, телевизор, гроза и т. п.), окружающий мир наполняют физические сущности ОНР, недоступные восприятию. Такие, например, как электромагнитная волна, группа, служба, деятельность, протон, поведение, энергия, тенденция, экология, система, адаптация, эволюция и т. д. Их репрезентируют вербальные концепты, сформированные нашими предшественниками, даже нередко иллюстрируемые образами представления.

Формируемые сознанием сущности физического мира можно разделить на несколько типов в зависимости от механизма их образования.

- Сущности, чувственно конституированные сознанием на основе их моделей-репрезентаций. Мы называем их предметами и физическими объектами, явлениями, свойствами, действиями и т. д.¹ Сюда же относятся чувственно конституируемые сущности, которые мы рассцениваем как бесспорно физические и даже непосредственно воспринимаемые объекты и явления².
- Сущности, чувственно сконструированные сознанием из фрагментов моделей-репрезентаций разных других сущностей³.

¹ Например: вода, диван, яблоко, дождь, радуга, гладкость, краснота, полет, движение и т. п.

² Например: цвет, звук, запах, зуд, жара, холод, духота, жажда, вкус и т. п. Они представляют собой конституированные сознанием физические сущности, сформированные им на основе множеств ощущений одной модальности.

³ Например: русалка, чербер, минотавр и т. п.

- Сущности, вербально конституированные на основе чувственных репрезентаций иных сущностей¹.
- Сущности, вербально сконструированные².

Впрочем, между сущностями последних групп нет четких границ, так как они представляют собой непрерывный спектр объектов и явлений.

Читателю может показаться странным трактовка предметов и доступных восприятию физических объектов и явлений тоже как формируемых сознанием сущностей. И он может заявить, что мы их даже видим. Однако дело в том, что, с одной стороны, они непосредственно представлены в сознании своими моделями-репрезентациями. Но с другой стороны, они превращаются в конкретные предметы, объекты и явления лишь после ассоциирования их моделей-репрезентаций с образами слов, обозначающих соответствующие сущности. Следовательно, данные сущности тоже проходят этап чувственного конституирования.

В зависимости от степени их субъективной реальности и гипостазирования, то есть их «погружения» сознанием людей в физическую реальность, физические сущности можно разделить на присутствующие, как представляется здравому смыслу, в окружающем мире³, скорее имеющиеся в нем⁴, возможно существующие⁵ и вымышленные⁶.

Одни конституированные и сконструированные физические сущности представляются нам более материальными, овеятыми⁷, тогда как другие кажутся нам несколько менее материальными⁸.

Интересный вариант сущностей, недоступных восприятию, но присутствующих в физической области ОНР, рассматривает Б. Рассел (2000,

¹ Например: анемия, дегенерация, симбиоз, ареал, конкуренция, интоксикация, полигамия, анабиоз, климакс, акклиматизация, погода, природа, антагонист, иммунитет, толерантность, аккомодация, вещество, электричество, сила, аккумуляция, осадки и т. д.

² Например: единица измерения, бесконечность и т. п.

³ Например: пространство, электричество, время, экология, качество и т. д.

⁴ Например: лептон, бозон, кварк и т. п.

⁵ Например: темная материя, кротовая нора, гравитон и т. п.

⁶ Например: левитация, философский камень, эфир и т. п.

⁷ Например: брод, вечер, ненастье, война, грабеж, оброк, похороны, вечеринка, ангина, размер, конфликт, мир, рост, геологический процесс, уничтожение, наружность, галактика, почва и т. д.

⁸ Например: метаболизм, эволюция, естественный отбор, выживание, норма, патология, проявление, развитие, круговорот, генерация, генофонд, биогенез, гликолиз, экология, биоценоз, экосистема, пищевая цепь, экологическая ниша, обмен веществ, полиморфизм, редукция и т. д.

Необходимо отдавать себе отчет в условности всех этих подразделений, призванных лишь показать разнообразие создаваемых человеческим сознанием сущностей.

с. 222–223). Он (там же) пишет, что такие сущности, как отношения, обладают, по-видимому, бытием, отличным от бытия физических объектов, сознаний и чувственных данных. А все наше априорное знание касается сущностей, которые не могут *существовать* ни в духовном, ни в физическом мире. Эти сущности таковы, что могут быть обозначены лишь теми частями речи, которые не являются существительными, и выступают качествами и отношениями. Предположим, например, что я нахожусь в своей комнате. Я существую, и моя комната существует, но существует ли «в»?

Мы можем ответить автору, что и «в», несомненно, существует. *Но где?*

Оно существует в сознании и в ОНР в виде созданной людьми чувственно-вербальной психической конструкции, моделирующей отношения двух объектов, при котором один из них находится внутри другого. Нигде больше нет этого самого объекта «в».

Одни сущности имеют несомненные и многочисленные референты в физической реальности. Тогда как другие имеют там немногочисленные, а порой и не очень очевидные референты.

Благодаря языку и процессу социализации и те физические сущности, которые человек репрезентирует чувственно, и те, которые он репрезентирует преимущественно вербально, достаются ему «по наследству» от предшествующих поколений. Даже воспринимаемые им чувственно физические сущности превращаются для него в предметы и физические объекты, лишь когда он усваивает из речи окружающих их названия. Недоступные восприятию сущности всегда и только интериоризируются человеком в процессе коммуникации с другими людьми в форме вербальных концептов, ассоциированных с образами соответствующих слов.

В физической области ОНР присутствуют и очевидные конструкты сознания¹. Их, как и прочие подобные сущности, обычно создают исследователи. Интересно, что сущности, рассматриваемые первоначально многими как конструкты, могут со временем превращаться в реальные объекты и наоборот².

Есть предметы, физические объекты и явления физического мира, а есть более сложные сущности — объекты и явления физической области ОНР.

В чем их различия?

Предметы, физические объекты и явления физического мира доступны восприятию и репрезентируются преимущественно чувственно. Тогда как объекты и явления физической области ОНР восприятию недоступны, и человек знакомится с ними (точнее, с их вербальными репрезентациями)

¹ Например, идеальный газ, абсолютный проводник, абсолютно черное тело и т. д.

² Например, черная дыра и эфир.

исключительно благодаря ОНР. Обычно мы имеем дело лишь с их изображениями, созданными в искусственной реальности другими людьми намного позже их появления в ОНР¹.

Есть физические объекты и явления ОНР, относительно которых сложно сказать, конституированы они или сконструированы². Можно лишь заключить, что множество физических (и не только) сущностей располагаются между условными полюсами. Один из них образован чувственно воспринимаемыми физическими объектами и явлениями. Другой — вербально сконструированными и недоступными непосредственному восприятию физическими объектами и явлениями.

Поэтому **следует различать чувственное присутствие в физической предметной реальности сформированных нашим восприятием сущностей и бытие в ОНР среди «вещей» недоступных восприятию физических сущностей, вербально созданных сознанием предшествующих поколений**. Недаром Д. Беркли пишет: «Но вы можете сказать, что тогда и химера существует. И я отвечу, что она действительно существует в одном смысле: ее воображают... ..я использую слово “существование” в более широком смысле, чем обычно» (2000, с. 10).

Продолжу эту мысль. Химера, безусловно, существует, но лишь в ОНР. Объекты ОНР не только отличаются от объектов физического, вещественного мира, но и сами реальны иначе и в разной степени. Одни из них настолько очевидны, что на протяжении многих веков в философии идут споры о том, присутствуют ли они в физической реальности. Например, время. Другие являются вымышленными сущностями, что совершенно бесспорно для всех. Например, теплород или огнедышащий дракон.

Не только физические, но даже социальные, психические, вымышленные, трудно квалифицируемые и вообще невозможные сущности тоже создаются сознанием по образцу предметов и доступных восприятию физических сущностей³.

Для обычного человека, не задумывающегося о природе сущностей, и предметы, и физические сущности ОНР одинаково реальны и объек-

¹ Это, например, такие относящиеся к физическому миру объекты и явления, как электрон, сила, открытие, электромагнитное излучение, радиация, недостача, здоровье, влияние, гравитация, исследование, трение и множество других. Есть, правда, одно «но». Нашему восприятию доступны референты этих сущностей.

² Например, антивещество, поле Хиггса, сверхгалактика, торсионное поле, даже валентность и спин электрона.

³ Инерция нашего мышления и отсутствие необходимых понятий приводят к тому, что мне вновь и вновь приходится говорить о «доступных восприятию физических сущностях» вместо того, чтобы обсуждать репрезентации в форме физических сущностей, возникающие при восприятии элементов «реальности в себе».

тивны. Читатель скажет: «Вот он — экватор — на глобусе; вот она — динамика заболеваемости — на графике; а вот у меня в кармане деньги. Все это очевидно, и я не хочу слышать, что это — психические объекты!» Однако без нашего знания о них, а главное, без нашей веры в их наличие и экватор, и динамика заболеваемости немедленно превратятся в линии на предметах, а деньги — в цветные бумажки.

Возникает парадоксальная ситуация: эти сущности — психические и присутствуют только в сознании. Но они же объективны и не зависят от индивидуального сознания, так как пребывают в сознании сразу множества людей. Вспоминаются слова И. Р. Пригожина (2002, с. 17) о том, что мир есть конструкция, в построении которой мы все можем принимать участие.

Очень похожие объекты могут быть репрезентированы сенсорно, а могут быть представлены в сознании вербально. Отличие физического объекта, обозначаемого словом «золото», от психического объекта, обозначаемого, например, словом «примесь», заключается в том, что первый чувственно репрезентирован в сознании в качестве физического вещества — самородка или изделия (твердого, холодного, округлого, с выпуклостями и вдавлениями, без вкуса и запаха). Тогда как второй такого первичного чувственного, вещественного значения почти не имеет и конституируется вербально¹.

Красивый пример сравнительного анализа двух схожих сущностей — поверхности, репрезентированной в сознании сенсорно, и плоскости, репрезентированной вербально, приводит, хотя и в другой связи, Дж. Гибсон (1988, с. 69–70). Он так описывает их различия: «Поверхность вещественна, а плоскость — нет. Поверхность текстурирована, а плоскость — нет. Поверхность никогда не бывает совершенно прозрачной, плоскость всегда прозрачна. Поверхность можно увидеть, а плоскость можно лишь визуализировать. ...У поверхности только одна сторона, а у плоскости их две. Иными словами, геометрическую плоскость следует представлять себе как очень тонкий лист в пространстве, а не как границу, разделяющую среду и вещество. Экологическая поверхность может быть либо выпуклой, либо вогнутой, тогда как абстрактная поверхность, выпуклая с одной стороны, непременно вогнута с другой. В геометрии поверхностей соединение двух плоских поверхностей образует либо уступ, либо выступ; в абстрактной геометрии пересечением двух плоскостей является линия. Одним из свойств поверхности является то, что она обращена в сторону источника освещения или точки наблюдения; плоскость таким свойством не обладает» (1988, с. 69–70).

¹ Например, так: *примесь* — *вещество, прибавленное, примешанное к другому, входящее в его состав*.

Можно добавить, что поверхность — это часть предмета или физического объекта, поэтому образ поверхности — это образы восприятия, воспоминания и лишь потом — представления, а образ плоскости — это всегда и только образы представления, конституированные сознанием в некую сущность с помощью специальной вербальной конструкции.

Психолог А. Д. Логвиненко (1985, с. 5) обращает внимание на различие между «воспринимаемым» и «знаемым» мирами. Он пишет, что в «знаемом» мире есть явления, которые не могут быть восприняты без специальных приборов (например, микробы и прочие микроорганизмы). Некоторые из этих явлений нельзя себе даже представить (например, электромагнитное поле).

Я думаю, что правильнее было бы относить к воспринимаемому миру все, что можно воспринять, и неважно — с приборами, усиливающими наши органы чувств, или без. К «знаемому» же миру правильнее относить все то, что существует, но недоступно прямому восприятию, то есть идеальную, мыслимую реальность. Этот «знаемый» мир и относится в том числе к ОНР.

Чем отличается мир физических сущностей, представленный в ОНР, от чувственно репрезентируемого нами физического мира?

Во-первых, в ОНР появляется чувственно-вербальный концепт, репрезентирующий одну из ее глобальных сущностей — время. В результате этого содержание физической части ОНР структурируется и распределяется во времени. В ней появляются сущности, наличие которых возможно только во времени¹. Подобных сущностей в физическом предметном мире просто не может быть в принципе, так как он сам существует только в краткий настоящий момент.

В физической части ОНР время представлено совершенно иначе и играет совсем иную роль, чем в физической вещественной реальности. В первой преобладает прошедшее время, хорошо представлено время будущее и практически нет настоящего времени. В доступном восприятию физическом мире главным и единственным является настоящее мгновение времени, потому что прошлого в нем уже нет, а будущего нет еще. Напрашивается очевидный вывод — **привычного нам времени нет в доступном восприятию физическом мире. Оно есть только в ОНР.**

Только в ОНР время развернуто в своей исторической перспективе от прошлого к будущему. Только в ОНР репрезентируется изменение физического мира во времени. Тогда как само настоящее мгновение физического мира, доступного восприятию, статично и немедленно сменяется новым настоящим мгновением. Его продолжительность зависит от продол-

¹ Например: процессы разного рода (пожар, развитие, увядание, горообразование, накопление, круговорот, высыхание и т. д.).

жительности нашего субъективного психического настоящего (см. С. Э. Поляков, 2011, с. 178–187; 2017, с. 518). Продолжительность настоящего мы можем произвольно менять в довольно широких пределах, что лишний раз свидетельствует о психической природе времени.

Воспринимаемый физический мир репрезентируется сознанием как меняющийся потому, что именно особенности нашего восприятия позволяют репрезентировать это его изменение.

Не в воспринимаемой физической реальности, а лишь в области ОПР, относящейся к физическому миру, сохраняются репрезентации давно исчезнувших объектов и явлений физического природного мира (который сам, однако, существует только в свое настоящее мгновение). Лишь в ОПР присутствуют репрезентации динозавров и саблезубых тигров, древних миров и античных героев, великих цивилизаций древности, их императоров и королей, рабов и колонизаторов, выдающихся полководцев, путешественников-первооткрывателей, великих ученых, гуманистов и злодеев, Трои, Александрийского маяка, висячих садов Семирамиды и т. д. и т. п.

ОПР не только наполняет особым смыслом возникающие в физической реальности изменения, но и превращает их в события истории. Так, например, вступление европейцев на берег Америки превращается в открытие Америки, а захват города воинственными племенами — в падение великого Рима. Въезд конных воинов в определенное здание города трансформируется в осквернение храма, а совокупность ритуальных действий — в восшествие на престол, свадьбу, вступление в должность или сан и т. д.

Давно исчезнувшие из физического предметного мира объекты и явления занимают в области ОПР, достраивающей физический мир, а в итоге и в человеческом сознании не меньшее, а часто существенно большее место, чем реально присутствующие в настоящее время вокруг нас физические объекты и явления. Так, например, давно умершие, но пребывающие в ОПР Цезарь или Наполеон мало чем отличаются для нас от здравствующих ныне императора Японии или далай-ламы. Нельзя сказать, что Цезарь и Наполеон вовсе не отличаются от живущих сейчас известных людей, но это скорее различие в характеристиках: живые — мертвые, император — религиозный деятель, а не в их субъективной значимости для нас.

Во-вторых, в области ОПР, которая относится к физическому миру, появляются и лишь в ней пребывают множество физических, как принято считать, но сформированных сознанием сущностей, недоступных восприятию, а потому и не наблюдаемых напрямую в физическом мире¹.

¹ Например: вектор, импульс, поле, сила, момент силы, гравитация, связь, вероятность, отнесенность, информация, параметр, вывод, постулат, величина, динамика, энтропия, количество, качество, мощность, коэффициент и т. д. и т. п.

Следует признать, что важную роль в создании этих сущностей наряду с вербальными конструкциями играют образы представления, так как **физические сущности ОНР нельзя воспринять, но их можно представить.**

В-третьих, сами чувственные репрезентации физической реальности давно трансформированы, сегментированы и конституированы нашими предками с помощью созданных ими вербальных концептов (и понятий). **Таким образом, предметы, физические объекты и явления стали таковыми только в ОНР и только в ней у них появились отношения, свойства и признаки, которых не было без человека.**

Соответственно, все **свойства объектов** (например, холодное, твердое, серебристое, блестящее и т. д. лезвие меча) **существуют только в ОНР и благодаря ей.** И без предварительного усвоения сущностей ОНР и обозначающих их понятий даже первичные чувственные качества физических предметов не могут быть замечены, вербализованы и поняты неподготовленным человеком.

В-четвертых, **лишь в ОНР есть причинно-следственные отношения не только между сущностями ОНР, относящимися к физическому миру, но даже между доступными восприятию предметами, физическими объектами и явлениями. Только в ОНР есть цели действий, последствия событий, иерархии объектов и явлений, классификации видов физических объектов** (например, животных и растений, минералов, звезд, микрочастиц и пр.), **которых нет в наличной физической реальности.**

Только в ОНР есть отношения и связи между физическими объектами, в ней происходят события, возникают состояния и ситуации, протекают процессы, которых нет без человека в физической реальности, так как она просто непрерывно и тотально изменяется. Но эти изменения конституированы человеческим сознанием в форме конкретных событий, состояний, ситуаций, процессов, связей, отношений и пр. Лишь в ОНР есть физические законы, а в предметной физической реальности, кстати тоже оформленной человеческим сознанием, присутствуют лишь референты, соответствующие установленным людьми физическим законам.

В-пятых, **область ОНР, относящаяся к физическому миру, живет жизнью, отличной от доступной восприятию физической реальности. ОНР наполнена множеством собственных специфических действий, совершаемых ее сущностями, их изменений и событий, происходящих с ними в ОНР.**

В доступной восприятию физической реальности люди просто передвигаются, прикасаются друг к другу, разговаривают друг с другом, совершают какие-то действия с предметами, перемещают их или перемещаются сами в пространстве. Тогда как в физической области ОНР ее сущности в это же самое время совершают совсем иные действия — психические:

женятся или разводятся, управляют фирмами, производят продукцию, делают открытия, создают научные и художественные произведения, готовят законы и распоряжения, совершают сделки и т. д.

Объекты ОПР действуют в ней же, меняются, устанавливают отношения: президенты издают указы, короли правят, вступают на престол или отрекаются от него, происходят выборы, назначения, переходят права собственности, заключаются соглашения, семьи образуются или разводятся и т. д.

В-шестых, область ОПР, достраивающая физический мир, — это нечто дополнительное, созданное сознанием множества людей на протяжении тысячелетий, нечто накладываемое сознанием человека на чувственно воспринимаемую им окружающую физическую реальность и радикально трансформирующее ее. Данная область ОПР охватывает весь физический мир от системы координат и оси времени до неожиданных значений и смыслов самых несущественных из окружающих человека предметов, объектов и явлений. Она наполняет понятными человеку смыслами доступную его восприятию «реальность в себе».

Как пишет М. М. Бахтин, «появление человека и человеческого общества... радикально меняет саму сущность бытия, сущность вещи, обретающей свой смысловой потенциал. При этом мир приобретает новое измерение — время» (цит. по: А. Н. Леонтьев, 2001, с. 256).

Человек постоянно пребывает в небольшой области непосредственно окружающей его «реальности в себе», чувственно репрезентируемой им в виде актуально воспринимаемой физической реальности. Этот вещественный физический мирок ограничен возможностями его органов чувств и элементами «реальности в себе», закрывающими от него перспективу с более далекими ее частями. Только этот «мирок» репрезентирован образами восприятия. Но с ним как бы сливается, дополняя и перестраивая саму чувственную репрезентацию мира, а главное, продлевая ее во времени и пространстве, область ОПР, тоже относящаяся к физическому миру. Она в итоге и формирует большую часть сложной чувственно-вербальной картины физического мира, или индивидуальный физический мир.

Эта картина мира порождает у человека уверенность, что он живет в конкретной стране, на континенте определенной формы, на планете Земля, в Солнечной системе, в галактике Млечный Путь, во Вселенной и т. д. Этот огромный и известный ему мир, репрезентируемый с помощью вербальных конструкций и ментальных образов представления, наполнен сущностями, с которыми человек, возможно, никогда не сталкивался непосредственно и с которыми никогда даже не будет иметь дела. Однако он уверен в их реальном наличии.

Всю свою жизнь человек живет в окружении непрерывно и безвозвратно изменяющейся вещественной физической реальности, в которой нет ни прошлого, ни будущего. Его тело является ее частью и меняется вместе с ней, физически существуя лишь в настоящее мгновение. Каждое предыдущее мгновение физической реальности немедленно и навсегда исчезает. Прошедшее мгновение сохраняется лишь в психике человека. Но мы убеждены, что живем в текущем физическом времени, у которого есть прошлое и будущее. Развертка во времени физических событий, истории мира и нашей личной истории существуют лишь в нашем сознании и ОНР. И мы пребываем в этих конструкциях объективной психической реальности.

Благодаря вербальным репрезентациям объективной психической реальности нам раскрывается ограниченность наших чувственных репрезентаций окружающей «реальности в себе». И становятся доступны физические сущности, которые мы не можем репрезентировать чувственно. При этом у привычных предметов и доступных восприятию объектов и явлений появляется множество новых сторон, порожденных смыслами и значениями, далеко выходящими за рамки чувственных репрезентаций физических сущностей.

Мы репрезентируем эти якобы физические сущности и новые стороны предметов с помощью знаков (слов), обозначающих нечто отличное от того, что знаки как материальные объекты представляют сами по себе. В результате мы оказываемся среди сущностей, которые считаем частью окружающего физического мира, хотя в действительности вместо них в мире есть что-то совершенно иное. Тем не менее наша жизнь без них немислима. И подобных сущностей огромное количество: от орбиты и скорости до интервенции и собственности, от нетерпимости и космонавтики до потепления и углеродного следа.

Даже доступные восприятию простые, казалось бы, предметы и объекты физического мира удивительным образом меняются, попадая в сферу влияния объективной психической реальности. Строчка цифр на экране айфона превращается в средство доступа к материальным благам, чернильная клякса особой формы — в гербовую печать, неказистая картина на стене — в мировой шедевр, а торжественная мелодия — в символ государства.

Физические объекты, их свойства, действия и отношения имеют чувственно измеряемые нами степени. Однако все эти степени: большой — маленький, сильный — слабый, быстрый — медленный, далекий — близкий, теплый — холодный и т. п. — тоже продукты человеческого сознания, хотя и зависимые от «реальности в себе».

Мы уверены, что живем в мире физических событий, отношений, обстоятельств, взаимодействий, собственных и чужих поступков и реше-

ний. Но все перечисленное происходит не в физическом мире, как кажется очевидным нашему здравому смыслу, а в объективной психической реальности.

Что останется от нашего мира, если вдруг исчезнет объективная психическая реальность?

Антропоморфный природный мир почти исчезнет вслед за ней, «сморщившись» до непосредственно воспринимаемого «животного» физического мирка с таким же «животным» его пониманием. Разница между окружающим миром животных и нашим миром заключается в том, что первый в основном ограничен тем, что доступно чувственному восприятию. Тогда как второй представляет собой сложную вербальную трансформацию исходно сенсорной репрезентации мира.

Чувственно воспринимаемый человеческий физический мир — это уже совсем не аналог сенсорной репрезентации животного. Он переполнен новыми вербальными смыслами, просто отсутствующими у животных. Он радикально видоизменен качественно благодаря наличию феноменологически иных — вербальных моделей его граней, принципиально недоступных сенсорному репрезентированию. И дело не в том, что он углублен и расширен в области макро- и микромира, например, с помощью инструментальных средств. Он полностью трансформирован с помощью вербальных моделей, раскрывающих в нем совершенно новые стороны и аспекты доступной восприятию физической реальности, поэтому чувственно репрезентируемая нами картина физического мира принципиально иная по сравнению с чувственными репрезентациями животных.

Как пишет У. Липпман (2004, с. 50), человек придумал, как взвешивать огромные и мельчайшие предметы, как считать множество чисел, которые ему не под силу удержать в памяти. Он научился с помощью своего разума «видеть» части мира, которые не может непосредственно воспринимать. Постепенно он создал для себя и в своей голове заслуживающую доверия картину мира, находящегося за пределами его досягаемости (правильнее было бы сказать: возможностей его восприятия. — С. П.).

Тезисы

1. Множество сущностей, относимых здравым смыслом к физическому миру, в наличии которых мы не сомневаемся, были конституированы либо сконструированы сознанием наших предшественников с помощью преимущественно вербальных концептов и образов представления. Они являются психическими объектами, имеют референты в физической реальности, но сами пребывают в физической области ОПР и действуют в ней же.

2. Не только физические, но и все остальные сущности ОНР (даже социальные, психические, вымышленные, трудно квалифицируемые и вообще невозможные) формируются сознанием по образцу предметов и доступных восприятию физических объектов и явлений. Вероятно, это обусловлено тем, что образы представления формируются у человека на основе образов восприятия и воспоминания.
3. Есть множество относимых здравым смыслом к физическому миру сущностей, в репрезентациях которых минимальна роль образов представления. Поэтому следует различать чувственное присутствие в физической предметной реальности доступных восприятию вещественных физических сущностей и бытие среди них вербально сформированных сознанием невещественных сущностей ОНР, относимых к физическому миру.
4. Для обычного человека, не задумывающегося о природе «вещей», и предметы, и физические объекты ОНР одинаково реальны. Он не замечает и не фиксирует феноменологических различий между собственными психическими репрезентациями сущностей, конституированных им чувственно (облако, стол, морская волна или зной), и сущностей, конституированных или сконструированных обществом вербально и интериоризированных им в процессе социализации (протон, электромагнитная волна, результат, параметр, триумф или оккупация). Тем более что огромную роль в формировании последних играют его образы представления.
5. Даже в доступной восприятию предметной физической реальности нет ни одной физической сущности, не представленной одновременно в ОНР. При этом последняя целиком и полностью определяет их значение и использование людьми.
6. Только в физической области ОНР присутствуют отношения и связи между физическими предметами и объектами, лишь в ней происходят антропоморфные физические события и проявляются их последствия, есть причины и следствия, возникают состояния и ситуации, протекают процессы, пребывают иерархии физических объектов и явлений, классификации видов живых и неживых существ и т. д. Даже предметы только в ОНР приобрели понятный людям смысл и статус.
7. В предметной физической реальности присутствуют лишь референты сущностей физического мира, недоступных восприятию. Одни такие сущности ОНР, сформированные людьми, имеют несомненные и многочисленные референты в физической реальности. Тогда как другие имеют там немногочисленные и трудновывяемые референты.
8. Некоторые конституированные и сконструированные людьми сущности физической части ОНР со временем гипостазированы и становятся

для новых поколений трудноотличимыми от физических предметов, объектов и явлений.

9. Область ОПР, достраивающая физический мир, — нечто накладываемое сознанием людей на чувственно воспринимаемую ими окружающую физическую реальность и радикально трансформирующее ее, нечто созданное сознанием людей на протяжении тысячелетий. Эта область ОПР охватывает весь физический мир от самых незначительных из окружающих человека предметов (их значений и смыслов) до системы пространственных координат и оси времени.

Глава 2.1.3. Научная картина физического мира как часть ОПР

§ 1. Знание

Можно лишь согласиться с мнением К. Поппера (2002, с. 88), что наука — это одно из величайших созданий человеческого разума, шаг, сравнимый с возникновением дескриптивного и аргументативного языка или с изобретением письменности.

Сегодня у человека не может быть адекватного миропонимания, если он не следит за достижениями науки.

Философ науки В. С. Степин (1998, с. 72) пишет, что общая научная картина мира является особой формой теоретического знания, которое интегрирует наиболее важные достижения естественных, гуманитарных и технических наук. Это, например, представления о кварках и синергетических процессах, о генах, экосистемах и биосфере, об обществе как целостной системе и т. п. Сначала они развиваются как фундаментальные идеи соответствующих дисциплин, а затем включаются в общую научную картину мира.

Действительно, картина природного, или физического, мира представлена в человеческом сознании в значительной степени научным знанием о разных аспектах этого мира. Однако, обсуждая картину мира, исследователи обычно делают акцент на физической ее стороне, которую в первую очередь рассматриваю в этой главе и я, так как весь данный раздел книги посвящен физической области ОПР.

Что такое знание?

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 110) определяют знание как совокупность общепринятых истин относительно реальности. В. А. Жмуров (2012) и многие другие авторы считают знание информацией о мире, которой владеет индивид или социальная группа. А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов (2006, с. 111)

и другие исследователи рассматривают знание как проверенный практикой результат познания действительности. Б. Г. Мецераков и В. П. Зинченко (2004, с. 176) сообщают, что знание нередко смешивают с опытом, пониманием, информацией, отражением. К. Поппер (2000, с. 62) считает, что всякое знание представляет собой часть наших попыток адаптации, приспособления к окружающей среде. Такие попытки подобны ожиданиям и предвосхищениям.

Многие исследователи склонны разделять знание и знания, понимая последние как психическое содержание сознания людей, возникающее в результате их взаимодействия с миром.

Можно ли хотя бы часть знания считать чем-то вроде иконических репрезентаций «реальности в себе»?

Вплоть до XX века в науке господствовали объективистские представления. Согласно им ее задачей было открытие и максимально точное описание сущностей, присутствующих в окружающем мире и не зависящих, как полагали все, от человека. В том числе сущностей, недоступных его восприятию. То есть в науке преобладали воззрения на познание мира человеком как на что-то вроде иконического отражения мира в его психике. В XX веке ситуация изменилась. Объективизм подвергся критике с разных сторон.

М. Борн (1973, с. 130) указывает, что сегодня самой наукой разрушена вера в возможность четкого отделения объективного знания от процесса его поисков. У. Куайн (2010, с. 75) констатирует, что вся совокупность нашего так называемого знания, или убеждения, — это сооружение, созданное человеком, только краями соприкасающееся с опытом. Л. Витгенштейн (1994, с. 371) спрашивает: не стоит ли заменить слово «знать» выражением «быть уверенным»? Разве слово «знать» не столь же субъективно? Б. Рассел (2001а, с. 530–531) рассматривает знание как подкласс истинных верований и пишет (2001а, с. 406), что все человеческое знание в большей или меньшей степени сомнительно.

В. И. Вернадский (1988, с. 221) полагает, что человек не может научно строить мир, исходя из него самого, то есть отказавшись от себя и стараясь найти какое-нибудь независимое от собственной природы понимание мира. Такая задача ему не по силам и является по существу иллюзией. Наука не существует помимо человека. Она его создание, как и слово, без которого не может быть науки. Находя правильности и закономерности в окружающем мире, человек неизбежно сводит их к себе, к своему слову и к своему разуму. В научной истине всегда есть большое отражение личности человека, его разума.

Можно лишь согласиться со всеми перечисленными авторитетами и заключить, что наше представление о мире не есть окружающий нас мир, даже если мы напечатаем описание мира в энциклопедии.

Согласно Э. фон Глазерфельду (2001, с. 59–81), знания не приобретаются пассивно через органы чувств, а активно строятся познающим субъектом. Они не предназначены для открытия объективной реальности, а лишь позволяют субъекту организовать мир собственного опыта. Познание выполняет адаптивную функцию, то есть служит приспособлению к миру, обеспечивая выживание организма, поэтому понятие «истинность» должно быть заменено понятием «жизнеспособность».

Автор отмечает (2001, с. 77), что если в традиционной теории познания и в когнитивной психологии соотношение знания и действительности трактуется как в большей или меньшей мере образное (иконическое) соответствие, то радикальный конструктивизм придает ему значение приспособленности в функциональном смысле. Он (Glaserfeld E., 1995, p. 156) указывает, что идея соответствия знаний реальности должна быть замещена идеей их пригодности. Знание является хорошим, если оно вписывается в рамки экспериментальной действительности, не вступая с ней в противоречие.

Мне представляется, что временами этот выдающийся исследователь в порыве полемики, как это нередко бывает, несколько увлекается и представляет своим оппонентам возможность для критики своих взглядов. Он, например, пишет: «Конструктивизм ничего не говорит и говорить не должен о том, что может или не может существовать. С конструктивистской точки зрения знание не воссоздает картину мира и никак этот мир не репрезентирует...» (Glaserfeld E., 1995, p. 114).

Я полагаю, что знание, конечно, дает нам представление о мире, хотя это представление глубоко антропоморфно, а картина мира сугубо человеческая. Репрезентации — и чувственные, и вербальные — по своей сути являются лишь нашими представлениями о «реальности в себе». Но они соотносятся с ней. Иначе они были бы для нас бесполезны, а это не так.

Мне кажется, что конструктивисты, например, вовсе не сомневаются в реальности окружающего мира. Они лишь обсуждают формы репрезентирования сознанием, несомненно, существующей «реальности в себе». Следовательно, «сущности, постулируемые теоретиками от науки»¹, репрезентируют нечто вполне реальное, и при этом они же «суть лишь конструкции человеческого разума». Так как сами элементы «реальности в себе», репрезентируемые ими, никак иначе сознанию не доступны.

Исследователи науки С. Шейпин и С. Шеффер (Shapin S., Schaffer S., 1985, p. 344) справедливо утверждают, что по мере того, как мы открываем условный и сконструированный статус наших форм знания, приходит

¹ Я. Хакинг спрашивает в своей книге «Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук» (М., 1998): «Являются ли сущности, постулируемые теоретиками от науки, реальными, или они суть лишь конструкты человеческого разума, способные организовать наш опыт?»

осознание, что именно мы сами, а не реальность являемся источником своего знания. Они напоминают, что еще Т. Гоббс (1588–1679) считал знание продуктом человеческих действий.

М. Шелер (2011, с. 56) указывает на дополнительный важнейший аспект — социологический характер всякого знания. Если и не содержание знания, то выбор предмета знания обусловлен господствующим социальным интересом, так как объяснить всегда означает свести относительно новое к известному. Н. Смит (2003, с. 79), ссылаясь на К. Гергена (Gergen K., 1994), тоже пишет, что знание — это то, что считает истинным определенная социальная группа в конкретный момент времени. И за пределами данной группы социально конструируемое знание не может претендовать на истинность.

Но нас здесь больше интересует феноменологическая структура знания. Несмотря на то что психологи достаточно единодушно рассматривают знания как психическое содержание, даже такой несомненный авторитет, как А. Шюц (2006, с. 742), например, пишет о солидарности всех мыслителей в том, что любое знание о мире, как обыденное, так и научное, включает ментальные конструкторы, синтез, обобщения, формализации и идеализации.

То есть согласно автору получается, что знание — это ментальные конструкторы и совокупность психических процессов. С этим, однако, трудно согласиться.

Знания — это всегда и только адекватные «реальности в себе» чувственные и вербальные психические репрезентации, позволяющие их носителям эффективно функционировать в ней. Знания — это не «совокупность психических процессов». Это скорее результат протекания некоторых из них.

В научной литературе не дифференцируют знание, потенциально присутствующее в языковых конструкциях, и знание, существующее в форме конструкций психических. Вербальные конструкции легко экстерииорируются сознанием в форме конструкций языковых, а те, в свою очередь, вновь интерииорируются иным сознанием в виде конструкций вербальных. Эти трансформации, открывающие возможность негенетической передачи вербальных конструкций в процессе языковой коммуникации, снимают вопрос о *врожденном знании*, так как легко объясняют все феномены, которые исследователи связывают с этим понятием. Главное то, что эти вербальные конструкции репрезентируют реальность и представляются человеку правильными.

Рассмотрим еще одну смежную проблему. *Являются ли знанием, например, карта местности или описывающие физический закон текст и формула?*

Кто-то может ответить утвердительно. *Но являются ли карта, текст и записанная на бумаге формула знанием для ребенка или представителя примитивного племени?*

Нет. Они лишь материальные объекты, способные быть потенциальными носителями знания и только в том случае, если воспринимающий их в состоянии понимать данные символы и знаки. Даже слова, фразы и предложения языка, содержащие в себе для носителей языка потенциальное знание, сами не являются знанием. Они лишь его возможные и предполагаемые носители. К тому же здесь нас интересуют только психические конструкции, так как языковыми конструкциями занимаются смежные с психологией науки.

Полагаю, что знание (или знания)¹ представляет собой совокупность достоверных в максимально возможной степени психических репрезентаций какого-то фрагмента мира, сформированную группой или обществом в результате их практической деятельности, присутствующую в сознании людей, рассматриваемую ими в качестве объективной истины и позволяющую им эффективно действовать в мире².

Знания феноменологически могут быть чувственными, вербальными и смешанными. Чувственные знания человек приобретает во время личного взаимодействия с миром. В качестве бытовых чувственных знаний выступают присутствующие в памяти и актуализируемые в сознании образами восприятия соответствующих элементов «реальности в себе» чувственные психические конструкции — модели-репрезентации известных предметов и привычных повторяющихся действий с ними. Видя водопроводный кран, мы ожидаем, что при повороте ручки из него пойдет вода. Беря в руки карандаш, мы ожидаем, что он оставит след на бумаге, и т. д. То есть мы обладаем на сенсорном уровне знанием о реальности в форме образов воспоминания и представления того, что обычно происходит с объектами в результате определенных действий с ними.

Такое же знание о мире несут в себе чувственно-вербальные репрезентации. Если мы нажимаем компьютерную клавишу «Сохранить», то ожидаем наступления события, смоделированного в нашей психике на вербальном уровне в форме вербальной конструкции *данные сохраняются*. Если мы набираем на дверце сейфа цифровой код, то ожидаем, что она откроется. Наши чувственные знания участвуют в формировании нашего личного воспринимаемого физического мира. Вербальные знания, лишь иллюстрированные

¹ Я не вижу смысла специально дифференцировать эти понятия.

² Определение создано с использованием Национальной энциклопедической службы России (НЭС) (руководитель — Д. Жмуров). Хотел бы выразить искреннюю благодарность авторам этого чрезвычайно полезного и нужного всем исследователям электронного издания, которое я активно использовал при подготовке книги.

чувственными образами воспоминания и представления, формируют главным образом область ОНР, достраивающую наш предметный физический мир.

Преимущественно вербальные репрезентации мира, усваиваемые людьми в процессе социализации и тоже рассматриваемые ими как собственные знания, можно разделить на истинные, вероятные и ложные. Сознание человека часто уже в процессе интериоризации языковых конструкций, репрезентирующих мир, как бы относит их к этим группам. Оно сравнивает вновь появившиеся в нем вербальные конструкции с аналогичными и сходными собственными психическими репрезентациями, тем самым классифицируя их и относя к верным, вероятным или ложным. Если сознание не обнаруживает аналогов новой вербальной репрезентации, то квалифицирует ее в зависимости от особенностей самой конструкции и от ее источника.

Ошибочные психические репрезентации окружающего мира принято называть заблуждениями. Сами термины «знания» и «заблуждения» обозначают очередные сущности ОНР. Феноменологически **заблуждения являются преимущественно вербальными репрезентациями мира**. Знания и заблуждения, репрезентируя фрагменты «реальности в себе», участвуют в формировании ОНР. При этом немалая **часть ОНР представлена именно человеческими заблуждениями**.

Множество вербальных конструкций, которые мы рассматриваем как правильные представления о реальности, на самом деле либо искажают ее, либо вообще ей не соответствуют. Э. Аронсон (2006, с. 135), например, пишет, что большинство людей так и живут со «знанием» многих вещей, которые просто неверны.

Д. Майерс (2001, с. 164) тоже отмечает, что мы с удивительной легкостью формируем ложные убеждения и придерживаемся их. Ведомые предвзятым отношением, самонадеянностью и доверчивостью к анекдотической информацией, мы усматриваем взаимосвязь и контроль там, где их нет, и создаем свои социальные убеждения и затем воздействуем на других, чтобы подтвердить их. Когнитивные предубеждения пробираются даже в сложное научное мышление. Природа человека не изменилась за 3000 лет, с тех пор как царь Давид заметил, что «никто не видит своих ошибок».

У. Липпман (2004, с. 28) пишет, что мы принимаем за окружающую подлинную реальность свою картину мира и относимся к ней так, как будто она и есть реальная жизнь. Нам это трудно заметить, когда речь идет о нас лично и о наших представлениях. Однако это становится для нас очевидным, когда речь заходит о людях, живших ранее. Мы утверждаем, глядя на них со стороны, что мир, который представал перед нашими предками, был зачастую абсолютно противоположен миру, который они себе представляли. Они отправились в Индию, а открыли Америку. Они считали, что изгоняют нечистую силу, а на самом деле вешали старух.

Мне представляется, что и сейчас ничего не изменилось. Тем не менее мы продолжаем жить, не только часто не замечая несоответствий между реальным миром и нашей его картиной, но даже не задумываясь по этому поводу. Наши знания и заблуждения вместе участвуют в формировании ОНР общества. Причем порой неважно, чем на определенном отрезке времени являются конкретные представления людей о какой-то грани реальности — знанием или заблуждением. Правда, относительно безопасными для людей могут быть главным образом заблуждения, относящиеся к второстепенным или сугубо теоретическим аспектам мира.

Как отмечают, например, К. Хахлвег и К. Хукер (1996, с. 192), ссылаясь на Т. Куна (1975, с. 104), верная теория Аристарха Самосского (ок. 310 г. до н. э. — ок. 230 г. до н. э.) о том, что Земля вращается вокруг Солнца, оставалась невостребованной в течение почти 18 веков вплоть до Н. Коперника (1473–1543), который вновь ее открыл в совершенно другом контексте. Тогда как ложная теория тепловой жидкости оказалась весьма плодотворной и руководила действиями ученых в течение нескольких десятилетий в XVIII–XIX вв.

Преимущественно вербальные репрезентации мира, или знания о нем, человек получает в процессе социализации. Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 258–259) пишет, что человек до 25 лет усваивает знания, которые передает ему социальное окружение. Он узнает, что мир — всего лишь система обязательных на данный момент убеждений. Она формировалась в далеком прошлом, а некоторые ее простейшие компоненты унаследованы даже от первобытного строя. Важнейшие части этого мира каждый раз по-новому истолковываются людьми, переосмысливаются и корректируются на научных кафедрах и страницах газет, в ходе правительственных дебатов, в литературе и искусстве. В результате человек постоянно реконструирует мир.

Автор (1997, с. 691) справедливо указывает, что мы говорим обо всем на свете, заимствуя мнения из того, что говорят окружающие. Только иногда мы берем на себя труд переосмыслить воспринятую идею, чтобы затем либо ее отвергнуть, либо принять, но уже как собственную. Многие идеи мы высказываем как нечто само собой разумеющееся потому, что «так полагают все на свете».

Действительно, я порой ловлю себя на том, что часто пользуюсь чужими и явно поверхностными идеями, репрезентирующими мир, обсуждая не очень значимые для меня политические или бытовые вопросы и особо не задумываясь над ними. То есть действительно постоянно и широко использую чужие вербальные репрезентации окружающего мира, даже не замечая этого.

Научное знание представляет собой адекватные определенному аспекту «реальности в себе» преимущественно вербальные его репрезентации,

создаваемые исследователями и проверяемые практикой, а затем используемые обществом для формирования важной области ОНР, которую принято называть научной картиной мира. Если бытовое знание, которое по своей природе в основном процедурное, чаще репрезентировано в сознании чувственными и чувственно-вербальными конструкциями, то научное знание в основном декларативное и преимущественно вербальное.

Создаваемые исследователями вербальные репрезентации реальности легитимизируются, проходя экспериментальную проверку и проверку на предсказательную эффективность. Лишь подтвердив на практике свою полезность и приобретя в результате этого новые качества в глазах исследователей — объективность и достоверность, вербальные репрезентации реальности превращаются в проверенную и подтвержденную научную теорию, получают статус знания и инкорпорируются в специфическую область ОНР, называемую научной картиной мира.

Как пишут Ю. Фримен и Г. Сколимовский (2000, с. 262–263), рост знания неотделим от роста языка, введения новых понятий, расщепления имеющихся понятий, обнаружения в языке скрытых неоднозначностей, уточнения множества значений, спрессованных в одном термине, прояснения неопределенности понятия и наделения старых понятий новыми значениями. Рост науки, в свою очередь, означает увеличение содержания научных теорий и обогащение языка науки. Изменения в языке следуют как тень за изменениями в содержании науки.

В. В. Миронов и А. В. Иванов (2005, с. 266) отмечают, что знание, возникнув, приобретает как бы собственную жизнь и логику развития, независимые от воли и желания людей. Например, натуральный ряд чисел был известен еще в Античности, а различные его закономерности математики продолжали открывать спустя столетия и даже тысячелетия. Авторы (2005, с. 267) указывают, что взгляд на знание и на фундаментальные идеи как на особую реальность разделяли крупнейшие ученые из разных научных областей знания: математик Г. Кантор, логик Г. Фреге, физик В. Гейзенберг, биолог А. А. Любищев и другие.

По словам В. В. Миронова и А. В. Иванова (2005, с. 264), теории познания, генетически восходящие к теории идей Платона, утверждают, что знание образует особый идеально-духовный мир, являющийся трансцендентным (выходящим за пределы) относительно индивидуального сознания. Объективно существующий мир знания способен обнаруживать себя и даже прирастать только за счет творческих актов индивидуального сознания.

Обсуждая вербальные репрезентации в качестве знания, мы упустили важнейший их аспект. Они часто сопровождаются особыми интрапсихическими ощущениями. Например, некоторые важные для нас вербальные репрезентации мира сопровождаются специфическим интрапсихическим

ощущением собственной достоверности, то есть носят характер наших убеждений.

Социолог и философ Ю. Эльстер (2011, с. 134) пишет, что понятие «верование» подразумевает нечто меньшее, чем полную поддержку. Например, когда я верю, что завтра пойдет дождь, я также знаю, что могу ошибаться. При этом я не просто верю в то, что женат, я это знаю. По словам автора (там же), при философском анализе знание определяется как оправданное истинное верование, которое находится в особых отношениях как с миром (оно истинное), так и со всей информацией, имеющейся у агента (оно оправданно). И все же ни одна из этих сторон знания не передает субъективной определенности, которая часто лежит за фразой «Я знаю» в повседневной речи.

Это уточнение исследователя еще раз заставляет нас задуматься над тем, что, **обсуждая знания, как, кстати, и верования, следует говорить не просто о вербальных репрезентациях, но и об особых интрапсихических ощущениях, сопровождающих эти репрезентации и придающих им специфическое качество субъективной достоверности. Причем достоверности, разной по степени: от значительной — верование — до бесспорной — знание.**

§ 2. Научные сущности ОПР

Ю. Фримен и Г. Сколимовский (2000, с. 264) обращают внимание на то, что содержание науки выражено во множестве ее понятий и их взаимосвязей. Эту совокупность понятий иногда называют концептуальным аппаратом или концептуальной сетью науки. Можно говорить как о сети науки вообще, так и о концептуальной сети конкретной науки, например физики.

Авторы (2000, с. 264–267) отмечают, что концептуальные сети конкретных наук сливаются друг с другом, даже с обыденным языком и исторически меняются. Их развитие — необходимый фактор роста науки. Существует параллелизм между концептуальным развитием знания и концептуальным развитием разума, которые зависят друг от друга и друг друга ограничивают. Разум не может слишком далеко выходить за пределы существующего знания, так как ограничен его концептуальной сетью.

В сказанном ими нет ничего удивительного, так как научное знание предполагает формирование человеком новых научных сущностей (обычно конструируемых с помощью вербальных концептов) и обозначение их новыми словами (то есть появление новых понятий). А уж создание новых научных теорий, описывающих взаимоотношения новых сущностей, и тем более целых новых научных направлений неизбежно сопровождается формированием множества новых концептов и понятий (и, естественно, слов).

Концептуальная сеть любой науки образована преимущественно вербальными концептами, конституирующими и конструирующими ее основные сущности. Множество сущностей¹, которые мы привыкли считать объектами или явлениями окружающего физического мира, присутствуют только в ОНР, но участвуют в формировании научной картины природного мира.

Объектами и явлениями ОНР, которые наш здравый смысл относит к физической реальности, являются практически все сущности, представленные в любой естественно-научной теории, а также характеристики этих сущностей, их отношения, действия и т. д., сами представленные в виде новых сущностей.

Заблуждение нашего здравого смысла касательно того, что сущности ОНР² пребывают вокруг нас в окружающем мире наряду с другими доступными нашему восприятию сущностями, например морями, животными, растениями, полями и т. д., объясняется тем, что большинство из них конституированы сознанием на основе чувственных репрезентаций доступных восприятию элементов окружающего мира и к тому же еще до нашего рождения. К примеру, так была конституирована сущность, обозначаемая словом «анаэроб». Но сделано это было только в результате построения кем-то из исследователей специальной вербальной конструкции, например, такой: *анаэроб — организм, способный жить в бескислородной среде.*

Рассмотрим некоторые основные сущности отдельных наук. Начнем, естественно, с физики.

И. Ньютон пишет: «Протяженность, твердость, непроницаемость, подвижность и инертность целого происходят от протяженности, твердости, непроницаемости, подвижности и инерции частей, отсюда мы заключаем, что все малейшие частицы всех тел протяженны, тверды, непроницаемы, подвижны и обладают инерцией. Таково основание всей физики» (2008, с. 503).

Чтобы это написать, необходимо было иметь перечисленные понятия: *протяженность, твердость, непроницаемость, подвижность, инертность, целое и часть.* Следовательно, **всякая наука и физика в частности, начинается с конституирования и конструирования концептов, репрезентирующих так называемые первичные сущности данной науки.** На этом

¹ Например, поле, закон, ландшафт, риск, вариант, баланс, возраст, детерминанта, геноцид, матрица, решение, экватор, тугоплавкость, плотность, год, меридиан, сезон, качество, целесообразность, позиция, координаты, ранг, выборка, совершенство, польза, красота, необходимость, уродство и многие, многие другие сущности, которые давно стали частью окружающего нас природного мира.

² Например, состояние, аксиома, выпаривание, алгоритм, плавление, идентификация, анализ, гидратация, вакуум, коагуляция, абсорбция, равновесие, мономер, возгонка, осаждение, аналогия, изотоп, дегазация, адгезия, валентность, кипение, изомер, вещество, амальгама, детонация, вулканизация, ангстрем, дистилляция, анион и т. д.

этапе становления науки не столь уж и важно, сохранятся ли в будущем первоначально созданные в ней сущности. Не обязательно также, чтобы все используемые сущности имели в реальности ясные и понятные всем чувственные референты. Главное для физики, например, чтобы эти конституируемые и конструируемые исследователями сущности можно было измерять.

Нельзя даже начинать научные исследования, не создав или, скажем привычнее (хотя и неверно), «не обнаружив» предварительно в окружающей реальности основные ее сущности, которые будут далее подвергнуты наблюдению и измерению.

А. Пуанкаре пишет: «Нередко говорят, что следует экспериментировать без предвзятой идеи. Это невозможно; это не только сделало бы всякий опыт бесплодным, но это значило бы желать невозможного. Всякий носит в себе свое миропредставление, от которого не так-то легко освободиться. Например, мы пользуемся языком, а наш язык пропитан предвзятыми идеями и этого нельзя избежать; притом эти предвзятые идеи неосознанны, и поэтому они в тысячу раз опаснее других» (1983, с. 93).

«Предвзятые идеи» А. Пуанкаре (там же) — это и есть предварительно сконструированные исследователем и его предшественниками сущности реальности и представления об их взаимодействии. Более того, они даже могут уже присутствовать в языке, так как, возможно, были созданы до рождения исследователя. Без них действительно нельзя построить никакой теории. Я уж не говорю о конструкции, представляющей собой план исследования, или план исследовательских действий, который тоже включает в себя «предвзятые идеи».

Огромное число физических сущностей¹ были конституированы или сконструированы исследователями с помощью вербальных конструкций²

¹ Например: путь, тело, траектория, скорость, движение, диффузия, энергия, инерция, плотность, масса, сила, вес, трение, давление, работа, мощность, рычаг, КПД, теплота, конвекция, излучение, теплоемкость, кристаллизация, проводник, электрический ток, электромагнитная волна, напряжение, вектор, импульс, гравитация, амплитуда, радиоактивность, индуктивность, критическая масса, ядерные силы, теплота, заряд, относительность, показатель, вероятность и множество других.

² Примеры вербальных конструкций, конституирующих научные физические сущности: *скорость — физическая величина, которая равна пути, пройденному телом за единицу времени; плотность — масса единицы объема вещества, или отношение массы вещества к его объему; давление — величина, численно равная отношению силы, действующей перпендикулярно поверхности, к площади этой поверхности; механическая работа — величина, определяющая изменение энергии тела и показывающая количество энергии, переданной от одного тела к другому или превращенной из одной формы в другую; внутренняя энергия — энергия движения (кинетическая) и взаимодействия (потенциальная) молекул; электрическое напряжение (разность потенциалов) между точками А и Б — работа, которую совершает электрическое поле при переносе положительного заряда из точки А в точку Б.*

в процессе построения научных гипотез. **Физические понятия репрезентируют не «физические величины», как принято считать, а сущности ОПР, имеющие отношение к физической реальности, точнее, помещенные в нее человеческим сознанием для облегчения ее понимания.**

Философ С. И. Гришунин (2009, с. 181) пишет, ссылаясь на социолога науки М. Малкея (1983), что в физике в неформальных рассуждениях и спорах используются понятия, заимствованные из обыденного рассуждения, причем относящиеся не только к физическим объектам, но и к социальным отношениям. Например, частицы «отталкивают» и «притягивают» друг друга. Они «захватываются» и «освобождаются». Они «живут» и «распадаются» и т. д.

Весьма показательно отношение исследователей к так называемым фундаментальным физическим постоянным (скорость света в вакууме; элементарный электрический заряд; постоянная Планка; гравитационная постоянная; постоянная Больцмана и др.). Эти физические величины, как принято считать, характеризуют физические свойства нашего мира в целом и входят в уравнения, описывающие фундаментальные законы природы.

Обсуждая их, биолог Р. Шелдрейк (2004, с. 45–46) пишет, что старые значения констант заменяются новыми, основанными «на самых последних лучших показаниях», получаемых в расположенных по всему миру лабораториях. Окончательные величины физических констант устанавливаются международными комитетами и экспертами. Они зависят от целой серии решений, принимаемых экспериментаторами, ведущими специалистами в метрологии, членами специальных комитетов.

Он цитирует Р. Т. Бирджа¹ и Р. А. Шермана, описывающих процесс определения константы: «Каждый раз для каждой отдельно взятой константы решение по поводу ее наиболее вероятной величины требует определенного набора суждений. <...> При этом в ходе отбора данных и вывода окончательного заключения каждый исследователь руководствуется собственным набором суждений» (Barja R. H., Sherman R. A., 1985, p. 228).

Р. Шелдрейк (2004, с. 46) отмечает, что в соответствии с традиционными научными воззрениями в природе все управляется фиксированными законами и неизменными константами. Он (там же) пишет, что в совре-

¹ Физик Р. Т. Бирдж, по словам Р. Шелдрейка (2004, с. 45), безраздельно господствовал в метрологии в 20–40-е годы XX века.

менной теории относительности c является математической константой. Ее значение является постоянным по определению. Вопрос о том, может ли скорость света в вакууме отличаться от значения c , теоретически иногда рассматривается, но всерьез никого не интересует.

Автор (2004, с. 49–50) цитирует Б. Петли (Petley B. W., 1985), который, по его словам, являлся патриархом британской метрологии: «...скорость света в вакууме может (а) меняться со временем, (б) зависеть от направления в пространстве или (в) реагировать на вращение Земли вокруг Солнца, движение внутри Галактики или какие-то другие факторы» (Petley B. W., 1985).

Тем не менее, говорит Р. Шелдрейк (2004, с. 50), если бы изменения этой фундаментальной константы действительно происходили, мы бы этого не заметили, так как находимся внутри искусственной системы, где подобные изменения не только невозможны по определению, но и не могут быть обнаружены на практике из-за способа, которым определяются единицы измерения. Любое изменение в численном значении скорости света в вакууме изменило бы сами единицы измерения таким образом, что эта скорость, выраженная в километрах в секунду, осталась бы прежней.

Что же в итоге получается?

А получается то, что **даже фундаментальные физические константы зависят от договоренностей между исследователями и от единиц измерения, которые сами являются психическими объектами ОНР, пусть и относимыми исследователями к физической реальности.**

Вспоминаются слова К. Поппера (цит. по: Ю. Фримен и Г. Сколимовский, 2000, с. 239) о том, что наше знание не имеет надежной основы, что мы возводим здание нашего знания на сваях, установленных в болоте.

Я не говорю о том, что это плохо или что следует действовать как-то иначе. Я говорю о том, что данное обстоятельство имеет место, а следовательно, его необходимо понимать и учитывать.

Есть ли некий изначальный порядок в физической реальности?

Очевидно, что по крайней мере далеко не все, что смоделировано естествоиспытателями как нечто несомненно присущее природной физической реальности, действительно присутствует в ней. Например, **в окружающем нас вещественном, физическом мире нет иерархий, нет групп, видов, классов, систем, подчиненности, причин, следствий и многого другого. Они есть только в наших вербальных репрезентациях физической реальности.**

Из сказанного следует, что **они не «открыты», то есть «не обнаружены в окружающем мире», как написано во всех наших объективистских учебниках, а созданы исследователями и в виде психических объектов присутствуют в физической области ОНР.** Тем не менее они являются краеугольными камнями нашей физической, или природной, картины мира. На них базируются все наши представления об окружающем мире.

Впрочем, большинство исследователей в соответствии с классической объективистской парадигмой до сих пор склонны считать, как пишет Дж. Лакофф (2004, с. 218), что ум функционирует как зеркало природы, а его символы соответствуют присутствующим в мире сущностям и категориям. Другими словами, исследователи просто описывают более или менее точно то, что видят в окружающем мире. И их задача — сделать это правильно и максимально близко к реальности.

И все же эта объективистская парадигма дала уже явно видимые трещины.

Исторический порядок в окружающем мире, который существует для человека благодаря наличию в ОНР времени, в «реальности в себе» тоже отсутствует. И даже сам по себе порядок — это сущность ОНР, созданная людьми, человеческое изобретение.

Много пишут о красоте и гармонии, присущих миру.

Что есть гармония? И есть ли она в физической реальности?

Это, безусловно, тоже человеческое изобретение, выдуманная сущность. Гармония природы, гармония музыки и так далее существуют лишь в нашей голове, хотя и имеют референты в физической реальности.

Очевидно, что и **физических законов в «реальности в себе» нет. Но ведь они моделируют нечто, и это нечто все же присутствует в мире?** Безусловно. Они имеют множество референтов в физическом мире, и мы к ним еще вернемся.

Хочу еще раз напомнить основную мысль главы — **именно человек создал множество сущностей окружающего мира и продолжает их создавать, опираясь на чувственные референты, предоставляемые ему в изобилии «реальностью в себе» и его телом, взаимодействующим с ней.** Сущности эти в принципе не могут быть иконическими моделями окружающего мира.

В каждой науке мы сталкиваемся с множеством сущностей ОНР, созданных представителями этих наук. В биологии и экологии, как и в физике, есть доступные восприятию биологические объекты, например садовник, кошка, собака, дерево, кит и т. д. И есть недоступные непо-

средственному восприятию, но тоже относящиеся к биологии и экологии объекты ОПР¹.

Такие же сущности ОПР есть во всех науках. В географии — агломерация, расселение, геополитика, глобализация, мегаполис, интеграция, миграция и т. д. В истории — импичмент, ересь, дворянин, газават, декрет, варяг, барщина, вече, абсолютизм, гласность, блицкриг, интервенция, колхоз, викинг, автономия, идол, коалиция, династия, индустриализация, боярин, доктрина, губерния, воевода, былина, ГУЛАГ, изгой, волхв, агрессия, вотчина, анархия и т. д. В химии — вещество, молекула, химический элемент, моль вещества, эквивалент вещества, атом, химическая формула, аллотропия, эквивалентный объем и т. д.

Этот список можно продолжать долго. Перечисленные объекты ОПР, как и множество не упомянутых здесь, люди создали с помощью вербальных конструкций². Нет смысла продолжать примеры конституированных и сконструированных, а затем помещенных сознанием в окружающий мир объектов и явлений. И так очевидно, что их множество и они абсолютно преобладают среди научных сущностей.

В любой области естествознания и гуманитарных наук присутствует огромное количество объектов и явлений биологических, географических, медицинских и т. д., которые недоступны восприятию и пребывают в ОПР. При этом, однако, у нас не возникает особых сомнений в том, что они являются объектами именно окружающей реальности, пусть и несколько отличающимися от ее вещественных объектов и явлений.

¹ Например: жизнь, организм, наследственность, размножение, активность, смерть, норма, болезнь, развитие, рецидив, иммунитет, гамета, вакцина, гиподинамия, бацилла, абориген, агглютинация, дупликация, гастрюла, билатеральность, гаплоид, зигота, гемолиз, донор, геном, агония, гигиена, биоритм, адаптация, гипоксия, дивергенция, биосфера, гибрид, аккомодация, генофонд, атавизм, хищник, продуцент, автолиз, метаморфоз, паразит, биомасса, зимовка, селекция, адаптация, полигамия, адинамия, рефлекс, мезодерма, биогеоценоз, мутация, канцероген, ноосфера, симбиоз, урбанизация, мелиорация, фунгицид, толерантность, резистентность, ареал, дегенерация, заповедник и т. д.

² Например, таких: молекула — это наименьшая частица определенного вещества, которая обладает его химическими свойствами; химический элемент — это вид атомов, которые имеют определенный заряд ядра; моль вещества — это количество вещества, содержащее столько молекул, атомов, ионов, электронов или других структурных единиц, сколько содержится их в 12 г изотопа углерода ^{12}C ; химический эквивалент вещества — такое его количество, которое соединяется с 1 молем атомов водорода или замещает то же количество атомов водорода в химических реакциях.

Теперь, однако, в связи с появлением фотографий атомов и молекул возникает вопрос о превращении этих исходно вербально сконструированных сущностей в чувственно конституируемые.

Одним из фрагментов научной картины мира, построенной в ОПР, является история человечества. Недаром психолог В. М. Аллахвердов цитирует Х. Л. Борхеса: «Историческая правда — не то, что случилось, а то, что мы полагаем случившимся» (2000, с. 63).

Э. Кассирер (1995, с. 129–130) пишет, что историк опирается на то, что мы называем историческими документами и историческими памятниками. Они представляют собой письма на бумаге или пергаменте, иероглифы, клинопись, красочные изображения на холсте, мраморные или бронзовые статуи, каменные или какие-либо другие строения. Но во всех этих материальных вещах историк видит нечто особое, свидетельства и как бы откровения прошлой жизни. Он должен не только собрать эти фрагменты, но и превратить их в единое целое, показать их нам в их связи и последовательности.

Другими словами, историк создает новую реальность, которая якобы существовала, но уже исчезла. И все же эта реальность — не что иное, как чувственно-вербальные конструкции (или реконструкции) его сознания, его психическое творчество, которое может стать частью ОПР.

Как замечает Э. Кассирер (1995, с. 130–131), этот интеллектуальный синтез мы называем историей, подобно тому как синтез определенных материальных явлений, упорядоченных во времени и пространстве в соответствии с общими законами, называется естествознанием.

Нельзя не обратить внимания на факт, особенно заметный при чтении старых авторов, — значения использованных ими понятий очень сильно изменились с тех пор, некоторые вовсе были забыты.

Ж. Бодрийяр (2006, с. 100) обращает внимание на то, что историки пребывают в некоем концептуальном и историческом пространстве, выйти за пределы которого не так-то просто — слишком велика их зависимость от господствующего сегодня видения истории.

Мне представляется, однако, что наша зависимость от господствующих сегодня парадигм и взглядов во всех прочих науках не менее велика.

Относительно небольшую группу объектов ОПР составляют сущности, участвующие в формировании научной картины психики и сознания. Они обозначаются особыми психологическими понятиями: *психика, сознание, «я», образ восприятия, ощущение, мотив, концепт, понятие, чувственная и вербальная психическая конструкция, интеллект, вера, эмпатия, подсознательное, ментальный образ, влечение, эмоция, интуиция, вера, раздражение, совесть, память, психический комплекс, впечатление, интерес, абulia, страх, депрессия, инициатива, научение, мышление, подражание, ассоциация, мечта, инсайт, воображение, чувство, переживание, иллюзия, догадка, внимание, замысел* и т. д.

Все они имеют очевидные или не очень очевидные, непосредственно переживаемые¹ человеком в собственной психике референты.

Некоторые из перечисленных сущностей рассматриваются отдельными авторитетными исследователями как конструкты. Н. Смит, например, пишет: «Все, что сказано здесь о конструкте разума, в равной степени относится и к конструкту сознания... Сёрль (Searle, 1998) сообщает нам, что “сущность психического — это состояния сознания” (р. 39). Учитывая, что и “сущность”, и “психическое”, и “состояния сознания” являются конструктами, мы оказываемся в еще более густом тумане» (2003, с. 69).

Н. Смит продолжает: «Термин *сознание* нередко используется, когда говорится о внимании к объекту или о его восприятии. Но что в этом случае представляет собой сознание, помимо цвета, запаха, формы, функции, смысла и т. д.? Что еще является его референтом? В последнее время данное понятие стало предметом целой серии научных конференций и огромного количества книг (Shapiro, 1997). Однако лишь немногие из них признавали в сознании конструкт (Smith, 1997). Вместо этого мозг обрел “вселившийся в него дух, названный сознанием” (Grossberg, 1972, р. 249)» (2003, с. 69).

Если следовать логике автора, с не меньшим основанием мы можем спросить: *что собой представляет, «помимо цвета, запаха, формы, функции, смысла и т. д.», окружающий нас мир?*

И когда мы согласимся с тем, что ничто, кроме перечисленного, не является его референтами, нам придется сделать неправомерный вывод, что сам реальный мир — это тоже лишь конструкт нашего сознания. Причем для каждого «я» конструкт *сознание* никак не менее очевиден и реален, чем конструкт *окружающий мир*, так как именно в сознании нам и дан окружающий мир. Я говорю все это лишь для того, чтобы призвать не впадать ни в ту ни в другую крайность.

Мы уже рассматривали выше, что все формируемые исследователями сущности располагаются между двумя полюсами. На одном находятся сущности, которые наш здравый смысл рассматривает как, несомненно, наличествующие в окружающем мире. На другом — типичные конструкты. Между этими крайностями располагаются все остальные сущности, выстраиваясь в непрерывную последовательность без очевидных разрывов и границ. И трудно не признать, что такие сущности, как сознание и окружающий мир, более чем что-либо другое близки к полюсу несомненно присутствующих в мире.

Процесс научного познания мира сопровождается закономерной сменой изучаемых наукой сущностей. Это происходит в результате замены научных концептов (часто одновременно и понятий). Преобразование

¹ Пока нет адекватного термина.

и замещение концептов (реже и понятий) сопровождается изменением картины окружающего мира, человеческой психики и ОНР.

О трансформации мира вслед за изменением понятий пишет и Р. Смит (2014, с. 162–163). Он вступает в дискуссию с Дж. Серлем (2002, с. 221–222), который полагает, например, что обладание определенной массой есть неотъемлемое свойство предмета. И если мы все умрем, предмет все еще будет обладать «массой».

Р. Смит (2014, с. 163–164) задает справедливый вопрос, сохранится ли масса тел или любое другое свойство, считающееся независимым от наблюдателя, если не будет людей, понимающих смысл слова «масса». Ведь у вещества не может быть постоянных свойств до того, как люди дадут им названия. Он (2014, с. 164) пишет, что в гуманитарных науках, к примеру при изучении экономического рынка, кажется, и вовсе не найдется оснований для мыслей о существовании объекта познания, независимого от того, каким мы его видим.

И автор совершенно прав в том, что **нет и не может быть никаких независимых от человека свойств предметов**. Можно лишь добавить, что и самих предметов, независимых от нашего сознания, не может быть вне нашего сознания по определению, так как все они репрезентированы в качестве антропоморфных предметов лишь в нем, а не существуют в виде предметов в «реальности в себе».

§ 3. Факты ОНР

Важнейшими элементами ОНР, кроме ее сущностей, являются факты. Само слово «факт» обозначает очередную сущность ОНР. Она может быть конституирована одной из следующих вербальных конструкций: *факт — это: 1) действительное, невымышленное явление, происшествие, событие; 2) твердо установленное знание, данное в опыте, служащее для некоего заключения, вывода, для проверки некоего предположения, гипотезы; 3) действительность, реальность; нечто, существующее реально (С. Ю. Головин, 1998, с. 566); 4) ...результат наблюдения (в том числе измерения) и эксперимента, не допускающий нескольких толкований (Б. Н. Еникеев, 2003, с. 513); 6) объективное и проверяемое наблюдение (В. Gower, 1997) и т. д.*

Любой факт может быть представлен только в форме вербальной конструкции. Философ А. Л. Никифоров справедливо отмечает, что «факт — особое предложение, фиксирующее эмпирическое знание» (2010, с. 157–158). О том же пишет философ В. С. Швырев: «Факты выражаются в форме протокольных предложений — элементарных утверждений об этих событиях. Эти утверждения могут быть проверены (верифицированы), и таким образом устанавливается их истинность или ложность» (2010, с. 378).

Мы уже обсуждали, что многие сущности, например физические объекты и явления, репрезентируются с помощью особых вербальных конструкций — вербальных концептов. Факты тоже репрезентируются с помощью вербальных конструкций, но иного типа¹. Каждый факт — это уникальная вербальная репрезентация какого-то аспекта реальности. **Факт — это всегда и только вербальная репрезентация часто более сложного, чем сущность элемента «реальности в себе»: ситуации, события, состояния предмета или явления и т. д.**

С точки зрения психической феноменологии **факт — это к тому же преимущественно вербальная репрезентация реальности, достоверность которой не вызывает у людей сомнений**. Можно сказать, что факт — это минимальный фрагмент знания. Впрочем, последнее обстоятельство не делает факт более реальным². Факты могут иллюстрироваться чувственными образами, но всегда репрезентируются вербально. Именно вербальная конструкция конституирует факт, создает его в качестве фрагмента знания. Факт — это нечто вроде очевидного вывода в виде вербальной конструкции, который мышление делает на основе чувственных и иных вербальных репрезентаций реальности.

Есть факты физической реальности (планеты вращаются вокруг Солнца), социальной реальности (президент — глава исполнительной власти) и психической реальности (чужие мысли недоступны восприятию).

Б. Рассел (2009, с. 224–225), однако, пишет, что факты — это не фразы, в которых мы утверждаем факты. Это те особенности в устройстве мира, которые делают наши утверждения истинными (если они соответствуют миру) или ложными (если они ему не соответствуют). Когда идет дождь, это факт; когда светит солнце, это факт. Расстояние от Лондона до Эдинбурга,

¹ Примеры фактов: *дерево легче воды* (физический факт); *яблоко подгнило с одной стороны* (физический факт); *вчера в Москве шел дождь* (физический факт); *Трамп победил в 2016 году на президентских выборах* (социальный факт); *Наполеон умер в 1821 году* (исторический факт); *сейчас 4 часа дня* (трудно квалифицируемый факт).

² Философ В. Н. Порус (1998, с. 229) ссылается на биолога и философа Л. Флека (1999, с. 220), показавшего в своей книге (Л. Флек, 1999), что «научные факты» не более чем «мыслительные конструкции», возникающие благодаря принятому и усвоенному учеными «стилю мышления». В. Н. Порус пишет: «Так, открытая Августом фон Вассерманом и его сотрудниками в 1906 г. серодиагностическая реакция на сифилис была признана «фактом», хотя исходные предпосылки исследования были, как позже выяснилось, ложными, а эксперименты — недостоверными. Это произошло не только из-за исключительной практической важности реакции, но прежде всего потому, что она была установлена в соответствии с господствовавшим в начале века стилем мышления в бактериологии и иммунологии. Став классической, реакция Вассермана положила начало современной серологии как научной дисциплине, а впоследствии обнаруженные недостатки ее теоретического обоснования и практического применения не только не уменьшили ее значения, но, напротив, поставили в ряд важнейших научных достижений, сама проблемность которых оказывалась стимулятором революционных изменений в науке» (1998, с. 229).

как и то, что все люди умрут, а планеты движутся вокруг Солнца, — факты. Автор (2009, с. 126) полагает, что факт — это то в окружающем мире, что делает нашу пропозицию, репрезентирующую его, истинной или ложной. Например, погодные условия, которые делают наше высказывание о них истинным или ложным в зависимости от погоды за окном, и есть то, что он называет фактом.

По его (2009, с. 127) мнению, факты принадлежат объективному миру. Они не создаются человеческими мыслями или убеждениями (за редким исключением). Факты выражаются посредством предложения, но они в такой же степени, как и отдельные стулья и столы, являются частью реального мира. Б. Рассел пишет: «Под “фактом” я имею в виду нечто, имеющееся налицо, независимо от того, признают его таковым или нет. <...> Большинство фактов не зависят от нашего воления, поэтому они называются “суровыми”, “упрямыми”, “неустрашимыми”. Физические факты в большей своей части не зависят не только от нашего воления, но даже от нашего опыта» (2001а, с. 159).

Ясно, что автор хочет сказать. *Но прав ли он и действительно ли факты, как он утверждает, «суть то, что они суть, независимо от того, что мы предпочитаем о них думать» (Б. Рассел, 2009, с. 126)?*

Казалось бы, что может быть более очевидной физической реальностью, чем физический факт. Он всегда был в науке последним и несомненным доказательством истинности любой теории. По мнению большинства людей, он столь же бесспорен, реален и убедителен, как физический предмет. Но если внимательно его изучить, выявляются странности и возникают вопросы.

Б. Латур (2006, с. 93) иронично замечает, что ученые, как они сами полагают, — это просто добросовестные представители фактов. Однако факты сами по себе лишены дара речи. И тем не менее ученые утверждают, что говорят не они, а факты говорят сами за себя. Эти немые сущности, таким образом, способны говорить, писать, обозначать нечто в искусственно огражденном пространстве лаборатории или в еще более разреженном пространстве камеры вакуумного насоса.

То есть автор явно сомневается в самоочевидности фактов. Аналогичные сомнения высказывают Ю. Фримен и Г. Сколимовский (2000, с. 251), которые пишут, что парадигмы определяют, по крайней мере частично, не только содержание наших теорий, но и понимание наших «фактов».

Существуют ли факты в окружающей нас реальности независимо от наших вербальных конструкций, которые ее репрезентируют?

Не существуют, потому что сам факт конституируется, то есть формируется именно нашей вербальной репрезентацией. Если же мы вспомним о том, что многие наши понятия, из которых мы выстраиваем факты, сами

обозначают другие наши же вербальные психические конструкции, то многие факты превратятся для нас в двух-, трех-, а то и вовсе в многоуровневые вербальные конструкции нашего же сознания.

Рассматривая даже научные факты, физик М. Бунге (2003, с. 286) замечает, что они являются всем чем угодно, только не данными, что они производятся и интерпретируются с помощью теорий.

Философ К. Хюбнер (1998, с. 256), обсуждая то, что наука понимает под своими «трезвыми эмпирическими основами» и «обоснованием высказываний фактами», тоже полагает, что большинство научных фактов или по крайней мере важнейшие из них являются продуктом истолкования. По словам автора, для того, чтобы исследователи вообще поняли, что собой представляет конкретный факт, в его основании должны лежать теории. Например, когда говорят о физических измерениях (электрического тока, длины волны, температуры и т. д.), имеют ввиду не то, что непосредственно можно воспринимать, а то, что прежде всего предполагает наличие гипотез об электромагнитных, оптических, термодинамических и прочих законах.

О том же пишут М. Голдстейн и И. Ф. Голдстейн (2009, с. 618–619), указывая, что большинство научных фактов содержат в себе существующие знания и теории¹.

То, что камень весит три фунта, является объективным фактом, который легко проверяется любым наблюдателем, способным осуществить процедуры измерения. Однако авторы делают справедливый вывод, что было бы неправильно назвать его фактом природы, так как он — результат мысленных построений человека. Этот факт не существовал до тех пор, пока мы не изобрели его. Поэтому и говорят, что факты «нагружены теорией», а общепринятый взгляд на факты как на жесткие, неизменные и независимые от человека сущности не соответствует реальному положению дел в науке, где эти факты совсем не столь ясные, жестко определенные

¹ Авторы доказывают, что факт (или простое утверждение) «данный камень весит три фунта (1,2 кг)» невозможен без знания и предварительного принятия ряда научных законов и согласованных процедур. Они поясняют процесс конституирования данного факта. Сначала мы испытываем субъективное ощущение тяжести при поднятии предметов. Затем мы узнаем, что тяжесть представляет собой свойство большинства тел, то есть важный научный принцип — сохранение массы. После этого мы устанавливаем критерий равенства «тяжести», замечая, что одинаково «тяжелые» (на основании наших мышечных ощущений) предметы, если их расположить на одинаковых расстояниях от оси рычага, будут уравниваться, вводим понятие рычага и конструируем весы. Потом мы выбираем некоторый объект в качестве единицы измерения и называем его, скажем, один фунт. То, что уравнивает его на весах, также весит один фунт. Затем мы определяем вес двух фунтов как то, что уравнивает два объекта по одному фунту весом, помещенные вместе на одну чашу весов, и т. д. В итоге, по словам авторов, получается, что утверждение «данный камень весит три фунта» уже содержит ряд физических понятий.

и независимые от человека. Факты имеют обусловленный культурой компонент и до некоторой степени создаются имеющимися у нас теориями, а поэтому подвержены изменениям, если меняются сами теории.

Культуролог и семиотик Ю. М. Лотман (2004, с. 336–337) пишет, что каждый жанр, каждая культурно значимая разновидность текста отбирает свои факты. То, что является фактом для мифа, не будет таковым для хроники, факт с 15-й страницы газеты не всегда факт для первой. С позиции передающего, факт — всегда результат выбора одного из множества окружающих событий, имеющего значение, по его представлению. Факт — событие, которому придано значение. В результате факт, выбранный отправителем и однозначный для него, подлежит интерпретации получателем, который вынужден восстанавливать весь спектр возможных интерпретаций того, какое значение современники — получатели текста считали фактами.

Психолог В. А. Иванников (2010, с. 17) отмечает очевидную зависимость фактов от мировоззрения или веры людей, потому что факт должен быть включен в их общую картину мира. Так, для ученых движение Солнца по небосклону — следствие вращения Земли, для житейского сознания — это прямой факт движения Солнца вокруг Земли. Один и тот же результат исследования превращается в разные научные факты в разных мировоззренческих теориях.

Действительно, для европейцев, например, фактом является то, что исламский террорист, расстрелявший несколько человек в европейском городе, — убийца и преступник. А для радикальных ваххабитов фактом является то, что он доблестный защитник исламских ценностей, отомстивший неверным.

Так что же, фактов нет?

Думаю, они есть. Но мы должны понимать, что они собой представляют и что они не существуют хотя бы с той же несомненной очевидностью, с какой существуют для нас, например, предметы.

Факт — это вербальная конструкция, правильно (с нашей сегодняшней точки зрения) моделирующая элемент реальности, часто уже репрезентированный нами чувственно. И не более того. К тому же очевидна зависимость фактов от ОНР общества, рассматривающего некое событие в свете своего видения и понимания окружающего мира и расценивающего (или не расценивающего) его в качестве конкретного факта. Нередко то, что является фактом в одной ОНР, не является фактом в другой ОНР.

У. Липпман (2004, с. 31) отмечает еще одну немаловажную особенность фактов — человек принимает как факт не то, что является фактом, а то, что он считает фактом.

Факт, как и сущность, имеет тенденцию превращаться в самостоятельный объект ОПР, живущий в ней собственной жизнью. В качестве фактов обычно выступают репрезентации состояния сущностей, их действий, изменений и свойств; отношения и связи между сущностями и т. д.

§ 4. Важнейшие общенаучные сущности ОПР

К общенаучным сущностям ОПР относятся сформированные исследователями с помощью вербальных конструкций сущности, обозначенные такими, например, словами, как «данные», «наблюдение», «эксперимент», «наука», «знание», «парадигма», «автор», «факт», «теория», «гипотеза», «научный закон», «истина», «заблуждение», «вероятность», «доказательство», «структура», «принцип», «объяснение», «описание», «закономерность», «объект», «метод» и некоторые другие.

В форме трех первых сущностей конституированы новые репрезентации мира, относимые к области научных знаний (данные¹), и способы их получения (наблюдение, эксперимент²).

После знаменитых экспериментов Г. Галилея (см.: S. Drake, 2003) на протяжении следующих трех с половиной столетий эксперименту и экспериментальным данным в науке придавалось почти священное значение. И только во второй половине XX века стало раздаваться все больше голосов смельчаков, позволивших себе усомниться в сакральном статусе экспериментальных данных.

М. Хайдеггер (1993, с. 68–69), например, советует снова и снова доводить до сознания, что онтологические основания никогда не могут быть гипотетически выведены из эмпирического материала, что они, напротив, всегда уже «присутствуют» даже тогда, когда эмпирический материал еще только собирается. У. Куайн (Quine Y., 1973, р. 36) предлагает отбросить разговор о наблюдении и вместо этого обсуждать «предположения наблюдения», предположения, которые дают отчет о наблюдении. К. Поппер (2000, с. 207) замечает, что термин «данные» вводит в заблуждение,

¹ Данные — информация, полученная в ходе наблюдения или эксперимента. Но сама информация — это совокупность психических (чувственных, вербальных или смешанных) репрезентаций какого-то объекта или явления реальности, его свойств или изменений.

² Наблюдение — длительное и внимательное восприятие исследуемого объекта или явления без воздействий на него и регистрация его изменений.

Эксперимент — процедура, выполняемая в контролируемых и управляемых условиях для поддержки, опровержения или подтверждения гипотезы или теории, заключающаяся в изменении одних факторов влияния при сохранении постоянными других и фиксации результатов.

поскольку они не даются нам, но активно (и подчас с большим риском) отыскиваются и приобретаются нами.

Все большему числу исследователей теперь становится очевидно, что получение новых научных данных начинается не с эксперимента. Что сам «новаторский эксперимент» начинается с построения теории, даже не с теории, а с того, что можно назвать новым взглядом на конкретную область реальности или новой парадигмой¹.

Мне представляется, что **парадигма — это глобальная вербальная репрезентация путей подхода к исследуемой области реальности, общего направления «взгляда» исследователя на нее.** Примеры парадигм: причина развития рака заключается в вирусной инфекции; галактики и звездные системы образуются из-за гравитации; причины неврозов кроются в бессознательном; старение обусловлено накоплением «поломок» в ДНК и т. п.

Благодаря старой парадигме обычно уже проложен широкий проторенный научный путь в определенном направлении познания конкретной части мира. Она базируется на имеющихся достижениях науки. И вдруг у кого-то из исследователей возникает новый взгляд «совсем с другой позиции», «под другим углом зрения», который пока «упирается в темноту». Но новая парадигма направляет в эту «темноту», как еле заметная пока под ногами тропинка, которая ведет вперед, или, как путеводная звезда, она светит где-то впереди. И привлекает новых исследователей.

За старой парадигмой всегда стоит господствующая в данной области науки и в данное время базовая теория. Она может касаться глобального мироустройства (теория Большого взрыва и разбегания галактик, геоцентрическая теория, гелиоцентрическая теория) или конкретной области науки (теория асептики и антисептики, теория тектонических плит и т. д.).

Эксперимент всегда решает вопросы в рамках старой или новой парадигмы и встроенных в нее более мелких научных теорий. Но эксперимент — это лишь способ проверки вновь построенной теории. Однако **для того, чтобы построить пригодную для проверки теорию, необходимо заново концептуализировать ту же исследуемую область реальности, рассматриваемую уже под другим углом зрения** (С. Э. Поляков, 2017, с. 478–510).

Для этого надо выделить в ней новые сущности и/или их новые аспекты в форме новых сущностей и связать их новыми отношениями.

¹ Сущность эта плохо определена и аморфна. Философ А. А. Печенкин пишет: «“Парадигма” Куна — сложное и неоднозначное понятие. Если, однако, попытаться выделить наиболее устойчивое и специфическое в этом понятии, то “парадигма” — это разделяемый “научным сообществом” пример какой-либо задачи и ее решения. Парадигмы — это образцы, по которым действуют ученые в периоды между научными революциями, в периоды “нормальной науки”» (1996, с. 38).

Начинать придется с построения вербальных или смешанных концептов, репрезентирующих новые основные сущности той части реальности, которая подлежит изучению в эксперименте.

Здесь проявляется еще одна интересная и не очень пока проясненная в науке проблема — роль и место исследователя в созданной им теории, в экспериментах и в получаемых данных. Все вроде бы признают, что автор есть и его влияние должно быть, но ни в каких физических, например, формулах его нет.

Где же тогда он есть?

Р. Смит пишет: «Поскольку критика позитивистской теории познания делала упор на невозможность свободных от теории наблюдений, возникло понимание, что любое утверждение о мире — в каком-то смысле интерпретация; любое утверждение предполагает тот или иной набор теоретических понятий. Даже объяснение с точки зрения физических причин опирается на уже имеющуюся интерпретацию “физического”, “причины” и т. д.» (2014, с. 145).

Он цитирует Х.-Г. Гадамера: «В силу языкового характера нашего доступа к миру мы вращены в традицию, которая делает нас существами, по сути своей историческими» (2014, с. 257). И продолжает: «Вслед за Гегелем Гадамер ясно понимал, что мы способны читать текст или понимать мир только в терминах “проецирования” на мир и на текст чего-то своего. Это “предпонимание” есть некий “предрассудок”, который мы приносим в силу нашей историчности как интерпретаторы, в распоряжении которых находятся конкретные языковые средства» (2014, с. 258).

Правильнее было бы сказать, что, пытаясь понять и описать окружающий мир, мы пользуемся старыми, не нами созданными интеллектуальными инструментами — понятиями и концептами, а также вербальными схемами, очерчивающими приемы, подходы и доступы к реальности. Причем лишь теми подходами, которые, образно говоря, видимы нам в свете наших «фонарей» — специфической группы имеющихся у нас особых психических инструментов. Кроме того, мы способны понимать и описывать мир только в пределах доступных нам терминов и в рамках того языкового и интеллектуального багажа, которым владеем.

Гипотеза и теория являются очередными научными сущностями ОПР. Первая сущность отождествляется нами с возможно правильной вербальной моделью строения какой-то области реальности. Вторая отождествляется с правильной, по мнению большинства исследователей, вербальной моделью строения какой-то области реальности.

К. Поппер (2000, с. 207) пишет, что в науке гипотезы предшествуют данным. Наблюдения (или данные) в науке могут привести к отказу от некоторой научной теории и тем самым побудить кого-то из нас придумать

новую пробную теорию, или гипотезу. Такая новая теория — наше произведение, наша мысль, наше изобретение. Новую теорию придумывают те немногие, кто видит новую проблему. Увидеть новую проблему — это, может быть, самый трудный шаг при создании новой теории.

Хотелось бы уточнить. Надо не просто увидеть проблему. Надо по-другому концептуализировать рассматриваемую область реальности. Сформировать в ней новые сущности и представить отношения между ними, создав их новую вербальную модель, или гипотезу.

Человек способен репрезентировать недоступную его восприятию часть «реальности в себе» разными способами, формируя в ней альтернативные сущности с помощью разных вербальных концептов. **Один вариант вербальной концептуализации области, а соответственно, один набор концептов, репрезентирующих ее сущности, и построенная из них теория достаточно легко могут быть заменены иным вариантом концептуализации с другим набором концептов и сущностей.**

Все построенные человеком вербальные модели могут считаться верными, если они помогают ему адаптироваться к реальности, объясняют ее и предсказывают ее будущие изменения.

Из построенной исследователем с помощью созданных им концептов (и сущностей) научной теории нельзя ни удалить составляющие ее концепты, ни перенести их в альтернативные теории, так как последние содержат свои совершенно другие и тоже специфические концепты, жестко связанные между собой.

Альтернативные теории часто невозможно даже прямо сравнить между собой, чтобы доказать правильность одной из них, так как построены они из разных понятий, то есть в них фигурируют разные сущности. Теории могут быть сравнимы лишь по их предсказательной эффективности. Та же самая несопоставимость теорий и, хуже того, непримиримость их приверженцев характерна не только для научной сферы, но и, что гораздо печальнее, для социальной сферы.

Научной гипотезой следует считать вербальную психическую конструкцию, репрезентирующую отношения и взаимодействия сущностей, конституированных или сконструированных людьми в исследуемой ими части «реальности в себе», которая не имеет пока статуса достоверного научного знания. С позиций психической феноменологии **научная теория отличается от гипотезы лишь тем, что рассматривается исследователями уже как достоверная репрезентация реальности**, то есть она приобретает в их сознании и в ОНР научного сообщества после своей проверки дополнительный компонент — субъективную веру людей в ее истинность.

А. Ф. Лосев (1990, с. 407) пишет, что наука всегда мифологична.

С этим можно согласиться. Действительно, создание новой научной теории требует введения новых сущностей, большинство из которых (если не все) «мифологичны».

Субъективная вербальная конструкция, например **созданная исследователем теория, начинает объективизироваться, когда он превращает ее в конструкцию языковую и предлагает тем самым на рассмотрение научного сообщества**. На нее могут не обратить внимания по многим причинам, но довольно часто ее начинают экспериментально проверять в том числе на прогностическую эффективность. **Реальная ее объективизация наступает, если она инкорпорируется в ОНР научного сообщества в качестве ее нового фрагмента**. В итоге каждый человек может ее оттуда интериоризировать уже в качестве «кусочка объективной картины» окружающего мира.

Основные понятия любой теории обозначают концепты (и репрезентируемые ими сущности), созданные исследователем (наблюдателем). Они представляют собой его вербальные психические конструкции, а потому по определению не могут быть «свободны» от него. Следовательно, **ни теорию, ни результаты эксперимента нельзя «освободить» от автора теории и данного исследования**.

Исследователь находится в каждой создаваемой им сущности, которых нет без него, в каждом символе, который он наполняет смыслом. Он поэтому оказывает определяющее влияние как на теорию, так и на «объективные» эксперименты, в которых его роль якобы никак не отражается. Ни одна теоретическая формула не свободна от ее автора, и нам всем необходимо как-то учитывать данный факт. Следовательно, **вся наука исходно субъективна**.

Исследователи сломали множество копий, обсуждая вопрос о том, можно ли описать физический мир, не принимая в расчет наблюдателя. Мне представляется, что «абстрактный» **наблюдатель не просто оказывает влияние на события мира. Он формирует их, «лепит» из окружающей его исходно не дифференцированной «глины» бытия. Неудивительно поэтому, что они зависят не только от «материала», но и от него — наблюдателя**. Как учитывать это наличие автора в формулах — дело естествоиспытателей.

Философ В. Десперт пишет: «Подобно тому, как провалились попытки определить во всей полноте понятия пространства или времени, до сих пор не удавалось представить во всей полноте и понятие закона природы» (1998, с. 271). Философ Г. Райл замечает: «Закон часто формулируется в грамматически неполных повествовательных предложениях. Но их можно выражать, кроме всего прочего, также и в гипотетических предложениях типа: “Если то-то и то-то, то будет то-то и то-то”. Например: “Если тело оставить без опоры, оно будет падать с таким-то ускорением”» (2000, с. 126).

Ж.-Ф. Лиотар полагает: «Из огромного количества “случаев” невозможно вывести закон; он есть “идеализирующая фикция”, созданная не количеством фактов, на которых он построен, но на ясности, которую он привносит в факты» (2001, с. 87).

Тогда, возможно, закон — это просто универсальная вербальная репрезентация целого класса определенных изменений реальности? При этом законы естественных наук — это отнюдь не законы «реальности в себе», а лишь созданные сознанием людей на основе повторяющихся чувственных репрезентаций реальности их обобщающие вербальные репрезентации, приобретшие в результате своей практической полезности статус неоспоримой истины?

По мнению С. Московичи, «наш ум и наши методы исследования приводят к тому, что однажды, открыв законы природы и следствия, мы преобразуем их в правила, требующие исполнения» (1998, с. 505).

Как справедливо пишет К. Поппер, «законы природы — действительно наше изобретение... Мы пытаемся навязать их природе. Очень часто мы терпим в этом неудачу и гибнем вместе с нашими ошибочными предположениями. Но иногда мы подходим достаточно близко к истине, чтобы выжить с нашими предположениями» (2002, с. 95).

Я полагаю, что люди не открывают законы «реальности в себе». Они лишь формируют в результате взаимодействия с ней вербальные репрезентации, способствующие лучшему ее пониманию, выбирают из них наиболее адекватные, обобщают в виде коротких всеобъемлющих формул и сохраняют в собственной ОНР, называя законами природы.

То есть человеческая психика формирует на основе опыта взаимодействия с реальностью обобщающие вербальные репрезентации мира и превращает их затем в атрибуты внешней объективной реальности — физические законы, начиная безоговорочно в них верить. В итоге антропоморфные законы превращаются в «абсолютные и всеобщие» принадлежности физического мира, хотя их «абсолютность» вызывает большие сомнения даже у физиков¹.

¹ Физик Д. Бом (2010, с. 193–194), например, указывает, что любые законы применимы лишь внутри ограниченного круга явлений, в ограниченной области условий и с ограниченной степенью приближения. Он (2010, с. 238–241) пишет, что каждый сформулированный закон должен вести к ошибкам просто потому, что представляет природу с помощью некоей конечной системы понятий, которые с необходимостью не могут учесть бесконечности дополнительных потенциально или действительно существенных качеств и свойств материи. А научное исследование не приводит и не может привести к безошибочному познанию природы. Оно приводит и может привести лишь к бесконечному процессу, в ходе которого непрерывно увеличивается степень истинности наших знаний. Наша цель — абсолютная истина — остается за новыми горизонтами, которые открываются перед нами по мере продолжения наших все более детальных и более разносторонних исследований.

О сложности, неоднозначности, а порой и неопределенности физических законов говорят и другие физики. Р. Фейнман и др. (2007, с. 217), анализируя закон трения, обращают внимание, что он является результатом множества влияний и в основе своей ничуть не прост. Чем больше мы станем его изучать, чем точнее измерять, тем сложнее представится он нам. Иными словами, все глубже вникая в закон торможения самолета, мы все яснее будем понимать его «фальшь». Чем глубже взгляд, чем аккуратнее измерения, тем сложнее и многообразнее становится истина.

А. Бергсон пишет: «Платон первым возвел в теорию утверждение, что познать реальное значит найти для него Идею, то есть втиснуть его в предсуществующие рамки, которые уже были в нашем распоряжении, как будто мы тайно обладаем универсальной наукой. И эта вера естественна для человеческого интеллекта, всегда озабоченного тем, в какую из прежних готовых рубрик придется ему занести тот или иной предмет...» (2006, с. 79).

Биохимик и писатель Р. Шелдрейк говорит примерно о том же: «Законы природы остаются одними и теми же в любое время и в любом месте. Строго говоря, это означает, что они находятся вне времени и пространства. В таком случае законы природы ближе к “идеям” в понимании Платона, чем к развивающейся материи. Они игнорируют материю, энергию, поля, пространство и время. Короче говоря, они не содержат в себе ничего. Они нематериальны и находятся вне физического существования. Так же как идеи Платона, они лежат в основе всех явлений в качестве скрытой причины, или “логоса”, пребывающего вне времени и пространства» (2004, с. 46).

С этим можно согласиться, поскольку так называемые **научные законы природы — это не что иное, как устойчивые вербальные конструкции, участвующие в формировании ОНР и лишь имеющие самые многочисленные и несомненные референты в «реальности в себе».**

Следует учитывать, что **все физические сущности, которыми оперирует наука, — психические конструкции исследователей, превращенные ими в «вещи», пусть и основанные на физических референтах.** Соответственно, и **все научные законы, относящиеся к миру физической реальности, сами пребывают в объективной психической реальности, достраивающей окружающий нас чувственно репрезентированный физический мир.** Из сказанного, впрочем, не следует, что за законами ничего не стоит в окружающей нас физической реальности. Они, безусловно, имеют в ней референты, порой «железные». Тем не менее законы возникают как результат взаимодействия нашего сознания с этой реальностью.

Разная степень достоверности вербальных конструкций: гипотез, теорий и научных законов тесно связана с проблемой истины. Несмотря на тысячелетние споры об истине, до сих пор актуально ее античное

определение, данное Платоном: «Тот, кто говорит о вещах, каковы они есть, — говорит истину. Тот, кто говорит иначе, — лжет» (1968, с. 417). Однако исследователи обсуждают разные аспекты этой проблемы.

У. Куайн (2008, с. 28–30), например, обращает внимание на контекст и участников вербализации. Он отмечает, что одно произнесение предложения может быть истинным, а другое произнесение того же предложения может быть ложным. Предложение «Ты должен мне десять долларов» может быть истинным или ложным в зависимости от того, кто его написал, кому и когда его адресовал.

Ч. Пирс (цит. по: Г. Б. Гутнер, 2010, с. 264) делает акцент на социальном характере знания. Он указывает, что познавательная деятельность осуществляется не одним субъектом, а сообществом, которое в своих совместных действиях вырабатывает общее представление о мире. Истина в понимании Ч. Пирса не есть соответствие суждений некоему объективному положению дел. Она представляет собой консенсус, достигнутый в рамках сообщества.

Понятия истинность и ложность характеризуют лишь вербальные и языковые конструкции и применимы лишь к ним. Но и то далеко не ко всем. **Соответствовать или не соответствовать (чтобы быть истинными или ложными) могут лишь вербальные репрезентации и лишь чувственным репрезентациям тех же элементов «реальности в себе».** При этом истинность вербальной конструкции должна рассматриваться только в рамках более общих репрезентаций реальности.

Есть огромное количество вербальных конструкций, к которым вообще неприменимо определение «истинные — ложные». Не могут быть ни истинными, ни ложными вербальные конструкции, в соответствии с которыми люди пытаются, например, сформировать новую социальную реальность, или конструкции, репрезентирующие верования и регулирующие человеческое поведение: традиции и обычаи, нормы, правила, установления и т. д.

Вопрос об истинности вербальных и языковых конструкций принципиально важен для научных теорий, претендующих на то, что они являются адекватными репрезентациями недоступных или малодоступных восприятию областей окружающего мира. Проблема, однако, в том, что **вербальные репрезентации «реальности в себе», недоступной восприятию, не могут быть истинными или ложными. Они могут быть только полезными или бесполезными.** Невозможно на теоретическом уровне и исходя из самой вербальной конструкции, как пытаются делать многие исследователи, решить вопрос об истинности или ложности вербальной репрезентации реальности.

Главный критерий истинности научной теории, точнее, ее адекватности один — эффективность ее применения на практике.

Х. Патнем (2002, с. 278–279) затрагивает более глубокие проблемы истинности теории, утверждая, что любой выбор концептуальной схемы предполагает ценности. Нельзя выбрать схему, которая просто «копирует» факты, потому что никакая концептуальная схема не является простой «копией» мира. Само понятие истины зависит от наших стандартов рациональной приемлемости, которые, в свою очередь, опираются на ценности и предполагают их.

Сказанное автором подводит нас еще и к социальным аспектам проблемы истинности и ложности научных теорий, одну из граней которой высветила работа социолога Т. Шеффа (Scheff T. J., 1995, p. 157–162) (см. Примечание 4).

§ 5. Можно ли свести ОПР к знанию?

Огромные области мира — по сути дела, вся научная картина мира — репрезентируются в нашем сознании преимущественно вербальными конструкциями, иллюстрированными образами представления. В связи с этим возникает вопрос: *чем знание о мире, недоступном восприятию и репрезентируемом преимущественно вербальными конструкциями, отличается от самого этого мира? Не получается ли, что вербальное знание о мире, в частности его научная картина, и есть огромная часть нашего мира?*

В широком смысле знание — это адекватные определенному аспекту «реальности в себе», то есть подтвердившие на практике свою полезность людям его чувственные и/или вербальные репрезентации. Знание, участвующее в формировании ОПР, — это чувственно-вербальные и преимущественно вербальные репрезентации сущностей «реальности в себе», их возможных изменений, их действий и действий человека с ними, подтвержденные практикой и приобретенные в результате этого в сознании людей новое качество. Оно сопровождается убежденностью людей в истинности данных репрезентаций реальности и наличии в мире того, что ими репрезентируется.

Легко трансформируясь из вербальных конструкций в языковые и обратно, знание распространяется в сознании членов общества и действительно формирует огромную часть его ОПР. Знания не совпадают с ОПР, но они участвуют в формировании большей ее части. **Есть, однако, знания, не имеющие отношения к ОПР.** Это, например, разнообразное процедурное знание, представленное в форме преимущественно чувственных репрезентаций мира и собственного тела, приобретаемых в процессе взаимодействия индивидуума с окружающим миром.

Необходимо учесть, что **в образовании ОПР участвуют не только вербальные знания о мире. Ее формируют также многочисленные вербальные**

конструкции, представляющие собой вероятные в разной степени предположения о «реальности в себе», а также знания, пока не перешедшие в разряд очевидных заблуждений.

В формировании ОНР принимают участие и вербальные конструкции, которые вообще нельзя отнести к знанию. Это, например, многочисленные и разнообразные результаты деятельности человеческого разума, изначально представлявшие собой нечто вроде особых фантазий, породивших, однако, в итоге новую антропоморфную реальность, в частности игровую.

Людьми созданы самые разные игровые реальности, которые стали органичным фрагментом окружающего мира: футбол, хоккей, шахматы и прочее и прочее. Регулярно появляются новые игры со своими особыми правилами и своей исходно сконструированной, придуманной, но теперь уже вполне объективной реальностью.

Важной частью ОНР являются реальности, возникающие в процессе трудовой и научной деятельности людей, изначально также построенные человеческим сознанием, а затем помещенные людьми в окружающий мир. Например, объективный и более чем реальный мир математики.

В формировании ОНР участвуют вербальные конструкции, которые не относятся к знанию, так как репрезентируют возможные варианты социальной реальности. Нельзя не вспомнить, например, о созданных идеологиями коммунизма, социализма, национал-социализма, анархизма и других политических течений многочисленных теориях. Последние, являясь, по сути дела, социальными фантазиями их создателей и не имея к знаниям общества никакого отношения, стали в XX в. прообразами для осуществления в ряде стран глобальных социальных экспериментов по созданию нового общественного устройства. То есть в соответствии со своими вербальными конструкциями люди многократно выстраивали и перестраивали социальную часть объективной психической реальности, одновременно чудовищно кроваво изменяя реальность физическую.

ОНР включает в себя древнюю мифологию, вымышленные человеком литературные миры, весьма условные исторические реконструкции прошлого и даже вполне реальные события будущего, которые тоже трудно или вовсе нельзя отнести к знанию.

В любом случае, однако, бесспорно, что огромная часть окружающего мира дана человеку в форме вербального знания о нем. Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой невозможности разграничения конституированного или сконструированного психического объекта и его репрезентации, то есть психической конструкции, которая, собственно, этот объект и создает. Мы не можем разграничить в своем сознании окружающий мир и его репрезентации, или реальность и свои знания о ней, так как

часто только в форме этих самых вербальных репрезентаций (знаний) она для нас и существует.

Лишь часть собственных знаний сознание человека формирует самостоятельно и в основном в виде чувственных репрезентаций мира. Основную часть индивидуальных знаний, тем более участвующих в формировании ОПР, каждый человек получает от общества в готовом виде в процессе собственной социализации. Вербальные знания о мире, иллюстрированные образами представления, составляют бóльшую долю объективного психического содержания сознания каждого члена общества.

Важнейшей частью личной ОПР являются преимущественно вербальные конструкции, репрезентирующие человеку специфический мир, в котором он живет. Они представлены как его знаниями о мире, так и тем, что можно назвать его личными репрезентациями жизни в мире, — выводами, мнениями, оценками, предположениями и сомнениями по поводу окружающей реальности, ее объектов, явлений, событий, сторон и т. д., касающихся самых разных вопросов жизни.

Впрочем, его выводы, оценки, мнения и прочие вербальные репрезентации, участвующие в формировании его личной ОПР, не столько являются его собственными, сколько представляют собой часть объективного психического содержания сознания членов его общества. Они репрезентируют то, что в их мире хорошо, а что плохо, что в нем правильно, а что — нет, как надо поступать и как поступать не надо, что для людей важно, а что — нет, что есть счастье, а что — только видимость, что такое справедливость, а что — бесчестность, правильно человек живет или нет, что он такое, что такое его жизнь и жизнь вообще, в чем ее смысл и т. д. и т. п. В художественной литературе широко представлены примеры таких фрагментов личной ОПР¹.

Часто невозможно разделить вербальные репрезентации, представляющие в сознании реальность, и прочие вербальные репрезентации, имеющие к ней отношение: личные мнения человека о ней и о себе, его собственные оценки, надежды и предположения, возникающие у него в форме вербальных конструкций его сознания, если, тем более, в художественном повествовании к ним добавляются еще и вербальные репрезентации реальности, описываемой автором.

¹ Л. Н. Толстой, например, пишет: «Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих» (Л. Н. Толстой, «Война и мир»).

Для умирающего князя А. Болконского несомненной реальностью являлась в этот момент ничтожность человеческого величия, даже ничтожность самой жизни, в силу очевидной бессмысленности человеческого существования, совершенно ясной князю теперь, перед лицом близкой смерти; наконец, бессмысленность и ничтожность самой смерти, смысл которой столь же непонятен людям.

Кроме знаний, оценок, мнений, предположений и верований, личная ОНР включает в себя воображаемую реальность разного рода, созданную и помещенную людьми в окружающий мир. Например, потусторонний мир с его нечистой силой, инопланетянами, мировым правительством, глобальными силами, глубинным государством, мировыми заговорами против человечества и т. п. Красочные описания таких вымышленных человеком областей ОНР можно найти в шедеврах литературы¹.

Знание универсально и не категорично различается у представителей разных народов и групп. Особенно наглядно это проявляется в отношении знания научного, которое в максимальной степени соответствует понятию *знание*. В отличие от него ОНР может сильно различаться даже у разных групп одного народа. Данное обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что ОНР далеко не только знание.

Тезисы

1. Важную часть физической области ОНР составляет научная картина природного мира, которая складывается главным образом из научных знаний и фактов, но в формировании которой участвуют также мнения, оценки, предположения и даже фантазии людей.
2. Научное знание представляет собой адекватную или соответствующую на данном уровне развития общества определенному аспекту «реальности в себе» его преимущественно вербальную репрезентацию, верифицированную научным сообществом и используемую затем обществом для формирования своей ОНР.
3. Невозможно заниматься научными исследованиями без предварительного создания (или, как принято говорить, без «обнаружения»

¹ И. С. Тургенев пишет, например:

«— Леший не кричит, он немой, — подхватил Ильяша, — он только в ладоши хлопает да трещит...

— А ты его видал, лешего-то, что ли? — насмешливо перебил его Федя.

— Нет, не видал, и сохрани бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошел: водил, водил его по лесу, и всё вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

— Ну, и видел он его?

— Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, темный, скутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберешь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...

— Эх ты! — воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передернув плечами, — пфу!..

— И зачем эта погань в свете развелась? — заметил Павел. — Не понимаю, право!

— Не бранись: смотри, услышит, — заметил Илья. Настало опять молчание» (И. С. Тургенев, «Записки охотника. Бежин луг», 1977, с. 12).

в мире) основных сущностей конкретной науки, которые будут далее подвергнуты наблюдению и измерению. Всякая наука поэтому начинается с конституирования и конструирования концептов, репрезентирующих так называемые первичные сущности данной науки.

4. Все основные сущности любой естественно-научной теории являются объектами ОПР, хотя здравый смысл привычно относит их к объектам физической реальности. Научные теории раскрывают взаимоотношения и взаимодействия этих сущностей.
5. Чтобы построить новую, более совершенную научную теорию, исследователю необходимо заново концептуализировать исследуемую область реальности, рассматривая ее под новым углом зрения или в новой плоскости. Затем сформировать в ней новые основные сущности (построив репрезентирующие их вербальные или смешанные концепты) и показать связывающие эти сущности отношения.
6. В доступном восприятию вещественном, физическом мире нет иерархий, групп, видов, классов, систем, подчиненности, причин и следствий, порядка и многого другого. Они не были «открыты», или «обнаружены в окружающем мире», как написано во всех наших учебниках, а были созданы исследователями и в виде психических объектов присутствуют в физической области ОПР.
7. Важнейшими элементами научной картины мира, кроме научных сущностей, являются научные факты реальности. Факт — это вербальная конструкция, правильно (с сегодняшней точки зрения) вербально моделирующая более сложный, чем сущность, элемент «реальности в себе»: ситуацию, событие, состояние предмета или явления и т. д. Факт, как и сущность, имеет тенденцию превращаться в самостоятельный объект ОПР, живущий в ней собственной жизнью. Однако факты зависят от ОПР, и то, что является фактом в одной ОПР, может не являться таковым в другой ОПР.
8. Ни результаты эксперимента, ни сущности, ни теорию нельзя «освободить» от их автора, который присутствует в каждом созданном им концепте, в каждом символе, наполненном им смыслом, в каждой сформированной им вербальной конструкции. Следовательно, наука по определению исходно субъективна.
9. Один вариант вербальной концептуализации области мира, а соответственно, один набор концептов, репрезентирующих ее сущности, и построенная из них теория могут быть заменены иным вариантом концептуализации с другим набором концептов и сущностей.
10. Из построенной исследователем научной теории нельзя ни удалить составляющие ее сущности, ни перенести их в альтернативные теории,

так как последние содержат свои собственные, иные и весьма специфические сущности ОПР, жестко связанные между собой. Все построенные исследователями вербальные модели могут считаться верными, если они помогают адаптироваться к реальности, объясняют ее и предсказывают ее будущие изменения.

11. Люди не открывают законы физического мира, так как их невозможно визуально в нем обнаружить. Люди лишь формируют в результате взаимодействия с миром вербальные репрезентации, способствующие лучшему его пониманию, выбирают наиболее адекватные, обобщают в виде коротких всеобъемлющих формул и сохраняют в собственной ОПР, называя законами природы.
12. Субъективная вербальная репрезентация реальности, например новая научная теория, объективируется, когда превращается в конструкцию языка. Многократно интериоризируясь людьми, она распространяется в научном сообществе и подвергается экспериментальной проверке. Если теория ее выдерживает, то принимается исследователями как верная. Окончательная ее объективизация происходит, когда она начинает участвовать в формировании ОПР общества и даже негенетически наследоваться новыми поколениями людей.
13. В «общее пользование» членов общества может попасть только то, что не просто было кем-то вербализовано, но обозначение чего было уже зафиксировано и сохранено в языке вследствие своей важности для людей.
14. Понятия *истинность* и *ложность* характеризуют лишь вербальные и языковые конструкции и применимы лишь к ним. Соответствовать или не соответствовать (чтобы быть истинными или ложными) могут лишь вербальные репрезентации и лишь чувственным репрезентациям тех же элементов «реальности в себе». Есть огромное количество вербальных конструкций, к которым вообще неприменимо определение «истинные — ложные». Вербальные репрезентации реальности, недоступной восприятию, не могут быть истинными или ложными. Они могут быть только полезными или бесполезными.
15. Часть общего психического содержания сознания членов общества в виде актуальных идей, выводов, мнений, оценок и предположений разного рода так же, как и знания, участвует в формировании ОПР.

Социальный мир как часть ОНР

Глава 2.2.1. Психическая составляющая социальной реальности

§ 1. Компоненты социальной реальности

Сущность, обозначаемая словом «общество», несомненно реальна для нас. М. Шелер (2011, с. 56), например, замечает, что убеждение в реальности общества укоренилось в нас намного глубже, чем убеждение в реальности какого-либо иного предмета из других сфер бытия и знания. В любой другой реальности мы еще можем «сомневаться», оставляя вопрос о ней открытым, в то время как в этой реальности мы сомневаться не можем.

В то же время Н. Луман (2011, с. 17), например, пишет, что со словом «общество» не связано однозначного представления. Даже то, что обычно обозначают как «социальное», не имеет никакой однозначно объективной референции.

В каком-то смысле примиряет эти две точки зрения напоминание социолога Э. Гидденса (2005, с. 22–23) о том, что, согласно Э. Дюркгейму, общества обладают реальностью особого рода и представляют собой нечто большее, чем просто действия и интересы его отдельных членов. Способы действия, мышления или переживания являются социальными фактами, которые существуют вне индивидов и обладают особой реальностью.

Из сказанного следует очевидный вывод: мы не можем увидеть общество, как видим, например, группу людей, но исследователи не зря конституировали данную сущность, так как она обладает множеством референтов в реальности. Кстати, до сих пор так и нет общепринятого определения понятия *общество*. Нет и ясного понимания того, что собой представляет сущность, обозначаемая понятием *социальная реальность*. Как и того,

к чему она относится — к физическому миру, психическому или к чему-то третьему.

Исследователи по-разному понимают даже термин «социальное». Г. Г. Шпет (2010, с. 187) указывает, что одни рассматривают социальное как нечто специфическое, другие относят социальное к психологии, третьи рассматривают социальное как естественные явления, своего рода отношения сил природы.

А. Шюц (A. Schiitz, 1962, р. 48–66) понимает под социальной реальностью сумму объектов и событий в социокультурном мире. Это мир культурных объектов и социальных институтов, в котором мы родились, живем и с которым должны поладить. Люди воспринимают его не как свой собственный субъективный мир, а как интерсубъективный мир природы и культуры, общий для всех людей, доступный каждому и включающий в себя взаимную коммуникацию и язык. По его (там же) мнению, все формы натурализма и логического эмпиризма рассматривают социальную реальность как изначальную данность.

Он (там же) отмечает, что социальный мир дан нам в опыте как изначально осмысленный. Другой воспринимается не как организм, а как человек, поведение которого оказывается не чем-то вроде явления природы, но человеческим действием. Обычно мы знаем, что, для чего и почему в данное время и при данных обстоятельствах делает Другой. Мы понимаем его мотивы и цели. Социальная реальность не менее объективна, очевидна и независима от субъекта, чем реальность физическая. Как говорит А. Шюц (там же), то, что должным образом маркированное и адресованное письмо, опущенное в почтовый ящик в Нью-Йорке, достигнет Чикаго, — нечто большее, чем просто шанс.

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 295) считают, что человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него доминирующей и определяющей реальностью. Ее границы установлены природой, но стоит этому миру возникнуть — и он оказывает на природу обратное влияние. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя.

Можно привести еще множество других авторитетных мнений о том, что социальная реальность, несомненно, существует и оказывает на жизнь каждого из нас столь же мощное влияние, как и окружающий физический мир. Однако это мало прояснит вопрос о том, что же такое социальная реальность и каким конкретно образом она влияет на нас. Представляется несомненным лишь то, что социальная реальность, с одной стороны, нераз-

рывно связана с психикой, а с другой стороны, не может не проявляться в чем-то физическом.

Э. Сепир (1993, с. 589) полагает, что разница между психическим и социальным отсутствует вовсе и связана исключительно с принципом отбора. Он (там же) замечает, что социология не является психологией не потому, что изучает результирующие суперпсихических сил, а потому, что ее пределы очерчены иначе.

Автор (1993, с. 587) пишет, что всегда и везде думает, действует, мечтает и бунтует все та же личность. Те ее мысли, поступки, мечты, бунты, которые хоть в сколько-нибудь заметной степени оказывают влияние на изменение или ослабление множества типовых реакций, именуемых культурой, мы называем социальными явлениями. Остальные мы называем индивидуальными и оставляем без внимания как не имеющие отношения к историческому или социальному движению, хотя с точки зрения психологии они ничем не отличаются от первых.

По его мнению (там же), различие первых и вторых по сути своей произвольно. Порог, отделяющий социальное (или историческое) от индивидуального (или психологического), перемещается в зависимости от философии, исповедуемой экспертом или интерпретатором. Автор считает совершенно невозможным проведение между ними резкой границы, так как «индивидуальные» реакции постоянно перехлестывают через нее и добавляют красок реакциям «социальным».

Мне представляется, что **социальная реальность складывается из двух составляющих. Одна пребывает в ОПР и представлена преимущественно вербальными репрезентациями социального мира, его сущностей, их связей, отношений, действий и т. д. Другая представляет собой физические действия всех членов общества, обусловленные наличием в их сознании репрезентаций социальных сущностей и уверенностью в их объективном присутствии в мире. Физические действия людей являются физическим компонентом социальной реальности.**

§ 2. Сущности социальной реальности

Социальная реальность составляет огромную самостоятельную область ОПР, как и физическая часть ОПР. Она имеет свою структуру и свои сущности (объекты и явления), которые сами имеют свойства и действуют в ОПР. Человек по большей части не может воспринимать ее сущности чувственно, но они не становятся от этого менее реальными для него и даже способны вполне материально взаимодействовать с ним опосредованно — через других людей и материальные предметы.

Э. Дюркгейм (1995, с. 50) проводит параллель между физическими и социальными сущностями, указывая, что социальные явления суть вещи и о них нужно рассуждать как о вещах. Для социолога они составляют единственную данность. Вещью же является все, что дано или, точнее, навязано наблюдению. Рассуждать о социальных явлениях как о вещах — значит рассуждать о них как о данных, составляющих отправной пункт науки.

По его (1995, с. 51–52) словам, вещь узнается главным образом по тому признаку, что не может быть изменена простым актом воли. Социальные факты тоже обладают этим свойством. Они не только не являются продуктами нашей воли, но сами определяют ее извне. Часто эта необходимость такова, что мы не можем избежать ее. Но если даже нам удастся победить ее, то сопротивление, встречаемое нами, дает знать, что мы находимся в присутствии чего-то от нас не зависящего. В качестве примера он (1995, с. 50–51) приводит такую социальную сущность, как стоимость. Она реальна, так как, ориентируясь на нее, люди совершают обмены в сфере экономических отношений.

Здесь, однако, возникает вопрос: *для кого и как она реальна? Реальна ли она так же, как предметы, которыми обмениваются люди?*

Очевидно, что нет. Она реальна иначе. Она не принадлежит напрямую физическому миру. Ее нет, например, для животных. Даже для разных людей стоимость одного и того же объекта совершенно разная.

Стоимость создана человеческим сознанием в качестве особой сущности, которую формирует специальный вербальный концепт. При этом она имеет не только психическую реальность, но и референты в физическом мире. Например, разные люди желают обладать конкретным предметом. Именно это желание людей иметь некий предмет придает ему ценность для них и порождает в их сознании то, что принято называть «стоимостью вещи».

Э. Дюркгейм (1995, с. 30–31) указывает, что система знаков, которыми мы пользуемся для выражения своих мыслей, денежная система, употребляемая нами, обычаи, соблюдаемые нами, и так далее существуют вне индивидуальных сознаний. Эти «типы поведения или мышления» не только находятся вне индивида, но наделены принудительной силой и навязываются ему независимо от его желания. Принуждение выступает характерным свойством этих фактов и проявляется тотчас же, как только индивид пытается сопротивляться. Оно имеет разную силу в разных ситуациях, меняясь от насмешек и отчужденности окружающих до физического принуждения и наказания в собственном смысле этого слова.

Социальные сущности ОНР представляют собой разнообразные формы, типы и варианты общественных институтов; отношений между людьми,

ми, группами, обществами, государствами; прав владения, распоряжения, управления имуществом, его передачи; обязанностей, норм и правил поведения; событий и действий в объективной психической реальности и т. д.

Сущности социальной реальности, как и прочие сущности ОНР, репрезентируются преимущественно вербальными концептами¹, присутствующими в сходном виде в сознании большинства членов общества, которые к тому же верят в несомненное наличие этих сущностей в окружающем мире. Сущности социальной объективной психической реальности можно условно разделить на объекты, формирующие социальную структуру общества, и прочие социальные объекты и явления.

К первым можно отнести социальные институты²: государство, полицию, армию, органы управления (президент, парламент, мэрия и т. д.), суд, средства массовой информации (телевидение, интернет, социальные сети, пресса и т. д.); социальную стратификацию (статус, социальная роль, каста, сословие, класс, партия, союз); образовательные учреждения (школа, университет и т. д.); промышленные предприятия (завод, фирма, компания и т. д.); системы жизнеобеспечения (больница, пожарная служба, транспорт и т. п.) и прочее и прочее.

Ко вторым — огромное число других сущностей³, не участвующих столь явно в непосредственном формировании социальной структуры общества, но совершенно необходимых для ее нормального функционирования.

¹ Например, такими: *бюрократизм — чрезмерно формализованные, медленные и неконтролируемые процессы принятия решения в управленческих системах; догма — любая вербальная конструкция, принимаемая людьми за истинную репрезентацию окружающего мира без доказательств, обоснований или проверки, на основе веры и авторитета ее создателей; брак — форма санкционированных и регулируемых обществом отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу, детям и обществу (Словарь русского языка: В 4 т.); регламент — строго определенная схема, порядок действий; дисциплина — поведение всех членов группы, осуществляемое строго в соответствии с определенными регламентирующими вербальными психическими конструкциями; рабочий день — часть времени суток, в течение которого человек работает на предприятии, в учреждении; цензура — действия работников госаппарата, направленные на ограничение свободы печати, радио, телевидения и т. д.*

² Петер и Бриджит Бергер пишут: «Институты воспринимаются как сущности, обладающие внешней реальностью; то есть институт представляет собой нечто внешнее, в некотором смысле (можно было бы сказать, в “твердом” смысле) отличное от реальности мыслей, чувств или фантазии индивида. В этой характеристике институт имеет сходство с другими сущностями внешней реальности — даже деревьями, столами и телефонами, — каждая из которых находится вне индивида, нравится ему это или нет» (2004, с. 97–98).

³ Например: народ, нация, обычаи, правило, связь, права, привилегия, упадок, требование, работа, безработица, товар, прибыль, накопления, кредит, льготы, помощь, выборы, религия, культура, искусство, закон, традиция, вера, наука, экономика, капитализм, рынок, статус, авторитет, доверие, стыд, обещание, вежливость, поступок, рабство, застой, смутное время и пр.

Все перечисленные выше и **множество** других **социальных сущностей** **вербально конституированы или сконструированы** нашими предшественниками в прошлом. Однако **создание новых социальных сущностей** **продолжается и сейчас**¹.

Социальные сущности ОНР можно разделить на условные группы:

- несомненно, имеющие референты в физической реальности: парламент, президент, вождь, изгой, суд, государство, правительство, свита, прибыль, власть, санкции, подчинение, зарплата, религия, миф, семья, собственность, трибунал, наказание, ферма, фонд, цена и т. д.;
- имеющие менее четко очерченные референты в физической реальности: соперничество, свобода, независимость, сословие, союз, экономия, статус, элита, добро, зло, совесть и т. д.;
- имеющие достаточно трудно выявляемые в физической реальности референты: политика, норма, правило, ценность, идеал, институционализация, социальная система, социальный механизм, социальный порядок, специализация и т. п.;
- очевидные конструкты: средняя заработная плата, средний подушевой доход, средняя продолжительность жизни, прожиточный минимум, заболеваемость, смертность, рождаемость и т. п. Парадоксально, но даже эти явные конструкты могут иметь в физической реальности референты, что подтверждает относительность различий между сущностями и конструктами.

Социальная реальность не исчерпывается только психическими феноменами и механизмами. Важнейшую объективизирующую и доказывающую ее реальность роль играет поведение большинства членов общества, правда тоже обусловленное их верой в очевидное для них наличие социальной реальности.

Социальные сущности объективны, так как их сходные репрезентации присутствуют в сознании множества людей, для которых они реальны. Их реальность удостоверяется для каждого человека поведением большинства членов общества, тоже не сомневающих в ее наличии. К тому же имеются механизмы объективации и гипостазирования социальных сущностей.

Реальность социальных сущностей отличается для людей от реальности физических предметов, объектов и явлений. Они, например, недоступны восприятию. Мне немедленно возражат, что, скажем, суд, школу, больницу

¹ Социальные сети, аккаунт, личный кабинет, тролль, спамер, интернет-сайт, контекстная реклама, монетизация трафика, пост, электронная почта и т. д. и т. п.

и деньги мы видим в окружающем мире. Однако это не так. Мы просто привыкли отождествлять эти социальные объекты со зданиями, в которых они располагаются, или с вещами, с которыми их связывает наше сознание. Давайте специально рассмотрим достаточно типичный объект ОПР, обозначаемый словом «суд». Он конституирован вербальной психической конструкцией, выглядящей, например, так: *суд — государственный орган, ведающий разрешением гражданских споров и рассмотрением уголовных дел* (Словарь русского языка: В 4 т.).

Я не касаюсь здесь вопроса о том, что важнее для формирования социальной сущности — какие-то ее физические референты, доступные восприятию, или первая сформулированная кем-то из людей психическая конструкция, создавшая ее. Вероятно, первичны физические референты будущей социальной сущности, побудившие кого-то из людей построить вербальную конструкцию, сформировавшую ее. Для нас важнее то, что суд в качестве социальной сущности конституирован сознанием.

Ж. Бодрийяр (2006, с. 295) пишет, что суд представляет собой социальный, моральный и ритуальный акт. Подсудимый должен быть изобличен в вине и осужден на кару именно как изобличенный. Из-за морального аспекта правосудия кара теряет свой смысл в случае судебного наказания ребенка или безумца, у которых не может быть ни осознания вины, ни даже смирения. Следовательно, наказывать их так же глупо, как распинать на крестах львов.

Суд как сложный психический объект включает в себя много других психических объектов, таких как: судья, обвиняемый, обвинитель, защитник, доказательства, свидетельства, улики, приговор и т. д., которые объединены между собой сложными и многосторонними связями. Понятие *суд* репрезентирует некое развертывающееся в ОПР и завершающееся четко определенным результатом (приговором) действие, даже последовательность действий — процесс. Психический объект, обозначаемый словом «суд», объективирован, гипостазирован (реифицирован) и существует в псевдоматериализованном виде в сознании членов общества. В то же время он нигде не существует вещественно, так как представляет собой идеальную, или психическую, сущность.

Слово «суд» имеет и другое, второстепенное, значение — здание в городе, где проходят заседания суда и на котором висит вывеска «Суд». В физической реальности оно представляет собой лишь одно из множества зданий в городе, в которое приходят разные люди. Люди эти здесь, как и во многих других местах в городе, общаются между собой, что-то выясняют друг у друга, спорят, соглашаются, и кто-то из них принимает решение, которое все потом почему-то выполняют. Правда, и в других местах (на

заводе, в школе, в правительстве и т. д.) кто-то один (директор, министр, президент и т. д.) тоже может принимать решения, которые остальные потом выполняют. Но данное конкретное место наполняет особым смыслом специфический социальный объект — суд.

Наличие и функционирование суда возможны, только если члены данного общества предварительно пришли к согласию или приняли в качестве объективной данности, существовавшей до них, тот факт, что в реальности присутствует объект, обозначаемый словом «суд», предназначенный для конкретных целей и функционирующий определенным образом.

Люди не обязательно должны при этом отдавать себе отчет в том, что судья, адвокат, приговор и прочие сущности, имеющие отношение к суду, представляют собой психические объекты. Что механизм функционирования суда установлен, например, признанной обществом специальной вербальной психической конструкцией — регламентом судопроизводства.

При этом совершенно неважно, признают ли этот механизм и соглашаются ли с тем, что есть такой психический объект — суд, конкретные лица, например обвиняемый. **Достаточно того, что большинство членов общества принимают реальность этого социального объекта и вербальной конструкции (или конструкций), регламентирующей его работу.**

Как и многие другие психические объекты, чувственно-вербальный концепт, репрезентирующий сущность, обозначаемую словом «суд», не только объективируется, но и реифицируется, то есть овеществляется сознанием людей и обрастает материальными атрибутами. На здании, в котором проводит заседания суд, появляется вывеска «Суд», люди привычно указывают на это место, говоря о нахождении там суда. То есть психический объект «суд» приобретает физическую локализацию и как бы материальную форму. Он отождествляется с группой лиц. Он действует (хотя и в ОНР): заседает, идет, заслушивает, опрашивает, рассматривает доказательства, принимает решение и т. д. И его действия сопровождаются параллельными (иными) действиями людей в физической реальности.

Социальный объект, носящий название «суд», производит новые социальные объекты — постановления суда, которые тоже овеществляются, например, в виде листов бумаги с напечатанным текстом, подписями и печатями. Социальные действия суда в ОНР ведут к многочисленным материальным — физическим последствиям: заключению осужденных в тюрьму, лишению одних людей определенных материальных объектов и передаче этих объектов государству или другим людям и т. д. Эти физические последствия опосредованы физическими действиями людей, не сомневающих в реальном существовании суда.

Социальные сущности ОПР могут быть реифицированы в разной степени. Например, такие объекты, как суд, парламент, префектура, кажутся нам более материальными, чем, например, такие, как устная сделка, выговор или услуга.

Что представляет собой социальный объект, или сущность ОПР, которая называется «решение суда»?

Это вербальная конструкция (или совокупность конструкций), материализованная в форме конструкций языковых, максимально жестко репрезентирующая и регламентирующая обязательный для выполнения всеми членами данного общества алгоритм строго определенных действий, касающихся отдельных членов данного общества и некоторых физических или даже социальных объектов. Сам суд тоже функционирует в соответствии со многими другими регламентирующими поведение его участников и других членов общества вербальными конструкциями, материализованными в языковой форме в виде социальных законов, установлений, предписаний и т. п.

Что произошло бы, если бы психические конструкции, репрезентирующие власти, госструктуры и должностных лиц данного общества, перестали в какой-то момент приниматься его членами в качестве репрезентаций объективно имеющих в окружающем мире «вещей», или их легитимность — справедливость и законность — была бы поставлена под сомнение значимой частью членов общества?

Общество немедленно превратилось бы во множество людей, действующих, опираясь исключительно на собственные представления о целесообразности, моральности и нравственности своих поступков. Это привело бы к хаосу и катастрофическим последствиям для общества. Мы видим огромное число примеров такого развития событий в истории во времена великих перемен.

В период революций суд уже не раз исчезал, а затем вновь возрождался, но уже в ином виде, так же как другие государственные органы — армия, полиция, прочие органы власти, чины, должности и т. д. Следовательно, **для того, чтобы** перечисленные и другие подобные **социальные объекты (даже институты) исчезли, обществу достаточно перестать верить в их легитимность — право на существование и законность.**

Социальная сущность не может ни возникнуть, ни существовать без наличия в сознании большинства членов общества чувственно-вербальной психической конструкции, репрезентирующей ее в качестве несомненно присутствующего в окружающем мире фрагмента социальной реальности. Главный признак, свидетельствующий о признании ее реальности людьми, заключается в том, что члены общества действуют

так, как будто эта сущность действительно присутствует в окружающем их мире. Сказанное, впрочем, касается не только социальных сущностей, но и всех прочих сформированных сознанием сущностей ОНР, в том числе относящихся к физическому миру.

Очевидно, что даже похожее на типичную больницу здание, в котором собраны больные люди, а присутствующие там же здоровые люди одеты как медицинский персонал, — не больница, если в нем не занимаются лечением больных. Столь же очевидно, что школа может работать онлайн, не переставая быть школой. Не вызывает сомнений, что цветная бумага, которую мы называем деньгами, является универсальным средством обмена только потому, что люди договорились считать ее таким средством и действуют соответствующим образом. И без их договоренностей она годится только на растопку камина. И криптовалюта — это не деньги до тех пор, пока большинство людей не согласится считать ее деньгами.

Можно спорить, что первично — социальная сущность или идея ее создания и репрезентирующая ее вербальная конструкция. Мне представляется, что организация, например, не может возникнуть в качестве таковой, во-первых, без чьей-то идеи ее создания для выполнения той или иной необходимой обществу социальной функции. А во-вторых, без конституирующей ее вербальной конструкции и обозначающего ее слова. Однако вопрос о том, что первично, а что вторично (семья, например, или институт семьи), сродни вопросу о первичности курицы и яйца.

Сначала, очевидно, появляются некие отношения и связи между членами общества, которых нельзя пока назвать семьей. Они меняют имеющуюся ОНР, так как в ней начинают репрезентироваться зачатки этих новых отношений и связей. Эти репрезентации сами начинают влиять на отношения, складывающиеся у представителей новых поколений, формируя новые их формы и особенности, а главное, новый социальный институт. Эти процессы развиваются параллельно, оказывая формирующее влияние друг на друга.

Недаром И. Гофман (2003, с. 61) подмечает, что мы сами активно участвуем в упорядочении нашей жизни, но, однажды установив порядок, часто продолжаем его механически поддерживать, как будто он существовал вечно.

В последние десятилетия мир вокруг нас начал катастрофически быстро меняться. Ежедневно рождаются десятки новых сущностей. Но неприятно то, что стали рушиться сущности, не просто привычные для нас и, казалось бы, очевидные, а фундаментальные, являвшиеся недавно основой нашего мировоззрения. Например, вдруг оказалось, что больше нет уже двух

привычных полов — мужского и женского. Вместо них появились десятки, а по некоторым оценкам — около сотни гендеров.

Нет больше мамы и папы, а есть родитель 1 и родитель 2. Эти изменения демонстрируют, что **даже многие основные физические, как мы считали, сущности нашего мира — не более чем конструкции сознания наших предшественников**. Они формировали эти конструкции, исходя из своего уровня знаний человеческой биологии и физиологии, например. Теперь же стало очевидно, что даже наших современных знаний о биологии человека недостаточно для создания адекватных представлений о биологических предпосылках сексуальных вариаций, существующих в популяции. А в конечном счете для образования сущностей, соответствующих реальному многообразию имеющихся вокруг гендерных вариаций.

До сих пор вполне актуальны слова Э. Дюркгейма о незрелости социальной науки: «При нынешнем состоянии науки мы на самом деле даже не знаем, что представляют собой... государство или семья; не знаем, что такое право собственности или контракт...» (цит. по: Л. Уайт, 2004, с. 361).

За сто с лишним лет, прошедших со дня смерти Э. Дюркгейма, ситуация особенно не изменилась. Следовательно, нас ждут дальнейшие трансформации социальных (и не только) сущностей, которые сегодня кажутся нам совершенно естественными и единственно возможными.

§ 3. Формирование и усвоение социальных сущностей

Как и почему каждый новый человек принимает как данность сущности ОНР своего общества?

Большой вклад в решение этого вопроса применительно к социальной реальности внесли П. Бергер и Т. Лукман (1995), детально рассмотревшие социальные процессы интериоризации¹, социализации, объективации,

¹ Здесь и далее я использую термины «экстериоризация» и «интериоризация», хотя в переводе книги П. Бергера и Т. Лукмана (1995) применяются термины «интернализация» и «экстернализация». Термин «интернализация» является калькой английского слова *internalization*, а «интериоризация» — французского слова *interiorisation* (В. М. Лейбин, 2008, с. 132).

Авторы используют термин «интериоризация» в более широком значении. Я же использую его в узком значении, как процесс, имеющий следующие этапы: 1) восприятие индивидуумом устной фразы или письменного предложения; 2) появление в его сознании вербальной конструкции в виде слуховых или зрительных образов слов, составляющих воспринятую им фразу или предложение; 3) запоминание данной вербальной конструкции с возможностью ее использования в будущем в качестве репрезентации определенного элемента реальности.

легитимации и реификации, играющие важнейшую роль в динамике социальных сущностей, в их усвоении и принятии новыми поколениями людей.

Их, однако, не слишком интересует, «каким образом эта реальность представляется интеллектуалам в различных теоретических перспективах» (1995, с. 37). То есть то, что она собой представляет, например, с точки зрения психологии. Тем не менее понятия *реальность повседневной жизни* и *символический универсум*, используемые авторами (1995, с. 37–51), очень близки к моему понятию *социальная часть ОНР*.

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 314) не дают описания феноменологической сущности того, что называют символическим универсумом. Они лишь указывают, что их понятие *символического универсума* очень близко к понятию *религии* Э. Дюркгейма и в определенной степени имеет отношение к «конечным областям значения» А. Шюца¹.

Сказанное Э. Дюркгеймом (2018) о религии позволяет сделать вывод (см. главу 2.4.1), что **религия является самостоятельным, весьма своеобразным, но очень представительным фрагментом ОНР, в котором присутствуют многие характерные для ОНР особенности и черты.** Следовательно, символический универсум П. Бергера и Т. Лукмана (1995, с. 314) очень близок не только к понятию *религии* Э. Дюркгейма, но и к тому, что я называю социальной частью объективной психической реальности.

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 12–13) пишут, что индивид рождается в объективной социальной структуре, в рамках которой встречает значимых других. Их определения его ситуации становятся для него объективной реальностью. Реальность его повседневной жизни создает объекты, обозначенные как объекты еще до появления индивида на свет (1995, с. 41–42). Язык наполняет его жизнь объектами и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение и объекты, и сама повседневная жизнь.

По словам авторов (1995, с. 210–213), индивид интериоризирует окружающий мир как социальную объективную реальность. Понимание мира приходит к нему не вследствие самостоятельной работы по созданию значений, а в результате «перенимания от другого» того мира, в котором другие уже живут. И этот мир становится его собственным. В процессе социализации индивид начинает понимать так же, как другой, ситуации, в которых они оба участвуют, и входит в объективный мир общества. Ребенок интериоризирует мир своих значимых других как единственно

¹ А. Шюц пишет: «...мы называем некоторый комплекс наших переживаний конечной областью значения, если все они проявляют специфический когнитивный стиль и — в отношении этого стиля — не только непротиворечивы сами по себе, но и совместимы друг с другом» (2004, с. 424).

существующий и единственно мыслимый. «Мир детства массивно и несомненно реален» (1995, с. 221). Лишь позднее индивид сможет позволить себе сомнения в этом.

Важнейший для человека процесс интериоризации чужого психического содержания с последующим превращением его в собственное знание обсуждают многие авторы. Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 554), например, пишет, что поскольку в нашем непосредственном окружении люди во взаимной деятельности только и делают, что часто и много говорят друг с другом или со мной, то через речь они вкладывают в меня мысли обо всем на свете. В результате я вижу весь мир «сквозь» усвоенные мной идеи.

Л. Витгенштейн (1994, с. 343) замечает, что, будучи детьми, мы узнаем факты — например, что каждый человек имеет мозг, — и принимаем их на веру. Я верю, что Австралия имеет такую-то форму, я верю, что у меня были прародители, что люди, считающие себя моими родителями, действительно являются ими и т. д. Это верование может никогда и не быть ясно выраженным, даже сама мысль, что дело обстоит так, может никогда и не прийти мне в голову. Ребенок учится благодаря тому, что верит взрослому. Сомнение приходит после веры. Я очень многое выучил и принял, доверившись авторитету людей, а затем многое нашло подтверждение или опровержение в моем собственном опыте.

Автор задает вопросы и сам на них отвечает: «То, что входит в учебники, например, по географии, я считаю в общем истинным. Почему? Я говорю: все эти факты подтверждались сотни раз. Но насколько я это знаю? Какой очевидностью на этот счет располагаю? У меня есть некая картина мира. Истинна она или же ложна? Прежде всего, она лежит в основе всех моих исследований и утверждений. Не все описывающие ее предложения подлежат проверке в равной мере» (1994, с. 343).

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 74–75) полагают, что значительная часть социального знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем и схемы типизаций другими людьми социальных и природных событий. Авторы (1995, с. 113–114) справедливо указывают, что язык объективирует опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех людей, относящихся к данной лингвистической общности, становясь и основой, и инструментом коллективного запаса знания. Язык объективирует новый опыт, позволяя включать его в существующий запас знания. С его помощью объективированный и овеществленный опыт передается в традиции данной общности.

Действительно, важнейшие для человека базовые знания о сущностях мира потенциально представлены в языке. **Все усваиваемые им существительные языка обозначают окружающие сущности, сформированные**

предшествующими поколениями. Изучая родной язык, индивид тем самым знакомится с множеством сущностей, их свойствами, действиями и изменениями и получает основополагающие знания об окружающем мире.

Социальные сущности, обозначаемые словами языка, конституируют в его сознании определенный миропорядок, место в нем индивидуума и его социальной группы, роли каждого из ее членов, допустимые и неприемлемые отношения между ними. Большинство элементов социальной структуры уже сформированы, обозначены и тем самым объективизированы в языке, и индивид принимает их как данность в процессе усвоения родного языка.

Сказанное верно, когда мы обсуждаем перенимание сущностей ОНР новым поколением. Следует различать постижение созданных уже обществом сущностей и формирование совершенно новых сущностей ОНР. Сформированная сознанием конкретного человека с помощью вербального концепта и обозначенная им особым словом новая сущность экстериоризируется, когда он трансформирует свои психические конструкции во фразы или предложения языка, например, в научном докладе или статье.

В результате такого действия новая сущность объективизируется, так как другие люди интериоризируют формирующий ее вербальный концепт и соответствующее понятие из языковых конструкций автора. Однако понастоящему данная сущность становится объективной, когда ее принимает в качестве реальной части мира большинство научного сообщества или даже общества в целом и она превращается в элемент их ОНР.

Для следующих поколений людей такая сущность превращается уже во что-то очевидно имеющееся в мире и несомненно реальное. Такое же, например, как равенство, законность, ответственность, достоинство т. п. Ее начинают описывать в школьных учебниках, даже могут иллюстрировать для лучшего понимания разнообразными картинками, то есть подкреплять чувственными репрезентациями. Некоторые сущности могут гипостазироваться. Какие-то из новых сущностей могут долгое время оставаться в статусе гипотетических. Но в определенный момент их наличие либо опровергается окончательно, либо подтверждается. Нередко они сохраняются в ОНР как полезные и даже необходимые сущности, реальный статус которых даже не рассматривается.

Г. Шпет (2010, с. 188) указывает, что обдумываемая автором статья не может считаться социальным явлением. Но написанная статья — это уже социальное явление, потому что мысли придана объективная форма.

Автор заметил важное обстоятельство. **Индивидуальное психическое содержание становится социальным, когда оно передано другим людям,**

распространилось в обществе, то есть превратилось в нечто имеющееся не только в сознании своего создателя. В этом случае оно становится объективным, так как присутствует во многих сознаниях, кроме сознания своего создателя. Но и это еще не все.

Вербальных психических конструкций, распространившихся в сознании множества людей и даже конституировавших в итоге элемент окружающего мира, например его новую сущность, достаточно много. Но совсем не факт, что созданная сущность сохранится и превратится в итоге в часть ОПР. Сформированных, а затем забытых сущностей много. Хотя некоторые подобные объекты успешно продолжают жить, например, в фантастической (литературной) реальности (и в соответствующей части ОПР).

Как я уже отмечал, социальные сущности ОПР пребывают в реальности, только если люди уверены в их несомненном наличии в мире. При этом человек легко различает, например, объективную реальность сказки как явления культуры и нереальность ее сюжета. Но даже не задумывается обычно о разнице между реальностью здания школы с ее учащимися и учителями и реальностью школы как социального института.

Важную роль в формировании социальной части ОПР играют процессы легитимации¹ ее сущностей. При смене поколений социальная структура, социальный порядок и схемы его поддержания в обществе, в основе которых лежат вербальные конструкции ОПР, репрезентирующие социальную часть ОПР, наследуются людьми негенетически. Каждый новый индивид должен перенять существующие в ОПР общества репрезентации социальных сущностей, социального устройства и способы социальных действий, чтобы затем самостоятельно воспроизводить их в своем поведении.

Эта передача порождает необходимость легитимации, то есть подтверждения реальности, законности и адекватности социальных институтов и других сущностей. В первую очередь, конечно, легитимации институтов, удерживающих власть в обществе, но не только. Все унаследованные следующим поколением объекты и структуры ОПР пусть и не столь остро, но тоже нуждаются в легитимации. Это проявляется, например, в проблеме «отцов и детей».

Как указывают П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 153), легитимация осуществляется с помощью объяснения и оправдания. Первое обеспечивается путем использования всевозможных интеллектуальных конструкций, объясняющих устройство мира. Например, в архаическом мире, по словам авторов (1995, с. 180–183), основанием для легитимации выступал миф.

¹ Легитимация — признание или подтверждение законности государственной власти, какого-либо социального института, статуса, полномочий, опирающиеся на принятые в данном обществе ценности (В. И. Добренков и А. И. Кравченко, 2000).

Легитимировалось то, что совпадало с волей богов, соотносилось с действиями мифических персонажей. Со временем мифологию заменили теологические конструкции, в свою очередь сменившиеся научными теориями.

Объяснительные схемы, обсуждаемые авторами, представляют собой распространенные в сознании большинства членов конкретного общества вербальные конструкции, определенным образом репрезентирующие окружающий их мир. Уровень развития и степень сложности этих вербальных репрезентаций могут быть самыми разными: от мира, населенного множеством духов, до мира, иллюстрируемого множеством научных теорий (научная картина мира в современных развитых обществах).

Последней ступенью объективации, в результате которой объективированный человеческий мир превращается в «дегуманизированную нечеловеческую фактичность», П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 147) считают реификацию¹. Человек — творец мира — начинает восприниматься как его продукт, человеческая деятельность — как эпифеномен нечеловеческих процессов, а социальный мир противостоит человеку как нечто внешнее по отношению к нему.

По их (1995, с. 148–149) мнению, реификация социальных институтов — это наделение их онтологическим статусом, независимым от человека. Например, брак может быть реифицирован как имитация божественных актов плодородия или универсальное проявление законов природы. Благодаря реификации институциональный мир начинает сливаться с миром природы, становится необходимостью и судьбой. Так же, как и институты, могут быть реифицированы социальные роли. Собственная роль воспринимается тогда в качестве неизбежной судьбы, за которую индивид снимает с себя ответственность: «У меня нет выбора, я должен поступать так в силу своего положения — мужа, отца, генерала... или палача» (1995, с. 149).

П. Бурдье (1994, с. 87–88) пишет, что социальный мир все более и более населяется реифицированной социологией. И социологи в будущем все больше будут открывать в изучаемой ими действительности осадочные продукты от работ своих предшественников. Слова в значительной мере делают вещи, а изменить слова — значит изменить вещи. Вот почему бой

¹ «Реификация — овеществление идей и понятий; обращение с ними так, как если бы они были осязаемыми объектами» (В. В. Зеленский, 2008); «Реификация — это восприятие человеческих феноменов (читай сформированных людьми сущностей. — С. П.) в качестве вещей... .. вроде природных явлений, следствий космических законов или проявлений божественной воли» (П. Бергер и Т. Лукман, 1995, с. 146).

Многие авторы жестко разделяют гипостазирование и реификацию. Я лично не вижу, чем отличается гипостазирование от реификации, но использую первый термин применительно к психическим сущностям физической реальности, а второй — применительно к психическим сущностям социальной реальности.

за научное познание действительности должен почти всегда начинаться с борьбы против слов.

Можно согласиться с его (1994, с. 203–204) мнением, что для изменения мира нужно изменить способы, по которым он формируется, то есть видение мира и практические операции, посредством которых конструируются и воспроизводятся группы, или институции.

Давайте обобщим условные этапы становления социальных сущностей ОПР, которые те проходят с момента своего создания человеком до превращения в «вещи» социальной реальности:

- 1) создание вербального или преимущественно вербального концепта, репрезентирующего новую сущность окружающего мира, в сознании ее автора, обозначение ее новым словом, формирование соответствующего понятия;
- 2) экстериоризация этого концепта (и понятия) в форме языковой конструкции (слуховой или зрительной), описывающей новую сущность мира;
- 3) распространение языковой конструкции в обществе;
- 4) интериоризация вербального концепта (и понятия) сознанием многих людей, воспринимавших соответствующие фразы речи (или предложения текстов);
- 5) возникновение в их сознании сходных вербальных психических конструкций, репрезентирующих новую сущность;
- 6) возможно принятие новой сущности людьми в качестве элемента окружающего мира, ее легитимация и превращение обозначающего ее слова в элемент языка. Или ее непринятие — отказ в легитимации;
- 7) объективизация новой сущности в случае ее принятия. Превращение ее в часть окружающей реальности;
- 8) негенетическое ее наследование;
- 9) возможно, реификация ее новыми поколениями людей.

§ 4. ОПР и культура

Несмотря на необозримое множество работ, дифференцирующих *социальный мир* и *культуру*, эти понятия репрезентируют близкие и порой достаточно трудноразличимые сущности ОПР. За ними скрываются даже не сущности, а два обширных множества сущностей, которые взаимно частично перекрываются, а потому и плохо поддаются разделению. Например, такие «вещи», как одомашнивание скота, харакири, многоженство,

разделение труда, обычаи проживания, особенности питания и прочее, несомненно представляют собой окружающие нас явления, присутствующие буквально на уровне физической реальности, то есть принадлежащие вроде бы к физическому миру, но относящиеся при этом и к социальному миру, и к культуре.

Сложности в разграничении и определении этих и подобных им сущностей и привели в том числе к борьбе понятий *социальное* и *культурное* и изменению их ролей в гуманитарных исследованиях на протяжении двух последних веков.

Понятие *социальное* происходит от лат. *societas* — «общество» и означает общественное. Как научный термин оно слишком широкое. Как пишет социолог А. Б. Гофман (2010, с. 130), в XIX веке под обществом стали понимать надындивидуальную сущность, автономную по отношению к государству и лежащую в его основе. Понятие *культура* тогда же стали включать в сферу научного исследования, но оно играло второстепенную роль по отношению к понятию *общество*.

Впрочем, это и неудивительно, так как культура¹ — это фактически результат жизни общества.

Как отмечает А. Б. Гофман (2010, с. 131–134), первоначально социология «растворяла» культуру в обществе. Постепенно положение стало меняться, все чаще культура стала рассматриваться как нечто рядоположенное с обществом. Появился термин «социокультурное». К середине XX века понятие *культура* уже на равных конкурировало с понятием *общество*. На рубеже XXI века культура приобрела статус, который раньше имело общество, стала парадигмальной категорией и превратилась в универсальный объяснительный принцип. Автор (2010, с. 135) говорит о наблюдающейся «культурализации» социальных наук и различных сфер

¹ Антрополог Ф. Боас (цит. по: Ю. П. Аверкиев, 1946) доказывает, что не только наш язык, но и наши эмоции являются результатом нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим. Он считает, что культура — это совокупность моделей поведения, которые человек усваивает в процессе взросления и принятия им своей культурной роли.

Антрополог У. Гудену полагает: «Культура общества состоит из всего того, что должно знать и во что должно верить для того, чтобы поступать приемлемым для его членов образом» (W. H. Goodenough, 1957, p. 167–173).

Антрополог Р. Д'Андрад считает: «Культура имеет два смысла и понимается то как процесс (то, что передается, чтобы быть выученным последующими поколениями), то как особый класс явлений (то есть организованное познание). В принципе, эти два аспекта термина могут сосуществовать. В таком случае культурой будет все, что передается последующим поколениям через научение» (R. G. D'Andrade, 1984, p. 114–115).

Философ и культуролог Е. Я. Режабек (2007, с. 263) называет культурой все, что выучено и разделяется всеми членами общества.

социальной практики, о проникновении понятия *культура* в социальные науки, где оно занимает теперь центральное положение.

Мне такая динамика не кажется удивительной, так как понятие *культура* объединяет в умоглядную сущность и репрезентирует совокупность более конкретных и даже часто доступных рассмотрению сущностей, чем те, которые репрезентируются понятием *общество*, или *социум*. В то же время **концепты обоих понятий (*общество* и *культура*) настолько аморфны и расплывчаты, что во многом утратили свою научную эффективность.**

И. Н. Жукова и соавторы (2013, с. 198–199), например, считают, что культура включает все, что думает, говорит и делает группа, в том числе системы ее отношений и чувств. Полагая, что ни один список определений культуры не будет исчерпывающим, авторы приводят типологию из 18 групп определений культуры, предложенную американскими антропологами А. Кребером (A. L. Kroeber, 1948), Ф. Клакхоном и Ф. Стродтбеком (F. Kluckhohn & F. L. Strodttbeck, 1961) и дополненную другими авторами.

Отголоски борьбы понятий *общество* и *культура* хорошо заметны, например, и в трудах Л. Уайта (2004, с. 96), который указывает, что для большинства социологов культура — это всего лишь поведение либо побочный продукт социального взаимодействия, то, что остается в «осадке социальной жизни человека». В то же время для многих социологов «культурное» стало лишь синонимом «социального». Автор (там же) цитирует слова Джесси Бернарда (J. Bernard, 1929) о том, что «в словаре социолога “культура” может прекрасно заменить собой “общество”, а “культурное” — вытеснить “социальное”».

Культурология и социология часто исследуют одни и те же явления. Это объясняет разные представления основоположников этих наук об одном и том же. Л. Уайт пишет (2004, с. 101), что Э. Дюркгейм старался сформулировать исходные посылы и принципы культурологии, используя неудачные выражения и называя свою науку социологией, а не наукой о культуре. Класс тех суперпсихологических символических явлений, который мы называем культурой, он обозначает посредством такого термина, как «коллективное сознание», что не только затемнило, по мнению Л. Уайта (2004, с. 102–103), его мысль, но и навлекло на него обвинения в мистицизме.

Л. Уайт (2004, с. 96–98) критикует социологов за их неспособность воспринимать культуру в качестве супрапсихологического явления, отличного от процесса социального взаимодействия. Он (2004, с. 96–97) пишет, например, что, когда Г. Зиммель (G. Simmel, 1898) рассматривает развитие и характер языка, морали, церкви, закона, политической и социальной

организации, представление о том, что они образуют «структуру независимой реальности, живущей по своим собственным законам, приводимой в движение своими собственными силами и независимой от всех ее индивидуальных компонентов», кажется Г. Зиммелю (там же) «неизбежным». Однако, по мнению Л. Уайта (2004, с. 97), Г. Зиммель «настолько увяз в психологии», что не может принять вывода о независимости культуры от индивидов.

В качестве подтверждения Л. Уайт (2004, с. 97) приводит слова Г. Зиммеля о том, что «в конечном счете существуют лишь индивиды». Даже общество существует лишь «в умозрительных представлениях или в психологических переживаниях в сознании индивидов». А культура, не говоря о материальных предметах, состоит из «тех духовных структур... которые существовали лишь в сознании личностей. Всякая попытка думать о них в отрыве от личностей является мистицизмом...» (G. Simmel, p. 665; цит. по: N. F. Spykman, 1925, p. 27).

Несмотря на мое искреннее уважение к этому выдающемуся ученому, я вынужден здесь принять точку зрения его оппонента и подчеркнуть, что Г. Зиммель (там же), несомненно, прав. Действительно, «в конечном счете существуют лишь индивиды». А культура, как и ОНР, несмотря на их реальную независимость от конкретных индивидов, — это вторичные сущности, порождаемые сообществами индивидов и в их же сознании.

Обсуждая «супрапсихологическое», или «сверхорганическое», Л. Уайт (2004, с. 99–109) отмечает, что Э. Сепир в своем очерке «Нужно ли нам сверхорганическое?» отрицал необходимость и такого понятия, и особой науки. А. Голденвейзер (A. Goldenweiser, 1927, p. 85–86) тоже высказался против суперпсихологической науки о культуре, так как культура, по его мнению, принадлежит психологическому уровню. Она присутствует в сознании людей в обществе. Историк и антрополог изучают жизнь. Жизнь — это психология. Даже сохранение в остатке физических результатов культурной деятельности сообществ индивидов ничего, по сути, не меняет.

Л. Уайт (2004, с. 108–109) осуждает противодействие его собственной культурологической точке зрения в американской антропологии последних лет, которое выразилось в словах культуролога и антрополога Д. Бидни: «Тенденция гипостазировать культуру и рассматривать ее в качестве трансцендентной, суперорганической или суперпсихической силы... представление о том, будто культура — это сила, способная к самоформированию и саморазвитию, является одним из самых существенных “культурных заблуждений” наших дней» (цит. по: Л. Уайт, 2004, с. 108–109).

Тем не менее Л. Уайт (2004, с. 366), обсуждая культуру, настаивает на том, что она делает себя сама. И если мы хотим объяснить культуру

научно, то должны поступать так, как если бы культура сделала саму себя и как если бы человек не имел никакого отношения к детерминированию ее хода или содержания. Человек, разумеется, должен присутствовать здесь для того, чтобы сделать возможным существование культурного процесса. Однако природа самого по себе процесса и его ход самодетерминированны. Этот процесс подчиняется своим собственным принципам и управляется своими собственными законами.

Вряд ли с этой точкой зрения автора можно согласиться, так как она ошибочна в отношении способности культуры к самоформированию и саморазвитию. И тем не менее автономность от индивидуума присуща не только культуре, но и объективной психической реальности. Последняя, несомненно, автономна от конкретного индивидуума и развивается по каким-то своим, не всегда понятным нам причинам и законам. Однако столь же несомненен и тот факт, что объективная психическая реальность, как и культура, является результатом человеческой деятельности. То есть они обе целиком и полностью зависят от общества и определяются им.

Я согласен с Л. Уайтом (2004, с. 99), считающим, что требуется особая наука, которая изучала бы и интерпретировала особый класс культурных явлений, и что эта наука не является психологией, индивидуальной или социальной, или наукой об обществе или о социальном взаимодействии, но является наукой о культуре, или культурологией. Однако я хочу подчеркнуть, что культура создается психикой человека и без учета этого обстоятельства невозможно создать адекватную культурологию, как, впрочем, и социологию. Так же как невозможно понять, что такое вербальное мышление, без понимания того, что такое чувственный образ, поскольку именно он лежит в основе понятий и вербальных конструкций.

Для меня очевидно, что **ни социальное, ни культурное не могут исследоваться изолированно от человеческой психики и без глубокого исходного понимания психических процессов, которые их порождают.**

Национальная социологическая библиотека (НЭС России, 2022) предлагает 39 определений культуры, довольно сильно различающихся между собой. Национальная психологическая библиотека (НЭС России, 2022) — еще 24 определения. В зависимости от выбора определения возникает больше или меньше трудностей в отделении культурного от социального. Множество авторов, впрочем, пытаются это сделать, хотя и не очень успешно.

Мне кажется более правильным даже не пытаться отвечать на вопрос, чем культурное отличается от социального, а просто **заменить малоэффективные на сегодняшний день для науки в силу своей аморфной неопределенности понятия *социальное* и *культурное* группой более ясных**

понятий (и более конкретных сущностей). По крайней мере, совершенно необходимо четко определить и ограничить значения понятий *социальное* и *культурное*. Но эта задача явно выходит за рамки данной работы.

Тезисы

1. Социальная реальность составляет огромную самостоятельную область ОНР. Она имеет свою структуру и свои сущности (объекты и явления), которые сами имеют связи, отношения и свойства и действуют в ОНР.
2. Социальная реальность состоит из двух составляющих. Одна является важной частью ОНР и представлена в сознании большинства членов общества преимущественно вербальными репрезентациями социального мира, его сущностей, их связей, отношений, изменений и т. д. Другая является частью физического мира и представлена действиями людей, обусловленными присутствием в их сознании репрезентаций социальных сущностей и явлений, а также всеобщей уверенностью людей в объективном наличии в мире этих сущностей.
3. Сущности социальной реальности, как и прочие сущности ОНР, репрезентируются преимущественно вербальными концептами, присутствующими в сходном виде в сознании большинства членов общества, уверенных в несомненном наличии социальных объектов и явлений в окружающем мире. Все социальные сущности вербально конституированы или сконструированы нашими предшественниками, создание новых сущностей продолжается и сейчас.
4. Социальные сущности объективны, так как их сходные репрезентации присутствуют в сознании множества людей. Вера людей играет определяющую роль в существовании ОНР и, естественно, ее социальной области. Причем ее реальность для индивидуума постоянно подтверждается поведением большинства членов общества, не сомневающих в ее наличии.
5. Главный признак, свидетельствующий о реальности конкретной социальной сущности, заключается в том, что члены общества действуют так, как будто она действительно присутствует в окружающем мире. Однако для того, чтобы социальная сущность ОНР исчезла, достаточно, чтобы люди перестали верить в ее наличие.
6. Вновь сформированная сущность ОНР становится элементом социального мира лишь после того, как ее репрезентация была интериоризирована другими людьми и распространилась в обществе, превратившись в итоге в признанную обществом реальную принадлежность мира.

Глава 2.2.2. Физические аспекты социальной области ОНР

§ 1. Поведение людей как часть социальной реальности

Как я писал выше, в формировании социальной реальности участвуют две составляющие. Первая — это сходное психическое содержание сознания членов общества, представленное в виде преимущественно вербальных репрезентаций социальных сущностей ОНР, в независимом от людей наличии которых все они абсолютно убеждены. Вторая — поведение членов общества, порожаемое этой их уверенностью.

В психологической энциклопедии (НЭС России, 2022) приводится 39 определений поведения. На их основе я составил еще одно: **поведение есть доступный наблюдению процесс взаимодействия организма с внешней средой, выражающийся в форме его физической активности или же, в зависимости от ситуационных факторов, пассивности, направленных на удовлетворение потребностей организма и служащих его приспособлению к среде.**

Термин «поведение» включает в себя речевую и неречевую активность. Вторая охватывает: 1) все внешние проявления физиологических процессов, связанных с состоянием, деятельностью и общением людей, — позу, мимику, интонации, другие произвольные физиологические реакции; 2) отдельные движения и жесты; 3) действия как более крупные акты поведения, имеющие определенный смысл; 4) поступки — еще более крупные акты, как правило имеющие социальное значение и связанные с нормами поведения, отношениями, самооценкой и т. д.

Я не считаю правильным включать в поведение, как делают другие исследователи, и иные проявления активности организма, в том числе психическую активность. То, что большинство авторов относят ее к поведению людей, неудивительно и объясняется вековым доминированием бихевиоризма в психологии. Мне лично кажется неверным включать в поведение как его часть психические феномены и психические действия, даже имеющие отношение к регуляции физического поведения. Дело в том, что они вообще преобладают в нашей психике и отнесение их к собственно поведению стирает границу между последним и психикой.

Следует обратить внимание на то, что поведение — это доступный внешнему наблюдению процесс (см. определение выше). Психические феномены внешнему наблюдателю недоступны. Можно, конечно, согласиться с тем, что такие разновидности человеческого поведения, как речь и письмо, максимально координированы с содержанием психики. И наблюдение за речевым

поведением действительно позволяет исследователям анализировать — пусть и опосредованно — содержание сознания испытуемых, так как слова и конструкции из слов (звуковые и графические) потенциально наполнены смыслами и способны передавать от человека к человеку вербальное психическое содержание. Тем не менее ни речь, ни письмо, будучи формами поведения, не являются психическими феноменами.

Нет сомнений, что психика играет определяющую роль в регуляции поведения, а поведение является обычно внешним выражением скрытого от наблюдения внутреннего психического мира. Но поведение и психические феномены — это тем не менее совершенно разные сущности. И их отождествление столь же неадекватно, как, например, отождествление процесса разговора и смысла сказанного или процесса письма и смысла написанного. Рассматривать психику и обусловленное ею физическое поведение следует, конечно, совместно, но как две отдельные, хотя и тесно связанные сущности.

Я не ставлю перед собой задачу обсуждения разных форм поведения¹. Для результатов нашего дальнейшего рассмотрения несущественно даже, правильно ли исключать психическую активность из собственно поведения. Значимым является лишь доступное внешнему наблюдению поведение членов общества, а именно их физические действия, прямо вытекающие из их репрезентаций социальной реальности, присутствующих в сходном виде в сознании большинства людей и адекватных с точки зрения наблюдателей.

Давайте поэтому сосредоточимся сейчас именно на поведении (точнее, на физических действиях) людей. **Для индивидуума физические действия окружающих — это часть физического мира, так как они реализуются с помощью их физических тел и в физическом же мире. Даже речевое поведение — речь и письмо — является физическими действиями, создающими физические же объекты (акустические и графические). Воспринимаются индивидуумом только физические объекты и физические действия. Они же воздействуют на него как физическая составляющая окружающего мира.**

Если физические действия людей обусловлены к тому же психическими репрезентациями социальной области ОПР, то они не только придают последней объективность, вещественность и физическую очевидность,

¹ Один из основоположников социологии Г. Тард пишет: «...социология, по-видимому, столь понятная, столь неглубокая при первом взгляде, держится своими корнями за психологию, за самую сокровенную и темную для нас физиологию. Общество — это подражание, а подражание — род гипнотизма...» (2011, с. 77).

Следовательно, мы должны были бы рассматривать здесь самые разные формы поведения, в том числе, например, подражание.

но и верифицируют в глазах каждого индивидуума представленный и в его сознании социальный мир, его структуры и институты.

Сами **физические действия людей, будучи частью физической реальности, не относятся к ОПР. Но они зависят от социальной части ОПР**, представленной в сознании всех членов общества и во многом определяющей их поведение. Одновременно они подтверждают и легитимируют социальную область ОПР и ее сущности в глазах всех членов общества.

Сложно сказать, нужно ли включать в ОПР формы приемлемого и неприемлемого с точки зрения общества поведения индивидуумов и ответных действий общества в отношении индивидуумов, нарушающих его правила и законы. Однако в любом случае репрезентации просоциального и антисоциального поведения членов общества и реакций общества на это поведение соотносятся с ОПР.

Л. Уайт (2004, с. 173) справедливо замечает, что общество, чтобы защищать себя от притязаний индивида и служить своим собственным интересам, должно или влиять на его поведение, или держать его под контролем. Для этого оно, во-первых, определяет «хорошее» и «плохое». И во-вторых, отождествляет всякое добро или зло с сильной эмоцией — положительной или отрицательной — таким образом, чтобы индивид имел стимул совершать добрые дела и воздерживаться от совершения плохих. Этот социопсихологический механизм столь эффективен, что общество не только успешно включает индивидов в ряды поборников общего благоденствия, но и заставляет их поступать вопреки собственным интересам — вплоть до того, чтобы жертвовать своей жизнью ради других или ради общего блага.

Автор (там же), несомненно, прав, когда пишет, что индивида заставляют чувствовать, будто это именно он принимает решение, делает нужное дело и что, более того, он совершенно «свободен» и в принятии собственных решений, и в выборе путей действия. На деле же голос его совести является не более чем голосом племени или группы, взывающим к нему изнутри. Это всего лишь отражение в индивиде общественных санкций. Детерминированные культурой социальные силы действуют на индивида, побуждая его к добру и отвращая от зла. Его поведение аналогично полету радиоуправляемого беспилотного аэроплана.

Л. Уайт (2004, с. 174) указывает, что нечто, считающееся правильным в одной культуре, может быть неправильным в другой. Это следует из того, что акт, который при одной совокупности условий содействует общему благу, в других условиях может ему повредить. Мы обнаруживаем огромное разнообразие этических определений и моделей поведения. Следовательно, определение правильного и неправильного является скорее социальным и культурным, чем индивидуальным и психологическим. Индивид таков, каким его делает культура. Он является сосудом, содержимое которого

заполняет культура. Совесть — это инструмент, средство этического поведения, а не его причина.

Э. Гидденс (2005, с. 22–23) пишет, что общество регулирует человеческие поступки разными способами — от явного наказания (например, за преступление) или социального ostracism (за неприемлемое поведение) до элементарного непонимания (в случае неправильного употребления слов).

Н. Геген (2005, с. 60) отмечает, что наше поведение контролируется символами и правилами. Мы приспосабливаем к цивилизации собственных детей, например, с помощью такого института, как школа, где без конца нужно уважать власть, подчиняться правилам и т. п. Подчинение существует потому, что мы сами участвуем в создании мифических символов власти, живем с иллюзией личного контроля, не допуская мысли, что нас принуждают поведенческие нормы.

Не вызывает сомнений то, что общество оказывает мощное регулирующее влияние на поведение своих членов. *Но каким образом оно это делает?*

Чтобы сохранить себя и свою структуру, **общество создает множество вербальных психических конструкций, регулирующих поведение его членов, и принуждает их действовать в соответствии с этими «инструкциями».**

Одни вербальные конструкции, регулирующие поведение, предписывают действия, оказывающие благоприятное влияние на укрепление и развитие общества в целом. Например, основные религиозные заповеди. Другие укрепляют власть групп, правящих в обществе. Например, законы, жестко карающие даже за факт неповиновения полиции и другим силовым структурам.

Навязываемое индивиду обществом поведение можно разделить на навязываемое мягко и жестко. К первой группе относится желаемое поведение, укладываемое, например, в рамки традиций, обрядов, национальных привычек. Ко второй — поведение безальтернативное, единственно приемлемое для общества, укладываемое, например, в рамки заповедей (и уголовного законодательства) — «не убей», «не укради» и т. п. Регулятивные вербальные психические конструкции, репрезентирующие приемлемое и неприемлемое для общества поведение, присутствуют в сознании большинства его членов и представляют собой важную часть сходного объективного психического содержания их сознания. Репрезентации социальных ролей являются очевидной частью ОНР, так как участвуют в построении социальной структуры.

Мы привыкли считать, что общество оказывает на нас преимущественно психическое влияние. Тем не менее **формы и способы наказания и поощрения обществом своих членов являются, по сути дела, физическими.** Хотя на первый взгляд может показаться, что, например, в ситуации осознания человеком потери лица, которая приводит его к самоубийству,

или в ситуации бойкота школьницы со стороны ее одноклассников, которые доводят ее до нервного срыва, очевидно, превалирует психический компонент и изменения в личной объективной психической реальности. Однако это не совсем так¹.

Например, в ситуации объявления бойкота однокласснице последний выражается не в том, что школьники испытывают в отношении нее негативные эмоции, а она их каким-то неведомым образом чувствует и от этого страдает. Бойкот выражается в том, что они ведут себя по отношению к ней определенным образом, физически демонстрируя ей свое отношение. Она страдает исключительно от их физических действий и создаваемых ими физических объектов — слов. Если бы они смогли вести себя иначе физически, даже искренне ее ненавидя, проблем в связи с бойкотом у школьницы не было бы вовсе.

Даже «мягкие» воздействия общества на нас, например высказываемые окружающими в наш адрес порицания, претензии, выговоры и угрозы или, наоборот, похвалы, благодарности и комплименты, представляют собой исходно физические действия людей, еще и отправляющих нам физические же объекты — слова, пусть и несущие потенциально понятные для нас психические смыслы.

§ 2. Сущности ОПР, имеющие отношение к поведению

То, что ОПР в значительной степени определяет поведение членов общества, очевидно. Например, социальный статус в иерархии ОПР влияет на поведение людей и даже меняет их отношение к окружающим и к самим себе. Д. Майерс (2001, с. 225) приводит данные исследований Р. Хамфри (R. Humphrey, 1985)², в которых в результате произвольного разделения

¹ Несомненно, ситуация потери лица ведет в ряде случаев к глобальной трансформации личной ОПР. И основную роль дальше начинает играть уже не то, насколько плохой является реальная ситуация, а то, насколько плохой она видится конкретному человеку. То, насколько серьезными представляются ему изменения в отношении к нему окружающих и их дальнейшее поведение по отношению к нему. Не будем обсуждать здесь влияние на него его личных мотивов, его убеждений, чувства долга и т. д. Однако, если бы человек был совершенно уверен, что физические действия окружающих по отношению к нему никак не изменятся, вряд ли бы он так же болезненно переживал возникшую ситуацию. То есть он боится грядущих физических действий окружающих, которые, конечно, будут нести в себе и психические смыслы.

² «По жребию все испытуемые были разделены на две части... Как и в настоящем офисе, менеджеры отдавали распоряжения клеркам и осуществляли руководство на высшем уровне. В конце эксперимента и менеджеры, и клерки стали считать, что фактически равные клеркам по способностям (поскольку отбор осуществлялся случайным образом) менеджеры являются более интеллигентными, настойчивыми и ответственными — как если бы они действительно были более пригодны для руководящей работы» (2001, с. 225).

испытуемых на две группы — менеджеров и клерков — было продемонстрировано, что люди, получившие всего лишь в лабораторной ситуации более высокий статус, начинают рассматривать себя как лиц, заслуживающих лучшего отношения к себе и более способных к руководящей работе.

Д. Майерс пишет: «В “Пигмалионе” Бернарда Шоу продавщица цветов из лондонских кокни Элиза Дулитл обнаруживает, что, когда она играет роль леди (при том условии, что окружающие воспринимают ее в качестве таковой), она фактически и становится леди. То, что не было реальностью, становится ею» (2001, с. 226).

То есть поведение окружающих людей, уверенных в каких-то социальных фактах и обстоятельствах, в данном случае в том, что продавщица цветов Элиза Дулитл — леди, меняется настолько, что она фактически и превращается в леди. В итоге трансформируется сам фрагмент социальной части их личной объективной психической реальности.

Такая важнейшая сфера жизни, как поведение членов общества, естественно, не могла не быть исследована, классифицирована и обозначена множеством слов. То есть варианты, формы и особенности группового и индивидуального поведения людей давно были конституированы сознанием наших предшественников в форме особых сущностей ОПР и обозначены словами языка. Можно выделить по крайней мере несколько групп сущностей ОПР, имеющих отношение как к поведению людей, так и к его регулированию обществом:

- разнообразные вербальные психические конструкции, регулирующие поведение¹;
- конкретные варианты действий²;
- повторяющиеся типовые сложные формы поведения³;
- личные психические качества, структуры и особенности людей, оказывающие определяющее влияние на их поведение⁴;
- прочие связанные с поведением сущности ОПР⁵.

Все эти и многие другие, не вошедшие в эти группы, сущности были сформированы с помощью специально созданных нашими предшествен-

¹ Например: заповедь, правило, норма, устав, приказ, табу, закон, установление, уложение, запрет, требование, инструкция, положение, рекомендация и т. п.

² Например: манипуляция, самопожертвование, агрессия, воровство, преступление, меценатство, убийство и т. п.

³ Например: обычай, церемония, обряд, ритуал, роль, традиция и т. д.

⁴ Например: совесть, стыд, нравственность, аморальность и т. д.

⁵ Например: нравы, авторитет, власть, вежливость, этикет, такт, привычка, манеры и т. д.

никами вербальных конструкций¹. Сущности, связанные с человеческим поведением, имеют для людей особую важность. Рассмотрим, например, некоторые из них.

Здесь и далее я использовал определения из разных словарей, в которые вносил свои коррективы; так как нас интересуют не столько сами определения, сколько примеры вербальных конструкций, конституирующих разные сущности.

В процессе развития любого общества **люди всегда формируют вербальные конструкции, репрезентирующие приемлемые для общества формы поведения его членов**. На ранних этапах своего развития общество мифологизирует эти вербальные конструкции, позже оправдывает теологически или научно. В результате появляются, например, «каменные скрижали» с «завещанными Богом» заповедями, которые со временем трансформируются в законы общества.

С. Московичи (1998, с. 133) отмечает, что в большинстве цивилизаций Индии, Египта, даже в Риме законы имели священный характер, а жрецы вершили правосудие. Даже там, где оно осуществлялось собраниями племени или народа, считалось, что законы исходят от Бога или основываются на незыблемой традиции.

Э. Сепир (1993, с. 580) полагает, что употреблять термин «закон» в отношении примитивных обществ нежелательно, так как это приводит к размыванию понятий. Это допустимо делать лишь в том случае, когда управление поведением членов общества становится прерогативой конкретных лиц или группы лиц. В некоторых племенах американских индейцев их освященные обычаи можно трактовать как правовые системы с регулятивными функциями. Психологически закон уже есть, хотя институционально его нет.

Разница между обычаем и законом, как полагает автор (1993, с. 580), состоит не в отличии устной традиции от письменной формулировки обычая. Обычай может перерасти в закон задолго до появления письменности и неоднократно перерастал. Например, в большинстве африканских племен царит не просто обычай, а абсолютно эксплицитное признание правил управления и наказания за их нарушение с развитыми методами обнаружения виновности и правом наказывать, принадлежащим королю.

¹ Например, таких: *заповедь* — религиозно-нравственное предписание в форме языковой конструкции, представленное в религиозных книгах от лица Бога; *манипуляция* — психологическое воздействие, которое призвано обеспечить негласное получение манипулятором односторонних преимуществ, но так, чтобы у адресата сохранялась иллюзия самостоятельности принимаемых им решений; *обычай* — передающийся из поколения в поколение порядок поведения в определенных ситуациях, своего рода неписаные правила поведения, представленные в виде чувственных образов и вербальных репрезентаций.

Когда обычай имеет психологическую силу закона, но не контролируется обществом с помощью эксплицитных наказаний, тогда он может быть назван этикой или, попросту говоря, нравственностью. В более простых формах общества трудно отличить право от этики.

Э. Гидденс (2005, с. 188–189) отмечает: некоторые исследователи пришли к заключению, что законы — это орудие, используемое для сохранения неравенства. Их неодинаково применяют к населению. Закон — важный инструмент в руках властей. Он более жесток в отношении нарушителей закона из среды рабочего класса, тогда как нарушающие законы богатые редко привлекаются к ответственности.

Можно сказать, что **социальные законы — это легитимизированные обществом и присутствующие в сознании всех его членов преимущественно вербальные конструкции, безальтернативно репрезентирующие и регламентирующие должное поведение людей в обществе и ответные действия общества при отступлении от них.** Они обычно экстерииоризированы в форме языковых конструкций. Нет договоренностей между исследователями о том, что считать законами — только вербальные конструкции или и их экстерииоризированные в форме языковых конструкций формы или, наконец, только языковые конструкции.

Формально социальные законы представлены в виде печатных сборников языковых конструкций, регламентирующих действия членов общества в разных ситуациях¹. Вместе с тем законы, прописанные в УК РФ например, представляют собой не запреты действий, которые не следует совершать людям, а вербальные репрезентации действий членов общества в определенных ситуациях², в том числе порядок и способ осуществления действий, которые должны произвести представители общества в отношении лица, совершившего неприемлемые для общества действия.

Что касается самих запретных действий, то соответствующие вербальные конструкции человек интерииоризует и усваивает в форме запретов,

¹ Например, так: «Брак заключается в органах записи актов гражданского состояния. Права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния» (Семейный кодекс Российской Федерации, пп. 1–2, ст. 10); «Никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов» (Уголовный кодекс Российской Федерации, п. 1, ст. 10).

² Например: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового (Федеральный закон от 27 декабря 2009 года № 377-ФЗ (ред. от 7 декабря 2011 года), ч. 1, ст. 105)».

норм, заповедей и правил еще в процессе своей социализации. Необходимость и правомерность именно таких, а не иных вариантов поведения своих членов общество объясняет и подтверждает разными способами, в том числе с помощью специально созданных им дополнительных сущностей, таких как долг, совесть, мораль, нравственность и т. д., которые наши предшественники сформировали и ввели в ОПР.

Б. Рассел (2001а, с. 232–233) указывает, что в результате распространения христианства различие между моралью и другими достоинствами стало значительно более резким, чем было в Древней Греции. Быть великим поэтом, композитором или художником — достоинство, но это не моральная заслуга. Моральные достоинства связаны исключительно с актами воли, то есть с умением правильно выбрать решение среди возможных. Ортодоксальная точка зрения такова: везде, где возможны два варианта действия, совесть подсказывает правильный путь и избрать другой путь — значит согрешить. Добродетель заключается скорее в избегании греха, чем в чем-либо положительном. Нет основания ожидать, что образованный или талантливый человек будет в моральном отношении лучше, чем необразованный, или умный — лучше глупого.

Философы Р. Г. Апресян и М. В. Колпытина (2007, с. 189) полагают, что мораль в своей основе имеет такие ценности, как равенство, взаимность, примиренность (не враждебность), согласие и заботу. Важность этих ценностей определяется тем, что в реальных отношениях между людьми нет ни равенства, ни открытости, ни благожелательности, ни заботы. Авторы (2007, с. 192) определяют мораль как систему ценностей и императивов, ориентирующих людей на духовно-возвышенный идеал человеческого единения, выражающегося в примиренности, солидарности и братской (милосердной) любви.

Следует сказать, что в сознании большинства людей присутствуют пусть и не всегда хорошо вербализованные чувственно-вербальные репрезентации вариантов поведения — доброго и злого, хорошего и плохого, справедливого и несправедливого, гуманного и негуманного, честного и нечестного, благородного и неблагородного. Все то, что соответствует позитивной половине, — морально. Все противоположное — аморально. Репрезентации позитивной половины рассматриваются обществом как человеческие ценности, а репрезентации негативной половины отвергаются.

Следовательно, мораль — это сконструированная людьми социальная сущность ОПР, которую общество до сих пор затрудняется четко вербализовать. В форме этой сущности общество конституировало систему субъективной оценки поведения по условной шкале

«позитивного-негативного» поведения людей. При этом оценка опирается на преобладающие в сознании большинства членов общества репрезентации позитивного и негативного поведения, а также на его «соответствие-несоответствие» наиболее желательному с точки зрения индивидуума варианту поведения Другого в отношении его самого.

Среди 54 определений понятия *мораль*, представленных в НЭС, в нескольких случаях встретились мнения, что это «представления о хорошем и плохом, о добре и зле, о том, что справедливо, а что — нет», читай репрезентации того, что такое хорошо, а что такое плохо; «совокупность неписаных, условных (конвенциональных) принципов и норм поведения по отношению к себе, другим людям...», то есть опять совокупность репрезентаций поведения, приемлемого и неприемлемого в отношении людей, определенных ситуаций и т. д.

Психолог Г. К. Триандис (2007, с. 79–80) пишет, что психологом Л. Колбергом (1969–1981) была предложена теория морального развития личности, постулирующая существование шести стадий. На первой стадии люди не нарушают установленные правила и подчиняются требованиям общества просто из стремления избежать наказания. На второй они соблюдают правила тогда, когда видят, что это в их интересах. На третьей они ведут себя благопристойно потому, что это соответствует ожиданиям значимых других, поскольку быть хорошим выгодно. На четвертой стадии люди действуют в интересах общества, поскольку считают поддержку социальной системы справедливой формой поведения. На пятой люди сознают существование общечеловеческих ценностей и убеждены в необходимости руководствоваться рядом универсальных ценностей, присущих любому обществу (таких как ценность жизни и свободы), безотносительно к мнению большинства. Но одновременно придерживаются ценностей и правил собственной группы. На шестой люди следуют универсальным этическим принципам, которые выбрали сами. И когда законы входят в противоречие с этими принципами, могут не подчиняться им. В своих действиях они руководствуются универсальными принципами справедливости, такими как равенство и уважение достоинства человека как личности, и собственным чувством внутренней приверженности этим принципам.

Стадии морального развития личности, предложенные Л. Колбергом (L. Kohlberg, 1973, р. 630–646), хорошо согласуются с предположением о постепенном формировании у человека устойчивых вербальных конструкций, репрезентирующих правильные и неправильные, с его точки зрения, отношения между людьми, между ним и миром, между ним и другими людьми и т. д. Конструкции эти со временем превращаются в убеждения личности и начинают оказывать определяющее влияние на ее поведение.

Существует довольно распространенная и имеющая корни в религиозных учениях точка зрения, что нравственность «встроена» Творцом в основу Вселенной. Из чего следует, что Вселенной управляют не только физические, но и этические¹ законы. Например, космолог и специалист по теории относительности Дж. Эллис (2001, с. 301) описывает в качестве традиционной точки зрения христианства идею о том, что нравственность лежит в основе Вселенной вместе с законами логики и физики. Вселенная управляется не только физическими, но и этическими законами. Целью Божественного Творения было сохранение условий для актов высокой любви и самопожертвования, осуществляемых разумными существами, обладающими свободой воли. С этой точки зрения нравственность служит основой любой физики и самой Вселенной. Она наполняет космологию смысловым содержанием и таким образом объясняет некоторые из ее главных особенностей.

Нравственность — очередная сформированная людьми сущность ОПР, которая тоже конституируется ими с помощью вербальной конструкции². Мне лично не вполне понятны различия между моралью и нравственностью, да и в литературе указаний на существенные различия между ними мне найти не удалось³, что в очередной раз свидетельствует об аморфности концептов, конституирующих данные социальные сущности.

Еще раз хочу отметить, что вербальные конструкции, конституирующие рассматриваемые здесь сущности ОПР, используются в литературе в виде языковых конструкций, являющихся определениями этих сущностей. Представленные в книге определения взяты мною из конкретных источников либо составлены на основе разных источников.

Рассматривая социальные сущности с позиции психической феноменологии, можно сказать, что **в основе морали и нравственности лежат совокупности особых смешанных и вербальных психических конструкций, репрезентирующих приемлемые для человека формы поведения.**

¹ Не вполне понятно, что же такое этика. По-моему, ни в самой этике, ни в философии до сих пор не решили, этика — это только наука или наука плюс убеждения, плюс нормы поведения и т. д. Будем исходить из того, что это только наука о морали.

² Например, такой: *система внутренних правил человека, основанная на гуманистических ценностях доброты, справедливости, порядочности, сочувствия, готовности прийти на помощь* (П. И. Юнацкевич, В. А. Чигирев, И. В. Савенко, Л. В. Ведмецкая, 2009, с. 23); или такой: *потребность человека поступать в соответствии с требованиями этики и морали, потребность творить добро, приносить людям благо* (О. Е. Костенко, 2009, с. 13); или, наконец, такой: *синоним морали* (Р. Г. Апресян, 2000, с. 110).

³ Лишь в 2 из 25 определений понятия *нравственность* высказывались мнения, что это «совокупность духовных и душевных качеств» или «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек» (НЭС).

Они не просто присутствуют в его психике, но превратились уже в его личные убеждения, а следовательно, в мощный фактор, определяющий его действия.

Они, в частности, репрезентируют, что можно, а что никогда и ни при каких обстоятельствах не следует делать человеку, исходя из гуманистических ценностей — уважения к миру и людям, доброты, человеколюбия, сострадания, справедливости, порядочности, эмпатии и готовности прийти на помощь Другому.

Есть несомненная связь между моральностью и нравственностью отдельных людей и общества в целом. Недаром П. Я. Чаадаев пишет: «Народы в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы» (1989, с. 44).

Возникает вопрос: *как такое может быть?*

У каждого народа не только существует общая для него ОНР, но и в психике его представителей присутствует множество сходных вербальных конструкций, репрезентирующих в том числе приемлемое для данного народа поведение. Их можно даже назвать нравственными структурами или моральными конструкциями. Поэтому следует согласиться, например, с философом С. Д. Лаптенком (2003), который полагает, что «мораль существует на двух уровнях — общечеловеческом и личностном».

Долг — очередная сущность ОНР. В форме нее люди конституировали факт наличия в сознании человека внутреннего побуждения и самопринуждения к действиям, которые противоречат его личному благу, но которые он должен совершить, исходя из своих убеждений и мировоззрения; действиям, выполняемым человеком из-за побуждений совести.

В некоторых жизненных ситуациях человек испытывает тягостные переживания, обусловленные борьбой двух мотивов, двух планов действий — полезного для него лично и полезного для других, но правильного с позиций его совести. Поэтому исследователи и особенно писатели так много пишут именно о переживаниях чувства долга.

Фактически данные переживания, как и угрызения совести, обусловлены возникающим у человека состоянием психического напряжения и когнитивного диссонанса¹, описанного Л. Фестингером (2018).

¹ Л. Фестингер пишет: «Я предполагаю, что диссонанс, то есть существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний, сам по себе является мотивирующим фактором. Под термином “знание” я буду понимать любое мнение или убеждение индивида относительно окружающего мира, самого себя, своего собственного поведения. Когнитивный диссонанс может пониматься как исходное условие, приводящее к действиям, направленным на его уменьшение, таким же образом, например, как голод побуждает активность, направленную на его утоление» (2018, с. 11).

Мыслители тысячи лет спорят о том, кто ответственен за содержание сущности, обозначаемой словом «долг», — Бог, общество или совесть. Тем не менее очевидно, что **в основе мировоззрения людей, следующих в своей жизни тому, что принято называть чувством долга, лежат нормы поведения человека, разработанные обществом и адекватные именно с его точки зрения, но усвоенные индивидуумом и воспринимаемые им как собственные внутренние морально-нравственные ценности.**

Человек с чувством долга действует не из страха перед законом, властью, наказанием, а из рационального понимания правильности и справедливости своих действий. Он не просто запомнил навязанные ему обществом идеи, а внутренне принял их и признал обоснованность и адекватность необходимости действий в ущерб себе для блага общества. И готов пожертвовать своими интересами и даже собственной жизнью для выполнения этой миссии.

Психиатр В. А. Жмуров (2012) пишет, что Ф. Ницше (1844–1900) представляет чувство долга как естественную обязанность возвращать обществу то, что оно сделало для индивида, чем оно превратило его в человека. Наличие чувства долга в коллективистском обществе — показатель высокого уровня нравственного развития. Не зря разговорным значением слова «долг» является то, что взято или отдано заимообразно.

Р. Г. Апресян и М. В. Колпытина (2007, с. 195–197) отмечают, что моральное требование может осознаваться индивидом как «суровый долг»; но предъявляться оно может всего лишь в форме рекомендации или высказываться как ожидание. Моральная императивность говорит на языке запретов, но не угрожает физическими или организационными ограничениями. Человек исполняет долг бескорыстно, демонстрируя этим свою независимость от данных извне норм и правил.

Важной сущностью ОПР является совесть. В форме ее общество конституировало способность многих людей испытывать негативные эмоции, обусловленные их бескомпромиссной оценкой собственного поведения, что вызывается наличием у них развитых морально-нравственных убеждений. Наличие совести характерно для людей, достигших высокого уровня личностного развития, хорошо знающих, что такое добро и зло, понимающих свои нравственные обязанности и чувствующих ответственность за свое поведение.

Совесть проявляется в форме чувства удовлетворения или раскаяния, вины и беспокойства (так называемые угрызения и муки совести), а также желания изменить, исправить содеянное, обусловленных репрезентациями соответствия или несоответствия собственных совершенных действий,

имеющихся мыслей и желаний собственным морально-нравственным представлениям о должных действиях, мыслях и желаниях.

Р. Г. Апресян и М. В. Колпытина (2007, с. 195–197) обращают внимание на различия между совестью и стыдом. Человек, испытывающий стыд, осознает несоответствие своего поведения (а также поведения близких и причастных к нему людей) некоторым принятым нормам или ожиданиям окружающих и испытывает от этого чувство вины. Стыд полностью сориентирован на мнение других лиц, которые могут выразить свое осуждение по поводу нарушения норм, и он тем сильнее, чем важнее и значимее для человека эти лица. Наоборот, совесть требует быть честным даже в том случае, если тайное не станет явным, если о нечестности не узнает никто.

Стыд — это тоже сформированная людьми сущность ОНР. В ней конституировано появление в сознании человека специфического негативного эмоционального переживания, обусловленного чувственно-вербальной репрезентацией совершенного им или его близкими действия, противоречащего, по его мнению, социальным нормам, а потому расцениваемого им как неуместное или неадекватное, как его несостоятельность или неумелость, как унижение перед людьми, и вызывающего у него мысли о совершенной им ошибке или собственной дискредитации в глазах людей, о возникшем теперь расхождении между его самомнением и мнением о нем других людей.

Объекты ОНР, которые отождествляются в том числе с конкретными людьми, имеют для членов общества разную значимость и ценность. Они способны в разной степени влиять на принятие людьми решений, на признание или непризнание людьми истинными определенных вербальных репрезентаций (взглядов, мнений, выводов, оценок и т. д.). Статус в социальной иерархии ОНР дает возможность конкретным людям, отождествляемым со статусными объектами ОНР, подчинять себе других людей и непосредственно руководить их поведением путем отдачи распоряжений и приказов. Способность прямого влияния на других людей конституирована в ОНР с помощью таких ее сущностей, как авторитет, власть и уважение.

Авторитет — сущность ОНР, в форме которой конституирована способность конкретного человека влиять демократическими методами на других людей; внутреннее и добровольное признание окружающими за ним права на принятие ответственного решения в условиях значимой совместной деятельности.

В основе авторитета конкретной личности лежит ее репрезентация в сознании окружающих, которая, образно говоря, в некоторых областях в большей степени соответствует их идеалам, чем репрезентация собствен-

ной личности. То есть неодинаковость, разновеликость репрезентации собственной и чужой личности позволяет человеку признавать авторитет другого.

Власть — очередная сущность ОПР, в форме которой конституирована способность, возможность и право кого-то влиять на поведение других людей с помощью каких-либо средств (авторитета, силы, угрозы применения силы и т. д.) и, навязывая им свою волю, побуждать их выполнять определенные действия независимо от их желания и отношения, даже вопреки их оппозиции и противодействию по отношению к власти. Власть основана на принуждении.

По словам М. Вебера, власть — любая возможность навязать свою волю в рамках социальных отношений вопреки сопротивлению и независимо от того, на чем эта возможность основана (2016, с. 109).

Действительно, сущностью власти являются отношения руководства, господства и подчинения. Она выражается в виде передачи распоряжений (особых вербальных репрезентаций) и реализуется в исполняющем поведении других людей.

Примером сложной сущности ОПР, имеющей отношение к поведению, является этикет. Он объединяет в себе как внешнюю форму принятых в обществе или в группе взаимоотношений между людьми (манера общения, правила учтивости, даже форма одежды и т. д.), так и совокупность правил и норм этого поведения.

Другой сложной сущностью ОПР является такт — совокупность совершаемых или не совершаемых человеком действий, помогающих другим людям сохранять лицо, а также защитная стратегия сохранения собственного лица посредством внимательного и уважительного отношения к другим (В. Л. Николаенко и Л. Г. Николаенко, 2011, с. 477). Вербальные концепты, формирующие некоторые из перечисленных выше сущностей, достаточно аморфны и нередко частично или полностью перекрываются, поэтому отдельные из них порой используются как синонимы¹.

¹ Например, Э. Гидденс так описывает вежливость, этикет и такт: «Многое из того, что называется вежливостью или этикетом, сводится к навыку не замечать поступки, в противном случае чреватые потерей лица. Мы не касаемся эпизодов из прошлого или черт характера человека, которые, будучи упомянутыми, смутили бы его. Если только мы не находимся в компании близких друзей, то воздерживаемся от шуток по поводу лысины, когда знаем, что кое-кто носит паричок. Такт — это своего рода защитный прием, используемый каждым человеком с надеждой на взаимность: его или ее слабости умышленно не выставляют на всеобщее обозрение. Поэтому повседневная жизнь вовсе не идет сама собой. В большинстве случаев мы не задумываемся над тем, что умело сохраняем тщательный и постоянный контроль за выражением лица, позами и движениями тела при взаимодействии с другими людьми» (2005, с. 83).

Я не ставил перед собой задачу рассмотреть главные сущности социальной реальности, а тем более пытаться исправлять варианты их концептуализации, то есть давать им более правильные и исчерпывающие определения, чем имеются в литературе. Тем более что, как я уже писал выше, даже основная сущность социологии — общество — до сих пор не определена так, чтобы ее вербальный концепт устраивал всех исследователей. Я лишь пытался продемонстрировать, что все рассмотренные выше сущности являются конструкциями человеческого сознания, хотя и имеют в окружающем мире множество доступных восприятию референтов.

Человек склонен представлять в форме сущностей самые разные фрагменты мира. В том числе, как отмечалось в начале главы, повторяющиеся сложные формы поведения, психические особенности людей, влияющие на поведение, разные связанные с поведением объекты, явления и факторы.

Из утверждения о том, что некая сущность ОНР сформирована людьми, не следует, что она порождена их фантазией. Люди лишь придают определенную, законченную форму совокупностям собственных репрезентаций, которые, с их точки зрения, исходно тяготеют друг к другу и «готовы» собраться в какое-то единство. Человеческое сознание произвольно оформляет их в некую относительно завершенную и правильную, с его точки зрения, самостоятельную психическую структуру, которую превращают в новую сущность мира (и ОНР).

§ 3. Существует ли Вселенская или Божественная объективность важнейших социальных ценностей?

Вопрос о том, существуют ли объективно человеческие ценности сами по себе, всегда волновал людей. Э. Кассирер, например, задает вопросы: «Существует ли в действительности нечто, подобное объективной теоретической истине, имеется ли в природе то, что прежние поколения называли идеалами нравственности и человечности? Существуют ли объективно некоторые общие этические требования, связывающие всех людей поверх представления об индивидуальности, государстве, национальности?» (1995, с. 114).

Доминировавшие на протяжении тысячелетий человеческие представления о божественной природе и объективном существовании в мире и вне человека морально-нравственных идеалов и ценностей базируются на иудейско-христианской религиозной традиции. И они всегда преобладали в сознании представителей западного мира. Однако со второй половины XIX в. число приверженцев данной точки зрения стало уменьшаться.

М. Вебер (1990, с. 351–352) пишет, например, что лишь догматические по своему характеру секты могут придавать содержанию культурных ценностей достоинство безусловно значимых этических заповедей. Необходимо понять, что смысл мироздания не раскрывается исследованием, каким бы совершенным оно ни было. Мы сами призваны создать этот смысл. «Мировоззрения» никогда не могут быть продуктом развивающегося опытного знания, и, следовательно, высшие идеалы, наиболее нас волнующие, во все времена находят свое выражение лишь в борьбе с иными идеалами, столь же священными для других, как наши для нас.

Из сказанного автором наряду с прочим следует, что нет «безусловно значимых» для всех людей «этических заповедей» и наши «высшие идеалы» ничем не лучше «иных идеалов».

Еще более определенно высказывается на эту тему философ Р. Дж. Бернштейн (R. J. Bernstein, 1978, р. 49), говоря о бездне, которую приоткрыл Ф. Ницше (1844–1900) и в которую заглянул М. Вебер (1864–1920), бездне, «возникающей от осознания того, что наши базовые ценности не могут иметь под собой никакого окончательного рационального основания» (там же).

В. Виндельбанд (2007, с. 123) тоже пишет, что сегодня и здесь нравственным признается нечто иное, чем завтра и там.

Есть, впрочем, и довольно значительная группа исследователей, занимающих менее радикальную позицию. К. Поппер (2000в, с. 362), например, полагает, что на практике никто не принимает полностью моральный или даже эстетический релятивизм. Он считает, что следует сохранить идею истины, превосходящей власть человека. Так как без этой идеи невозможны объективные стандарты исследования; невозможна критика наших предположений, невозможно проникновение в неведомое, невозможен поиск знания.

Так обладают ли наши высшие идеалы и этические заповеди каким-то рациональным основанием и имеют ли они какие-то очевидные связи с окружающим нас природным миром, или же они лишь порождение нашего разума?

Давайте ненадолго отвлечемся и рассмотрим другой вопрос. Фактически все чувственно-вербальные и вербальные репрезентации человека, формирующие картину окружающего его мира, predetermined и обусловлены социально. То есть без участия общества они просто не могут появиться в привычном для нас виде. Способности же к построению вербальных конструкций (вербальное мышление) и конструкций языковых (осмысленная речь) тем более невозможны без общества.

Из сказанного вытекает чрезвычайно важный для психологии вывод. Если появление и развитие человеческого сознания требуют наличия

общества и объективной психической реальности, а последняя нуждается в наличии вербальных психических конструкций, которые не могли сразу взять и появиться, то формирование человеческого сознания филогенетически представляет собой весьма длительный процесс, растянутый во времени на десятки и сотни тысяч лет (возможно, больше). То есть не было первого человека, который родился сразу с огромным вербальным запасом и с таким же вербальным мышлением, как у современных людей.

Наличие объективной психической реальности подтверждает и объясняет тот факт, что, **хоть человеческое сознание и является биологически обусловленным, по сути дела, его развитие и функционирование объясняется социальными причинами и факторами. И если бы не было общества и ОНР, человеческое сознание не смогло бы сформироваться, несмотря на свою биологическую обусловленность.**

В группах первых людей (скорее, предлюдей), обладавших небольшим запасом слов, постепенно формировалось то, что можно назвать зачатками будущей ОНР. Со временем и словарный запас, и ОНР социальных групп увеличивались и расширялись. Параллельно росли и менялись возможности вербального мышления, то есть менялся сам человек. Причем, вероятно, одновременно жили разные группы людей, которые находились на разных стадиях психического развития в том числе потому, что имели развитую в разной степени ОНР.

По-видимому, огромную роль в формировании человеческого разума сыграл естественный отбор особей, готовых к сотрудничеству и способных создавать прочные сообщества. Именно **сообщества помогли нашим предкам сформировать ОНР и особый тип вербального интеллекта.**

Это сочетается с гипотезой эволюционного психолога Р. Данбара (R. I. M. Dunbar, 2009, р. 21–26), анализировавшего относительный размер мозга разных животных и обнаружившего, что чем крупнее у животного мозг по отношению к размерам тела, тем более крупными структурированными группами оно живет и тем более значительными социальными навыками обладает¹.

Автор (там же) утверждает, что, когда размер социальной группы увеличивается, количество различных отношений в группе может увеличиться на порядки. Шимпанзе живут группами примерно по 50 особей, в то время как у людей круг общения обычно составляет около 150 человек, что также является типичным размером социальных сообществ в небольших обще-

¹ Впрочем, не исключено, что зависимость здесь обратная — чем большими группами живут животные, тем относительно больше их мозг.

ствах и личных социальных сетях. Согласно гипотезе социального мозга, когда гоминиды начали жить большими группами, отбор способствовал повышению их интеллекта.

Не будем спекулировать по поводу того, что является следствием увеличения мозга наших предков — формирование ОПР или жизнь в больших группах. Для нас важно лишь то, что именно последняя содействовала формированию ОПР и вербального мышления.

Из сказанного вытекает, что **наличие общества критически важно для появления человека разумного**. Есть еще одно фундаментальное обстоятельство — **общество всегда инстинктивно стремилось защитить себя, всячески стимулируя появление и развитие у своих членов морально-нравственных качеств. Их наличие действительно жизненный приоритет и важнейшая необходимость для общества, а следовательно, в конечном счете и для каждого его члена**.

Все мы тем не менее подспудно все же считаем роль общества в нашей жизни скорее негативной, чем позитивной, не вербализуя явно данный факт. Общество нас «ограничивает», «давит», «не ценит», «принуждает» и т. д. В ОПР сформировалось устойчивое мнение, поддерживаемое множеством широко известных произведений литературы и даже хорошо аргументированных научных трудов, согласно которому общество играет в жизни конкретного человека во многом негативную роль. Оно подавляет его волю, индивидуальность, «прекрасные порывы» его души, угнетает его, загоняет в «подполье» его желания, заставляет делать то, что противоречит его внутренним побуждениям, навязывает свои требования, нормы и правила, в целом определяет его судьбу и т. д. И такое мнение во многом вполне оправданно.

Но только ли негативную роль играет общество на самом деле?

Ч. Х. Кули, например, пишет: «Право, государство, традиционный кодекс добра и зла — все это связано с личностью так, как седой отец связан со своим ребенком. Как бы они ни обветшали и как бы ни были ожесточены конфликтом, они всё же сильны, мудры и добры, и мы в большинстве случаев поступаем правильно, когда им подчиняемся» (2019, с. 92).

Тот факт, что проявления в поведении членов общества моральности, нравственности, совести, доброты и других социально позитивных характеристик взращиваются и всячески поддерживаются обществом, не вызывает сомнения. Как и то обстоятельство, что в разных обществах все они имеют выраженную специфику. Не менее очевидно, что перечисленные выше сущности ОПР были конституированы не на пустом месте. Они имеют в жизни референты, всячески лелеемые и поощряемые обществом, так как

те являются необходимыми для его выживания. То есть **все человеческие ценности относятся к жизненно необходимым людям для их собственного выживания и развития.**

Стоит еще раз напомнить о двойственной биосоциальной природе человека и о принципиальной важности, точнее, абсолютной необходимости общества и ОНР для формирования индивидуального человеческого сознания. Из этого вытекает ключевое следствие — **сущности, играющие охраняющую и сберегающую общество роль, играют ту же роль в отношении конкретного индивидуума. То есть мораль, нравственность, совесть, доброта и другие сущности социопозитивного ряда, конституированные обществом и пребывающие в ОНР, но имеющие референты в мире, жизненно важны для выживания не только общества, но и каждого его члена.**

Поэтому мы с полным основанием не только можем, но и должны сказать, что **наши высшие идеалы и этические заповеди имеют более чем серьезное рациональное основание в физической реальности. То есть они жестко обусловлены окружающим миром. И уж точно они совершенно необходимы для нашего выживания в нем. Они не только важны и нужны, но и объективны и даже независимы от каждого конкретного индивидуума. Если мы не будем моральны, нравственны и добры, мы просто вымрем, уничтожив друг друга.**

Тезисы

1. Социальная реальность не является чем-то третьим и самостоятельным наряду с физической и психической реальностями. Она вторична по отношению к ним и сама состоит из двух частей — физической и психической. То есть социальная реальность не исчерпывается социальной частью ОНР, так как, кроме последней, в нее входит и составляет важнейшую ее часть поведение членов общества.
2. Психическая составляющая социальной реальности эквивалентна социальной области ОНР. Она включает в себя совокупность преимущественно вербальных репрезентаций социального мироустройства, доминирующих в сознании членов данного общества.
3. Физическая составляющая социальной реальности представлена физическими действиями — поведением членов общества, обусловленным имеющимися в их психике сходными репрезентациями социальной части их общей ОНР и их общей уверенностью в несомненном и независимом от них наличии в мире социальных сущностей.

4. Доступное восприятию каждого индивидуума вербальное и невербальное поведение окружающих является, с одной стороны, фрагментом физической реальности, так как люди воздействуют друг на друга физически, в физическом мире и с помощью физических тел. С другой стороны, их физические действия, будучи максимально эффективным средством воздействия, представляют собой второй главный компонент реальности социальной.
5. Физические действия членов общества, пусть и обусловленные только их субъективной верой в несомненное наличие вокруг них независимой от них социальной реальности, не только придают социальной области ОПР объективность, вещественность, бесспорную достоверность и физическую очевидность, но и постоянно легитимируют и верифицируют в глазах каждого индивидуума представленный и в его сознании социальный мир.
6. Поведение людей, даже обусловленное их верой в несомненное наличие вокруг них объективной социальной реальности, не относится к ОПР, но прямо зависит от нее и само на нее влияет.
7. Формы и способы наказания и поощрения обществом своих членов тоже реализуются через физические механизмы, так как даже слова являются искусственными физическими объектами, пусть и имеющими дополнительные психические смыслы.
8. Общество создает множество вербальных психических конструкций, регулирующих поведение его членов, и принуждает их действовать в соответствии с этими своими «инструкциями». Такие регулятивные вербальные конструкции, будучи репрезентациями приемлемого и неприемлемого для общества поведения, а также форм и способов наказания и поощрения обществом своих членов, присутствуют в сознании большинства людей и представляют собой важную часть сходного объективного психического содержания их сознания.
9. Наши предшественники конституировали ряд важных сущностей ОПР, имеющих отношение к поведению людей и его регулированию обществом, — закон, долг, власть, авторитет, вежливость и др. Такие социально-позитивные сущности, как мораль, нравственность, альтруизм, совесть, стыд и т. д., представляют собой не просто фантазии людей. Они имеют в окружающем мире референты и жизненно важны для формирования и функционирования общества, а в конечном счете и для выживания каждого конкретного человека.

Глава 2.2.3. Действия и события в ОПр

Понятие *социальное действие* введено М. Вебером (1990). Он (2021, с. 332) называет социальным такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него. М. Вебер (2021, с. 359) пишет, что социальное действие, включая невмешательство или терпеливое принятие, может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других. Оно может быть мстью за прошлое, защитой в настоящем или защитой от грозящей опасности в будущем.

Э. Сепир (1993, с. 133–134) полагает, что любое действие может быть рассмотрено либо как чисто функциональное в прямом смысле слова, либо как символическое, либо как совмещающее в себе оба этих плана. Если я толкаю дверь, намереваясь войти в дом, смысл данного действия заключается непосредственно в том, чтобы обеспечить свободный вход. Но если я стучусь в дверь, хотя стук сам по себе еще не открывает передо мной дверей, он служит знаком того, что кто-то должен прийти и открыть мне дверь.

А. Шюц (A. Schütz, 1962, р. 48–66) относит к социальным действиям сознательное воздержание от действия. Например, отказ продавать определенные товары по установленной цене является таким же экономическим действием, как и их продажа.

Р. Харре (2006, с. 121) пишет, что в социальном мире ничто не возникает до тех пор, пока не будет введено в этот мир социальным конструирующим действием человека. Под последним он понимает действие отнесения конкретной сущности к определенной категории, например причисление некоего жеста к разряду приветственных, некой произнесенной словесной формы — к акту вынесения смертного приговора и т. д.

Пример социального действия приводит У. Пиц: «В романе Джона Гришэма... адвокат говорит мальчику: “Технически ты должен мне что-то заплатить в качестве предварительного гонорара, и, как только ты это сделаешь, я стану твоим представителем”. Хотя адвокат принимает доллар, она не рассматривает его в качестве предоплаты за будущие услуги. Это лишь техническое требование для установления контрактных отношений. Понимая, как много значит доллар для ребенка, она пытается вернуть его, не задев гордости мальчика — ведь он “нанял” себе адвоката (Grisham, 1993, р. 113). ...Мальчик не передает доллар из рук в руки. Он просто кладет его на стол перед ней. В англо-американской правовой системе этого вполне достаточно. Для контракта, имеющего исковую силу, важно то, что человек, получивший обещание — в данном случае обещание юридического

представительства, — “разлучается” с некоторой обладающей стоимостью вещью, находящейся в его распоряжении. Человек, давший обещание, не обязательно становится обладателем этой вещи (в нашем случае — бумажной банкноты), достаточно того, что он соглашается с ее отчуждением как с приемлемым вознаграждением. Вознаграждение представляет собой социальный факт, порожденный добровольным отчуждением обладающего стоимостью материального предмета» (2006, с. 249–250).

Из сказанного мы можем заключить, что люди способны вступать в некие нефизические отношения друг с другом и совершать разные нефизические действия, очевидные для других людей. Следовательно, действия (изменения) могут происходить и в физической, и в объективной психической реальности. Я не использую понятие *социальное действие* М. Вебера (1990), так как, во-первых, оно не совпадает с моим понятием *действие в ОПР*. Во-вторых, понятие *социальное действие* в психологии сейчас вообще потеряло какую-либо четкость.

В стаде антилоп или даже в стае волков все действия индивидуумов происходят только в физическом мире — угрожающие позы, звуки, движения, схватка, бегство или гибель кого-то и т. д. Хотя даже у животных многие их действия часто носят сигнальный характер и наполнены множеством понятных животным смыслов. Но действия людей не просто наполнены разнообразными смыслами. **Огромная часть действий людей вообще происходит не в физической, а в психической реальности.**

Б. Латур (2006, с. 182) замечает, что взаимодействие людей, в отличие от социального взаимодействия обезьян, всегда кажется более размытым. Нет ни одновременности, ни непрерывности, ни гомогенности. Взаимодействие людей не ограничивается их телами, присутствующими в одном времени и пространстве, связанными взаимным вниманием и общей деятельностью. Для понимания человеческого взаимодействия приходится обращаться к другим элементам, другому времени, другим местам и другим акторам.

Д. Майерс (2001, с. 571) пишет, ссылаясь на Фoa (Foa & Foa, 1975), что люди обмениваются не только материальными благами и деньгами, но и социальными товарами — любовью, услугами, информацией, статусом.

Г. К. Триандис (2007, с. 37) тоже отмечает, что люди, взаимодействуя друг с другом при помощи языка, достигают соглашений, разрабатывают определенные концепции, создают каналы функционирования информации, вырабатывают символы, критерии оценки, модели поведения, интеллектуальные, моральные и эстетические стандарты, создают науку, религию и социальные структуры (например, институт брака, воспитания детей,

наследования, социального контроля, культуры, спорта и развлечений), системы управления, принципы ведения войны, формулируют ожидание представления в отношении правильного поведения, степени его функциональности и эффективности.

Можно дополнить, что **коммуникация между людьми предполагает не только и даже не столько их телесное взаимодействие. Она предполагает и опосредованный словами контакт их сознаний, сопровождающийся изменением их актуального психического содержания и их субъективных репрезентаций окружающего мира.** Общаясь и действуя в физической реальности здесь и сейчас, но мысленно манипулируя разными объектами и сущностями в рамках общей для них ОНР, люди могут переноситься в ней в другое время и в разные места. Они способны изменять ее объекты и саму локальную ОНР.

И все же что такое действие в объективной психической реальности?

Действие в ОНР — это действие объекта ОНР в самой ОНР, приводящее обычно к изменению ОНР. Например, победа в шахматном матче на звание чемпиона мира, объявление войны или мира, женитьба футбольного кумира, разрыв дипломатических отношений, инаугурация президента, отречение короля от престола, денежная реформа, установление обменного курса национальной валюты, вынесение приговора судом, назначение на должность, заключение договора и прочее и прочее.

Нечто может превращаться в событие объективной психической реальности, если вызывает всеобщий интерес или приобретает социальную значимость, а главное — статус реального факта, пусть и психического. Например, назначение премьер-министра или развод популярного артиста.

Человек живет и действует не только в физической реальности, как принято считать, а еще и в ОНР, которая выходит далеко за рамки окружающей его физической реальности. **Огромное число наших действий, которые кажутся здравому смыслу несомненно физическими, на самом деле являются действиями в ОНР.** Для того чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть, например, деятельность нотариуса или адвоката.

В чем она заключается?

Физическая деятельность обоих состоит из разговоров и нанесения знаков на листы бумаги. Но очевидно, что их же деятельность в ОНР представляет собой нечто совершенно иное. Нотариус составляет договоры, купчие, оформляет сделки, доверенности, завещания и т. д., а адвокат отстаивает интересы других людей в особых судебных событиях ОНР. Все эти их действия происходят не в физической, а в объективной психической реальности, общей для участников.

Кстати, нотариус или участники судебного заседания своими действиями не меняют ОПР общества в целом. Они меняют только личные ОПР участвующих в этих процессах людей. Однако если другие люди знакомятся с результатами действий нотариуса или участников судебного заседания, то меняется и соответствующий фрагмент уже их личной ОПР.

Действия в ОПР обычно сопровождаются физическими действиями людей в физической реальности. При этом, говоря метафорически, возникают никак не пересекающиеся ножницы — действия в физическом мире одни, а действия в ОПР — другие. Например, в феврале 1991 года в физической реальности в России был опубликован закон¹ об отмене практики перехода на зимнее и летнее время начиная с осени 2011 г. Ночью на 27 марта 2011 года россияне в физической же реальности перевели часы на постоянное летнее время, что сопровождалось в ОПР изменением одного из ее главных объектов и привело к радикальным переменам существенной ее части.

Действия в физической реальности порой достаточно трудно отличить от действий в ОПР, потому что они сопровождают друг друга. Физические действия происходят в физической реальности, имеют в ней причины и вызывают в ней же последствия. Например, в физической реальности происходят следующие не связанные друг с другом действия: 1) грузовик врезался в легковой автомобиль, пассажир которого погиб; 2) двое людей составили и подписали бумагу; 3) человек А запер в особом помещении человека Б; 4) человек столкнул с подставки вазу, она упала на пол и разбилась.

Эти же физические действия сопровождаются иными действиями совершенно иных объектов в ОПР и вызывают иные последствия в ней: 1) совершено покушение на премьер-министра, и он погиб в автокатастрофе; 2) подписан договор поставки продукции; 3) охранник поместил осужденного в карцер; 4) в результате неправильной организации хранения в музее посетителем уничтожен раритет эпохи Мин — фарфоровая ваза.

Главные различия между физическими действиями и действиями в ОПР заключаются в том, что первые люди могут воспринимать, тогда как о вторых они только узнают из языковых сообщений других людей.

Очень часто именно действия объектов ОПР, происходящие в ней, являются приоритетными для людей. Такие действия (принесение присяги, крещение, заключение мира, награждение, капитуляция, инаугурация и т. д.) обычно сопровождаются доступными восприятию и как бы параллельными физическими действиями.

¹ Постановление Кабинета Министров СССР от 4 февраля 1991 года № 20.

Завершенные действия в ОНР превращаются в ее события. События, случившиеся в ОНР, могут приводить к новым изменениям и в ней, и параллельно — в физическом мире. Например (см. выше): 1) после убийства прежнего премьер-министра назначен новый, упал курс национальной валюты, на фондовой бирже паника; 2) для выполнения договора поставки запланировано расширение производства, увеличен штат сотрудников; 3) общество выступило против применения жестких мер к политзаключенному; 4) руководителя отдела Востока уволили из музея за халатность и т. д.

Узнавая о действиях, происходящих в объективной психической реальности, люди сами нередко отвечают на них новыми действиями в ней же. Если, например, правительство получает вотум недоверия в парламенте, то другие люди могут начать покупать или продавать национальную валюту, переводить деньги за границу, покупать или продавать акции на бирже и т. д.

Одни и те же физические действия могут иметь совершенно разные смыслы в разных ОНР.

Совершает ли вообще человек чисто физические действия?

Да, физиологические отправления, автоматизированные действия и некоторые другие. Однако, по-видимому, **большинство человеческих действий следует рассматривать и как физические, и как действия в ОНР.**

Существуют ли действия, происходящие только в ОНР?

Видимо, нет. Действия в ОНР всегда сопровождаются какими-то физическими действиями. **Многие физические действия поэтому исходно имеют основное (главное) значение именно в ОНР, то есть являются символическими так же, как слова или символические предметы.**

Действия в ОНР могут совершать только ее же объекты — отдельные имеющие социальный статус люди, социальные институты, группы лиц, целые общества и государства, другие социальные сущности. Например: футболист К. Роналдо принес победу клубу, ФРС сохранила ставку, радикалы увеличили свою активность, армянская диаспора выступила против, Грузия начала военные действия, средняя пенсия в России за год выросла на 100 рублей, ипотечная ставка понизилась, долг России уменьшился, власть в стране укрепилась и на улицы ее городов пришел порядок и т. д.

Являются ли, например, выборы событием, происходящим в физической реальности, как представляется очевидным здравому смыслу?

Безусловно, выборы включают в себя многообразные физические действия, происходящие в физической реальности. Люди приходят в определенные места и совершают физические действия с бумажными листами или специальными устройствами. Тем не менее данные физические

манипуляции не являются собственно выборами. Последние происходят в объективной психической реальности. Именно действия и последующие изменения в ней имеют гораздо более важный для людей смысл, чем их действия в реальности физической и последующие ее изменения.

Так, появление, например, нового парламента — это в первую очередь акт, происходящий в объективной психической реальности, и во вторую очередь это уже событие реальности материальной, в которой группа людей собирается в определенном месте, рассаживается и начинает что-то обсуждать и голосовать. Только в объективной психической реальности эта группа людей превращается в парламент, действия которого тоже являются актами и объектами объективной психической реальности.

Где же происходят выборы и где один кандидат опережает другого?

Очевидно, что не в физической реальности. Все это происходит в ОПР, но сопровождается действиями в физической реальности, которые как бы обеспечивают действия в ОПР.

Физическая реальность и объективная психическая реальность связаны сложными двухсторонними отношениями. События в одной порождают события в другой и наоборот. Это как бы два слоя одной общей реальности, порождаемой в человеческом сознании взаимодействием человеческих тел с окружающей «реальностью в себе».

Итак, есть действия, протекающие главным образом в объективной психической реальности (назначение на должность, отрешение от власти, принятие наследства), которые сопровождаются обычно разнообразными физическими действиями. Есть действия, протекающие одновременно и в объективной психической реальности, и в физической реальности (публичное наказание, награждение, возвращение долга). Наконец, есть действия, протекающие преимущественно в физической реальности (бег, падение, плавание).

Существуют разные действия: психическое действие (подумал), психомоторное действие (сказал), физическое действие (упал) и действие в общей объективной психической реальности, изменяющее ее (отрекся, наградил, назначил, унизил и т. д.), сопровождающееся физическим действием (сказал, написал, сделал нечто).

Под действием в ОПР не имеется в виду акт речи или письма, а понимается особое психическое действие человека, меняющее общую ОПР, а потому очевидное для других людей и отличающееся для них и от самого акта речи, и от акта мышления. Если бы человек просто подумал или подумал и сказал, но так, что его не слышали другие, не было бы его действия в объективной психической реальности. Хотя было бы его психическое действие (он подумал) и даже действие физическое (сказал).

Действие в ОНР происходит лишь тогда, когда многие люди одновременно интериоризируют чью-то языковую конструкцию или воспринимают изменения физической реальности, которые меняют их личную объективную психическую реальность. То есть психическое действие в ОНР осуществляется кем-то или чем-то, но как бы в сознании других людей.

Далеко не всякая произнесенная фраза или написанное предложение становится действием в объективной психической реальности. Например, кто-то может заявить: «Теперь я — президент России». Однако никакого действия в объективной психической реальности не произойдет, потому что последнее происходит лишь в сознании людей, которые восприняли чье-то высказывание как новую истинную репрезентацию реальности. И эта новая истина меняет их психическую реальность. Без изменения ОНР нет действия в объективной психической реальности.

Только если люди восприняли чье-то высказывание как достоверную репрезентацию какого-то элемента мира, в их объективной психической реальности происходит действие, меняющее ее, появляется его результат. Президент сменяется тогда, когда люди признают, например, результаты выборов, на которых он победил, как верную репрезентацию окружающего или смиряются с фальсификацией выборов и силовым захватом власти, принимая случившееся как неизбежную реальность.

Для того **чтобы изменить ОНР общества, человек должен иметь в его объективной психической реальности определенный и общепризнанный статус, то есть должен быть объектом ОНР — полицейским, министром, врачом, чиновником, командиром, отцом и т. п.** Например, выкрики «Виновен!» из зала суда: ничего не меняют в объективной психической реальности общества. Тогда как заявление «Виновен!» присяжных или судьи: резко и радикально меняет ее.

Н. А. Бердяев пишет: «Величайшая трагедия человеческого существования порождается тем, что акт, совершенный в мгновении настоящего, связывает на будущее, на всю жизнь, может быть, на вечность. Это и есть ужас объективации совершенного акта, который сам по себе такой объективации не имел в виду, с этим связана проблема обетов, обетов верности, обетов монашеских, обетов брачных, обетов в орденах и др. Это и есть проблема судьбы, проецированной в будущее» (2003, с. 113).

Здесь автор приводит пример того, как действия и изменения, протекающие в нашей физической жизни, как вроде бы кажется очевидным, трансформируются вдруг в события объективной психической реальности, как происходит их «объективация». Как психический «акт» «связывает» человека «на всю жизнь», «даже на вечность».

Впрочем, изменения в личных ОПР у членов человеческих микрогрупп могут возникать при действиях любого из них, затрагивая именно этот групповой фрагмент ОПР. Причем подобные изменения обычно играют в жизни людей гораздо более важную роль, чем глобальные события в ОПР всего общества. Например, физическое действие кого-то из членов семьи — сексуальный телесный контакт на стороне — радикально трансформирует репрезентацию собственной семьи в личной ОПР другого партнера и порождает множество психических и физических последствий.

Изменения в групповых и микрогрупповых фрагментах личной ОПР осуществляются тоже статусными объектами этих реальностей, такими как муж, жена, сын, друг, сосед, партнер и т. д. В этих фрагментах особенно легко, наглядно и быстро происходят изменения в результате действий их объектов: подруга обманула, сосед присвоил, друг помог, сын не оправдал ожиданий, партнеры по-разному понимают ситуацию. И эти изменения в локальной ОПР особенно значимы для людей.

Некоторые наши понятия имеют смысл лишь в рамках объективной психической реальности. Например, понятие *приказ*.

Можно ли отдавать приказы и выполнять их, не пребывая мысленно в рамках понятной и несомненной для всех участников событий общей для них объективной психической реальности?

Очевидно, что нет. Потому что приказывать может либо старший по статусу, либо представитель власти, либо авторитетный человек, но само это старшинство является атрибутом объективной психической реальности.

Изобретения, открытия, создание новых сущностей, все значимые достижения культуры являются событиями ОПР, хотя и сопровождаются действиями в реальности физической и изменениями в ней. Кстати, **самих событий и ситуаций в физической реальности нет. Там есть изменения, которые превращаются в события и ситуации лишь в человеческом сознании и ОПР.** События есть только в ОПР еще и потому, что они всегда существуют во времени, распространяясь из прошлого в настоящее. А время присутствует лишь в ОПР.

Ситуация и событие — очередные сущности, конституированные человеком и пребывающие в ОПР. Событие — это всегда некое изменение, тогда как ситуация — это состояние, некая совокупность связей и отношений между многими объектами, зафиксированная человеческим сознанием в какой-то момент времени. В отличие от события ситуация — это скорее срез, репрезентация настоящей, окружающей нас сейчас реальности, в том числе и объективной психической.

Впрочем, возможна и иная трактовка. С. Московичи, например, пишет: «События происходят внезапно, прерывисто, случайно (то есть они кратковременны. — С. П.), ситуация обладает тенденцией к продолжительности, стабильности, принудительности (то есть она более длительна. — С. П.). Событие создает прецедент, ситуация выражает закон» (1998, с. 305).

Но это разговор о терминах, который лишний раз доказывает, что конституирование данных сущностей еще не завершено. Нас же сейчас интересует лишь то, где эти сущности пребывают.

Нередко действие в физической реальности приводит к целому «водопадку» событий, которые следуют за ним в объективной психической реальности.

Р. Эриксон и К. Хэггерти (цит. по: Э. Гидденс, 2005, с. 197–198) приводят, например, в своей книге (R. V. Ericson, K. D. Haggerty, 1997) интересные наблюдения о том, что полиция не столько занимается расследованием преступлений, сколько предоставляет информацию другим социальным институтам. В книге рассматривается конкретная автомобильная авария, затронувшая две машины. Ее участники получили незначительные травмы. Один из водителей был пьян. Само расследование заняло один час. После чего полицейские написали 16 различных рапортов, документируя происшествие, и потратили на это около трех часов¹.

Следовательно, лишь час полицейские занимались собственно физическим действием — столкновением машин и еще три часа формировали разные части специфического фрагмента ОНР для разных социальных институтов.

В ОНР присутствуют довольно необычные сущности: обязанность, обязательство, обещание, запрет, владение, доверие, требование, право и т. п. Например, кандидат в президенты может объявить перед выборами, что он собирается в случае победы сделать что-то и обязуется сделать нечто еще.

Чем намерение и обязательство отличаются друг от друга?

Первое является лишь сообщением о неких планах кандидата по поводу его возможных будущих действий. Второе представляет собой взятие им на себя в ОНР неких обязанностей перед членами группы или

¹ Авторы перечисляют заинтересованных потребителей информации об аварии: отдел регистрации автомобилей — информация о месте дорожно-транспортного происшествия, об автомобилях и людях, которые в нем участвовали; автомобильная промышленность — информация об автомобилях, попавших в аварию; страховые компании — информация о дорожно-транспортном происшествии для определения ответственности и назначения страховых премий; система здравоохранения — информация о травмах и о том, как они были получены; суды по уголовным делам — информация от полиции для судебного преследования и доказательств; полицейское управление — информация об инциденте и т. д.

обществом в целом. И намерения, и обязательства кандидата, будучи озвученными им, сохраняются в ОПР. Пытаясь разобраться в том, что собой представляют такие явления, как требование и обязательство, А. Райнах (2006, с. 552) замечает, что «они не есть ничто», так как нельзя устранить ничто, отказавшись от него, или отрехшись от него, или исполнив его. В то же время они не могут быть подведены ни под одну из привычных нам категорий. Они не представляют собой чего-то физического. Скорее, можно попытаться назвать их чем-то психическим и отнести к области переживаний. Но как может требование или обязательство в неизменном виде длиться годами?

Автор говорит о наличии «своеобразных идейных предметов», существующих наряду с психическими и физическими (2006, с. 552). Он спрашивает: «...что может измениться... в силу того, что я оповещаю о своем решении, что я выражаю кому-то другому свое намерение что-то для него сделать?» (2006, с. 564). И сам же сообщает, что предпринимались многочисленные попытки объяснить это, но все они оказались неудачными.

Что же такое обещание, требование и обязательство?

Попробуем разобраться. Рассмотрим, например, обещание человека А подарить человеку Б некую вещь — В. В сознании всех людей, узнающих об этом обещании и верящих в его искренность, появляется психическая конструкция, репрезентирующая будущий факт передачи вещи В от человека А к человеку Б. Эта репрезентация будущего оценивается ее обладателями как нечто ожидаемое и вполне реальное.

Таким образом, *обещание* — понятие, обозначающее, с одной стороны, определенную сущность ОПР, с другой стороны — психическую репрезентацию специфического фрагмента будущего, существующую в сознании людей, знающих о наличии высказанного человеком А суждения — обещания. Соответственно, **обещание и обязательство — это сущности ОПР, представленные сходными психическими конструкциями, присутствующими в сознании людей и репрезентирующими ожидаемые ими в будущем строго определенные события.**

Они одновременно были сформированы в сознании группы осведомленных о них людей неким общим актом, который имел место в объективной психической реальности. Эти сходные репрезентации ожидаемого будущего остаются неизменными в сознании людей на протяжении оговоренного периода времени. В физической реальности могут присутствовать материальные эквиваленты, подтверждающие реальность этих репрезентаций будущего в форме, например, специальных бумажных документов, обозначаемых словами «требование», «обязательство», «распоряжение», «свидетельство о собственности», «доверенность» и т. п.

А. Райнах пишет: «Если отдается распоряжение или высказывается просьба, то вместе с тем что-то изменяется в мире» (2006, с. 572).

Что же изменяется в мире и в каком?

Сама по себе прозвучавшая фраза (или написанное предложение) — это материальные изменения физической реальности. Но они слишком ничтожны и малосущественны. Гораздо более важны и порой намного более существенны изменения, происходящие в содержании сознания людей, слышавших эту фразу или прочитавших текст.

Например, люди узнали, что властями введен комендантский час — запрет на пребывание вне дома в ночные часы. Но запрет — это не материальный объект, а некая психическая сущность. Тем не менее все знают о ее наличии в реальности, и она накладывает на поведение людей совершенно ясные ограничения. В окружающем мире появляется нечто новое, вполне реальное и объективное, совершенно не зависящее от конкретного индивидуума. Хотя фактически оно появилось лишь в его ОНР и в ОНР других членов общества.

В предметном физическом мире этой новой психической сущности — комендантского часа — не появилось. Однако появились некие физические признаки ее наличия в мире. В первую очередь изменилось поведение людей. Они перестали выходить на улицу после 20:00. На улице стали дежурить патрули, задерживающие нарушителей, и т. д. Следовательно, **появление в ОНР новой сущности может менять поведение людей и опосредованно менять физическую реальность.**

Многие великие и выдающиеся люди, жившие ранее и живущие сейчас, стали и объектами ОНР. Они действуют в ней — говорят, учат, советуют, подают пример. Конкретные люди и сейчас приобретают особый статус в ОНР и начинают действовать в ней. Причем для этого не обязательно быть политиками и занимать должности. Общество может присваивать негласный статус объекта ОНР и обычным людям. Примерами этого являются, например, Мать Тереза и доктор Лиза, а также более дискуссионные Грета Тунберг и Джордж Флойд.

Г. Шпет написал в 1927 году в своей книге «Внутренняя форма слова»: «Сама смерть, раз она фигурирует в качестве аргумента, имеет разное значение применительно к антропологическому индивиду и социальному субъекту: физическая смерть первого еще не означает смерти его как социального субъекта. Последний живет, пока не исчезло какое бы то ни было свидетельство его творчества» (2007, с. 483).

Да, у нас действительно есть шанс пережить свою физическую смерть, правда, лишь в ОНР, потому что **мы живем и действуем не только в физическом мире, как привыкли считать, но и в ОНР.** Как пишет М. К. Мамар-

дашили (2015. с. 538), мы все время находимся в пространстве событий — не в пространстве вещей и предметов, а в пространстве событий.

Наши тела, конечно, находятся в пространстве вещей, а вот сознание действительно находится в психическом пространстве событий, конституируемых в том числе и нами в объективной психической реальности.

Тезисы

1. В объективной психической реальности, как и в физическом мире, существуют объекты, действующие в ней, имеющие в ней свойства и отношения, попадающие в разного рода ситуации, участвующие в ее событиях и т. д.
2. Многие сущности, которые мы привыкли считать объектами или явлениями окружающего физического мира, являются объектами объективной психической реальности. Люди, имеющие в обществе формальный или неформальный статус, действуя в ней как ее объекты, тоже могут ее менять.
3. Существуют разные человеческие действия: психические (подумал), психофизические (сказал), физические (упал) и действия в объективной психической реальности (назначил, победил, выиграл). Многие действия являются одновременно и физическими, и действиями в объективной психической реальности.
4. Люди живут и действуют не только в физическом мире, но и в ОПР. Множество действий человека, кажущихся здравому смыслу несомненно физическими, на самом деле являются действиями и в ОПР. Действие в ОПР — это всегда действие объекта ОПР в самой ОПР, приводящее к ее изменению.
5. Многие физические действия исходно имеют основное (главное) значение именно в ОПР, то есть являются символическими, как слова и символические предметы.
6. Под действием в ОПР имеется в виду не акт речи или письма, а особое психическое действие объекта ОПР в сознании людей, меняющее их ОПР, а потому очевидное для них. Если физические действия людей человек способен воспринимать непосредственно, то о действиях объектов ОПР в ней он узнает, либо воспринимая репрезентирующие их вербальные конструкции, либо понимая символическое значение физических действий людей.
7. Действия в ОПР обычно сопровождаются физическими действиями людей в физической реальности. При этом, говоря метафорически, возникают пересекающиеся в одном месте две половинки

ножниц — действия в физическом мире одни, а действия в ОНР — другие¹. Многие физические действия исходно имеют основную (главную) точку приложения именно в ОНР.

8. Физическая реальность и объективная психическая реальность связаны сложными двусторонними отношениями. Изменения в одной порождают изменения в другой и наоборот. Это как бы два слоя одной общей реальности.
9. Событий и ситуаций, а также причин и следствий в физической реальности нет. Там есть только непрерывные изменения, которые превращаются в события и ситуации, причины и следствия лишь в человеческом сознании и ОНР.

¹ Хотя их даже сравнивать нельзя, как невозможно сравнивать кислое с прохладным.

Сущности ОПР, конституирующие психику

Глава 2.3.1. Некоторые важнейшие для психологии сущности

Среди множества сущностей, созданных человеческим сознанием, есть немало таких, само наличие которых в реальности вызывает у исследователей сомнение и стимулирует непрекращающиеся, например, в психологии дискуссии. Впрочем, подобные сущности есть в каждой науке. Психические сущности, сформированные исследователями психики, были конституированы или сконструированы ими, объективизированы, легитимизированы и присутствуют теперь не только в психологии, но и в ОПР, а следовательно, и в нашей повседневной обыденной жизни. Это, однако, не снимает вопроса об их реальности и действительном наличии в человеческой психике.

Здесь мы ограничимся беглым рассмотрением лишь некоторых из них. Сразу оговорюсь, что не предполагаю подробно обсуждать даже основные психические сущности, так как это предмет самостоятельного и более обширного исследования. Давайте попробуем взглянуть на созданные исследователями вербальные конструкции, формирующие лишь некоторые сущности психики.

Душа

Сущность, обозначаемая словом «душа», имела чрезвычайно важное значение в мировоззрении людей на протяжении тысяч лет. Однако развитие психологии привело к отказу от нее. Появились иные, более реальные, как теперь кажется исследователям, психические сущности. Что, впрочем,

не исключает того, что и их постигнет со временем та же судьба. Понятие *душа* считается теперь устаревшим и применяется главным образом в теологии и художественной литературе.

Психика

Можно выделить главные значения термина «психика», то есть основные вербальные концепты, связываемые с данным понятием и представляющие психологам адекватными:

- 1) психика — совокупность всех специфических внутренних субъективных психических явлений, переживаемых человеком на протяжении его жизни, недоступных другим людям и опосредованно изучаемых психологией. В качестве проявлений психики рассматриваются возникающие в субъективном поле организма изменяющиеся во времени психические явления, или феномены, психические процессы, свойства и состояния. Эту совокупность не доступных никому, кроме индивидуума, субъективных репрезентаций окружающего мира и самого организма, осуществляющую внутреннее регулирование его активности в среде обитания, невозможно воспринимать, изучать и оценивать напрямую — непосредственно, как физические объекты и явления, с помощью методов естественных наук. Они доступны лишь интроспекции и опосредованному анализу;
- 2) психика — это процесс активного субъективного репрезентирования «реальности в себе» живым организмом и использования возникающих репрезентаций для регуляции его поведения. Он включает в себя в том числе формирование репрезентаций возможных будущих изменений реальности и обеспечивает приспособление организма к окружающему миру;
- 3) психика — это свойство высокоорганизованных живых организмов и специфическая форма их жизнедеятельности, обеспечивающая их ориентацию и деятельность в окружающем мире, проявляющуюся в том, что их взаимодействие с миром реализуется посредством психических явлений, процессов, актов и состояний, качественно отличных от физиологических (биологических) изменений в мозге, но тесно с ними связанных.

По мнению А. Ребера (2001а, с. 139), представление о психике как о множестве гипотетических процессов и действий стало доминирующим в последние годы.

При таком понимании психики психологи репрезентируют ее в двух плоскостях — в длящемся времени и в настоящий момент. Многие психические феномены, сформированные исследователями, требуют достаточно продолжительного времени для своего возникновения и протекания, а потому возможны лишь в психике, развернутой во времени. Однако длящееся время существует лишь в нашем сознании.

Следовательно, если рассматривать психику не как нечто присутствующее только в субъективном психическом настоящем времени, а как процесс, то из реально присутствующей здесь и сейчас сущности она превращается в некий интеллектуально конституированный объект. Последний лишь имеет референты в существующей в каждый настоящий момент реальности, но его нельзя в ней найти:

Есть и другие определения психики, имеющие меньшее значение или утратившие его. Например, такие.

Психика — это то же, что и поведение (Л. С. Выготский, 2004). Данная бихевиористская точка зрения может иметь сейчас только исторический интерес.

Психика — это эквивалент мозга. По мнению А. Ребера (2001а, с. 139), это определение восходит к У. Джеймсу (1842–1910). Но рассматривать его всерьез невозможно, так как психика и мозг совершенно разные сущности.

Будучи сущностью, конституированной исследователями для объяснения повсеместно встречающихся у животных и людей сложных субъективных феноменов, проявляющихся в их поведении, психика тем не менее до сих пор рассматривается одними из них как сущность, объясняющая очевидный факт наличия субъективной реальности, а другими — лишь как удобная биологическая метафора, описывающая проявления еще не понятых нейрофизиологических процессов мозга.

Психика включает в себя несколько групп репрезентаций, сосуществующих в ней или сменяющих друг друга на протяжении небольших периодов времени:

- 1) репрезентации окружающего мира, складывающиеся из двух составляющих: а) актуальных образов восприятия мира и б) образов его воспоминания и представления. Последние формируют то, что можно назвать глобальной моделью-репрезентацией мира;
- 2) репрезентации тела в виде множества переживаемых ощущений от собственного тела, в том числе эмоций и желаний, а также образов (зрительных, слуховых и тактильных) восприятия и представления частей тела. Они формируют то, что можно назвать глобальной моделью-репрезентацией собственного тела;

- 3) активное и действующее «я»;
- 4) нечто вроде преимущественно вербального «телетайпа» — упорядоченная последовательность вербальных конструкций и отдельных понятий, сменяющих друг друга и адекватно репрезентирующих окружающий мир. Это совокупность внутренних оценок, мнений, комментариев, выводов и т. д. Вербальный «телетайп» может иллюстрироваться чувственными образами воспоминания и представления.

В психике в ее настоящем времени могут одновременно присутствовать разные мгновенные ментальные образы (восприятия, представления и воспоминания). Например, актуальные образы восприятия физического объекта или предмета сочетаются с моделью-репрезентацией иных объектов, ситуации и т. д. Нередко сочетаются друг с другом разные образы (зрительные, вербальные, тактильные) и ощущения, а также образы и понятия. Интроспекция не позволяет сказать, присутствуют ли они в сознании буквально одновременно или сменяют друг друга в течение десятков миллисекунд.

Сознание либо есть, либо его нет. Вместе с ним имеются или отсутствуют психические явления и «я». Это свидетельствует об их неразрывном единстве. При этом само содержание психики отчетливо распадается на множество феноменов, каждый из которых в разной степени понятен субъекту.

Физик и эколог Ф. Капра и биохимик П. Ф. Луизи (2020, с. 270) высказывают правильную мысль о том, что разум не трансцендентен по отношению к телу, как было принято считать. Они отмечают, что еще в 1970-е гг. некоторые ученые-когнитивисты признали разум и сознание не «вещами», а когнитивными процессами. Позже было показано, что на проявления разума оказывают принципиально важное влияние мельчайшие детали строения человеческих тел и мозга, а также телесный опыт. Сама структура разума возникает из структуры тела и мозга. То есть разум по самой своей сути воплощен в теле.

Они вспоминают работу Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2004), которые доказывают, что само человеческое восприятие зависит, например, от проекций нашего телесного опыта. Наше тело определяет фундаментальные пространственные отношения, которые мы используем не только для своей собственной ориентации, но и при восприятии отношений между внешними объектами. Большинство наших мыслей носят метафорический характер. Метафоры позволяют распространить наши «воплощенные понятия» на абстрактные теоретические области. Например, когда мы

говорим: «Я не могу ухватить суть» или «Это выше моего понимания», мы применяем в рассуждении о понимании идей опыт нашего тела, умеющего хватать объекты.

Из сказанного авторами, как и из многих других фактов, следует, что душа (читай психика) не способна существовать вне тела. То есть **психика не является самостоятельной трансцендентной сущностью, лишь случайно связанной с телом. Она совершенно во всем жестко зависит от тела, а потому и погибает вместе с телом, когда оно разрушается от старости и болезней. По крайней мере все хранящиеся в памяти субъективные репрезентации исчезают в результате гибели мозга. Следовательно, уникальная личность, которая формируется с их участием на протяжении жизни человека, не может сохраниться после гибели тела.**

Вместе с тем из неразрывного единства тела и психики вовсе не следует единства, а тем более тождественности их феноменов. Совершенно нелепы поэтому утверждения, что «мозг мыслит», например, или «мозг аналогичен психике и сознанию». Впрочем, столь же неадекватным мне представляется дихотомический подход к исследованию человека, предполагающий разделение его на идеальные психику и сознание, с одной стороны, и материальное тело — с другой. Такой подход ведет в итоге в тупик.

Человек — это единство сознания и тела, в котором уникальное сознание порождается уникальным телом. Сами так называемые активность, спонтанность и произвольность сознания обеспечиваются активно действующим телом. Сознание лишь репрезентирует эту активность, проецируя ее на себя и расценивая как свою собственную.

Организм человека репрезентирует себя в создаваемой им психической реальности в форме самоощущения (ощущения «я») — совокупности ощущений от тела и психики. Организм живет в «реальности в себе», а его собственная репрезентация — «я» — пребывает в психической репрезентации этой «реальности в себе».

«Я»

«Я» — это чувственно конституированная исследователями психическая сущность, присутствующая в психике каждого человека и включающая в себя следующие составляющие:

- суммарное чувственное ощущение от тела и психики;
- ощущение собственной единичности и совершенной уникальности;
- ощущение абсолютной изолированности от чужой психики при наличии доступа к собственной психике и телу;

- ощущение себя и своего существования в качестве живого, бытийствующего существа;
- ощущение себя в качестве чего-то противостоящего психическим репрезентациям окружающего мира, которые при этом как бы даны «я» (вероятно, в основе этого лежит реальное противостояние тела, обладающего органами чувств и мозгом, окружающему миру);
- ощущение субъективного переживания психических феноменов; они не просто даны моему «я», но «я» их переживаю;
- ощущение самостоятельности и отделенности собственного «я» от мира и даже от тела (при рациональном понимании неадекватности этой самостоятельности и реальной зависимости «я» от тела);
- ощущение принадлежности «я» психики и тела и их подчиненности «я»; при этом они не просто принадлежат «я», но их репрезентации являются важнейшими частями «я»;
- ощущение собственной активности, произвольности и способности воспринимать, думать, оценивать, управлять телом и некоторыми собственными психическими феноменами (вероятно, обусловленное тем, что «я» в большой степени представлено репрезентациями собственных активно действующих тела и психики);
- ощущение собственной идентичности и тождественности во времени.

«Я» субъективно воспринимается как некий организующий центр психики, нечто, которому доступно хорошо упорядоченное знание о себе в виде воспоминаний о своем длительном существовании в мире и этом теле.

Можно ли сказать, что «я» — это репрезентация собственной психики и тела?

Видимо, да. Хотя скорее «я» можно назвать репрезентацией активного, действующего, живущего организма, состоящего из тела и психики. И именно действенная активность живого функционирующего организма, репрезентируемая психикой в форме «я», придает «я» ощущение собственной активности, произвольности и способности воспринимать, думать, оценивать, управлять телом и даже частично психическим содержанием и некоторыми психическими процессами.

Субъективно ощущаемая активность «я» скорее «отраженная», то есть производная от активности тела. Репрезентации тела и мира неразрывно связаны, представлены «в одном флаконе», хотя и отдельно. Возможно, этим обусловлено переживание принадлежности «я» психических репрезентаций мира. Ощущение противостояния этих репрезентаций «я» тоже может быть «отраженным», так как человек и его тело реально противостоят миру.

Всякое психическое явление, во-первых, всегда репрезентирует что-то, то есть несет в себе информационный компонент. Во-вторых, противопоставляется «я». Самим своим появлением в психике оно о чем-то сообщает организму, тоже представленному в психике в форме важной части «я». Всякая психическая репрезентация окружающего мира исходно ощущается как противостоящая «я». Видимо, потому, что мир действительно противостоит организму. Любое психическое явление может появиться в психике лишь в качестве чего-то очевидно существующего для «я», а потому исходно присутствующего в сознании. Другое дело, что очевидность его для «я» в качестве понятной репрезентации элемента мира может быть очень разной — от относительно понятной до совершенно неясной.

Если само «я» становится предметом мышления и репрезентируется с помощью вербальных конструкций, то и они уже как бы противостоят «я».

«Я» — важнейшая часть психики, скрепляющая ее стержневым ощущением собственного живого существования. «Я» — это преимущественно чувственная, ощущающая сущность, которая, однако, неразрывно связана с вербальным мышлением. Вербальный «телетайп» настолько тесно интегрирован с «я», что возникает мысль об их единстве. Видимо, поэтому многие авторы рассматривают связь «я» и вербального мышления в качестве важнейшего и специфического для человека компонента его сознания.

«Я» включает в себя интрапсихическое ощущение самотождественности, хотя вербальный «телетайп» фиксирует медленные изменения во времени собственных психических и физических качеств. «Я» ощущает себя обладателем специфических личных воспоминаний, убеждений, знаний, достижений, ценностей, взглядов, целей, верований, предпочтений и привычек. При этом «я» неразрывно связано с телом и зависит от него, его возможностей, достоинств и недостатков.

Переживание интрапсихического ощущения собственного существования, интрапсихического ощущения наличия «я», его уникального присутствия в мире лежит в основе экзистенциализма. А. Ребер (2001а, с. 528) подобрал для него удачное выражение — «навязчивое ощущение уникальности собственного существования».

Если мы говорим об ощущении, то это уже репрезентация, но репрезентация настолько базовая и глобальная, что по своей важности сопоставима с самой психикой. Это переживание, появляющееся еще в детстве, связано с недоступными вербализации из-за отсутствия пригодных понятий специфическими интрапсихическими ощущениями собственной

неповторимой исключительности¹ и как бы отстраненности от текущих событий окружающего мира.

Одно из них можно попытаться выразить словами: «Все в этом мире, конечно, умрут, но меня-то как это может касаться? Я же нечто совершенно особенное, нечто единственное в своем роде, нечто уникальное. Я не просто так появился в этом мире. Не для того же, чтобы бессмысленно вновь исчезнуть. За моим появлением стоит какой-то высший смысл. Я вне всей этой суестьи». Подозреваю, что не только я, но и практически каждый из людей переживал нечто подобное.

Позже из того же переживания вырастает очень много всего разного — от переживаний по поводу своего предстоящего ухода из мира (и не столько страха смерти, широко обсуждаемого в литературе, сколько тоски по уходящей жизни и возмущения ее бессмысленностью; ведь так много обещалось поначалу...) до целой философии бесцельности и напрасности собственного существования, столь великого в своей субъективно ощущаемой человеком основе и столь нелепо, бесполезно, мелочно и суетно протекающего в бренности и тщетности человеческой жизни.

Идея о том, что «я» — это тоже репрезентация, но чувственная репрезентация моего активного и действующего организма — тела и порожденной им психики, не вызывает у меня неприятия. Но даже если согласиться с тем, что «я» — это репрезентация, то это чувственная репрезентация психики и тела живого действующего организма. А потому «я» и при таком его понимании никак не может совпадать с «я-концепцией» и даже не входит в нее.

«Я» — это, в первую очередь, не столько валовое самоощущение от моего организма, то есть не только сумма самых разных ощущений от тела и связанной с ним психики, это главным образом специфическое ощущение моего личного психофизического бытия, ощущение моего наличия, существования, присутствия в мире. Даже некое подспудное ощущение уверенности в том, что я не могу вскоре просто исчезнуть из этого мира, как исчезли и исчезают постоянно другие люди. Такой исход был бы не просто несправедливым. Он был бы чудовищно странным и даже абсурдным. Зачем мне было появляться из ниоткуда, пребывать в этом мире, понимая факт своего бытия в нем, чтобы через короткий промежуток времени вновь исчезнуть в никуда? Это также ощущение активности организма и в результате — активности «я». Ощущение относительной произвольности и свободы «я» в психике, интрапсихическое чувство оппозиции «я» миру.

«Я-концепция» — это уже преимущественно вербальная репрезентация «я», моего тела и в широком смысле моей личности, некий интеллекту-

¹ Кстати, это ощущение уникальности вполне обоснованно, так как действительно нет одинаковых физических организмов и человеческих сознаний.

альный продукт, вербальная надстройка над чувственной репрезентацией моего организма и над моим «я». Большинство исследователей понимают «я-концепцию» именно как сложную и многообразную психическую репрезентацию самого себя в собственном сознании¹ и достаточно подробно описывают, поэтому я не вижу смысла рассматривать ее здесь детальнее.

Сознание

Сознание наряду с психикой и «я» представляет собой одну из главных сущностей и загадок психологии. За время существования своей науки психологи так и не смогли дать удовлетворительного ее определения. Психолог М. Кордуэлл (2000, с. 302) пишет, например, что даже термин «сознание» используется по-разному в разных психологических теориях. Так, в когнитивной психологии сознание интерпретируется как форма внимания, а в психоанализе рассматривается как высший уровень психики, тот, на котором действует эго.

Я тоже отмечал ранее (С. Э. Поляков, 2004) отсутствие концепта, адекватно раскрывающего то, что обозначается словом «сознание». До сих пор ситуация никак не изменилась. Философ, занимающийся проблемой сознания, Д. Чалмерс (2013) пишет, что попытка определить сознание в терминах более элементарных понятий не дает никаких результатов, так же как попытка определить материю или пространство в терминах чего-то более фундаментального.

Это, однако, ставит под вопрос само наличие сознания. Хотя лично мне представляется очевидным, что данная сущность, несомненно, имеет право на признание. Слишком много у нее референтов в реальности. Вместе с тем, действительно, мы не только не можем дать ее онтологического определения, но и вообще не можем пока предложить определения, пригодного для применения в психологии.

Впрочем, мы не можем определить не только сознание, но и психику, и сами психические феномены — ощущение, ментальный образ, эмоцию и т. д. Мы можем лишь указать читателю на его собственные психические явления и предложить рассмотреть их интроспективно. Из чего, однако, не следует, что они представляют собой просто вымысел наших предшественников.

Трудности усугубляются отсутствием у нас адекватной и достаточной для описания психических сущностей терминологии. Используемый в психологии словарь не очень богат и противоречив. Одни и те же феномены

¹ Хотя на практике в рамки этой сущности многие исследователи нередко стараются записать вообще все, что имеет отношение к «я».

исследователи часто квалифицируют и описывают по-разному. К тому же, как пишет, например, философ М. Куш (Kusch M., 1999), наши психологические классификации конституируют наше состояние и события нашего сознания, но наш психологический словарь не дает классификации тех состояний и событий сознания, которые существуют полностью независимо от этого словаря.

В общем-то, это и неудивительно, так как лишь с помощью слов и вербальных концептов мы только и можем выразить содержание собственного сознания. Нам приходится выражать на своем языке никак иначе не выразимое, не имея для этого еще нужных слов. Мы должны не просто определить нечто и описать его, но еще и создать новые слова и для обозначения этого нечто, и для его адекватного описания. Тем не менее нам придется делать это, так как у нас просто нет иного варианта познания¹.

Если исключить бесконечные повторы и малоинформативные определения, а также редукционистские (Д. Деннет, 2004) и экстремально редукционистские (Crick, 1994, p. 3)² взгляды, то исследователи наиболее часто называют сознанием:

- некий высший уровень функционирования психики или область психики, расположенную якобы «выше бессознательного» и доступную интроспекции;
- связанное с вербальными репрезентациями особое состояние психики, позволяющее адекватно воспринимать себя и окружающий мир, переживаемое человеком, но непосредственно недоступное другим людям;
- те психические явления и процессы, на которые обращено внимание человека;
- некие интегративные психические процессы, позволяющие понимать и оценивать реальность и определенным образом относиться к ней;
- то в психике, что выделяет и противопоставляет себя окружающей действительности.

Можно выделить еще несколько десятков феноменологически различающихся определений сознания, но это не сильно добавит нам ясности в отношении того, что же оно такое. Давайте вернемся к представленным выше подходам.

¹ Должен признаться, что это очень трудно. Так как, изобретя, например, неудачный термин «модель-репрезентация» для обозначения чувственного концепта предмета и физического объекта, я так и не смог найти потом ему замену.

² Твое «я», твои радости и печали, воспоминания и амбиции, твоё чувство самоидентичности и свободы воли на самом деле не более чем поведение большого количества нервных клеток и связанных с ними молекул (там же).

Есть ли основания говорить об уровнях функционирования и особых областях психики?

Безусловно, существуют разные уровни ясности сознания, а также болезненные состояния сужения и помрачения сознания, которые хорошо известны медицине. То есть можно говорить об уровнях функционирования психики (или сознания, имея в виду его ясность). Но это касается состояний «сон — бодрствование» и болезненных состояний разного рода. Человек может даже терять сознание во время определенных фаз сна, обморока, шока, наркоза и тяжелых заболеваний. В остальное время при отсутствии болезни и влияния патогенов разного рода состояния его сознания более или менее тождественны друг другу. Соответственно, рассуждения о разных уровнях нормально функционирующего сознания мало применимы к состоянию обычного нормального бодрствования.

Ясность сознания действительно незначительно колеблется даже в состоянии обычного нормального бодрствования. Эти колебания зависят от утомленности, общего самочувствия и множества других факторов. Они влияют на эффективность мышления и деятельности. Однако не дают никакого основания предполагать, что есть «высшие» — сознательные и «низшие» — бессознательные психические состояния обычного бодрствования. Я поэтому не понимаю, что такое широко обсуждаемые в литературе «разные степени осознанности содержания психики», если мы говорим о нормальном состоянии обычного бодрствования.

Еще меньше у нас причин говорить о разных областях психики. Такое представление имеет множество приверженцев и описано во многих сотнях тысяч книг и статей. Но многое в нашей истории было традиционно принято и считалось несомненным, а потом оказалось заблуждением. Есть, конечно, психические репрезентации, более понятные и менее понятные или вовсе непонятные человеку. Однако они никак не привязаны к каким-то областям психики. Более понятно обычно, но далеко не всегда, то содержание сознания, на которое обращено внимание. Не зря некоторые исследователи отождествляли сознание с вниманием. Тем не менее, из этого тоже не вытекает существования разных областей психики.

У нас поэтому есть все основания заключить, что рассуждения о том, будто сознание — это некий высший уровень функционирования психики или область психики, расположенная «выше бессознательного», просто фантазии исследователей. Гораздо более обоснованными представляются определения сознания, подчеркивающие его связь с вербальными репрезентациями, с вниманием, с какими-то интегративными психическими процессами, позволяющими противопоставлять себя окружающей действительности, эффективно понимать и оценивать реальность. Однако и эти связи не проясняют феномен сознания.

Необходимо отметить важное обстоятельство. В представлении многих авторитетных исследователей сознание не просто сумма психических явлений, как психика, например, а либо особая сложная функция, либо процесс, либо особое состояние, либо психическая деятельность, либо даже некая целостная и организованно функционирующая сложная психическая структура. Причем главную роль в последней играют эго, или «я», и вербальные репрезентации. Даже не просто они, а последовательные, вытекающие друг из друга (то есть логические, или разумные, закономерные, целесообразные) и адекватные реальности ее вербальные репрезентации. Исследователи одновременно подчеркивают, что психика пассивна, а сознание активно.

Мне импонирует подход К. Юнга: «Под сознанием я разумею отнесенность психических содержаний к нашему эго... поскольку эго ощущает¹ (ссылка моя. — *С. П.*) эту отнесенность как таковую (122. P. Natorp 1888. — S. 11; 76. Th. Lipps, 1906. — S. 3). Сознание есть функция или деятельность (123. A. Riehl, 1913. — S. 161, который тоже понимает сознание как “активность”, как “процесс”), поддерживающая связь между психическими содержаниями и эго. Сознание для меня не тождественно с психикой, ибо психика представляется мне совокупностью всех психических содержаний, из которых не все непременно связаны прямо с эго, то есть настолько отнесены к эго, что им присуще качество сознательности» (1995, с. 563)².

Мне тоже представляется очевидным, что сознание тесно связано с «я» и с вербальным мышлением. Сознание всегда чье-то — мое, эго, ее, и всегда в нем что-то репрезентировано. Хотя бы только факт наличия и бытия самого «я». «Я» и вербальное мышление вместе образуют нечто вроде особых, главных элементов нашей психики. И они действительно субъективно ощущаются как самостоятельная, принимающая рациональные решения и важнейшая часть психики. Возможно, в этом интрапсихическом ощущении и кроются истоки разделения исследователями психики на сознание и бессознательное. Такое разделение было бы допустимо, если бы не одно «но».

Как я уже неоднократно отмечал, психические репрезентации, или психические явления, феноменологически довольно однородны и однообразны. Они представляют собой неуклонно усложняющуюся, но феноменологически единую и филогенетически непрерывную последовательность психических форм, начинающихся (возможно, у примитивных животных)

¹ Здесь К. Юнг фактически пишет о специфическом интрапсихическом ощущении.

² Natorp P. Einleitung in die Psychologie nach kritischer Methode. Freiburg im Breisgau, 1888. — S. 11; Lipps Th. Leitfaden der Psychologie. Leipzig, 1906. — S. 3; Riehl A. Zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart. Leipzig; Berlin, 1913. — S. 161.

с простейших психических ощущений и завершающихся у человека сложнейшими вербальными конструкциями.

Особенностью этих феноменов является очевидность их существования лишь для субстрата, в котором они и возникают. В качестве такого субстрата, или сущности, мы можем рассматривать либо психику, либо сознание (либо даже мозг, как делают многие исследователи, хотя это лишь добавляет путаницы, перемешивая принципиально разные уровни и плоскости анализа).

Фрейдизм рассматривает в качестве такого проявляющего психические феномены субстрата сознание. Именно фрейдизм порождает неадекватную метафору сознания, как пятна света от прожектора, который скользит по «бессознательной психике», освещая и проявляя ее феномены. А затем они вновь исчезают в «темноте» бессознательного психического.

Проблема, однако, в том, что любые психические феномены могут существовать, лишь пребывая в чем-то или где-то. Они существуют только тогда и потому, что пребывают в определенном месте, в котором только и доступны субъекту (или его сознанию). И если их наличие не очевидно для самого переживающего или воспринимающего их субстрата (субъекта), то их просто нет.

Утверждать обратное так же нелепо, как утверждать, что предмет лежит на столе, если ни сам доказывающий данный факт, ни его слушатели не видят на столе предмета и ничто иное не доказывает им факта его наличия там. Если психические феномены никак не проявляются ни в сознании, ни в гипотетическом бессознательном психическом, то их просто нет нигде. А их скрытое наличие и влияние не более чем выдумка исследователей или образная литературная метафора, но не научный факт.

Ф. Капра и П. Ф. Луизи (2020) предложили недавно новый и интересный взгляд на проблему сознания. Они (2020, с. 259) отмечают, что большинство специалистов сходятся в том, что, во-первых, сознание — это когнитивный процесс, который реализуется посредством сложной нервной деятельности. Во-вторых, есть два типа сознания или два типа когнитивного опыта. Первый тип — «первичное» или «центральное» сознание. Оно возникает, когда когнитивные процессы сопровождаются перцептивным, сенсорным и эмоциональным опытом.

Авторы (там же) ссылаются на невролога А. Дамасио (A. Damasio, 1999, р. 16), считающего, что «центральное» сознание обеспечивает организм здесь и сейчас чувством собственного «я», и биолога Д. Эдельмана (D. Edelman, 1992), полагающего, что это чувство самости, вероятно, испытывает большинство млекопитающих и, возможно, некоторые виды птиц и других позвоночных.

Второй тип сознания, называемый «высшим», «расширенным» или «рефлексивным», по словам Ф. Капра и П. Ф. Луизи (2020, с. 259), представляет собой более тонкий вид самосознания, при котором мыслящий и рефлекслирующий субъект все время сохраняет концепцию своего «я». «Расширенное» сознание включает в себя осознание собственной личности и ощущение своей идентичности. Оно основано на воспоминаниях о прошлом и на ожидании будущего и возникло вместе с языком, концептуальным мышлением и свойствами, присущими только человеку.

Бросается в глаза то, что «первичное» сознание очень напоминает психику, в которой представлено лишь чувственно-образное мышление, присутствующее в «чистом» виде только у животных и очень маленьких детей. Тогда как «высшее» сознание — это не что иное, как человеческая психика, в которой преобладает вербальное мышление.

Ф. Капра и П. Ф. Луизи (2020, с. 258) пишут о «легкой» и «трудной» проблемах сознания. «Легкая» заключается в том, чтобы понять, как работает мозг, а «трудная» связана с вопросом, почему возникает личный субъективный опыт, то есть психика. Другими словами, «трудная» проблема заключается в поиске связи между физиологией мозга и психикой.

Показательно и даже хорошо, что представители самых разных наук стали создавать альтернативное понимание сознания, в то время как психологи лишь демонстрируют профессиональное бессилие, до сих пор безуспешно пытаясь справиться с новыми разновидностями бихевиоризма. Тем не менее без профессионального психологического подхода в одной из сложнейших областей науки — изучении сознания обойтись все же не удастся.

Вот тут-то как раз и имеется самая «трудная» проблема из актуальных на сегодняшний день. Она связана с психической феноменологией и заключается в отсутствии психологического определения того, что исследователи называют сознанием. Непонятно, как сознание могут изучать и что именно изучают представители смежных наук, например физиологи, если никто даже в психологии не знает, что такое сознание.

Впрочем, Ф. Капра и П. Ф. Луизи (2020, с. 258–263), обсуждая сознание, постоянно упоминают про «изучение субъективного опыта». То есть речь фактически идет об изучении психики. Показательно, что в качестве основного метода они рассматривают интроспекцию (2020, с. 262–263). Это, впрочем, неудивительно, да и вообще единственно возможно.

Интроспекция демонстрирует нам, что сознание может почти не содержать репрезентаций окружающего мира, но при этом присутствовать в мире.

Что же оно в этом случае собой представляет? Может быть, переживание наличия «я», то есть репрезентация психики и тела — то, без чего сознание не может существовать вовсе?

Главным проявлением «я» является самоощущение. Главным проявлением сознания — ощущение наличия, существования «я», или самого себя, здесь и сейчас, обычно сопровождаемое вербальным мышлением. Хотя периодически сознание может сводиться лишь к одному ощущению существования «я» (в болезненных или просоночных состояниях, например). При этом больше ничего в психике может не быть. И другие психические феномены появляются в ней лишь по мере прояснения сознания или расширения его объема.

Наоборот, в те моменты, когда сознание занято репрезентациями окружающего мира, имеющими почему-либо важное значение для человека, ощущение переживания «я» может смещаться на второй план, редуцируясь до минимума. В процессе последующей ретроспекции даже может возникать мысль, что в такие моменты отсутствует переживание факта своего наличия в мире.

Нельзя не обратить внимание на то, что одним из критериев ясности сознания в психиатрии является способность человека ориентироваться не только во времени, но и в собственной личности. Следовательно, сознание тесно связано еще и с личной ОПР, представленной в каждой психике.

Повторюсь, что невозможность создания адекватного определения сознания вообще вызывает вопрос о наличии данной сущности. Многие авторитетные исследователи (например, У. Джеймс (1997, с. 359–372), Г. Райл (2000), Р. Смит (2003), В. П. Зинченко (2010), философ С. С. Розова в своем обзоре (2012, с. 192)) с разной степенью уверенности высказывают мнение, что, возможно, такой сущности, как сознание, и нет. Вероятно, потому, что, как пишет психолог А. Ю. Агафонов (2012, с. 6–15), для сознания не построена еще хорошая теоретическая модель, настолько хорошая, чтобы ее можно было признать всем членам научного сообщества онтологической схемой психического.

Как ни странно, но вопрос о целесообразности или нецелесообразности введения сознания в виде особой сущности зависит от концептуализации другой сущности — психики. Если психика — это всего лишь условная сумма психических феноменов, то тогда сознание в качестве особой сущности необходимо вводить. Если же психика — это не просто сумма, а особая сложная сущность, функционирующая как единое целое, то тогда без дополнительной сущности, называемой сознанием, можно обойтись. Налицо взаимозависимость концептуализации обеих этих сущностей.

Какие вопросы позволяет нам решить признание наличия сознания в качестве самостоятельной сущности?

Введение сознания позволяет ответить на главный вопрос: *кто или что рассматривает возникающие в психике репрезентации окружающего мира и им противостоит?* И на ряд дополнительных вопросов: *кто или что выделяет себя из окружающего мира; понимает возникающие психические репрезентации? Даже если они изначально понятны, то кому? Кто или что оперирует психическими явлениями, задерживает одни и пытается избавиться от других? Кто сравнивает и оценивает альтернативы? Кто принимает решения? Кто запускает действия и контролирует их выполнение?*

Даже если за часть этих функций мы сможем найти «ответственного», например вербальное мышление, то объяснить другие не получится. Можно, конечно, пойти совсем иным путем и изменить концептуализацию. Использовать, например, термины и подход, исключающий некоего субъекта, даже абстрактного: не «выделяет, понимает, сравнивает», а «выделяющий, понимающий, сравнивающий» и т. п.

Но будет ли полезным такое исключение из рассмотрения и обсуждения того, что ясно ощущается каждым из нас в форме мощной самостоятельной субъектности собственного «я», подкрепляемой его произвольной активностью; того, что просто требует конституирования в виде отдельной независимой сущности? Сложный вопрос.

Учитывая, что сознание — слишком важная для психологии и человека сущность, я не буду даже пытаться продолжать здесь ее рассмотрение. Это задача самостоятельного глобального исследования. Я же хочу вновь обратить внимание на два момента. Во-первых, на необходимость концептуализации сложной психической сущности, включающей в себя «я» и вербальное мышление, активной, понимающей, переживающей свое существование в мире, противостоящей всем психическим репрезентациям (даже репрезентациям собственного тела) и манипулирующей психическими явлениями с разной степенью успеха. Во-вторых, на неразрывную связь концептуализации сознания и психики.

В качестве «основной» сущности мы можем «назначить» либо психику (предварительно радикально изменив существующий сейчас концепт, раскрывающий смысл слова «психика»), либо сознание. При этом мы как-то должны объяснить особые свойства психических репрезентаций, а для этого нам все-таки было бы полезно оставить в психологии в качестве более простого объясняющего понятия уже имеющуюся там сущность — психику. Тем более что в существующем виде она уже принята большинством исследователей.

Мне лично представляется разумным сохранение наряду с психикой (понимаемой двояко — с одной стороны, как более чем реальная сущность,

присутствующая у каждого человека в данный момент, а с другой стороны, как некая совокупная умозрительная сущность, сконструированная из суммы психических феноменов, процессов и состояний, возникавших в человеческом организме на протяжении длительных периодов его жизнедеятельности) дополнительной сущности, более сложной и не вполне пока понятной, и обозначение ее термином «сознание». Хотя бы потому, что невозможно обойтись без целостной и активной психической сущности, интегрирующей многообразные психические процессы и обеспечивающей единение «я» с вербальным мышлением.

Завершая краткое обсуждение сущностей, обозначенных словами «я» и «сознание», хочу с сожалением констатировать, что их концептуализация, и немногочисленные психологические понятия, которые исследователи к настоящему моменту создали в этой связи, совершенно не способны выполнить роль психических инструментов, пригодных для их серьезного анализа.

Бессознательное

З. Фрейд (1856–1939) не изобрел термин «бессознательное», но наполнил его специфическим смыслом. Главное — он обратил всеобщее внимание на наличие в нашей психике множества плохо понимаемых нами явлений, точнее, на то, что большинство своих психических явлений мы понимаем плохо или вовсе не понимаем. Я считаю, что именно в этом заключается его основной вклад в психологию. Можно сказать, что, основываясь на реальных фактах и намереваясь создать научное учение, З. Фрейд создал великую мифологию. Это, впрочем, не преуменьшает его выдающегося влияния на человеческую культуру. Причем он сам хорошо понимал условность своих построений.

Он, например, пишет: «...психический элемент, например представление, обыкновенно не бывает длительно сознательным. Наоборот, характерным для него является то, что состояние осознанности быстро проходит; представление, в данный момент сознательное, в следующее мгновение перестает быть таковым, однако может вновь стать сознательным при известных, легко достижимых условиях. Каким оно было в промежуточный период — мы не знаем; можно сказать, что оно было латентным, подразумевая под этим то, что оно в любой момент способно было стать сознательным. Если мы скажем, что оно было бессознательным, мы также дадим правильное описание. Это бессознательное в таком случае совпадает с латентным или потенциально сознательным. Правда, философы возразили бы нам: нет, термин “бессознательное” не может здесь использоваться, пока представление находилось в латентном состоянии, оно вообще не было

психическим. Но если бы уже в этом месте мы стали возражать им, то затеяли бы совершенно бесплодный спор о словах» (1989, с. 426).

Как оказалось впоследствии, это был бы совсем не бесплодный, а принципиально важный спор, так как вопрос о содержании терминов — главный для любой науки. Именно он определяет ее адекватность реальности и перспективы ее развития. Для З. Фрейда важным было не то, что феноменологически представляют собой отсутствующие в сознании психические явления, если таковые есть вообще, а то, что вне сознания, а точнее, вне понимания человека есть «нечто», оказывающее мощное, часто определяющее влияние на его поведение.

С последним спорить бессмысленно, так как, несомненно, это «нечто» действительно есть и называется одна его часть «физиологической регуляцией поведения», а другая — «плохо понятными или вовсе непонятными» человеку (сознанию) психическими репрезентациями реальности. Однако сам факт ввода в психологию понятия «бессознательное психическое» и многочисленные умозрительные конструкции психоаналитиков, связанные с ним, сослужили ей впоследствии плохую службу.

Представляется совершенно непродуктивным говорить и дискутировать о сконструированной исследователями сущности, обозначенной ими словом «бессознательное», тем более городить в психологии бесчисленные конструкции с ее участием (что продолжают делать больше ста лет последователи З. Фрейда), если до сих пор самим психологам совершенно непонятно, что такое сознание и даже есть ли оно вообще.

Не следует также путать непонятные и бессознательные психические явления. Содержание психики, то есть психические феномены, всегда осознанны, так как осознание — обязательное условие самого их наличия. Ничем другим их наличие подтвердить невозможно. В противном случае их просто нет. При этом многие сознательные психические явления могут быть непонятными для «я» или понятными лишь в некоторой степени. Простейший пример — зрительные образы странного поведения другого человека.

Ю. М. Лотман хорошо объясняет причины появления понятия *бессознательное*: «Поскольку граница — необходимая часть семиосферы и никакое “мы” не может существовать, если отсутствует “они”, культура создает не только свой тип внутренней организации, но и свой тип внешней “дезорганизации”. В этом смысле можно сказать, что “варвар” создан цивилизацией и так же нуждается в ней, как и она в нем... <...> Так, в нассквозь рациональном позитивистском обществе Европы XIX века неизбежно должны возникнуть образы “пралогического дикаря” или иррационального подсознания — антисферы, лежащей вне пределов рационального пространства культуры» (2004, с. 267).

Подводя итог обсуждению проблемы бессознательного, можно сказать, что нет такой сущности и такой проблемы. Есть иная проблема — проблема плохо понимаемых человеком и вовсе непонятных ему его собственных вполне осознаваемых им психических явлений, которые тем не менее мощно влияют на его поведение. Но я вполне отдаю себе отчет в том, что настаивать на утверждении об отсутствии бессознательного при наличии в мире миллионов практикующих психоаналитиков и развитой психоаналитической индустрии все равно что стрелять из лука в гору Эверест. Хотя вода камень точит.

Осознание

Еще одной психологической сущностью ОПР является осознание. К. Г. Юнг (1934) говорит: «Когда размышляют о том, что же, собственно говоря, представляет собой сознание, то обычно наиболее глубокое впечатление производит тот в высшей степени удивительный факт, что каким-либо событием, происходящим где-нибудь в космосе, вызывается одновременное внутреннее отображение таким образом, как будто бы оно происходило одновременно и внутри, это и означает: осознавать» (2002).

Из сказанного автором следует, что осознание — это появление в сознании репрезентации чего-либо происходящего, например, в окружающей «реальности в себе». Я понимаю этот термин так же. Кстати, из того же определения К. Юнга (1934) вытекает неожиданный вывод — если что-то репрезентировано в психике, то оно уже одновременно и осознано. Или, другими словами, **всякая психическая репрезентация осознана. Следовательно, не бывает неосознанных психических явлений.**

Более чем странно поэтому звучит, например, словосочетание «бессознательный разум»¹. Разговоры о бессознательном обретают гораздо большую адекватность и убедительность, если термин «бессознательное» заменить на «непонимаемое».

Понимание

Весьма адекватной и полезной для науки сущностью ОПР является понимание. Понимание — это присущая животным и особенно человеку способность психических явлений самим фактом своего появления в психике репрезентировать и делать в разной степени очевидной для организма (сознания или «я») окружающую реальность, что позволяет ему выбрать наиболее эффективный вариант поведения.

¹ «Бессознательный разум содержит материал, доступ к которому сопряжен со значительными трудностями, если вообще возможен» (М. Кордуэлл, 2000, с. 301–302).

Репрезентации множества сущностей окружающего мира, повторно возникающие в нашем сознании, часто вызывают ощущение их понятности в той или иной степени уже в момент своего появления в силу имеющегося у нас опыта предыдущего взаимодействия с этими сущностями.

Что придает им ощущение понятности и что это за ощущение?

Глядя на окружающие предметы, я констатирую, что их образы мне в основном понятны. Но вдруг появляется образ чего-то нового. Я начинаю взаимодействовать с этим воспринимаемым мною новым. Например, подхожу, рассматриваю и т. д. Возникают мысли: «Странная штука», «Откуда она взялась?», «Что это такое?» — и новые образы, в том числе вызванные моими действиями или действиями самого объекта.

Понимание — психический процесс, в результате которого человеку становятся очевидны особенности репрезентируемых им сейчас сущностей, их причины, связи, последствия, возможные действия и т. д. Он включает в себя сравнение новых репрезентаций с уже имеющимися в психике репрезентациями сходных явлений, связей, фактов, событий и т. д. А также построение мышлением на основе имеющихся знаний и возникших сейчас репрезентаций новых психических конструкций, раскрывающих причинно-следственные связи, структуру и внутренние механизмы рассматриваемых сущностей. Для понимания характерно субъективное ощущение открытости внутренней природы того, что репрезентировано психикой.

Существует точка зрения, что «“понимание” в том случае будет реальным, когда оно может предсказать дальнейший ход событий» (Л. Б. Филонov, Н. А. Ананьева, 2006), то есть об истинном понимании репрезентаций окружающего мира можно говорить тогда, когда сознание способно создать вербальные репрезентации вариантов дальнейшего развития ситуации.

Обсуждая понимание, следует различать разные его уровни. 1. Может быть восприятие без понимания (вижу, но не знаю, что именно). 2. Актуализация в сознании значения возникшего психического образа, например образа слова. 3. Усвоение нового знания. Например, понимание нового материала учеником и возможность им воспользоваться. 4. Поиск аналогий значения возникшего психического образа среди значений похожих образов при отсутствии полного соответствия. 5. Актуализация в сознании причинно-следственных связей появившегося образа с другими объектами и явлениями. И так далее.

Понимание — актуализация возникшей в сознании новой репрезентацией старых, уже имеющихся в памяти образов и вербальных репрезентаций той же или подобных сущностей и связанных с ней элементов реальности, раскрывающих ее место в мире, ее внутреннюю структуру, связи и отношения с другими сущностями, ее значение для субъекта. То есть приобретение психической репрезентацией значения, или смысла, сразу после появления

в сознании или через какое-то время, что сопровождается переживаниями, вызванными появлением репрезентации; а также построение дополнительных репрезентаций.

В процессе понимания часто происходит замена чувственной репрезентации вербальными конструкциями, замена вербальной конструкции знакомыми уже субъекту чувственными образами или замена одной вербальной конструкции другими. Недаром М. Шелер (2011, с. 56) пишет, что объяснить означает свести относительно новое к известному.

Следовательно, понимание — это «перерепрезентирование» сознанием непонятной репрезентации известными и понятными иными репрезентациями того же фрагмента реальности или формирование новых понятных его репрезентаций, порождающих у человека ощущение ясного внутреннего «видения» структуры и причинно-следственных связей того, что требовало понимания.

Мышление

Одной из важнейших сущностей психологии является то, что принято называть словом «мышление». А. Ребер пишет: «Обычно считается, что мышление включает манипуляцию некоторыми теоретически выделяемыми элементами. О том, что именно представляют собой эти “элементы мысли”, остается только догадываться. Различные теоретики предполагали, что это мышечные компоненты (Уотсон), слова или компоненты языка (Уорф), идеи (Локк), образы (Титченер), суждения (Андерсон), операции и понятия (Пиаже), сценарии (Скенк) и т. д.» (2001, с. 469).

Я полагаю, что мышление совершается с помощью ментальных, или психических, образов, которые бывают чувственными (образы представления, воспоминания и даже восприятия) и вербальными (образы слов, имеющих понятное человеку дополнительное значение, которые я называю понятиями, и конструкций из них).

В зависимости от преобладающих в сознании репрезентаций я подразделяю мышление на преимущественно чувственное, преимущественно вербальное и смешанное. К человеческому мышлению относятся две последние формы. Вербальное¹ мышление — процесс мышления, протекающий преимущественно в форме понятий и конструкций из них. Это обычно целенаправленное, рациональное, а главное, присущее лишь человеку мышление.

Вербальное мышление не может сформироваться у ребенка, пребывающего вне общества, так как для интериоризации антропоморфной

¹ Не вполне адекватные, но аналогичные по сути термины — «речевое мышление» (Л. С. Выготский, 2004) и «словесно-логическое мышление» (Н. И. Конюхов, 1992).

картины мира с ее сформированными сознанием сущностями и репрезентирующими их понятиями ему необходимо научиться языку у других людей. Вероятно, поэтому для вербального мышления характерен внутренний диалогизм, то есть появление в сознании вербальных мыслей в форме диалога с самим собой, что лишний раз подтверждает его социальную обусловленность.

Мышление — целенаправленный процесс¹ мысленного манипулирования психическими репрезентациями реальности, сопровождающийся преобразованием и трансформацией репрезентаций, достраиванием незавершенных и неполных репрезентаций (например, при решении задач), конструированием новых репрезентаций, построением репрезентаций будущей реальности на основе ее имеющихся репрезентаций и т. д.

Мышление предназначено для обеспечения максимально эффективной адаптации человека к миру. Оно позволяет обнаруживать сходство и различия в репрезентациях реальности, создавать новые обобщенные репрезентации, формировать репрезентации реальности, недоступной непосредственному восприятию, а следовательно, приобретать некие представления о ней. В процессе мышления происходит формирование вербальных конструкций, в том числе концептов, репрезентирующих новые сущности.

Мышление можно разделить на активное (целенаправленное и произвольное) и пассивное (протекающее спонтанно). Мышление, протекающее спонтанно, произвольно, плохо поддается интроспекции, и о нем обычно можно судить лишь по результату — смене психического содержания сознания.

Нормальное мышление характеризуется следующими признаками: связностью, целенаправленностью, легкой переключаемостью или подвижностью, последовательностью, логичностью, нормальным темпом, содержательностью, продуктивностью. В процессе мышления чувственные и вербальные репрезентации и конструкции из них подвергаются сравнению, анализу, синтезу, обобщению, конкретизации, классификации и систематизации. Производится абстрагирование от них с выделением умозрительных свойств и признаков репрезентируемых ими объектов и явлений и созданием умозрительных сущностей и понятий.

Тем не менее нельзя не отметить, что при всей своей, казалось бы, несомненной очевидности сущность, обозначаемая словом «мышление», тоже недостаточно четко определена и будет, бесспорно, корректироваться исследователями в будущем.

¹ Я согласен с А. Ребером (2001, с. 141), рассматривающим психический процесс как систематический ряд происходящих в сознании действий или событий.

Психический процесс — это очередная сущность, конституированная исследователями.

Воля

Существуют разные вербальные концепты, конституирующие имеющуюся по мнению их создателей психическую сущность, обозначаемую словом «воля». Например, такие. 1. *Внутренняя личная способность к свободному совершению выбора или действия* (А. Ребер, 2001, с. 148). 2. *Способность человека целенаправленно регулировать свою деятельность и действовать для достижения поставленной цели, преодолевая при этом внешние и внутренние препятствия* (Э. Н. Вайнер и С. А. Кастюнин (2018, с. 15)). 3. *Свойство (процесс, состояние) человека, проявляющееся в его способности сознательно управлять своей психикой и поступками. Проявляется в преодолении препятствий, возникающих на пути достижения сознательно поставленной цели* (А. В. Морозов (2000, с. 41)). 4. *Психический процесс, позволяющий личности преодолевать препятствия, достигать поставленной цели* (Н. И. Конюхов, 1992, с. 14). 5. *Сумма психической энергии, которой располагает сознание* (К. Юнг, 2001).

Многообразие имеющихся определений свидетельствует о том, что исследователи до сих пор так и не смогли четко конституировать ту или те сущности, которые когда-то позволили нашим предшественникам ввести в психику понятие *воля*. Тем не менее она явно имеет референты в реальности, а потому не исключено, что однажды будет определена более четко.

Внимание

Примерно то же самое можно сказать о следующей сущности психологии — внимании. Внимание — это: 1) состояние психологической концентрации, сосредоточенности на каком-либо объекте (А. В. Морозов, 2000, с. 32); 2) процесс сознательного сосредоточивания на различных аспектах нашего внешнего окружения или нас самих (Р. Чалдини, Д. Кенрик, С. Нейберг, 2002, с. 19); 3) способность продолжительного сосредоточения на определенном раздражителе или деятельности (DSM-5, 2013); 4) оптимальное состояние сознания, его направленность и организованность... (М. И. Еникеев, 2021, с. 556); 5) система реакций установки, то есть такие подготовительные реакции организма, которые приводят тело в нужное положение и состояние и подготавливают его к предстоящей деятельности (Л. С. Выготский, 2004).

Список определений можно продолжить. Видимо, поэтому В. М. Аллахвердов (2008, с. 6) пишет, что внимание характеризуется в учебниках рядом противоречащих друг другу свойств: распределенностью, переключаемостью и концентрированностью. Никому не известно, на каком основании эти противоречащие свойства объявляются принадлежащими

одному процессу, а не являются тремя самостоятельными и независимыми процессами. К тому же само внимание иногда объявляется даже не процессом, а состоянием.

Однако данная сущность, несомненно, тоже имеет референты в реальности. И совершенно очевидно, что внимание не просто конструкт исследователей. Сегодня это недостаточно четко конституированная психологами сущность. Надо еще чуть-чуть подождать.

Интеллект

Если попытаться объединить 39 определений термина «интеллект», представленных в Психологической энциклопедии (НЭС, 2022), то интеллект можно рассматривать как относительно устойчивую совокупность врожденных и приобретенных умственных способностей индивида, характеризующую его возможности адаптации, определяющую его умение делать заключения, планировать, решать задачи без проб и ошибок в уме, его способности к вербальному мышлению, познанию, пониманию, обучению, обнаружению связей, закономерностей и различий в окружающем мире, применению абстрактных концепций, использованию своих знаний для решения жизненных проблем, преодоления трудностей, для регуляции собственного целенаправленного разумного поведения в проблемных ситуациях и успешного освоения различных видов деятельности.

Фактически понятие *интеллект* в литературе по психологии эквивалентно понятию *разум*.

В. П. Иванова и Н. Н. Палагина (2002, с. 58) обнаружили даже более 70 определений понятия *интеллект*. Это позволяет заключить, что определения данной сущности нет, а следовательно, у исследователей нет и понимания того, что она собой представляет.

Данный факт подтверждают и другие авторы, например Д. Робинсон (2001, с. 16).

Тем более странно видеть бесчисленные рассуждения в самой разной научной и околону научной литературе об искусственном интеллекте, его достоинствах, опасностях и перспективах. В. А. Лекторский (2021, с. 9) справедливо замечает, что невозможно говорить об искусственном интеллекте, если мы не знаем, что такое интеллект вообще и естественный интеллект в частности.

Думаю, что сущность, обозначаемая сейчас словом «интеллект», со временем распадется на группу иных сущностей, а сама утратит свое нынешнее значение, как утратила его уже другая сущность — душа.

Тезисы

1. В нашей психике (как и во внешнем мире, не вполне доступном для восприятия) нет сущностей, которые нам следует лишь обнаружить и описать, как до сих пор принято считать в соответствии с объективистской парадигмой. Психические сущности, изучаемые психологией, формируют люди на основании тех референтов, которые они переживают в собственной психике, а также благодаря способности к рефлексии содержания собственного сознания, наблюдениям за другими людьми и коммуникации с ними.
2. Психические сущности, образующие то, что принято называть психикой, и она сама (в форме отдельной обобщающей сущности) были конституированы нашими предшественниками, пытавшимися описать и доступно для других выразить в форме понятий и вербальных конструкций переживаемые ими психические феномены.
3. В целом следует, по-видимому, признать адекватность большинства созданных до нас представлений о психических явлениях. Однако из-за особенностей нашего познания, сложности переживаемых нами психических феноменов и субъективности индивидуальной психики создаваемые исследователями психические сущности будут долго подвергаться коррекции, и вряд ли этот процесс когда-либо завершится. По поводу многих из них исследователям пока в принципе трудно даже достигнуть взаимопонимания.
4. Ни психика, ни сознание не являются самостоятельными трансцендентными сущностями, лишь случайно связанными с телом. Они вторичны по отношению к телу, а потому и утрачиваются вместе с ним, когда оно разрушается от старости и болезней. Уникальная личность, которая формируется с их участием на протяжении жизни человека, и все хранящиеся в памяти репрезентации исчезают в результате гибели мозга.
5. Активность, спонтанность и произвольность сознания обеспечиваются активно действующим телом. Сознание лишь репрезентирует эту активность, проецируя ее на себя и расценивая как свою собственную. Организм человека репрезентирует себя в создаваемой им психической реальности в форме самоощущения — совокупности ощущений от тела и психики. Организм живет в «реальности в себе», а его репрезентация — «я» пребывает в психической репрезентации этой «реальности в себе».

Глава 2.3.2. Личность и некоторые психические сущности, связанные с ней

Личность

Понятие «личность» обозначает сформированную исследователями достаточно аморфную психическую сущность¹. С его помощью психологи пытаются конституировать одну из важнейших граней человеческой психики или ее главный структурный фрагмент, формирующийся в процессе социального взаимодействия, ответственный за него и проявляющийся в нем. Как пишет Л. Виготский, «личность... есть понятие социальное, оно охватывает надприродное, историческое в человеке. Оно не врожденно, но возникает в результате культурного развития, личность поэтому есть понятие историческое» (2004)².

Феноменологически личность представляет собой проявляющиеся в процессе социального взаимодействия уникальные психические и поведенческие особенности конкретного человека, достаточно развитого, чтобы оценивать свои поступки и отвечать за них. Личность предполагает обладание таким уровнем развития психики, который делает человека способным сознательно управлять своим поведением. Человек не рождается личностью, а становится ею в процессе социализации.

Большинство авторов называют личностью совокупность наиболее устойчивых индивидуальных психических особенностей человека, отличающих его от других людей, по большей части социально приобретенных, существующих в форме устойчивых преимущественно вербальных конструкций (мировоззрение и убеждения человека, его морально-нравственные принципы, характерные именно для него представления, привычки, установки и способы взаимодействия с другими людьми), влияющих на его мышление и определяющих его уникальные поведенческие и когнитивные характеристики, черты характера и предрасположенности, которые определяют его действия в самых разных ситуациях и различных условиях внешней среды.

¹ А. Ребер пишет, что «личность» — «...термин настолько сложный для определения и имеющий настолько широкую область употребления, что мудрый автор использует его как название главы и затем свободно пишет об этом, не принимая на себя никакой ответственности за определения, если они и представлены в тексте» (2001а, с. 411–412).

Я вынес личность в отдельную главу только для удобства рассмотрения в связке с ней некоторых других сущностей.

² Авторский терминологический словарь Л. С. Виготского (2004) включает все определения психологических сущностей, представленные в его опубликованных работах, а также фрагменты его текстов, где предлагается развернутая интерпретация многих понятий.

На сегодняшний день нет ни общепринятого определения понятия **личность**, ни даже глубокого понимания структуры этой сущности. И я тоже не готов обсуждать ее сейчас. Я хочу лишь отметить, что на протяжении всей жизни человека в его психике формируется совокупность наиболее стабильных преимущественно вербальных репрезентаций мира — его убеждения и мировоззрение, морально-нравственные принципы, даже стереотипы и предрассудки.

Они постепенно складываются в более или менее целостную и завершенную индивидуальную психическую суперструктуру — оригинальный преимущественно вербальный каркас конкретной уникальной личности, который начинает мощно влиять на ее поведение через такие психические механизмы, как самосознание, самооценка, совесть, долг, ответственность.

Совместно с врожденными способностями, особенностями, потребностями и возможностями тела и психики человека преимущественно вербальный каркас личности формирует характерный, а порой и единственно возможный для человека тип поведения в мире и обществе. В выстраиваемую психическую суперструктуру на протяжении его жизни интегрируются многие вербальные психические конструкции, участвующие в формировании ОНР его общества. В качестве больших структурных блоков в индивидуальную психическую суперструктуру личности включаются не только убеждения человека, но и его знания, морально-нравственные нормы, верования, цели, ценности, даже «я-конструкция», самооценка и т. д.

Можно, думаю, сказать, что сущность, обозначаемая словом «личность», — это уже не конструкт исследователей, но она находится пока скорее на этапе приобретения окончательного права на свое признание в психологии. Об этом свидетельствует не один десяток психологических теорий личности, представленных в психологии.

Человеческие ценности

Очень многие значимые для человека «вещи» (любовь, добро, зло, гуманизм, взаимопонимание, счастье и т. д.) были конституированы нашими предшественниками с помощью вербальных психических конструкций¹.

¹ Например, таких: *любовь* — эмоционально окрашенное отношение к определенному объекту (человеку, предмету и т. д.), выражающееся в потребности активного взаимодействия с ним; *добро* — множество действий и событий, приносящих пользу людям; *зло* — множество действий и событий, приносящих людям вред; *гуманизм* — система вербальных конструкций, репрезентирующая человека как центр мироздания, признающая высшей ценностью человеческую личность, ее право на свободу, счастье, неограниченное развитие и проявление ее творческих способностей; направляющая мышление и деятельность конкретного человека на достижение блага общества и каждой личности.

Существуют ли они в окружающем нас мире?

Э. Шредингер (2000, с. 64), например, пишет, что хорошего и плохого не существует, размышления делают вещи такими. Никакое природное событие не является ни хорошим или плохим, ни красивым или уродливым. Ценности отсутствуют, как отсутствуют значение и цель. Природа не действует сообразно поставленным целям. В ней существует лишь одна причинная связь.

Добавлю, что и причинная связь есть только в человеческом сознании и в ОНР.

Особенно важную для общества группу сущностей ОНР образуют так называемые человеческие ценности¹ — сущности, наиболее значимые для человека, которые он выделяет, считает самыми важными, которые мотивируют его в жизни. Ценности тоже относятся к «вещам», существующим лишь в человеческом сознании и ОНР. Данный факт не означает, что в мире нет их многочисленных референтов.

Б. А. Эренграсс, Р. Г. Апресян и Е. А. Ботвинник (2007, с. 145) пишут, что благодаря неокантианцам (Г. Риккерт (1863–1936), В. Виндельбанд (1848–1915), Э. Кассирер (1874–1945)) особо пристально в XX в. стали изучаться финальные ценности, то есть те, которые ценны сами по себе: человеческая жизнь, свобода, справедливость, красота, истина, счастье, любовь, дружба, честь, достоинство личности, законность, гуманизм, милосердие.

Э. Гидденс (2005, с. 34) полагает, что фундаментальными для любой культуры являются представления о том, что должно считаться важным, стоящим и желательным. Эти абстрактные идеи, или ценности, помогают человеку направлять свою жизнь в нужное русло и придают ей смысл. Примером ценности, почитаемой в западных сообществах, является моногамия.

¹ Ценности — «то, что человек особенно ценит, чем дорожит в жизни, чему придает особое значение (С. Б. Давлетчина, 2005, с. 7); «...то, во что мы верим, чем дорожим в нашей жизни...» (Дж. М. Ласт, 2009, с. 242); «любой “объект” (в том числе и идеальный), имеющий жизненное значение для субъекта (индивида, группы)» (А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов, 2006, с. 471–472).

Выделяют, например, следующие группы ценностей: основополагающие (свобода, любовь, вера, семья, добро, мир, дружба, здоровье, счастье, природа, жизнь, позитивные перспективы, безопасность, равенство); моральные (честь, совесть, гуманность, сострадание, доброта, порядочность, уважительность, надежность, справедливость); историко-культурные (гордость за свою страну и народ, уважение к традициям, предкам и их свершениям); личностные (самореализация, самоуважение, компетентность, профессионализм, признание, самообразование, знание, самопознание, образованность, доброжелательность, общительность, воспитание, порядочность, независимость, самоконтроль, честность, позитивность, взаимопомощь, доверие и взаимопонимание, влияние, равнодушие, опытность); материальные (комфорт, успех, деньги, богатство, популярность); второстепенные (развлечения, отдых, путешествия, новые впечатления).

Нормы — это правила поведения, которые отражают или воплощают в себе ценности конкретной культуры.

По мнению автора (там же), ценности и нормы во многом определяют образ общественной жизни и манеру поведения представителя данной культуры. Например, в тех культурах, где высоко ценится образование, культурные нормы будут поощрять студентов прилагать максимум усилий в учебе, а родителей — вкладывать средства в образование своих детей. В культурах, где гостеприимство рассматривается как высшая добродетель, культурные нормы во многом определяют социальное поведение гостей и хозяев, а также регламентируют процесс выбора и вручения подарков.

В каждом обществе, точнее, в его ОНР имеется собственная иерархия ценностей. Поведение людей, игнорирующих или отвергающих эти ценности, общество расценивает как антиобщественное или ненормальное.

Несмотря на то что в очевидности наличия ценностей в окружающем мире одни исследователи не сомневаются, другие столь же уверенно заявляют, что их нет в мире. В. Декомб (2000, с. 308–309), например, считает, что, если ценности и существуют, они не могут иметь основания, а если они имеют основания, они не являются ценностями. Если бы ценности были, они бы существовали, хотим мы того или нет.

Он (там же) отмечает, что исследователи обоснованно беспокоятся о том, что самые серьезные вопросы существования начинают чересчур походить на вопросы вкуса. Нам говорят: то, что существует на самом деле, — это, например, не вкусный шпинат, но скорее шпинат и я, любящий его нежным, приготовленным на пару и т. п. Говоря таким образом, мы даем пищу для релятивизма («у каждого свои ценности»), историцизма («другая эпоха — другие ценности») и нигилизма («само по себе ничто не имеет ценности»).

Этой точки зрения противостоит другая, декларирующая объективное наличие ценностей в мире. Д. фон Гильдебранд (2006, с. 443–445), например, критикует то, что считает широко распространенным предрассудком, — утверждения, согласно которым ценности являются не свойствами объекта, а только чувствами или воздействиями, вызываемыми предметом в нас. Он не согласен с идеей о том, что мы не можем постигать, наблюдать и устанавливать ценности, приписываемые нами объекту, подобно тому как делаем это в отношении нейтральных свойств.

В качестве доказательства объективного наличия в мире ценностей автор (2006, с. 448) приводит в пример мелодию, красота или неблагозвучность которой дана, по его мнению, нам так же непосредственно, как и сама мелодия. Мы открываем красоту мелодии как нечто присущее самой мелодии. То, что узнавание красоты является иным видом постижения, иным типом восприятия, которое отличается от остальных типов не меньше,

чем слух от зрения, по мнению автора, ничего не изменяет в том, что это познание является подлинным «сознанием чего-то».

Однако красота или некрасивость, ценность или никчемность того или иного объекта не воспринимаются человеком непосредственно, как полагает автор, а усваиваются в процессе интериоризации специфических оценок, существующих в общей объективной психической реальности. Научиться понимать и эстетически оценивать мелодии, картины, другие произведения искусства гораздо труднее, чем научиться просто слышать мелодии. Кстати, сам Д. фон Гильдебранд (2006, с. 446) пишет, что для восприятия мелодии требуется намного больше, чем для того, чтобы услышать звуки. Совершенно немзыкальные люди не узнают мелодии, хотя они не глухие.

То есть даже для того, чтобы услышать, а тем более оценить мелодию, нужно много и долго учиться. Сенсорное восприятие мелодии может лишь сопровождаться эмоциональным тоном «приятное — неприятное». Что же касается рациональной оценки «ценное — никчемное», «красивое — некрасивое» и т. п., то она не может быть просто результатом восприятия и автоматически его сопровождать как эмоциональный тон.

Мне представляется очевидным, что **ценностей, к которым относят главным образом духовные сущности, то есть объекты ОНР, нет в окружающем людей физическом мире. Но они тем не менее есть в объективной психической реальности. Причем есть общие для большинства людей Земли ценности, есть ценности, общие для членов определенного общества и есть ценности, особо значимые лишь для конкретных групп людей.**

Надо, впрочем, отметить, что понятие *ценности* применяется и по отношению к материальным предметам. Например, Р. Г. Апресян и М. В. Колытина (2007, с. 172–173) полагают, что ценности — это представления, в которых отражается значение (положительное или отрицательное) для человека предметов, событий или явлений с точки зрения удовлетворения его потребностей и интересов. А философ М. Гайгер (2006, с. 333) отмечает, что эстетическая ценность или малоценность основана не на реальных, а на феноменальных особенностях предмета.

Не очень удачен термин «феноменальные особенности предмета», но он подчеркивает важный момент. Ценность не в том, что эфес шпаги отделан золотом и драгоценными камнями, а в том, что это шпага известного полководца прошлого. Старое платье мало кому нужно само по себе, но как предмет одежды Мэрилин Монро, например, оно может представлять для кого-то культурологическую ценность. Старый автомобиль уже не ездит, старый дом полуразрушен, но они ценны как памятники прошлой эпохи. Все эти физические сущности являются еще и объектами ОНР, что, собственно, и делает их ценными для людей.

В объективной психической реальности пребывают разные по значимости и ценности ее сущности. Посягательство на одни из них может вызывать у членов общества гораздо более мощные эмоции, чем посягательство на другие. Если вы демонстративно сожжете флаг своей страны или погасите Вечный огонь, вас могут посадить в тюрьму. Если вы начнете призывать изгонять из страны мигрантов, вас осудит большинство людей. Но есть множество сущностей, попытки критического обсуждения и даже разрушения которых оставляют людей равнодушными.

По мнению Г. В. Осипова и С. Г. Кара-Мурзы (2013, с. 38–39), большую роль в подрыве рациональности в середине 1980-х гг. сыграло в России понятие *общечеловеческие ценности*. В его основе лежит убеждение, будто существует некий единый тип «естественного человека», суть которого лишь слегка маскируется культурными различиями и этнической принадлежностью. И поэтому для всех людей важны общечеловеческие ценности. Однако никаких общих человеческих ценностей нет и быть не может. Ценности не «записаны» в геологических структурах и не передаются по наследству («генетически»). Они передаются из поколения в поколение через обучение самыми разными способами. При этом отдельные ценности обладают изменчивостью и могут существенно видоизмениться в течение жизни одного поколения. Хотя их совокупность обладает большой устойчивостью.

Авторы (2013, с. 41) пишут, что идея о существовании какой-то устойчивой шкалы ценностей для всех времен и народов не только ложная, но и явно неправдоподобная. Более того, ценности, господствующие в разных культурах, могут становиться в ходе развития не просто несовместимыми, но антагонистическими.

Определим несколько основополагающих для современного западного общества ценностей. Например, свобода, демократия, добро, счастье, справедливость. И. Валлерстайн (2020, с. 229) замечает: в современном мире столько говорят на тему свободы и демократии, что порой даже трудно по достоинству оценить, что же это такое. И продолжает: вряд ли в современной миросистеме есть хоть одно государство, которое отвечало бы всем требованиям истинной демократии (там же). Тем не менее эти сущности играют огромную, даже слишком преувеличенную коллективным Западом роль в его жизни.

Свобода — достаточно аморфная сущность ОНР, которую можно определить как способность и возможность человека полностью контролировать свой выбор, свои решения и действия в пределах, предоставляемых ему физическим миром и доброжелательно настроенным к нему обществом. Первый рубеж человек не может преодолеть, а второй — не должен преодолевать, так как это аморально и безнравственно.

Добро — сущность ОНР, которую можно определить как то, что приносит пользу людям (в отличие от зла — того, что приносит людям вред),

бескорыстные дела и мысли людей, приносящие другим людям что-то нужное и важное для них, способствующие торжеству нравственности, гуманизма, развитию прогресса, жизни и процветанию общества, не сопровождающиеся требованием и ожиданием ответной благодарности.

Счастье — сущность ОНР, которую можно определить как обычно непродолжительное комплексное переживание чувства удовольствия, радости, высшего удовлетворения, спокойствия и других положительных эмоций, возникающих в процессе репрезентирования и оценки своего текущего психофизического состояния и собственного положения в мире и обществе.

Справедливость — очередная аморфная сущность ОНР, которую можно определить как положение дел, при котором соотношение вклада и результата одного участника аналогично их соотношению у всех других, «доход» каждого участника от взаимоотношений пропорционален его «вкладу»; вариант «честного подхода к делу», когда равновесие интересов участников поддерживается без соотнесения их с чувствами и без выказывания предпочтения той или иной стороне; наконец, чувство духовно-нравственной правильности, согласованности с совестью, законности чего-либо (поведения, решения и т. д.).

Очевидно, что перечисленные **ценности**, впрочем, как и все остальные, **представляют собой сущности, сконструированные человеческим сознанием на основе многих и весьма разнообразных референтов, реально присутствующих в мире и в том числе в сознании людей. Однако сами эти сущности весьма сложно и очень по-разному соотносятся со своими референтами, а главное — отсутствуют без человека в реальности.**

Убеждения

У человека постоянно возникают репрезентации окружающего мира и самого себя. В памяти сохраняются лишь наиболее очевидные и верные, с его точки зрения, представления об окружающем, своего рода квинтэссенция субъективно самых достоверных репрезентаций реальности. Эти наиболее устойчивые преимущественно вербальные репрезентации мира и себя в нем принято называть убеждениями¹.

¹ Убеждение — это: 1) идея, принятая на основании собственного опыта, размышлений и личной системы ценностей существования (В. А. Жмуров, 2012); 2) обобщения, которые мы делаем в отношении самих себя, других людей и окружающего нас мира, а также правил поведения в нем (Я. Мак-Дермот и Дж. О'Коннор, 1996); 3) твердая вера человека во что-либо, основанная на фактах и убедительных доказательствах (Р. С. Немов, 2007, с. 444); 4) результат мыслительной деятельности, в процессе которой субъектом формируется обоснованное представление о чем-либо (Человек: анатомия, физиология, психология, 2011, с. 592).

Однако это не все особенности убеждений. **Убеждения сопровождаются не только уверенностью в их истинности, но и потребностью реализовывать их в жизни, то есть доказывать их правильность, в том числе пытаясь изменять чужие убеждения.** Они связаны с ценностями и влияют на восприятие и интерпретацию реальности.

Следовательно, мы можем сказать, что убеждение — это нечто вроде итоговой преимущественно вербальной психической конструкции, репрезентирующей определенные элементы реальности (мира, действий человека в нем, результатов этих действий и т. д.), сопровождающейся интрапсихическим ощущением веры в ее достоверность¹, тесно связанной с ценностями конкретной личности, участвующей в формировании самой личности, весьма значимой для нее эмоционально и оказывающей на ее поведение сильное мотивирующее влияние.

Получается, что убеждения, с одной стороны, — это нечто вроде итоговых репрезентаций или выводов о мире и о себе в нем, которые человек формирует на протяжении жизни. Следовательно, они должны касаться всех аспектов его жизни. С другой стороны, на практике убеждения связывают главным образом с узким фрагментом социальной реальности — с социально-позитивным отношением личности к людям, обществу, родине. То есть резко сужают спектр убеждений до относительно небольшого, хотя и важного сектора обобщающих вербальных репрезентаций. Что совершенно неправильно.

Если убеждения — это преимущественно вербальные репрезентации важных элементов мира и особенностей взаимодействия субъекта с ним, то можно ли сказать, что убеждения — это специфический вариант вербальных знаний?

Широко известно, что усвоенные индивидом социальные нормы порой существуют в качестве вербальных знаний как бы параллельно с его личностными устремлениями, обусловленными в том числе его убеждениями. То есть человек может прекрасно знать, как следует поступать в соответствии с социальными нормами, но поступает совершенно иначе. Следовательно, его твердое вербальное знание о том, как необходимо поступать, должно трансформироваться во что-то еще, чтобы стать его убеждением.

Оно, условно говоря, должно быть принято «я» в качестве не просто известного и правильного знания «для других», но знания, истинного именно для него. Вербальные репрезентации должны стать чем-то вроде бесспорного личного знания, стать тем, что индивидууму безальтернативно необходимо учитывать в своих действиях. Таким образом, **убеждения — это не просто**

¹ Как пишет В. Г. Белинский, «как скоро убеждение человека перестало быть в его разумении истинным, он уже не должен называть его своим...» (1955, с. 276).

вербальные знания. Это всегда и только включенные в структуру личности и связанные с ее ценностями, а потому эмоционально насыщенные знания, способные превратиться в мощные мотивы ее поведения.

«Убеждения» (если рассматривать значение данного термина шире) могут и должны касаться не только социальных аспектов жизни, но и самых разных других ее сторон — производственных, научных, медицинских, культурных, философских, эстетических, связанных с образованием и воспитанием, верованиями, собственным «я», семейной жизнью, отношениями между людьми, между человеком и природой и многим, многим другим.

Убеждения не только побуждают человека действовать в соответствии с ними, но и отличаются высокой резистентностью к попыткам их разрушения извне, что является одним из важных проявлений феномена психической защиты. Они побуждают человека отстаивать их в условиях объективно существующих препятствий, прямого противодействия со стороны окружающих и даже нередко в ущерб собственному «я».

Устойчивые психические конструкции, репрезентирующие мир, часто живут в сознании собственной жизнью, как самостоятельные сущности, влияя на прочие вновь возникающие психические конструкции и плохо подчиняясь влиянию новых и даже более адекватных репрезентаций реальности.

В. Декомб (2000, с. 11), например, пишет, что мы влюбляемся в текст, из которого «не перестаем узнавать то, что уже знали». И приводит слова М. Мерло-Понти (*Merlau-Ponty M. Phénoménologie de la perception.* — Gallimard, 1945. — Р. 11) о том, что мы обнаруживаем единство феноменологии и ее подлинный смысл в себе самих. Многие из наших современников, читая Э. Гуссерля (цит. по: Merlau-Ponty M. (там же)) или М. Хайдеггера (цит. по: М. Merlau-Ponty (там же)), чувствовали, что они не столько встретились с новой философией, сколько узнают то, что ожидали узнать.

То есть, знакомясь с чужими мыслями и идеями, мы в первую очередь обращаем внимание на их сходство с нашими собственными. И это сходство, если оно есть, нас особенно привлекает и вдохновляет, хотя мы «узнаём то, что уже и так знали».

Возможно, склонность людей не просто обмениваться вербальным содержанием собственного сознания, а буквально навязывать окружающим свои представления о мире — идеи, верования, мнения, соображения, взгляды, оценки, опасения, правила, но в первую очередь убеждения является формой защиты собственного психического содержания.

Д. Майерс (2001, с. 132) пишет, что феномен, названный «стойкостью убеждения», показывает способность убеждений жить своей собственной жизнью и выживать даже после дискредитации доказательства, которое их породило. Он (там же) приводит данные Росса и Андерсона (Ross & Anderson,

1982), которые в эксперименте навязывали людям ложные убеждения, а затем пытались дискредитировать их. Исследователи обнаружили, что на удивление трудно опровергнуть неправду, если человек логически уже обосновал ее.

Ссылаясь на Jelalian & Miller (1984), Д. Майерс (2001, с. 132) заключает, что чем тщательнее мы проверяем свои теории и объясняем, почему они могли бы быть истинными, тем более закрытыми мы становимся для информации, которая может пошатнуть наше мнение. Когда мы обсуждаем, почему обвиняемый может быть виновен, или почему человек, который при первой встрече произвел на нас негативное впечатление, поступает так-то, или почему купленная нами акция повышается в цене, наши объяснения могут продолжать существовать, несмотря на очевидные доказательства обратного.

Д. Майерс (2001, с. 133) цитирует Л. Росса и М. Леппера (L. Ross & M. Lepper), показавших, что для того, чтобы изменить убеждение, часто требуются более убедительные доказательства, чем для того, чтобы создать его. Причем мы становимся пленниками моделей собственного мышления, поэтому оказывается, что «каналы», которые так часто видны на Марсе, являются результатом разумной жизни — «интеллекта на земной стороне телескопа».

В формировании устойчивой и уникальной личностной структуры человека вербальные убеждения играют важнейшую роль, так как они составляют основную часть мировоззрения личности. Можно лишь согласиться с авторами (С. Ю. Головин, 1998, с. 498; А. В. Петровский, 2005), которые пишут, что, образуя упорядоченную систему взглядов (политических, философских, эстетических, естественно-научных и др.), совокупность убеждений выступает как мировоззрение человека.

Наличие убеждений в качестве особой психической сущности вряд ли может вызвать особые возражения.

Все ли убеждения вербальные? Бывают ли чувственные убеждения?

В психологии принято говорить только о вербальных убеждениях. Причем они возникают всегда лишь в итоге сложных многолетних процессов социализации и становления личности, связаны с приобретением ею относительно широких и глубоких знаний, с наличием развитого мышления, критического отношения к действительности и с формированием активной жизненной позиции. И тем не менее существуют весьма похожие на убеждения чувственные психические репрезентации.

Кажется, у Х. Ортеги-и-Гассета (1997) я читал об убежденности человека в том, что за дверью его дома находится определенная улица с известными ему домами. Можно продолжить его мысль: мы убеждены и в том, что если войдем в магазин, лифт, метро, поликлинику и т. д., то увидим совершенно определенную реальность. И мы будем крайне удивлены, если

наша убежденность нас подведет и вместо эскалаторов в метро мы увидим авиакассы или прилавки рынка.

Мы уверены, что если человек споткнется и упадет или сунет руку в огонь, то ему будет больно; если зачерпнуть рукой воду, она вытечет; что за днем наступит ночь; что солнце встает и садится и т. д. и т. п. Эта наша убежденность в адекватности наших чувственных репрезентаций не менее жестко, чем наши вербальные убеждения, влияет на наше поведение. Мы не менее активно и упорно, чем свои вербальные убеждения, готовы отстаивать эти свои чувственные представления о мире.

Мне могут сказать: такие чувственные репрезентации вовсе не являются убеждениями; у нас просто есть убежденность в их правильности.

Но что такое убежденность?

На основании определений, представленных в Психологической энциклопедии (НЭС, 2022), можно предложить следующий вербальный концепт, раскрывающий значение этого понятия. *Убежденность — это переживание человеком уверенности в собственных знаниях и взглядах (И. А. Стоименов и др., 2003), подтверждаемое с его стороны аргументами, фактами и соответствующей логикой доказательства либо верой (Р. С. Немов, 2007); нечто имеющее отношение к его личности, связанное с его ценностно-потребностной сферой и выступающее регулятором его поведения (Ю. В. Байковский и др., 2018).*

То есть убежденность — это не только переживание достоверности собственных репрезентаций, но и нечто связанное с личностью индивидуума, его ценностями и влияющее на его поведение. Получается, что убежденность — нечто очень близкое к убеждениям. Что и неудивительно, так как вербальные конструкции, которые являются убеждениями, характеризуются наличием убежденности в их достоверности.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 296) пишет, что человек без убеждений не существует. Жизнь — это всегда пребывание в каком-либо убеждении, вере в мир и в себя.

Действительно, глобальная чувственно-образная модель-репрезентация окружающего нас мира и нас самих в нем, сформировавшаяся у нас еще в детстве, всегда исподволь присутствует в нашем сознании, составляя наши наиболее устойчивые чувственные убеждения. Благодаря ей мы всегда ориентированы в мире. Благодаря ей мы убеждены в том, что именно увидим за своей дверью, за углом соседнего дома, за поворотом улицы, за дверцей своего холодильника, за иллюминатором самолета и т. д.

Термин «убеждения», однако, подразумевает уже некий элемент анализа, а следовательно, наличие в репрезентациях вербального компонента, поэтому нельзя говорить о чувственных убеждениях. Правильнее обсуждать смешанные чувственно-вербальные репрезентации, в которых чувствен-

ная составляющая даже преобладает. Трудно, конечно, спорить с тем, что уровень вербальных убеждений принципиально иной по сравнению с убеждениями чувственными. И если мы все же не готовы называть такие репрезентации мира преимущественно чувственными убеждениями, значит, необходимо найти другой термин.

Мировоззрение

Очередной сущностью ОПР является мировоззрение — формирующаяся на протяжении всей жизни человека в обществе и в большой степени определяющая его поведение устойчивая, мотивационно и эмоционально окрашенная совокупность связанных между собой преимущественно вербальных репрезентаций мира, ценностей и целей, стратегий поведения людей вообще и своего собственного поведения в частности. Ее образуют максимально интеллектуально проработанные и завершенные вербальные репрезентации, как уже превратившиеся в убеждения, так и еще не достигшие уровня убеждений, — взгляды, представления, принципы, идеи, знания, мнения, верования и заблуждения.

Мировоззрение оказывает мощное мотивирующее воздействие на человека, регулируя его поведение и определяя особенности его личности. **Жесткие, преимущественно вербальные конструкции мировоззрения играют главную роль в формировании каркаса уникальной личностной структуры человека.** Именно они ответственны за то, что каждый человек, как уже отмечалось выше, непроизвольно стремится отстоять свое мировоззрение и распространить его по крайней мере на окружающих людей.

Обсуждая мировоззрение уже как сущность ОПР, нельзя не отметить, что она очерчена в психологии лишь в самом общем виде. Хотя, несомненно, имеет право на выделение.

Стереотипы

Слово «стереотип» обозначает совокупность широко распространенных в определенном обществе или социальной группе стандартизованных, традиционных, привычных, односторонних и упрощенных чувственно-вербальных репрезентаций определенного социального объекта или явления, связанных с преувеличением какой-то стороны репрезентируемой сущности, эмоционально окрашенным предубеждением или сформировавшейся не вполне справедливой ее оценкой.

Различают культурные, этнические, половозрастные, политические и другие стереотипы. Они часто формируются в рамках доминирующих политических, социальных и культурных представлений, так как

продвигаются господствующими в обществе институтами, например через средства массовой информации.

Термин «стереотипы» используется сейчас главным образом применительно к социальным объектам и явлениям. Однако в понимании предшественника его У. Липпмана (1889–1974) он имеет гораздо более широкий смысл. У. Липпман (2004, с. 108–109) считает, что системы стереотипов представляют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира. Стереотипная картина мира может быть неполной, но это картина мира, к которому мы приспособились. В этом мире люди и предметы занимают предназначенные им места и действуют ожидаемым образом. Мы чувствуем себя в этом мире как дома. Мы вписаны в него. Мы его составная часть.

По словам автора (там же), любое изменение стереотипов воспринимается нами как атака на основы мироздания. Если в данном мире уважаемые нами люди оказываются негодями, а презируемые нами люди — верхом благородства, то такой мир действует на нервы. Мы видим анархию там, где привычный для нас порядок не является единственным. Система стереотипов не нейтральна. Это не просто способ замены разнообразной и беспорядочной реальности на упорядоченное представление о ней. Не просто сокращенный и упрощенный путь восприятия. Стереотипы служат гарантией нашего самоуважения, проецируют во внешний мир осознание нами собственной значимости, защищают наше положение в обществе и наши права. Стереотипы наполнены чувствами, которые у нас с ними ассоциируются. Они — бастион нашей традиции, в котором мы можем чувствовать себя в безопасности.

Из сказанного У. Липпманом (там же) следует, что **стереотипы — это максимально обобщенные и упрощенные, однотипные и широко распространенные в обществе, преимущественно вербальные репрезентации любых, в том числе сложных, сущностей, репрезентировать которые смогло большинство населения.**

Можно, по-видимому, добавить, что **стереотипы выстраивают нечто вроде упрощенной преимущественно вербальной репрезентации всех аспектов жизни общества и окружающего его мира в сознании членов общества. И эта упрощенная картина мира становится важной частью ОНР общества.** Кстати, не следует ли считать все бесчисленные стереотипы общества особой разновидностью его знаний. Ведь эти пусть и искажающие картину мира репрезентации являются тем не менее его репрезентациями.

Стереотипы оказывают мощное влияние на восприятие и оценку людьми окружающей реальности. С одной стороны, они обобщают, трансформируют и упрощают репрезентации сложных аспектов мира. С другой стороны,

формируют ошибочные представления о реальности и деформируют процесс межличностного взаимодействия. Причем, во многом не совпадая с реальностью, они одновременно плохо поддаются влиянию и корректировке.

Обсуждая трансформацию глобальных научных идей в сознании обывателей, то есть видоизменение сложных вербальных репрезентаций ОПР, У. Липпман (2004, с. 116) замечает, что реально циркулирующие в ОПР репрезентации (терминология моя. — *С. П.*) — это не идеи, сформулированные гениями, а их изменяющиеся имитации, реплики, подделки, аналогии и искажения, представленные в сознании множества людей. Так, марксизм — это не то, что написал К. Маркс в «Капитале», а то, во что верят многочисленные воюющие между собой секты, представители каждой из которых считают себя единственно верными его последователями. Причем именно принятые и циркулирующие в настоящее время интерпретации влияют на поведение людей.

Примером несоответствия общепринятых стереотипов окружающей реальности стали выборы президента США в 2020 году. В сознании большинства даже не просто обывателей, а хорошо образованных и мыслящих людей во всем мире доминировал к этому моменту стереотип об эталонном характере американской демократии. Наличие у себя этих представлений мы даже не замечали и о них даже не задумывались. В соответствии с этим своим стереотипом мы были уверены, что уж США — это несомненный оплот демократии, в котором невозможны никакие манипуляции с выборами. Однако реальность, в которой на выборах по почте голосовали «мертвые души», и различные другие удивительные особенности этих выборов показали полную несостоятельность нашего стереотипа.

У. Липпман (2004, с. 128–129) обращает внимание на то, что стереотипы уже исходно заключают в себе более или менее систематизированные эмоционально окрашенные образы и суждения о репрезентируемом. Объект, который активизирует стереотип, сразу окрашивается определенными эмоциями. Мы немедленно видим благообразного священника, лишенного чувства юмора англичанина, опасного коммуниста, небрежно одетого художника, ленивого индуиста, хитрого восточного человека, жадного еврея, стопроцентного американца и т. д. Суждение, предшествующее получению данных восприятия, само уже является выводом, который еще должен был бы подтверждаться этими данными. Ни справедливость, ни прощение, ни истина не входят в это суждение, ибо оно предшествует получению фактических данных.

Автор (2004, с. 132–137) подробно рассматривает, как стереотипы влияют на наше понимание окружающего, а следовательно, и на нашу жизнь. Благодаря им мы превращаем своих оппонентов в негодяев и заговорщиков. Резкий скачок цен мы приписываем заговору тех, кто на нем

наживается. Ложь газет — проищем капиталистов. Богатство богачей — тому, что они жулики и обманщики. Проигрыш нашей партии на выборах — коррумпированности электората. Не одобряемый нами поступок государственного деятеля — тому, что он либо подкуплен, либо попал под влияние какого-то подонка. Если рабочие бунтуют, они подверглись подрывной агитации и т. д.

У. Липпман (2004, с. 159–160) справедливо отмечает, что доступ к информации затруднен, а наше понимание ее тоже контролируется стереотипами. В результате, наблюдая за последовательностью событий сквозь призму стереотипа, мы с готовностью принимаем сходство или параллелизм за причину или следствие.

Социальные стереотипы интериоризируются нами из ОПР с детства в результате общения с окружающими людьми, в том числе со сверстниками. Но в их формировании играют роль и наше собственное восприятие поведения окружающих людей, и выполняемые ими социальные роли. Нам дарили, и мы в свою очередь дарим мальчикам машинки, самолеты, пистолеты и сабли, а девочкам — кукол, платья, игрушечную мебель и каструли.

Стереотип о мужчине, то есть чувственно-вербальная его репрезентация — это сильный, мужественный, смелый, активный, порой даже излишне грубый и агрессивный, прячущий свои эмоции и слабости защитник, кормилец семьи, добывающий средства для ее существования. Стереотип о женщине — мягкая, любящая, нежная, заботливая, слабая, эмоциональная мать и жена, поддерживающая порядок и уют в доме, занимающаяся воспитанием детей.

Мы даже не замечали эти стереотипы до тех пор, пока в последние десятилетия средства массовой информации не начали об этом постоянно говорить в рамках обсуждения гендерного неравенства. Как не замечаем и другие стереотипы, рассматривая их как правила, обычаи или традиции общества. Как пишет психолог Э. Аронсон (2006, с. 322), мы во многом напоминаем рыбу, которая понятия не имеет, что ее среда обитания — мокрая.

Как сущность ОПР стереотип, безусловно, имеет право на существование, а склонность человеческого мышления к «интеллектуальной экономии», к построению упрощенных стереотипных репрезентаций реальности нуждается в специальном изучении.

Предрассудки и установки

Очередными сущностями ОПР, созданными людьми, являются предрассудки и установки. Предрассудки — это устаревшие или ложные эмоционально окрашенные, лишённые разумных оснований и обычно не поддающиеся исправлению чувственно-вербальные и преимущественно вербальные

репрезентации отдельных фрагментов реальности. Описаны как положительные, так и отрицательные предрассудки, то есть предубеждения как за, так и против кого-то или чего-то.

Непосредственно связаны с устойчивыми репрезентациями окружающего мира и установки. Установка — это внутреннее состояние готовности, предрасположенности человека к определенным действиям, возникающее при восприятии им знакомых объектов и событий окружающей реальности и обусловленное наличием у него опыта взаимодействия с подобными объектами и событиями.

Л. Витгенштейн (1994, с. 214) пишет, что, видя, как кто-то вскинул ружье, он ждет звука выстрела. И делает вывод, что этот звук уже как-то существовал в его ожидании. И если бы не последовало звука, то ожидание не исполнилось бы. Звук и был его исполнением.

Механизм установки заключается в том, что в нашей памяти присутствуют чувственные и чувственно-вербальные конструкции, репрезентирующие знакомые нам процессы, явления, события и т. д. Они приобретаются нами в течение жизни и легко актуализируются в сознании возникающими в нем новыми образами восприятия, похожими на известные нам по прошлому опыту. И позволяют нам предвосхищать то, что нас сейчас может ждать.

Являясь важной адаптационной способностью организма, установки подготавливают его к известному уже ходу событий и к эффективным действиям в них. Наличие установки обеспечивает состояние готовности к немедленному действию и освобождает человека от необходимости заново принимать решения в ситуациях, требующих экстренного ответа.

Существует и другое значение термина «установка» — сложившийся на основе личного опыта привычный способ реагирования человека на определенных людей, объекты, явления, ситуации, события или идеи, обусловленный актуализацией в сознании их репрезентаций (образов воспоминания), вызывающих преимущественно положительную или отрицательную эмоциональную реакцию и аналогичную их оценку. В этом смысле установка — готовность человека к похожим эмоциональным реакциям при появлении в его сознании репрезентации конкретного знакомого объекта. Установки, естественно, оказывают мощное влияние на поведение и взаимодействие человека с окружающим миром.

Д. Майерс (2001, с. 439–440) справедливо замечает, что стереотипные убеждения и установки существуют не только вследствие своей социальной обусловленности, но и потому, что мы естественным образом стремимся сводить сложные взаимосвязи к более простым.

И предрассудки, и установки имеют право на существование как психические сущности.

Защита собственного психического содержания

Формирующаяся со временем в любой психике устойчивая суперконструкция — оригинальный преимущественно вербальный каркас конкретной уникальной личности нуждается в поддержании постоянства своей структуры. Вероятно, поэтому каждый индивидум стремится к сохранению собственных вербальных психических конструкций, правильно, как ему кажется, репрезентирующих мир и его самого, а попытки их изменения извне вызывают у него негативные эмоции и активное противодействие.

Более того, он сам склонен навязывать окружающим собственные вербальные психические конструкции. Что, возможно, повышает их внутреннюю стабильность. Может быть, это происходит вследствие наличия у людей биологически детерминированного стремления к поддержанию собственного гомеостаза, в том числе к поддержанию того, что можно назвать «психическим гомеостазом».

В психике имеется механизм, оценивающий новые интериоризированные вербальные конструкции, то есть чужое для нее психическое содержание. Отношение к этим чужим идеям зависит от эмоций и мотивов, вызываемых последними, степени ясности сознания, воспринимающего эти идеи (сообщение, убеждение, внушение), от имеющихся у человека установок, его доверия к источнику идеи и других факторов.

Сходное поведение множества членов общества в отношении восприятия и принятия вербальных репрезентаций, не соответствующих репрезентациям их собственной объективной психической реальности, выражается в том, что можно условно назвать коллективной психической защитой обществом своей объективной психической реальности от элементов чужеродной психической реальности иного общества, например.

С. Московичи (1998, с. 171) пишет, что все общества испытывают один и тот же страх — страх идей. Они недоверчиво относятся к их воздействию и к людям, которые их распространяют. В каждую эпоху они отвергают группы, пропагандирующие новую доктрину или новые убеждения, вообще все меньшинства, которые отваживаются объединяться вокруг запрещенной идеи или неприемлемой точки зрения.

Он (1998, с. 172) объясняет этот страх идей их могуществом, тем, что большинству культур известна способность идей оказать воздействие, не уступающее воздействию физических сил. Можно заменить слово «идея» другим термином: идеология, мировоззрение, миф, информация или социальное представление. Неважно, как мы назовем эту силу: магия,

господство, внушение, молитва или коммуникация. Люди подвергаются ее давлению и принимают ее условия.

Само понятие *психическая защита* конституирует очередную сущность ОНР, наличие которой в индивидуальной психике предполагают многие психологи. Ясных и убедительных механизмов этого процесса исследователями пока не описано. Все сводится к констатации самого факта наличия защиты, тем не менее есть все основания для сохранения данной психической сущности.

Тезисы

1. Сегодня нет ни общепринятого определения понятия *личность*, ни даже понимания структуры этой сущности ОНР. Однако у нас есть основания считать ее реальной психической сущностью или группой сущностей.
2. Такие психические и социальные сущности, как убеждения, мировоззрение, морально-нравственные ценности, совесть, долг, ответственность и многие другие, были конституированы нашими предшественниками. Но все они имеют референты в реальности, и задачей исследователей является лишь уточнение формирующих их концептов.
3. Убеждения человека и его мировоззрение как совокупность этих убеждений представлены в психике преимущественно вербальными конструкциями, репрезентирующими обобщенный опыт индивидуума, касающийся самых разных сфер его жизни в мире и обществе и способов эффективного взаимодействия с ними.
4. Мировоззрение, составляя важную часть индивидуальной психики, образует нечто вроде жесткой психической структуры, своеобразного психического каркаса уникальной личности. Наиболее достоверные с точки зрения индивидуума вербальные репрезентации мира и его в нем, сформировавшиеся у него на протяжении десятилетий, плохо поддаются коррекции, переживаются им как несомненно истинные, часто приобретают мотивационный компонент и начинают влиять на его поведение. Они побуждают человека действовать в соответствии с ними, даже несмотря на возможные негативные последствия таких действий лично для него.
5. Человеческие ценности (мораль, нравственность, добро, истина, справедливость, верность, честь, свобода, равенство и т. д.) пребывают в ОНР, но имеют референты в психике и окружающем мире. Есть все основания считать их продуктом общества, а не чем-то исходно

присущим Вселенной или завещанным нам Богом и независимым от людей. Несмотря на свою социальную природу, ценности жизненно необходимы для сохранения и развития общества, а следовательно, и для выживания конкретного индивидуума.

6. Психика, как и живой организм, нуждается в поддержании постоянства собственных структур, поэтому человек стремится к сохранению значимых для него собственных преимущественно вербальных психических конструкций, а попытки их изменения извне вызывают у него негативные эмоции и энергичное противодействие. Более того, он склонен активно навязывать окружающим собственные вербальные психические конструкции, что, возможно, поддерживает их внутреннюю стабильность.
7. Большинство людей не готовы принимать чужие вербальные репрезентации реальности, противоречащие их собственным. В сознании членов одного общества присутствует сходное вербальное психическое содержание, которое они оберегают. Члены общества одинаково негативно и настороженно относятся к чужим вербальным репрезентациям, например идеям и мнениям представителей альтернативного общества, не соответствующим их собственной объективной психической реальности. Это можно назвать их коллективной психической защитой.
8. Стереотипы, предрассудки и установки — конституированные исследователями психические сущности, вполне имеющие право присутствовать в психологии.

Глава 2.3.3. Второстепенные, но активно используемые в научной литературе психические сущности

Архетип

Трудно найти создателей большинства сущностей, участвующих в формировании нашей ОНР. Хотя создатели некоторых из них известны. К таким немногочисленным сущностям относится, например, *архетип*. Данное понятие ввел в психологию К. Юнг (1875–1961), хотя сам термин встречается еще в работах Платона (428/427 или 424/423–348/347 гг. до н. э.) и Блаженного Августина (354–430) (цит. по: В. М. Лейбин, 2001, с. 48; В. В. Зеленский, 2008, с. 44–47). Однако К. Юнг (1991; 1995; 1996) придал ему новый смысл, то есть трансформировал данный концепт.

В разных своих работах К. Юнг (1991; 2022) по-разному определяет архетипы. То как типичные образы и взаимосвязи — архетипные представления (1995); то пишет, что архетипы «определяются не содержательно, а только формально, и последнее делается лишь весьма условно» (1996); то замечает, что «сущность собственно архетипа неосознаваема, то есть трансцендентна» (2022); то считает, что «понятие “архетип” означает древнейшие, лучше сказать, изначальные типы, то есть испокон веку наличные всеобщие образы; что к ним применимо выражение “коллективные представления”, которое употреблялось Л. Леви-Брюлем (1857–1939) для обозначения символических фигур в первобытном мировоззрении» (1991).

Один из членов-основателей юнгианской психоаналитической ассоциации М. В. Адамс (2007, с. 159) тоже отмечает, что К. Юнг определял архетип различными способами в разное время. Иногда он говорит об архетипах, как если бы они были образами. Иногда он более строго различает архетипы как бессознательные формы, лишенные какого-либо специфического содержания, и архетипические образы как сознательные содержания этих форм.

Автор (2007, с. 160–161) пишет, что, согласно К. Юнгу, архетипы являются лишь «врожденными возможностями идей». Эти наследуемые возможности «придают конечную форму содержанию, которое было уже приобретено» в индивидуальном опыте. Они не обуславливают содержание опыта, но заключают его в установленную форму, в «пределах некоторых категорий». Архетипы — это коллективное наследование общих, абстрактных форм, которые структурируют личностное частное, конкретное содержание. Архетип «определен по своему содержанию, только если он стал осознанным и, следовательно, наполнился материалом сознательного опыта». То, что переживается сознательно, а затем превращается в образы, бессознательно направляется архетипами.

В аналитической юнгианской психологии понятие *архетип* тоже очень многозначно, расплывчато и неопределенно. Данное обстоятельство привело к тому, что, несмотря на достаточно широкое использование (по большей части вне рамок научной психологии), оно так и не обрело за целый век своего существования ясности и конкретного места среди других сущностей психологии. Р. С. Немов (2007, с. 29) даже пишет, что К. Юнг не привел убедительных доказательств того, что архетипы действительно существуют и оказывают на психологию и поведение человека то влияние, которое он им приписывал. До сих пор не создано ни одного удовлетворительного теста для выявления и изучения архетипов человека, и это само по себе говорит о том, что данное понятие не является операционализированным и верифицированным, то есть научным.

В связи со сказанным автором возникает вопрос — *существуют ли в человеческой психике архетипы и если да, то что они собой все-таки представляют?*

Многие мыслители наряду с К. Юнгом рассматривали и обсуждали понятие *архетип*. Т. Манн, например, так определяет его: «...архетип предстает как изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается сознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предназначенные ей примеры» (1960, с. 175).

Я проанализировал взятые мною из Психологической энциклопедии (НЭС, 2022) два десятка определений термина «архетип»¹ и составил описание того, что исследователи чаще всего понимают сегодня под этим².

Объединить все перечисленные определения и утверждения в виде какой-то психической сущности совершенно не представляется возможным. Поэтому придется согласиться с точкой зрения Р. С. Немова (2007,

¹ В это определение вошли следующие литературные источники: К. Юнг, 2001; Г. Л. Билич, 2001; С. К. Багадирова и А. А. Юрина, 2014; А. Я. Анцупов, 2006; Т. А. Барышева, 2014; В. А. Жмуров, 2012; С. В. Ильинский, 2006; С. Ю. Головин, 1998; Р. С. Немов, 2007; В. М. Лейбин, 2001; Л. Хьел и Д. Зиглер, 1997; И. М. Кондаков, 2003; Р. Корсини и А. Ауэрбах, 2006.

² Архетипы — изначальные простые и фундаментальные образы, существующие с незапамятных времен, но лишённые ясного содержания; переходящие из поколения в поколение идеи, настроения или мысли; своего рода образцы поведения, мышления, видения мира; совокупность базовых идей, унаследованных человеком от предков и определяющих его психологию и поведение в настоящее время; системы установок, являющиеся одновременно и образцами, и эмоциями; коллективные универсальные паттерны (модели, схемы) или мотивы. И так далее.

Считается, что усмотреть архетипы непосредственно невозможно, но можно видеть их проявления в феноменах культуры. Особо отчетливо они проявляются в мифических повествованиях, сказках, снах, а также при некоторых расстройствах психики. Архетипы — это наследство, доставшееся нам от предшествующих поколений, от которого мы не можем отказаться при всем своем желании. Это структурные элементы человеческой психики, исходно скрытые в коллективном бессознательном, общем для всего человечества, присущие каждому народу своеобразные устойчивые представления о явлениях жизни, например о домашнем очаге, о мужчине — добытчике и воине, о женщине — матери, о воде, о мудром старике и т. д. Их примеры: мать-земля, дитя, воин, Бог, рождение, смерть и др.

Также утверждается, что архетипы составляют содержание коллективного бессознательного и лежат в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии, в том числе художественной. Они предполагают наличие у человека подсознания, в котором и пребывают. Они предрасполагают индивидуума испытывать определенные чувства или мыслить определенным образом относительно данного объекта или ситуации.

Архетипы задают общую структуру личности и последовательность образов, всплывающих в сознании при пробуждении творческой активности или под воздействием проблемной, кризисной ситуации. Могут оказывать заметное влияние на выбор человеком способа действий. Архетипов множество, так что составить их полный список практически невозможно.

с. 29), что понятие *архетип* не является сегодня научным. Действительно, этот термин не имеет ясного смысла, и это скорее художественное, литературное, чем научное понятие, широко используемое в психоаналитической и околону научной литературе.

Можно ли дать ему новую жизнь, если вложить в понятие «архетип» реальный смысл, исключив множество прочих неопределенных значений?

Думаю, что можно попробовать, если, например, рассмотреть его как обозначение древних, полузабытых значений наиболее важных для людей сущностей. Для этого надо признать, что архетипы (от греч. *arche* — «начало» и *typos* — «образ»), то есть изначальные образы, не содержатся в коллективном бессознательном, а являются самыми старыми чувственно-образными значениями (концептами) наиболее важных для людей слов, а потому могут быть обнаружены нами и в собственном сознании, и в сознании остальных членов общества. Следует только сразу отбросить идею об их бессознательной природе и уж тем более идею существования «коллективного бессознательного».

Рассматриваемые в таком ключе **архетипы представляют собой совокупности древних родственных, но разных концептов, раскрывающих все новые и новые смыслы наиболее важных для людей объектов и явлений мира. Они — нечто вроде многих самых старых слоев значений, наложившихся друг на друга за прошедшие века и даже тысячелетия.**

Появление в сознании человека чувственной или вербальной репрезентации такого объекта или явления часто актуализирует не один, а многие взаимосвязанные старые концепты. Можно согласиться с выделяемыми К. Юнгом (1995, с. 7–41) «пластами» животного, общечеловеческого, родового, семейного и индивидуального происхождения, но эти «пласты» присутствуют не в «коллективном бессознательном», а в объективной психической реальности и из нее интериоризируются нами.

Хорошим примером архетипизации и мифологизации объекта является динамика понятия *мать*, рассматриваемая Б. Расселом¹.

Из сказанного автором следует, что значение понятия *мать* в человеческой истории постоянно расширяется и сложным образом трансформируется,

¹ «Высшей среди богинь в Вавилонии была богиня земли Иштар. Во всей Западной Азии под различными именами почиталась Великая Матерь. Греки-колонисты, основывая в Малой Азии храмы этой богини, называли ее Артемидой и переняли существовавший там культ. Так возникла «Диана эфесцев». Христианство превратило ее в Деву Марию. Именно совет в Эфесе узаконил титул «Божией Матери», принадлежащий нашей Богородице. Политические мотивы там, где религия была связана с имперским правительством, весьма сильно послужили преобразованию ее примитивных черт. Бог или богиня стали ассоциироваться с государством, и они должны были теперь способствовать не только обильному урожаю, но и военной победе» (2001а, с. 37).

переходя из одной культуры и века в другую культуру и век. Это не просто женщина, родившая ребенка, но и богиня — олицетворение Земли, Артемиды, Диана, Богородица, наконец символ не только плодородия, но и победы, и прочее и прочее. Юнгианский аналитик Д. Л. Харт даже пишет: «...мать получает свою особую силу и влияние на чью-либо жизнь изначально не от конкретной женщины, а из обширной сокровищницы унаследованного человеческого опыта “матери”, то есть из того, что Юнг называет архетипом Матери» (2007, с. 145).

На самом же деле — из существующей в общем психическом содержании сознания членов общества сложной совокупности значений понятия *мать*.

Что такое по-новому понимаемый мною архетип с точки зрения психической феноменологии?

Многие привычные для нас слова имеют не одно и даже не несколько, а множество значений, присутствующих в сознании больших групп людей. То есть эти понятия ассоциированы порой с десятками концептов, которые наслаиваются друг на друга, скрывая под собой предыдущие. Но где-то прошлые значения скрыты не до конца, где-то они прорываются наружу из-под новых наслоений. Старые значения в какой-то момент развития языка вдруг вновь становятся актуальными и начинают преобладать.

Говоря метафорически, архетипы — это «кометные хвосты» из чувственно-вербальных значений старых, но важных для нас слов. Мы вполне осознаем их наличие в собственном сознании, поэтому они отнюдь не бессознательны. Другое дело, что нам не всегда понятны причины их появления в сознании, детали и тонкости этих разнообразных старых значений. Впрочем, нельзя не заметить, что нам вообще часто плохо понятны смыслы и причины того, что происходит в нашем сознании.

Архетип — это многослойная совокупность преимущественно чувственных и смешанных, близких по смыслу, полузабытых сейчас древних концептов, репрезентирующих хорошо известную каждому человеку сущность — землю, воду, камень, дерево, ветер, мать, отца, солнце, жизнь, смерть, хлеб, кровь, дождь, снег, горы, реку, море, брата, врага, мужчину, женщину, страх, рождение, слезы, радость, боль, вождя, войну, работу и т. д. В общем психическом содержании членов общества много архетипов, так как практически все человеческие понятия, имеющие многовековую историю, архетипизировались.

За время их существования вокруг каждого из них не только сформировался «букет» сходных, но отличающихся друг от друга концептов, но и «наросло» множество психических конструкций, репрезентирующих реальные и вымышленные истории — мифы, предания, сказки, легенды, литературные сюжеты и прочее. В каждой из них присутствует основная сущность, приобретшая за время своей длинной жизни множество значений.

Архетипы присутствуют у всех народов и очень похожи, так как они репрезентируют сущности, хорошо известные каждому человеку. Их чувственные концепты настолько сходны сенсорно у представителей разных народов, что языковые различия их обозначений отступают на второй план. Такие чувственные концепты можно назвать универсальными или фундаментальными. Они встречаются во всех культурах, так как лежат в сенсорной основе всех земных языков. Их можно назвать базовыми сенсорными концептами или архетипами.

Недаром К. Юнг пишет: «В каждом отдельном человеке, помимо личных воспоминаний, есть великие “изначальные” образы... то есть унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, каким оно было издавна. Факт этого наследования объясняет тот, по сути дела, странный феномен, что известные сказочные мотивы и образы повторяются по всей Земле в одинаковых формах <...> речь идет о манифестациях более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы. Эти образы и мотивы я назвал архетипами... Архетип есть своего рода готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические представления» (1994, с. 103–114).

Важнейшие универсальные чувственные концепты не являются врожденными, а обозначающие их слова присутствуют в языке каждого человеческого сообщества. К ним близки по своему происхождению более сложные чувственно-вербальные концепты, конституируемые разными этносами на основе общих чувственных репрезентаций и являющиеся значениями таких, например, слов, как «любовь», «дружба», «вражда», «ненависть», «воровство», «зло», «добро», «честь», «убийство», «вера», «верность», «предательство» и т. д. Эти концепты тоже условно можно относить если и не к универсальным, то по крайней мере к сходным с ними.

Зачем известную и понятную сущность — концепт — называть дополнительным термином «архетип»?

Во-первых, «связки» наиболее древних близких чувственных концептов нашей психики, несомненно, хорошо укладываются в рамки одного из многих значений сущности, обозначенной К. Юнгом словом «архетип». Они негенетически наследуются нами и представлены в нашем сознании образами, тесно связанными с услышанными нами еще в детстве сказками, легендами и историями. Эти образы способны сильно влиять на наше настроение и мысли. Впрочем, это и неудивительно, так как старые образные концепты, или архетипы, — это наше древнее психическое наследство, которое участвует в процессах становления и развития каждого из нас, воздействует на нас, нашу жизнь, наше понимание мира.

Во-вторых, термин «архетип» раскрывает очередную сторону концептов, с которой связано множество научных исследований. Архетипы

не скрыты в коллективном бессознательном. Они присутствуют в сознании окружающих нас людей в виде напластовавшихся за века значений важных для человека сущностей. Базовые, а потому и более древние, лежат в основе общечеловеческой символики, в основе мифов, сказок и других созданий фантазии и, естественно, сновидений.

При этом они вполне осознанны и отнюдь не предполагают наличия у человека подсознания, в котором якобы и пребывают. Другое дело, что человек обычно не только не анализирует их так, как это пытаемся сейчас делать мы, например, но даже не задумывается об их присутствии в его сознании. Тем более даже не пытается понять их вербальные смыслы, их связи, причины появления и прочее.

Архетипы как наиболее старые (то есть возникшие в историческом процессе раньше других), но сохранившиеся до настоящего времени, а следовательно, важные концепты предрасполагают индивидуума испытывать определенные чувства или мыслить определенным образом, задают особые установки. Число архетипов отнюдь не приближается к бесконечности, как полагают некоторые авторы, а зависит от конкретного языка и ограничивается тысячами, может быть, даже сотнями. Архетипы, или многослойные базовые значения наиболее значимых для людей понятий, постоянно переосмысливаются и по-новому используются национальными культурами уже не в мифах и легендах, сказках и образах художественной литературы, а в образах кино, массмедиа и шоу-бизнеса.

Архетипы имеют сложную многослойную структуру, хотя при желании мы можем обнаружить все значения любого понятия, даже самые древние и архаичные. Например, понятия *отец*¹.

¹ Слово «отец» имеет несколько наиболее распространенных основных и множество второстепенных значений, которые, как круги по воде, расходятся от его центрального значения. Основное значение слова «отец» — родитель детей. Вот прочие значения: отец — самец по отношению к своим детенышам; отец — биологический отец ребенка; отец — воспитавший ребенка мужчина; отец — отец семейства; отец — глава семьи; отец — тот, кому подражает сын; отец — моральный авторитет; отец — муж женщины, родившей ребенка; отец — зачинатель, родоначальник; Отец — Отец небесный — Бог; отец — название лиц духовного звания (обычно присоединяется к имени или сану), а также при обращении к ним. «Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках». (А. С. Пушкин, 1969, «Капитанская дочка»); отец — тот, кто заботится о ком-либо (находящемся в зависимости, подчинении), покровительствует кому-либо. «Полковник наш рожден был хватом: / Слуга царю, отец солдатам» (М. Ю. Лермонтов, «Бородино»); отец — мн. число: предшествующее поколение, предки. «Отцы и дети» (заглавие романа И. С. Тургенева). Наиболее почетные и уважаемые лица, стоящие во главе чего-либо. Отцы города. «Отечества отцы» (А. С. Чацкий, «Горе от ума»); отец — уважительное обращение к пожилому мужчине; отец — названный отец — лицо, воспитавшее приемыша; отец — крестный отец — мужчина, участвовавший в христианском обряде крещения; отец — посаженный отец — мужчина, исполняющий роль родителя жениха или невесты при свадебном обряде. И так далее.

Психоаналитик и писатель Л. Зойя (2000, с. 18–19) пишет, что отец более агрессивен и строг, чем мать, с детьми и с миром. Это истинное структурное, изначальное положение вещей. Отец носит броню, агрессивную и оборонительную, даже когда обнимает своего ребенка. Это объятие холодно, и ребенок реагирует на него с изумлением или страхом. Такова природа вещей.

По словам автора (2000, с. 17–26), отец (институт отцовства) неизмеримо позже, чем мать, вмешивается в жизнь человечества. Он предполагает проблеск разума и принцип цивилизованности. Тогда как мать в мире людей продолжает свою консолидирующую и всепроникающую роль, характерную еще для мира животных. Отец не столько фигура, которая учреждает, создает дом и управляет им, сколько тот, кто покидает его, чтобы сражаться, а потом сражается, чтобы вернуться обратно (2000, с. 128).

Отец — это не просто родитель, это человек, совершивший психический акт. В Греции — поднявший сына на руки, тем самым усыновивший ребенка или признавший его своим. Л. Зойя (2000, с. 183) пишет, что на самых разных изображениях всегда именно отец поднимает сына на руках к небу.

Кстати, образы мужчины, поднимающего ребенка к небу, заслоняющего собой женщину с ребенком, защищающего с оружием свой дом, сидящего во главе большого семейства, стоящего с ребенком на руках и обнимающего женщину, — все это типичные архетипы.

Наряду с архетипами каждый человек имеет свое собственное специфическое чувственное значение слова «отец», ядром которого является модель-репрезентация его собственного отца. Именно вокруг этого центра в его психике группируются вербальные конструкции, иллюстрируемые архетипами, но сами не являющиеся ими, репрезентирующие дополнительные значения слова «отец».

В психике индивидуума значения любого слова, даже общеизвестные и доминирующие в обществе, приобретают специфическое личностное звучание, обусловленное его индивидуальным жизненным опытом. Он, например, имеет или не имеет своего крестного отца; готов или не готов называть пожилых людей или священнослужителей словом «отец», верит или не верит в Бога-отца и т. д.

Итак, многослойные преимущественно чувственные наиболее древние (в исторической перспективе) концепты любого достаточно старого понятия, репрезентирующего важную для всех сущность, представляют собой архетипы или превратятся в них со временем.

Подводя итог обсуждению архетипов, еще раз повторяю, что понятие *архетип* в силу своей аморфности не имеет сегодня научной ценности. Я рассматриваю его так подробно только для того, чтобы показать, что ему можно дать вторую жизнь.

Коллективное бессознательное

Одной из интересных и важных, но лишь с исторической точки зрения сущностей ОПР является так называемое коллективное бессознательное¹.

Что же такое «коллективное бессознательное» феноменологически и вообще есть ли оно?

С одной стороны, очевидно, что нет никакого «коллективного бессознательного», так как, во-первых, нет «коллективного сознания», а во-вторых, нет даже и «индивидуального бессознательного». С другой стороны, несомненно, есть некие общественные феномены, которые реально оказывают влияние на индивидуальное сознание. Данное противоречие без труда разрешается, как только мы начинаем рассматривать общее (сходное) психическое содержание сознания членов общества. Именно оно включает в себя все то, что разные авторы, в том числе выдающийся и оригинальный мыслитель К. Юнг, рассматривают в качестве «коллективного бессознательного».

Психические комплексы

Не вполне четко очерченной психической сущностью являются так называемые *психические комплексы*. Понятие, как принято считать, тоже ввел К. Юнг, который понимает под комплексами «автономные группы ассоциаций, движимые самостоятельными тенденциями, живущие своей жизнью, независимо от наших намерений» (1994, с. 87).

¹ К. Юнг пишет: «...помимо нашего непосредственного сознания, которое имеет полностью личностную природу и которое, как нам кажется, является единственной эмпирически данной психикой (даже если мы присоединим в качестве приложения личностное бессознательное), существует вторая психическая система, имеющая коллективную, универсальную и безличную природу, идентичную у всех индивидов. Это коллективное бессознательное, оно наследуется. Оно состоит из предсуществующих форм, архетипов, которые лишь вторичным образом становятся осознаваемыми и которые придают определенную форму содержания психики» (1995, с. 72).

И еще: «Коллективное бессознательное есть часть психики, которая отрицательным образом может быть отличена от личностного бессознательного тем фактом, что в отличие от последнего оно не обязано своим существованием личному опыту и, следовательно, не является персональным приобретением. Во время как личностное бессознательное состоит в основном из некогда осознававшихся содержаний, которые исчезли из сознания, будучи забытыми или подавленными, содержания коллективного бессознательного никогда не входили в сознание. Таким образом, они никогда не были индивидуальным приобретением, но обязаны своим существованием исключительно наследственности. Если личностное бессознательное состоит по большей части из комплексов, содержание коллективного бессознательного в основном представлено архетипами» (1995, с. 71).

Он пишет: «Комплекс — это совокупность ассоциаций, своего рода картина более или менее сложной психологической природы; порой за этим психологическая травма, порой же просто болезненность и повышенная напряженность. Довольно тяжело справиться со всем, что сопряжено с такой повышенной напряженностью. К примеру, собираясь сделать нечто для меня очень важное, я начинаю колебаться... время реакции оказывается растянутым. Я начинаю запинаться, моя память не подает мне нужный материал. Эти отклонения обусловлены комплексом, даже в том случае, если предмет разговора не связан с моими личными комплексами» (1994, с. 85).

Термином «психический комплекс» сейчас на практике обозначают как минимум две разные психические сущности: 1) аномальные черты характера человека, его недостатки, тяжело переживаемые им самим и обычно скрываемые от окружающих людей, и 2) группу взаимосвязанных идей и образов, обычно сильно эмоционально окрашенных, которые оказывают длительное влияние на поведение человека. Принято считать, что комплексы складываются в детстве, сознательно подавляются, вытесняются в бессознательное и оказывают воздействие на последующую психическую жизнь индивида.

Мне лично кажется правильным определение психических комплексов, избавленное от бессознательного, — «совокупность эмоционально окрашенных идей или отношений...» (А. Ребер, 2001, с. 362).

Итак, психический комплекс — это сформированная исследователями психическая сущность, представляющая собой совокупность ассоциированных между собой эмоционально негативно заряженных психических репрезентаций какого-то фрагмента прошлой реальности, оказывающая отчетливое влияние на поведение человека. Мне эта сущность представляется вполне реальной и полезной для исследователей.

Культурный код

Интересную новую психическую сущность конституировал совсем недавно по историческим меркам писатель и исследователь К. Рапай (2010), назвав ее культурным кодом. Он (2010, с. 21) пишет, что культурные коды обеспечивают нас прекрасным новым инструментом, подтверждающим истину, которую мы всегда интуитивно ощущали, — наличие выраженных различий между людьми из разных стран, присутствующих, несмотря на общую человеческую природу.

К. Рапай (2010, с. 16–17) пишет, что культурный код — это бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна, в контексте культуры, в которой мы воспитаны.

Восприятие джипа в Америке не совпадает с тем, что стоит за ним во Франции или Германии. Поэтому и код — значение, которое мы бессознательно приписываем этому автомобилю, в каждой стране свой. Причины этого кроются в особенностях тех миров, в которых мы выросли. Для всех очевидно, что культуры разных стран отличаются друг от друга. Но немногие понимают, что именно поэтому люди разных культур по-разному воспринимают одну и ту же информацию.

Перефразируя сказанное автором, можно констатировать, что **даже преимущественно чувственные концепты многих объектов окружающего мира в разных обществах, даже весьма сходных между собой, могут быть очень разными, то есть могут актуализировать в сознании разные вербальные значения, хотя мы этого даже не замечаем. Один и тот же физический объект на самом деле для вас и для другого человека представляет собой совсем не одно и то же.**

К. Рапай (2010, с. 20–21) считает, что солнце для французов ассоциируется с «королем-солнцем» Людовиком XIV. С юных лет французы привыкают воспринимать солнце (по-французски *le soleil* — существительное мужского рода) как существо мужского пола и распространяют этот сияющий и блистательный образ на мужчин вообще. Женщина же, напротив, ассоциируется с луной (слово *la lune* женского рода). И конечно, луна не светит сама, она лишь отражает солнечный свет. Отсюда мы можем многое понять об отношениях французов и француженок, а также о том, какой отпечаток эти понятия оставляют в головах жителей Франции с самого детства. В Германии все наоборот. Солнце — *die Sonne* — женского рода, и немцы считают, что именно женщина несет в мир животворное тепло и свет, растит детей. Мужчины в немецкой культуре — представители ночи, тьмы, луны. Луна — *der Mond* — мужского рода. И опять-таки это немало говорит о взаимоотношениях полов в данной культуре и о тех ролях, которые мужчина и женщина играют в немецком обществе.

Автор (2010, с. 21) обоснованно полагает, что само восприятие слов «солнце» и «луна» может сформировать абсолютно противоположные образы у немцев и французов. Поэтому в каждой культуре существуют своя интерпретация и свой код для этих слов. В совокупности все эти различные коды к всевозможным образам формируют систему координат, которой, сами того не создавая, пользуются представители той или иной культуры. Такие системы координат определяют пути, по которым развивается каждая культура.

К. Рапай (2010, с. 30–32) сообщает, что у американцев арахисовое масло — эмоционально нагруженный объект. Мама приносит своему чаду

бутерброд с арахисовым маслом и джемом, и для него он ассоциируется с материнской любовью и заботой. Во Франции, где этот продукт не распространен, таких ментальных связей не возникает. И арахисовое масло — обычный вид пищи. А вот сыр — совсем другое дело. Он занимает достойное место в каждом французском доме.

Во Франции сыр воспринимается как *живой*. Это легко понять, вспомнив, как французы выбирают и хранят сыр. Они идут в специальный магазин, дегустируют сыры, нюхают их, чтобы определить срок выдержки. Выбранный сыр несут домой и хранят при комнатной температуре под особым колпаком в форме колокола, небольшие отверстия которого обеспечивают циркуляцию воздуха. Код сыра в Америке — *мертвый*. И в контексте американской культуры это естественно. Американцы «убивают» сыр пастеризацией (производство непастеризованных сыров запрещено), упаковывают в пластик («мумифицируют») и хранят плотно завернутым в «морге» под названием «холодильник».

По словам автора (2010, с. 30), дети во Франции очень рано пробуют шампанское. Обмакивая в него кусочек сахара или печенье, они знакомятся с его букетом и отличительными свойствами. Большинство американцев впервые знакомятся с алкогольными напитками в подростковом возрасте. Это совсем иной период жизни в сравнении с тем, когда узнают об алкоголе французы, поэтому и связи устанавливаются иные. Для многих американцев функция алкоголя — довести до состояния опьянения.

К. Рапай (2010, с. 31–33) отмечает, что код автомобиля в Америке — *индивидуальность*. Американец хочет, чтобы его машину нельзя было спутать ни с какой другой. Ему нужен автомобиль, с которым связана память о радостных поездках на уик-энды, о том моменте, когда он впервые сам сел за руль, о юношеских страстях. Код машины у немцев совсем иной — *технические характеристики*. Немецкие производители гордятся качеством своей техники, и это чувство так крепко вросло в культуру, что немец, думая о машине, в первую очередь интересуется ее техническими характеристиками.

Наблюдения и выводы К. Рапая (2010), несомненно, интересны и соответствуют нашему опыту, а конституированная им сущность, названная культурным кодом, вполне имеет право на существование.

Список психических сущностей, подобных рассмотренным в этой главе, легко можно было бы продолжить. Но наша задача заключалась не в их описании, а в иллюстрировании природы и принципов появления этих и подобных сущностей в ОПР. Многие из них очевидно спорны и будут заменены в будущем новыми или подвергнутся существенной трансформации, но некоторые сохраняются.

Тезисы

1. Понятие *архетип* утратило сегодня научную ценность, но мы можем дать ему новую жизнь, если сузим и четко очертим его значение.
2. В уточненном варианте архетипом можно назвать древние, наслоившиеся друг на друга преимущественно чувственные концепты, раскрывающие значение какой-либо одной из важнейших для людей сущностей мира. За века и даже тысячелетия своего существования архетипы вошли в ОПР общества, иллюстрируя мифы, легенды, сказки, верования, истории, смыслы художественных произведений литературы и искусства.
3. Исследователи формировали всегда и продолжают создавать сейчас новые психические сущности. Многие из них уходят в небытие. Некоторые остаются. Одной из таких «удачных» новых сущностей является, например, так называемый культурный код.

Особые области ОПР

Глава 2.4.1. Религиозные верования как специфическая область ОПР

В словарях слово «вера» определяется с помощью других слов — «убеждение», «уверенность» и, наконец, «переживание веры». Круг замкнулся.

Полагаю, веру можно определить как не вполне обоснованное, с точки зрения многих других людей, убеждение человека в адекватности и несомненной истинности каких-либо имеющихся у него вербальных репрезентаций окружающего, недоступных опытной проверке и не подтвержденных фактами или убедительными логическими доказательствами. Или, например, как вытекающее из жизненного опыта и убеждений человека внутреннее ощущение¹ правильности его вербальных представлений о каком-то недоступном для восприятия аспекте мира, их соответствия ему.

То есть вера — это сущность ОПР, в форме которой люди конституировали тот факт, что присутствующие в их сознании некоторые вербальные репрезентации определенных элементов мира представляются им несомненно правильными не потому, что основаны на логических аргументах и фактах, а потому, что сопровождаются специфическим интрапсихическим ощущением их достоверности.

Религиозная вера — не вполне обоснованное, с точки зрения части людей, убеждение человека в наличии в мире высших сущностей,

¹ Появление в сознании некоторых вербальных репрезентаций сопровождается интрапсихическими ощущениями. Одним из них является ощущение достоверности, или истинности, или соответствия возникшей репрезентации окружающему миру. Или, наоборот, ощущение недостоверности репрезентации, ее ложности, неадекватности.

ответственных за бытие мира и человека, и уверенность в несомненной достоверности учения о них, истории их земного бытия и деяний вне зависимости от признания того же наукой и подавляющим большинством других членов общества. По сути дела, **религиозная вера способна сформировать специфическую область ОНР**, представленную в сознании группы верующих людей совокупностью чувственно-вербальных психических конструкций, репрезентирующих мироустройство, утверждающее наличие духовной связи между реальным и сверхъестественным¹.

В основе этой области ОНР лежат мифологические истории, обязательно включающие в себя наличие в мире богов, высших существ или личностей, не являющихся богами, но глубоко почитаемых (Будда, Конфуций, Заратустра и т. д.), а также божественной силы и предметов — символов, внушающих благоговейный страх или вызывающих переживание чуда. Обязательным компонентом религиозной части ОНР является вера в ее истинность, даже несмотря на наличие очевидных противоречий между ней и известной индивидууму научной картиной мира.

Религия складывается из специфической области ОНР, создаваемой сообществом верующих, убежденных в реальности догматов веры и правильности собственного религиозного мировоззрения, а также особой деятельности верующих, основанной на поклонении высшим силам и коммуникации с ними. Она включает в себя привлечение новых сторонников, пропаганду собственных идей и даже их навязывание другим членам общества, а также специфическую культовую практику, представленную обрядами, ритуалами и таинствами, молитвами и богослужением.

Для проведения последних используются культовые предметы, а церемонии происходят, как правило, в специальных местах — церквях, храмах или святых местах, где «случилось чудо». Деятельность верующих регулируется совокупностью вербальных конструкций, предписывающих правила поведения верующих, определяющих общественные ценности и нередко весьма строго регламентирующих образ жизни общества: от семейного быта людей до политики государства.

Э. Дюркгейм (2018, с. 697–698) указывает, что в какой-то момент коллективная жизнь, достигая достаточно высокого уровня интенсивности, порождает религиозное мышление. Человек подвергает изменению среду, которая его окружает. Он приписывает вещам свойства, которыми

¹ Сверхъестественное — некая сверхчувственная реальность, пребывающая вне природы и общества, недоступная восприятию и умопостижению, способная быть творящим началом в отношении материального мира и определять человеческую жизнь.

те сами по себе не обладают, исключительные способности и черты, которыми не наделены объекты обыденного опыта. На реальный мир человек накладывает другой мир — идеальный, который в определенном смысле существует лишь в мышлении человека, но которому человек приписывает более высокий ранг по отношению к первому миру.

Автор (2018, с. 114) отмечает, что религиозные верования всегда являются общими для определенного коллектива, открыто провозглашающего свою приверженность им и исполняющего связанные с ними обряды. Эти верования не просто признаются каждым отдельным членом коллектива, они принадлежат всей группе и придают ей единство. Индивиды, входящие в группу, чувствуют себя связанными друг с другом благодаря одному тому факту, что у них общая вера. Общество, члены которого объединены потому, что одинаково представляют себе мир сакрального и его отношения с миром «профанного», и потому, что выражают эти общие представления в одних и тех же действиях, автор (2018, с. 114) называет Церковью.

Из сказанного Э. Дюркгеймом (2018) следует, что религия, в отличие от других областей ОНР, склонна распространяться и проникать в прочие части ОНР, трансформируя их. Религиозные учения великих религий выходят далеко за пределы чисто религиозной сферы ОНР. В большей или меньшей степени они затрагивают все другие сферы ОНР и имеют свое мнение по основным вопросам человеческой жизни.

Этим объясняется то, что на протяжении полутора тысячелетий, вплоть до XVIII века, ОНР западного мира (и России в том числе), сформированная христианством, эффективно выполняла функции современной научно-атеистической-религиозной ОНР. Неудивительно, что создававшиеся в то время в Европе социальные институты получали теологическую легитимацию, а структура общества и распределение властных полномочий в нем объяснялись и оправдывались их соответствием божественному мироустройству.

В. Декомб цитирует философа К. Касториадиса (*Castoriadis C. Domines de l'homme. — P.: Seuil, 1986. — P. 416*): «Как прекрасно заметил Дюркгейм, религия “идентична” обществу с самого начала и на протяжении очень долгого периода времени: фактически почти во всех известных обществах. Почти повсеместно... организация социального мира носит, в сущности, “религиозный” характер. Религия не “сопутствует”, не “объясняет”, не “оправдывает” организацию общества: она и есть эта организация. ...Именно религия организует, поляризует и устанавливает ценность...» (2000, с. 316).

Автор проводит жесткие аналогии между религией и обществом, то есть фактически отождествляет религиозное верование общества с его объективной психической реальностью. Мне не кажется это правильным, хотя мощное влияние религиозного верования на ОНР общества и сильнейшая ее трансформация в результате этого влияния очевидны.

Р. Г. Апресян и М. В. Колпытина (2007, с. 234–235) обращают, например, внимание на тесную связь между религией и моралью, которая имела место на протяжении всей человеческой истории. В религиозных доктринах нравственное учение всегда занимало весьма значимое место. Религия и мораль ориентировались на одни и те же ценности — добро, любовь, справедливость. В религиозных текстах содержатся нормы, являющиеся общечеловеческими нравственными ценностями, — человеческая жизнь, свобода, достоинство личности, правда, любовь, семья и т. д. Именно поэтому моральные кодексы многих религий схожи, хотя и не имеют генетического родства.

Не следует забывать о том, что религия всегда привлекалась властью для укрепления своего влияния, а это, в свою очередь, способствовало проникновению религии во все сферы ОНР общества.

С. Московичи (1998, с. 47–48) цитирует французского историка Н. Д. Фюстеля де Куланжа (N. D. Fustel de Coulanges, 1984, p. 149): «Чтобы дать им (людям. — С. П.) общие правила, установить управление и заставить согласиться повиноваться, чтобы заставить страсть уступить разуму, а индивидуальный разум — общественному, нужно, разумеется, что-то более возвышенное, чем материальная сила, и более уважаемое, чем интерес, более неоспоримое, чем философская теория, и более незыблемое, чем договор, нечто, что в равной степени существовало бы в глубине всех сердец и занимало бы в них господствующее место. Это нечто есть верование».

С. Московичи продолжает: «Неважно, поддерживается ли это верование мифом, идеологией или наукой; с того времени, как оно существует, люди ощущают животворность связи, которая их объединяет, исключительную силу его убеждения, притягательность цели, заставляющей их действовать сообща. Если без общества мы погибнем, это потому, что без него нет веры. Теперь вы понимаете озарение Дюркгейма: “Социальное есть религиозное”; и почему, как Вебер, он посвятил религии большую часть своего творчества. <...> Замечено, что каким бы материальным и жестоким ни было принуждение, “это не мешает тому факту, что могущество всякого общества — это в основе своей могущество духовное”» (1998, с. 48).

Тезисы

1. Религиозное верование сообщества людей, с одной стороны, формирует в их сознании отдельную область ОНР. С другой стороны, при благоприятных условиях оно способно распространиться на другие области ОНР, специфическим образом «окрашивая» и трансформируя их.

Глава 2.4.2. Математика как особая область ОНР

§ 1. Споры о математике

Без математики просто немыслима современная наука. Но такую роль она стала играть не сразу. Физик Д. Бом (2010, с. 63) пишет, что на ранних стадиях развития науки (например, во времена древних греков) законы механики обычно имели расплывчатую и качественную форму. Однако после работ Г. Галилея (1564–1642) тенденция к выражению научных законов в точной количественной форме начала приобретать все большее значение. Она достигла полного развития в ньютоновских законах движения, выраженных математически с использованием метода дифференциального исчисления.

Из слов автора (там же) следует, что научные модели реальности создавались исследователями с Античности и вплоть до XVII века как вербальные конструкции, качественно описывающие мир. И лишь в последние 300 лет они все больше стали приобретать математический — количественный вид. Причем исследователи начали привлекать уже готовый математический аппарат для количественного описания отношений между вводимыми ими физическими сущностями.

М. Борн (1973, с. 122–123), обсуждая историю взаимоотношений физики и математики, отмечает, что по мере развития теоретической физики последняя все меньше стремилась к построению описательных моделей реальности. Медленно и вопреки сильной оппозиции распространялось убеждение, что качественные модели не только не необходимы, но даже мешают прогрессу. Г. Герц (1857–1894) первым предложил описывать электромагнитное поле, которое он считал самостоятельной сущностью, без объяснительных моделей.

С тех пор, по мнению М. Борна (там же), развитие физики неодолимо шло в этом направлении, так как физические явления имеют собственную математическую структуру, непосредственно выводимую из опыта.

Но конец эпохе объяснительных моделей, а вместе с тем и конец причинному описанию в духе классической физики наступил лишь после установления законов квантовой механики. Теперь физики пытаются найти математическое описание, подходящее к некоторой области экспериментирования, исследовать структуру этого описания, считая ее представляющей физическую реальность, причем неважно, сообразуется ли эта структура с привычными вещами (то есть с окружающими человека на экологическом уровне и доступными восприятию объектами. — С. П.).

В качестве примеров М. Борн (1973, с. 123) приводит искривленное пространство макромира в космологии, а также атомы, ядра и элементарные частицы в микромире, которые имеют мало общего с нашим привычным окружением. Он (1973, с. 126–128) пишет, что системы уравнений и формулы физики не обязательно символизируют то, что можно наглядно себе представить, что знакомо по опыту. И все же формулы эти выведены из опыта при помощи абстракции и непрерывного процесса экспериментальной проверки и отбора гипотез.

В. Гейзенберг (2006, с. 22) вспоминает про убеждение Н. Бора (1885–1962), что математической формулировке обязательно должно предшествовать полное объяснение физической картины. Сам В. Гейзенберг был уже больше Н. Бора готов отказаться от наглядных образов и предпочесть математические абстракции. Он (2006, с. 22) пишет, что в формулах, выработанных им совместно с Х. Крамерсом (1894–1952), угадывалась математика такой силы, что, казалось, наружу проступают первые нити громадной сети глубоких закономерностей.

Мы знаем, что любой физический закон включает в себя два элемента — физические сущности ОНР и выражающие отношения между ними математические формулы. Математические модели теперь все больше заменяют физическую теорию, так как позволяют рассчитывать конкретные количественные параметры, которые можно затем проверить экспериментально. Например, можно вспомнить расчеты А. Эйнштейна (1965), касающиеся отклонения лучей света в поле Солнца, которые позже были подтверждены экспериментально.

Физик П. Девис (1979, с. 172) пишет, что разработанная П. Дираком (1902–1984) математическая теория релятивистских микрочастиц позволила ему предсказать многие принципиально новые явления. С помощью своей теории он смог математически показать, что, например, электрон вращается таким образом, как это решительно не может делать обычное макроскопическое тело. Момент такого вращения — спин — объясняет хорошо известные свойства атомных спектров.

Физик Л. Рэндалл (2011, с. 68–69) пишет, ссылаясь на А. Эйнштейна (1879–1955), что есть различные типы научной истины и разные способы их поисков. Один способ основан на наблюдениях. Так изучают, например, квазары и пульсары. Другой основан на абстрактных принципах и логике. Например, К. Шварцшильд (1873–1916) вывел существование черных дыр как математическое следствие общей теории относительности. Сейчас существование черных дыр выводится как из математической обработки наблюдений, так и из чистой теории, однако на первых стадиях исследования успехи, основанные на этих двух подходах, редко совпадают.

Обычно физики используют уже созданный математиками аппарат для завершения своих теорий. Наиболее известный пример — использование А. Эйнштейном (1879–1955) математического аппарата Г. Минковского (1864–1909), основанного на многомерной геометрии Б. Римана (1826–1886) — Н. И. Лобачевского (1792–1856) — Я. Бойяи (1802–1860), в построении теории относительности.

Специалист по информатике Н. Янофски (N. S. Yanofsky, 2015) пишет, что конические сечения, которые исследовал еще Аполлоний (262–190 годы до н. э.) в Древней Греции, были использованы И. Кеплером в начале XVII века для описания орбит планет, а комплексные числа были предложены за несколько веков до того, как физики стали использовать их для описания квантовой механики.

Физик Б. Грин (2009, с. 345) полагает, что обычно физики сначала развивают мысленную картину, интуитивно понимая в общих чертах физические принципы, лежащие в основе того, что изучают, и только потом ищут необходимые уравнения, чтобы облечь свою интуицию в строгую математику. Однако физик Г. Венециано в 1968 году, напротив, начал сразу с уравнений. Ему удалось уловить неожиданную связь необычных закономерностей в экспериментальных данных по сильным ядерным взаимодействиям с формулой, разработанной Л. Эйлером (1707–1773) столетиями ранее из чисто математического интереса, — бета-функцией Эйлера.

Разные математические модели могут быть достаточно успешно применимы к одной и той же физической теории. При появлении новой математической теории старые математические теории сохраняются, в отличие от старых физических теорий.

Несмотря на очевидные успехи математики в физической науке, соотношение математики с окружающим миром сейчас — это скорее *terra incognita* с отдельными островками знакомой исследователям местности.

Совершенно непонятно, как тот или иной математический аппарат¹ соотносится с конкретными областями физической реальности. Даже успешно использованный в физической теории математический аппарат вовсе не обязательно идеально подходит именно для этих конкретных целей.

Вполне вероятно, что в дальнейшем будут открыты и более успешно применены для тех же целей другие варианты математического аппарата. То есть математический аппарат подбирается случайным образом и исходя из имеющихся завершённых математических разработок, которые применяются по принципу: «Давайте попробуем это, а потом — то или вон то!»

Как правило, сначала математики создают математические теории, не привязанные ни к чему. Потом физики пытаются использовать какие-то из них в своих теориях для моделирования определённой области реальности и в некоторых случаях «попадают в цель» — теория успешно характеризует особенности исследуемого фрагмента реальности, например наличие новых, недоступных пока наблюдению объектов, или предсказывает возможные изменения реальности. Нобелевский лауреат по физике Е. Вигнер (1959) приводит хорошую метафору: используя математику в физике, мы находимся в положении человека, имеющего связку ключей и пытающегося открыть одну за другой несколько дверей. Рано или поздно ему удастся подобрать ключ к очередной двери, но сомнения относительно однозначного соответствия между ключами и дверями у него остаются.

Представляя в виде формул присутствующие в мире отношения и зависимости между количествами сущностей, математика, безусловно, помогает конкретным наукам исследовать окружающий мир, хотя сами математики даже и не пытаются изначально привязывать свои разработки к конкретным фрагментам реальности.

Вероятно, поэтому в научной литературе продолжается оживлённая дискуссия о сущности математики, её роли в познании, о том, что делает человек — «открывает» существующую объективно вне его и независимо от него математическую реальность или все же «конструирует» её (см., например: Р. Пенроуз (2011, с. 107)). В спорах о том, что собой представляет математика, принимают участие большинство выдающихся умов, но мнения ими высказываются прямо противоположные.

¹ «Математический аппарат — совокупность математических знаний, понятий и методов, применяемых в некоторой области науки, а потому необходимых для её понимания и успешной в ней работы. Например, математическим аппаратом классической механики является математический анализ и теория дифференциальных уравнений, математическим аппаратом квантовой механики является функциональный анализ, математическим аппаратом статистики является теория вероятности и т. д.» (Математический аппарат, Научно-образовательная литература).

Одни утверждают, что математика, в отличие от естественных наук, — результат творчества человеческого разума, который просто создает математические сущности и закономерности, не имеющие отношения к окружающему миру¹. Другие доказывают, что результаты математического творчества людей вскрывают базовые принципы и связи, присущие окружающему миру². И приводят множество примеров того, как математика помогла осуществить буквально переворот в разных областях физики.

¹ Математик и физик Г. Вейль (1989, с. 21–22) замечает, что математика есть прежде всего конструкция, а используемые в математике системы аксиом лишь устанавливают границы области значений тех переменных, которые участвуют в конструкции.

Математик и философ Л. Брауэр (цит. по: И. П. Меркулов, 2006, с. 19–20) и его последователи полагают, что математику следует рассматривать только как особого рода интеллектуальную деятельность, как метод познания человеческого опыта, базирующийся на изначальной математической интуиции. Математика имеет непосредственное отношение не к внешнему миру, а исключительно к внутреннему миру людей, их мыслительным процессам, которые путем неопределенного повторения элементарных математических актов можно выстроить в неограниченную последовательность.

Астрофизик А. Эддингтон (2003, с. 188) тоже пишет, что математик никогда не «уклоняется в область смысла». И его действия не могут иметь отношения к окружающим нас вещам, пока мы не возьмем какой-нибудь из его символов и не придадим ему понятного значения — сначала в виде попытки, а потом, если мы увидим, что он удовлетворяет нашим экспериментальным знаниям, уже окончательно.

Физик и философ науки М. Бунге (2003, с. 44–45, 47) полагает, что сами по себе математические теории нейтральны по отношению к каким-либо гипотезам о реальном мире и не несут никакого физического значения. Они служат лишь полезными математическими средствами для достижения цели, которая представляет собой приблизительное решение определенного уравнения, возможно, имеющего какое-то физическое значение.

Нобелевский лауреат физик Р. Фейнман и его соавторы Р. Лейтон и М. Сэндс (2007, с. 216–217) пишут, что все великолепие математики в том и состоит, что в ней мы не знаем, о чем толкуем. А ее законы, доказательства и логика не зависят от того, чего они касаются. Даже самим математикам непонятны причины эффективности математики в физике. Н. Бурбаки пишут: «То, что между экспериментальными явлениями и математическими структурами существует тесная связь, — это, как кажется, было совершенно неожиданным образом подтверждено недавними открытиями современной физики, но нам совершенно неизвестны глубокие причины этого (если только этим словам можно приписать какой-либо смысл), и, быть может, мы их никогда и не узнаем. Во всяком случае сделанное замечание могло бы побудить философов в будущем быть более благоразумными при решении этого вопроса» (1963, с. 258–259).

² Г. Галилей в 1623 году в книге «Пробирных дел мастер» сформулировал свою знаменитую фразу: «Математика — это язык, на котором написана книга природы».

Впрочем, еще древние греки заметили важность математики. Пифагор (около 570–490 годов до н. э.) учит: все, что познается, имеет число, ибо невозможно ни понять ничего, ни познать без него; а Евклид (примерно 325–265 годы до н. э.) полагает, что законы природы — это просто математические выкладки Бога.

Физик-химик А. Л. Бучаченко (2017, с. 36) считает математику «чарующей наукой», в которой заключены магические свойства предсказывать непредсказуемое и объединять необъединяемое. Она изумляет колдовской, мистической способностью угадывать свойства явления. А все фундаментальные физические теории мироздания заключены в безупречно строгие и загадочно точные математические формулы.

В итоге вопрос о том, что же такое математика и чем она является — результатом произвольного конструирования человеческого разума или создаваемым сознанием еще одним вариантом репрезентирования окружающего мира, остается открытым. Есть и многочисленные попытки дать какое-то иное ее объяснение. Л. Уайт (2004, с. 309), например, пишет, что «математические реальности существуют независимо от индивидуального сознания, но полностью зависят от сознания рода. Следовательно, математика в целом, ее “истины” и ее “реальности” являются частью человеческой культуры и более ничем».

С одной стороны, автор прав. И математика, безусловно, часть культуры. Но, с другой стороны, он недооценивает то важнейшее обстоятельство, что **математика не просто творение человеческого разума, а нечто большее, так как за ее конструкциями просматривается окружающий мир.**

Ю. Фримен и Г. Сколимовский цитируют К. Поппера: «...натуральные числа созданы человеком, они являются продуктом человеческого языка и человеческой мысли. И все же таких чисел существует бесконечное множество, столько, сколько никогда не сможет назвать человек или использовать компьютер. И существует бесконечное множество верных равенств между этими числами и неверных равенств — больше, чем мы когда-либо сможем объявить верными или неверными... Неожидаанные новые проблемы возникают как непредусмотренный побочный продукт ряда натуральных чисел, например нерешенные проблемы теории простых чисел... Эти проблемы автономны. Они ни в каком смысле не созданы нами; мы их открываем; и в этом смысле они существуют, неоткрытые, вплоть до своего открытия (Objective Mind, p. 29–30; см. также: Objective Knowledge, p. 159–160)» (2000, с. 241).

Позиция К. Поппера (2002, с. 159–160) хорошо отражает существующую сумятицу в умах исследователей. С одной стороны, натуральные числа созданы человеком, являются продуктом человеческого языка и человеческой мысли. С другой стороны, они явно связаны с окружающим миром. Причем и то и другое очевидно.

Фактом остается лишь то, что каким-то непонятным и удивительным образом математические конструкции способны выступать как количественные модели самых разных фрагментов окружающего мира. Как указывают Н. Бурбаки, «...в своей аксиоматической форме математика представляется скоплением абстрактных форм, причем определенные аспекты реальности как будто бы в результате предопределения укладываются в некоторые из этих форм» (Бурбаки Н. Очерки по истории математики. — М.: Мир, 1965) (цит. по: Е. Вигнер, 1968, с. 540).

§ 2. Количественные сущности мира и математики

Нет сомнения, что математика создает свои, не имеющие вроде бы отношения к окружающему миру математические объекты (натуральные, отрицательные, действительные и комплексные числа, функции, логарифмы, кватернионы, грассмановы числа, группы и т. д.), а затем исследует их свойства, взаимосвязи и отношения. Больше того, даже в школьных учебниках математики¹ прямо написано, что математические объекты в реальности не существуют, они созданы умом человека, существуют лишь в его мышлении и в тех знаках и символах, которые образуют математический язык.

По словам математика А. В. Коганова (2009, с. 73), существование математического объекта относится к теории, которая его описывает, а не к реальному миру. Он может существовать в одной теории и не существовать в другой. Например, в теории целых чисел нет числа между единицей и нулем, а в теории рациональных чисел таких объектов много: 0,5; 0,9 и т. д. Причем в обеих теориях соответствующие факты можно строго доказать.

Автор (2009, с. 73) отмечает, что если свойства математического объекта противоречат аксиомам теории, то объект не существует в данной теории. Если же его свойства несут в себе противоречие, то он не существует ни в одной математической теории. Тем не менее его можно описать (определить математически) и анализировать, например, на наличие такого противоречия.

Математики занимаются теоретическим психическим конструированием своих объектов в исходно заданных ими же умозрительных рамках, то есть в пределах принятых ими аксиом. Математическое конструирование вроде бы исходно никак не соотносится с окружающим миром и лишь позволяет выявлять объективные связи и зависимости между множествами и другими математическими объектами. В конечном счете математики формируют абстрактные символические конструкции или математические законы² и их знаковые эквиваленты — формулы.

Если сами математики говорят, что математические объекты и конструкции из них построены математиками в исходно заданных ими же умозрительных рамках — принятых ими аксиом, то, может,

¹ Лекция 1. Математика как наука. Ставропольский государственный педагогический институт. <https://studfile.net/preview/5373409/>. Лекция 2. Современное школьное математическое образование. <https://studfile.net/preview/5373070/>.

² Примеры математических законов: переместительный и сочетательный (сложения и умножения); распределительный закон умножения; свойство нуля ($a + 0 = a$); свойство противоположного числа ($a + (-a) = 0$); распределительный закон умножения относительно сложения ($a(b + c) = ab + ac$); основное свойство единицы ($a \times 1 = a$) и т. д.

математика — это нечто вроде фантастических литературных миров, выдуманных их авторами?

Несомненным фактом является то, что математические конструкции создаются математиками без какой-либо явной связи с окружающим миром. С одной стороны, они выглядят как результаты личного творчества исследователей. Но, с другой стороны, они явно подчиняются каким-то собственным внутренним закономерностям¹, природа которых нам непонятна.

Что же стоит за конструкциями математики?

Ф. Энгельс (1961, с. 37) прямо указывает, что чистая математика имеет своим объектом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, стало быть — весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затушевывать его происхождение из внешнего мира.

Впрочем, с тем, что математические объекты имеют в физической реальности референты, согласны далеко не все. М. Бунге (2003, с. 49), например, прямо утверждает, что чисто математические понятия не имеют никаких нематематических референтов и не подчиняются никаким нематематическим законам.

Математические объекты, например натуральные числа, без сомнения, созданы человеком, но они созданы им не на пустом месте. За ними в физической реальности что-то стоит. *Что?*

До сих пор в книге обсуждался лишь один способ символического моделирования мира — вербальный. Он является самой древней, распространённой и естественной для людей формой символического моделирования мира, уже репрезентированного ими чувственно. Причем рассмотренные нами в предыдущих главах и вербальный, и чувственный варианты репрезентирования мира касались только качественной² стороны окружающего мира.

¹ А. Эйнштейн (в книге *The world as I see it*, p. 30) указывает: «Тому, кто совершает открытия в этой сфере (в математике. — С. П.), продукты его воображения представляются столь необходимыми и естественными, что он считает их (и хотел бы, чтобы таковыми их считали и другие) не творениями мысли, но данными реальности».

² Качество (или свойство, или характеристика, или признак) — то, что придает репрезентируемому объекту и явлению специфику и позволяет сознанию одни объекты и явления объединять в множества на основании сходства их конкретного свойства, а другие — разделять на основании различия их свойств. Качество, или свойство, репрезентируется чувственно (ощущениями и образами), а также дополнительно с помощью создаваемых вербальных конструкций.

«Качество — существенный признак, свойство, отличающее один предмет или одно лицо от другого» (Словарь русского языка: В 4 т., 1999. — С. 42).

«Качественная определенность предметов и явлений есть то, что делает их устойчивыми, разграничивает их и создает бесконечное разнообразие мира» (А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов, 2006, с. 143–144).

Чувственные репрезентации возникают в сознании произвольно и позволяют дифференцировать конкретные качественные¹ сущности на основе их многочисленных чувственно репрезентируемых психикой свойств. Но **наши чувственные репрезентации открывают возможности не только качественного представления мира.**

На базе чувственных репрезентаций конкретных физических сущностей (предметов, объектов и явлений) сознание формирует репрезентации следующего уровня — символические (по большей части вербальные). Они создаются им как бы в двух совершенно разных плоскостях, проекциях или планах — качественном и количественном. Символические репрезентации качественного плана продолжают представлять в сознании именно качественные стороны уже репрезентированных чувственно качественных сущностей окружающего мира. Тогда как символические репрезентации количественного плана формируются совершенно по иным принципам и репрезентируют мир количественно².

Переформулирую сказанное: у чувственно репрезентированных сознанием физических сущностей есть множество самых разных свойств. На основании этих свойств сознание конституирует и конструирует качественно разные физические сущности и маркирует их образами определенных слов. То есть оно в этом случае продолжает репрезентирование окружающего мира уже на символическом (вербальном) уровне, но по-прежнему (если можно так выразиться) в плоскости разных качеств его сущностей.

Среди разнообразных чувственно репрезентированных сознанием свойств сущностей есть одно необычное — исчислимость. Второй вариант, или способ, символического моделирования мира заключается в том, что сознание принимает в расчет только данное свойство сущностей, игнорируя все прочие их свойства, или качественные аспекты мира. И репрезентирует мир количественно, представляя его лишь в виде разных количественных сущностей.

Для этого **сознание сформировало совершенно новый вид психических объектов**, а можно сказать, психических инструментов, **или особых сущностей — множества³ разной мощности**, то есть содержащие разные

¹ Я называю их так для того, чтобы отличить от количественных сущностей мира.

² Количество — аспект или свойство предмета, которое делает его исчисляемым или измеримым в числовых терминах (А. Ребер, 2001, с. 360). Количество — число, величина, численная определенность. О количестве спрашивают: «сколько», «как много», «как долго» (Е. Ф. Губский и др., 1997, с. 263–264).

³ «Множество — это совокупность элементов, выделенных по какому-либо признаку в обособленную группу» (Основные математические понятия, 2013). Г. Кантор (1985, с. 173) определяет множество как соединение в некое целое M определенных хорошо различимых предметов m нашего созерцания или нашего мышления (которые будут называться «элементами» множества M).

количества всяких прочих сущностей. При этом все качественные особенности сущностей (даже принадлежность их к разным реальностям) сознание игнорирует. Например, три звезды, три президента и три мысли рассматриваются им как три равномоощных множества, содержащих по три элемента.

Каждый из элементов (сущностей), образующих множество, в математике заменен единицей. Количество элементов можно сосчитать. Один элемент — единица, еще один — еще единица и т. д. Количество отображает число единиц, или элементов в множестве. Можно определить количество как особое свойство множества, заключающееся в его измеримости, или исчислимости. Оно позволяет представить любое множество в форме нового числа или цифры. При этом каждой отдельной сущности в множестве соответствует слово «один» или цифра «1».

Множество конституируется сознанием в качестве новой отдельной количественной сущности мира (и самой математики) и обозначается в языке специальным словом — числом — «три», «пять», «двадцать» и т. д. или отдельным графическим символом — цифрой — «3», «5», «20» и т. д. Каждая цифра является символом, или знаком, всех равномоощных множеств, обозначаемых соответствующим числом. Например, цифра «5» — символ пятиэлементных множеств, состоящих из пяти идей, пяти мячей, пяти людей и т. д. Символическое количественное репрезентирование сущностей мира и их множеств радикально отличается от символического качественного репрезентирования сущностей мира.

Десять самых маленьких множеств человек когда-то обозначил отдельными словами и цифрами, создав тем самым первые количественные сущности и первые математические понятия, обозначающие натуральные числа. Особое множество, не содержащее сущностей вовсе, он тоже превратил в самостоятельную сущность и обозначил словом «ноль» и специальной цифрой «0». Позже люди пришли к тому, что мысленно создавать множества можно бесконечно, и создали очередную сущность — бесконечность.

Принципиально важно, что в случае количественного моделирования мира репрезентирование его количественных сущностей, их отношений и связей осуществляется уже не в форме вербальных конструкций, что, впрочем, тоже возможно, но менее удобно. Оно протекает с помощью отличных от слов особых графических знаков, обозначающих цифры, математические действия и т. д. и записываемых в виде формул. Репрезентируются в этом случае уже не бесчисленные качественные элементы сущностей мира, а лишь один аспект, присущий любой сущности и не зависящий от ее индивидуальных качественных особенностей, — ее исчислимость.

Количественно сознание репрезентирует мир в виде бесконечной совокупности разных по мощности сущностей мира (и математики), или множеств, каждое из которых обозначается числом («один», «два», «три» и т. д.) или цифрой («1», «2», «3» и т. д.). Эти особые количественные сущности, или множества, являются объектами ОНР и не присутствуют сами в физической реальности, но, несомненно, имеют в ней самоочевидные референты (десять зерен, пять яблок, сто мешков, девять планет и т. д.). Кстати, они имеют референты не только в ней, но и в социальной и в психической реальности (два правительства, три образа и т. д.).

В силу универсальности такого свойства сущностей мира, как исчислимость, их количественное репрезентирование представляет собой, говоря метафорически, нечто вроде тонкого покрывала, накрывающего весь наш мир и проявляющего для нас его детали, никак иначе не видимые нам без него. Покрывало, или нечто вроде новой оригинальной «черно-белой» проекции привычного качественно многообразного и «многоцветного» мира, распахнуло перед человеком необычные и совершенно неожиданные горизонты для абсолютно нового представления мира. В науке же (особенно в физике) в связи с этим открылись вообще невероятные возможности.

Важно еще отметить, что не только предметы и явления (сущности) мира могут быть представлены в сознании в виде их количеств. Отдельные качества предметов и явлений тоже могут измеряться количествами и заменяться ими. Существует даже возможность количественной градации степени выраженности чувственных репрезентаций, а соответственно, и признаков объектов и явлений. Следовательно, есть не только качественное многообразие наших чувственно репрезентируемых сущностей. Параллельно в сознании может быть представлено и их многообразное количественное выражение.

Что имеется в виду?

Структуру практически любой сущности сознание способно вообразить в виде множества подструктур — более мелких сущностей. Следовательно, любая сущность может быть рассмотрена количественно в виде множества подмножеств. Признаков у предметов огромное количество, и все они, а не только сами предметы тоже могут быть выражены количественно. Данное обстоятельство невообразимо расширяет возможности количественного репрезентирования мира. Само же количественное (читай математическое) представление окружающего мира открывает перед нами новые перспективы с их плохо понятными до сих пор пределами.

Сущности мира находятся между собой в сложных объективных отношениях, изучением которых занимается наука, например физика.

Количества объектов и явлений мира, а главное, количественные выражения их свойств и изменений тоже находятся между собой в сложных объективных отношениях, изначально присущих самому окружающему миру, для представления которых может быть использована математика¹.

Количественные сущности мира, по крайней мере часть последних, например натуральные числа, обозначаемые словами «три», «шесть», «одиннадцать» и т. д. являются, с одной стороны, математическими объектами. С другой стороны, они же являются и сущностями мира, то есть тождественны его объектам и явлениям. Для доказательства этого попробуем ответить на вопрос: *чем сущность, обозначаемая словом «два», по своей физической природе отличается от сущности, обозначаемой словом «животное»?*

У нас есть все основания утверждать, что цифры (и соответствующие слова — «один», «два», «три» и т. д.) точно так же обозначают реальные, более того, даже доступные восприятию физические сущности (хотя и весьма специфические — количественные), как и такие слова, как «стол», «мешок» или «мельница», обозначающие другие реальные физические сущности (качественные).

То есть действия людей, первыми обозначивших словами простые и доступные восприятию количественные физические сущности, ничем не отличаются от действий других людей, первыми обозначивших словами иные доступные восприятию качественные физические сущности — предметы, объекты и явления. И те и другие «открыли» для прочих людей доступ к разным физическим сущностям — качественным и количественным. Сказанное имеет отношение к продолжающейся дискуссии о том, открывают ли что-то математики в мире или изобретают. Думаю, пора подобрать новый термин — третий.

Понятие *два*, например, по механизмам своего формирования ничем не отличается от понятий *животное* или *мебель*. Все они, несомненно, относятся к символическим репрезентациям реальности, хотя и разным. Понятие *два* и цифра «2» — это символические модели количественной стороны мира. Тогда как понятия *животное* и *мебель* — символические модели качественной стороны мира. Все эти понятия следует отнести к общим понятиям, репрезентирующим каждую сущность из определенного множества сущностей. Например, понятие *два* репрезентирует каждое множество, в которое входят две любые сущности. А понятие *животное*

¹ Я исключил из рассмотрения геометрию, во-первых, потому, что математика не является основным предметом книги, а во-вторых, потому, что геометрия представляется мне очень уж специальной и обособленной частью самой математики.

репрезентирует каждое живое существо, входящее в множество, обозначаемое словом «животное».

Присутствуют ли сущности, обозначаемые словами «два» и «животное», в физической реальности, или их там нет?

Очевидно, что обе они являются объектами человеческого сознания и типичными объектами ОПР. Но в то же время они имеют несомненные референты в физической реальности. Те же самые очевидные аналогии легко прослеживаются между прочими более сложными качественными и количественными сущностями, созданными сознанием.

Чем отличаются, например, такие качественные отвлеченные сущности ОПР, как ошибка, цель, принцип, случай и т. п., от таких количественных (или математических) отвлеченных сущностей, как комплексные числа, функции, логарифмы и т. п.?

Ни те ни другие не обозначают доступных восприятию объектов окружающего природного мира. При этом и те и другие конституируют сущности, созданные человеческим сознанием, но, несомненно, имеющие в мире референты.

В литературе часто обсуждается вопрос: *если исчезнут люди, останется ли в физической реальности математика?*

Давайте переформулируем его, чтобы упростить.

Если исчезнут люди, останется ли в физической реальности конституированный нашей вербальной конструкцией психический объект, представленный понятием два¹?

Нет, потому что это объект человеческой объективной психической реальности. Но его референты в реальности, естественно, останутся.

Таким образом, мы можем заключить, что математика, с одной стороны, несомненно, является человеческим творением, целиком зависящим от человека. С другой стороны, ее объекты — натуральные числа, например — имеют «железные» референты в реальности. В результате у нас есть все основания утверждать, что вся арифметика имеет бесспорные референты в реальности, прочно стоит на фундаменте физической реальности и прямо вытекает из наших чувственных репрезентаций мира.

Так окружающий мир сразу позволяет нам проверить адекватность арифметических действий с математическими сущностями (множествами) по результатам соответствующих манипуляций с количествами предметов. В отношении арифметики можно поэтому сказать, что она представляет собой вариант пусть символического и отвлеченного, но вполне понятного

¹ Например: *два — такое количество единиц чего-либо.*

нам количественного репрезентирования человеческих действий с элементами физической реальности.

Однако математик И. М. Яглом (2007, с. 3–4), например, замечает, что, хотя математика и уходит своими историческими корнями в практику, в ходе развития она отрывается от нее и эволюционирует сугубо теоретически, имея дело с абстрактными конструкциями, создаваемыми в голове. Подобная точка зрения широко распространена. Многие исследователи полагают, что математика представляет собой форму психического творчества ради самого творчества. И новые разделы математики разрабатываются людьми вне связи с физическим миром и по внутренним принципам математического конструирования.

С одной стороны, с этим трудно спорить. С другой стороны, есть множество очевидных доказательств того, что математический аппарат эффективно, хотя и избирательно может быть использован для научного репрезентирования мира. Наконец, существует огромное число мнений и свидетельств авторитетных исследователей о том, что математика неразрывно связана с окружающим миром¹.

§ 3. Референты математических сущностей

Что представляют собой референты математических объектов?

Математический объект — это объект, определяемый и изучаемый в математике, например число, множество, функция и т. д. Числа бывают натуральные, целые, рациональные и т. д.

Натуральные, или естественные, числа — это числа, возникающие естественным образом при счете или добавлении единицы к предыдущему числу (1, 2, 3 и т. д.). Это названия новых математических сущностей и одновременно обозначения множеств любых целых сущностей мира, получаемых путем последовательного добавления еще одной сущности к предыдущему множеству. Появление натуральных чисел стало результатом необходимости учета физических объектов и фиксации их порядковой последовательности.

Уже на ступени примитивного счета предметов возникло понимание отвлеченного характера понятия *число* и независимости результата математических действий от подвергаемых подсчету объектов. Действия с числами стали аналогами действий с предметами. Можно было бы сказать, что референтами натуральных чисел являются объекты окружающего мира, а референтами математических действий — действия с материальными объектами. Но, как уже отмечалось выше, на самом деле числа и объекты

¹ См., например, Примечание 5.

мира связаны еще теснее. **Натуральные числа — это, с одной стороны, математические сущности, а с другой стороны, особые количественные сущности реального мира.**

Целые числа — это натуральные числа, числа с отрицательным знаком, противоположные им, и число ноль. Появление целых чисел было результатом необходимости учета долгов и убытков. Часто просто невозможно вычесть из одного натурального числа другое, так как можно вычитать только меньшее из большего. Поэтому людям пришлось расширить множество натуральных чисел путем включения в него нуля и отрицательных чисел, зеркальных по отношению к натуральным. Введение нуля и отрицательных чисел сделало вычитание такой же полноценной операцией, как сложение.

По сути дела, к появлению целых чисел привело мысленное создание человеком последовательности множеств, образованных не сущностями, а пустыми местами для них, то есть создание последовательности множеств, зеркальной по отношению к последовательности множеств, образованной натуральными числами и расположенной на числовой оси слева от нуля. Референтами целых чисел в мире являются доступные восприятию множества, представленные целыми сущностями (семь орехов, три яблока, пять рублей и т. п.), и умозрительные множества, представленные пустыми местами для этих целых сущностей.

Рациональное число — число, которое можно представить в виде обыкновенной дроби. Его появление было обусловлено необходимостью оперировать неполными сущностями (частями предметов, объектов и т. д.). Референтами этих чисел в мире являются количественно выраженные части предметов, объектов и других сущностей, присутствующие в мире вокруг нас. Вещественное, или действительное¹, число — это расширение понятия *рациональное число*.

Мы пока не добрались до предела, после которого математика начинает «отрываться» от мира и превращаться в абстрактную математическую теорию. Может быть, это связано с тем, что главными действующими

¹ «Действительное число, или вещественное число — положительное число, отрицательное число или ноль. Понятие Д. ч. возникло путем расширения понятия рационального числа. Необходимость этого расширения обусловлена как практическим использованием математики при выражении значения любой величины с помощью вполне определенного числа, так и внутренним развитием самой математики, в частности стремлением расширить область применимости ряда операций над числами (извлечение корня, вычисление логарифмов, решение уравнений и т. п.)» (Кудрявцев Л. Д. Действительное число // Математическая энциклопедия / Гл. ред. И. М. Виноградов. — М.: Советская энциклопедия, 1977–1985). Вещественные числа кроме чисел рациональных включают также числа иррациональные, которые могут быть представлены в виде бесконечной непериодической десятичной дроби.

лицами в книге являются более чем абстрактные психические сущности, формируемые сознанием, поэтому математические абстракции не кажутся нам такими уж отвлеченными и далекими от мира.

Следующим важнейшим математическим объектом и одновременно объектом объективной психической реальности является математическая функция. Я уже писал о том, что окружающий нас мир состоит из бесчисленного количества множеств и что почти любую сущность можно представить в виде множества. Как полагают математики, математическая функция — это соответствие между элементами двух множеств, при котором каждому элементу первого множества соответствует один и только один элемент второго множества (Функция. Математический энциклопедический словарь, 1995). Следовательно, очевидным референтом функции является соответствие каждого элемента первого множества одному элементу второго множества.

Буквы в алгебре заменяют любые цифры, тогда как сами цифры замещают количественные сущности мира. Следовательно, выражения алгебры лишь в более общем виде, чем арифметические, моделируют имеющиеся в мире связи между количественными сущностями. Можно было бы продолжать поиск референтов в мире для других математических объектов и математических действий с ними, но я не вижу в этом особого смысла.

Более того, я охотно готов признать, что для многих объектов математики трудно найти очевидные референты в мире. Тем более что об этом говорят признанные авторитеты. Е. Вигнер, например, пишет: «...хотя нет сомнений в том, что понятия элементарной математики, в особенности элементарной геометрии, были сформулированы для описания предметов окружающего мира, такое утверждение уже явно несправедливо для более абстрактных понятий, в частности понятий, играющих столь важную роль в физике» (1968, с. 535).

Действительно, есть много математических объектов, референты которых в окружающем мире обнаружить трудно. Хотя при большом желании все же, наверное, можно. Есть, например, уж совсем, казалось бы, странные и далекие от реальности математические объекты — комплексные и мнимые числа¹. И тем не менее их необычность не мешает использовать их в электротехнике, механике, геодезии и даже самолетостроении.

¹ Комплексные числа представляют собой комбинацию действительных и мнимых чисел. Комплексное число имеет стандартную форму — $a + bi$, где a и b — действительные числа, i — мнимая единица.

Мнимые числа — это числа, которые при возведении в квадрат дают отрицательное число, или квадратные корни из отрицательных чисел, где они не имеют никакого определенного значения. Мнимые числа представлены как произведение действительного числа и мнимого значения i . Примеры: $3i$, $5i$, $25i$.

Следовательно, их не очень заметные нам референты, вероятнее всего, есть в мире, но мы не в состоянии пока даже понять, что в связи с ними следует в нем искать.

*Почему математические сущности и построения математики (по крайней мере на уровне арифметики) адекватны своим референтам в окружающем мире? Почему математические конструкции, несомненно, созданные исследователями, как бы подчиняются каким-то внутренним закономерностям?*¹

На первый вопрос ответ на уровне арифметики очевиден. Натуральные числа и операции с ними и создавались изначально как символические количественные модели сущностей физического мира, отношений и зависимостей между ними. Можно также утверждать, что **математические объекты находятся в жестких и сложных объективных взаимоотношениях между собой, демонстрируемых математикой**².

К тому же **математические сущности имеют в окружающей реальности очевидные и однозначные референты, с которыми «жестко» соотносятся**³. Однако эти их отношения очевидны для нас только на уровне арифметики, где они самые простые и наглядные. Возможно, данное обстоятельство действительно обусловлено ограниченностью нашего разума, как полагают некоторые исследователи⁴.

Применительно к другим, более сложным областям математики ответ не столь очевиден. Тем не менее, **учитывая бесспорные успехи математического моделирования мира, есть все основания полагать, что не только числа и функции, но и другие математические объекты имеют «жесткие» референты в реальном мире**.

Напрашивается также предположение, с очевидностью вытекающее из опыта действий с предметами, что элементы окружающего мира,

¹ Г. Герцу (1857–1894) приписывают такое утверждение: нельзя избавиться от ощущения, что математические формулы живут собственной жизнью и обладают собственным разумом, что они умнее нас, умнее даже тех, кто их открыл, что мы получаем из них больше, чем в них было изначально заложено.

² Если к математическому объекту 2 прибавить объект 3, то без вариантов получится объект 5.

³ Конкретный математический объект, обозначаемый цифрой «5», эквивалентен равномогуществу из пяти объектов — пяти воробьев, пяти зерен, пяти капель и т. д.

⁴ Философ А. Дж. Айер (2010, с. 123–124), например, считает, что способность математики удивлять нас и быть нам полезной определяется ограниченностью человеческого разума. Существа с более развитым интеллектом не проявляли бы интереса к математике, так как видели бы сразу все, что влекут за собой ее исходные определения. Но мы способны обнаружить с первого взгляда лишь незначительную часть и только очень простых следствий наших определений. Вроде того, что $2 \times 2 = 4$. Несколько более сложная тавтология типа $91 \times 79 = 7189$ непосредственно нам уже недоступна.

являющиеся референтами математических сущностей, сами находятся между собой в однозначных и стабильных связях и взаимозависимостях. И конструкции математики — это отнюдь не произвольное творчество и не фантазии исследователей, а проявление и свидетельство глубинных связей, присутствующих в мире между референтами математических сущностей, так как последние адекватны реальности.

Если бы это было не так, то любые психические конструкции, представляющие собой творения человеческого разума, можно было бы использовать для репрезентирования мира. Например, стихи о гравитации или ораторию Баха применить для уточнения теории относительности. Но это невозможно. Следовательно, предположение о случайной совместимости математических инструментов с реальностью слишком невероятно, чтобы быть правдой.

Связи и зависимости, существующие в реальности между референтами математических сущностей, непременно и обязательно проявляются не только в реальности, но и в отражающих их математических конструкциях. Демонстрируя нам эти скрытые связи и зависимости, математика эффективно моделирует мир количественно.

Существует распространенное мнение, получившее название «формалистская философия математики» (см., например работу философа и математика В. Я. Перминова (2006, с. 29–30)), о том, что математика не имеет предмета в окружающем мире, как физика, химия и другие науки, и не исследует аспекты объективной реальности, а представляет собой «лишь метод логической систематизации опытного знания и состоит из совокупности формальных структур, пригодных для этой цели».

А. Дж. Айер (2010, с. 123–124), например, тоже полагает, что математические конструкции «ничего не утверждают об эмпирическом мире», а тавтологии, хотя и могут служить нам проводниками в нашем эмпирическом поиске знания, сами не содержат никакой информации о реальности. То есть, как считает автор, математика бесполезна для нас с точки зрения познания мира.

Прав ли автор?

Думаю, нет. Можно согласиться с тем, что многие математические утверждения представляют собой тавтологию. Однако, во-первых, математика не исчерпывается тавтологиями. Да и тавтологии оказываются нам весьма полезными. Они очень многое утверждают о неочевидных (пусть и только нашему слабому разуму) связях и отношениях референтов математических сущностей, присутствующих в окружающем мире. Самое важное, что они описывают некоторые соотношения количеств в окружающем нас мире. Эти математические выражения, или теоремы, репрезентируют особую количественную проекцию фрагментов реального мира.

§ 4. Репрезентирует ли математика мир?

Непонятно, почему создаваемые математиками в процессе их психического творчества отвлеченные от мира математические теории оказываются вдруг количественными моделями конкретных фрагментов мира. Причем ни математики, ни физики не могут объяснить, почему именно этот математический аппарат подошел вдруг для моделирования определенной области физического мира. Данное обстоятельство вынуждает физиков осуществлять сложный подбор (перебор) математического аппарата, пригодного для математического представления конкретного, исследуемого ими аспекта физической реальности.

Е. Вигнер (1968, с. 541) шутит по этому поводу, что возможное объяснение факта использования физиками математики объясняется их безответственностью. Обнаружив взаимосвязь между двумя физическими величинами, напоминающую связь, хорошо известную ему из математики, физик немедленно приходит к заключению, что найденная им связь тождественна связи, рассмотренной в математике, просто потому, что он не знает никакой другой.

Как всегда, в каждой шутке есть доля шутки, так как автор сам же и заключает: «Не исключено, что это обвинение и справедливо» (там же).

Каждая из качественных физических сущностей объективной психической реальности (длина, масса, сила, работа, электрический заряд, напряжение электрического поля и т. д.) измеряема, а значит, исчисляема, и отношения между ними можно точно выразить, используя это их свойство. Делать это можно, только применяя построенные математикой конструкции, отражающие объективно существующие в мире отношения между множествами.

Нас интересует здесь не то, что физик измеряет и получает количественные сущности в мире, отношения между которыми похожи на отношения между математическими объектами. Нас интересует, почему отношения между математическими объектами (связи между ними, обнаруженные математикой) соответствуют в конечном счете отношениям между сущностями в мире.

То, что математика обнаруживает сложные связи и зависимости между своими, казалось бы, чисто теоретическими и умозрительными математическими сущностями, не может являться случайностью. Хотя бы потому, что многие из этих сущностей, как мы уже обсуждали выше, не только математические, но и одновременно представляют собой сущности мира. Следовательно, связи и зависимости между ними свидетельствуют о наличии аналогичных связей и отношений между их референтами в реальном мире, которые неочевидны для нас.

Можно утверждать, что отвлеченное творческое конструирование математических теорий дает неожиданный «побочный продукт» — возможность применения полученных математических конструкций в качестве количественных моделей самых разных и неожиданных фрагментов окружающего мира. Если бы математика не имела отношения к окружающему миру, ее конструкции нельзя было бы применить для его моделирования. Но исследователям удается ее использовать, следовательно, она, несомненно, связана с окружающей реальностью.

В процессе математического конструирования сознание оперирует не оторванными от мира и совершенно отвлеченными математическими абстракциями, а количественными символическими репрезентациями сущностей мира — множествами. Выявляя сложные объективные отношения и зависимости между множествами и производными от них абстракциями, строя из них математические конструкции, подчиняющиеся собственным внутренним закономерностям взаимодействия множеств, математики невольно создают количественные модели разных фрагментов окружающего мира.

Другая особенность математики заключается в том, что мир обширен, а каждый его фрагмент имеет много уровней. Этим объясняется то, что **построенные человеком системы зависимостей и связей между математическими объектами обязательно представлены где-то в мире реальными отношениями между их референтами.** Наличие у математических сущностей несомненных референтов во всех областях и на всех уровнях окружающего мира (от микро- до макромира) объясняет эффективность экстраполирования отдельных математических конструкций на некоторые области реальности в качестве их специфических количественных моделей.

К тому же, как пишет С. Маклейн (цит. по: Дж. Лакофф, 2004, с. 473), один и тот же опыт может моделироваться математикой более чем одним способом.

То есть конкретный фрагмент реального мира может моделироваться разным математическим аппаратом и разными математическими методами, и, наоборот, один и тот же математический инструментальный может применяться в совершенно разных областях мира.

Математика фиксирует отношения и зависимости между своими объектами в четкой количественной форме, что при использовании ее в естественных науках превращает ее в способ точного описания взаимоотношений между основными сущностями этих наук. В конечном счете **математические теории не столько прямо репрезентируют фрагменты физической реаль-**

ности, сколько конкретизируют и количественно выражают взаимоотношения между физическими сущностями в научных теориях.

Количественные математические репрезентации, адекватно спроецированные на окружающий мир, оказались, с одной стороны, несравнимо менее наглядными, чем качественные его же репрезентации. Но с другой стороны, показали себя намного более точными и полезными в смысле их прогностической эффективности. Особенно продуктивны они при моделировании реальности, недоступной восприятию. **Математика, безусловно, предоставляет нам новое знание о реальности в виде точных количественных отношений между ее качественными сущностями в процессе их взаимосвязанных изменений.**

Множества присутствуют во всех сферах и областях физической реальности, а сознание может выражать в количественной форме практически любые сформированные им сущности. Для этого оно использует в том числе, например, создаваемые им же количественные измерительные шкалы и единицы измерения. Новый количественный подход позволил увидеть мир в совершенно новом свете — в виде множеств, отношения и зависимости которых подчиняются строгим объективным закономерностям.

Человек случайно нашел то, что можно метафорически назвать «изнанкой ковра Вселенной»¹, — «количественный план Вселенной», своего рода теневую ее проекцию, представленную глобальным полотном, состоящим из элементарных узелков «строительной конструкции» физического мира. Самые разные «рисунки» лицевой стороны «ковра Вселенной», радикально различающиеся в наших чувственных качественных ее репрезентациях, представлены с «изнаночной стороны ковра» в форме стандартных однотипных «узелков», или количеств — вариантов однотипных множеств, тоже представляющих, хотя и в ином виде, физическую Вселенную и при этом столь же доступных нашему изучению.

Создавая математические конструкции, математик тем самым произвольно выявляет связи, отношения и взаимовлияния, присущие референтам математических объектов — «узелкам» и более сложным структурам из них. Причем он никогда не связывает процесс своего математического творчества с моделированием окружающей реальности, так как не занимается ею и не замечает аналогий между своими объектами и ее сущностями.

¹ Луи де Бройлю (1892–1987) приписывают фразу об изнаночной стороне ковра: «...физик подобен ткачу, который работает над ковром с изнаночной стороны и может по-настоящему взглянуть на свою работу лишь в тот день, когда перевернет ковер и посмотрит на него с лицевой стороны».

Тем не менее получающиеся у него математические конструкции порой удивительным образом соответствуют отдельным фрагментам случайных «кусочков» окружающего мира. Остается лишь найти, к каким «кусочкам» реальности подходят созданные им математические конструкции — «аппликации». Тут снова вспоминается шутовское описание Г. Вигнером (1968, с. 541) того, как физики подбирают математический аппарат.

Основным «строительным кирпичиком» «изнаночной стороны Вселенной» является множество. Кстати, оно же является совершенно реальным элементом и «лицевой стороны ковра». То есть «ковер» един в своей основе. Приведу очередной метафорический пример.

Представим себе, что Вселенная — это большой современный супермаркет, наполненный самыми разными, непохожими друг на друга товарами. Но его же можно рассмотреть и в другой плоскости. Он наполнен совокупностью множеств — количествами товаров разного вида, покупателей, продавцов, прилавков, тележек, касс и пр. Его товары представляют собой разные множества: плодов, кусков мяса, буханок хлеба, яиц, рыбы и т. д. Их же можно представить как множества единиц измерения — килограммов, литров, коробок, поддонов, ящиков и т. д., или множества товаров, которые только что поступили, просрочены, высшего качества, некондиционны, оплачены поставщикам, не оплачены и т. д.

Если же перевести все это в эквивалент универсального товара — деньги, то мы увидим полноценную и абсолютно реальную, а главное — очень информативную количественную сторону, или «изнанку», магазина, которая, как и видимая всем многообразная внешняя его сторона, живет своей собственной активной жизнью. Причем именно по ней, а не по внешней стороне оценивают результаты магазина.

Множества, или количества, можно обнаружить везде, на «изнанке» любой части реальности. Возьмем в качестве примера больницу или школу. Жизнь там тоже представлена количествами — множествами больных, врачей, учеников, учителей, палат, классов и т. д., множествами оценок, анализов, операций, уроков, тетрадей, уколов, таблеток и пр. И их качественно многообразная деятельность тоже выражается и оценивается в количественных показателях: в количестве поступивших в вузы выпускников, выписанных больных, операций, потраченных бюджетных средств, койко-дней, средних баллов и т. д. и т. п.

Таким образом, за яркой и разнообразной качественной «внешней стороной» окружающего мира скрывается ее неочевидная, однородная, «черно-белая», но тоже совершенно реальная и очень для нас информативная количественная «изнанка».

§ 5. Где пребывают математические сущности?

Многие исследователи считают, что еще до появления Э. Ферми (1901–1954) где-то существовала и его теорема, и ее доказательство. Что вообще где-то существует бесчисленное множество других, еще неизвестных людям теорем и их доказательств.

Мне представляется совершенно очевидным, что **еще не созданных человеком теорем нет пока нигде**. Они, может быть, появятся, а может, и нет, если люди их не создадут. Точно так же не было нигде и теоремы Э. Ферми до ее создания им. **В окружающем нас мире есть лишь скрытые от нашего внимания и понимания референты того, что со временем может быть выражено людьми в виде новых математических конструкций, в том числе теорем.**

Чтобы обнаружить какую-то новую сложную сущность в окружающем мире, мы обычно нуждаемся в человеке — первопроходце. В том, кто первым обратит на нее внимание, желательно репрезентирует ее вербально и покажет нам. Вот и для того, чтобы в мире появилась новая теорема, кто-то первым должен создать новую математическую конструкцию. Самое удивительное заключается в том, что, как потом, возможно, выяснит какой-то другой человек, теорема эта вполне может быть пригодна для количественной репрезентации определенного фрагмента окружающего мира.

Следует задать другой, более важный вопрос. *Где, после того как Э. Ферми создал свою теорему, она стала существовать?*

Л. Уайт (2004, с. 308), например, считает, что оснований полагать, будто математические реальности существуют независимо от человеческого сознания, не больше, чем полагать, что мифологические реальности могут существовать помимо человека. Он (там же) пишет, что квадратный корень из отрицательного числа реален, но столь же реальны были Вотан и Озирис, те боги и духи, в которых верили первобытные люди.

Продолжая мысль автора, можно добавить в группу вполне реальных для человека, но не существующих без него все научные, социальные и множество физических сущностей, которые мы рассматривали в предыдущих главах.

Р. Пенроуз пишет: «Давайте постулируем существование, или попросту “изобретем” квадратный корень из числа -1 . Обозначим его буквой i . Тогда мы имеем: $i^2 = -1$. Величина i , конечно же, не может быть действительным числом, поскольку произведение действительного числа на само себя всегда положительно (или равно нулю, если само число равно нулю). Поэтому числа, квадраты которых отрицательны, обычно называют мнимыми. Следует, однако, отметить, что эти “мнимые” числа не менее реальны, чем

ставшие уже привычными “действительные” числа. <...> Имея квадратный корень из -1 , можно без особого труда получить квадратные корни для всех действительных чисел» (2011, с. 102).

Возникает очередной, похожий на предыдущий вопрос. *В какой же «реальности» существуют «мнимые» числа, если люди их попросту «изобрели»?*

Ответ очевиден — в ОНР. Там же находится и теорема Э. Ферми. Кстати, из того факта, что люди «попросту изобрели» «мнимые» числа, не следует, что они не имеют отношения к каким-то неизвестным нам пока частям или свойствам окружающего мира. Более того, эти странные числа, скорее всего, имеют референты в реальности, так как их эффективно используют сейчас во многих областях науки. И чудес в мире не бывает, следовательно, адекватные математические конструкции с их участием тоже имеют отношение к реальности.

А. Д. Александров (1956, с. 8) указывает, например, что теория, так сказать, «мнимых» функций от «мнимых» переменных оказалась вовсе не мнимым, а очень реальным средством решения вопросов техники. Основная теорема Н. Е. Жуковского (1847–1921) о подъемной силе крыла самолета доказывается как раз средствами этой теории. Та же теория оказалась полезной, например, при решении задач о просачивании воды под плотинами.

Автор (1956, с. 8–9) напоминает, что неевклидова геометрия, которую сам Н. И. Лобачевский (1792–1856) осторожно называл «воображаемой», а выводы которой казались большинству исследователей не то что воображаемыми, но даже невообразимыми и нелепыми, послужила одной из основ общей теории относительности. А в квантовой механике используются многие чрезвычайно абстрактные математические понятия и теории.

По словам А. Д. Александрова (1956, с. 100, 102), абстрактные математические теории нашли блестящее приложение в теории А. Эйнштейна не случайно, а вследствие того, что сами они выросли непосредственно из опыта и в своем возникновении связывались их творцами с задачей исследования реального пространства.

Вызывают сомнения слова Л. Уайта (2004, с. 325–326) о том, что нам не нужно искать математические «истины» в структуре Вселенной; что математические понятия точно так же созданы человеком, как этические ценности, правила дорожного движения и клетки для птиц.

С одной стороны, очевидно, что математические понятия созданы людьми. С другой стороны, физические понятия (да и все прочие научные понятия) тоже созданы людьми, но из этого не следует, что они столь же произвольны и целиком зависимы от человека, как правила дорожного движения. Вовсе не факт, что нам не нужно «искать математические ис-

тины в структуре Вселенной», если понимать под последними не просто наши математические конструкции из наших же понятий и знаков, а количественные репрезентации физической реальности и сложные отношения между ними.

Утверждение Л. Уайта (2004, с. 309) о том, что математические идеи находятся вне сознания каждого индивидуума и проникают в него извне, являясь частью культуры, в которой мы рождены, тоже верно лишь отчасти.

Математические идеи существуют и вне нас, и в нашем сознании. Во-первых, мы сами для других людей, например для наших детей, важнейшие внешние носители этих самых идей. Во-вторых, кто, если не индивидуум, сформировал первоначально все математические конструкции в собственном сознании? Лишь после их появления и принятия другими людьми они попадают в культуру. Если бы не ее конкретные создатели, математики просто не было бы.

Мне кажется очевидным, что **созданные в рамках математики конструкции — это обособленная и довольно необычная (тем, что она не качественная) область ОНР, представляющая собой совокупность количественных репрезентаций, адекватных некоторым значимым для нас фрагментам окружающего мира.** Причем репрезентаций, тесно связанных с нашими чувственными качественными репрезентациями мира, а потому способных уточнить наши представления о нем.

Главным доказательством того, что математика, несомненно, представляет собой адекватную форму символического количественного репрезентирования мира, является ее способность уточнять и количественно выражать отношения и связи между основными сущностями физических теорий, являвшихся исходно качественными вербальными репрезентациями окружающего мира.

Тезисы

1. Человеческое сознание освоило два способа символического репрезентирования окружающего мира — качественный и количественный.
2. Качественно оно репрезентирует «реальность в себе» чувственно и вербально в виде, говоря метафорически, многоцветного и многоликого многообразия, в котором детально представлены бесчисленные уникальные качественные особенности сформированных им сущностей, легко позволяющие отличить друг от друга не только разные, но и очень сходные сущности.
3. При количественном репрезентировании мира сознание формирует новый вид сущностей — количественные сущности, или множества,

разной мощности, используя лишь одно их качественное свойство — исчислимость. Количественные сущности относятся к объектам ОНР, но, несомненно, имеют в вещественной физической реальности явные референты.

4. Любую сущность сознание способно рассматривать как множество более мелких, поэтому всякая качественно репрезентированная сущность, ее характеристика, ее изменение и так далее сами могут быть измерены и представлены сознанием как очередные количественные сущности. Данное обстоятельство невообразимо расширяет возможности количественного репрезентирования мира.
5. В силу универсальности свойства исчислимости сущностей мира количественное репрезентирование позволило сознанию создать нечто вроде новой проекции мира или новой плоскости ее теоретического воспроизведения и представить окружающее, говоря метафорически, в монохромном виде, как мир, состоящий лишь из количеств (множеств), связанных между собой сложными объективными связями и отношениями.
6. Количественные сущности являются одновременно и математическими объектами в исходно заданных математиками умозрительных рамках — в пределах принятых ими аксиом.
7. В результате теоретического математического творчества возникают математические конструкции, которые, во-первых, демонстрируют наличие связей и взаимозависимостей между математическими объектами. Во-вторых, эти математические конструкции почему-то удается экстраполировать на отдельные и случайные фрагменты реальности в качестве специфических количественных моделей последних.
8. Объяснить эти удивительные факты можно, если вспомнить, что математические объекты имеют множество явных и бесспорных референтов во всех фрагментах окружающего мира и на всех его уровнях, и предположить, что в основе отношений и связей между объектами математики лежат реальные связи и взаимозависимости между их референтами в окружающем мире.
9. Соответствия между создаваемыми математиками конкретными математическими конструкциями и определенными фрагментами окружающего мира часто далеко не очевидны, и их необходимо искать. Причем непонятно, исходя из чего, это следует делать. Создание новых математических теорий имеет поэтому вид математического творчества ради творчества, а сами математики совершенно не представляют, количественные закономерности каких именно областей

реальности можно будет моделировать с помощью созданных ими математических инструментов.

10. Одни и те же математические конструкции могут иметь референты во множестве областей окружающего мира. В то же время разный математический аппарат может применяться для моделирования одного и того же фрагмента мира, хотя и с разной степенью эффективности.
11. Математика, безусловно, дает исследователям возможность представить по-новому окружающий мир, так как демонстрирует скрытые от человека, но объективно присутствующие в мире отношения и зависимости между его сущностями в четкой количественной форме. Это особенно важно при использовании ее для точного описания связей и взаимозависимостей между основными сущностями естественных наук. В конечном счете математические конструкции не репрезентируют прямо фрагменты физической реальности, а конкретизируют количественные корреляции между физическими сущностями в научных теориях.
12. Математика и ее конструкции — это отдельная область ОНР, представляющая собой совокупность количественных репрезентаций разных фрагментов окружающего нас мира.

Глава 2.4.3. Другие области ОНР

§ 1. Области ОНР, создаваемые в процессе трудовой деятельности

Люди в процессе своей повседневной деятельности непрерывно создают новые области антропоморфной физической и объективной психической реальности, наполненные новыми сущностями, отношениями и связями между ними. Любая новая сфера человеческой деятельности со временем порождает новую область реальности.

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 88–89) пишут, что социальный порядок — это человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство. Он не является биологически данным или данностью человеческой природной среды. Социальный порядок существует только потому, что человек продолжает его создавать в своей деятельности.

По их (1995, с. 89–92) словам, всякая человеческая деятельность подвергается хабиутализации, то есть «опривычиванию». Действие совершается снова и снова привычным образом, что освобождает людей от поиска новых решений и облегчает им жизнь. Там, где появляется типизация «опривыченных» действий, появляется институт. Институт исходит из того,

что действия типа Х должны совершаться деятелями типа Х. Например, головы будут рубить особым образом в особых обстоятельствах определенных люди (скажем, палачи, представители нечистой касты, девственницы определенного возраста или лица, назначенные жрецами). Институты имеют историю, продуктом которой они являются.

Из сказанного авторами вытекает, что **всякая новая деятельность членов общества, становящаяся постепенно привычной, неизбежно сопровождается появлением новых сущностей, обозначаемых новыми словами, взаимодействием и связями этих сущностей, совместно порождающих новую область реальности.** Приведенный ими пример демонстрирует появление области реальности, охватывающей преступления и возмездие, с ее новыми сущностями: преступники, преступления, приговоры, палачи, казни, места и орудия казни, невинность и вина, справедливость и несправедливость, ответственность и наказания и т. д. и т. п.

По тому же принципу формируются все новые сферы ОНР, связанные с деятельностью людей. Новый фрагмент объективной психической реальности может сформироваться вокруг разведения северных оленей (как в тундровой зоне), выращивания кукурузы или картофеля (как в Латинской Америке), военного образа жизни (как в Спарте), ремесленного дела (как в средневековой Европе), псовой охоты, глубоководного бурения и добычи нефти, освоения космоса, создания полимерных материалов и т. д.

Новая деятельность, которой люди ранее не занимались, начинается с появления новой идеи и первых действий ее изобретателя. При подключении к ней других людей и успешном ее развитии постепенно формируется новая область психофизической реальности.

Например, идеи Л. Пастера, Д. Листера, Э. Бергера, И. Земмельвейса и других исследователей о необходимости и способах защиты ран от инфицирования заставили людей действовать определенным образом. Это, в свою очередь, привело к распространению стерилизации ран, созданию перевязочных материалов, медицинских инструментов, особых операционных помещений и т. д. В конечном счете сформировалась целая отрасль человеческой деятельности и новая область психической и физической реальности. Теперь она называется асептикой и антисептикой.

Появление новых сфер ОНР и новых сущностей в них наблюдается в самых разных областях жизнедеятельности людей — от увлечений и развлечений — например, филателия с ее сущностями (каталог, серия, блок, клейнбоген, зубцовка, гашение, тет-беш, квартблок и т. д.), дайвинг (дайвер, акваланг, маска, компрессия, декомпрессия, редуктор, бадди, декомпрессионный буй, декомпрессионная болезнь, декомпрессионная остановка, гипоксия, логбук, время погружения и т. д.) и прочее — до производственной деятельности — например, добыча полезных ископаемых

и ее сущности (месторождение, руда, шахта, выработка, горизонт, забой, скважина, запас, содержание и т. д.), освоения космоса (спутник, ракета, космонавт, космонавтика, космодром, луноход, космическая станция, первая космическая скорость, открытый космос, звездолет и т. д.) — или любой другой сферы деятельности людей.

Типичным примером очередной образованной обществом области ОПР являются формы и правила дорожного движения. Нет никаких сомнений, что они созданы людьми, но теперь мы все обязаны следовать им в своей жизни, и они являются совершенно объективными и даже в значительной степени материализованными человеком обстоятельствами жизни каждого из нас. И у нас нет никакой возможности игнорировать их в своей жизни. При этом в разных странах они могут отличаться друг от друга. И люди периодически их изменяют.

Кстати, создание новых областей ОПР в процессе деятельности людей позволяет ответить на вопрос: почему, отправляя на почте письмо или посылку, мы уверены, что с очень большой вероятностью наши отправления доберутся до адресата. Доставка произойдет потому, что все люди убеждены в реальном наличии в мире такого социального института, как почтовая служба, знают о ее функциях и не сомневаются в том, что почта работает. Хотя на самом деле работа этого социального объекта представляет собой лишь совокупность последовательных действий множества членов общества, уверенных в существовании почты и своей причастности к ней.

Изменения окружающей реальности настолько стремительно нарастают в последние годы, например, в связи с развитием интернета, что я и мои ровесники порой с трудом понимаем, о чем говорит между собой молодежь, используя такие термины, как интерфейс, куки, бан, пост, веб-сервис, домен, серч, тизер, баг, хостинг, файлообменник, апдейт, флейм, буфер, аська, сайт, плагин, скрипт, профайл, бэкап, гиф, хештег, бот, оффер, лид, пост, парсинг, таргетинг, постинг, репост, чат-бот, биллинг, директ, лайктайм, ретвит, тренд, дорвей и прочее и прочее. Но все это — созданные людьми новые сущности, сформировавшие новую огромную область ОПР. Эти сущности находятся в сложных взаимоотношениях между собой, действуют в ОПР и уже приобрели чрезвычайную важность для людей.

ОПР постоянно трансформируется. С одной стороны, она непрерывно расширяется людьми. В ней создаются все новые и новые области, приобретающие для людей большое значение. С другой стороны, многие области, которые раньше были для людей жизненно важными, теряют свое значение и даже постепенно редуцируются. Общество забывает об объектах и сущностях таких устаревших областей ОПР, и новые поколения могут даже не знать об их существовании в прошлом.

Например, мало кто из современной молодежи знает теперь о том, что представляют собой такие хорошо известные еще сто лет назад сущности (в том числе даже предметы), имеющие отношение к кавалерии, как: аллюр, вахмистр, лосины, эскадрон, доломан, чекмень, ведет, лядунка, дышло, кавалергард, лава, чепрак, кош, ташка, ольстры, ментик и т. д.

Р. Смит (2014, с. 104) пишет, что технологии наглядно и осязаемо преобразуют область «человеческого». Новые репродуктивные технологии, биотехнология, генная инженерия, психотропные препараты, информационные технологии, трансплантационно-восстановительная хирургия буквально преобразили или вот-вот преобразят формы жизнедеятельности человека. Мысль К. Маркса (1818–1883) о том, что именно практическая трудовая деятельность реальных, исторических народов формирует их идентичность, судя по всему, подтвердилась даже буквально.

Автор (2014, с. 105) отмечает очевидность того, что технологическая деятельность изменяет саму человеческую идентичность. Хотя раньше считалось, что человечество преобразует окружающий мир, но человеческая природа при этом остается неизменной. По его (2014, с. 165) словам, познание как практика, как технология явно изменяет мир. Технология представляет собой материализованную рефлекссию. Она осуществляет преобразования в окружающей среде, киберпространстве, виртуальной реальности, в продуктах геной инженерии. Параллельно этим изменениям возникают культуры измененного сознания и новых выражений идентичности. В итоге мы изменяем идентичность не только человека, но и того мира, в котором живут люди.

По сути дела, автор подтверждает мою мысль о том, что само **познание как один из важнейших видов деятельности создает новую реальность в окружающем человека мире.**

§ 2. Область психической реальности измерений

Что такое измерение?

Ю. Б. Самсонов в Большой советской энциклопедии пишет: «Измерение — операция, посредством которой определяется отношение одной (измеряемой) величины к другой однородной величине (принимаемой за единицу измерения); число, выражающее такое отношение, называется численным значением измеряемой величины» (1972, с. 77).

А. М. Прохоров (1983, с. 208) в Физическом энциклопедическом словаре называет измерением последовательность экспериментальных и вычислительных операций, осуществляемую с целью нахождения значения физической величины, характеризующей некоторый объект или явление,

и завершающуюся определением степени приближения найденного значения к истинному.

Специалисты дополнительно уточняют¹, что измерение — это совокупность операций (по применению технического средства, хранящего единицу физической величины), обеспечивающих нахождение соотношения измеряемой величины с ее единицей и получение значения этой величины.

Следовательно, **измерение — это количественное репрезентирование измеряемой сущности** (или ее конкретной характеристики, в свою очередь представленной в сознании в виде отдельной сущности), **осуществляемое** обычно путем **количественного сравнения измеряемой сущности с особой качественно сходной с измеряемой, но искусственно созданной сущностью, принимаемой за эталон и уже имеющей количественное выражение, равное 1.**

Измерение — это всегда психическое действие, происходящее в ОНР (даже если измеряют физическую величину), хотя обычно оно сопровождается действиями людей и в физической реальности.

Измерение — главная движущая сила физики. Не помню, где именно, но я читал полусутокливое высказывание физиков: «Неважно, что такое физическая сущность. Главное, чтобы ее можно было измерить». Г. Галилею приписывают афоризм: «Измеряй все, поддающееся измерению, и сделай таким все, не поддающееся измерению» (Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко, 2004, с. 189).

Историк науки Г. П. Аксенов пишет: «Отличие объекта науки от предмета общих и неконкретных рассуждений в том, что его не обязательно понимать, уяснять его суть и т. д. Его нужно принимать, использовать и применять таким, как он есть, непонятным. ...Все предметы науки этим и отличаются. Мы с ними работаем, и в их использовании заключена их суть, а не в том, чтобы понимать, что они такое» (2008, с. 8–9).

Получается, что неважно даже, что собой представляет конкретная созданная нашими предшественниками научная сущность, важно уметь ее использовать, в частности измерять.

Солидарен с автором и физик О. О. Арсенов: «В науке есть категорическое правило: чтобы изучать какое-либо явление, необходимо прежде всего научиться его измерять. Можно сказать, что физика любого понятия начинается с его точного измерения» (2010, с. 128).

Следует лишь, как мне кажется, учитывать тот факт, что человеческое сознание не только формирует сущности, но и с той же легкостью создает

¹ См.: Рекомендации по межгосударственной стандартизации (РМГ) 29-2013. Государственная система обеспечения единства измерений. Метрология. Основные термины и определения. 2015.

способы их измерения. При этом оно одинаково свободно создает способы измерения как физических, так и психических сущностей.

Исследователи ввели в область измерения много новых сущностей и соответствующих им понятий, таких как: *величина, единица измерения, эталон, измерительный прибор, измерительная шкала, процедура измерения* и т. д.

Величина — это количественная сущность, в форме которой люди конституировали количество единиц измерения в конкретном множестве. В качестве множества может выступать любая сущность, а в качестве единиц — любая единица измерения, с помощью которой данную сущность можно измерять.

Физическая величина — это количественная сущность, в форме которой люди конституировали конкретное количество единиц измерения любого вида в конкретной физической сущности, с помощью которых данную сущность можно измерять.

Единица измерения — это фиксированная величина, которой по договоренности между людьми присвоено числовое значение, равное 1, и которая используется для измерения самых разных множеств. В качестве этих множеств могут выступать сущности, их свойства, характеристики их действий и т. д. С единицей измерения сравниваются величины качественно того же вида¹, что и она, чтобы выразить их значение относительно нее.

Для сохранения и воспроизведения конкретной единицы физической величины могут создаваться ее эталоны. Раньше единицы измерения были производными от человеческого тела². Сейчас в качестве единиц измерения используются «более объективные», но столь же произвольные сущности. Например, эталоны метра, килограмма и секунды³.

При этом сущность процедуры измерения, естественно, не изменилась. Люди по-прежнему совмещают (непосредственно или мысленно) измеряемый физический объект (или даже психический объект, например ощущение)

¹ Примеры качественных характеристик сущностей и единиц их количественного измерения: длина (измеряют в метрах), масса (измеряют в килограммах), температура (измеряют в кельвинах), сила тока (измеряют в амперах), время (измеряют в секундах), количество вещества (измеряют в молях), сила света (измеряют в канделах) и т. д.

² Дюйм (2,54 см) — это толщина большого пальца на руке, и во многих языках слово, обозначающее дюйм, обозначает также большой палец руки; фут (от англ. слова foot — «ступня», равен 30,48 см, изначально соответствовал длине человеческой ступни, хотя сегодня у большинства людей ступни короче); акр — площадь земельного участка, который можно вспахать за день, и т. д.

³ Метр — длина пути, проходимого светом в вакууме за интервал времени $1/299\,792\,458$ секунды. Килограмм — единица массы, равная массе международного прототипа килограмма. Вес примерно 1 дм воды...

Секунда равна $9\,192\,631\,770$ периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия-133.

ние) с неким эталонным объектом (линейкой, гирей или даже эталонным ощущением), принятым за единицу измерения. Неважно, совершается это действие только в уме человека или сопровождается его физическими действиями по совмещению физических объектов друг с другом. В конечном счете в сознании происходит психическое действие сравнения ментальных образов данных сущностей.

Таким образом, любое **измерение (несмотря на то что оно сопровождается обычно физическими действиями) — это психическое действие — мысленное сравнение сущностей между собой, в результате которого в сознании формируется психическая конструкция, репрезентирующая количество условных единиц, содержащихся в измеряемой сущности.** Следовательно, **измерение — это не физический процесс, как принято считать.** Частным случаем измерения является сравнение без указания итоговой количественной величины, результатом которого является мысленный вербальный вывод: *больше, тоньше, выше, тяжелее* и т. д.

В настоящее время **метрология превратилась** не только в отдельную науку, но и **в особую область объективной психической реальности, имеющую множество собственных сущностей** (величина, размер величины, род величины, значение величины, система величин и т. д.), **созданных людьми**¹.

Тот факт, что измерение происходит в сознании, а не в физической реальности (или не только в ней), подтверждается широким распространением измерений в психологии.

Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко (2004, с. 189–191) пишут, что измерения в психологии — это процедуры получения числовых характеристик для величин свойств изучаемых в психологии явлений и объектов, например моторных и речевых реакций, ощущений, способностей, мотивов, установок и поступков личности, ее статуса в группе, объема памяти, умственного возраста и т. д.

Основной инструмент, применяемый для измерений в психологии, — это разнообразные шкалы²: шкала отношений, интервальная, порядковая и номинальная. По сути дела, шкалы — это материализованные психические инструменты.

¹ Согласно «Рекомендациям по межгосударственной стандартизации. Метрология. Основные термины и определения» (РМГ 29-2013, 2015), только видов измерений выделено уже около двух десятков (прямое, косвенное, совместное, совокупное и т. д.).

² Шкала — искусственно созданная людьми система измерений или инструмент для измерения сходного у разных сущностей свойства, представляющая собой прогрессивный числовой ряд, соотносенный с разной выраженностью свойства. Одна из простых шкал (измерительная линейка) — это искусственный объект с нанесенными на него последовательными цифрами, мысленно соотносимыми с количественными показателями характеристик реальных физических сущностей. Например, шкала Рихтера (интенсивности землетрясений), шкала Мооса (твердости минералов).

Подводя итог, следует еще раз повторить, что измерение и его многочисленные и многообразные сущности с их связями и отношениями — это большая и самостоятельная область ОНР, созданная людьми в процессе их научно-исследовательской и производственной деятельности.

§ 3. Область ОНР, представленная игровой реальностью

Отдельным вариантом создаваемых людьми новых областей ОНР является игровая реальность. Дж. Р. Серл (2010, с. 58–59) пишет, что одни правила регулируют формы поведения. Другие правила не просто регулируют, но создают и определяют новые формы поведения. Футбольные правила, например, не просто регулируют игру в футбол, но создают саму возможность такой деятельности, то есть определяют ее. Правила первого типа он предлагает называть регулятивными, а правила второго типа — конститутивными.

Пример с конститутивными правилами хорошо демонстрирует нам, как договоренности между людьми могут оформляться в вербальные конструкции, репрезентирующие новые сущности ОНР, новые взаимосвязи и отношения между ними. Благодаря созданию людьми в ОНР правил и рамок игры (в форме особых вербальных (и языковых) конструкций) возникло большое число объективных психофизических игровых реальностей: футбол, бридж, покер, хоккей и т. д. — со всеми их специфическими новыми сущностями (объектами и явлениями). В футболе, например, это такие сущности, как офсайд, ассист, аут, аутсайд, гол, бровка, вратарь, вынос, штанга, девятка, договорняк, слив, защитник, капитан, угловой, пенальти и т. д.

С появлением игр в новых игровых областях объективной психической реальности возникли новые психические сущности с их связями, отношениями и взаимодействиями между ними. Эти сущности присутствуют в каждой игре, имеют собственные характеристики, действуют особым образом и т. д. Каждая игра имеет собственные правила и развивается по определенным заранее заданным и четко очерченным сценариям, которые жестко запрограммированы исходными вербальными психическими конструкциями, регламентирующими игры. Игры превратились в особые области объективной психической реальности и породили новые области реальности физической.

Рассмотрим, например, шахматы. Для шахматиста понятие *шахматная ладья*, обозначающее новую созданную изобретателем игры сущность, имеет абсолютно четкий смысл¹.

¹ Она является тяжелой фигурой, примерно равноценна пяти пешкам, а две ладьи сильнее ферзя. Ладья может двигаться на любое число полей по горизонтали или по вертикали при условии, что на ее пути нет фигур. Белые ладьи в начале партии занимают поля а1 и h1, черные — а8 и h8 и т. д.

И. М. Яглом (2007, с. 9–10) пишет, что сочетание слов «игра в шахматы» имеет четко очерченный, хоть и достаточно сложный смысл — и вот в рамках этого-то понятия находит место также и более частное понятие *шахматная ладья*. Описание, или определение, шахматной игры задается указанием «поля игры», состоящего из так называемой шахматной доски, то есть списка из 64 «позиций» (которые можно нумеровать числами от 1 до 64 или, как это принято, «двойными символами» от a1 до h8), а также перечнем набора «основных элементов», или «фигур», к числу которых принадлежат и ладьи. Помимо этого, в описание игры входит список всех без исключения правил, которым должны подчиняться вышеуказанные фигуры. Он включает технические термины «мат», «пат», «повторение ходов», «сдаюсь», «согласились на ничью» и др.

Шахматная игра с ее сущностями, их свойствами и правилами их взаимодействия, как и любая игра, представляет собой отдельный фрагмент объективной психической реальности. События в ней развиваются в жестких рамках правил шахматной игры, однако имеют огромное число вариантов. Это создает у игроков впечатление «открытия» ими исходно заложенных здесь, то есть «объективно» существующих вариантов, которые они лишь обнаруживают. Игра разворачивается как бы «объективно» и часто ведет за собой игрока, а равные по классу игроки находят одинаковые варианты в той же игровой ситуации (шахматной позиции).

Это тоже может создавать у наблюдателя ощущение, что игроки «открывают» существующие вне их и независимо от них некие «объективные» структуры интеллектуальной игры, если бы не тот факт, что сама игра создана человеком, а ее варианты — тоже конструкции его сознания, но предопределенные не им, а исходными правилами игры.

Варианты развития конкретной игровой ситуации тоже задаются исходными рамками игры. При этом опять возникает мысль, что если бы наше сознание было «мощнее», то нам были бы очевидны все возможности развития игровой ситуации и шахматы потеряли бы для нас смысл. Как не представляют, например, интереса для взрослых детские игры.

Особое место в последние десятилетия стала занимать в нашей жизни виртуальная игровая реальность. Само понятие *виртуальность*¹ шире, чем

¹ Понятие *виртуальность* определяют, например, как «реально не существующее, иллюзорно воспринимаемое мироощущение» (А. С. Никифоров, 2010, с. №); как систему, «в которой сама реальность... полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся социальным опытом» (М. Castells, 2010).

Понятие *виртуальный* означает: «1) кажущийся, ненастоящий; 2) находящийся в промежуточном состоянии; 3) относящийся к нематериальной (например, информационной) среде» (А. И. Фоменков, 2005); «возможный; такой, который может появиться при определенных условиях» — существующий в воображении, в изображениях чего-либо (кино, тексты, рисунки и т. п.), представленный в сюжетах кино или театральных представлений» (В. А. Жмуров, 2012).

понятие *виртуальная игровая реальность*, но на практике виртуальная реальность реализована преимущественно в игровом формате. Чаще всего понятие *виртуальный мир* используется сегодня как синоним интерактивной виртуальной 3D-среды, представленной главным образом в виде многопользовательских онлайн-игр, а также отдельных веб-сайтов, где пользователи проявляют себя с помощью своего имени, никнейма, фотографии или же аватара (M. W. Bell, 2008).

Вероятно, мы можем рассматривать виртуальность как особую форму реальности, создаваемую компьютерными сетями, поэтому нельзя просто отнести ее к ОНР, хотя последняя, несомненно, принимает участие в формировании виртуальной реальности.

§ 4. Области ОНР, связанные с искусством и литературой

Мне нравится определение Г. Бейтсона (2000, с. 178), который считает искусством вид поведения или его продукты, имеющие две обязательные характеристики: они требуют (или демонстрируют) мастерство и содержат избыточность, то есть несут в себе дополнительное значение.

Так или иначе искусство — это вид творческой деятельности людей, направленной на создание особых объектов и явлений искусственной реальности (вещественной и невещественной). А сами эти **объекты и явления признаются людьми художественными произведениями, так как выступают проявлениями мастерства их создателей, соответствуют эстетическим идеалам общества и способны вызывать позитивный эмоциональный отклик у воспринимающих их людей.**

Сам термин «искусство» обозначает одну из важных социальных сущностей ОНР, конституированную людьми. Физические артефакты, создаваемые в процессе художественного творчества (картины, скульптуры, предметы изобразительного и декоративно-прикладного искусства, объекты архитектуры и т. д.), даже музыка, театральные представления и танец всегда несут в себе множество смыслов, бережно сохраняемых в ОНР. Ни один материальный объект не превратится в объект искусства без появления в ОНР дополнительных смыслов, связанных с ним.

Разные виды искусства — музыка, живопись, танцы, костюм и т. д., создавая свои объекты, методы, технологии, стандарты, школы, направления и т. д., **как и все прочие варианты человеческой деятельности, с момента своего появления стали способствовать образованию вокруг них особых областей ОНР.** Людям, например, нравились не все, а лишь некоторые звуки. Для их извлечения нужно было создавать специальные инструменты: сначала, например, гусиные перья с дырочками, потом берцовые или бедренные кости оленей с отверстиями и т. д.

Из больших костей делали погремушки, трещотки и гуделки. Отверстия надо было сделать чем-то и как-то. Звуки определенной громкости нужно было извлекать в определенной последовательности и ритме. Изготовленные приспособления лучше звучали лишь в некоторых местах пещер, которые надо было обнаружить и запомнить. Для изготовления первых барабанов шкуру животного, причем конкретного, нужно было особым образом растянуть на чем-то. Позже натянуть на каркас из дерева или глиняный корпус, воронкообразный, кубкообразный и т. д.

В конечном счете возникли огромные новые области ОПР, которые не столько даже содержали знания об инструментах, способах их изготовления и эффективного использования, сколько хранили в себе родовую, эмоционально насыщенную память общества об окружающем мире и опыте взаимодействия людей с ним. Одновременное использование музыки, танца, костюмов в групповых обрядах первобытных людей для привлечения удачи на охоте, изгнания злых духов, исцеления больных и так далее играло важнейшую роль в их повседневной жизни.

Переживание общих эмоций всеми участниками культурных действий, роль возникающего у них эмоционального единения в процессе этой специфической культурной коммуникации трудно переоценить. Ч. Х. Кули (2019, с. 76) пишет, что живопись, скульптура, музыка и архитектура, рассматриваемые как коммуникации, имеют две функции. Во-первых, они служат изобразительным, или образным, письмом, передающим идеи, которые могут быть переданы также словами. Во-вторых, они служат средством трансляции особых аспектов чувств, никаким иным способом не передаваемых. Благодаря этой передаче некоторых чувств они увековечиваются и распространяются.

По словам автора (2019, с. 77), христианское чувство, как оно выросло и расцвело в Средние века, вскормлено живописью, возможно, не меньше, чем Священным Писанием. А греческая скульптура со времен гуманистов и до наших дней была каналом, по которому в современную жизнь вливались греческие чувства.

П. Бурдье (1994, с. 220–221) полагает, что художник Э. Мане (1832–1883), например, совершил настоящую символическую революцию, подобно некоторым большим религиозным или политическим пророкам. Он глубоко трансформировал видение мира, то есть категорий его восприятия и оценивания, принципов конструирования, определения того, что важно, а что — нет, что заслуживает быть представленным, а что — нет.

Огромную роль в формировании области ОПР, связанной с искусством, которую можно назвать «литературной» частью ОПР, играют вербальные конструкции и в последние сто лет визуальные образы кино.

«Литературная» область ОПР представлена разными вариантами вымышленной реальности (исторической, обыденной, сказочной,

фантастической и т. д.). Формирующие ее устойчивые вербальные (и языковые) конструкции распространяются как письменно (проза, поэзия, драматургия, публицистические произведения: информационные, аналитические, художественно-публицистические, критические и т. д.), так и устно (мифы, предания, легенды, рассказы, басни, загадки, сказки, пословицы и поговорки, анекдоты и т. д.).

В отличие от них наука и ее теории — это передаваемые главным образом письменно вербальные (и языковые) конструкции, процессы создания, трансляции и использования которых требуют специального обучения их участников. Если наука — это вербальное моделирование окружающей реальности, то, например, художественная литература как часть искусства — это даже не моделирование, а конструирование авторами выдуманных ими реальностей, подобных или альтернативных окружающих, в структуре которых широко представлены элементы репрезентаций нашего настоящего мира.

Сюжеты и основные идеи наиболее талантливых, значимых для общества и просто актуальных литературных произведений присутствуют в сознании многих членов общества в форме сходного психического содержания и участвуют в формировании того, что можно назвать «литературной» частью ОНР. В ней представлены в том числе многочисленные вымышленные их авторами миры¹.

В последние сто лет особую роль в формировании «литературной» части ОНР стало играть кино. Оно визуализирует и как бы материализует вымышленные людьми миры этой области ОНР. Наблюдается еще одна интересная тенденция. С развитием телевидения в течение последних десятилетий имевшееся ранее преобладание прессы и печатного слова сменилось абсолютным доминированием устной речи с видеорядом, транслируемых по телевидению или интернету.

С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 115) отмечает широкую известность того факта, что добавление к тексту хотя бы небольшой порции видеoinформации резко снижает порог усилий, необходимых для восприятия сообщения. Иллюстрации делают книгу доступной для ребенка и подростка, который не мог ее осилить в издании без картинок. Графики и диаграммы делают статью интересной (на деле — более понятной) в том числе для ученого.

¹ От сказочных миров братьев Якоба и Вильгельма Гримм, Дж. Свифта, Льюиса Кэрролла, Дж. Р. Р. Толкина, Дж. Роулинг, К. С. Льюиса и социальных миров-утопий, описанных в романах Т. Мора и Дж. Оруэлла, до разнообразных миров научной фантастики: Ф. Герберта (мир Дюны), Д. Симмонса (мир Гипериона), Л. М. Буджолд (мир Барраяра), Г. Гаррисона (мир Смерти), миров Дж. Лукаса, Дж. Мартина, В. Панова, С. Лукьяненко, А. Ливадного, А. Пехова, А. Круза и многих других.

Многие талантливо выраженные в кино и на театральной сцене или интересные и глубокие идеи (вербальные конструкции) сохраняются в памяти множества людей как репрезентации типовых ситуаций и квинтэссенции их смыслов. М. М. Бахтин, например, пишет: «В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мирке семьи, друзей и знакомых... всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют. <...> Всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи “властителей дум” данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т. п. Я уже не говорю о тех школьных, хрестоматийных образцах, на которых дети обучаются родному языку и которые, конечно, всегда экспрессивны. Вот почему индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями» (2007, с. 225–226).

В индивидуальном сознании подобные яркие чужие фразы даже особым образом представлены — в виде специфических авторских эмоционально окрашенных вербальных слуховых образов. Вспоминаются, например, черномырдинское «Хотели как лучше, а получилось как всегда», папанинское «Будет тебе и кофэ, и какава с чаем!», афоризмы М. Жванецкого: «Мало знать себе цену — надо еще пользоваться спросом»; «Мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, что возраст приходит один» и т. д.

В порождаемой искусством области ОПР существует и то, что можно назвать культурными формами или культурными эталонами. Для каждого общества характерны собственные наборы таких форм и эталонов, например художественных, поэтических, музыкальных, литературных и т. д. Достаточно вспомнить о регулярно меняющихся даже в одном и том же обществе эталонах женской красоты.

В. И. Вернадский (1988, с. 64) обращает, например, внимание на то, что, признавая вечную красоту художественного произведения, мы ясно понимаем, что отношение к ней людей изменчиво. У разных народов или в разные эпохи жизни одного народа в его музыке проявлялись разные основные шкалы тонов. Например, в истории высокоразвитой, но чуждой нам музыки китайцев или японцев отсутствуют два из семи основных тонов нашей музыкальной шкалы. Но и более близкая нам музыка индусов кажется нам чуждой. В истории греческой музыки основная шкала несколько раз менялась. Найденные древние гимны кажутся нам странными и немзыкальными.

Автор пишет (там же), что наши идеалы красоты человеческого тела, восходящие к древнегреческим, отличаются от идеалов красоты высокохудожественно развитых людей монгольской расы, тех же японцев.

Он указывает (там же), что то же самое мы можем наблюдать и по отношению к религиозным и философским системам построения, идеалам и концепциям. Личность может отвергать некоторые из них или все. Общие для всех, равно неизбежные основания не могут быть в них указаны.

Из сказанного им можно сделать вывод, что даже художественные и эстетические образцы и идеалы разных обществ чрезвычайно зависимы от особенностей их специфических объективных психических реальностей. И даже у одного общества они меняются в разные исторические периоды.

Значительное место в художественной области ОНР занимают представления людей о реальности прошлой или недоступной им вследствие пространственной удаленности — другие исторические эпохи, прошлые цивилизации, иные страны и континенты. Они формируются в индивидуальном сознании историческими, художественными и документальными фильмами, летописями, научными трудами и произведениями художественной литературы. Эти модели разных фрагментов прошлого и относительно недавнего настоящего окружающего нас мира лишь в некоторой степени соответствуют ему, хотя и создают часто у людей ощущение достоверной реальности.

§ 5. Область ОНР, создаваемая средствами массмедиа

Особое место в формировании части ОНР, которую можно назвать ненаучной картиной недоступного прямому наблюдению мира, принадлежит сейчас средствам массовой информации (интернет и телевидение, в меньшей степени пресса и радио). Они доставляют каждому индивидууму и «картинку» удаленной от него во времени и пространстве реальности, и готовое мнение заинтересованных авторов сообщения о происходящем там. А потому являются главными источниками информации о событиях в мире, ньюсмейкерами в буквальном смысле слова и оказывают определяющее влияние на формирование данной области ОНР практически в любом обществе.

Э. Петтигри (2021, с. 194, 278, 352) сообщает, что первая газета вышла в Страсбурге в 1605 году. К концу XVII века серийная пресса уже торговала новостями. Середина XVIII века стала периодом объединения европейской прессы. К концу XVIII века газеты уступили место журналам, предназначенным для подписчиков. П. Винтерхофф-Шпурк (2016) пишет, что в конце XIX века (1895 год) братья Люмьер впервые публично демонстрируют кинофильмы в Париже, а в 1896–1897 годах появляются первые комиксы, что позволяет считать это время началом медиа-, или информационного, общества.

Ч. Х. Кули (2019, с. 78) указывает, что с начала XIX века коммуникации радикально изменились и основную роль в этом сыграли четыре фактора: их выразительность (спектр идей и чувств, доступных переносу), преодоление времени, преодоление пространства, широкая доступность. Он связывает это с удешевлением печати, ускорением доставки почты благодаря железным дорогам, появлением телеграфных линий и телефонов, фотографии, звукозаписи и т. д.

С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 83–84) информирует о результатах исследования лингвистов, проведенного в Канаде перед Второй мировой войной. Тогда из всех слов, услышанных человеком в первые 20 лет жизни, только каждое десятое он слышал из какого-то «централизованного» источника — в церкви, школе, армии. А девять слов из десяти он слышал «от кого-то, кого мог потрогать». Сегодня пропорция радикально изменилась — девять слов из десяти, причем обычно сказанные через микрофон, человек узнает из «централизованного» источника.

Автор (2007, с. 306) приводит данные о том, что с середины 80-х годов XX века телевидение в США стало основным источником новостей для 62 % американцев, газеты — для 56 %, радио — для 13 %, журналы — для 9 %, а прямое межличностное общение — только для 1 % (сумма составляет больше 100 %, потому что можно было называть более одного источника). Все это еще больше снижает значение личного общения.

Социологи П. Лазарсфельд и Р. Мертон (2018, с. 46–48) считают, что средства массовой коммуникации присваивают статус общественным проблемам, личностям, организациям и общественным движениям; они же наделяют престижем и усиливают власть индивидов и групп, легитимизируют их, признавая законным их социальный статус. Они могут привлечь внимание граждан, инициировать организованное социальное действие, кампании за или против чего-либо, служат средством утверждения социальных норм. Причем они влияют на аудиторию не только тем, о чем говорят, но и тем, о чем умалчивают. И последнее часто оказывается более важным.

Социальный философ А. А. Зиновьев (2018, с. 68) указывает, что человек просто не в силах уклониться от идеологических пилюль и капель, растворенных во всем, что проходит через его сознание. Человек вроде бы предоставлен самому себе. Но среда, в которой он живет, не предоставлена самой себе. Среда формируется, а человек приспосабливается к ней. В итоге среда формирует человека.

Лингвист Т. ван Дейк (2013, с. 80) замечает, что власть массмедиа предполагает исключение альтернативных источников, альтернативной информации и условий альтернативного описания событий. Правительство

и/или медиакорпорации могут эффективно контролировать выход в печать или в эфир альтернативных «голосов», а значит, ограничивать информационные свободы граждан, например запрещая «радикальные» медиа, маргинализируя их и препятствуя их деятельности.

Социолог А. Моль (2008, с. 120) пишет, что СМИ фактически контролируют всю нашу культуру. Пропуская ее через свои фильтры, они выделяют отдельные элементы и придают им особый вес. Повышая ценность одной идеи и обесценивая другую, они поляризуют все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, сейчас почти не оказывает влияния на развитие общества.

С. Московичи (1996, с. 48) отмечает, что средства информации простирают свои ответвления повсюду, где люди собираются, встречаются и работают. Они проникают в каждый дом, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действительности. Западный деспотизм предполагает захват орудия влияния или внушения, каковым является школа, пресса, радио и т. п. Внешнее подчинение уступает место внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным незримым господством, от которого невозможно защититься.

Мне представляется все же, что некоторая защита возможна, но лишь путем плюрализации источников поступления альтернативной информации — языковых (и вербальных психических) конструкций, то есть в результате увеличения количества идеологически иных идей и мнений, участвующих в формировании ОНР. Что, однако, весьма проблематично, так как на практике вызовет, естественно, жесткую реакцию неприятия у доминирующих в обществе групп.

Экран телевизора, еще и оснащенного интернетом, играет сегодня роль главного «окна в мир», из которого поступает практически весь поток «окружающих событий», так как непосредственно воспринимаемый человеком окружающий мир, к счастью, обычно меняется незначительно.

Благодаря телевизору и интернету в нашем доме сейчас появились совершенно незнакомые люди, как бы вошедшие в круг нашего общения. Хотя наше «общение» с ними выглядит странно. Оно протекает в форме их монологов, которые мы лишь слушаем, или диалогов, которые они при нас ведут. По проценту нашего времени, занимаемого таким «общением», дикторы телевидения, телеведущие, блогеры и т. д. значительно превосходят наших лучших друзей и даже членов наших семей. Соответственно, они и участвуют активнейшим образом в формировании ОНР каждого члена общества.

В последние годы роль, сопоставимую по широте аудитории с ролью массмедиа, начинают приобретать блогеры в интернете. По словам Г. Тарда

(2021, с. 17), современные блогеры продолжают дело великих и ненавистных Марата, Демулена и отца Дюшена, имевших свою публику, представители которой опустошали в конце XVIII века Францию.

Пожалуй, то, что произошло в мире в последние десятилетия в связи с появлением компьютеров и интернета вообще, можно сравнить с серией взрывных революций в массовых коммуникациях. Если раньше во время завтрака семейства отец читал газету, по поводу которой сокрушался Ч. Х. Кули (2019, с. 80), то теперь в руках уже у каждого члена семьи несравнимо более информативный мобильный телефон-компьютер.

Массмедиа решают две основные задачи — развлечение и информирование аудитории. Но информирование получается предвзятое и искажающее реальность, фактически представляющее собой навязывание обществу картины ОПР, выгодной господствующим в нем группам. За это массмедиа, собственно, и получают деньги. Проскакивающие периодически в них объективные картины и мнения представляют собой скорее исключение и лишь подтверждают общее правило. Как образно пишет Н. Луман (2012, с. 13), массмедиа производят трансцендентальную иллюзию.

Нельзя не признать, что подавляющему большинству членов общества международная обстановка в мире неинтересна. Сообщения массмедиа превратились сейчас в очередное шоу, больше развлекающее, чем информирующее общество. Недаром Ж. Бодрийяр (2006, с. 134) замечает, что политические новости, которым уделяется большая часть эфирного времени, люди воспринимают лишь как некий обязательный ритуал нашего телевидения. Но метеосводки, информация о природных катаклизмах, о смерти отсылают их к тому, что наполнено драматизмом и захватывает.

Он (2006; 2007) обращает внимание на то, что окружающая нас реальность наполнена теперь ее собственными искусственными изображениями, созданными людьми своего рода материальными репрезентациями якобы той же самой реальности, что превращает ее в «гиперреальность». И говорит (2006, с. 153), что ирреальность, в которой пилоты разбившегося в Ле-Бурже самолета могли на своих мониторах наблюдать собственную гибель в прямом эфире, заражена собственным симулякром¹.

Ж. Бодрийяр (2006, с. 54–55) утверждает, что сейчас стирается или размывается множество незыблемых, как казалось раньше, границ. Эра симуляции повсюду открывает возможность взаимной подстановки элементов, которые раньше были противоречивыми или диалектически

¹ Симулякр (лат. *simulacrum* — «подобие, видимость») — одно из ключевых понятий постмодернистской французской философии, возникшее в связи с проблемой различия и тождества, соотношение копии и оригинала (см.: Ж. Бодрийяр, «Забывать Фуко»).

противоположными. Повсюду идет порождение симулякров — взаимные подстановки красивого и безобразного в моде, левых и правых в политике, правды и лжи во всех сообщениях массмедиа.

Действительно, технические средства, а главное — вмешательство массмедиа в процесс подачи аудитории картинки окружающей реальности придали миру сейчас совершенно новые качества и формы, радикально изменив сам привычный нам мир. Другое дело, есть ли у нас основания говорить вслед за Ж. Бодрийяром (2006, с.149), например, о трансформации реальности в некую «гиперреальность», «разрушении реальности в гиперреализме» и т. д.

Философ культуры В. Беньямин (1996, с. 11) отмечает, что техническая репродукция отрывается сейчас от оригинала. Фотография, например, высвечивает такие оптические аспекты оригинала, которые доступны только объективу, но не человеческому глазу. Она может перенести собор с площади в кабинет ценителя искусства. Наши пивные и городские улицы, конторы и меблированные комнаты, вокзалы и фабрики, казалось, безнадежно замкнули нас в своем пространстве. Но тут приходит кино и взрывает этот каземат динамитом десятых долей секунды. Под воздействием крупного плана и ускоренной съемки раздвигается пространство и время, открывая в знакомых движениях совершенно незнакомое. Телевидение создает новую техническую визуализированную реальность как бы окружающего мира, дополнительную по отношению к его прямому визуальному образу.

Теоретик культуры Дж. Фиске (J. Fiske, 1991, р. 55–67) говорит о том, что улыбка, прическа, фразы Маргарет Тэтчер перед микрофоном существуют одновременно и на телеэкране, и на месте приземления вертолета, где она выступает перед камерами. Каждая из картинок реальна или нереальна. Количественные различия между технически созданными образами и реальностью оказываются столь велики, что становятся категориальными. Мы живем в период, когда не существует различия между искусственным образом и другими формами опыта. Фрагменты собраны вместе в случайном порядке, а не организованы в стабильное образование в соответствии с окружающим миром.

Кинокритик и культуролог Д. Дондурей (2007, с. 10–18) пишет, что вне телевизионный мир существует уже только в виде телевизионной картинки, которая и воспринимается как настоящая реальность. И если по телевизору что-то не показывали, то этого и не происходило. Миллионы «человеко-зрителей» не в состоянии выключить телевизор. Это все равно что выключить свет, тепло, воду, перестать дышать. Телевидение контро-

лирует сегодня сознание практически всего населения через формирование «повестки дня»: выбор того, что важно, что неважно, о чем говорим, о чем умалчиваем, как оцениваем. Масштаб события зависит от формата его подачи в телевизионной передаче. Деньги в средствах информации платят за умение «работать реальностью», за умение ее преподнести, объяснять, превращать в переживания ада или в удовольствие. Каждый автор или редактор занимается скрытой, а порой неосознаваемой цензурой реальности — фильтрацией сюжетов, точек зрения и оценок. Сценаристы, редакторы, режиссеры делают это по собственной воле, с удовольствием, очень искренне, в уверенности, что этого жаждут зрители.

Удельный вес новостной информации о мире, поступающей сейчас к современному человеку из телевизора и интернета, по-видимому, доминирует.

Э. Гидденс (2005, с. 603) обращает внимание на интересное обстоятельство: более не существует некой отдельной реальности, о которой идет речь в телевизионных программах и других продуктах культуры. Вместо этого то, что мы понимаем под реальностью, структурируется подобными программами. То, что передается в новостях, — это не просто рассказ о некой отдельной серии событий, но сама по себе передача определяет и создает то, чем являются события, о которых идет речь.

Другими словами, **искаженная или даже извращенная массмедиа на 180 градусов репрезентация реальности превращается для людей в саму реальность**. Даже видеоряд снимает, а потом особым образом монтирует человек, имеющий свою точку зрения на происходящее. И его точка зрения превращает репортаж в новую реальность. А вербальные репрезентации комментатора окончательно определяют, во что конкретно превратится визуальная картинка в сознании воспринимающего ее человека.

Окружающая нас реальность сильно изменилась в результате воздействия на нее ангажированных властей массмедиа, вооруженных новыми и мощными техническими средствами. Рядом с ее репрезентациями, точнее, в них самих, а чаще вместо них появилась новая, созданная людьми искусственная материальная реальность, где-то дублирующая, где-то трансформирующая, где-то грубо искажающая, даже извращающая окружающий нас мир.

То есть мы действительно живем в иной реальности, сильно измененной человеком по сравнению с той, которая была, например, даже в середине XX века. Хотя и тогда мы жили в сконструированной массмедиа реальности. Правда, в распоряжении массмедиа не было таких технических возможностей для создания любого нужного видеоряда.

С чем, несомненно, следует согласиться, так это с тем, что **технические средства позволяют сейчас массмедиа создавать доступную восприятию параллельную окружающему миру искусственную псевдореальность и подменять ею реальный мир.**

Телевидение, интернет и вообще массмедиа — довольно необычная область социальной сферы. В ней физически реальна лишь деятельность множества людей, которые общаются, пишут сценарии и планы, снимают кино- и видеофильмы, берут интервью и делают репортажи, готовят передачи, обеспечивают связь, работу и ремонт техники и т. д. И эти действия массмедиа должны обеспечить обществу объективное освещение удаленных от него во времени и пространстве событий действительности.

Но то, что в итоге появляется на экранах телевизоров, в интернете, на страницах газет и журналов, раздается из радиоприемников, является не предоставлением нам удаленной от нас реальности, а чем-то совершенно иным — чем-то вроде «реальности понарошку». Это совокупность искусственных технических продуктов, не просто целенаправленно искажающих картину реальности, но создающих многочисленные и разнообразные события псевдореальности.

Впрочем, как я уже сказал, надо признать, что **люди и не жили никогда в независимой от массмедиа реальности. Она всегда не просто была зависима от них, но и в огромной степени формировалась ими.** Просто сейчас злоупотребления со стороны массмедиа приобрели очень уж чудовищные, циничные и уродливые формы, а новые технические средства позволяют им беззастенчиво манипулировать реальностью.

Писатель Г. Дебор (2000, с. 23) утверждает, что в современных условиях общество потребления трансформируется в общество спектакля. Происходит это вследствие расширения деятельности средств массовой коммуникации и усиления их технологической мощи. Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь замещается представлением.

С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 269) тоже полагает, что сейчас мы стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. Сцена — весь мир, а невидимый режиссер втягивает и нас в массовки. Мы уже теряем ощущение реальности и перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь, что это льется — кровь или краска. Эти женщины и дети, что упали как подкошенные в Бендерах, Сараево или на Бали, прекрасно «играют смерть» или вправду убиты?

Можно продолжить вслед за автором бесконечный ряд мест на Земле, где массмедиа сфабриковали теперь очередные ужасы.

Автор (2007, с. 269–270, 273) заключает, что речь идет о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни

черт карнавала, условности и зыбкости. Он приводит рассказ итальянского культуролога Дж. Агамбена¹ о спектакле, поставленном для свержения и убийства президента Чаушеску в городе Тимишоара в Румынии. Там секретная полиция организовала заговор против самой себя, чтобы свергнуть старый режим, а телевидение без ложного стыда и фиговых листков продемонстрировало свою реальную политическую функцию.

С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 292) напоминает, что в 1992 году всю западную прессу обошла фотография «сербского лагеря смерти». Это был кадр английских журналистов телекомпании ITN (Independent Television Network). Были и «точные данные»: изможденное лицо за колючей проволокой принадлежит боснийскому мусульманину Фикрету Аличу, который беседовал с журналистами, протягивая им руки через проволоку. Этот телекадр обсуждался в конгрессе США и стал формальным поводом для оправдания занятой США открытой антисербской позиции во время войны в Боснии. Однако в 1997 году выяснилось, что это отнюдь не «лагерь смерти», а пункт сбора беженцев, расположенный в здании школы.

Автор (2007, с. 292–293) подчеркивает, что история с видеокадром о сербском «лагере смерти» важна тем, что, с точки зрения телекомпании, в этом кадре не было прямой лжи, а было лишь умолчание. Он (2007, с. 344) считает, что сегодня телевидение, как легендарный Голем, вышло из-под контроля. Но оружие, которым укрепилось западное общество и которым оно разрушает своих соперников, разрушает и своего «хозяина».

С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 241) цитирует философа и историка культуры Й. Хейзингу (1872–1945), говорившего, что в XX веке история стала «орудием лжи на уровне государственной политики» «и никакая восточная деспотия древности в своих фантастических “свидетельствах” не доходила до такой манипуляции историей».

Могут лишь добавить, что это мы видим сейчас по всему миру. Практически любое событие массмедиа легко могут представить с позиции либо злодея, либо жертвы, что и делают. Причем мастер способен сделать это так,

¹ С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 273) цитирует Дж. Агамбена: «Тимишоара представляет кульминацию этого процесса до такой степени, что ее имя следовало бы присвоить всему новому курсу мировой политики. <...> СМИ смогли осуществить то, что нацизм даже не осмеливался вообразить: совместить в одной акции чудовищный Аушвиц и поджог Рейхстага. Впервые в истории человечества похороненные недавно трупы были спешно выкопаны, а другие собраны по моргам, а затем изуродованы, чтобы имитировать перед телекамерами геноцид, который должен был бы легитимизировать новый режим. То, что весь мир видел в прямом эфире на телеэкранах как истинную правду, было абсолютной неправдой. Несмотря на то что временами фальсификация была очевидной, это было узаконено мировой системой СМИ как истина — чтобы всем стало ясно, что истинное отныне есть не более чем один из моментов в необходимом движении ложного. Таким образом, правда и ложь становятся неразличимы, и спектакль легитимизируется исключительно через спектакль».

что жертва будет вызывать меньше сочувствия, чем злодей. Если же видеоряд дополняется вербальными репрезентациями, то телезритель получает завершенную и очевидную, с его точки зрения, реальность. Тем не менее она часто оказывается абсолютной ложью.

Помню, как в августе 2008 года я видел в США телерепортажи, комментируемые местными обозревателями как ракетные обстрелы грузинских городов российскими войсками, вторгшимися на территорию Грузии. Тогда как те же самые видеокадры по российскому телевидению транслировались как репортаж о грузинских обстрелах территории Цхинвала (Южная Осетия). Позже коллективный Запад неохотно признал, что это грузинский президент М. Саакашвили развязал войну и первым ввел свои войска в Южную Осетию и Цхинвал. Но западные массмедиа и не подумали о том, что следовало бы принести хотя бы извинения собственному обществу за откровенное вранье.

Мы хорошо помним пробирку с белым порошком, которую демонстрировал всем К. Пауэлл на заседании Совета безопасности ООН. Она легитимизировала вторжение США в Ирак, но оказалась в итоге очередным фейком, за который никто не понес никакой ответственности.

ОНР в огромной степени формируется средствами массовой информации. Она зависит от экранного времени, уделяемого конкретным темам, и вербальных конструкций, предлагаемых, отстаиваемых и навязываемых ведущими и комментаторами. Внешнее информационное давление способно мощно влиять на представления человека об окружающей реальности и даже радикально менять их. Оно может делать на время доминирующими второстепенные темы, отвлекающие внимание людей от их основных жизненных проблем.

В формировании личной ОНР активно участвуют широко распространенные в сознании членов общества сходные образы, представления и воспоминания. Сотни миллионов и даже миллиарды людей сейчас одновременно наблюдают, например, за создаваемыми телекомпаниями картинками альтернативной реальности, которые подаются в качестве актуальных событий, например, с места военных действий на Ближнем Востоке, на Украине или в форме иллюстраций негативных политических процессов во враждебном государстве. Эти фильмы создаются с конкретными политическими целями и часто не имеют к реальности отношения. Тем не менее они распространяются, хранятся на материальных носителях и в любое время легкодоступны всем членам общества.

Сейчас ОНР все в большей степени формируют не только вербальные психические конструкции, но и образы искусственно созданных или специально трансформированных техническими средствами видеорядов,

в том числе намеренно искажающих реальность. С помощью технических средств можно теперь не только трансформировать, но и создать новое событие в физической части ОПР. Например, «подготовить и осуществить высадку» людей на Марс, сопровождая ее «документальной видеофиксацией процесса». Или проиллюстрировать то, как одна страна напала на другую или применила запрещенное в мире оружие. Хотя в физической реальности этого не было.

Массмедиа формируют и внедряют в ОПР новые сущности, меняя с их помощью окружающий мир. Они неадекватно «раздувают» их значимость, буквально делают из ими же созданной мухи слона. Они же подменяют привычные сущности новыми, чтобы изменить для общества смысл происходящего.

Используемые массмедиа сущности объективной психической реальности часто являются не только самыми обсуждаемыми в обществе и наиболее актуальными для большинства людей. Часто они даже более значимы, чем физические объекты, окружающие нас. Многие взрослые обдумывают слова и поведение политиков и телеведущих часто больше, чем слова и поведение своих знакомых. Гарри Поттер и его друзья для большинства современных подростков гораздо более реальны и значимы, чем их сверстники из соседнего двора.

Нужные психические репрезентации не обязательно навязываются прямо, в лоб, как делает реклама «Купите “Тайд”!». Обычно они внедряются достаточно тонко и незаметно для реципиентов, например путем отбора только «нужных» новостей, которые «следует» сообщать или показывать по ТВ.

Социальный психолог Э. Аронсон (2006, с. 146) цитирует историка науки Б. Коэна (1914–2003), который заметил, что средства массовой информации, может быть, и не добиваются большого успеха в том, чтобы навязать людям, что думать, однако очень успешно растолковывают, о чем думать. В результате мир по-разному видится разным людям в зависимости от карты, составленной для них авторами, редакторами и издателями газет, которые эти люди читают.

С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 88) обращает внимание на появление в языке большого количества слов, противоречащих здравому смыслу, таких, например, как «однополярный мир»¹. Это словосочетание абсурдно, поскольку полюсов два. В 1993 году появилось выражение «мятежный парламент» по отношению к Верховному Совету РСФСР, в конфликт с которым вступил президент России Б. Ельцин.

¹ Теперь говорят о «многополярном» мире, что не менее странно.

Автор (2007, с. 93–94) напоминает, что с 1965 года военные действия США во Вьетнаме назывались в прессе «программой умиротворения», а массированные бомбардировки в феврале 1972 года (139 налетов) — «защитной реакцией». Из языка массмедиа намеренно были исключены все слова, вызывающие отрицательные ассоциации: «война», «наступление», «оружие для уничтожения живой силы». Вместо них были введены нейтральные слова: «конфликт», «операция», «устройство». Мертвые зоны, в которых диоксидами была уничтожена растительность, назывались «санитарными кордонами», напад — «мягким зарядом», концлагеря — «стратегическими селениями» и т. д. Бомбардировки Югославии в 1999 году были названы «гуманитарной интервенцией», и это понятие в течение двух лет США пытались даже ввести в международное право.

С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 94–95) отмечает, что и в русском языке наблюдается аналогичный процесс. Слова, адекватно описывающие реальность, заменяются благозвучными и непривычными терминами. Вместо неприемлемого для россиян «капитализма» в 90-х годах XX века стали строить «рыночную экономику». Беженцы из Чечни превратились в «вынужденных переселенцев». «Военные» вдруг стали «федералами», ведь это слово лежит совсем в другой плоскости, нежели «армия — боевики», «милиция — бандиты» или «правительственные войска — мятежники».

Можно продолжить примеры. Война США с Ливией и Ираком была названа «борьбой с международным терроризмом». Война России с Грузией трансформировалась в «принуждение к миру». Боевые действия на Украине — в «специальную военную операцию» и «операцию по денацификации и демилитаризации» Украины.

С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 113) приводит слова Г. Лебона (1995) о том, что могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины «демократия», «социализм», «равенство», «свобода» и т. д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл.

Массмедиа играют важнейшую роль в формировании в ОПР типовой картины мира. У. Липпман (2004, с. 165–166) указывает, что мир представляется среднему человеку в виде своего рода аллегории. Он состоит из Социальных Движений, Экономических Сил, Национальных Интересов, Общественных Мнений, которые предстают как персонажи. Тогда как личности вроде папы римского, президента страны, Ленина, Моргана или Кинга становятся идеями и институтами. Мы даем предметам и явлениям имена, которые заменяют нам впечатления.

Миграция представляется в виде течения извилистой реки или в виде паводка, сметающего все на своем пути. Смелость, проявляемая людьми, уподобляется скале, их цели превращаются в дорогу, сомнения — в развилку, сложные задачи — в ямы и ухабы, а прогресс — в плодородную долину. Когда мобилизуют военные силы, говорят: «Меч извлекается из ножен». Если армия сдалась, заявляют, что страна «повержена наземь». Если людей угнетают, то утверждают, что они «томятся в застенках».

По словам автора (2004, с. 165–166), нас не волнуют вещи, которых мы не видим. Мы мало интересуемся событиями общественной жизни, пока кто-то обладающий даром художника не перенесет их в кино.

Как пишет У. Липпман (2004, с. 302), считается, что пресса должна делать для нас то, что каждый из нас должен делать для себя сам, то есть представлять нам подлинную картину внешнего мира. Мы ожидаем, что газета обеспечит нам истину, и за это готовы платить два или три цента. Все ожидают истины, не заключая никакого соглашения, юридического или морального, согласно которому они готовы были бы идти на риск, затраты или волнения. Эти случайные и односторонние взаимоотношения между читателями и прессой являются аномалией нашей цивилизации.

Я добавлю, что все сказанное им верно в отношении всех массмедиа. И если мы хотим получать картину мира, более или менее приближенную к реальности, необходимо законодательно менять и отношения с ними, и их финансирование, и их работу, и степень их ответственности перед обществом.

Фактически новости сегодня стали одним из товаров, которые мы покупаем. Качеством всех прочих товаров мы интересуемся, и общество установило в отношении его жесткие нормы. Их несоблюдение чревато наказанием, причем порой весьма жестким. Производство же и распространение fake news и даже альтернативной реальности никак не регламентируется и не наказуемо, если не относится к очевидно враждебной по отношению к государству деятельности.

Правильно было бы установить уголовную ответственность за информационный фальсификат. Сажая же недобросовестных дельцов за подделку товаров и сбыт некачественных продуктов питания и лекарств. Не менее **опасны для общества действия массмедиа по активной замене событий окружающей реальности изображениями трансформированной ими реальности. Такие действия по сути своей антиобщественны и преступны, так как формируют в сознании зрителей и слушателей объективную психическую псевдореальность.**

Но возможности общества повлиять на средства массовой информации малы, так как последние являются еще и орудиями идеологической

войны, используемыми господствующими в обществах группами. И введение ответственности за недобросовестную информацию приведет к «идеологическому разоружению». Поэтому возникает вопрос:

Насколько властям нужна эта правда?

Имеет ли вообще смысл обсуждать злоупотребления массмедиа, происходящие сейчас — в эпоху тотальных идеологических войн в мировой и национальных ОНР?

Социолог И. Валлерстайн (2020, с. 243) определяет идеологию как последовательный набор идей, призванный отстоять определенную точку зрения. И уточняет (2020, с. 174), что идеология не просто набор идей или теорий. Она больше чем моральный выбор или мировоззрение. Идеология — это гармоничная стратегия поведения на социальной арене, на основе которой можно сделать определенные заключения политического плана. Если есть идеология, значит, должны быть и соперничающие группы со своими долговременными стратегиями, которые знают, что делать с переменами и кто должен их возглавить.

Идеология — это выражающая интересы и формулирующая цели определенных социальных групп система социальных, мировоззренческих, нравственных и других вербальных конструкций, репрезентирующих реальные или желаемые формы общественной жизни и оптимальные пути развития общественных отношений, определяющая направления и характер деятельности этих групп.

То есть разные группы людей с разными целями (в конечном счете большинство из них в стремлении доминирования в собственном обществе и даже в мире в целом) непрерывно пытаются увеличить присутствие в сознании людей психических конструкций, репрезентирующих искаженную этими группами или даже вовсе вымышленную, но удобную для них реальность. Это делается для изменения поведения членов общества в нужную группам сторону.

Впрочем, не следует думать, что объективной психической реальностью все представители массмедиа злонамеренно манипулируют. Часто это делается ими от желания хоть как-то выделиться, по механизму подражания другим — более «эффективным» коллегам, из-за непрофессионализма, по глупости и т. д.

Доминирующие группы давно и прочно интегрированы с государственными органами в каждом обществе, поэтому основным заказчиком ложных репрезентаций мира являются государственные органы. Нужная картина мира создается и поддерживается в объективной психической реальности главным образом государством. Тогда как массмедиа, а с ними и социальные науки — лишь наемные исполнители чужой воли, испыты-

вающие иллюзию самостоятельности и самооценности. Они фабрикуют в ОНР нужную картину мира, убирая из нее противоречащие ей факты и события.

Как пишет на основании большой работы по количественному анализу отражения важнейших событий и проблем в информационном потоке американских СМИ Н. Хомский, «фундаментальный принцип, который очень редко нарушается, заключается в том, что те факты, которые противоречат интересам и привилегиям власти, не существуют» (цит. по: С. Г. Кара-Мурза, 2007, с. 313).

Тезисы

1. Всякая новая деятельность людей, становящаяся постепенно привычной для них, неизбежно сопровождается формированием новых сущностей, их отношений, взаимодействий и связей, совместно порождающих новую область антропоморфной физической и объективной психической реальности. Поэтому ОНР непрерывно расширяется вследствие создания в ней людьми новых областей, приобретающих важное значение для общества. Наоборот, области ОНР, которые раньше были для людей жизненно важными, с течением времени могут терять свое значение и постепенно редуцироваться.
2. Сознание не только формирует сущности, но и с легкостью создает способы их измерения. Измерение — это психическое действие (даже если измеряется физическая величина), хотя обычно оно сопровождается действиями людей и в физической реальности. Метрология, будучи отдельной наукой, сформировала особую область объективной психической реальности, имеющую множество собственных сущностей.
3. Отдельным вариантом создаваемых людьми новых областей ОНР являются игровые реальности. Вербальные конструкции могут конституировать в них новые конвенциональные сущности ОНР, с новыми взаимосвязями и отношениями между ними. Создавая с помощью вербальных (и языковых) конструкций в ОНР правила и рамки конкретной игры, люди сформировали большое количество разных форм объективных психофизических игровых реальностей.
4. Обширная область ОНР представлена множеством вариантов и образцов сформированной людьми литературной реальности (исторической, обыденной, сказочной, фантастической и т. д.).
5. Средства массовой информации (интернет, телевидение, пресса, радио) оказывают определяющее влияние на формирование области

ОПР, которую можно назвать ненаучной картиной окружающего мира, не вполне доступного непосредственному восприятию в силу своей удаленности во времени и пространстве.

6. Массмедиа формируют у общества во многом ложную картину мира, тем более что современные технические средства позволяют им создавать доступную восприятию параллельную реальному его искусственную картину. Она искаженно и тенденциозно дублирует окружающий мир, подменяет действительную реальность и формирует в сознании людей объективную психическую псевдореальность.

РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ ОПР

Время как базовая сущность ОПр

§ 1. Современное понимание времени

Представленные в словарях определения понятия *время* не дают ответа на вопрос *что такое время?* Одни исследователи полагают, что время — это основная (наряду с пространством) форма существования материи, заключающаяся в закономерной координации сменяющих друг друга явлений, существующая объективно и неразрывно связанная с движущейся материей (К. А. Куликов и В. В. Подобед, 1971, с. 434–435). Другие считают время свойством реальности, выражающимся в последовательности сменяющих друг друга событий (Г. В. Осипов, 1998, с. 45). Третьи думают, что время — это непространственный порядок, в котором события сменяют друг друга (Научно-технический энциклопедический словарь). Четвертые понимают под временем последовательную смену явлений и состояний материи (С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова, 1997, с. 92). Пятые считают время субъективным отношением к изменениям и особым психическим ощущением (временности) (Энциклопедия эпистемологии и философии науки). Шестые уверены, что время — это лишь способ измерения интервалов между последовательными событиями (Х. Ньюкасл, 1997). Седьмые безуспешно пытаются определить время, исходя из него самого, как длительность существования всего происходящего (Словарь русского языка (МАС): В 4 т., 1999). Приводить определения можно долго.

Такая разноголосица лишний раз свидетельствует о том, что люди так и не смогли единообразно определить сущность, названную ими словом «время». Вместе с тем, несомненно, есть основания выделять такую сущность, так как она имеет множество чувственных референтов в физической и даже психической реальности, явно требующих объяснения.

Впрочем, физики давно конституировали время в качестве физической сущности. Например, И. Ньютон (2008, с. 30–31) полагает, что время

абсолютное или истинное математическое «...по самой своей сущности... протекает равномерно и иначе называется длительностью» (2008, с. 30).

Господствующая сейчас в физике теория относительности А. Эйнштейна (1879–1955), отказавшегося от абсолютного физического времени И. Ньютона, тоже признает его физическое существование, но определяет время как компонент другой сложной физической сущности, названной «пространство — время» (А. Эйнштейн, 1965). Исходя из этого официально принятого понимания, **время рассматривается современным естествознанием как физическая сущность, которую можно делить на «кусочки» — отрезки времени разной продолжительности.**

Существует, правда, и другая, гораздо менее распространенная и не пользующаяся поддержкой официальной науки точка зрения — времени в форме физической сущности нет. Эта точка зрения высказывалась даже весьма авторитетными исследователями, в том числе и физиками. Например, в 1965 году Д. Уилер и Б. де Витт (цит. по: А. Ю. Каменщик, 1998, с. 218–219) предложили основное уравнение квантовой геометродинамики, представляющей собой направление квантовой теории гравитации, которое не включает в себя время в качестве физического параметра.

Популяризатор науки Н. Стоктон (N. Stockton, 2016) пишет, что это уравнение, по мнению Д. Уилера (1911–2008), стерло все грани между квантовой и классической механикой (хотя у Б. де Витта (1923–2004) на сей счет оставались сомнения). По словам Н. Стоктона (там же), эта теория несовершенна, но важна, и большинство физиков считают ее важным инструментом для понимания тех странностей, которые лежат в основе декогеренции и так называемой квантовой гравитации. Уравнение создает рамки для связывания Вселенной воедино. Проблема, однако, состоит в том, что оно не включает время.

Как пишет сам Д. Уилер (1970, с. 39), на квантовом уровне нет пространства-времени, нет времени, нет «до» и нет «после».

Начало спора о том, есть время или его нет, теряется в глубокой древности. Например, физик и историк науки Д. Барбур (Barbour J. B., 2001) замечает, что еще Гераклит (около 544 года до н. э. — около 483 года до н. э.) утверждал вечное изменение всего сущего, а Парменид (около 540 года до н. э. или 515 год до н. э. — около 470 года до н. э.) отрицал существование и времени, и движения. Сам Д. Барбур (там же) тоже считает, что время — это не больше чем наша собственная иллюзия. Он (там же) пишет, что Вселенная представляет собой набор цельных, завершенных моментов, называемых им «сейчасами».

Представьте себе стопку с фотографиями, каждый снимок — это «сейчас» целой Вселенной, уникальный набор всего, что в ней есть, начиная от

мельчайших частиц и заканчивая галактиками. Где-то там мелькаем и мы со своими воспоминаниями, планами и надеждами. В этом мире прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно, и, если все эти снимки сложить в альбом, получится история. Многие современные физики придерживаются похожей теории, так называемой блоковой Вселенной.

Развивает те же мысли и физик Д. Дойч, который пишет: «Время — это не последовательность моментов, и оно не течет. ... Другие времена — это всего лишь специальные случаи других вселенных» (2015, с. 336–337).

У меня нет ни необходимых знаний, ни желания вступать в дискуссии физиков о физических аспектах времени. Гораздо более продуктивным мне представляется рассмотрение времени с точки зрения психической феноменологии. Для этого надо ответить на вопрос:

что представляет собой психическая репрезентация сущности, обозначаемой словом «время»? Например, чувственная она или вербальная?

Давайте попробуем в этом разобраться.

§ 2. Время — координатная ось тотального изменения, представленная в ОПр

Даже среди психологов распространено мнение, что человек способен непосредственно наблюдать и ощущать течение времени. Вместе с тем в научной психологии давно установлено, и эта точка зрения поддерживается авторитетными исследователями, что человек не воспринимает течение времени. Он делает вывод о длительности прошедшего периода, опираясь на свои субъективные представления о количестве пережитых им за этот период психических явлений. Как учит У. Джеймс, «мы не чувствуем ничем не занятого (пустого) времени» (2003, с. 305).

Какие психические феномены, возникающие в сознании, заставляют нас рассматривать время в качестве особой сущности?

Время было конституировано людьми на основе многочисленных чувственных репрезентаций изменений окружающего мира. Следовательно, **время не конструкт человеческого сознания. Оно имеет совершенно бесспорные референты в физической реальности. Главным его референтом является тотальное и непрерывное изменение физической реальности.** В том числе, например, физические движения, репрезентируемые в нашем сознании рядами, цепочками, вереницами сменяющих друг друга последовательных мгновенных ментальных образов движущихся или изменяющихся предметов.

Большинство исследователей связывают свои чувственные репрезентации изменения реальности с временем, рассматривая их в качестве его

подтверждения. Однако изменение реальности и течение времени — это совсем не одно и то же, хотя мы привыкли считать иначе. Наблюдая за меняющимся объектом, мы воспринимаем и ощущаем лишь его изменения. Мы не воспринимаем время.

Для репрезентации изменений окружающего мира психика обладает специфическими и различающимися между собой психическими феноменами — ментальными образами того, что точно было, но прошло (образы воспоминания), того, что есть сейчас (образы восприятия), и того, чего не было и нет (образы представления). Из этого следует, что **сама феноменология наших психических явлений способствовала созданию в ОПР трех основных фрагментов времени (прошлого, настоящего и будущего).**

Главную роль в формировании и сохранении субъективного прошлого играют, конечно, наши личные чувственные воспоминания о собственной прошлой жизни, субъективно подтверждающие нам факт физического существования прошлого. Для нас оно, несомненно, было, пусть и давно ушло.

Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Я вижу текучесть переживаний ближнего. Они следуют друг за другом, и эта последовательность — время. Мои слова “Я вижу, как бежит жизнь другого” означают: я вижу, как бежит, проходит, расходится его жизненное время, часы которого сосчитаны. Но пока перед моим взором течет, убегает время другого, то же самое происходит и с моим временем» (1997, с. 597).

Но сказанное им — лишь художественный образ.

Подтверждает ли что-нибудь наличие времени в качестве особой физической сущности?

Достоверность и объективность времени придает то, что сущности, связанные с ним, и даже его фрагменты человек создавал по образцу физических сущностей. Как указывает Б. Уорф (2003, с. 172), «момент времени», «секунда времени», «год времени» строятся по модели «бутылки молока» или «куска сыра», что помогает нам представить лето, содержащее такое-то и такое-то количество «времени».

Существуют группы объектов и явлений, которые с точки зрения здравого смысла, несомненно, подтверждают факт физического существования прошлого времени.

- 1) объекты, существующие в настоящее время, но создающие в нашем сознании имитации прошлой реальности — фильмы, фотографии, записи звуков прошлой реальности на разнообразных носителях и т. п.;
- 2) не связанные с нами лично объекты, относимые в ОПР к прошлому времени, но существующие сейчас — в настоящем. Например, музейные экспонаты;

- 3) доступное нам благодаря специальным объектам-носителям (в первую очередь существующим сейчас старым книгам, летописям и т. д.) психическое содержание живших в прошлом людей, репрезентирующее прошлое время.

Но все эти объекты не доказывают факта существования прошлого сейчас. Они доказывают лишь наличие ушедшей уже в прошлое реальности.

Мы делим время на фрагменты — прошлое, настоящее и будущее, хотя, казалось бы, очевидно и давно было сказано великими¹, что прошлого уже нет, а будущего нет еще. Уточню, что их нет в физической реальности. Но они существуют в человеческом сознании. И это, несомненно, верно. Однако наши великие предшественники замечают, что не все так просто и **прошлое каким-то странным образом внедряется в нашу современность, оно как-то присутствует в окружающем нас настоящем и активно влияет на него.**

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 465), например, пишет, что прошлое образует часть нашего настоящего: «...в нашем политическом бытии, как и в наших современных политических отношениях, вечно живет все известное нам человеческое прошлое. ...Если имеется прошлое, то оно имеется как настоящее и воздействующее на нас сейчас. ...Наша жизнь, которая всегда есть... жизнь этого настоящего, или актуального, момента, состоит из того, чем мы были... Единственное, что человек имеет от бытия, от “природы”, — это то, чем он был» (там же). «...Прошлое — это живая и действенная сила, поддерживающая наше “сегодня”. <...> Прошлое находится не где-то там, в своем времени, а здесь, во мне. Прошлое — это я, это моя жизнь» (1997, с. 472).

Получается, что прошлое присутствует даже в нашем физическом настоящем. И все же непонятно, где, как и в чем прошлое присутствует сейчас.

Ответ можно найти у Н. Гартмана (1995, с. 640), описывающего, как прошедшее вторгается в настоящее. Часть прошлого продолжает скрытно жить в традициях в форме нравов, манер, обычаев, первоначальный смысл которых забыт и не соответствует более современным воззрениям. Но они еще продолжают существовать и воспринимаются как «сегодняшнее», потому что каждый человек поддерживает их как свои собственные. То же самое относится к воззрениям (религиозным и мировоззренческим), моральным, правовым, политическим идеям и оценкам, предрассудкам и суевериям.

Автор (1995, с. 640) отмечает, что все они не осознаются как прошедшее и продолжают жить, но в узнаваемом для понимающего человека виде. Такое прошедшее в настоящем незаметно и молчаливо. Ему противостоит

¹ О том, что прошлого нет уже, а будущего нет еще, говорили Аристотель (цит. по: Л. Н. Любинская и С. В. Лепилин, 2002, с. 248), Марк Аврелий (цит. по: Ф. Зимбардо и Дж. Бойд, 2010, с. 104) и Святой Августин (цит. по: Е. И. Головаха и А. А. Кроник, 2008, с. 17), а потом многократно повторяли (см., например: Н. А. Бердяев, 2003, с. 108).

второй вид «внятного» вторжения. В этом случае живущие знают, что нечто прошло, «ощущая» его как прошедшее. Так обстоит дело со всем тем, что люди получают из рассказов, семейных и местных преданий, легенд или анекдотов, а также с тем, о чем напоминают памятники, постройки, руины, скульптуры.

Следовательно, не только искусственные физические объекты, созданные людьми в прошлом, но и объекты ОПР, созданные ими, сохраняются в личной ОПР каждого человека и активно проявляются в нашем настоящем. Получается, что, кроме наших личных воспоминаний, **наличие и достоверность прошлого в настоящем подтверждается и нашей личной ОПР.**

Прошлое сохраняется в физической и социальной областях ОПР. Именно ОПР наполняет добавочными смыслами старые вещи и искусственную реальность (фильмы, звукозаписи, изображения и т. д.). В ней сейчас живут старые сущности: традиции, обычаи, нормы, нравы и т. д. Личная ОПР, присутствующая в каждой психике, позволяет людям «выстраивать» во времени и «встраивать» в него непрерывно изменяющуюся, текущую реальность.

В ОПР общества и в нашей личной ОПР присутствуют возникшие в прошлом теории и воззрения: религиозные и научные, моральные и нравственные, правовые и политические; идеи и оценки, предрассудки и суеверия. Они расцениваются нами как актуальные, а не ушедшие и продолжающие жить. Этому незаметному прошлому противостоит явное прошлое наших личных воспоминаний.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 597–598) обращает внимание на важное обстоятельство. Присутствующие в нашем окружении Другие являются нашими современниками, поскольку наши жизненные времена текут параллельно. (Кстати, и эти Другие в том числе подтверждают своим поведением и высказываниями для нас реальность прошлого и будущего времени. — *С. П.*) Но, как верно замечает автор, существуют и Другие, уже не являющиеся нашими современниками, или те, которые вообще никогда ими не были. Значит, Другие — это не только живущие, но и те, которых мы никогда не видели. Всевозможные семейные предания, памятники, старинные документы, легенды, мемуары служат для нас знаками других жизней, которые были «разновременны» с нашей.

Продолжая мысли автора, следует отметить тот парадоксальный факт, что **в нашей ОПР уже ушедшие Другие актуально присутствуют для нас здесь и сейчас.** Они фактически являются нашими авторитетными современниками, так как их мысли, широко представленные в нашей ОПР, открывают и объясняют нам сейчас окружающий мир, учат нас правильно жить в нем среди людей.

Они для нас часто гораздо важнее и актуальнее, чем большинство наших современников, а их мысли для нас несравнимо убедительнее. Они живут рядом с нами, но какой-то особой жизнью. Их интеллектуальное наследство очень значимо и необходимо для нас. Оно важный элемент нашей жизни. В связи с этим вспоминаются слова А. С. Пушкина: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (А. С. Пушкин, 1836).

Нельзя не заметить, что и будущее пребывает в настоящем. Мы часто о нем думаем и говорим. Мы ожидаем его событий. Более того, мы точно или довольно точно знаем, когда случатся многие из них, например солнечные затмения, Новый год, выборы и т. д. Будущее со многими его событиями, наступление которых бесспорно или очень вероятно, несомненно присутствует в нашей сегодняшней жизни.

Прошлое и будущее пребывают в ОПР как в форме объективных, общих для всех членов общества, сконструированных людьми сущностей — прошлого и будущего времени, так и в виде репрезентаций важных для общества и конкретного человека событий прошлого и будущего. При этом индивидуальное прошлое и будущее — личная история человека и его ожидания будущего имеются лишь в его ОПР.

Присутствие в ОПР сущностей, которые мы называем прошлым, настоящим и будущим временем, и единой «оси» времени, тоже выстроенной людьми и продолжающейся от Большого взрыва до фантастических миров далекого будущего, придает им реальность и объективность.

Психических и физических референтов у времени много, но главным его физическим референтом являются движения, а в более широком плане — любые доступные восприятию изменения объектов и явлений физической и даже психической реальности. Физические движения и изменения сознание репрезентирует чувственно, а потому они для нас безоговорочно реальны, как и сами изменяющиеся физические вещественные сущности.

При этом феноменология наших психических явлений такова, что в сознании сразу репрезентируется и недавнее прошлое (в форме образов воспоминания), и настоящее (в форме образов восприятия) меняющегося объекта. Мгновенные образы воспоминания объекта присутствуют в нашем психическом настоящем одновременно с мгновенными образами его же восприятия, что позволяет нам непосредственно фиксировать изменения этого элемента «реальности в себе», тем самым обеспечивая нам возможность выживания в постоянно меняющемся мире.

Повторю: время, несомненно, имеет референты в физическом и психическом мире. Однако само оно недоступно восприятию. Читатели могут возразить, что мы непосредственно воспринимаем движение стрелки часов и «тиканье» секунд в них. Но ни движение стрелки или маятника, ни из-

даваемые часами звуки не являются временем. Они как раз и представляют собой те самые изменения, которые можно рассматривать как референты времени. И лишь они, а не время доступны нашему восприятию.

Время, будучи одной из конституированных людьми сущностей, похоже на множество других конституированных сущностей. Таких, например, как свобода, справедливость или доброта. За всеми ними в реальности стоит множество физических референтов. Таким явным референтом времени является тотальное и непрерывное изменение мира.

Именно для фиксации глобальных изменений реальности и привлечения к ним всеобщего внимания кто-то из наших предшественников в глубокой древности ввел новую сущность, которую обозначил словом «время». Однако создатель понятия *время* не заметил (или это мы до сих пор не поняли), что сформированная им сущность не самостоятельна и вторична. Она лишь производное от более всеобъемлющей, а главное, более реальной физической сущности, которая, в отличие от времени, даже доступна нашему восприятию и чувственному репрезентированию, как и пространство, например.

В окружающем мире есть гораздо более реальная и всеобъемлющая, чем время, физическая сущность — тотальное и непрерывное изменение реальности. Изменения реальности репрезентируются психикой чувственно, поэтому они для нас столь же подлинны и, несомненно, реальны¹, как и окружающие физические предметы и объекты. Физическое движение, тоже доступное нашему восприятию, является одним из проявлений этого тотального изменения.

Возникает естественный вопрос:

если время недоступно восприятию, если к тому же есть иная, очевидно, более реальная физическая сущность, эквивалентная времени и даже доступная восприятию, то зачем была создана людьми такая абстрактная сущность, как время?

¹ Мы можем вслед за Парменидом (около 540 года до н. э. или 515 год до н. э. — около 470 года до н. э.) и Зеноном (около 490 года до н. э. — около 430 года до н. э.) понимать разумом, что в настоящем физического мира, в котором он только и пребывает, привычного нам движения и даже изменения нет. Даже если мы считаем, что движение и изменение, конституированные когда-то людьми и существующие сейчас в привычном для нас виде, представляют собой лишь наши особые чувственные репрезентации, развернутые во времени, которого нет в физической реальности, в ней все же есть что-то, пусть и совершенно иное, вроде текущей последовательности настоящих моментов, формирующих ее изменение (недаром в своей книге «Я и мир объектов» Н. А. Бердяев пишет: «Онтологически нет прошлого, как нет и будущего, а есть лишь вечно творимое настоящее» (1934, с. 117)). Но мы все же видим движение и изменение. И их наличие в наших психических репрезентациях физического мира — очевидный для нас факт. Психика чувственно репрезентирует нам физические движения и изменения, которые поэтому сразу становятся для нас безусловно реальными и очевидными.

Изменениям подвержена «реальность в себе», а следовательно, все физические и психические сущности мира. Однако все сущности разные, поэтому единообразные измерения их изменений невозможны. Но эту проблему легко решило введение новой сущности, обозначенной словом «время». Она, с одной стороны, легко соотносится с любыми изменениями. С другой стороны, она же легко делится на однообразные отрезки, привязанные к чему-то доступному восприятию, например к периодическим явлениям природы (сменам дня и ночи; восхождениям Сириуса, предшествовавшим разливам Нила; циклам обращения Земли, Луны, Солнца и т. д.), произвольным периодам (секунда, минута, час, неделя, год) или не вполне произвольным периодам (месяц, лето, зима), наконец, к движениям частей механизма — стрелкам часов.

По сути дела, **время — не что иное, как первая координатная ось, созданная когда-то давно людьми для представления в сознании глобальной физической сущности — тотального и непрерывного изменения реальности. Причем время, в отличие от великого изменения, можно измерять.**

Много позже конституирования времени человек создал координатные оси для визуальной репрезентации и измерения пространства¹.

Так существует ли время?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде ответить на другой вопрос.

Существует ли ось абсцисс, например?

Ось абсцисс, несомненно, есть, но лишь в нашем сознании и в ОПР. Правда, ситуация осложняется тем, что она присутствует теперь и в искусственной физической реальности, созданной человеком, — на чертежах, рисунках, диаграммах, в фильмах и т. д. Точно так же и **время, несомненно, существует, но лишь в нашем сознании и в ОПР, что, впрочем, не мешает ему быть вполне объективной и независимой от конкретного сознания сущностью.**

Время, однако, отличается от координатных осей пространства. Последние изначально создавались как психические конструкты, как нечто заведомо отсутствующее в реальности, как инструмент, необходимый для ориентирования в пространстве. **Время же исходно было конституировано людьми как особая реальная и даже физическая** (И. Ньютон, 2008 и А. Эйнштейн, 1965; 1967) **сущность.** При этом великое изменение реальности даже гении как бы не заметили. В любом случае оно до сих пор

¹ Считается, что систему координат на плоскости систематизировал Р. Декарт (1596–1650) в XVII веке, хотя создателем первой географической карты, в которой использовались прямоугольные проекции, широта и долгота места, считают еще Анаксимандра Милетского (около 610–546 годов до н. э.).

остается в тени, а исследователи принимают в расчет только пространство и время. Причем время до сих пор рассматривается исследователями в качестве такой же, как пространство, самостоятельной, первичной физической сущности.

Появление понятия *время* изменило дальнейшую концептуализацию окружающего мира, породило множество связанных с временем сущностей и вообще глобально трансформировало антропоморфную реальность. Реальность распалась на периоды времени и расположилась вдоль его оси. Появилось множество конституированных и сконструированных человеком сущностей, которых просто не могло бы быть без понятия *время*.

Сущность, обозначаемая словом «время», присутствует в нашей объективной психической реальности как важнейший и даже структурообразующий ее элемент. «Ось» времени — своего рода ее «становой хребет», без которого психическое содержание человеческого сознания и сама ОПР общества превратились бы в неупорядоченную «кашу».

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 50–51) справедливо указывают, что человек сталкивается с темпоральной структурой повседневной жизни как с фактом, с которым должен считаться. Все его существование в мире, постоянно упорядочиваемое временем, насквозь проникнуто им. Эта темпоральная структура принудительна и предполагает историчность. Она налагает предустановленную последовательность и на «повестку» любого дня, и на биографию человека. Часы и календарь подтверждают, что он в самом деле «человек своего времени». Если в результате чего-либо человек теряет память, то чувствует почти инстинктивное стремление «переориентировать» себя в рамках темпоральной структуры повседневной жизни.

Действительно, ориентировка человека во времени является в психиатрии, например, одним из важнейших показателей ясности сознания пациента.

Время как особая физическая сущность представлено в ОПР метафорически в виде, например, бесконечной ленты, которую можно делить на условные отрезки единицами измерения времени. Исторические события располагаются в ОПР в строгой последовательности вдоль нее. В ОПР выделены большие фрагменты метафорической ленты времени — прошлое, настоящее и будущее.

Единая для ОПР общества и каждого его члена «ось» времени выстраивает все личные репрезентации, события и действия людей вдоль этой общей для всех них психической оси координат, направленной из прошлого в будущее. Она позволяет каждому человеку ориентироваться в текущей реальности и планировать будущее. Без понятия *время* или похожего по смыслу понятия человеку было бы гораздо сложнее адаптироваться к постоянно меняющемуся окружающему миру.

Кстати, несмотря на сказанное выше, до сих пор нет общей для всего человечества Земли шкалы времени, так же как нет и единой ОПР. В ОПР разных обществ существует разное летоисчисление времени. Например, 2022 год от Рождества Христова соответствует 5783 году по древнееврейскому летоисчислению, 4720 году по китайскому календарю, 2564 году по тайскому календарю, 1443 году по исламскому календарю и т. д.

Хотя теперь в условиях усиливающейся глобализации мира можно уже говорить о формировании на планете Земля многих элементов общей глобальной ОПР, важнейшей частью которой является единое для всех носителей этой ОПР так называемое Всемирное время (Universal Time), введенное 1 января 1925 года. Оно представляет собой шкалу времени, основанную на вращении Земли, и заменяет среднее гринвичское (географическое) время.

§ 3. Производные от времени сущности мира

Появление сущности (и понятия) *время* породило множество производных психических сущностей, обозначаемых словами «начало», «конец», «период», «процесс», «мгновение», «одновременность», «бесконечность», «до», «после», «единицы измерения времени» («секунда», «минута», «час» и т. д.) и т. п. Само время люди разбили на эпохи, тысячелетия, века, годы и т. д. Секунды раздробили на десятые доли в степени $-n$. Все эти объекты ОПР представляют собой условные части основного психического объекта — времени.

Мне, конечно, возразят, что все перечисленное — это реальные физические объекты. Например, год — это время, за которое Земля делает вокруг Солнца полный оборот, а секунда — время, равное 9 192 631 770 периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия-133.

Тем не менее **и год, и день, и сутки, и секунда и т. д. — это конституированные человеком с помощью вербальных конструкций психические сущности, пусть и привязанные к физическим явлениям (обороту Земли вокруг Солнца или собственной оси, светлomu времени суток и т. д.). Однако эта привязка никак не влияет на природу самого отрезка времени, не превращает его из умозрительной сущности во что-то материальное.** Он как был, так и остается психическим объектом, существующим лишь в ОПР, и не появляется от этого отождествления в реальности физической.

Кстати, что такое сам оборот Земли вокруг своей оси или оборот Земли вокруг Солнца?

Это особые процессы изменения положения небесных тел в пространстве по отношению друг к другу и другим телам. Более того, они, как

и отрезок времени, не существуют сейчас, в данный момент физической реальности в ней. То есть их нет в физическом мире. Об их реальном существовании можно говорить, только рассматривая их в качестве психических объектов, элементов ОПР. Лишь в человеческом сознании существует в данный момент оборот Земли вокруг Солнца, Луны вокруг Земли или Земли вокруг собственной оси.

В настоящей, единственно существующей сейчас физической реальности нет никаких оборотов, орбит, траекторий и т. п. Там в данный конкретный момент можно обнаружить лишь небесные тела и их взаимное расположение, которое уже в следующее мгновение сменится другим положением. Я уже даже не касаюсь того, что и это взаимное расположение объектов не более чем психическая конструкция, созданная человеческим сознанием и присутствующая только в нем. Один человек видит в совокупности звезд зверя (созвездие Большой Медведицы), а другой — предмет домашней утвари (ковш).

Если выбор года, дня или суток как условной величины времени чем-то оправдан (так как наши предки прямо связывали время с движением небесных тел), хотя и произволен, то выбор других единиц измерения времени при той же их надуманности и условности еще и неудобен. Например, десятичное счисление было бы, возможно, предпочтительнее при делении суток на часы, а часов — на минуты. Однако были приняты двенадцатеричная и шестидесятеричная системы счисления, распространенные на тот момент (как принято считать) в Древнем Египте и Вавилоне. Кстати, секунда уже делится в соответствии с десятичным счислением.

Одни созданные людьми сущности могут пребывать только во времени, так как разворачиваются в нем (революция, перестройка, развитие, процесс и т. п.). **Другие неразрывно связаны с понятием *время*** — разнообразные приборы и приспособления для измерения и учета времени (в первую очередь часы), календари, ежедневники, расписания, объявления о времени работы учреждений, такие сущности, как скорость, золотая свадьба, ветеран, юбилей, архив и т. п.

Длящиеся сущности (война, прогресс, развитие, производство, отдых, реакция и т. п.) могут пребывать только в длящемся времени, так как разворачиваются на протяжении периода времени. И **они исчезнут, если мы начнем рассматривать физическую реальность в каждый конкретный настоящий момент времени.** Метафорически это можно объяснить так: поезд есть, только если мы рассматриваем его на протяжении нескольких десятков или даже сотен метров, но его нет, если мы рассматриваем его в плоскости, перпендикулярной к рельсам, на которых он стоит. Во втором случае есть лишь то, что можно назвать «поперечным разрезом вагона».

Давайте рассмотрим, например, такие сущности, как революция и война.

Существуют ли они в каждый конкретный момент времени в физическом мире?

Очевидно, что это не такие относительно простые объекты физической реальности, как, например, отряд бойцов или артиллерийский залп, а более сложные ее сущности, конституированные сознанием. Они представляют собой многообразные и длительные процессы, протекающие в физической и социальной реальности. Фактически они могут существовать только во времени, а следовательно, лишь в сознании, которое конституировало эти новые разворачивающиеся во времени сущности из множества самых разных других сущностей.

Для их создания сознание объединило репрезентации множества объектов, явлений и событий, связанных чем-то общим и заполняющих собой большие периоды времени, в единые по смыслу цепочки последовательных изменений физического мира. И таких сущностей, как революция и война, множество не только в физической и социальной областях ОПР, но и в психике. Напомню, что многие сформированные психологами сущности психики не могут существовать в пределах психического настоящего времени. **Большинство ее феноменов могут быть конституированы только при рассмотрении их в длящемся времени, то есть на протяжении относительно длительных его отрезков.**

В настоящее психическое мгновение, например, они не могут быть конституированы, так как представлены в нем лишь отдельными своими элементами — единичными психическими феноменами. Если же мы продолжим мысленное «сжатие» субъективного психического настоящего, то психика вовсе «исчезнет», так как наши психические явления тоже требуют для своего существования достаточно продолжительных периодов субъективного психического «настоящего», длящегося хотя бы десятки миллисекунд.

Что я имею в виду?

Дело в том, что сознание репрезентирует и физическую, и психическую реальность в двух формах — в «поперечном»¹ и «продольном»² разрезах. Благодаря наличию у нас памяти мы способны (в психологии, например) создавать психические сущности, представляющие собой длящиеся психические явления, состояния, процессы и т. д. И это несмотря на то, что и наш мозг, и сама наша психика пребывают, как и физический мир, лишь в данном настоящем мгновении.

¹ Как нечто существующее сейчас, в настоящем времени, в данный, ускользающе краткий его момент.

² Как нечто продолжительное, как длительный процесс, как некую непрерывно меняющуюся сущность, нечто текущее из прошлого через настоящее в будущее.

То есть, говоря метафорически, психика, пребывая сама только в своем настоящем психическом мгновении (почти что «в поперечном разрезе», так как даже ее субъективное настоящее продолжается десятки, может быть, сотни миллисекунд), способна репрезентировать себя же и в этом разрезе, и в виде непрерывной последовательности психических феноменов, сменяющих друг друга на протяжении длительного периода времени.

Во втором случае она представляет себя в своих собственных репрезентациях в форме сущности, развернутой во времени, психики «в продольном разрезе». Поэтому мы должны различать собственную реальную психику, существующую в своем настоящем субъективном психическом мгновении только здесь и сейчас в виде ее отдельных феноменов, и психику вымышленную, реконструированную исследователями *post factum*, длящуюся во времени. Такая «длящаяся» психика, или психика-процесс, — это лишь репрезентация психики — то, что У. Джеймс (2003) метафорически назвал «потоком сознания».

То же самое можно сказать и о репрезентациях физического мира. Хотя для последних это гораздо очевиднее, так как физическая реальность явно пребывает лишь в настоящем мгновении. Из самого этого факта следует, что физическая реальность как процесс, возможный только в длящемся времени, явно представляет собой конструкцию человеческого сознания. Однако несмотря на то, что подобная сущность является несомненным результатом психического конструирования реальности, она позволяет людям сформировать в окружающем мире то, что невозможно заметить в нем в короткий настоящий момент, в котором только и существуют физический мир и психика.

И у первого, и у второго вида сущностей реальности, формируемых сознанием в «поперечном» и «продольном разрезе» времени, есть достоинства и недостатки. Но я не собираюсь выбирать одну из них — «истинную», а лишь обращаю внимание на то, что множество сущностей, относимых как к физическому миру (эволюция, извержение, реконструкция, преследование, реставрация и т. д.), так и к миру психическому (восприятие, мышление, желание, переживание и т. п.), сознание способно сформировать только в длящемся времени.

С временем неразрывно связано множество объектов, вроде бы существующих в физическом мире, но весьма необычных. Например, для нашего здравого смысла совершенно несомненна физическая реальность времен года, дня, ночи и т. д. И это притом что физической реальности, которая была лишь мгновение назад, уже нет и никогда больше не будет, а сущность, обозначаемая словосочетанием «отрезок времени», не может присутствовать в физической реальности по определению. Очевидно, что времена года (лето, зима, весна), день, ночь и т. п. — это физические сущности ОПР.

Конституированная людьми сущность, называемая временем, вошла во все сферы нашей жизни и стала более важной для нас, чем абсолютное большинство физических объектов. На протяжении тысячелетий она настолько «обросла» психическими и физическими производными, а само понятие *время* было настолько гипостазировано, что превратилось в бесспорную реальность, приобрело объектную завершенность, чувственную образность и почти вещественную очевидность — «поток времени», «река времени», «скорость течения времени», «неумолимый ход времени» и т. п.

Время стало уже сложно оторвать от материальных объектов, тем более что были придуманы и материализованы в виде искусственных объектов даже физические приборы для его измерения, вещественные эталоны для единиц измерения времени и т. д. Можно сказать, что **психическая сущность — время — сама была гипостазирована до состояния «выраженного овеществления».** Ни один другой психический объект не был, пожалуй, в такой степени материализован людьми.

Кстати, утверждение о том, что время — это физическая сущность, потому что ее измеряют физическими методами, ложно, так как люди легко могут с помощью физических предметов и методов измерять созданные психикой сущности и постоянно делают это, часто при этом ошибочно полагая, что проводят объективные физические измерения.

Человек даже выделил в этой частично материализованной им сущности новые сущности — свойства времени: текучесть, длительность, однонаправленность, необратимость и неповторяемость. Время не только было материализовано людьми, но даже приобрело в нашей ОПР некоторые весьма негативные для нас качества. Оно превратилось в дорогой и быстро исчезающий ресурс, который нам следует постоянно экономить.

Дж. Лакофф (2004, с. 276) пишет, что мы создаем когнитивные модели мира и у нас есть естественная тенденция приписывать реальное существование категориям этих моделей. В качестве примера он рассматривает время, понимаемое метафорически, как ресурс, подобный деньгам. Время можно сэкономить, потерять, потратить, рассчитать, использовать с выгодой, потратить зря и т. д. Многие люди уже не замечают его метафорического характера.

Автор (2004, с. 277–278) считает причиной такой материализации понятия *время* то, что называет «объективистской народной теорией», согласно которой категории ума соответствуют категориям окружающего мира. По его (2004, с. 384) словам, слабым местом объективистской метафизики является то, что в ней нет места для таких созданных людьми реалий, как «потраченное напрасно время». За ее рамками остаются многие из наших наиболее важных истин, которые не являются истинами, относящимися

к материальному, физическому миру, а возникают в результате деятельности людей и в соответствии с их концептуальной системой, о которой никак нельзя сказать, что она полностью соответствует реальности и не зависит от человеческого опыта.

По мнению Дж. Лакоффа (там же), человеческий опыт тем не менее столь же реален, как скалы и деревья, кошки и коврики. Поскольку мы действуем в соответствии с нашей концептуальной системой и поскольку наши действия реальны, наша концептуальная система играет главную роль в создании реальности. Когда речь идет о человеческой деятельности, наши взгляды по поводу того, что существует и является реальным, не зависят от эпистемологии.

Психолог С. Тейлор (2010, с. 234) замечает, что современный мир заставляет нас постоянно спешить. Причем в последние годы тенденция к ускорению выходит из-под контроля и теперь приносит в нашу жизнь дополнительный стресс. Мы так спешим побыстрее приготовить еду, что не получаем удовольствия от кулинарного творчества. Мы так спешим поесть, что не успеваем насладиться едой. Мы так стремимся жить быстро, что вообще забываем жить. Если в 1960-е годы 74 % американцев говорили, что время от времени чувствуют себя загнанными, то к 1995 году доля таких людей увеличилась до 87 %.

Действительно, материализация времени и превращение его в нашем сознании в ценный ресурс сами по себе оказывают мощное влияние на нашу жизнь и даже на наше здоровье.

§ 4. Концептуализация времени в разных ОПР

Время, как и любая другая сущность ОПР, может концептуализироваться неодинаково. Это мы и видим, изучая его концептуализацию разными обществами.

Тем не менее в гуманитарных науках шли и продолжают идти дискуссии по поводу принципиальной возможности различной концептуализации времени, и они активизировались после публикации новаторских работ Б. Уорфа (1897–1941), пытавшегося доказать разницу между концептуализацией времени западной цивилизацией и народом хопи (племя индейцев из Северной Америки). Правда, многочисленные критики Б. Уорфа почему-то не столько рассматривают особенности разной концептуализации времени, сколько пытаются доказать, что он не прав и хопи все-таки имели понятие *время*.

Мне лично важной в трудах Б. Уорфа (2003; 2011) представляется в том числе его догадка о возможности многообразной концептуализации

разными обществами значимых для людей сущностей окружающего мира. Что он и пытается доказать на примере понятия *время*.

Б. Уорф (2003, с. 199–200), в частности, пишет, что понятие *время* не дано из опыта всем людям в одной и той же форме. Оно зависит от природы языка. Автор указывает (2003, с. 200), что некоторые наши дополнительные понятия, порожденные нашим специфическим пониманием времени, было бы или очень трудно, или невозможно выразить на языке хопи. Например, понятие абсолютной одновременности было бы бессмысленным в их восприятии или было бы заменено иными, более приемлемыми для них понятиями.

Соглашаясь с Б. Уорфом в целом, я, пожалуй, внес бы лишь одно уточнение — концепт, обозначаемый понятием *время*, зависит не от природы языка, а от способа концептуализации реальности данным обществом. Конечно, созданный концепт потом связывается со словом и сохраняется уже в языке и ОПР общества. Являясь эталонной сущностью ОПР, время представляет собой идеальный объект для изучения концептуализации «реальности в себе» разными обществами. Недаром Б. Уорф рассматривал именно концептуализацию времени.

Многие исследователи достаточно жестко отрицают правоту мнения Б. Уорфа (2003) об отсутствии у хопи понятия *время*. Дж. Лакофф, например, пишет: «Как недавно показал Малотки в своей прекрасной книге “Время хопи” (Malotki, 1983), Уорф заблуждался относительно многих аспектов хопи. Хопи насыщен метафорами, особенно в темпоральной системе. Уорф также ошибался по поводу концепта времени у хопи. Он утверждал, что хопи не имеет ничего похожего на западный концепт времени. Как показал на обширном фактическом материале Малотки, на самом деле хопи имеет концепт времени и богатую систему темпоральных метафор» (2004, с. 422).

Мне кажется, однако, что неважно, есть ли у хопи само понятие *время* или его нет. В чужом языке в принципе может не быть конкретного понятия. Его может заменять иное понятие. В данном случае, например, понятие *изменение* или какое-то еще близкое понятие (*длительность, продолжительность* и т. п.). Гораздо существеннее то, что другие не так, как мы, концептуализируют сущность, обозначаемую нами словом «время».

Кстати, сам Э. Малотки (E. Malotki, 1983) сообщает, что время хопи, в отличие от нашего, состоит из будущего и не будущего (которое объединяет в одну категорию прошлое и настоящее). *Что это, если не иная концептуализация времени?*

Время (точнее, изменение) — это не менее глобальная и тотальная сущность, чем, например, пространство. Поэтому ни одно общество не могло в своем развитии избежать ее концептуализации. Но оно могло концептуализировать ее несколько иначе, что нередко и делало.

Зачем вообще было ломать копыя и апеллировать к концептам хопи, если даже наши великие предшественники принципиально по-разному концептуализируют время?

И. Ньютон (2008, с. 30), например, вводит в физику время в качестве особой физической сущности и закрепляет такой его статус почти на три века своими физическими законами.

В то же время его не менее гениальный современник Г. Лейбниц (1646–1716) концептуализирует время совершенно иначе. Он считает время производной от вещей сущностью, чем-то относительным, порядком последовательностей: «Я неоднократно подчеркивал, что считаю пространство, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство — порядком существования, а время — порядком последовательностей. ...Мгновения в отрыве от вещей ничто, и они имеют свое существование только в последовательном порядке самих вещей, а так как этот порядок остается неизменным, то одно из двух состояний, например то, в котором все совершалось бы на определенный промежуток времени раньше, ничем не отличалось бы от другого, когда все совершается в данный момент, и различить их было бы невозможно. <...> Если бы не было созданных вещей, то не было бы ни времени, ни места» (1982, с. 441–442, 496).

Подобно Г. Лейбницу, рассматривают время в качестве реляционной сущности Д. Беркли и Д. Юм. Первый пишет: «...время есть ничто, если отсечь от него последовательность идей в нашем духе...» (2000, с. 182).

Д. Юм считает, что «...из последовательности идей и впечатлений мы образуем идею времени, время же само по себе никогда не может предстать перед нами или быть замечено нашим умом» (1996, с. 94); «...оно всегда открывается нами при помощи некой доступной восприятию последовательности изменяющихся объектов» (1996, с. 95); «...невозможно представить... время без последовательности или изменений в каком-либо реальном существовании» (1996, с. 98–99).

И. Кант (1994) вовсе полагает, что времени как физической сущности нет и «...если мы возьмем предметы так, как они могут существовать сами по себе, то время есть ничто» (1994, с. 57). «Тем не менее в отношении всех явлений <...> и в отношении всех вещей, которые могут встретиться нам в опыте, оно с необходимостью объективно» (1994, с. 57).

Фактически для него время — сущность сознания, и он (1994, с. 61) уверен, что время как явление может существовать только в нас, а не само по себе. Это только представление, которое не может существовать вне нашей души (1994, с. 306). «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства...» (1994, с. 56).

А. Эйнштейн (1965) вовсе отказался от концепта времени И. Ньютона (2008) и принял идею единой физической сущности «пространство-время»,

высказанную математиком Г. Минковским (1973). Концепт этой четырехмерной физической сущности «пространство-время» доминирует в современной физике уже около века.

Специально исследовавший проблему времени философ науки Ю. Б. Молчанов (1977) выделяет четыре только основные теории времени: субстанциальную (время — это самостоятельная субстанция, как материя или пространство), статическую (события прошлого, настоящего и будущего существуют одновременно), динамическую (существуют только события настоящего; прошлого и будущего нет), реляционную (время — это отношения или система отношений между физическими событиями и явлениями). Наряду с ними есть еще одна теория, отрицающая существование времени (время — это абстракция, созданная людьми для измерения длительности событий).

Из сказанного с очевидностью следует, что лишь в западном мире и менее чем за последние 350 лет время было концептуализировано совершенно по-разному даже отдельными исследователями. Естественно, целые общества, никак не связанные между собой (если бы такие были на Земле), смогли бы концептуализировать время очень различно.

Культуролог А. Я. Гуревич (1984, с. 36–45) отмечает, что человек не рождается с «чувством времени», репрезентация «связи времен» продиктована эпохой. Для архаических обществ характерна концепция одновременности времени (прошлое, настоящее и будущее расположены как бы в одной плоскости). Для древних цивилизаций (древнекитайской, древнеиндийской, египетской, греческой) характерна циклическая концепция времени (представление о круговороте развития).

Автор (1984, с. 36–45) пишет, что у древних греков время лишено гомогенности и хронологической последовательности. В древнеримском обществе при господстве циклического понимания времени намечается тенденция к векторному и линейному пониманию времени. Хотя даже в средневековой Европе не появилось общих для разных стран и даже для разных групп в одной стране представлений о времени. При этом для современных обществ характерна линейная концепция (представление об однонаправленности времени), что нашло свое отражение в языке (А. Я. Гуревич, 1971).

С. Пинкер (2013, с. 235) советует не понимать слишком буквально утверждение о том, что многие народы представляют себе время циклично, так как то, что люди осознают периодическую повторяемость дней, лет и фаз луны, не отменяет осознания ими линейной последовательности событий, составляющих течение жизни.

Данное утверждение еще раз доказывает мою мысль, что **время — лишь координатная ось по-настоящему реальной и глобальной физической**

сущности — тотального и постоянного изменения «реальности в себе». «Ось» времени может быть разной — безвекторной, как в архаическом обществе; в виде круга, как в древних мирах; линейной и векторной, как в современном обществе, или какой-то еще. Во всех случаях она лишь изобретенная людьми психическая конструкция, инструмент для фиксации великого изменения мира.

Еще раз повторю, что **конституировать в качестве глобальной физической сущности наряду с пространством следует само изменение, так как время — явно вторичная, производная по отношению к нему психическая сущность.**

Философ В. М. Розин (2009, с. 103, 108–109) считает, что концепция времени переустанавливается в каждой культуре и каждой крупной культурной личностью. Например, концепция времени Блаженного Августина и концепция времени Аристотеля задают две разные темпоральные реальности. Культурологический подход позволяет говорить о разных переживаниях времени в Античности, Средневековье и т. д. Речь идет о разных концептуально-событийных реальностях времени.

По словам автора (там же), у нас нет и не может быть концепта (и понятия. — *С. П.*) «время вообще». Есть лишь истории переживания конкретного времени греками, средневековыми мыслителями и т. д. При этом необходимо рассматривать ассимиляцию предыдущих представлений о времени последующими культурами. Такая ассимиляция всегда приводит к переосмыслению времени. Мыслящий заново устанавливает свое понятие времени (реконструирует его концепт. — *С. П.*).

Соглашаясь с автором, можно лишь заметить, что в этом нет ничего удивительного. Множество концептов (если не все) меняются со временем, что отражает развитие человеческой психики и поступательную динамику ее содержания.

Не только у каждого общества, но и у каждого исторического этапа времени своя ОПР. Физик и философ Будиль Иенссон (2006, с. 74) справедливо отмечает, что человек не является ни безвременным, ни беспространственным. Он явление в высшей степени локальное, действующее в определенном месте в определенное время.

Можно лишь добавить, что человек живет в определенной ОПР, как ее хранитель и вместилище, будучи человеком своего времени.

Психолог Т. Доусон (2007, с. 398) пишет, что, согласно итальянскому философу XVIII века Дж. Вико (1994), часто ошибочно предполагают, что люди всегда думали так, как мы это делаем в настоящее время. Критики, например, рассматривают тексты, написанные 100, 400 или даже 2000 лет назад, так, как если бы они были написаны их современниками. Это недопустимо. Нельзя полагать, что люди прошлого думали — или даже могли бы

думать — так же, как мы это делаем сегодня. Делать так означает продуцировать плохую литературную критику и еще худшую психологию.

По словам Т. Доусона (2007, с. 404), приблизительно в третьей четверти XVII столетия проекция, представленная христианским «мировоззрением», постепенно начала ломаться. Это сопровождалось радикальными сдвигами в сознании. Люди начали творить смыслы собственной реальности и идентичности, исследовать социальный мир и индивидуальное сознание.

Понимание верности данной мысли заставляет удивляться, как мы еще умудряемся постигать дошедшие до нас сочинения наших древних предшественников. Впрочем, большой вопрос, так ли уж правильно мы их понимаем, как нам кажется. Ведь они обладали совершенно иными мировоззрениями и имели во многом отличающиеся от наших, а порой и совершенно другие концепты важнейших используемых ими и нами понятий. Их объективная психическая реальность радикально отличалась от нашей. И за прошедшее время она, возможно, многократно и принципиально менялась.

Мне представляется очевидной разная концептуализация времени (тотального изменения мира) разными обществами не только потому, что есть множество научных свидетельств этого. Даже если во всех языках мира присутствует понятие *время*, оно ассоциировано в них с порой сильно различающимися концептами. Что говорить про различия концептуализации времени древними народами или, например, хопи, если время было по-разному концептуализировано проживавшими друг рядом с другом народами Европы.

Исследователи почему-то не замечают того очевидного вроде бы факта, доказывающего разную концептуализацию времени в разных обществах, что в разных языках сейчас представлено разное количество времен. В русском — три. В английском — тоже три, но каждое из них разделяется еще на четыре подвида. В немецком шесть и нет длительных времен. В греческом восемь времен: одно настоящее, четыре прошедших и три будущих. В испанском, по разным данным, от 16 до 96 времен. В китайском языке нет времен. Время передается через контекст и указание, когда будет происходить действие. Для обозначения прошедшего времени используется частичка. И так далее.

Даже отношение человека к времени с возрастом меняется. В детстве он вообще не задумывается о времени. Подросток и юноша живут будущим. Сегодняшняя жизнь представляется им лишь подготовкой к этому счастливому, бесконечному и великому будущему. И такой настрой сохраняется в молодости, а порой и в тридцать, и даже в сорок лет.

Часто только после сорока человек вдруг замечает, что вот оно — будущее, никакого другого будущего уже нет и не будет и нужно жить настоящим, хотя по инерции продолжает жить будущим, еще на что-то надеясь. В зрелости, а часто только в старости он наконец понимает, что вот уже будущего и не осталось почти. При этом направленность его сознания смещается даже не в настоящее, а в прошлое. И только теперь он начинает реально жить настоящим.

Историк медицины Г. Элленбергер (2001, с. 217) цитирует Е. де Гриффа (E. de Greeff), писавшего, что годовалый ребенок живет в настоящем, трехлетний ребенок осознает, что день делится на регулярные часы. В четыре года приходит понятие «сегодня», а в пять — понятия «вчера» и «завтра». В восемь лет ребенок умеет считать недели, каждая из которых кажется ему бесконечной. В пятнадцать лет единицей времени является месяц, которых в год получается около двадцати, а сорокалетний человек считает уже годами и десятилетиями. В качестве одной из характеристик слабоумия Е. де Грифф называет неспособность посмотреть на двадцать дней вперед и назад.

Эта цитата иллюстрирует специфику концепта *время*, демонстрируемую людьми в разные возрастные периоды жизни.

§ 5. Время и специальная теория относительности

Обсуждая время, нельзя не коснуться темы, уже больше века вызывающей жаростные дискуссии, — предсказываемого теорией относительности замедления течения времени в космическом аппарате при его движении со скоростями, близкими к скорости света. И второй темы — путешествий во времени, которым посвящено множество книг и статей.

А. Эйнштейн так изложил свою позицию на заседании общества естествоиспытателей в Цюрихе в 1911 году: «...если часы, синхронизированные с другими подобными, заставить двигаться в одном направлении с большой скоростью, приближающейся к скорости света, а затем вернуть к первым, то окажется, что на двигавшихся прошло меньше времени, чем на покоившихся. Следует добавить, что выводы, которые справедливы для этих часов, взятых нами в качестве простой системы, представляющей все физические процессы, остаются в силе и для замкнутой физической системы с каким-либо другим устройством. Например, если бы мы поместили живой организм в некий футляр и заставили бы всю эту систему совершить такое же движение вперед и обратно, как описанные выше часы, то можно было бы достичь того, что этот организм после возвращения в исходный

пункт из своего сколь угодно далекого путешествия изменился бы сколь угодно мало, в то время как подобные ему организмы, оставленные в пункте отправления в состоянии покоя, давно бы уже уступили место новым поколениям. Для движущегося организма длительное время путешествия будет лишь мгновением, если движение будет происходить со скоростью, близкой к скорости света! Это — неизбежное следствие наших исходных принципов, к которым нас приводит опыт» (1965–1967, с. 185).

За сто с лишним лет физики неоднократно и убедительно доказывали, что чем ниже гравитация (чем ближе часы к источнику гравитации), тем медленнее течет время, и, наоборот, оно ускоряется с увеличением гравитационного потенциала (по мере удаления часов от источника гравитации). К тому же в движущемся теле все физические процессы протекают медленнее, чем протекали бы в неподвижном теле по отсчетам времени, выполняемым неподвижной системой отсчета.

Нельзя не отметить, что даже мне, человеку очень далекому от теоретической физики, вполне понятен, например, физический факт возможности влияния гравитационного поля на ход и скорость тотального и постоянного изменения локального физического мира, находящегося внутри этого поля, то есть опосредованно — на время. При этом мне совершенно непонятен физический факт возможного влияния скорости движения физического объекта на ход и скорость тотального и постоянного изменения локальных физических процессов, протекающих внутри этого объекта, что выражается, например, в виде замедления движения стрелок часов и сокращения масштабов предметов.

Тем не менее мне остается лишь принять на веру правильность математических расчетов, предсказывающих возникающие при движении физических объектов такие их трансформации и изменения скорости протекания физических процессов в них. Тем более что существуют экспериментальные подтверждения этих фактов, представленные авторитетными физиками.

Нельзя при этом не отметить другое важное обстоятельство. Толкователи теории относительности, без всяких на то оснований и не особенно задумываясь, перенесли ее теоретические предсказания из области космоса и объектов, движущихся в нем на околосветовых скоростях, в наш экологический мир. К тому же они сделали из них совершенно неверные выводы о возможности перемещения во времени, а фактически о возможности локального обращения вспять тотального и постоянно текущего изменения физического мира.

Подобные выводы не только надуманны, они неадекватны и нелогичны, так как физическая теория говорит лишь о принципиальной возмож-

ности относительного замедления при определенных условиях протекания всех процессов в локальном физическом мире. Но никак не об их остановке или тем более их движении вспять. Тогда как путешествие во времени — это не что иное, как их движение вспять (перенос в прошлое) или резкое ускорение (перенос в будущее).

Кстати, замедление времени для физического мира означает отнюдь не просто замедление хода часовой стрелки и даже не просто изменение какого-то одного, пусть и глобального физического параметра. **Замедление времени означает «всего лишь» замедление всех непрерывно идущих во Вселенной изменений.** Причем проявляется оно в том числе, например, в форме замедления вращения электронов вокруг ядер и замедления движения фотонов, то есть в конечном счете в форме замедления самой скорости света, которая в вакууме, как утверждает физика, неизменна и постоянна.

Вероятно, поэтому исследователи, понимающие эти и другие странности, осторожно относятся к теории замедления времени при движении с околосветовыми скоростями. Недаром нобелевский лауреат по физике Р. Фейнман и его соавторы (2007, с. 271) говорят, например, о том, что гипотеза Г. Лоренца (1853–1928) (принятая А. Эйнштейном. — С. П.) «человечески искусственна».

В. Гейзенберг (2004, с. 154) же, указывая на то, что в новых областях физики «основополагающие понятия языка, а стало быть, и мышления, перестают работать», замечает: «Столь же бессмысленно решать вопрос, действительно или мнимо сокращение движущегося тела в направлении движения, описываемое формулой Лоренца; эта проблема также могла быть предана забвению. Мы свыклись теперь с мыслью о том, что мир “в действительности” не таков, каким рисуют нам его обыденные понятия, и в новых сферах опыта мы должны быть готовы столкнуться с парадоксами» (2004, с. 155).

Его доводом можно было бы руководствоваться и отложить надолго споры о возможности замедления времени, если бы не одно важное «но». Большинство исследователей и тем более интерпретаторов физики совершенно всерьез воспринимают это умозрительное, на взгляд В. Гейзенберга (2005, с. 154–155), сокращение движущегося тела в направлении движения, описываемое формулой Г. Лоренца, и замедление времени при движении объектов с высокими скоростями.

Поэтому необходимо совершенно определенно сказать, что **путешествовать во времени не получится где-либо еще, кроме самого человеческого сознания, так как нельзя физически путешествовать по созданной сознанием координатной оси, то есть в выдуманной им же сущности.**

В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили (2005, с. 62) как раз пишут о шокирующем свойстве психического, которое трансформирует время, сжимая его или растягивая и даже заставляя «течь вспять».

Что касается перспективы обращения вспять тотальных и глобальных физических процессов изменения, непрерывно происходящих во Вселенной, которые люди привыкли заменять понятием *время*, то, конечно, стоит сохранить в наших фантастических литературных реальностях возможность их поворота вспять. Хотя здравый смысл более чем скептически оценивает принципиальную осуществимость столь невероятных и вселенских трансформаций устоев нашего физического бытия.

Тезисы

1. Время рассматривается современным естествознанием как физическая сущность, входящая в еще более сложную физическую сущность — пространство-время. Однако времени нет в физической реальности. Время — типичный психический объект, конституируемый сознанием с помощью вербальных конструкций.
2. Время реально и объективно. Но оно существует лишь в человеческом сознании и в ОПР, что, впрочем, не мешает ему, как и другим сущностям ОПР, быть независимым от индивидуального сознания и даже доступным измерению.
3. Время представляет собой координатную ось, созданную людьми для удобного и понятного представления другой гораздо более очевидной, чем время, и первичной по отношению к нему глобальной физической сущности. Сущность эта — тотальное и непрерывное изменение реальности. Кстати, она, как и пространство, даже доступна нашему восприятию и чувственному репрезентированию, в отличие от времени.
4. Если координатные оси пространства изначально создавались человеком как психические конструкты, как нечто заведомо отсутствующее в физической реальности, как инструмент, необходимый для ориентирования в пространстве, то время люди концептуализировали как самостоятельную физическую сущность вместо великого изменения. Хотя фактически время является лишь психическим инструментом, предназначенным для представления и измерения изменения.
5. Именно великое изменение люди непрерывно и повсеместно наблюдают в окружающем мире, в своем теле и даже переживают в собственном сознании. Изменения реальности репрезентируются психикой чувственно, поэтому они для нас столь же подлинны и, несомненно,

реальны, как и окружающие предметы, вещественные физические объекты и явления.

6. Благодаря феноменологическим различиям самих психических явлений (образы воспоминания, образы восприятия и образы представления) в человеческом сознании и в личной ОПР формируются иллюстрированные чувственными репрезентациями разные фрагменты метафорической ленты времени — прошлое, настоящее и будущее.
7. Огромное число созданных сознанием сущностей мира наличествуют в нем, только если рассматривать его на протяжении достаточно продолжительного периода времени. Такие сущности распространяются за пределы настоящего мгновения исключительно в котором и пребывают физический мир и человеческое тело. Следовательно, они не могут присутствовать нигде, кроме человеческого сознания и ОПР.
8. Многие психические сущности (состояния, процессы и т. д.) могут быть конституированы (что и было сделано в психологии) тоже только при рассмотрении психики в длящемся времени, то есть на протяжении относительно длинных его отрезков. При этом сама актуально существующая психика пребывает, как и физический мир, лишь в своем субъективном психическом настоящем мгновении, которое немедленно сменяется следующим настоящим мгновением.
9. Необходимо различать собственную актуальную и реально имеющуюся психику и ее явления, существующие здесь и лишь в настоящее мгновение, с одной стороны, и конституированные сознанием исследователей репрезентации психики и ее психических феноменов в виде особых сущностей, развернутых во времени, то есть, говоря метафорически, «в продольном разрезе психики», — психические состояния, процессы, конструкции и т. д., с другой стороны.
10. Время присутствует в объективной психической реальности как важнейшая и структурообразующая ее часть. Ось исторического времени — это своего рода «становой хребет», без которого содержание человеческого сознания, его личной ОПР и ОПР общества превратилось бы в неупорядоченную «кашу».
11. Многие сущности мира неразрывно связаны с понятием *время* и исчезнут без него.
12. Великое изменение «реальности в себе» — это не менее глобальная и тотальная сущность, чем, например, пространство.
13. Ни одно общество не могло в своем развитии избежать концептуализации Великого изменения, непосредственной или опосредованной — в форме другой замещающей его сущности — времени. Многие

общества и конкретные исследователи привнесли в концептуализацию понятия *время* свою специфику. И для подтверждения разной концептуализации достаточно даже незначительных различий в концептах, репрезентирующих лишь некоторые аспекты этой всеобъемлющей сущности.

14. Ось времени может быть разной — безвекторной, как в архаическом обществе; циклической, как в древних мирах; линейной и векторной, как в современном обществе. В любом случае она не более чем изобретенный людьми инструмент для фиксации и измерения Великого изменения Вселенной.
15. Путешествовать во времени невозможно, так как время — это координатная ось тотального и непрерывного изменения Вселенной, то есть выдуманная человеком сущность.

ОПР и язык

Как пишет А. Ребер, «убежденность в том, что мы знаем значение слова “язык”, сохраняется только до тех пор, пока мы воздерживаемся от попыток уточнить, что же мы знаем» (2001а, с. 531).

Психологи Дж. В. Берри и соавторы (2007, с. 273) пишут, что язык является одним из составных элементов культуры и наряду с изготовлением орудий может быть одним из немногих действительно отличительных качеств человеческой культуры, так как многие виды животных имеют, например, социальную организацию, территорию и даже игры.

Сами конструкции языка — это уже элементы создаваемой человеком искусственной реальности, являющиеся одним из важнейших проявлений культуры. Я лично вообще считаю язык главным элементом культуры, более того, условием появления всякой культуры и вообще мыслящего человека.

Язык существует сразу в двух реальностях — физической и психической.

Понятие *язык* репрезентирует¹ объект ОПР, конституируемый вербальной конструкцией. Например, такой: *язык — система сложно структурированных звуков (и движений тела), имеющих для людей символическое значение и обеспечивающих трансляцию вербального психического содержания от говорящего к слушателям.*

Язык имеет множество референтов в физической и психической реальностях. Главными его референтами являются речь (устная и письменная) и вербальное мышление. Он представляет собой форму человеческой деятельности, обеспечивающую процессы экстерииоризации говорящим своего вербального психического содержания в виде соответствующих языковых

¹ Не знаю, как правильно сказать: понятие репрезентирует сущность или понятие обозначает сущность. Вообще-то репрезентирует сущность концепт — сложная психическая конструкция. Образ слова, или понятие, обозначает сущность, представленную в сознании концептом. Но при этом понятие в процессе мышления не столько обозначает, сколько замещает концепт, репрезентируя сущность. Следовательно, можно сказать, что понятие и обозначает сущность, и репрезентирует ее.

конструкций, восприятия их слушателями и их интериоризацию в форме новых вербальных конструкций, возникающих уже в сознании слушателей.

Представляется оправданным распространение в психологии рассмотрение вербального мышления в качестве результата интериоризации сознанием предшественников человеческой речи в филогенезе. Вероятно, поэтому вербальное мышление и речь неразрывно связаны. Ребенок интериоризирует в форме собственных вербальных образов речь окружающих. Эти образы в процессе онтогенеза постепенно наполняются для него смыслом и обеспечивают его собственное вербальное мышление. Одновременно он учится экстериоризировать собственные вербальные психические конструкции, материализуя их в форме конструкций языковых (фраз устной речи, а затем и предложений речи письменной).

Восприятие речи других людей и интериоризация чужих языковых конструкций в форме собственных вербальных психических конструкций позволяет людям фактически транслировать друг другу достаточно точно для их эффективной коммуникации вербальное психическое содержание собственного сознания. Например, вербальный образ слова «удача» экстериоризируется говорящим в его речи в форме слова «удача» (табл. 1). Созданные им звуки речи воспринимаются в форме слуховых образов слова «удача» слушателями и вызывают актуализацию в их сознании собственных сходных вербальных концептов данного слова.

Таблица 1. Схема передачи между людьми аналогичного вербального психического содержания

Сознание говорящего 1	Интерсубъектная материальная среда	Сознание слушателей 2, 3, 4, 5 и т. д.
Понятие — слуховой (или зрительный) образ слова «удача», субъективностью которого можно пренебречь, ассоциированный с вербальным концептом, репрезентирующим понятие <i>удача</i> . Например, таким: <i>удача — совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай, желательный исход дела</i>	Физические объекты — устное или письменное слово «удача»	Понятие — слуховой (или зрительный) образ слова «удача», субъективностью которого можно пренебречь, ассоциированный с вербальным концептом, раскрывающим значение понятия <i>удача</i> . Например, таким: <i>удача — позитивно воспринимаемое событие, возникшее в результате случайного стечения обстоятельств — или таким: удача — желательный исход события или действия, особенно в ситуациях, когда он не (полностью) зависит от действий или решений человека</i>

Язык включает в себя три обязательных компонента: 1) искусственные физические объекты — звуки или изображения слов, которые создают или воспринимают люди в процессе коммуникации; 2) психические образы (слуховые и зрительные) этих слов, или понятия; 3) ассоциированные с образами этих слов их значения в форме психических конструкций — концептов. Без этих трех обязательных компонентов — слов, их образов (или понятий) и их значений (или концептов) — языка нет. Язык существует в интерсубъектном физическом пространстве и одновременно в психике людей.

Язык не является частью ОНР, как и ОНР не является частью языка. Но **язык обеспечивает возможность появления ОНР**, так как его слова и концепты репрезентируют всю реальность, в том числе ОНР. Без языка не может быть человеческого сознания и даже антропоморфной физической реальности, тем более ОНР. **Усвоение ребенком языка — запоминание слов и постижение их значений путем формирования соответствующих чувственных и/или вербальных концептов — сопровождается интериоризацией им важнейших элементов ОНР.**

Наследует ли человек генетически психическое содержание сознания предшествующих поколений? Существует ли врожденное знание?

У нас нет никаких оснований предполагать это вслед за Р. Декартом (1989). Психика новорожденного — это, видимо, действительно почти «чистая доска»¹, как полагал Д. Локк (1960). Другое дело, что ребенок действительно «наследует», но лишь в переносном смысле (то есть получает от общества в результате общения с окружающими) вербальные репрезентации ОНР.

Стала уже общим местом идея о том, что опыт передается с помощью языка. Преподаватель и философ Б. А. Эренгросс и другие (2007, с. 463–464) пишут, например, что средств хранения и передачи опыта прошлого много. Это прежде всего язык, который хранит, передает от поколения к поколению все знания и мудрость, накопленную за века. Это письменность, благодаря которой знания могут фиксироваться и сохраняться. Это искусство и такие элементы культуры, как библиотеки, книгохранилища, музеи, читальные, концертные и выставочные залы, картинные галереи; это музыка и театр.

Сказанное, однако, не передает определяющей по важности в формировании человека роли языка. **Язык создает разумного человека. Усвоение языка — это уже усвоение вербального знания о мире и о месте человека в нем, созданного обществом и имеющегося у него. Каждое**

¹ Если не принимать в расчет психическое содержание, которое теоретически может формироваться в сознании плода до его рождения.

новое усвоенное слово, образ которого ассоциируется в сознании с соответствующим концептом, — это фрагмент знания данного общества об одной из конституированных обществом сущностей мира.

Усвоение языка своего общества — это не только интериоризация вербальных репрезентаций множества концептуализированных обществом сущностей окружающего мира, но и интериоризация совокупной вербальной репрезентации реальности, представленной в ОПР общества. Недаром Г. Гадамер (2000, с. 89) справедливо утверждает, что человек учит язык, одновременно изучая и мир.

Р. Смит (2007, с. 96) пишет, например, ссылаясь на Ч. Тейлора (С. Taylor, 1995), исследовавшего творчество И. Гердера (1744–1803), что еще в конце XVIII века И. Гердер (J. G. Von Herder, 1968) совершенно ясно объявил, что язык, которым мы говорим о внешнем мире, представляет собой не просто описание этого мира. Он продуцирует некую частную версию как внешнего мира, так и нас самих.

Тем не менее до сих пор мощной поддержкой пользуется научное течение, разрывающее язык и окружающий мир. Философ и культуролог Е. Я. Режабек (2007, с. 259), например, отмечает, что постмодернизм перешел к программному отказу от самой идеи референции. Главное его достижение состоит в «эмансипации знака», то есть в утверждении его способности представлять самого себя, а не реальность. В постмодернизме жизнь языка определяется как игра означающих, осуществляющаяся согласно внутриязыковым законам. В философии постмодернизма язык как способ понимания реальности упразднил саму реальность, превратив мир в знак. В этой системе представлений означающее без означаемого приобрело статус единственной и самодостаточной реальности. Слово перестает выступать референтом выраженного соответствующим понятием объекта.

Автор (там же) пишет, что в выхолощенной теории языка, на которую опирается постмодернизм, денотат любого термина не соотносен ни с какой реальностью, кроме реальности самих знаков. Так, Ф. Джеймсон (F. Jameson, 1986) последовательно проводит тезис, что означаемое и означающее суть две стороны одного и того же продуцирования. Ту же установку разделяет Ж. Бодрийяр, согласно которому реальность — «это фантазм, посредством которого знак постоянно пытается предохранить самого себя от последующей его символической деконструкции» (2003, с. 169). Точно так же невозможность разделения в функционировании знака ряда означаемого и ряда означающего подчеркивал Ж. Деррида (цит. по: Е. Я. Режабек, 2007, с. 259).

Кстати, эти же представления нашли яркое выражение и в лингвистике, где слово и язык по большей части рассматриваются как самостоятельные сущности, подлежащие изучению сами по себе и в отрыве от чувственных

психических репрезентаций, а не в жесткой связи с ними и с окружающим человека миром, сущности которого слова языка и обозначают.

Роль вербальных репрезентаций окружающего мира, предоставляемых обществом каждому своему новому члену в форме слов родного языка и языковых конструкций, смыслы которых он со временем постигает, намного больше в понимании мира, чем роль его собственных чувственных репрезентаций окружающего. Антропоморфный понятный мир дается каждому индивидууму обществом в языке уже на этапе изучения им последнего. Как пишет Х.-Г. Гадамер, «...он (человек. — С. П.) получает мир... таким, каким ему его представляют другие люди» (2000, с. 89). К. Поппер (2000, с. 70) отмечает, что язык не только взаимодействует с нашим разумом, но и помогает нам увидеть вещи и возможности, которых без него мы никогда бы не могли увидеть.

Язык включает в себя сотни тысяч слов, значениями которых являются концепты, репрезентирующие сущности окружающего мира, их свойства, отношения, действия и т. д. Следовательно, **язык представляет собой еще и созданную нашими предками грандиозную и подробнейшую вербальную репрезентацию реальности**. Он существует в виде материальных объектов двух основных видов — звуков речи и графических знаков — текста¹, при восприятии которых в сознании человека, владеющего языком, актуализируются соответствующие вербальные конструкции.

Через язык и благодаря ему ребенок обзаводится новыми символическими психическими феноменами — образами слов (понятиями), которые, обретая для него смысл, начинают репрезентировать ему и окружающие предметы, и даже отвлеченные сущности реальности. Усвоение родного языка позволяет ребенку негенетически наследовать большую часть важных вербальных психических конструкций, представленных в сознании окружающих его людей.

Распространиться в сознании членов общества может только нечто не просто вербализованное, но и экстериоризированное людьми в виде конструкций языка. То есть психическое содержание, которое уже выражено в словах и принято этносом как репрезентация части окружающего мира.

Сами языковые конструкции не относятся к ОНР, но легко трансформируются в сознании людей в вербальные конструкции, участвующие в создании их личной ОНР. В свою очередь, психические конструкции, формирующие личную ОНР, потенциально способны экстериоризиро-

¹ Есть и менее распространенные объекты языка — жесты языка глухонемых; тактильная речь и специфический письменный язык слепоглухонемых, основанный на алфавите Брайля (см., например: О. И. Скороходова, 1990).

ваться в форме конструкций языка и передаваться затем другим людям, распространяясь в обществе. **Языковые конструкции обеспечивают тем самым возможность распространения конструкций вербальных.**

Языковые конструкции, звучащие и написанные, а также материальные предметы и объекты — разного рода записи, воспроизводящие и/или содержащие их, являются всего лишь носителями и хранилищами скрытых смыслов. Язык — это только необходимая для появления ОПР предпосылка. **ОПР нет ни в устной речи, ни в текстах, ни в иных знаках, ни тем более в их носителях.**

Участвующие в формировании ОПР вербальные психические феномены присутствуют в сознании конкретных людей. Знаки и их носители бесполезны без человеческого сознания, неспособного воспринять и понять их, то есть трансформировать в понятные сознанию психические феномены. Значения знаков раскрываются лишь в подготовленном сознании и только в форме психических феноменов. Любые носители потенциально доступного людям психического содержания являются лишь искусственными материальными объектами и не способны сами по себе актуализировать специфическое психическое содержание в сознании человека, даже если тот способен воспринять знак, но не имеет возможности его понять.

Тем не менее материальные носители информации способствуют распространению вербальных конструкций, участвующих в формировании ОПР. И если субъект овладел уже языком, предложения которого записаны на материальных носителях, то знакомство с информацией¹, потенциально хранящейся на этих носителях, сходно для него с общением с людьми и позволяет ему интериоризировать соответствующие вербальные конструкции.

Как сформировалась ОПР в филогенезе?

Опыт наблюдения за сообществами животных свидетельствует, что детеныши учатся у взрослых особей адекватному поведению. Однако в стае приматов, например, нет полноценного символического общения, так как у них отсутствует (в том числе) столь же развитый, как у людей, язык. Соответственно, невозможно накопление в сознании членов сообщества символических конструкций, эффективно репрезентирующих окружающий мир и опыт взаимодействия с ним. ОПР у них не формируется, по крайней мере в форме, сопоставимой с человеческой.

Для появления ОПР необходимо наличие символического мышления и развитого языка, позволяющего членам сообщества осуществлять

¹ Информация — одна из многочисленных сущностей ОПР, конституирующая фрагмент психического содержания сознания, потенциально доступный передаче от одного человека к другому с помощью языковых конструкций или других знаковых систем.

коммуникацию между собой. В процессе общения они интериоризируют языковые конструкции, участвующие в формировании их общей ОПР. При этом наблюдение за поведением окружающих убеждает каждого индивида в правильности представлений о мире, приобретенных им в результате общения с членами своего общества.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана (1995, с. 113), практически невозможна передача следующим поколениям общих форм деятельности, не выраженных в знаковой системе. Знаковая система придает анонимность передаваемому опыту, отделяя его от индивидуальных биографий и делая общедоступным для всех, кто владеет или может овладеть в будущем данной знаковой системой.

Однако, как показывают наблюдения зоопсихологов, некоторые навыки животных все же передаются в результате наблюдения за действиями сородичей и даже человека. Тем не менее не вызывает сомнения, что **для превращения в нечто доступное систематическому и широкому негенетическому наследованию всякое знание о реальности должно быть прежде вербализовано.** Передаче между людьми доступны главным образом языковые конструкции, что и обеспечивает негенетическое наследование потенциально содержащейся в них вербальной информации о реальности.

ОПР начала формироваться в психике человека на этапе возникновения человеческого языка и появления в результате этого в сознании людей сходного вербального психического содержания, потенциально доступного передаче. Возможность обмена психическим содержанием между всеми, в том числе новыми членами общества, обеспечила его объективность и почти полную независимость от конкретного индивидуума. Сходное поведение большинства членов сообщества, которое воспринимал и понимал каждый, тоже участвовало в формировании его ОПР.

Родной язык раскрывает перед ребенком уже концептуализированный и четко организованный его предками мир в виде множества взаимодействующих и связанных между собой сущностей, обозначенных словами языка. Язык, который мы получаем от своего общества в процессе собственной социализации, — это в том числе совокупность специфических искусственных «рамочек» или «трафаретов» (Д. А. Келли, 2000), через которые и в пределах которых мы только и можем видеть и понимать окружающее.

Ю. М. Лотман (2004, с. 487) говорит, что язык снабжает членов общества «интуитивным чувством структурности» и «очевидной системностью». Он преобразует «открытый» мир реалий в «закрытый» мир имен, заставляет людей трактовать как структуры явления такого порядка, структурность которых в лучшем случае не является очевидной. Человеческий опыт

строится, сохраняется и передается как некая концентрическая система, в центре которой расположены наиболее очевидные и последовательные (так сказать, наиболее дифференцированные) структуры. Ближе к периферии располагаются образования, структурность которых не очевидна, но которые, будучи включенными в общую систему, функционируют как структуры.

Важно даже не столько то, что язык организует окружающий ребенка мир, сколько то, что **образы слов, постепенно приобретающих для ребенка понятные ему значения, участвуют в формировании его вербального мышления и делают его человеком.** Человеческое сознание с помощью вербальных конструкций дополняет и видоизменяет смыслы сущностей, чувственно репрезентированных им, и порождает новые сущности, располагая их в окружающем физическом мире. Монета для маленького ребенка — то, что можно схватить и сунуть в рот. Для младшего школьника она уже трансформируется с помощью языка в средство обмена, сущность, которая лучше репрезентируется вербально.

Чувственные образы объекта А часто выступают в сознании взрослого как знаки объекта В, а тот, в свою очередь, может являться знаком объекта С. В языке идет многократное кодирование каждой сущности знаком. Сначала первым знаком, затем первого знака вторым знаком, потом третьим и т. д.: «Шарик — собака — млекопитающее — животное» и т. д. с перекрывающимися и иерархическими сферами значений, придающими глубину и многогранность любому знаку языка.

Язык обеспечивает людям возможность вербальной концептуализации реальности; создания ее вербальных репрезентаций; обозначения выделяемых сознанием сущностей; коммуникации между людьми и передачи вербальных репрезентаций реальности; появления новой формы сугубо человеческого мышления в виде психических образов слов и конструкций из них, имеющих понятный и общий для людей смысл; появления и адекватного вербального выражения человеческого разума; эффективного самовыражения человека; осознания наличия «я» и выражения этого осознания в разумной и доступной для других людей вербальной форме; развития вербального мышления у новых поколений людей; появления и функционирования ОНР; сохранения всей совокупности вербальных репрезентаций реальности, созданных предшествующими поколениями и современниками; объективизации вербальных репрезентаций реальности и их негенетического наследования; сохранения и передачи национальной идентичности; объединения людей в общество и народ.

Речь — форма коммуникативной деятельности, присущая человеку. Выделяют внешнюю и внутреннюю речь. Первая — построение устных фраз

и письменных предложений из слов, имеющих понятное людям значение, для репрезентирования окружающей, прошлой, вымышленной, психической, возможной, игровой и других форм реальности. Вторая — построение с теми же целями мысленных вербальных конструкций из слуховых и зрительных образов слов, имеющих понятное людям значение.

Основными функциями речи являются обеспечение функционирования языка и опосредованная конструкциями языка трансляция вербальных конструкций между людьми.

Исследователи отмечают разные цели речевых коммуникаций. Филолог С. В. Ильинский (2006), например, выделяет информирование, побуждение к действию, обязательства, эмоциональные реакции на сообщение или ситуацию речи, речевые акты, обслуживающие установление, прекращение, развитие и поддержание межличностных контактов, формулы речевого этикета, связанные с социальной иерархией и типологией социального общения.

Поэтому может сложиться впечатление, что языковые и вербальные конструкции предназначены не только для репрезентирования реальности. Тем не менее приказания, например, представляют собой репрезентации того, что человеку следует или не следует делать. Обязательства — репрезентации того, что с высокой вероятностью произойдет в будущем. В эмоциональных реакциях слова используются как общепринятые репрезентации эмоционального же состояния говорящего и его отношения к разным репрезентациям реальности. В высказываниях, обслуживающих межличностные контакты, репрезентируются возможные варианты действий: «давайте обдумаем», «предлагаю созвониться», «утро вечера мудренее» и т. п. В любом случае **главным содержанием речи являются репрезентации реальности**, пусть и создаваемые с разной целью.

Между ОНР и языком можно провести параллели. ОНР, как и язык, создается людьми, но существует вне конкретного индивидуума и почти не зависит от него. Все три главные сущности языка — слова, понятия и концепты, а значит, и сам язык тоже в малой степени зависят от конкретных людей. Л. Уайт (2004, с. 314) отмечает, что язык растет и изменяется в соответствии с принципами, внутренне присущими самому языку, а не человеческому сознанию.

Лингвист Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 80–81) тоже пишет, что язык имеет характер объективного социального образования и не зависит от конкретного члена сообщества. Конечно, он всегда воплощается лишь в языке конкретного человека, проявляясь в его мышлении и речи, но он не может осуществиться полностью ни в одном из своих носителей, так как никто не владеет всем родным языком в целом.

Автор (2004, с. 82) указывает, что язык противостоит сообществу, которое его в себе носит, в известном смысле как самостоятельная сила, так как человеческое сообщество несет в себе язык как общее достояние, но и само оно внутренне связывается общим языком (кстати, так же, как и объективной психической реальностью. — *С. П.*). Приводя пример автономности языка, автор (2004, с. 82–83) обращает внимание на тот факт, что письменный язык, в особенности орфография, способен изменяться значительно меньше, чем произношение.

Его удивляет, что правописание создано носителями языка, следовательно, его создатели и пользователи могут изменить его, как только это потребуется. Однако нововведения в правописании у всех народов сталкиваются с почти непреодолимыми трудностями¹, даже когда речь идет об устранении очевидных недостатков. По мнению Й. Л. Вайсгербера (2004, с. 83), здесь проявляется объективация языковых явлений, что обеспечивает языку неожиданно прочное и относительно независимое положение по отношению к обществу.

Ю. М. Лотман (2004, с. 563) указывает, что образ внешнего мира, переведенный на тексты того или иного языка, подвергается моделирующему воздействию последнего. Система как единый организм получает в свое распоряжение для каждого внешнего объекта целый набор моделей, чем восполняет неполноту своей информации о нем. Он пишет (2004, с. 354), что выражение некоторой сущности средствами другого языка — основа выявления природы этой сущности. А поскольку в большинстве случаев разные языки не имеют взаимно однозначных смысловых соответствий, то вся семиосфера в целом может рассматриваться как генератор информации.

Сказанное автором согласуется с тем, что **ОПР зависит от специфики конкретного языка и видоизменяется в соответствии с ним**. Например, в зависимости от особенностей концептуализации мира, предлагаемой языком определенного общества, его ОПР специфически структурируется в соответствии со значениями слов данного языка.

Р. Якобсон (1985, с. 366) сообщает, что в славянских и других языках, где слово «день» — мужского рода, а «ночь» — женского, поэты описывают день как возлюбленного ночи. Русского художника И. Е. Репина удивило то, что немецкие художники изображают грех в виде женщины. Он не подумал о том, что слово «грех» в немецком языке женского рода, тогда как в русском — мужского. Точно так же русскому ребенку, читающему немецкие сказки в переводе, было удивительно, что «смерть» — явная женщина

¹ С автором можно согласиться, так как, например, парциальные реформы даже только письменного русского языка, проводившиеся в прошлом веке, протекали сложно и в течение многих лет, хотя для их осуществления использовалась вся мощь советского государства.

(слово, имеющее в русском языке женский грамматический род) — была изображена в виде старика (нем. *Der Tod* — мужского рода).

К. Поппер (2000, с. 70) сравнивает язык с прожектором. Так же как прожектор выхватывает из темноты самолет, язык может «поставить в фокус» некоторые аспекты, некоторые описываемые им положения дел, выхватываемые из континуума фактов. Поэтому язык не только взаимодействует с нашим разумом, но и помогает нам увидеть вещи и возможности, которых без него мы никогда бы не могли увидеть.

Можно добавить, что язык — это «материализация» в форме знаков предшествующими поколениями репрезентаций окружающего мира и опыта жизни в нем. И если в языке нет слов, позволяющих, например, различать какие-то варианты сходных элементов «реальности в себе», значит, для выживания данного общества различия этих вариантов не имеют принципиального значения. И члены данного общества даже не различают эти варианты.

Области реальности репрезентируются в нашем сознании с помощью вербальных конструкций, обозначаемых словами. Вербальные концепты жестко концептуализируют реальность, исключая ее иное фрагментирование сознанием новых поколений, даже если имеющиеся концепты неадекватно репрезентируют реальность и лишь затрудняют ее понимание.

Л. Витгенштейн (1994, с. 426) отмечает, что язык вновь и вновь склоняет нас к постановке тех же самых вопросов. И люди всегда будут сталкиваться с одними и теми же загадочными трудностями. Он пишет: «Язык для всех готовит сходные ловушки, огромную сеть проторенных ложных дорог. И мы видим идущих одного за другим по этому лабиринту, наперед зная, что вот здесь человек свернет, здесь проследует прямо, не заметив развилки, и т. д. и т. п.» (1994, с. 428).

Проблемы ошибочной концептуализации реальности, неточных или неадекватных понятий проявляются и фиксируются в языке и его конструкциях. Часто они переносятся потом исследователями обратно во внешний мир в качестве его неразрешимых проблем и «вечных вопросов», которые вновь и вновь безуспешно пытаются решать следующие поколения людей. Неадекватные понятия и вербальные конструкции становятся преградой на пути познания и тормозят его, порождая множество не имеющих решения бессмысленных вопросов.

Обсуждая роль вербализации окружающего мира, П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 249) пишут, что субъективная реальность того, что никогда не проговаривалось, оказывается шаткой. Наоборот, разговор придает четкие контуры ранее расплывчато и неясно понимаемым предметам. Например, сомнения относительно своей религии обретают совсем иную

реальность по ходу их обсуждения. Когда человек «вговаривает» себя в эти сомнения, они объективируются в качестве реальности, пусть и в рамках собственного сознания. Язык объективирует мир, преобразая непрерывное течение опыта в связный порядок.

По мнению авторов (1995, с. 249), устанавливая этот порядок, язык реализует мир в двояком смысле слова: он его постигает и он его производит. Речевой аппарат поддерживает реальность, «проговаривая» различные элементы опыта и помещая их в определенные места в реальном мире. В процессе общения объективации языка становятся объектами индивидуального сознания. Фундаментальным фактом поддержания реальности является постоянное употребление одного и того же языка для объективации разворачивающегося биографического опыта. В самом широком смысле поддерживающими реальность другими будут все те, кто использует тот же самый язык.

Действительно, язык формирует антропоморфную реальность. Она вообще может быть представлена и передана другим только в виде языковых конструкций. К тому же читатель, например, понимает прочитанный им текст не только исходя из контекста, но и обязательно с позиции той ОПР, в которой он живет, которая сформировала его сознание, то есть не совсем так, как понимал этот текст его создатель, живший в другое время или в иной стране с другой ОПР.

Тезисы

1. Язык включает в себя три компонента: физические объекты — слова, психические образы этих слов (слуховые и зрительные), или понятия, и их значения в форме сложных психических конструкций — концептов, ассоциированных с образами слов. Язык существует в интересующем физическом пространстве и одновременно в психике людей.
2. Слова — это легко формируемые людьми, передаваемые одними и воспринимаемые другими людьми специфические искусственные физические объекты — модулированные звуки и графические изображения, образы которых замещают собой в сознании людей психические репрезентации самых разных иных сущностей мира, обозначаемых этими словами.
3. Язык является одним из главных факторов, обеспечивающих существование и функционирование человеческого разума и ОПР общества. Образы слов, постепенно приобретающих для ребенка понятные ему значения, участвуют в формировании его вербального мышления, делающего его человеком.

4. Язык — это инструмент, используемый человеческим сознанием для психического вербального репрезентирования мира. Он обеспечивает опосредованную словами передачу вербального психического содержания в процессе коммуникации между людьми. Не являясь частью ОПР, язык обеспечивает возможность ее появления.
5. Язык представляет собой созданную нашими предками грандиозную и подробнейшую вербальную репрезентацию мира. Усвоение ребенком языка — это постижение созданного обществом и имеющегося у него вербального знания о мире, которое ребенок интериоризирует вместе с языком. Каждое освоенное слово — это новое знание ребенка об одной из конституированных обществом сущностей мира.
6. Любой язык безальтернативно навязывает специфический вариант концептуализации окружающего мира, предоставляющий ребенку четко организованный его предшественниками вариант в виде множества взаимодействующих и связанных между собой сущностей, обозначенных словами языка.
7. Лишь в пределах искусственных «рамки» своего языка или языков мы только и можем воспринимать и понимать мир. При этом ОПР общества зависит от специфики его языка и видоизменяется в тесной связи с ним.
8. Вербальные репрезентации мира потенциально присутствуют в речи, письменности и их материальных носителях.
9. Конструкции языка обеспечивают возможность распространения конструкций вербальных. В «общее пользование» членов общества может попасть только то, что не просто кем-то вербализовано, но что уже зафиксировано в языке вследствие своей важности для людей и стало негенетически наследуемой его частью.

Еще раз о некоторых особенностях ОПР

В заключение имеет смысл еще раз рассмотреть вопросы, которые, возможно, помогут читателю лучше понять, что такое ОПР.

Как соотносятся «реальность в себе», физический мир и ОПР?

Дж. Кэмпбелл (2019, с. 51) пишет, что рай и ад находятся внутри нас и все боги внутри нас. Это великое понимание содержится в древнеиндийских Упанишадах, которые датируются IX веком до нашей эры.

То есть пониманию людьми данного факта около трех тысяч лет. Это еще раз подтверждает тривиальную мысль о том, что все новое — это хорошо забытое старое. То, что боги, рай и ад, как и множество миров, в том числе тот, в котором мы живем, находятся внутри нашего сознания, — это не фигура речи. Это реальность, которая, впрочем, никак не противоречит факту наличия «реальности в себе» вне нашего сознания.

Мне представляется очевидным наличие индивидуальной психики и сознания, с одной стороны, и «реальности в себе» — с другой. Мир, совершенно независимый от человека, или «реальность в себе», — это почти трансцендентная сущность, в которой пребывает нечто вроде кантовских «вещей в себе», точнее, фрагментов «реальности в себе». Мы же имеем дело только с нашими собственными ее психическими репрезентациями, которые, по-видимому, лишь более или менее адекватны ей.

В «реальности в себе» нет предметов и явлений, их свойств и действий. Бессмысленно также говорить, что она без человека или другого существа, наделенного сознанием и схожими органами чувств, видима, наполнена звуками, запахами, а ее элементы имеют вкус, температуру, шероховатость или гладкость и другие чувственные качества, которые формируются лишь сознанием чувствующего существа.

«Реальность в себе» доступна человеку только в форме его же чувственных либо символических репрезентаций. Люди не «открывают» структуру «реальности в себе», как утверждает объективизм. Они создают

в качестве таковой собственную ее репрезентацию в виде некой психической структуры, которую проецируют на «реальность в себе», тем самым подменяя трансцендентную «реальность в себе» понятной им собственной ее репрезентацией.

Сознание не отражает и не копирует, а созидает в специфически антропоморфном виде и в себе самом, но во внешнем пространстве сознания окружающий физический мир, или вещественную репрезентацию «реальности в себе». Сказанное не означает, что «мы создаем мир». Как «реальность в себе» он присутствует вне нас и независимо от нас. Сознание лишь воссоздает для себя в месте локализации «реальности в себе» ее антропоморфную психофизическую репрезентацию, понятную ему и помогающую адаптироваться в мире. Наш здравый смысл привычно и обоснованно заставляет нас считать ее общим окружающим физическим миром. Хотя у каждого человека «внешний», или «физический», мир свой и абсолютно уникальный. Впрочем, в силу биологического сходства людей и наличия общей для всех «реальности в себе» можно предположить сходство субъективных репрезентаций и пренебречь индивидуальными различиями личных физических миров.

Учитывая сказанное, надо отметить, что словосочетание «общий внешний физический мир» весьма спорно. Во-первых, он не общий. Во-вторых, нет оснований называть его внешним, так как он создан психикой и в ней. В-третьих, совершенно неправомерно разделение реальности на физический и психический миры, так как и тот и другой формируются психикой и различаются главным образом репрезентирующими их феноменами, которые к тому же частично перекрываются. В-четвертых, можно выделить, например, доступную восприятию, или вещественную, часть физического мира и его же части — не вполне доступные и вовсе недоступные восприятию, представленные физической областью ОНР.

Психиатр и философ Э. Страус спрашивает: «Что означает слово “внешний” в словосочетании “внешний мир”»? И сам же отвечает: «Оно означает, что внешний мир находится вне сознания, и, следовательно, сознание, включая сенсорный опыт, находится вне мира, так как оно было изгнано в никуда» (2001, с. 254). «Оно (выражение “внешний мир”. — С. П.) только кажется важным, на самом деле оно оборачивается бессмыслицей, как только мы пытаемся точно определить его значение» (2001, с. 262).

Действительно, термин «внешний» неадекватен по отношению к сознанию. Все, о чем мы мыслим, находится в сознании и является производным сознания, результатом взаимодействия сознания с «реальностью в себе». «Внешний мир» — это часть сознания, представленная преимущественно образами восприятия. В то время как «внутренний мир» — другая часть сознания, представленная образами представления и воспоминания,

понятиями и вербальными конструкциями. В основе их «противостояния» лежат феноменологические различия наших же психических явлений. Соответственно, привычный нам «внешний мир» существует только в сознании и лишь до тех пор, пока оно само присутствует.

Сознание формирует и психическую, и предметную физическую реальность, поэтому картезианская дихотомия не вполне адекватна. Хотя истоки ее понятны, так как она обусловлена субъективными феноменологическими различиями между образами восприятия, с одной стороны, и образами представления и воспоминания, с другой стороны.

Психическая репрезентация, данная нам, например, в виде предмета, сущностно отличается от «вещи в себе» и даже от вербальной репрезентации того же предмета. Переживаемые нами ощущения красного или зеленого (цвета) — это не электромагнитные волны, как представляется здравому смыслу. И даже то, что мы называем электромагнитными волнами, то есть наши же вербальные репрезентации собственных цветовых ощущений, совсем не идентично тому, что присутствует в «реальности в себе».

Настоящим и единственным предметом физического мира является для нас наша же чувственная психическая репрезентация элемента «реальности в себе»¹. Хотя общим для «вещи в себе» и ее репрезентаций в нашем сознании является лишь понятие *вещь*, которое и вводит нас в разные заблуждения². Кстати, правильнее было бы кантовскую «вещь в себе» называть все же «элементом реальности в себе», так как она еще и не вещь вовсе. В вещь превращается лишь ее чувственная репрезентация, возникающая в сознании и конституированная к тому же понятием, обозначающим данную вещь.

Естествознание и сама психология почему-то проигнорировали тот установленный еще классиками психологии факт, что формируемые сознанием чувственные репрезентации «реальности в себе», или образы восприятия предметов, обладают всеми свойствами предметов — предметностью, реальностью, полнотой (или завершенностью), целостностью, достоверностью, дистальным характером по отношению к наблюдателю, находятся во внешней реальности и т. д.

Из чего следует, что **образ восприятия объекта не просто «как бы картинка в голове», а единственно реальный, то есть оригинальный, подлинный предмет, чувственно конституируемый и располагаемый нашим сознанием во внешнем, конституированном им же физическом мире.** Другого предмета просто нет и не может быть нигде больше. Наш образ

¹ Элемент «реальности в себе» = кантовская «вещь в себе».

² С одной стороны, вызывает мысли об идентичности «вещи в себе» и предмета. С другой стороны, мысли о наличии предмета в физическом мире и его образа в нашей психике.

восприятия и есть предмет. И вещественность этому предмету придают исключительно наши же разномодальные психические его — предмета — чувственные репрезентации.

Именно они предоставляют нам максимально истинную для нас, но антропоморфную чувственную версию «реальности в себе». При этом мы должны понимать, что нам доступен лишь один из множества возможных вариантов репрезентирования «реальности в себе», каждый из которых потенциально может быть не менее достоверным, чем наш. То есть «реальность в себе» может иметь столько ипостасей в форме уникальных репрезентаций, сколько существа, обладающие сознанием, способны создать.

Наши чувственные репрезентации физических сущностей предельно реальны для нас. Поэтому хочется верить, что они являются иконическими репрезентациями элементов «реальности в себе» в доступных нам проекциях ее репрезентирования. Что в ней действительно присутствует то, что мы репрезентируем себе в виде физических сущностей окружающего мира. Поэтому, несмотря на понимание истинного положения дел, хочется сказать, что доступный нашему восприятию «мир в себе» именно таков, каким мы его воспринимаем. По крайней мере, мы можем пренебречь ошибкой и считать именно так.

Одну часть физического мира человек репрезентирует непосредственно чувственно. Другую часть его же репрезентаций он получает в готовом виде от людей в форме физической области объективной психической реальности общества. И ту и другую он принимает с абсолютной верой в их несомненную достоверность. В итоге формирующийся в сознании человека физический мир представлен и его собственными чувственными репрезентациями, и интериоризированными им чужими преимущественно вербальными репрезентациями «реальности в себе». Границы между физическим сегментом ОПР и вещественным физическим миром в его сознании крайне расплывчаты или вовсе отсутствуют.

Единственным критерием их разграничения часто оказывается лишь то, что вещный физический мир доступен восприятию, тогда как физические сущности ОПР обычно не вполне доступны или вовсе недоступны восприятию. И физический мир в виде собственных чувственных репрезентаций человека, и интериоризированная им физическая часть объективной психической реальности представляют ему одинаково объективный внешний физический мир.

Трудно различить, где кончается реальность физическая, вещественная и начинается объективная психическая реальность вербально конституированных людьми физических сущностей, тоже составляющая физический мир. Это позволяет ввести понятие *многослойности* физической реальности, разные слои которой репрезентируются разными

психическими явлениями — образами восприятия или преимущественно вербальными конструкциями.

Появившиеся в последние десятилетия многочисленные технические средства создали новые реальности — искусственную физическую реальность кино и телевидения, виртуальную компьютерную реальность и т. д. Эти особые формы искусственной физической реальности могут тиражироваться, широко распространяясь среди людей. Они существуют наряду с природной физической реальностью и объективной психической реальностью.

Не вполне понятно, как соотносятся физический и социальный миры. Их части местами явно взаимно перекрываются. В результате поведение людей, например, становится важнейшей физической составляющей социальной реальности, а социальные сущности гипостазированы в реальности психической, превращаясь в нечто почти физическое. Действия в физическом мире, с одной стороны, очевидно относятся к физической реальности. С другой стороны, люди, во-первых, могут действовать и в ОПР, что и делают постоянно, а во-вторых, даже физические их действия часто зависят от ОПР и определяются ею.

Очевидно, что мы живем в «реальности в себе». Вместе с тем наше восприятие убедительно свидетельствует, что мы живем в окружающем физическом мире, пусть и созданном нашей психикой. Наконец, рациональное мышление заставляет нас признать, что мы живем еще и в ОПР — психическом мире, наполненном множеством «физических» сущностей, вербально сформированных сознанием наших предшественников и имеющих в воспринимаемом физическом мире более или менее очевидные референты. Причем многие сущности объективной психической реальности относятся к физическому или социальному мирам.

Следовательно, мы живем в «многослойном» антропоморфном мире, который формируется в сознании в процессе нашего взаимодействия с «реальностью в себе» и обществом.

Какое отношение к миру, в котором мы живем, имеют наши абстракции?

А. А. Леонтьев пишет: «Другая мысль Леонтьева (автор имеет в виду А. Н. Леонтьева. — С. П.): "...возвращение к построению в сознании индивида образа внешнего многомерного мира, мира как он есть, в котором мы живем, в котором мы действуем, но в котором наши абстракции сами по себе не "обитают" ... Между тем для Брунера, Коула и многих других психологов мир — это как раз то, в чем "обитают" абстракции, это — только понятийный конструкт, это — теоретический мир"» (2005, с. 132).

Хочу еще раз подтвердить, что мы как раз и живем в мире, в котором «обитают» наши «абстракции» наряду с предметами и другими вполне

вещественными сущностями. И эти «абстракции» представляют собой множество сформированных нашими предшественниками и современниками сущностей, имеющих «корни» в создаваемом восприятием физическом мире.

Сама сущность, обозначаемая словосочетанием «объективная психическая реальность», — это, естественно, лишь еще одна сформированная сознанием сущность. Но необходимо помнить, что и физический мир — сущность, сформированная человеческим сознанием.

В чем заключаются особенности сущности, обозначенной мной понятием объективная психическая реальность?

Она психическая, но при этом объективная и более чем реальная. Она пребывает во множестве индивидуальных сознаний в виде индивидуальных вариантов некой усредненной умозрительной ОПР конкретного общества. Она оказывает на всех людей влияние, соизмеримое с влиянием физической реальности. Люди живут не только в объективной физической реальности, как принято считать, но и в столь же объективной психической реальности. И обе эти объективные реальности вместе формируют их окружающий мир. ОПР априорна по отношению к любому сознанию, так как дается ему обществом извне и от рождения.

Из всего сказанного выше кто-то может сделать вывод, что автор «идеалист», что он не верит в первичность «реальности в себе» и т. п. Но это не так. **Первичность «реальности в себе» очевидна и несомненна.** Бессмысленно и нелепо дискутировать о первичности/вторичности создаваемых сознанием физического мира и объективной психической реальности по отношению к «реальности в себе», если последняя прямо взаимодействует с нашим телом, меняет его и в любой момент может просто уничтожить и его, и присутствующее в нем сознание.

Как пишет философ Б. Вальденфельс (1999, с. 71), идол чистого сознания остается смешным Богом, которого способно выбить из колеи жужжание мухи. Он же (1999, с. 60) отмечает, что за воспринимаемым мы открываем «оборотную сторону вещей, нами не конструированную» (1999, с. 68).

Тем не менее мы можем и должны хотя бы попытаться понять, как наше сознание предоставляет нам собственный вариант этой «реальности в себе».

Какие области окружающего мира включает в себя ОПР?

Можно сказать, что нет областей мира, в формировании которых не участвовала бы ОПР. Это и физическая, и социальная, и психическая реальности. ОПР участвует даже в формировании предметной физической реальности. И обычный человек, например, не в состоянии отделить интериоризированную им физическую часть ОПР от вещественной физической реальности, доступной его восприятию. Дело в том, что даже доступный

восприятию физический мир представлен одновременно и в ОПР, которая дополняет и достраивает большинство его чувственных репрезентаций «реальности в себе».

Формирующие ОПР вербальные репрезентации не только снова и по-другому преподносят сознанию уже репрезентированный им чувственно предметный мир, но и раскрывают скрытые от восприятия внутренние связи и отношения между предметами. В итоге физические объекты представлены в сознании и в форме собственных чувственных репрезентаций человека, и в виде интериоризированных им вербальных конструкций, созданных людьми. Причем во многих случаях вербальная репрезентация является не менее важной для него.

Чувственный концепт, репрезентирующий предмет, или модель-репрезентация предмета, ассоциирован с множеством преимущественно вербальных конструкций, представляющих собой этноспецифические и личные знания и заблуждения общества и конкретного человека, относящиеся к этому предмету, его особенностям, возможностям и областям использования, его свойствам, выходящим за рамки чувственного восприятия, и т. д. При этом сам чувственный концепт должен уже быть конституирован вербально в форме конкретной сущности. В противном случае можно воспринимать что-то, не «видя» в нем физического объекта, даже не понимая его наличия. Для того чтобы «видеть» мир, понимающе воспринимать его, человек должен прежде интериоризировать из ОПР существенную часть вербальных знаний своего общества.

ОПР тесно переплетена с вещественной физической реальностью, внедрена в нее, так как ее объекты конституированы сознанием, но помещены им в физический мир. Часть ОПР, относящаяся к физическому миру, включает в себя не только недоступный или почти недоступный восприятию физический мир — научное знание о мире, но и огромные области доступного восприятию предметного мира — бытовое знание о мире. В ОПР представлены также грани и аспекты физического предметного мира, раскрывающиеся только при анализе его изменений во времени или, например, только при абстрагировании отдельных сторон предметов и явлений.

Важную часть личной ОПР составляют репрезентации общества, которое живет в соответствии со своими представлениями, установлениями и традициями и руководствуется созданными им вербальными конструкциями, предписывающими его членам социально приемлемое поведение (законами, нормами, правилами и т. д.).

Единообразное поведение членов общества, а также мощное при-
нуждающее воздействие на индивидуума со стороны как окружающих его людей, так и специальных социальных институтов принуждения вы-

ступает в качестве физической составляющей социальной реальности. Оно же непрерывно подтверждает всеобщую убежденность в несомненном наличии социальных институтов и других социальных сущностей в окружающем мире и их независимости от конкретных людей. Хотя фактически эти институты представляют собой лишь функцию, то есть совокупности периодически возникающих или постоянно осуществляемых группами людей совместных действий, направленных на решение конкретных задач.

Какие факторы обеспечивают формирование личной ОНР?

Ребенок с момента рождения взаимодействует с другими людьми. Он общается с окружающими, обращающимися либо непосредственно к нему, либо в том числе к нему (непосредственно с кафедры, с экрана телевизора, из своего блога и т. д.). Позже читает тексты давно ушедших людей и современников. Интериоризированные им чужие языковые конструкции становятся со временем вербальными конструкциями его сознания и принимают участие в формировании его личной ОНР. Множество людей участвуют в построении его ОНР, сходной с их собственной.

Неречевое поведение членов общества, которое во многом предопределено их личной ОНР, является вторым важнейшим фактором, формирующим личную ОНР ребенка. Оно верифицирует его ОНР и непрерывно подтверждает наличие ее сущностей. Особую роль в этом играет сходное поведение членов общества в похожих ситуациях.

Важным фактором, обеспечивающим формирование личной ОНР, наряду с повседневным общением и наблюдением за поведением людей являются социальные институты, прямо занимающиеся обучением, то есть созданием личной ОНР (разнообразные школы, колледжи, университеты и т. д.), а также массмедиа.

Т. ван Дейк (2015, с. 84), например, отмечает, что фактором власти учебников является их обязательность для чтения. Учебники наряду с обучающими беседами широко используются всеми гражданами в течение их формального обучения. Знания и установки, выраженные и поддерживаемые учебным материалом, отражают доминирующий консенсус или даже интересы наиболее влиятельных групп и институтов общества. Учебники должны в идеале служить общественным интересам, но нередко бывают «противоречивыми». Однако альтернативные критические и радикальные голоса подвергаются в них цензуре и подавлению со стороны власти.

Итак, личную ОНР формируют главным образом речевое и неречевое поведение членов общества, особенно ближайшего окружения ребенка, общественные структуры, ответственные за его обучение, и средства массмедиа.

Какие психические феномены участвуют в построении личной ОПР?

ОПР формируют главным образом вербальные и смешанные психические конструкции. Однако благодаря развитию телевидения, а теперь и интернета чувственные образы искусственной физической реальности, широко тиражируемые на кино-, теле-, компьютерных и телефонных экранах средствами массмедиа, стали иметь гораздо большее значение в иллюстрировании ОПР.

Писатель и теоретик массмедиа Н. Постман (N. Postman, 1985) отмечает, что в XVIII–XIX веках печатное слово имело монополию на доступ к общественному знанию. Но сейчас ситуация радикально изменилась. Если, например, вы попытаете вспомнить о недавних президентах, законодателях, ученых и других общественных фигурах, прежде всего вам в голову придет визуальный образ, картина лица на телевизионном экране. Вам не придет на ум ничего из области слов. В этом состоит различие между мышлением в печатно-ориентированной культуре и мышлением в культуре образно-ориентированной.

Нельзя не отметить, что в XXI веке и особенно в последние годы наблюдается резкое увеличение значимости чувственных образов в ущерб вербальным конструкциям в психическом становлении молодого поколения. Это тоже подтверждает важную роль в формировании ОПР современного человека широко тиражируемых массмедиа чувственных образов, сохраняющихся потом в сходном виде в сознании множества людей.

Где пребывают ОПР и ее сущности?

Само словосочетание «объективная психическая реальность» указывает, что эта специфическая репрезентация мира разворачивается в психике конкретного человека, представляя собой как бы индивидуальную сокращенную копию ОПР определенного общества. Вне человеческой психики и без нее ОПР нет. Существует столько же личных вариантов ОПР, сколько сейчас живет людей. В качестве реально существующих объектов мы можем поэтому обсуждать только личные ОПР, присутствующие в сознании отдельных членов общества.

ОПР и ее сущности локализируются в психике и одновременно относятся к той части «реальности в себе», которую представляют, — область физического мира, область социального мира и даже мир индивидуальной психики.

Что такое объективное психическое содержание сознания членов общества?

Личная коммуникация, образование, массмедиа и поведение окружающих людей формируют в сознании членов общества сходное объективное психическое содержание. *Что это такое?*

Одной из заслуг Э. Дюркгейма (1995, с. 234–240) является конституирование им важной и вполне реальной социальной сущности, названной им

«коллективными представлениями». Он (1995, с. 271) пишет, что индивидуальные сознания, ассоциируясь, порождают новую социальную жизнь, отличную от той, которая была бы, если бы они оставались изолированными. Религиозные институты и верования, политические, юридические, моральные, экономические институты — все, что образует цивилизацию, которой не существовало бы, если бы не было общества.

Автор справедливо полагает, что «...в некоторых отношениях коллективные представления являются внешними по отношению к индивидуальным сознаниям... потому, что они исходят не из индивидов... но из их соединения...» (1995, с. 234–235). «...Как только первоначальный запас представлений... сформировался, они становятся... частично автономной реальностью, живущей своей собственной жизнью» (1995, с. 239–240).

Кстати, у Э. Дюркгейма были предшественники. В. Декомб цитирует, например, французского мыслителя А. Токвиля: «Для того чтобы общество было и чтобы оно процветало, нужно, чтобы все воззрения его граждан были подобны друг другу и удерживались в рамках некоторого единого мировоззрения некоторыми главными идеями. Это возможно лишь в том случае, когда каждый из граждан черпает свои мнения из одного и того же источника и соглашается принимать на веру некоторое количество уже сформулированных представлений... Без общих идей нет общего действия, а без общего действия... не существует социального тела¹» (2011, с. 401). И далее: «Умы соединяются и удерживаются вместе посредством некоторых главных идей... Очевидно, это лучшая формула, которую можно было бы дать природе социальной связи. <...> Для того чтобы существовало человеческое общество, именно умы должны быть “взаимоподобны и чем-то объединены”» (2011, с. 403).

М. Шелер (2011, с. 49) тоже полагает, что группу образует знание, пусть и смутное, о ее существовании, а также о сообща признаваемых ценностях и целях; что не бывает класса без классового сознания, а общее знание об одних и тех же предметах определяет бытие общества.

С. Московичи (1998, с. 167) замечает, ссылаясь на Э. Дюркгейма (см.: R. A. Nisbet, 1974, p. 105), что власть коллективных представлений является основополагающей в той мере, в какой они оказываются интериоризованными в сознании членов общества. Они образуют среду, в которой мы все вместе живем, будь то религиозные представления в архаических обществах или научные представления в наших обществах.

Нас здесь, однако, интересует не столько социологическая, сколько психологическая сторона явления, обозначаемого термином «коллективные представления».

¹ *Tocqueville A. de. Euvres completes // De la democratie en Amerique. — Vol. II. — P. 16.*

Что такое коллективные представления с позиций психической феноменологии?

Как замечают психологи В. П. Иванова и Н. Н. Палагина (2002, с. 63), словосочетание «коллективные представления» обозначает идеи, присущие всем членам определенной социальной группы, которые передаются в ней из поколения в поколение через фольклорные образы, магические ритуалы, эмоциональные предпочтения окружающих взрослых и создают основы морального сознания растущего человека. Они навязываются в группе отдельным личностям, пробуждая в них сообразно обстоятельствам чувства уважения, страха, поклонения и т. д. Коллективные представления имеют свои собственные законы и отражают социальные отношения людей.

Философы В. В. Миронов и А. В. Иванов (2005, с. 230–231) отмечают, что идеям в обществе свойственен пульсирующий ритм существования. Они то «уходят под почву духовной культуры», до минимума сужая пространственный ареал своего бытия, то вновь мощно вырываются на поверхность духовной жизни и овладевают массовым сознанием, обретая новые смысловые нюансы. Фундаментальные идеи могут быть разрушительными (идеи «национальной исключительности» или «безусловной пользы богатства») или созидательными (идеи «универсальной полезности альтруизма» или «установки на самосовершенствование»).

По словам психологов В. Г. Крысько и Д. И. Фельдштейна (1999, с. 99), коллективные представления составляют основу всех общественных связей, общезначимы и навязываются индивиду, даже если он этого не хочет или не осознает.

Термин «представление», однако, почти не используется в психологии вследствие неопределенности его значения¹.

В отечественной психологии широко применяется термин «образ представления», обозначающий гораздо более конкретный психический феномен. Термин «коллективные представления» имеет поэтому для психологии скорее историческое, чем практическое значение.

Общее, точнее, сходное психическое содержание сознания членов общества с позиции психической феноменологии — это преимущественно вербальные, в меньшей степени смешанные психические конструкции, идентично репрезентирующие окружающий физический мир, общество, его структуры и механизмы функционирования, индивидуальную чело-

¹ А. Ребер (2001а, с. 102), например, определяет представление так: «То, что выполняет функции, замещает, символизирует или представляет что-то другое. В исследованиях восприятия и познания часто можно встретить упоминание мысленного представления стимульного события, которое в зависимости от теоретической ориентации может характеризоваться как прямое отображение стимула... результат переработки стимула... его мысленный код... или его абстрактная характеристика...»

веческую психику, а также приемлемые и неприемлемые для общества формы человеческого поведения, верования, морально-нравственные устои, ценности и традиции, жизненные перспективы, оценки, мнения, выводы и идеи, наиболее важные для членов общества. При этом сходные вербальные конструкции, одинаково репрезентирующие окружающий мир, самого человека и других людей в нем, составляют основу ОПР общества. Следовательно, можно сказать, что **так называемые «коллективные представления» лежат в основе ОПР общества.**

Правильнее называть их все же не «коллективными представлениями», а сходным, преимущественно вербальным психическим содержанием¹ сознания членов общества. Оно репрезентирует главным образом то, что люди считают реальностью. Общее психическое содержание экстериоризируется и распространяется людьми в форме языковых конструкций живого языка, а также их копий, во множестве воспроизводимых техническими средствами.

Общее психическое содержание присутствует в сходном виде в сознании множества людей, и новый член общества подвергается его масштабированному воздействию. Оно интериоризируется им в процессе непосредственного общения с другими людьми, во время обучения, в том числе при его взаимодействии с объектами-носителями языковых конструкций, теле- и видеоматериалами (книги, кинофильмы, разного рода записи и т. д.) и в результате воздействия на него средств массовой информации.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что сходное психическое содержание сознания даже множества людей не способно непосредственно воздействовать на сознание конкретного человека. Однако оно определяет слова и поведение окружающих его людей, которые и оказывают на индивидуума мощное воздействие.

Как субъективное вербальное содержание индивидуального сознания превращается в элемент ОПР?

Тот же вопрос волновал великих физиков. Например, Э. Шредингер (2005, с. 98) удивляется, как вопреки изоляции индивидуальных сфер сознания между ними тем не менее возникает согласование, которое впоследствии достигает удивительного совершенства и законченности. Это кажется ему столь же невозможным, как расшифровка египетских надписей до находки розеттского камня.

М. Борн (1973, с. 41–42) тоже замечает, что нет никакого способа удостовериться, является ли личное представление человека о том, что дерево зеленое, таким же, как представление о том же дереве у другого человека.

¹ Они, естественно, иллюстрируются чувственными образами, поэтому речь идет не о вербальных, а все же о преимущественно вербальных психических конструкциях.

Он (1973, с. 110) рассказывает, что еще в юности осознал субъективность всего на свете и невозможность понять, что именно ощущает другой. Что даже само утверждение «он ощущает то же самое, что и я» лишено смысла. Его (1973, с. 110–111) заинтересовала проблема того, как объективное знание возникает из чувственных ощущений индивида, которую формулировал еще Платон в своем учении об идеях.

Стремясь объяснить возможность получения объективного знания из субъективного опыта, М. Борн (1973, с. 117–118) вводит «принцип разрешимости». Невозможно доказать то, что я вижу такой же зеленый цвет, что и вы. Однако для двух впечатлений, исходящих от одного и того же органа чувств, например впечатлений о двух цветах, доступные объективной проверке утверждения уже возможны. Эти утверждения относятся к сопоставлению двух впечатлений, в частности к отношению равенства или неравенства. Два индивида могут прийти к согласию насчет таких сравнений.

И хотя мы не можем описать, что ощущаем, если называем предмет зеленым, мы можем прийти к согласию насчет того, что два листика, которые, по-моему, одного и того же оттенка, другому тоже кажутся одинакового оттенка. Кроме равенства, существуют и другие парные отношения, также доступные сравнению в процессе коммуникации и объективные: «больше — меньше», «ярче — темнее», «сильнее — слабее», «горячее — холоднее», «тверже — мягче» и т. д.

По словам автора (1973, с. 118–119), этот принцип объективизации широко применяется в физике. Цвета, звуки, даже формы рассматриваются не поодиночке, а парами. Существует методика так называемого нулевого отсчета, например в оптике, где настройка измерительного прибора ведется до тех пор, пока не исчезнет воспринимаемая разница (по яркости, оттенку, насыщенности) между двумя полями зрения. Показание шкалы прибора при этом означает наблюдение геометрического равенства — совпадения стрелки с делением шкалы. Главная часть экспериментальной физики состоит в такого рода регистрациях показаний на шкалах приборов.

Тот же принцип, как полагает М. Борн (1973, с. 118–119), можно использовать для объективации символов в процессе коммуникации между индивидами. Символы (в данном контексте) — это легко воспроизводимые визуальные или звуковые сигналы, точная форма которых не столь важна: достаточно хотя бы грубого воспроизведения. Если я пишу (или произношу) «А» и еще кто-нибудь также пишет (или произносит) «А», то каждый из нас воспринимает свое собственное «А» и другое «А» как одинаковые, как одно и то же «А», либо оптическое, либо акустическое. При этом важно соблюдение хотя бы грубого равенства или некоторого подобия без соблюдения одинаковости в таких частностях, как высота голоса, размашистость почерка, типографский шрифт.

Автор (1973, с. 120–121) справедливо указывает, что соответствие чувственных восприятий и символов устанавливается в любой области опыта¹. Для обыденной жизни этого достаточно: слова и выражения языка, высказанные или написанные, соответствующие ощущениям, эмоциям и т. п., заучиваются и используются без дальнейшего углубленного анализа (наивный реализм). Именно таким образом отображение мира формируется в сознании обычного человека, а художественная литература подает все это в изящной форме. Наука же совершает следующий шаг.

М. Борн заключает: «...никакими хитростями не удастся избежать вопроса о существовании объективного, не зависящего от наблюдателя мира, мира “по ту сторону” явлений. Я не верю, что путем логических рассуждений можно найти категорический ответ на этот вопрос. Тем не менее ответ может быть получен, если позволить себе считать ложным любое крайне невероятное утверждение. Предположение о случайности совпадения структур, распознаваемых при помощи различных органов чувств и могущих быть переданными от одного индивида к другому, как раз и представляет собой в высочайшей степени невероятное утверждение» (1973, с. 124–125).

Сказанное им означает следующее: во-первых, существует не зависящий от людей мир — мир «по ту сторону» явлений нашего сознания; во-вторых, феномены нашего сознания являют всем нам в более или менее сходном виде элементы этого «мира по ту сторону», или «мира в себе»; в-третьих, этот мир является источником объективности как наших чувственных, так и всех наших последующих его символических репрезентаций.

¹ М. Борн (1973, с. 120–121) пишет, что ребенок учится соотносить слова и предложения с вещами, личностями, действиями, восприятиями. Письмо есть соотнесение видимых символов с такими явлениями или соответствующими словами. Счет есть соотнесение выученных наизусть чисел 1, 2, 3... с последовательностью в чем-то сходных вещей. В геометрии точки пространства связаны с группами чисел, называемых координатами. Тем самым каждому геометрическому факту соответствует аналитическая формула, теорема. Существенная особенность математики заключена именно в идее координации, согласованности. В физике первым собственно физическим открытием, которое можно назвать идеальным примером соотнесения, было открытие Пифагором числовых отношений, характерных для музыкальных интервалов: октава, квинта, кварта и т. д., которые соответствуют отношениям длин звучащей струны 2:1, 3:2, 4:3 и т. д. Имеется в действительности парное соответствие между слуховым, зрительным или мускульным восприятием (музыкальные интервалы, длина струны) и числами.

Измерение интенсивности нагрева термометром является процессом соотнесения ощущения тепла с геометрической величиной (длиной столбика ртути, положением стрелки гальванометра), а тем самым — опять с числом (величиной масштаба). Химия соотносит вещества с комбинациями символов, представляющих собой сокращенные обозначения названий элементарных субстанций (атомов). Историческим корнем этой процедуры служит тот факт, что, соотнося атомные веса с символами элементов, можно узнать молекулярные веса — по комбинациям атомных символов для данной молекулы, а соотнесение валентности с символами атомов дает возможность предсказывать химические реакции. Позднее этот элементарный метод описания химической связи сделался составной частью общей атомной теории.

Концептуализируя физическую реальность и создавая новую сущность и понятие, человек экстериоризирует затем концепт в форме языковой конструкции в «общее пользование». Оттуда его интериоризирует множество людей. В результате это понятие и его концепт как бы объединяют множество их субъективных чувственных репрезентаций определенной грани реальности в новую, уже «объективную» сущность, например в физический объект, его свойство или действие. Таким образом, данное понятие (и его концепт) выступает как фактор, «объективирующий» множество субъективных чувственных моделей новой сущности.

Что такое ОНР общества и личная ОНР?

Понятие *ОНР общества* обозначает условную сущность. Оно сродни таким, например, понятиям, как *продолжительность жизни*, *заболеваемость* или *уровень образования членов общества*. Данное обстоятельство не мешает нам, однако, обсуждать эту умозрительную условную сущность (фактически конструкт), наряду с личными индивидуальными ОНР членов конкретного общества. Поэтому можно говорить, например, об ОНР советского общества, ОНР современного российского общества или об ОНР французского общества времен правления Наполеона.

Тем не менее в качестве реальных психических сущностей наличествуют лишь конкретные индивидуальные варианты ОНР, сходные между собой и присутствующие в психике большинства членов нашего общества и в нашей собственной. Метафорически можно провести аналогию между ОНР общества и индивидуальной ОНР, с одной стороны, и, например, словарным богатством русского языка вообще и словарным запасом конкретного носителя русского языка, с другой стороны.

Словарный запас конкретного носителя русского языка — совокупность известных ему слов, которую в принципе можно даже измерить. Например, предложив человеку объяснить значение каждого слова из всех словарей русского языка. Тогда как составное понятие *словарное богатство русского языка* обозначает виртуальную сумму слов, в принципе известных носителям русского языка, которая даже не полностью представлена в словарях. Сходным образом понятие *ОНР общества* обозначает конституированную сознанием сущность, представляющую собой условную сумму наиболее распространенных в сознании членов общества преимущественно вербальных репрезентаций окружающего мира.

Очевидно, что целиком индивидуальная ОНР не может существовать в конкретном сознании в каждый данный момент времени. Как и психическая репрезентация доступного восприятию физического мира, она существует в каждое следующее мгновение в виде репрезентаций конкретного фрагмента мира. Но сменяясь с течением времени другими репрезентациями, в конечном счете она предстает в виде панорамы окружающего мира.

Почему мы полагаем, что факт наличия сущностей ОПР и ее самой не вызывает сомнений у людей?

Есть области окружающего мира, которые человеку недоступны или практически недоступны. Они недоступны главным образом из-за своей удаленности от него в пространстве или во времени. Мы можем получить информацию о них либо от узких специалистов (научную), либо от людей, живших в прошлом (историческую), либо от людей, наблюдавших их где-то далеко от нас. Во всех подобных случаях мы либо принимаем на веру такие вербальные репрезентации реальности, либо отказываемся делать это. Иных вариантов просто нет.

Почему мы уверены в реальности событий прошлого, которые завершились сотни лет назад и участники которых давно обратились в прах и не могут ничего нам рассказать?

Эти события являются для нас реальностью лишь потому, что мы получили их вербальные репрезентации от людей, которых считаем достойными доверия¹. Репрезентации данных событий передавались из поколения в поколение, а потому являются частью объективной психической реальности нашего общества или даже человечества в целом. Россияне с детства знают, например, что в 1812 году наполеоновская армия напала на Россию. Почти два года продолжалась тяжелейшая Первая Великая Отечественная война сначала на территории России, а затем на территории Европы, в которой погибли сотни тысяч только русских людей. В марте 1814 года Париж пал, и Наполеон вскоре отрекся от престола.

Почему эти факты являются для россиян несомненной реальностью?

Они являются фактами и реальностью потому, что все мы слышали об этом от своих родителей и родственников (которые тоже слышали это от своих родителей). Мы изучали детали этой войны по школьным учебникам, читали книги о ней и смотрели художественные фильмы. Нельзя не признать, что в превращении вербальной репрезентации в объективную психическую реальность важную роль играет доверие к источникам вербальных репрезентаций.

¹ Психологи Э. Аронсон и Э. Р. Пратканис (2003) приводят пять факторов, влияющих на готовность человека принять информацию как достоверную. 1. Честность и компетентность источника. 2. Вера в его честность укрепляется, если он защищает позицию, находящуюся в противоречии с его собственными интересами. 3. Вера в его честность укрепляется, если он не производит впечатление человека, пытающегося повлиять на наше мнение. 4. Принятие тривиальной и малозначимой модели больше зависит от нашего эмоционального отношения к человеку — источнику, чем от ее содержания. 5. Принятие тривиальной и малозначимой модели возможно в случае нашего хорошего отношения к человеку — ее источнику даже при нашем понимании, что он пытается повлиять на нас и извлечь для себя выгоду.

Теоретически можно допустить, что этой войны не было, что все ее события — вымысел, грандиозная мистификация. Существуют же сейчас многочисленные публикации, пытающиеся доказать, что известная нам многотысячелетняя история западной цивилизации — вымысел. Однако очевидная бессмысленность столь грандиозной и затратной мистификации, как мне кажется, снимает почти все сомнения в реальности данных событий. Хотя и не исключает их полностью.

Все наши вербальные знания о мире и заблуждения на его счет передаются нам предыдущими поколениями и нашими современниками. Это нормально и по-другому быть не может. Мы можем сомневаться в истинности многих передаваемых нам репрезентаций, понимая при этом, что большинство из них достоверны настолько, насколько в принципе могут быть достоверны. Но у нас просто нет альтернативы. Главное, чтобы практика продолжала подтверждать реальность и адекватность этих репрезентаций.

Сущности и события ОПР представляют собой нечто внешнее и не зависящее от меня. Нечто безоговорочно очевидное не только для меня, но и для множества других людей, а потому почти столь же реальное, как предметы и другие сущности вещного физического мира. ОПР объективна, потому что существует в сходном виде не только в моем сознании, но и в сознании других, даже совершенно незнакомых мне людей. Например, дикторов телевидения и журналистов. Самое главное, что ОПР определяет поведение всех членов общества. И это исключает любые сомнения в ее несомненном наличии.

Можно ли считать ОПР своеобразной психической средой, окружающей человека?

Конечно, личная ОПР человека не может играть роль внешней среды. Однако поведение и содержание высказываний окружающих, определяемые ОПР общества, являются для него чем-то вроде специфической психофизической среды, в которой он вынужден пребывать с рождения и до смерти. Влияния личных ОПР, проявляющиеся в поведении и речи взаимодействующих с ним людей, метафорически можно сравнить с множеством качающихся под ветром и шумящих деревьев.

Деревья, являясь отдельными сущностями, все вместе образуют новую сущность — лес. Так же и личные ОПР, проявляясь во множестве индивидуальных вариантов поведения людей и их высказываний, транслирующих человеку смыслы общей ОПР, в итоге формируют вокруг него новую сущность — уникальную психофизическую среду. Эта формируемая обществом среда играет для индивидуума жизненно важную и необходимую роль, сходную с ролью леса для зверя или воздушной среды для живого организма. Главное то, что без нее невозможно формирование и нормальное функционирование человеческого сознания и вербального мышления.

В процессе социализации каждый человек интериоризирует из речи окружающих множество вербальных конструкций, репрезентирующих их антропоморфный мир и формирующих его собственную копию ОПР, изоморфную ОПР других членов общества. Со временем его личная ОПР сама включается в процесс построения ОПР других людей.

Человек живет в специфической ОПР своего общества. Одновременно он является ее хранителем, вместилищем, а порой и изменяющим ее фактором. Однако в гораздо большей степени он сам зависит от ее изменений и меняется вместе с ней. Объективная психическая реальность живет по своим законам, а человек приспосабливается к ним.

ОПР не менее важна для человека, чем физическая реальность, так как его сознание пребывает именно в ней. Она определяющим образом влияет через поведение других людей на его психическое состояние. ОПР может быть комфортной, а может быть невыносимой. Общеизвестно, что часто человек страдает не столько от физических тягот жизни, сколько от психологических проблем и стресса, вызванного, например, негативными событиями в ОПР.

Есть все основания утверждать, что негативное изменение объективной психической реальности вызывает у человека стресс. Российское общество, например, как мне кажется, не менее болезненно перенесло в 90-х годах XX века психологические последствия краха своей великой страны, чем физические тяготы, связанные с перестройкой. Возвращение Крыма — символа военной славы России привело поэтому в 2014 году к росту рейтинга В. Путина, несмотря на реальное и резкое ухудшение уровня жизни в стране в результате ответных экономических и политических санкций западных стран.

В психотерапии давно обсуждается, что часто основной проблемой для больного являются не столько реалии окружающего мира, сколько его видение их и отношение к ним. **Главным психотравмирующим фактором для человека часто является даже не столько сама психотравмирующая ситуация, сколько отсутствие приемлемых перспектив выхода из нее, которое предоставляет ему его личная ОПР.** Порой важно не столько изменить жизненную ситуацию, сколько трансформировать ОПР больного, поэтому любые способы перестройки его личной ОПР могут выступить как эффективные терапевтические факторы в процессе психотерапии.

Причем часто даже **неважна концепция психотерапевта, ее научность и обоснованность.** Одинаково эффективно может сработать как самая «продвинутая» психологическая теория, так и утверждение о «сглазе», «порче» и т. п. И то и другое способно стимулировать пациента, подтолкнуть его к пересмотру болезненного для него фрагмента собственной ОПР.

Какую роль в формировании ОПР играют потенциальные носители психического содержания?

Вербальные концепты многих понятий, присутствующие в сознании конкретных людей, могут быть довольно аморфными. При этом «где-то» все же имеются достаточно ясные и полные значения этих понятий.

Х. Патнем замечает: «Как тут ни крути, “значения” не находятся в голове!» (1999, с. 179).

Эта его фраза поднимает очередной вопрос.

Действительно ли значения понятий находятся только в нашем сознании или они находятся где-то еще?

Ж. Деррида пишет: «Получается, что язык (то, что называют языком) и в начале, и в конце своем был лишь моментом, способом (существенным, но ограниченным), явлением, аспектом, разновидностью письма» (2007, с. 139).

Автор не прав в своей оценке устного языка, но он заметил важную особенность — изменение соотношения роли письменной и устной речи сейчас. Влияние письменной речи, ее роль в формировании ОПР, по сравнению с ролью устного языка, в современном мире резко возросли в связи с распространением грамотности среди населения.

Появление письменности и рост грамотности привели к созданию новой, гораздо более грандиозной и стабильной ОПР, существующей, однако, для конкретного человека в значительной своей части лишь потенциально. Самая ясная и полная информация о значениях всех понятий языка, а следовательно, и об огромной части ОПР потенциально присутствует в специальных искусственных физических объектах — накопителях языковых конструкций.

В первую очередь это, конечно, книги, например разного рода словари. Вербальное значение слова легко может быть интериоризировано из словаря человеком, владеющим соответствующим языком и письменностью, и наоборот, вновь экстериоризировано человеком в ОПР, но уже в виде измененной им языковой конструкции.

Соответственно, вербальный концепт, являющийся значением слова «экология», например, сохраняется не только во множестве индивидуальных сознаний, но и в форме языковой конструкции на материальных носителях, из которых он потенциально может быть интериоризирован новыми поколениями людей, владеющих языком.

Итак, можно выделить объективную психическую реальность и потенциальные ее носители — то, что способно актуализировать в сознании людей, владеющих данным языком, ее фрагменты. Кстати, материальными носителями являются не только объекты-накопители языковых конструк-

ций, но и живая речь людей и ее записи, даже просто предметы — символы, понятные многим людям.

Философ Б. Кроче так оценивает предметы, которые я называю потенциальными носителями вербальных смыслов: «То, что принято в историографии называть документами, — письма, изваяния, рисунки, фонограммы, скелеты и т. п. — становятся таковыми не ранее, чем начинают стимулировать и оживлять в нас личные воспоминания. В противном случае, без воздействия на психику они остаются раскрасками, бумагой, камнями, дисками, резинкой» (1999, с. 210–211).

Любые носители информации являются всего лишь физическими объектами и только потенциально способны актуализировать определенное психическое содержание в сознании подготовленного человека.

Что поддерживает стабильность индивидуальной ОНР?

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 239, 244–245) полагают, что социализация никогда не бывает полной, а интериоризированное в ней содержание сталкивается с постоянной угрозой по отношению к его субъективной реальности.

Эта мысль авторов справедлива не только по отношению к социальной части ОНР, но и по отношению к ОНР в целом. Следовательно, вся личная ОНР каждого человека нуждается в постоянном подтверждении.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана (там же), главными агентами поддержания субъективной реальности в индивидуальной жизни являются значимые Другие, а менее значимые Другие функционируют как своего рода хор. Как пишут авторы, «жена, дети и секретарша торжественно подтверждают каждый день, что это важный человек или безнадежный неудачник; различную степень поддержки дают незамужние тетушки, повара и лифтеры» (там же).

Важнейшую роль в поддержании реальности, по их мнению (1995, с. 247–248), играет общение. Оно не дает многословного определения природы мира, но происходит на фоне того мира, который молчаливо принимается за само собой разумеющийся. Например, такой обмен репликами: «Ну, мне пора на станцию» — «Хорошо, дорогой, успешного тебе дня в конторе» — предполагает целый мир, в рамках которого только и имеют смысл эти внешне банальные слова.

Я полагаю, однако, что не меньшую, если не большую, роль в процессе поддержания стабильности личной ОНР играет неречевое поведение всех членов общества и особенно окружающих людей. Именно оно убедительно свидетельствует индивидууму о несомненном наличии сущностей ОНР, их связей, отношений и взаимодействий. Что может лучше доказать человеку наличие и реальность такой сущности, как деньги, чем осуществленная

Другим с помощью денег покупка. Или что может лучше доказать человеку наличие и реальность такой сущности, как власть, чем выполненный Другими приказ, по которому его сажают в тюрьму.

Речевое и неречевое поведение всех членов общества, уверенных в наличии той же самой ОПР, объективирует и подтверждает для каждого человека наличие в окружающем его мире психических сущностей ОПР, превращая ее в несомненно существующий вокруг него мир. Сходное понимание окружающего мира индивидуумом и Другими, его наблюдение за ними, подтверждающее его личную ОПР, однотипное поведение разных людей в сходных ситуациях и постоянная его коммуникация с членами общества поддерживают его личную объективную психическую реальность.

Общаясь и взаимодействуя со многими людьми в обществе, он в итоге как бы взаимодействует через них с объективной психической реальностью общества, к которому принадлежит.

Не является ли личная ОПР психическим конструктом?

Давайте рассмотрим сначала другой вопрос. *Существует ли в мире справедливость или здоровье, например?*

Сомнения в их наличии покажутся многим читателям странными. Однако сомнение в реальном присутствии в мире этих сущностей более чем обоснованно. Сущность, обозначаемую словом «справедливость», конституируют с помощью одних¹ вербальных конструкций, а сущность, обозначаемую словом «здоровье», — с помощью других².

Совершенно очевидно, что и в первом, и во втором случае нет однозначных общепринятых вербальных концептов. Понятно лишь то, что и справедливость, и здоровье — это сущности ОПР, формируемые с помощью вербальных конструкций и до сих пор идеально четко не определенные. Тем не менее бесспорно и то, что обе они имеют в реальности множество явных референтов.

Такой же особой конституированной сознанием психической сущностью, имеющей множество референтов в мире, является личная объективная психическая реальность. Сущности, обозначаемые словами «справед-

¹ *Справедливость — равенство граждан в распределении какого-либо ограниченного ресурса; справедливость — принцип, согласно которому люди должны получать то, что они заслуживают.*

² *Здоровье — это отсутствие заболеваний; здоровье — это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов; здоровье — это в самом общем смысле состояние организма человека, характеризующееся возможностями адаптироваться к различным факторам среды обитания, уровнем физического развития, физической и функциональной подготовленностью к выполнению физических нагрузок.*

ливость» и «здоровье» или словосочетанием «объективная психическая реальность», сходны с другими сущностями ОПР, обозначаемыми, например, такими словами, как «биоценоз», «популяция», «мышление», «наука», «электричество», «инерция» и т. п.

Ни одну из них человек не может воспринять непосредственно, как дом или ветер, например. Он всегда имеет дело лишь с их проявлениями. Эти сущности умозрительны, но, бесспорно, имеют «корни» в реальности, и люди не сомневаются в их наличии, не считая их конструктами.

Мы уже обсуждали выше, что, во-первых, все сущности формируются человеческим сознанием. Во-вторых, между двумя крайними полюсами — вещественными физическими сущностями (предметы, физические объекты и явления), наличие которых кажется очевидным нашему здравому смыслу, с одной стороны, и умозрительными сущностями, сконструированными человеческим сознанием со специальными служебными целями и заведомо отсутствующими в реальности, то есть типичными конструктами («показатель», «индекс», «коэффициент»), с другой стороны, располагается непрерывный спектр разнообразных сущностей.

Сформированные нашими предшественниками сущности различаются количеством и очевидностью соответствующих им в реальности референтов, подтверждающих их наличие для сознания.

ОПР же не просто имеет референты в реальности. Она и есть субъективная реальность для каждого человека. У нее нет альтернативы в тех областях мира, которые люди репрезентируют преимущественно вербально. Очевидно, что ОПР не присутствует в мире в виде множества предметов или явлений, доступных восприятию. Тем не менее она определяет поведение людей. От нее зависит жизнь каждого человека, и ее невозможно игнорировать. Поэтому у нас есть все основания не считать концепт, репрезентирующий личную ОПР, конструктом.

Изменение объективной психической реальности настолько мощно влияет на человека, что способно в ряде случаев¹ привести к его смерти.

¹ К. Леви-Стросс приводит в своей книге (2001) интересные данные о мощном психофизиологическом воздействии проклятия колдуна на людей, верящих в его реальность. Во многих случаях проклятие реально приводило к смерти. Автор (2001, с. 171–172) пишет, что такие случаи были отмечены во многих районах земного шара. Лицо, считающее себя объектом колдовских чар, внутренне убеждено в полном соответствии с традиционными представлениями своей группы, что оно обречено. Это убеждение разделяется его родными и друзьями. Поэтому его связи с обществом начинают обрываться. Проклятого избегают и относятся к нему не только как к мертвому, но и как к источнику опасности для окружающих. Окружающие всем своим поведением и по любому поводу внушают несчастной жертве мысль о смерти, которой она и не пытается избежать, будучи уверенной в неотвратимости своей судьбы. И физическая смерть наступает незамедлительно вслед за смертью социальной.

Возможно ли существование человека без ОПР?

В литературе есть множество сообщений об обнаружении в лесах через несколько лет после пропажи одичавших детей. Данные факты свидетельствуют, что в случае исчезновения ОПР ребенок в своем развитии не поднимается выше животного уровня. Это легко объяснимо, так как ОПР необходима для формирования вербального мышления. Без нее человеческий мир резко уменьшится, сузившись до узкого конуса актуальных восприятий, так как даже полноценного понимания возникающих образов и ощущений у ребенка уже не будет.

Рассмотрим обычную ситуацию. Мать с двухлетним ребенком летит в самолете.

Что воспринимает и понимает каждый из них?

Женщина адекватно воспринимает салон самолета, множество предметов, других пассажиров, вибрацию корпуса, шум двигателей и т. д. Она понимает, что летит в самолете в Индию. Знает, что такое Индия, что ее ждет длительный полет, затем посадка, аэропорт в Дели, такси и т. д. Ребенок не понимает и не знает ничего этого. Он не только не знает, что такое Индия, но и что летит, что такое самолет, салон, шум и прочее. Он просто испытывает множество необычных и не очень приятных ощущений и реагирует на них. То есть для адекватного восприятия и понимания мира ребенку требуется прежде интериоризировать большую часть ОПР окружающего его общества.

Если бы не было объективной психической реальности, не было бы и «человека разумного». Воспринимаемые им объекты, их свойства, действия и отношения являются конкретными и относительно понятными ему сущностями только потому, что люди владеют языком, интериоризованным ими в детстве. Даже самые элементарные предметы не смогли бы сформироваться в их сознании в качестве собственно предметов без влияния объективной психической реальности.

Одни понятия объективной психической реальности достраивают для людей реальный физический мир, вообще или в данный момент недоступный их органам чувств, но реально существующий: *страна, континент, планета, Солнечная система, Галактика, Вселенная, микробы, вирусы, болезни* и т. д. Другие понятия объективной психической реальности заново создают для них совершенно иной, особый мир — социальный, не существующий в физической реальности: *президент, конституция, содержание, преступник, цель, аргумент, поверье, смысл, запрет, свобода* и т. д.

Чем и почему различается ОПР у людей из разных обществ?

ОПР разных человеческих сообществ еще 150–200 лет назад чрезвычайно сильно различались. Да и сейчас еще многие из них могут нас

весьма удивить. Недаром Л. Уайт (2004, с. 311) пишет, что обычаи народов мира отличаются огромным разнообразием: есть народы, которые питают отвращение к молоку, практикуют полиандрию, предоставляют в пользование своих жен в знак гостеприимства, с ужасом воспринимают погребение, появляются в обществе без одежды, нисколько этого не стыдясь, называют детей брата своей матери сыном и дочерью и свободно отдают плоды своего труда (или значительную их часть) в распоряжение своих соплеменников. Нет такого обычая или верования, о котором можно было бы сказать, что оно выражает «человеческую» природу больше, чем какое-либо другое.

Глобализация, конечно, сильно нивелировала уникальность и своеобразие удаленных друг от друга сообществ людей. Но в каждом из них до сих пор наряду с общими есть и собственные представления об окружающем мире. У обществ есть специфические интересы и цели в мире; особое видение прошлого и настоящего своего и иных сообществ; собственные представления о том, что хорошо, что плохо для них и соседей; отличное от чужих особенное понимание и видение даже одних и тех же событий, происходящих в мире; специфическое понимание справедливости, норм, приличий и прочее и прочее.

В результате у каждого общества формируется и сохраняется своя уникальная ОПР, порой довольно сильно отличающаяся от прочих ОПР. Особенно выражены различия в верованиях, идеологии, понимании истории, оценке происходящих в мире политических событий и процессов, целей и перспектив своего и чужих обществ, в первую очередь все то, что связано с социальным статусом людей и положением общества в мире.

Обычно лишь своя ОПР признается единственно адекватной, тем более что наличие психической защиты к этому предрасполагает. Сопротивление сформированной человеческой психики инкорпорированию в нее чуждого по смыслу психического содержания наблюдается всегда и повсеместно. Убедить другого человека в неправильности его позиции крайне трудно, а чаще и невозможно. Можно лишь принудить его силой, даже если ошибочность его точки зрения очевидна всем. Это же справедливо в отношении общества в целом и его ОПР.

Каждое общество утверждает и стремится доказать своим ближним и дальним соседям преимущества своего мировоззрения и социального устройства, неразрывно связанные с их картиной ОПР. Если у него есть возможности, оно активно навязывает другим собственные представления о мире, являющиеся частью его ОПР, идеи об их большей адекватности, справедливости, демократичности, и т. п. Причем нередко оно готово доказывать это не только путем убеждения, но и с помощью оружия.

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 176–177) пишут, что при определении статуса реальности символического универсума меньший шок вызывает столкновение с девиантными группами своего общества (противоположность взглядов которых определяется как глупость или слабость), чем столкновение с другим обществом, считающим наши определения реальности невежественными, безумными или абсолютно греховными. Одно дело, когда группа меньшинства не может или не хочет следовать, например, институциональным правилам двоюродного родства. И совершенно другое дело — столкновение с целым обществом, которое никогда не слышало об этих правилах, в котором даже нет слова «кузен», но которое тем не менее вполне преуспевает.

За безвредным примером двоюродного родства, который приводят авторы, могут скрываться любые различия в представлении и понимании реальности. Кстати, альтернативный универсум другого общества будет, безусловно, расцениваться нами как низший по сравнению с нашим собственным.

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 177) отмечают, что с появлением альтернативного символического универсума возникает угроза нашему обществу, так как самим своим существованием оно демонстрирует, что наш собственный универсум не столь уж неизбежен. Что можно жить в мире без института двоюродного родства. Можно отвергать его и даже насмехаться над ним, и небеса не обрушатся на нас. Хуже того, у членов нашего общества может появиться искушение «эмигрировать» из традиционного универсума или, что еще хуже, изменить старый порядок мышления на новый.

Авторы (1995, с. 177–178) справедливо полагают, что приход патриархальных греков должен был разрушить универсум матриархальных обществ, существовавших в то время в Восточном Средиземноморье. Греческий универсум в значительной степени должен был быть обращен к мужчинам этих обществ, находившихся под властью женщин, в то же время Великая Мать произвела огромное впечатление на самих греков. Столкновение альтернативных символических универсумов и вопрос: какое из противоречащих друг другу определений реальности «победит» в обществе — связаны с проблемой власти.

По их словам (там же), противостоящие друг другу общества с находящимися в столкновении универсумами будут разрабатывать концептуальные механизмы, которые должны поддерживать их универсумы. Однако исторически исход противостояния всегда определялся теми, кто лучше владел оружием, а не аргументами. На чьей стороне больше силы, у того больше шансов для определения реальности.

Изменяется ли ОПР общества в процессе его исторической динамики?

Актуальной ОПР, с которой и в которой все мы живем, когда-то не было, и сформировалась она на протяжении многих десятков тысяч лет, а возможно, и более длительного периода. Объективная психическая реальность присутствовала в сознании древних людей в зачаточном, редуцированном, по сравнению с ОПР современного человека, виде. Следовательно, то, что кажется теперь естественным и единственно возможным, когда-то отсутствовало вовсе или представляло собой что-то иное. Например, не только психическая конструкция, репрезентирующая время, начала постепенно формироваться только с какого-то момента, но и такие понятия, как *начало*, *конец*, *процесс*, и многие другие тоже когда-то отсутствовали.

Основы объективной психической реальности современного человека создавались еще древними людьми, а затем трансформировались на протяжении всего длительного периода развития человечества, вбирая в себя репрезентации, сформированные разными цивилизациями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в нашей ОПР одновременно присутствуют и элементы, характерные для мифологического мышления, и созданные современным естествознанием научные модели окружающего мира.

Ч. Х. Кули (2019, с. 128–130) пишет, что речь связала доисторических людей в группы и позволила им создать общество и социальные институты. Однако как инструмент социальной организации речь имеет серьезные недостатки. Ей недостает масштаба во времени и пространстве. И хотя она может передаваться между людьми и даже между поколениями, она течет тоненьким и блуждающим ручейком ограниченной емкости. И каждый ум, через который она протекает, уводит ее в своем направлении.

Здесь автор прав в том смысле, что отсутствие у общества письменности затрудняет и замедляет развитие разнообразной и многоплановой ОПР.

Письмо же, по мнению Ч. Х. Кули (2019, с. 129–130), непомерно расширило возможности для всех, кто умеет читать и имеет доступ к рукописям. Оно позволило человеку формировать собственную среду, сохраняя то, что ему подходит, и открыло коммуникацию с близкими по духу, но отстоящими во времени и пространстве. Благодаря этому человечество достигло кооперации, непрерывности и способности к рациональному и устойчивому прогрессу. Что, несомненно, стало мощным толчком к развитию ОПР общества.

Н. Луман (2007, с. 323) подчеркивает, однако, что письменная коммуникация снимает пространственные и временные границы, но происходит на авось и наугад.

С. Г. Кара-Мурза (2007, с. 83) отмечает, что в Средние века книг почти не было (в церкви имелся один экземпляр Библии), а в университете за чтение книги бралась плата. Но за 50 лет книгопечатания, к началу XVI века,

в Европе было издано 25–30 тысяч книг тиражом около 15 миллионов экземпляров. Это стало переломным моментом. На массовой книге стала строиться новая школа.

Ч. Х. Кули (2019, с. 129–130) указывает, что создание печати и массовое образование совершили новый прорыв в развитии людей. А появление печати и телеграфа породило основу для формирования социального сознания, так как до них люди в общей массе не могли понять, что происходит, их действия с необходимостью регулировались авторитетом.

Можно лишь констатировать то, что печать, телеграф и появление прессы вновь стимулировали развитие ОПР. Есть все основания считать, что ОПР менялась и в древности, и в Средние века, и в эпоху Возрождения. Однако в последние века в результате появления объективных социально-экономических причин¹, способствовавших расширению и ускорению вербальной коммуникации между людьми и сохранению ее результатов, изменения объективной психической реальности стали еще более очевидны.

Если в XIX и даже в XX веке ОПР менялась, как мы теперь понимаем, все же относительно медленно, то сейчас за счет всеобщей телефонизации и компьютеризации населения и легкой возможности мгновенного тиражирования в Сети в виде сотен миллионов экземпляров видеофайлов, воспроизводящих окружающий мир и сопровождаемых личными комментариями наблюдателя, ОПР меняется взрывными темпами. Резко уменьшилась роль прессы и возросла роль комментируемого видеоряда, отобранного, просеянного и даже искусственно созданного с конкретными целями. Причем влияние на людей видеоряд оказывает почти на биологическом уровне. Человеку не требуется совершать усилие для его понимания, которое необходимо для понимания вербальной репрезентации, например.

Философ и историк науки В. С. Степин (2011, с. 73) пишет, что по мере исторического развития общества изменяется не только смысл универсалий культуры, но и сам их набор. Возникновение новых видов деятельности, поведения и общения может приводить к расщеплению первичных универсалий и формированию новых категорий, которые укореняются в культуре. Например, характерная для архаических обществ категория *любовь — дружба* расщепляется на две самостоятельные категории. В российской культуре наряду с категорией *правда* появляется категория *истина*. Конкретные виды культуры отличаются своими основаниями, и не всегда можно обнаружить изоморфизм между системами универсалий различных культур.

¹ Появились совершенно новые технические средства (железнодорожное, автомобильное и авиационное сообщение, кино, радио, телеграф, телефон, телевидение, компьютеры, интернет), резко расширился доступ к образованию, повысились продолжительность и качество жизни людей, начался процесс глобализации.

Р. Смит (2014, с. 23) справедливо замечает, что вместе с языком изменяется и сам предмет, который мы описываем с его помощью.

Из этого следует, что и объективная психическая реальность общества меняется, например, вместе с языком, так как непрерывно меняются многие его концепты.

Автор (2014, с. 23–24) прав, утверждая, что люди производят знания и создают вместе со знанием самих себя. На протяжении исторического времени люди сделали из себя то, что они есть, в этом и лежит ключ к человеческому бытию.

И это действительно так, потому что знания создают объективную психическую реальность, которая, в свою очередь, формирует индивидуальную человеческую психику.

Как общество делает из новорожденного разумного человека?

Давно известно, что стать человеком без общества невозможно. Это неудивительно, так как вербальное мышление возникает только вследствие усвоения ребенком языка. Понятия и концепты формируются в его сознании, когда кто-то вместе с ним взаимодействует с миром, одновременно обозначая его элементы, то есть обучая ребенка языку. Теоретически достаточно одного взрослого человека или даже очень сложного обучающего технического устройства (которое люди, несомненно, создадут в недалеком будущем) для развития у ребенка вербального мышления. То есть пока лишь внешнее развитое сознание способно как бы передать собственное вербальное психическое содержание сознанию ребенка, имеющему лишь чувственные репрезентации окружающего.

Кроме вербальных репрезентаций многообразных сущностей мира, внешнее развитое сознание передает ребенку сложнейшую систему их связей, отношений, взаимодействий и т. д. То есть оно передает вместе с языком всю преимущественно вербальную глобальную сеть репрезентаций элементов антропоморфного мира, или ОНР. К тому же оно обучает ребенка взаимодействовать с «реальностью в себе», опираясь на его собственные чувственные репрезентации мира и формирующуюся у него личную ОНР.

Сознание по своей природе и происхождению биологически обусловлено, тогда как вербальное его содержание детерминировано социально. При этом, как показывают многочисленные эксперименты с высшими приматами, сама возможность оперирования символическим психическим содержанием, возникающим в сознании, тоже биологически предопределена. Но лишь у человека появляется способность максимально эффективно оперировать символами, в том числе вербальными репрезентациями окружающего мира, что является следствием наличия у человеческого общества ОНР.

То есть для появления человеческого разума необходимы две составляющие — биологические возможности человеческого мозга и наличие человеческого общества с ОПР, формирующего личную объективную психическую реальность.

С Античности до настоящего времени в научной литературе активно обсуждают так называемое «врожденное» знание и «врожденные» идеи. Не вдаваясь в детали этой проблемы, хочу еще раз повторить, что наличие ОПР, благодаря которой осуществляется негенетическое наследование вербальных конструкций, представляющих собой знания, верования, заблуждения, предположения о мире и т. д., закрывает вопрос о существовании *врожденного знания*, так как легко объясняет все феномены, которые исследователи связывают с этим понятием.

Что же такое объективная психическая реальность?

Мы привыкли считать, что наша психика репрезентирует окружающий нас актуальный мир. Но в действительности это не совсем так, потому что множество ее понятий представляют нам элементы реальности, существующие, например, только во временном континууме. В нашей психике имеются как бы две параллельные, но разные репрезентации «реальности в себе». Максимально адекватная, сиоминутная чувственная репрезентация существующей сейчас вокруг нас и доступной восприятию вещественной физической реальности и репрезентация не вполне доступной или вовсе недоступной восприятию реальности, как бы развернутой во времени (длящейся), а также удаленной от нас в пространстве.

Эту вторую репрезентацию реальности — реальности процессов и событий, причин и следствий, микро- и макромира, физических полей и их взаимодействий, межчеловеческих контактов и общественных отношений, человеческой психики, человеческих верований и традиций и прочее и прочее каждый индивидуум получает от Других в процессе своей социализации в виде их картины мира. Она формируется в его сознании преимущественно вербальными репрезентациями, которые в сходном виде представлены и в сознании остальных членов общества.

Сущности объективной психической реальности окружают нас с детства так же неотвратимо, как наши собственные чувственные репрезентации предметного мира. Определяющее влияние на восприятие и понимание нами любого нового объекта и явления окружающего мира оказывают соответствующие смешанные и вербальные модели аналогичных или сходных объектов и явлений, присутствующие в нашей личной объективной психической реальности.

Личная ОПР вместе с возникающими у нас новыми перцептивными образами формирует в нашем сознании комплексную, чувственно-вербаль-

ную целостную репрезентацию воспринимаемого сейчас объекта, «делая», например, из куска старой кости зуб динозавра, а из блестящего камешка — бриллиант с уникальной огранкой и прозрачностью, а главное — собственной историей. Поэтому можно говорить о двух сторонах нашей психической репрезентации любого доступного восприятию предмета, физического объекта и явления. Чувственный ее компонент наша психика создает самостоятельно, а вербальный получает от общества. При этом вербальная репрезентация часто оказывает сильное влияние в том числе даже на формирование чувственного образа его восприятия, а не только на его понимание нами.

Мы создаем умозрительные вербальные модели недоступных восприятию сущностей реальности лишь в одной из множества потенциально возможных плоскостей их репрезентирования. И все созданные нами модели будут верны, если они подтверждаются опытом. Но ни одна из них не будет окончательной, так как «реальность в себе» доступна нашему пониманию лишь опосредованно, а огромная ее часть вовсе недоступна восприятию. На каждой ступени познания мы создавали и будем создавать условно верные, но, говоря метафорически, лишь в конкретной плоскости или в определенном ракурсе модели, теории и естественные законы.

Объективная психическая реальность — это, вновь выражаясь фигурально, нечто вроде колоссальных психических «сот», которые непрерывно строит и изменяет человечество и в которых живет человеческое сознание. Это естественный результат развития психических репрезентаций людей. Объективная психическая реальность с момента своего появления превратилась в независимую от человека сущность, необходимую для его собственного бытия. Как справедливо замечает У. Джеймс (2000, с. 51), система отношений, которую построил из понятий наш ум, есть нечто такое, что, раз возникнув, приобретает самостоятельное существование.

Она развивается и меняется по своим собственным, неподвластным и не всегда понятным нам законам. А с нею вместе меняется и наш мир. Как говорит С. Московичи, «когда идеи меняются, это уже не та действительность, в которой мы все вместе живем» (1998, с. 173). Действительно, вместе со сменой идей меняется и антропоморфный мир.

Давайте попробуем в заключение дать определение: объективная психическая реальность — это огромная часть того, что конкретное общество считает на данный момент своего развития очевидной реальностью, в том числе значительная часть физического мира, вся социальная реальность и представления общества об индивидуальном психическом мире человека; это всеобъемлющий, развернутый во времени (помещенный сразу в прошлое, настоящее и будущее), представленный в сознании каждого человека преимущественно вербальными и смешанными репрезентациями,

созданными его предшественниками и современниками, мир, расцениваемый человеком как, самостоятельно и независимо от него существующая вокруг несомненная реальность, вне зависимости от того, может ли он ее «пощупать рукой» или нет, объективное наличие которой постоянно подтверждается общими представлениями людей о ней, а главное, сходным поведением членов общества, обусловленным их непоколебимой верой в факт наличия ее сущностей; некая внешняя среда, психическая по своей природе, но при этом способная легко проявиться и в физической форме человеческого поведения, выстроенная обществом в сознании каждого индивидуума, но локализованная вне его, в которой он, как и все люди, вынужден жить и действовать; психофизическая среда обитания, принимаемая каждым новым членом общества в качестве «мира, который нас окружает»; практически независимая от конкретного человека, репрезентируемая сходными психическими конструкциями, присутствующими в сознании множества живущих сейчас людей, некоторым из которых порой удастся что-то немного изменить в ней на протяжении собственной жизни; сущность, наличие которой определяет человеческую жизнь в не меньшей степени, чем физический мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание 1. «Третий мир» К. Поппера

К. Поппер пишет: «Миром 3 я назвал мир продуктов человеческого духа, в частности мир человеческого языка: наших рассказов, наших мифов, наших объяснительных теорий, наших технологий, наших биологических и медицинских теорий. Это также мир творений человека в живописи, в архитектуре и музыке — мир всех этих продуктов нашего духа, который, по моему предположению, никогда не возник бы без человеческого языка. Мир 3 можно назвать миром культуры. Моя теория, являющаяся в высшей степени предположительной, подчеркивает центральную роль дескриптивного языка в человеческой культуре. Мир 3 содержит все книги, все библиотеки, все теории, включая, конечно, ложные теории и даже противоречивые теории. И центральная роль в нем отводится понятиям истинности и ложности.

Как указывалось ранее, человеческий разум живет и растет во взаимодействии со своими продуктами. На него оказывает сильное влияние обратная связь от объектов или обитателей мира 3. А мир 3, в свою очередь, состоит в значительной степени из физических объектов, таких как книги, здания и скульптуры. Книги, здания и скульптуры — продукты человеческого духа — являются, конечно, не только обитателями мира 3, но и обитателями мира 1. Однако в мире 3 обитают также симфонии, математические доказательства, теории. А симфонии, доказательства, теории — очень странные абстрактные объекты. Девятая симфония Бетховена не тождественна ни своей рукописи (которая может сгореть, а Девятая симфония не сгорит), ни любой или всем ее печатным копиям, ее записям или исполнениям. Так же обстоит дело с доказательством Евклида теоремы о простых числах или с теорией тяготения Ньютона.

Объекты, составляющие мир 3, в высшей степени разнообразны. В нем есть мраморные скульптуры, такие как скульптуры Микеланджело. Это не просто материальные, физические тела, а уникальные физические тела. Статус картин, архитектурных сооружений, рукописей музыкальных произведений и даже статус редких экземпляров печатных книг в чем-то подобен этому статусу, но, как правило, статус книги как объекта мира 3 совершенно другой. Если я спрошу студента-физика, знает ли он ньютоновскую теорию тяготения, я имею в виду не материальную книгу и, конечно, не уникальное физическое тело, а объективное *содержание* мысли Ньютона или, точнее, объективное содержание его сочинений. И я имею в виду не фактические мыслительные процессы Ньютона, которые, конечно, принадлежат миру 2, а нечто гораздо более абстрактное: нечто принадлежащее миру 3 и развитое Ньютоном в ходе критического процесса путем постоянных усовершенствований, вносившихся им снова и снова в разные периоды его жизни.

Все это трудно сделать вполне ясным, но все это очень важно. Основная проблема здесь — статус высказываний и логические отношения между высказываниями, точнее — между логическими *содержаниями* высказываний.

Все чисто логические отношения между высказываниями, такие как противоречивость, совместимость, выводимость (отношение логического следования), суть

отношения мира 3. Это, безусловно, не психологические отношения мира 2. Они имеют место независимо от того, думал ли кто-нибудь когда-нибудь о них и считал ли кто-либо, что они имеют место. Вместе с тем их легко можно “усвоить”: их легко можно понять; мы можем продумывать их все в уме, в мире 2; и мы можем испытать в переживании, что отношение следования (между двумя высказываниями) имеет место и является тривиально убедительным, а это переживание из мира 2. Конечно, с трудными теориями, такими как математические или физические, может получиться, что мы усваиваем их, понимаем их, но в то же время не убеждены в том, что они истинны.

Таким образом, наши умы, принадлежащие миру 2, могут находиться в тесном соприкосновении с объектами мира 3. И все-таки объекты мира 2 — наши субъективные переживания — следует четко отличать от объективных, принадлежащих миру 3 высказываний, теорий, предположений, а также открытых проблем. Я говорил уже о взаимодействии между миром 2 и миром 3, и я проиллюстрирую это еще на одном арифметическом примере. Ряд натуральных чисел 1, 2, 3... — человеческое изобретение. Как я подчеркивал ранее, это *языковое изобретение*, в отличие от изобретения счета. Устные и, возможно, письменные языки сотрудничали в изобретении и совершенствовании системы натуральных чисел. Однако не мы изобрели разницу между четными и нечетными числами — мы *открыли* ее в том объекте мира 3 — ряде натуральных чисел, который мы изобрели или произвели на свет. Аналогичным образом мы открыли, что есть делимые числа и простые числа. И мы открыли, что простые числа поначалу очень часты (вплоть до числа 7 их даже большинство) — 2, 3, 5, 7, 11, 13, а потом становятся все реже. Это факты, которых мы не создали, но которые являются непреднамеренными, непредвидимыми и неизбежными следствиями изобретения ряда натуральных чисел. Это объективные факты мира 3. То, что они непредвидимые, станет ясным, если я укажу, что с ними связаны открытые проблемы. Например, мы обнаружили, что простые числа иногда ходят парами — 11 и 13, 17 и 19, 29 и 31. Они называются близнецами и появляются все реже по мере перехода к большим числам. Вместе с тем, невзирая на многочисленные исследования, мы не знаем, исчезают ли когда-нибудь эти пары совсем или же они будут встречаться все снова и снова; иными словами, мы до сих пор не знаем, существует ли наибольшая пара близнецов. (Так называемая гипотеза чисел-близнецов предполагает, что такой наибольшей пары не существует, иными словами, что число близнецов бесконечно.)

В мире 3 есть открытые проблемы: мы пытаемся обнаруживать такие проблемы и решать их. Это очень ясно показывает объективность мира 3 и способ, каким взаимодействуют мир 2 и мир 3: не только мир 2 может работать над открытием и решением проблем мира 3, но и мир 3 может действовать на мир 2 (а через него и на мир 1).

Следует отличать знание в смысле мира 3 — знание в объективном смысле (почти всегда предположительное) — и знание в смысле мира 2, то есть информацию, которую мы носим в своих головах, — знание в субъективном смысле.

Различие между знанием в субъективном смысле (в смысле мира 2) и знанием в объективном смысле (в смысле мира 3: знание, сформулированное, например, в книгах, или хранящееся в компьютерах, или, может быть, никому еще не известное) имеет величайшее значение. То, что мы называем “наукой” и что стремимся развивать, есть прежде всего *истинное* знание в *объективном смысле*. Вместе с тем исключительно важно, конечно, чтобы знание в субъективном смысле также распространялось среди людей — вместе со знанием о том, как мало мы знаем» (2000, с. 71–73).

К. Поппер продолжает: «...мы можем сказать, что существует некий вид платоновского (или соответствующего идеям Больцано) третьего мира книг самих по себе, теорий самих по себе, проблем самих по себе, проблемных ситуаций самих по себе, рассуждений самих по себе и т. д. Кроме того, я полагаю, что, хотя этот третий мир есть человеческий продукт, существует много теорий самих по себе, рассуждений самих по себе и проблемных ситуаций самих по себе, которые никогда не были созданы или поняты и, возможно, никогда не будут созданы или поняты людьми» (2002, с. 118). «Идея автономии является центральной в моей теории третьего мира...» (2002, с. 119).

Примечание 2. Х. Ортега-и-Гассет

Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Человек... до двадцати пяти лет только учится, усваивает знания, которые передает ему социальное окружение... ...Человек узнает, что такое мир... Последний — всего лишь система обязательных на данный момент убеждений. Она формировалась в далеком прошлом, а некоторые ее простейшие компоненты унаследованы даже от первобытного строя. И именно части этого мира, важнейшие его составляющие каждый раз по-новому истолковываются людьми, олицетворяющими зрелость эпохи, ими переосмысливаются и корректируются на научных кафедрах и страницах газет, в ходе правительственных дебатов, в литературе и искусстве. В силу того что человек постоянно реконструирует мир, взрослые люди внесли в предначертанный ими горизонт те или иные перемены» (1997, с. 258–259).

И далее: «Каждое мгновение жизни человек живет в мире убеждений. Большинство из них являются общими для всех людей одной с ним эпохи; это дух времени. Последний мы называем значимым миром, подчеркивая тем самым не только его реальность, которую придают ему наши убеждения, но и тот простой факт, что он так или иначе навязан нам в качестве главного ингредиента наших обстоятельств. ...Человек сталкивается и с идеями своего времени и вынужден жить с ними и в них, хотя бы даже... наперекор. Этот значимый мир — “дух времени”, ориентируясь на который и в связи с которым мы живем, соотнося с ним простейшие действия, — составляет переменный момент человеческой жизни. Если изменяется мир, то изменяется и сюжет жизненной драмы. ...Именно значимый мир — каждый его момент — служит основным историческим фактором. Но этот мир изменяется с каждым новым поколением, поскольку предыдущее оставило в нем какой-то свой

след, изменило его в большей или меньшей степени по сравнению с тем, каким оно его застало» (1997, с. 267–268).

Автор (1997, с. 247–248) объясняет, что общество, в котором мы живем, уже имеет свое истолкование жизни, набор обязательных для каждого представлений. Так называемое «мышление эпохи» составляет неотъемлемую часть обстоятельств нашей жизни, окружает нас, правит нами и в нас живет. Один из главных факторов, определяющих нашу судьбу, — это система представлений общества. Мы помещены в некую структуру с готовыми решениями задач, из которых и состоит жизнь, но не отдаем себе в этом отчета. Даже язык, с помощью которого мы так или иначе оформляем мысли, — это уже чужое мышление, своего рода коллективная философия, элементарное истолкование жизни, с небывалой силой гнетущее нас.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 690–693) подробно обсуждает общее вербальное содержание, легко и широко распространяющееся в обществе. Он образно говорит: «...немыслимое скопление идей или мнений, которые, словно пчелы, роятся вокруг нас, вылетая из улья людской речи...» (1997, с. 691).

Фактически это вербальные репрезентации разных аспектов окружающей нас реальности. Х. Ортега-и-Гассет (там же) подразделяет их на группы. Одна — это не принципиально важные для людей репрезентации. Он пишет: «...большинство мыслей, с которыми и от имени которых мы живем, не придумано и даже не слишком продумано нами. Мы употребляем их механически, позаимствовав у того сообщества, где живем; как раз из него они явились нам, проникли в нас под его давлением, словно смазка в автомобиль. <...> Мы говорим обо всем на свете, заимствуя мнения из того, что говорят все вокруг... Только в том или ином частном вопросе мы иногда берем на себя труд... подвергнуть критике воспринятую идею, чтобы затем либо ее отвергнуть, либо вновь принять, однако на этот раз уже потому, что сами все всесторонне продумали, скрупулезно изучив ее основания» (1997, с. 690)¹.

Другая группа — те, которые «...мы высказываем как нечто само собой разумеющееся; здесь важно прежде всего то, что так полагают “все на свете”...» (1997, с. 691). Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 692–693) пишет, что, упоминая их, мы сами на них же опираемся, прибегая к ним как к последней инстанции, словно они — некий указ, кодекс или закон. Подобные мнения представляют собой установленные обычаи, не нуждаются в защите и поддержке индивидов или определенных групп, а, наоборот, навязывают себя всем и на всех оказывают воздействие. Их активность сводится исключительно к механическому давлению на индивидов. Такого рода мысли называются «господствующими мнениями». Они правят нами так же, как обычаи и язык.

Автор (1997, с. 693) пишет, что общественному мнению не требуется какой-либо особой поддержки со стороны людей. Оно само господствует в умах и преобладает над прочими мнениями, не нуждаясь в защитниках.

¹ Действительно, я часто ловлю себя на том, что пользуюсь чужими и явно поверхностными идеями, обсуждая не очень значимые для меня политические или бытовые вопросы и особо не задумываясь над ними. То есть мы действительно постоянно и широко используем чужие идеи, даже не замечая этого.

Примечание 3. Виды концептов

Примером чувственного концепта является, в частности, модель-репрезентация яблока. Образ слова «яблоко», ассоциируясь в сознании с моделью-репрезентацией яблока, превращается в понятие *яблоко*. В результате значением образа слова «яблоко» становится уже не модель-репрезентация звукового или графического объекта — слова «яблоко», а модель-репрезентация обозначаемого словом предмета — яблока.

Примером вербального концепта является вербальная конструкция, репрезентирующая некую сущность, например созданную У. Гильбертом с помощью других известных ему на тот момент сущностей и названную им в его сочинении «О магните, магнитных телах и о большом магните — Земле» (1600 год) «электричеством»: *электричество — совокупность явлений, обусловленных существованием, взаимодействием и движением электрических зарядов* (цит. по: О. П. Спиридонов, 1984, с. 72).

Смешанный концепт — это чувственно-вербальный концепт. Такой концепт репрезентирует, например, сущность, обозначаемую словом «новорожденный». Вербальный концепт, являющийся значением слова «новорожденный», — это *ребенок с момента рождения до четырехнедельного возраста*. Он, однако, иллюстрируется множеством образов, преимущественно зрительных и слуховых, превращающих вербальный концепт в чувственно-вербальный.

Примечание 4. Т. Шефф об «академических бандах»

Т. Шефф (Т. J. Scheff, 1995, р. 157–162) в статье «Академические банды» предложил весьма достоверную, как мне представляется, метафору для объяснения механизмов формирования научного продукта. Согласно автору, в академической среде существуют «бандообразные» группировки профессуры, которые функционируют по неписаным правилам любой банды. Большинство ученых так или иначе принадлежат к одной из групп, обозначаемых словами «научная школа» или «специальность».

Подобно тому как уличные банды зарабатывают на жизнь воровством, ученые получают доходы от карьеры, которая в значительной степени зависит от того, являются ли они преданными членами банд и кланов. Разумеется, успех в научной карьере невозможен без упорной работы, однако демонстрация своей принадлежности к банде и клану может естественным образом дополнить или даже заменить в этом отношении талант и ум.

Зависимость между членством в банде и карьерой вполне очевидна для большинства ученых. Случаи, когда карьерный рост является результатом только оригинальности или значимости научной работы, — редкие исключения. Успешность ученого никак не зависит от его таланта, или эта зависимость носит

обратный характер. Научная работа обычно оценивается комиссией, состоящей из людей, которые или не могут, или не хотят оценить ее оригинальность и важность, особенно в случае, когда эта работа сложнее и труднее для понимания, чем собственные работы членов комиссии. Эти люди тратят на заседания львиную долю своего времени и не обязаны уделять слишком много времени особо трудным случаям.

Членство в банде или клане дает ученому возможность обходить стороной оценку его работы по заслугам. Для получения денег и наград ученому нужна надежная связь с теми членами банды, которые готовы его поддержать. Решающую роль в получении поддержки играет чувство преданности своему собрату по банде. Помогающий знает, что в следующий раз точно так же помогут и ему. Если же у него есть какие-то сомнения, они более или менее сглаживаются чувством привязанности к банде. Членство в банде и клане становится объектом гордости само по себе, а реальные результаты научной деятельности отступают на второй план.

Конечно, Т. Шефф (Т. J. Scheff, 1995, p. 157–162) резко заостряет проблему, а термины «академические и профессорские банды» — это метафоры, но существо явления, которое сильно тормозит науку, снижая ее эффективность и превращая львиную долю научных работ в пустое бумаготворчество и очковитирательство, автор представил верно. Наука сейчас из творчества, доступного в прошлом лишь единицам избранных, превратилась в разновидность промышленного процесса по производству знания. И качество этого продукта волнует его изготовителей гораздо меньше, чем их оплата.

Но знания — это не зерно, не станки и даже не компьютеры. Их не могут производить любые люди, даже получившие университетское образование и научные степени. Тем не менее знание необходимо обществу, которое создает все новые и новые научные учреждения, обучает множество людей и требует от них производства знаний. Такой экстенсивный путь, вероятно, вполне оправдан. Пусть из ста «научных» работ одна принесет реальную пользу обществу, а из 1000 «ученых» лишь один сформирует новое знание. Оно в итоге окупит затраты на 999 бесполезных коллег.

И все же факт остается фактом — большинство научных учреждений и людей с научными степенями не могут создавать знания. Это им недоступно в принципе. Они могут лишь имитировать научную деятельность, производя псевдонаучную продукцию. Поэтому и возникают легитимизирующие друг друга и своих членов научные «бандформирования». Без таких формирований большинству представителей научного мира сейчас невозможно выжить. И их трудно даже в этом винить. Современный научный мир — это общественный продукт.

Обсуждая статью Т. Шеффа (Т. J. Scheff, 1995, p. 157–162), В. Вахштайн говорит: «Требование “объективировать себя как исследователя”, исходящее от рефлексивной социологии П. Бурдьё (2002), не решает, а усугубляет проблему. Установка на “объективацию” познающего субъекта основывается на том, что знание зависит от социальной обстановки его производства, как сыр зависит от

производящей его фабрики. Соответственно, нужно объективировать “позицию производителя на рынке” и “инфраструктуру фабрики”, но не сыр *per se*. Прежде чем начать исследование, необходимо обозначить, к какой партии вы принадлежите, где вы учились, в каких отношениях состоите с такими-то и такими-то игроками в “поле”, какова ваша позиция в этом “поле”, и лишь объективировав себя, вы способны сделать исследование. Можно сколько угодно говорить об относительной автономии науки, но производимое вами знание останется производным от той социальной позиции, которую вы занимаете. Получается, что о самом знании дальше уже говорить смысла не имеет. Зачем говорить о сыре — нужно говорить о том, как устроена фабрика и чьи потребности удовлетворяет производство» (2009).

Отдельные области реальности, не вполне доступные непосредственному восприятию или, например, слишком сложные для понимания, превращаются в научное поле битвы, на котором разворачиваются баталии ученых, выстраивающих собственные вербальные конструкции, претендующие на роль верных репрезентаций этих граней мира.

Классическим примером такой области являются представления о человеческой психике, сформированные в XX веке психологами-бихевиористами как особый фрагмент научной картины мира. В начале XX века в психологию была внедрена взятая из физики парадигма, провозгласившая единственно научным подходом к психике объективное наблюдение за поведением человека и экспериментальное изучение его реакций в ответ на воздействия окружающей среды.

Апологеты этого направления исходили из того, что психика и ее явления представляют собой второстепенные и незначимые эпифеномены материальной мозговой активности. В результате, ориентируясь на естественные науки, психику отождествили с поведением и стали либо изучать его, называя это психологией, либо пытаться объективизировать в принципе недоступную объективизации субъективную психику и выдавать за объективные эксперименты данные интроспективных самоотчетов.

В итоге изучение субъективных, однако доступных непосредственному самонаблюдению феноменов индивидуальной психики было прекращено. Интроспекция была предана анафеме и забыта, а с ней и сознание. Вербальные конструкции, казалось бы очевидно несущие понятные всем людям смыслы, интересовали психологов перестали. Три четверти XX века и первую четверть XXI века психология увлеченно, но безуспешно занимается исследованием физиологических и биохимических (зато объективных) процессов мозга в поисках механизмов, «ответственных», как до сих пор полагает большинство, за человеческое мышление и разум.

Виновная в этой глупой и вредной подмене предмета исследования бихевиористская «банда» в психологии почти на сто лет обеспечила тем самым стагнацию психологической науки и до сих пор оказывает мощное тормозящее влияние на ее развитие¹. Причина случившегося даже не столько в очевидной ошибке

¹ Об этом подробнее см.: Поляков, 2011, с. 13–68.

бихевиористов-застрельщиков, сколько в социальных механизмах организации науки, благоприятствующих нетерпимости научной верхушки к альтернативным идеям, потворствующих стадным инстинктам большинства и полной зависимости всех выстраиваемых научных конструкций от доминирующей в психологии парадигмы.

Метафору Т. Шеффа (Т. J. Scheff, 1995, p. 157–162) легко можно распространить и на другие группы общества, даже на целые государства. Мне лично давно международная политика государств представляется в виде молодежной тусовки в большом дворе. До начала 20-х годов XXI века там был один несомненный хозяин — США — великовозрастный качок, сынок богатого папаша с крутой хатой, тачкой, деньгами и чемоданом стволов. Вокруг него сформировался ближний круг дружков и прихлебателей, с которыми он бухает, курит наркотики и развлекается с девочками. К ним примыкает большой круг подпевал и подхалимов, готовых на все за расположение главаря.

Ему противостоит теперь Россия — успевший побывать в зоне, явно более слабый физически, но безрассудный подросток, вооруженный автоматом. Он вызывает у богатого качка сильное раздражение и желание как-нибудь с ним покончить. Но возможностей для этого пока не представляется. Есть во дворе и группа физически сильных подростков, настроенных нейтрально, — Китай, Индия и некоторые другие, которые не идут на открытый конфликт с хозяином двора, но и не стремятся в группу его подпевал.

В итоге складывается полное ощущение того, что правящие в государствах социальные группы хоть и состоят сами по большей части из стариков, но так и остались подростками и ведут себя в соответствии с подростковыми мотивами и приоритетами.

Примечание 5. А. Д. Александров о математике

Математик, академик А. Д. Александров (1956, с. 56) указывает, что алгебра — это учение об арифметических действиях, рассматриваемых формально в общем виде, отвлекаясь от конкретных чисел. Ее задачи составляют в первую очередь формальные правила преобразования выражений и решения уравнений.

Получается, что алгебра — это естественное продолжение арифметики, абстрагирование от конкретных чисел к понятиям (a , b , c и т. д.), замещающим любое число. Следовательно, алгебра — точно такое же, как и арифметика, но более абстрактное моделирование реальности.

Даже новейшие направления математики по-прежнему имеют дело с репрезентациями реальности, но на еще более высоком уровне абстрагирования. А. Д. Александров (1956, с. 83) пишет, что современная алгебра рассматривает теперь «величины» гораздо более общей природы, чем числа, и изучает действия над этими «величинами», аналогичные в той или иной степени по своим формальным свойствам обычным арифметическим действиям сложения, вычитания, умножения и деления. Например, векторные величины можно складывать по правилу

параллелограмма. Обобщения в современной алгебре таковы, что сам термин «величина» часто теряет смысл, поэтому говорят вообще об объектах, над которыми можно производить действия, подобные обычным алгебраическим. Например, два последовательных движения, как очевидно, равносильны некоторому одному суммарному движению, два алгебраических преобразования формулы могут быть равносильны одному итоговому преобразованию и т. д. Соответственно, можно говорить о своего рода «сложении» движений или преобразований.

Другим примером абстрактного математического репрезентирования является зависимость величин друг от друга. А. Д. Александров (1956, с. 61) говорит, что математические понятия переменной и функции представляют собой абстрактное обобщение конкретных переменных величин (время, путь, скорость, угол поворота, зачерчиваемая площадь и т. д.) и конкретных зависимостей между ними (например, зависимость пути от времени и т. д.). Как понятие действительного числа «есть отвлеченный образ» значения любой величины, так и понятие переменной «есть отвлеченный образ» изменяющейся величины. Математическая переменная величина x есть любая физическая величина, все, что может принимать разные численные значения.

Функция «есть отвлеченный образ» зависимости второй величины от переменной. Утверждение, что y есть функция x , обозначает в математике только то, что каждому значению, которое может принять x , отвечает определенное значение y . (Функцией называют также само соответствие или закон соответствия значений y значениям x .) Например, по закону падения пройденный путь связан с временем падения формулой, и путь здесь — функция времени. Автор (1956, с. 63) напоминает, что область математики, посвященная изучению функций, называется математическим анализом или чаще — анализом бесконечно малых.

Из сказанного им нетрудно заключить, что здесь мы опять видим, как математика пусть и очень отвлеченно, но репрезентирует окружающий мир. Переменная и функция представляют собой не что иное, как абстрактное обобщение конкретных переменных величин, повсеместно распространенных в физическом мире. Математика репрезентирует нам в максимально абстрактной форме ($y = f(x)$) количественную связь двух любых величин, одна из которых является переменной (x), а другая — функцией (y). Если мы слегка видоизменим форму, то получим математический закон связи переменной и функции: $y = Kx$, где K — числовой коэффициент, который может быть любым. Но это не эмпирический закон, а универсальное математическое выражение, хотя оно может быть трансформировано в конкретный физический закон. Например, в закон Гука¹: $F = Kx$.

По словам А. Д. Александрова (1956, с. 71, 75), теория дифференциальных уравнений, являясь важнейшей ветвью математического анализа, имеет дело с уравнениями, где неизвестной является уже не величина, а функция, то есть закон зависимости одной величины от другой или от нескольких других величин.

¹ Закон Гука — утверждение, согласно которому деформация, возникающая в упругом теле (пружине, стержне, консоли, балке и т. д.), пропорциональна приложенной к этому телу силе. Открыт в 1660 году английским ученым Робертом Гуком (Закон Гука. Статья в физической энциклопедии.)

В результате мы имеем, например, возможность, исходя из общих законов электрического тока, рассчитывать зависимость силы тока от времени при включении напряжения в любой цепи с сопротивлением, емкостью и самоиндукцией.

Автор (1956, с. 92, 97, 99) считает, что предмет современной математики составляют уже не только данные, но и возможные количественные отношения и формы. В геометрии речь идет не только о пространственных, но и о сходных с пространственными возможных отношениях и формах. В алгебре речь идет о системах абстрактных объектов с возможными законами действий над ними. В анализе переменной становится не только величина, но сама функция рассматривается как переменная. Если элементарная математика есть математика постоянных величин, математика следующего периода — математика переменных величин, то современная математика есть математика возможных, вообще говоря, переменных, количественных отношений и взаимосвязей между величинами.

Отвлеченный характер математики уже предопределяет то, что математические теоремы доказываются только рассуждением, исходя из самих понятий. В математике исследуют количественные отношения, имея в виду лишь то, что содержится в самом их определении, ответственные математические выводы получают рассуждением, исходя из определений. Полное отвлечение предмета математики от всякой конкретности и основанный на этом умозрительный характер математических выводов влекут за собой другую важную особенность математики — в ней исследуют не только такие количественные отношения и пространственные формы, которые непосредственно абстрагируются из действительности, но и такие отношения и формы, которые определяются внутри самой математики на основе уже сложившихся математических понятий и теорий.

А. Д. Александров (1956, с. 106) пишет, что абстракция не является привилегией математики. Однако другие науки интересуются соответствием своих абстрактных схем какому-либо вполне определенному кругу явлений и включают как одну из важнейших задач исследование границ применимости к данному кругу явлений уже сложившейся системы понятий и соответствующей смены применяемой системы абстракций. Математика, напротив, исследуя общие свойства в полном отвлечении от конкретных явлений, рассматривает сами эти системы абстракций в их отвлеченной общности, вне границ их применимости к отдельным конкретным явлениям.

По его словам, «можно сказать, что для математики характерно своего рода абсолютизирование ее абстракций. Именно указанное объективное безразличие к содержанию исследуемых в математике форм определяет основные особенности математики: ее умозрительный характер, логическую необходимость и кажущуюся непреложность ее выводов, возникновение внутри нее новых понятий и теорий; этим же безразличием к содержанию обусловлены особенности приложений математики. Когда мы смогли перевести практическую задачу на язык математики, мы одновременно смогли отвлечься от второстепенных конкретных особенностей задачи и, пользуясь общими формулами и выводами, получить определенный результат. Отвлеченность математики составляет, таким образом, ее силу, и эта отвлеченность практически необходима» (1956, с. 106–107).

А. Д. Александров (1956, с. 6–7) говорит, что существует множество примеров, доказывающих неразрывную связь математики с окружающим миром, и описывает наиболее известные из них. Планета Нептун была открыта в 1846 году на основании математических расчетов У. Леверье (1811–1877), который на основании законов механики и закона тяготения вычислил, где эта планета должна находиться. Наблюдатель, которому он об этом сообщил, увидел ее в телескоп там, где указал У. Леверье.

Другим примером является открытие электромагнитных волн. Дж. Максвелл (1831–1879) выразил законы электромагнитных явлений в виде уравнений. Из уравнений он чисто математически вывел, что могут существовать электромагнитные волны и что они должны распространяться со скоростью света. Опираясь на это, он предложил электромагнитную теорию света, которая затем была всесторонне развита и обоснована.

Библиография

1. Августин Аврелий. Исповедь / Пер. М. Е. Сергиенко. — М.: Дарь, 2005. — 544 с. Из содерж.: Кн. 11, [гл.] XIII–XXV. — С. 404–411.
2. Аверкиева Ю. П. Франц Боас (1858–1942) // Краткие сообщения Института этнографии, — 1946. — № 1. — С. 88–101.
3. Агафонов А. Ю. Бессознательные обертоны сознания // По обе стороны сознания: экспериментальные исследования по когнитивной психологии: Сборник статей / А. Агафонов и др.; под общ. ред. А. Ю. Агафопова. — Самара, 2012. — С. 6–53.
4. Адамс В. Архетипическая школа // Кембриджское руководство по аналитической психологии / Под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даусона; пер.: И. Золотов и др. 2-е изд. — М., 2007. — С. 159–183.
5. Айер А. Дж. Язык, истина и логика / Пер. с англ. В. А. Суровцева, Н. А. Тарабанова; под общ. ред. В. А. Суровцева. — М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2010. — 239 с. — (Библиотека аналитической философии). — ISBN 978-5-88373-180-5.
6. Аксенов Г. П. Причина времени. 2-е изд. — М.: URSS ЛКИ, 2008. — 300 [2] с. — ISBN 978-5-382-00459-4.
7. Александров А. Д. Общий взгляд на математику // Математика, ее содержание, методы и значение: Сборник научных работ: В 3 т. / Ред. коллегия: А. Д. Александров и др.; Акад. наук СССР, Математический ин-т им. В. А. Стеклова. — М., 1956. Т. 1. — С. 5–78.
8. Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. — СПб.: Речь, 2003. — 364 с. — ISBN 5-9268-0203-2.
9. Аллахвердов В. М. Симфоническая мощь сознания // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология, 2008. — № 3. — С. 4–19.
10. Аллахвердов В. М. Экспериментальная психологика. Т. 1. Сознание как парадокс. — СПб.: ДНК, 2000. — 517 с. — (Новые идеи в психологии / С.-Петербург. психол. общ-во). — ISBN 5-7822-0032-4.
11. Альтернативная культура: энциклопедия / Сост. Д. Десятрик. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. — 236, [1] с. — ISBN 5-9681-0028-1.
12. Анищупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. — СПб.: Питер и др. 2006. — 527 [1] с. — ISBN 5-469-01216-6.
13. Апресян Р. Г. Нравственность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд / Науч.-ред. совет.: В. С. Степин — пред. совета и др. — М., 2010. Т. 3: Н–С. — С. 110.
14. Апресян Р. Г., Колытынина М. В. Общее понятие духовной культуры // Культурология: Учебник по дисциплине «Культурология» блока ГСЭ Государственного

- образовательного стандарта: для высших учебных заведений / Б. А. Эренгросс (рук.) и др.; под ред. Б. А. Эренгросс. — М., 2007. — С. 172–241.
15. Аронсон Э. Общественное животное: введение в социальную психологию / Пер. Н. Миронов, С. Рысев. 9-е междунар. изд. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. — 416 с. — (Высшая школа). — ISBN 5-93878-216-3.
 16. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление: Перераб. изд. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. — 384 с. — (Проект «Психологическая энциклопедия»). — ISBN 5-93878-046-2. ISBN 0-7167-3108-8 (англ.).
 17. Арсенов О. О. Физика времени. — М.: Эксмо, 2010. — 221 [1] с. — (Открытия, которые потрясли мир). — ISBN 978-5-699-38486-0.
 18. Артеменков В. К. Целеполагание как системообразующий критерий общественного объединения // Политика и общество, 2018. — № 1. — С. 25–34. — DOI: 10.7256/2454-0684.2018.1.24279.
 19. Асмолов А. Г. На перекрестке путей к изучению психики человека: бессознательное, установка и деятельность // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию»: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений по направлению и специальностям «Психология» / Ред.-сост. Е. Е. Соколова. — М., 2005. — С. 220–233.
 20. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». — М.: Смысл, 2002. — 479 с. — ISBN 5-89357-112-6.
 21. Ассоциативная психология: Сборник / Вступ. ст., коммент. Е. И. Гарбера, И. Е. Гарбера. — М.: АСТ, 1998. — 526 [1] с. — (Классики зарубежной психологии). — Содерж.: Очерк психологии / Г. Эббингауз. Психология / А Бэн. — ISBN 5-15-000935-0.
 22. Багадирова С. К., Юрина А. А. Материалы к курсу «Психология личности» (раздел «Теории личности»): Учебное пособие: В 2 ч. — М.: Директ-Медиа, 2014. 2-я ч.
 23. Байковский Ю. В., Самойлов Н. Г., Алёшичева А. В. Экстремальная психология: словарь терминов // ФГБОУВО «ГЦОЛИФК», ФГБОУВО «Рязанский ГМУ им. акад. И. П. Павлова» МЗРФ. — М.: АГСПА, 2018. — 155 с.
 24. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. // Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс: Универс, 1994. — 615 с. — ISBN 5-01-004408-0.
 25. Барышева Т. А. Творчество: теория, диагностика, технологии: Словарь-справочник для специалистов в области образования, инноваций и гуманитарных технологий в социальной сфере. — СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2014. — 380 с. — ISBN 978-5-9651-0831-2.
 26. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Социальная психоллингвистика / Сост. проф. К. Ф. Седов. — М., 2007. — С. 197–236.
 27. Бейнс Д. Развитие внутреннего мира / Пер. с исп. Д. С. Соммэр. — М.: Научная книга, 2008. — 354 с. — ISBN 978-5-91393-022-4.
 28. Бейтсон Г. Экология разума: Избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. — М.: Смысл, 2000. — 476 с. — (Золотой фонд мировой психологии). — ISBN 5-89357-081-2.
 29. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство / Пер. с англ. и предисл. Д. Я. Федотова. — М.: КомКнига, 2007. — 244 с. — ISBN 978-5-484-00766-0.

30. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6. Статьи и рецензии, 1842–1843 / Акад. наук СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) / Ред. Б. И. Бурсов. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. — 799 с.
31. *Бендикс Р.* Образ общества у Макса Вебера / Пер. С. В. Карпушиной, под ред. В. С. Егоровой // Избранное. Образ общества: Пер. с нем. / М. Вебер. — М., 1994. — С. 567–588 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebovr/index.php. — Дата обращения 02.11.2022.
32. *Беньямин В.* Краткая история фотографии // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / Предисл., сост., пер. и прим. С. А. Ромашко; Немецкий культурный центр им. Гете. — М.: Медиум, 1996. — 239 [1] с. — ISBN 5-85691-049-4.
33. *Бергер П. Л., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. / Московский философский фонд. — М.: Моск. филос. фонд, 1995. — 322 [1] с. — (Первые публикации в России. ППР). — ISBN 5-85691-036-2.
34. *Бергер П. Л., Бергер Б., Коллинз Р.* Личностно-ориентированная социология / Пер. с англ. В. Ф. Анурина. — М.: Акад. Проект, 2004 (Киров: ОАО «Дом печати — Вятка»). — 605 с. — (Концепции). — ISBN 5-8291-0403-2 (в пер.)
35. *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. В. А. Флеровой. — М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. — 380 [2] с. — ISBN 5-86090-198-4.
36. *Бердяев Н. А.* Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа: Сборник / Вступ. ст. А. Г. Мысливченко; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. — М., 1994. — С. 248–288.
37. *Бердяев Н. А.* Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения. — Париж: YMCA-press, 1934. — 191 с.
38. *Бердяев Н. А.* Дух и реальность / Вступ. ст. и сост. В. Н. Калужного. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. — 679 [1] с. — (Philosophy). — ISBN 5-17-019075-1 (АСТ).
39. *Беркли Д.* Сочинения / Сост., общ. ред. и вступит. статья И. С. Нарского. — М.: Мысль, 2000. — 560 с. — (Классическая философская мысль).
40. *Берри Дж. В., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение: пер. с англ. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2007. — 560 с. — ISBN 0-521-64617-0.
41. *Бинсвангер Л.* Бытие в мире. — Изд.: КСП+; Ювента; Ленато, 1999. — 300 с. — ISBN 5-89692-024-5.
42. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. — М.: Библион — Русская книга, 2003. — 258 [6] с. — ISBN 5-902005-02-7.
43. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. 2-е изд. — М.: Добросвет, 2006. — 389 с. — ISBN 5-98227-170-5.
44. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту / Пер. с франц. Н. Сулова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 196 [1] с. — (Академический бестселлер). — ISBN 5-9709-0003-6.
45. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / Пер. с фр. Д. Кралечкина. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с. — (Философские технологии. Постструктурализм). — ISBN 978-5-8291-0898-4.
46. *Бойл Э.* «Открытое общество» Карла Поппера: личный взгляд // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост.

- Д. Г. Лахути и др.; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна. — М., 2000. — С. 340–356.
47. Большой толковый медицинский словарь (Oxford) = Concise medical dictionary: В 2 т. / Под ред. Г. Л. Билича. — М.: Вече: АСТ, 2001. Т. 2. — ISBN 5-7838-0242-5.
 48. Большой юридический словарь / В. А. Белов и др.; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Инфра-М, 2003. — 703 с. — (Библиотека словарей ИНФРА-М). — ISBN 5-16-000169-7.
 49. *Бом Д.* Причинность и случайность в современной физике / Пер. с англ. С. Ф. Шушурина; общ. ред. и предисл. Я. П. Терлецкого. 2-е изд., испр. — М.: URSS, 2010. — 247 [1] с. — (Физико-математическое наследие: физика (философия физики)). — ISBN 978-5-396-00170-1.
 50. *Борн М.* Моя жизнь и взгляды / Введ. Б. Козна; пер. с англ. А. Арского и В. Белоконя; послесл. М. Э. Омеляновского. — М.: Прогресс, 1973. — 176 с.
 51. *Бунге М.* Философия физики / Пер. с англ. Ю. Б. Молчанова. 2-е изд., стер. — М.: УРСС, 2003. — 319 [1] с. — ISBN 5-354-00439-X: 2000.
 52. *Бурбаки Н.* Архитектура математики // Элементы математики: в 10 книгах: Пер. с фр. / Под ред. Д. А. Райкова; с предисл. П. С. Александрова. — М., 1963. Кн. 8: Очерки по истории математики / Пер. И. Г. Башмаковой. — С. 245–259.
 53. *Бурдые П.* Начала: Сборник: Пер. с фр. — М.: Socio-Logos: Фирма «Адапт», 1994. — 287 с. — ISBN 5-86942-006-7.
 54. *Бурдые П.* Рефлексивная социология // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, Ин-т социологии РАН, Центр фундам. социологии / Под ред. С. П. Баньковской. — М., 2002. Ч. 2. — С. 160–185.
 55. *Буров А. В.* Тайны физики и их разоблачения // Научные труды кафедры богословия. — СПб., 2016. — С. 73–97.
 56. *Бучаченко А. Л.* От квантовых струн до тайн мышления...: экскурс по самым завораживающим вопросам физики, химии, биологии, математики. — М.: Ленанд, 2016. — 180 [1] с. — ISBN 978-5-9710-3577-0.
 57. *Бэкон Ф.* Сочинения. В 2-х т. / Сост., общая ред. и вступит. статья Л. Л. Субботина. — М.: Мысль, 1972. Т. 2 — 582 с. — (Философское наследие).
 58. *Бэкхерст Д.* Формирование разума / Пер. Е. О. Труфановой; предисл. В. А. Лекторского. — М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2014. — 367 с. — ISBN 978-5-88373-413-6.
 59. *Вайнер Э. Н., Кастюнин С. А.* Краткий энциклопедический словарь: Адаптивная физическая культура: Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Адаптивная физическая культура» и «Физическая культура». — М.: Флинта, 2003. — 144 с. — ISBN 978-5-89349-557-7.
 60. *Вайсгербер Й. Л.* Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. — М.: УРСС, 2004. — 229 с. — (История лингвофилософской мысли). — ISBN 5-354-00843-3.
 61. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение / Пер. с англ. Н. В. Тюкиной; вступ. ст. Г. М. Дерлугьяна. 3-е изд., стереотип. — М.: URSS: Ленанд, 2020. — 304 с. — ISBN 978-5-9710-7802-9.
 62. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого: Сборник: Пер. с нем. — Минск: Прописи, 1999. — 175 с. — (Схолия; 2).

63. *Василенко Л. И.* Краткий религиозно-философский словарь. — М.: Искусство и образование, 2013. — 256 с. — ISBN 978-5-903323-15-9.
64. *Вахштайн В.* Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей: сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 7–39.
65. *Вахштайн В.* Конец социологизма: перспективы социологии науки: Стенограмма лекции, прочитанной кандидатом социологических наук Виктором Вахштайном 18 июня 2009 года в клубе — литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру» // Полит.ру. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://polit.ru/article/2009/08/06/videon_vahshtain. — Дата публикации: 06.08.2009.
66. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. — М., 1990. — 804 [1] с. — (Социол. мысль Запада). — ISBN 5-01-001584-6 (в пер.).
67. *Вебер М.* Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии [В 4 т.] Т. 1. Социология / Пер. с нем. В. А. Брун-Цеховой и др.; под общ. ред. Л. Г. Ионина. — М.: Высшая школа экономики, 2016. — 444 [1] с. — ISBN 978-5-7598-1513-6. — Из содержания: Гл. 1, § 16. Власть, господство. — С. 109–110.
68. *Вебер М.* Понимающая социология / Пер. с нем. М. Левиной. — М.: АСТ, 2021. — 479 [1] с. — (Philosophy). — (Философия — Neoclassic). — ISBN 978-5-17-135706-1.
69. *Вейль Г.* Математическое мышление: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Сост. Ю. А. Данилов; под ред. и со статьями Б. В. Бирюкова, А. Н. Паршина. — М.: Наука, 1989. — 400 с. — ISBN 5-02-013910-6.
70. *Величковский Б. М.* Когнитивная наука. Основы психологии познания: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. В 2 т. — М.: Academia: Смысл, 2006. Т. 1. — 447 с. — ISBN 5-89357-216-5.
71. *Вернадский В. И.* Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии, 1944. — № 18. — Вып. 2. — С. 113–120.
72. *Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки / Общ. ред. и вступ. ст. С. Р. Микulinского; предисл. А. Л. Яншина; АН СССР. Комис. по разраб. науч. наследия акад. В. И. Вернадского и др. 2-е изд. — М.: Наука, 1988. — 334 с. — ISBN 5-02-003324-3.
73. *Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках: Доклад, прочитанный 11 мая 1959 года в Нью-Йоркском университете на Курантовских математических лекциях // Этюды о симметрии / Пер. с англ. Ю. А. Данилова; под ред. и с предисл. Я. А. Смородинского. — М., 1971. — С. 182–198.
74. *Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук, 1968. — Т. 94. — Вып. 3. — С. 535–546. — (Физика наших дней).
75. *Визгин В. П.* Эйнштейн и математики (к 100-летию создания общей теории относительности) // Метафизика, 2015. — № 3 (17). — С. 135–156.
76. *Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций: Пер. с итал. / Пер. и коммент. А. А. Губера; вступ. ст. М. А. Лифшица. — М.: REFL-book; Киев: ИСА, 1994. — XXVII, 617 [2] с. — ISBN 5-87983-017-9.

77. Виндельбанд В. Дух и история: Избранное: Пер. с нем. / Примеч. М. А. Ходанович. — М.: Юрист, 1995. — 687 с. — (ЛК. Лики культуры). — ISBN 5-7357-0049-9.
78. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. Т. 2: От Канта до Ницше / Пер. с нем. под ред. А. Введенского. — М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. — 512 с.
79. Винтерхофф-Шпурк П. Медиapsихология. Основные принципы. 2-е изд., испр., перераб. и доп.: Пер. с нем. — Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2016. — 268 с.
80. Витгенштейн Л. Философские работы: В 2 ч. / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева; вступ. ст. М. С. Козловой. — М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. — 544 с., разд. паг. — ISBN 5-7333-0485-6.
81. Военно-психологический словарь-справочник: Учебное пособие / Л. А. Кандыбович и др.; под общ. ред. Ю. П. Зинченко; Общ-во психологов силовых структур. — М.: Этника, 2010. — 591 с. — ISBN 978-5-904581-04-6.
82. Воля // Юнг К. Г. Психологические типы / Пер. Е. И. Рузера; предисл. Ив. Ермакова. — М., 1924 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/volja.html>. — Дата обращения: 04.11.2022. — Доступ с сайта: Национальная энциклопедическая служба России (НЭС).
83. Время // Научно-технический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gufo.me/dict/scientific/ВРЕМЯ>. — Дата обращения: 02.11.2022. — Доступ с сайта: GUFO.me: словари и энциклопедии.
84. Время // Словарь русского языка: В 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. — 4-е изд., стер. — М., 1999. — Т. 1: А–Й. — С. 227.
85. Время // Социологический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gufo.me/dict/social/ВРЕМЯ>. — Дата обращения: 02.11.2022. — Доступ с сайта: GUFO.me: словари и энциклопедии.
86. Всероссийский научно-исследовательский институт оптико-физических измерений: офиц. сайт. — М., 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vniiofi.ru/contact.html>. — Дата обращения: 04.11.2022.
87. Вундт В. Психология народов. — М.: Эксмо; СПб.: Terra fantastica, 2002. — 864 с.
88. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. — М.: Педагогика, 1982. — 504 с.
89. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 699 с. — ISBN 5-01-001035-6.
90. Гадамер Х.-Г. Диалектическая этика Платона: (феноменологическая интерпретация «Филеба») / Пер. с нем. и предисл. О. А. Коваль. — СПб.: Санкт-Петербург. филос. общ-во, 2000. — 252 [3] с. — (Горизонты феноменологии / редкол. Ю. О. Орлова и др.).
91. Гайгер М. Феноменологическая эстетика // Антология реалистической феноменологии / Под ред. Д. Атласа, В. Куренного. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — С. 331–348.
92. Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность: проблема времени в европейской философии и науке // Российская акад. наук, Ин-т философии. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 458 [4] с. — ISBN 5-89826-260-1.

93. Галилео Г. День четвёртый // Сочинения / Пер. С. Н. Долгова; ред., предисл. и прим. А. Н. Долгова; переплет и суп.-обл. А. П. Радищева. — М.; Л., МСМXXXIV [1934]. Т. 1. Беседы и математические доказательства... — С. 415–530.
94. Галкин В. П. Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы. Толкователь слов и идиоматических выражений. Учебное пособие. В 3 ч. Ч. 2 / Чувацкий гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, Лаб. проблем цивилизации. — Чебоксары: 1997. — 216 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://1073.slovaronline.com>. — Дата обращения: 01.11.2022.
95. Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии и наук о духе / Пер. А. Н. Малинкина // Культурология, XX век: Антология / С. Я. Левит (гл. ред. и сост.). — М., 1995. — С. 608–647.
96. Гартман Н. Познание в свете онтологии // Западная философия: итоги тысячелетия: Сборник: Перевод / Сост. В. М. Жамияшвили. — Екатеринбург: Деловая кн.; Бишкек: Одиссей, 1997. — 654 [1] с. — (Уральская философская школа). — ISBN 5-88687-027-X (В пер.).
97. Гартман Н. К основоположению онтологии: пер. с нем. Ю. В. Медведева; под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2003. — 639 с. — (Слово о сущем; т. 41). — ISBN 5-02-026827-5.
98. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Перевод с немецкого Г. Г. Шпета. — М.: Наука, 2000. — 495 с. (Памятники философской мысли). — ISBN: 5-02-008380-1.
99. Гегель Г. Философия истории / Пер. А. М. Воден. — М.: Юрайт, 2022. — 378 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-09834-1.
100. Геген Н. Психология манипуляций и подчинения. — СПб.: Питер, 2005. — 208 с. — ISBN: 5-94723-586-2.
101. Гейзенберг В. Избранные философские работы: Шаги за горизонт; Часть и целое (беседы вокруг атомной физики) / Пер. с нем. А. В. Ахутина, В. В. Бибикина. — СПб.: Наука, 2006. — 571 с. — (Слово о сущем; т. 65). — ISBN 5-02-026910-7.
102. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое: Пер. с нем. — М.: Наука, 1990. — 399 [1] с. — ISBN 5-02-012452-9.
103. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики / Пер. с англ. и предисл. ко 2-му изд. Н. Ф. Овчинникова; вступ. ст. И. В. Кузнецова. 2-е изд. — М.: УРСС, 2004. — LIV [2], 133 [2] с.
104. Гельмгольц Г. О восприятии вообще // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2002. — 610 с. — ISBN 5-88711-177-1.
105. Гибсон Д. Д. Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ. Т. М. Сокольской; общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко. — М.: Прогресс, 1988. — 461 [1] с. — ISBN 5-01-001049-6.
106. Гидденс Э. Социология: Пер. с англ. / Э. Гидденс при участии К. Бердсолл. 2-е изд., выполн. по 4-му англ. изд., полностью перераб. и доп. — М.: URSS, 2005. — 629 с. — ISBN 5-354-01093-4.
107. Гильдебранд Д. фон. Эстетика // Антология реалистической феноменологии. — М.: Институт философии, теологии и истории им. св. Фомы, 2006. — 744 с. — С. 439–450.

108. *Гильдебранд Д. фон.* Эстетика. Объективность прекрасного // Антология реалистической феноменологии / Под ред. Д. Атласа, В. Куренного. — М., 2006. — С. 259–260.
109. *Глазерфельд Э. фон.* Введение в радикальный конструктивизм / Пер. и предисл. С. А. Цоколова // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия, 2001. — № 4. — С. 38–81.
110. *Голдстейн М., Голдстейн И. Ф.* Восприятие и понимание // Психология ощущений и восприятия: Хрестоматия / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак-т психологии; под ред.: Ю. Б. Гишпенрейтер и др. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 687 [1] с. — С. 616–620. ISBN 978-5-17-060042-7 (АСТ).
111. *Головин С. Ю.* Словарь практического психолога: [более 2000 терминов / Сост. С. Ю. Головин. — Минск: Харвест, 1998. — 798 [1] с. — ISBN 985-433-167-9.
112. *Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Смысл, 2008. — 267 с. — ISBN 978-5-89357-248-3.
113. *Гофман А. Б.* Социальное — социокультурное — культурное: историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник — 2010: Сборник научных трудов / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информации по обществ. наукам, отд. социологии и социал. психологии / Ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. — М., 2010. — С. 128–136.
114. *Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ.; Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. ст. Г. С. Батыгина и др. — М.: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. — 750 с. — ISBN 5-93947-011-4.
115. *Гофман И.* Закрепление форм деятельности // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 54–117.
116. *Гравитация* // Словарь русского языка: В 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. 4-е изд., стер. — М., 1999. — Т. 1: А–Й. — С. 341.
117. *Грибоедов А. С.* Горе от ума: Комедия в четырех действиях в стихах // Полное собрание сочинений: В 3 т. — СПб., 1995. Т. 1. — С. 9–122.
118. *Грин Б.* Ткань космоса. Пространство, время и текстура реальности / Пер. с англ. под общ. рук. Б. С. Ишханова; под ред. В. О. Малышенко, А. Д. Панова. — М.: Либрок-ком, 2009. — 601 с. — ISBN 978-5-397-00001-7.
119. *Гришунин С. И.* Философия науки. Основные концепции и проблемы: Учебное пособие. 2-е изд., испр. — М.: URSS, 2009. — 221 с. — (К экзаменам кандидатского минимума). — ISBN 978-5-397-00136-6.
120. *Губский Е. Ф. и др.* Количество // Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. — М., 1997.
121. *Гумилев Л. Н.* Этносфера: история людей и история природы. — М.: АСТ, 2004. — 575 с. — (Историческая библиотека). — ISBN 5-17-024790-7.
122. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
123. *Гуревич А. Я.* Представление о времени в средневековой Европе // История и психология: Сборник / Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой; АН СССР, Ин-т всеобщ. истории, Ин-т философии. — М., 1971. — С. 159–198.

124. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философии / Пер. Н. А. Кулаковой и Т. Н. Панченко // Культурология. XX век. Антология. — М.: Юрист, 1995. — 703 с. — (Лики культуры). — С. 297–330.
125. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука: Пер. с нем. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. — 750 с. — (Классическая философская мысль). — ISBN 985-13-0079-9.
126. *Гутнер Г. Б.* Эпистемология и анализ языковых практик // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / И. Т. Касавин, А. Ю. Антоновский, Л. А. Микушина и др. — М., 2010. — С. 263–278.
127. *Давлетчина С. Б.* Словарь по конфликтологии / Федеральное агентство по образованию РФ, Восточно-Сибирский гос. технологический ун-т. — Улан-Удэ: ВСГТУ, 2005. — 100 с.
128. *Дебор Г. Э.* Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. — М.: Логос (Радек), 2000. — 183 с. — (Политика). — ISBN 5-8163-0008-3.
129. *Девис П.* Пространство и время в современной картине Вселенной / Пер. с англ. Н. В. Мицкевича; предисл. Н. Мицкевича, В. Столярова. — М.: Мир, 1979. — 288 с. — (В мире науки и техники).
130. *Дейк Т. А. ван.* Дискурс и власть = Discourse and power: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. А. Кожемякина и др. — М.: URSS: Либроком, 2013. — 340 с. — ISBN 978-5-397-03766-2.
131. *Декарт Р.* Рассуждение о методе чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: В 2 т. — М., 1989. Т. 1. — С. 250–296.
132. *Декарт Р.* Сочинения: в 2 т.: Пер. с лат. и фр. / Сост. ред. примеч. В. В. Соколова. — М.: Мысль, 1994. Т. 2. — 633 с. — ISBN 5-244-00022-5.
133. *Декарт Р.* Геометрия: с приложением избранных работ П. Ферма и переписки Декарта / Пер. с фр. предисл., прим. и заключительная ст. А. П. Юшкевича. 2-е изд., испр. — М.: URSS, 2010. — 296 с. — (Физико-математическое наследие: математика (история математики)). — ISBN 978-5-397-01070-2.
134. *Декомб В.* Современная французская философия. — М.: Весь мир, 2000. — 336 [1] с. — (Тема). — ISBN 5-7777-0092-6.
135. *Декомб В.* Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Головановской. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 558 [3] с. — (Интеллектуальная история). — ISBN 978-5-86793-827-7.
136. *Делез Ж.* Логика смысла: Пер. с фр. — М.: Изд. центр «Академия», 1995. — 297 [1] с. — (Первые публикации в России. ППР). — ISBN 5-7695-0004-2.
137. *Демина Л. Д.* Психологическое здоровье и защитные механизмы личности: Учебное пособие для студентов вузов по специальностям «Психология», «Медицинская психология» / Л. Д. Демина, И. А. Ральникова / Мин-во образования РФ, Алтайский гос. ун-т, фак. социологии, каф. психологии, каф. коммуникаций и психотехнологий. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. — 120 [2] с.
138. *Деннет Д. К.* Виды психики: на пути к пониманию сознания / Пер. с англ. яз. Андрея Веретенникова; под общ. ред. Л. Б. Макеевой. — М.: Идея-Пресс, 2004. — 183 [1] с. — ISBN 5-7333-0059-0.

139. *Депперт В.* Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Наука в культуре / Ин-т философии РАН; под ред. В. Н. Поруса. — М., 1998. — С. 261–277.
140. *Деррида Ж.* Жизнеописание, мировоззрение, цитаты / Гл. ред. М. В. Смирнова. — СПб.: Невский проспект: Вектор, 2007. — 173 [1] с. — (Человек мира). — ISBN 5-9684-0641-0.
141. *Десятрик Д.* Альтернативная культура: энциклопедия / Сост. Д. Десятрик. — Екатеринбург: Ультра; Культура, 2005. — 236 [1] с. — ISBN 5-9681-0028-1 (в пер.).
142. *Джеймс У.* Существует ли сознание // Воля к вере: Сборник: Пер. с англ. — М., 1997. — С. 359–372.
143. *Джеймс У., Рассел Б.* Введение в философию. Проблемы философии: Пер. с англ./Общ. ред., посл. и примеч. А. Ф. Грязнова. — М.: Республика, 2000. — 314 [1] с. — (Философская пропедевтика). — ISBN 5-250-01798-3.
144. *Джемс У.* Научные основы психологии. — Минск: Харвест, 2003. — 528 с.
145. *Джеймс У.* Принципы психологии. Гл. X. Сознание Я / Пер. В. Г. Николаева // Личность. Культура. Общество. 2018. — Т. 20. — Вып. 1/2. — № 97/98. — С. 24–48. — (Классическое наследие).
146. *Джеймс У.* Существует ли сознание? // Психология / Пер. с англ. И. Лапшина, М. Гринвальд; вступ. ст. А. Лызлова. — М., 2020. — С. 583–612 (приложение).
147. *Дильтей В.* Описательная психология: Пер. с нем. / Предисл. В. Экземпларского. 2-е изд. — СПб.: Алетейя: Кренов, 1996. — 153 [2] с.
148. *Добренков В. И., Кравченко А. И.* Социология: Учебник. В 3 т. Т. 3. Социальные институты и процессы. — М.: Инфра-М, 2000. — 519 с. — ISBN 5-16-000365-7.
149. *Добренков В. И., Кравченко А. И.* Социология: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям социологии. — М., 2001. — Раздел: Краткий терминологический словарь. — С. 459 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.phantastike.com/sociology/sociology_d/html/?page=459. — Дата обращения: 30.10.2022.
150. *Дойч Д.* Структура реальности. Наука параллельных вселенных: Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2015. — 430 с. — ISBN 978-5-91671-346-6.
151. *Дондурей Д.* Цензура реальности // Телевидение: режиссура реальности: Сборник статей / Сост. и отв. ред. Д. Дондурей. — М., 2007. — С. 10–16.
152. *Дюсон Т.* Юнг, литература и литературная критика // Кембриджское руководство по аналитической психологии / Под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Дausона; пер. И. Золотова и др. 2-е изд. — М., 2007. — С. 381–416.
153. *Дэвидсон Д.* Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия. Избранные тексты / Пер. А. Л. Золкина; сост. А. Ф. Грязнов. — М., Изд-во МГУ. 1993. — С. 144–159. — ISBN 5-211-02147-9.
154. *Дюркгейм Э.* Социология: ее предмет, метод, предназначение: Сборник: Пер. с фр. — М.: Канон, 1995. — 349 с. — (История социологии в памятниках). — ISBN 5-88373-037-X.
155. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: Фрагмент произведения // Классики мирового религиоведения: антология: Пер. с англ., нем., фр. / Редкол.: Л. С. Чибисенков (пред.) и др. — М.: Канон+, 1998. Т. 2: Мистика. Религия. Наука. — С. 174–230.

156. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. — М.: Элементарные формы, 2018. — 808 с. — ISBN 978-5-9500244-3-6. — Имеется электронная копия: http://efpress.ru/pdf/ED_EFRL_EF.pdf.
157. *Еникеев Б. Н.* Факт // Большой психологический словарь / Под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. — СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2003. — 513 с. — (Психологическая энциклопедия). — ISBN 5-93878-086-1.
158. *Еникеев М. И.* Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов. — М.: Норма, 2021. — 640 с. — ISBN 978-5-91768-251-8, ISBN-онлайн 978-5-16-105487-1.
159. *Жбанков М. Р.* Массовое сознание // Социология: энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. — Минск, 2003. — URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/954/massovoe-soznanie.htm>. — Дата обращения: 03.11.2022.
160. *Жмуров В. А.* Большая энциклопедия по психиатрии. 2-е изд. — М.: Джангар, 2012. — 864 с.
161. *Жукова И. Н.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. — М.: Флинта; Наука, 2013. — 628 [1] с. — ISBN 978-5-9765-1083-8 (Флинта), ISBN 978-5-02-037446-1 (Наука).
162. *Жуланов А. Л.* Объект и предмет математики // Вестник Вятского государственного университета, 2012. — Т. 1. — № 4. — С. 75–80.
163. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. — М.: Просвещение, 1968.
164. *Зеленский В. В.* Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами). 3-е изд., испр. и доп. — М.: Когито-Центр, 2008. — 336 с. — ISBN 978-5-89353-234-0.
165. *Зимбардо Ф.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь Прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. — СПб.: Речь, 2010. — 349 с. — ISBN 978-5-9268-0900-5.
166. *Зиммель Г.* Ручка. И статический опыт // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 43–47.
167. *Зиммель Г.* Рама картины. Эстетический опыт // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006а. — С. 48–53.
168. *Зиновьев А. А.* Массмедиа // Запад. Феномен западнизма. — М.: Центрполиграф, 1995. — С. 326–327.
169. *Зиновьев А. А.* Массмедиа // Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования: Монография / М. М. Назаров / Рос. акад. наук, Ин-т социологии, Центр социологического и политологического образования. 5-е изд., испр. и доп. — М., 2018. — С. 67–71.
170. *Зинченко В. П.* Послесловие // Психология внимания: Учебно-методическое пособие / Ю. Б. Дормашев, В. Я. Романов / Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. 3-е изд., испр. — М., 2002. — С. 321–340.
171. *Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. — Ярославль, 2005. Т. 3: Метод психологии. — С. 62–88.

172. *Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 588 с. — ISBN 978-5-9551-0437-9.
173. *Зойя Л.* Отец = The father: исторический, психологический и культурный анализ / Пер. с англ. Н. Ретеюм. — М.: Класс, 2014. — 345 [3] с. — (Библиотека психологии и психотерапии). — ISBN 978-5-86375-201-3.
174. *Иванников В. А.* Основы психологии: Курс лекций для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. — М. и др.: Питер, 2010. — 327 с. — (Мастера психологии). — ISBN 978-5-49807-757-4.
175. Измерения в психологии / Большой психологический словарь / Н. Н. Авдеева и др.; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. — СПб., 2007. — С. 169–171.
176. *Ильенков Э. В.* Собрание сочинений.: В 6 т. Т. 5. Диалектика идеального / Рос. академия наук, Ин-т философии. — М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2021. — 447 с. — ISBN 978-5-88373-666-6.
177. *Ильенков Э. В.* Диалектика идеального // Философия и культура: Сборник / Вступ. ст. А. Г. Новохатько. — М.: Политиздат, 1991. — С. 229–270.
178. *Ильин В. П.* Математическое моделирование. Ч. 1. Непрерывные и дискретные модели / Ин-т вычислительной математики и математической геофизики СО РАН. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. — 428 с. — ISBN 978-5-7692-1554-4.
179. *Ильинский С. В.* Общественные связи, реклама, маркетинг, нейролингвистическое программирование. — М.: АСТ; Восток — Запад, 2006. — 479 [1] с. — ISBN 5-17-036254-4 (АСТ); ISBN 5-478-00241-0 (Восток — Запад).
180. *Ильясов Ф. Н.* Разум искусственный и естественный // Известия АН Туркменской ССР Серия общественных наук, 1986. — № 6. — С. 46–54.
181. Интеллект: 41 определение // Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/intellekt.html>. — Дата обращения: 03.11.2022.
182. История и философия науки: энциклопедический словарь / Р. А. Бурханов и др.; редкол.: Е. В. Гутов (отв. ред.) и др. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 2010. — 341, [1] с. — ISBN 978-5-89988-768-0.
183. *Йёссон Б.* Десять размышлений о времени / Пер. со швед. Ю. Колесовой. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. — 133 [2] с. — ISBN 5-89059-093-6.
184. Как была открыта наименьшая единица измерения // MenToday: новостной сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.mentoday.ru/life/experience/varim-yausco-zheltkom-naruzhu-kulinary-eksperiment>. — Дата публикации: 19.10.2021, 19:40.
185. *Каменщик А. Ю.* Уилера-Де Витта уравнение // Физическая энциклопедия: В 5 т.: электронная версия / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М., 1998. Т. 5: Стробоскопические приборы — Яркость. Т. 5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://es.niv.ru/doc/encyclopedia/physics/articles/1516/uilera-de-vitta-uravnenie.htm>. — Дата обращения: 01.11.2022.
186. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. — М.: Мысль, 1965. — 544 с. — (Философское наследие).
187. *Кант И.* Трактаты и письма / Вступ. ст. А. В. Гулыги, с. 5–42. — М.: Наука, 1980. — 709 с. — (Памятники филос. мысли).

188. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц. Г. Арзюканианом и М. И. Иткиным; примеч. Ц. Г. Арзюканиана. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.
189. *Кантор Г.* К обоснованию учения о трансфинитных множествах // Труды по теории множеств / Изд. подгот. А. Н. Колмогоров и др. — М., 1985. — С. 173–245.
190. *Кантор Г.* Труды по теории множеств / Изд. подг. А. Н. Колмогоров и др. — М.: Наука, 1985. — 430 с. — (Классики науки).
191. *Капра Ф., Луизи Л.* Системный взгляд на жизнь = Systems view of life: целостное представление / Пер. с англ. А. А. Сидоровой-Бирюковой и В. В. Шуликовской; под ред. В. В. Шуликовской. — М.: URSS, 2020. — 502 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему). — ISBN 978-5-9710-7124-2.
192. *Кара-Мурза С. Г.* Власть манипуляции. — М.: Академический проект, 2007. — 380 с. — (Социально-политические технологии). — ISBN 978-5-8291-0841-0.
193. *Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / Пер. А. Муравьева // Проблема человека в западной философии: сборник переводов с английского, немецкого, французского / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. — М., 1988. — С. 3–30.
194. *Кассирер Э.* Лекции по философии и культуре / Пер. И. А. Лейтес и Е. А. Жуковой // Культурология, XX век: Антология / Гл. ред. и сост. С. Я. Левит. — М., 1995. — С. 104–162.
195. *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. Т. 1. Язык / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.; СПб.: Университетская книга, 2002. — 270 с. — (Книга света). — ISBN 5-94483-002-4.
196. *Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2006. — 400 с.
197. Качество // Словарь русского языка: В 4 т. / Рос. акад. наук, ин-т лингвист. исслед. 4-е изд., стер. — М., 1999. Т. 2: К — О. — С. 42.
198. *Келли Д. А.* Теория личности: психология личных конструктов / Пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. — СПб.: Речь, 2000. — 249 с. — (Мастерская психологии и психотерапии). — Загл. обл.: Психология личности: Теория личных конструктов. — ISBN 5-9268-0007-2.
199. Кембриджское руководство по аналитической психологии / под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даусона; пер.: И. Золотова и др. 2-е изд. — М.: Добросвет: КДУ, 2007. — 471 [1] с. — (Глубинная психология и психоанализ). — ISBN 978-5-98227-179-2.
200. *Кикель П. В., Сороко Э. М.* Краткий энциклопедический словарь философских терминов / Белорусский гос. педагогический ун-т. — Минск: БГПУ, 2006. — 266 с.
201. Классики мирового религиоведения: антология: Пер. с англ., нем., фр. / Редкол.: Л. С. Чибисенков (пред.) и др. — М.: Канон+, 1996. Т. 2: Мистика. Религия. Наука / Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. — 1998. — 432 [1] с. — (История философии в памятниках). — ISBN 5-88373-134-1.
202. *Клочко В. Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности: введение в транспективный анализ / Федеральное агентство по образованию, Томский гос. ун-т. — Томск: ТГУ, 2005. — 172 [1] с. — ISBN 5-94621-162-5.

203. *Князева Е. Н., Туробов А. А.* Познающее тело. Новые подходы в эпистемологии // Новый мир, 2002. — № 11. — С. 136–154.
204. *Коганов А. В.* Математический аспект изучения категории времени // На пути к пониманию феномена времени: конструкции времени в естествознании / А. П. Левич, Ю. С. Владимиров, В. В. Аристов и др. — М., 2009. Ч. 3: Методология, физика, биология, математика, теория систем. — С. 64–116.
205. *Койре А. В.* Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий): Пер. с фр. / Общ. ред. и предисл. А. П. Юшкевича. Изд. 2-е, стер. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 272 с.
206. Количество // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. — М., 1983. — С. 263–264.
207. Коллективная память // Wiki [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.abcdef.wiki/wiki/Collective_memory. — Дата обращения: 02.11.2022.
208. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории: Автобиография / Пер. и коммент. Ю. А. Асеева. — М.: Наука, 1980. — 485 с. — (Памятники ист. мысли).
209. *Колмогоров А. Н.* Математика // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. — М., 1954. Т. 26: Магнитка — Медуза. — С. 464–483.
210. *Колмогоров А. Н.* Математика в ее историческом развитии / Под ред. В. А. Успенского. — М.: Наука, 1991. — 221 [2] с. — ISBN 5-02-014453-3.
211. *Кондаков И. М.* Психология: Иллюстрированный словарь. — СПб.; М.: Прайм-Еврознак, 2003. — 508 с. — (Психологическая энциклопедия). — ISBN 5-93878-093-4.
212. Концепции современного естествознания: Словарь основных терминов / Сост. Е. Ю. Матвеева, 2007 // NIV: Наука, искусство, величие [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://es.niv.ru/doc/dictionary/concepts-of-natural-science/index.htm>. — Дата обращения: 03.11.2022.
213. *Конюхов Н. И.* Прикладные аспекты современной психологии: термины, законы, концепции, методы: Справочное издание / Авт.-сост. Н. И. Конюхов. — М., 1992 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.referat.am/library/37/58c7aa88589df.pdf>. — Дата обращения: 10.06.2022.
214. *Копытофф И.* Культурная биография вещей: товаризация как процесс / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 134–166.
215. *Кордуэлл М.* Психология. А–Я = Psychology. A–Z: Словарь-справочник. — М.: Гранд; Фаир-Пресс, 2000. — 448 [2] с. — ISBN 5-8183-0105-2.
216. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Монография. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2003 (Великолук. гор. тип.). — 347 [1] с. — ISBN 5-88711-181-X (в пер.)
217. *Корсини Р.* Психологическая энциклопедия: Пер. с англ. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; науч. ред., пер. на рус. яз. А. А. Алексеева. 2-е изд. — М. и др.: Питер, 2003. — 1094 [1] с. — ISBN 5-272-00018-8.
218. *Костенко О. Е.* Нравственность // Профессионально-этические основы социальной работы: Словарь терминов / Авт.-сост. О. Е. Костенко; под общ. ред. проф. Ю. П. Дубенского. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. — 24 с. — ISBN 978-5-7779-0993-0.

219. Кросс-культурная психология: Дж. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен: исследования и применение: Пер. с англ. — Харьков: Гуманитарный центр, 2007. — 558 с. — ISBN 966-8324-30-7.
220. *Кроче Б.* Теория истории // Антология сочинений по философии: история, экономика, право, этика, поэзия / Пер., сост. и коммент. С. Мальцевой. — СПб., 1999. — С. 182–250.
221. *Крысько В. Г.* Этнопсихологический словарь / Под ред. Д. И. Фельдштейна. — М.: МПСИ, 1999. — 343 с. — (Библиотека психолога). — ISBN 5-89502-058-5.
222. *Куайн У. В. О.* Философия логики / Пер. В. А. Суровцева. — М.: Канон+, 2008. — 190 с. — (Библиотека аналитической философии). — ISBN 978-5-88373-083-1.
223. *Куайн У.* С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / Пер. В. А. Ладова и В. А. Суровцева, под общ. ред. В. А. Суровцева. — М.: Канон+, 2010. — 271 с. — (Библиотека аналитической философии).
224. *Кузнецов В. Г.* Общественное сознание // Словарь философских терминов. Науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. — М., Инфра-М, 2007. — 380 с.
225. *Кули Ч. Х.* Избранное: Сборник переводов / Сост. и пер. с англ.: В. Г. Николаева; отв. ред. Д. В. Ефременко / Рос. акад. наук, Ин-т научной информации по общественным наукам. — М.: ИНИОН РАН, 2019. — 233 с. — (Теория и история социологии). — ISBN 978-5-248-00897-1.
226. *Куликов К. А., Подобед В. В.* Время // Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Глав. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. — М., 1971. — Т. 5: Вешин — Газли [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bse.uaio.ru/BSE/0503.htm#p2117>. — Дата обращения: 01.11.2022.
227. Культурология: Учебник по дисциплине «Культурология» блока ГСЭ Государственного образовательного стандарта: для высших учебных заведений Б. А. Эренгросс (рук.) и др.; под ред. Б. А. Эренгросс. — М.: Оникс, 2007. — 478 [1] с. — ISBN 5-488-00584-6.
228. *Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. — М.: Прогресс, 1975. — 288 с. — (Логика и методология науки).
229. *Кун Т.* Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия для вузов / Ин-т «Открытое о-во»; сост., пер., вступ. ст., ввод. замечания и коммент. А. А. Печенкина. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1996. — С. 60–82.
230. *Кун Т.* После «Структуры научных революций» / Пер. с англ. — М.: АСТ, 2014. — 443 с. — (Новая философия). — ISBN 978-5-17-084744-0.
231. *Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М.* Межличностное общение: Учебник для вузов. — СПб. и др.: Питер, 2001. — 544 с. — (Учебник нового века). — ISBN 5-8046-0173-3.
232. *Кураков Л. П., Кураков В. Л., Кураков А. Л.* Экономика и управление, финансы и право: Словарь-справочник. — М., Чебоксары: Вуз и школа, 2004. — 1288 с.
233. *Кэмпбелл Дж.* Сила мифа / Пер. с англ.: Н. Ханелия, П. Ярышева. — СПб. и др.: Питер, 2019. — 301 с. — (Мастера психологии). — ISBN 978-5-4461-0684-4.

234. Кюглер П. Психические образы как мост между субъектом и объектом // Кембриджское руководство по аналитической психологии / Под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даусона; пер. И. Золотова и др. 2-е изд. — М., 2007. — С. 121–142.
235. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие. // Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования: Монография / М. М. Назаров; Рос. акад. наук, Ин-т социологии, Центр социологического и политологического образования. — Изд. 5-е, испр. и доп. — М.: URSS, 2018. — С. 46–48 — ISBN 978-5-9710-4779-7.
236. Лакан Ж. Семинары: В 7 кн. Кн. 7. Этика психоанализа (1959–1960) / В ред. Ж.-А. Миллера; пер. с фр.: М. Титовой, А. Черноглазова. — М.: Гнозис: Логос, 2006. — 414 [1] с. — ISBN 5-8163-0037-7.
237. Лакан Ж. Тупики Микаэля Балинта // Семинары / В ред. Ж.-А. Миллера; пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова. — М., 1998. Т. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953–1954). — С. 265–266.
238. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Налетова и др. — М., 2001. — С. 273–453.
239. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — (Язык. Семиотика. Культура, ISSN 1727-1630). — ISBN 5-94457-129-2.
240. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: УРСС, 2004. — 252 [2] с. — (Мировой научный бестселлер). — ISBN 5-354-00222-2.
241. Лакофф Дж., Нуньес Р. Откуда взялась математика: как разум во плоти создает математику // Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Сост. В. Ф. Спиридонов, М. В. Фаликман. — М., 2012. — С. 29–48.
242. Лангер С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства / Пер. с англ. С. П. Евтушенко; общ. ред. и послесл. В. П. Шестакова. — М.: Республика, 2000. — 286 [1] с. — (Мыслители XX века). — ISBN 5-250-027-47-4.
243. Лантенек С. Д. Мораль (нравственность) // Социология: энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. — Минск, 2003 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/1007/moral-nravstvennost.htm>. — Дата обращения: 03.11.2022.
244. Ласт Дж. М. Эпидемиологический словарь / Под ред. Дж. М. Ласта для Межд. эпидемиологической ассоц.; лит. подгот. текста А. В. Полуниной; пер. с англ. А. Никольской. 4-е изд. — М.: Глобус, 2009. — 316 с.
245. Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. — 235 [2] с. — (Прагматический поворот; вып. 1). — (Programme A. Pouchkine). — ISBN 5-94380-049-2.
246. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006а. — С. 199–222.
247. Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006б. — С. 169–198.

248. *Лебедев С. А.* Философия науки: Словарь основных терминов. — М.: Академический проект, 2004. — 316 [1] с. — (Gaudeamus: Учебное пособие для вузов).
249. *Лебедев С. А., Рубочкин В. А.* История и философия науки: Учебно-методическое пособие. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. — 196 с. — ISBN 978-5-211-05575-9.
250. *Лебон Г.* Психология народов и масс — СПб.: Макет, 1995. — 311 [2] с. — (Памятники здоровой мысли). — ISBN 5-85186-037-5.
251. *Левашов Н. В.* Последнее обращение к Человечеству. — СПб.: Митраков, 2012. — 512 с. — ISBN 978-5-4264-0012-2.
252. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-Пресс, 1999. — 603 с. — (Психология: Классические труды). — ISBN 5-7155-0701-4.
253. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 510 [1] с. — (Психология без границ). — ISBN 5-04-008349-1.
254. *Левин В. И.* Философия, логика и методология науки / М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Пензенская гос. технологическая акад.». — Пенза: ПГТА, 2010. — 66 с. — (Система открытого образования). — ISBN 978-5-98903-144-3.
255. *Левин К.* Теория поля в социальных науках / Пер. Е. Сурпина. — СПб.: Речь, 2000. — 364 [1] с. — (Мастерская психологии и психотерапии). — ISBN 5-9268-0004-9.
256. *Лейбин В. М.* Словарь-справочник по психоанализу. — СПб. и др.: Питер, 2001. — 688 с. — (Золотой фонд психотерапии). — ISBN 5-318-00407-5.
257. *Лейбниц Г. В.* Переписка с Кларком // Сочинения: В 4 т. / Ред. и сост., автор вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровского и др. — М.: Мысль, 1982. Т. 1. — 636 с.
258. *Лекторский В. А.* Предисловие // Интеллект, информационное общество, гуманитарное знание и образование: понятийные и логические основания искусственного интеллекта. Гуманитарное знание и когнитивные исследования в информационном обществе. Образовательные программы для искусственного интеллекта / В. К. Финн; Российский гос. гуманитарный ун-т, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Рос. акад. наук. — М., 2021. — С. 9–12.
259. *Леонтьев А. А.* Деятельный ум (деятельность, знак, личность). — М.: Смысл, 2001. — 380 с. — (Фундаментальная психология: ФП). — ISBN 5-89357-106-1.
260. *Леонтьев А. А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избр. психол. труды / Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т; гл. ред. Д. И. Фельдштейн. — М.: Воронеж: изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2004. — ISBN 5-89502-501-3.
261. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». 4-е изд., испр. — М.: Academia: Смысл, 2005 (ГУП Сарат. полигр. комб.). — 287 с. — (Психология для студента). — ISBN 5-89357-191-6 (Смысл).
262. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. / Под. ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьева, А. В. Петровского. — М.: Педагогика, 1983. Т. 1. — 392 с.
263. *Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. — М.: Смысл, 2001 (2000). — 511 с. — ISBN 5-89357-015-4.

264. *Лермонтов М. Ю.* Бородино («Скажи-ка, дядя, ведь не даром...») // Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Изд. 2-е, испр. и доп. — Л., 1979. Т. 1: Стихотворения, 1828–1841. — С. 369–371.
265. *Лиотар Ж.-Ф.* Феноменология / Пер. с фр. и послесл. Б. Г. Соколова / Санкт-Петербург. гос. ун-т. — СПб.: Алетейя, 2001. — 160 с. — (Лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ).
266. *Липпман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой / Фонд «Обществ. мнение». — М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004. — 382 с. — ISBN 5-93947-016-5.
267. *Ло Дж.* Объекты и пространства / Пер. с англ. В. Вахштайна // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 223–243.
268. *Логвиненко А. Д.* Чувственные основы восприятия пространства / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М.: Изд-во МГУ, 1985. — 223 с.
269. *Локк Д.* Избранные философские произведения. В 2 т. / Примеч. И. С. Нарского и А. Л. Субботина; под ред. И. С. Нарского. — М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1. Опыт о человеческом разуме. — 734 с.
270. *Локк Дж.* Сочинения. В 3 т. / Ред. и примеч.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин; пер. с англ. А. Н. Савина. — М.: Мысль, 1985. Т. 1. Опыт о человеческом разумении (кн. 1–3) — 621, [1] с. — (Философское наследие: ФН).
271. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Из ранних произведений / Сост. и подгот. текста И. И. Маханькова; вступ. ст. А. А. Тахо-Годи и Л. А. Гоготишвили; примеч. Л. А. Гоготишвили и др. — М., 1990. — 655 с.
272. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». — М.: Мысль, 2001. — 559 с. — (Философское наследие: ФН). — ISBN 5-244-00969-9. — Электронная копия доступна по ссылке: https://vk.com/doc35528094_463648497?hash=WX9eTohbRfQ8dZa87ErbE3yzaxZ9y7n7IEqcNA4bjbE.
273. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи, исследования, заметки (1968–1992) / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПБ, 2004. — 703 с. — ISBN 5-210-01562-9.
274. Лояльность // Глоссарий по политической психологии: / Российский университет дружбы народов / Под ред. Д. В. Ольшанского. — М., 2003. — С. 142. [Электронная версия печатной публикации]. — Режим доступа: <http://www.vocabulary.ru/dictionary/8/word/lojalnost>. — Дата обращения: 30.10.2022.
275. *Луман Н.* Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского; ред. О. Никифоров. — М.: Логос, 2004. — 232 с. — ISBN 5-8163-0061-х.
276. *Луман Н.* Введение в системную теорию / Под ред. Дирка Беккера; пер. с нем. К. Тимофеевой. — М.: Логос, 2007. — 359 с. — (Библиотека философского журнала ЛОГОС). — ISBN 5-8163-0076-8.
277. *Луман Н.* Общество общества = Gesellschaft der Gesellschaft: В 2 т. / Пер. с нем., ст. А. Антоновского. — М.: Логос, 2011. — (Sociumtxt). — 1280 с. — ISBN 5-8163-0061-х. Т. 1: Общество как социальная система; Медиа-коммуникации; Эволюция. Т. 2: Дифференциация. Самоописание.
278. *Луман Н.* Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Канон+, 2012. — 240 с. — ISBN 978-5-88373-275-0.

279. Любинская Л. Н., Лепилин С. В. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 303 с. — ISBN 5-89826-118-4.
280. Майерс Д. Дж. Социальная психология / Пер. с англ. В. Гаврилов и др. 6-е междунар. изд. — СПб. и др.: Питер, 2001. — 752 с. — (Мастера психологии). — ISBN 5-318-00039-8.
281. Майкапар А. Е. От переводчика / Вступительная статья // Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл; пер. с англ. А. Майкапара. — М., 1996. — С. 5–14.
282. Мак-Дермотт Я., О'Коннор Дж. Краткий глоссарий НЛП // НЛП и здоровье = NLP and health: использование НЛП для улучшения здоровья и благополучия; Предисл. Э. Мелсона; пер. с англ. А. Б. Бродского. — Челябинск, 1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kratkij-glossarij-nlp.slovaronline.com>. — Дата обращения: 03.11.2022.
283. Малкей М. Наука и социология знания / Пер. с англ. А. Л. Великовича. — М.: Прогресс, 1983. — 253 с. — (Обществ. науки за рубежом).
284. Мальро А. Воображаемый Музей: голоса безмолвия / Пер. с фр. К. С. Володина. — М.: КРУК-Престиж, 2005 (М.: ООО Студия <КРУК-Престиж>). — 253 [1] с. ISBN 5-900816-97-4.
285. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. — М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001. — 412 [2] с. — (Культура. Политика. Философия / Московская школа политических исследований). — ISBN 5-93895-024-4.
286. Мамардашвили М. К. Философские чтения. — СПб.: Азбука-классика, 2002. — 823 [1] с. — ISBN 5-352-00221-7.
287. Мамардашвили М. К. Об искусстве осмысления апории // Общая психология: Тексты: В 3 т. / Отв. ред. В. В. Петухов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2004. — Т. 2. Субъект деятельности, кн. 2. — С. 286–331.
288. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. — М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015.
289. Мани Т. Иосиф и его братья: доклад; пер. Ю. Афонькина // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 9. О себе и собственном творчестве, 1906–1954. Статьи, 1908–1929 / Под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова; сост. Е. Закс. — М., 1960. — С. 172–191.
290. Маслоу А. Г. Новые рубежи человеческой природы: как открыть высшие ценности в себе и в мире / Под ред. Г. А. Балла, А. В. Киричука, Д. А. Леонтьева; пер. с англ. Г. А. Балл, А. П. Попогребский. 2-е изд., испр. — М.: Альпина нон-фикшн: Смысл, 2011. — 494 [1] с. — ISBN 978-5-89357-291-9 (Смысл).
291. Математический анализ // Новая мысль: благотворительный фонд [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://novmysl.ru/about_math.html. — Дата обращения: 04.10.2022.
292. Математический аппарат // Научно-образовательная литература: электронная библиотека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://libraryno.ru/matematicheskiy-apparat-mod_el_shem. — Дата обращения: 03.11.2022.
293. Материалистическая диалектика. В 5 т. // Ф. В. Константинов и др.; отв. ред. тома В. П. Петленко; ред. Ф. Ф. Вякерева, А. С. Мамзин, В. Г. Марахов. — М.: Мысль, 1983. Т. 3. Диалектика природы и естествознания — 342 [1] с.

294. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). В 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманитар. ин-та, 2006. Т. 2. — 416 с. — ISBN 5-88812-227-0.
295. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. и ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. — СПб.: Ювента; Наука. — 1999 — 605 с.
296. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. — 672 с.
297. Минковский Г. Пространство и время // Принцип относительности. — М., 1973.
298. Миронов В. В., Иванов А. В. Онтология и теория познания: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Философия». — М.: Гардарики, 2005. — 447 с. — (Disciplinae). — ISBN 5-8297-0248-7.
299. Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? — М., 1999. — 288 с. — ISBN 5-86646-131-5.
300. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике / АН СССР, Ин-т философии. — М.: Наука, 1977. — 192 с.
301. Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. — 3-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 416 с. — ISBN 978-5-382-00433-4.
302. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом, 1997. — № 1/2. — С. 44–53.
303. Морозов А. В. Деловая психология: курс лекций: Учебник для студентов высших и средних специальных учебных заведений. — СПб.: Союз, 2000. — 571 с. — ISBN 5-87852-125-3.
304. Московичи С. Машина, творящая богов / Ин-т «Открытое о-во». — М.: Центр психологии и психотерапии: КПС+, 1998. — 556 с. — (Библиотека социальной психологии).
305. Московичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой / Российская академия наук, Институт психологии, Франция, Дом наук о человеке. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. — 478 с.
306. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. 2-е изд. — М.: Водолей Publishers, 2007. — 368 с.
307. Научно-технический энциклопедический словарь // Словари онлайн [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rus-scientific-technical.slovaronline.com>. — Дата обращения: 02.11.2022.
308. Национальная энциклопедическая служба России (НЭС): открытый образовательный ресурс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vocabulary.ru/>. — Дата обращения: 30.10. 2022.
309. Немов Р. С. Психологический словарь. — М.: Владос, 2007. — 559 [1] с. — ISBN 978-5-691-01515-1.
310. Неретина С. С., Огуцзов А. П. Пути к универсалиям / Ин-т философии РАН. — СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2006. — 999 с. — ISBN 5-88812-219-X.
311. Никифоров А. Л. Факт // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд / Науч.-ред. совет.: В. С. Степин — пред. совета и др. — М., 2010. Т. 4: Т — Я. — С. 157–158.
312. Никифоров А. С. Неврология: полный толковый словарь: терапия, психиатрия и психология, офтальмология, педиатрия, ортопедия и травматология, дермато-

- логия, нейрохирургия, инфекционные болезни. — М.: Эксмо, 2010. — 460 [2] с. — (Медицинская энциклопедия). — ISBN 978-5-699-36740-5.
313. *Николаенко В. Л., Николаенко Л. Г.* Социология культуры: Краткий словарь / Под науч. ред. Н. В. Туленкова, док. соц. наук, проф. — Киев: ИПК ГСЗУ, 2011. — 577 с. — ISBN: 978-617-649-000-5.
 314. *Новиков И. Д.* Научно-технический энциклопедический словарь // Словари онлайн [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rus-scientific-technical.slovaronline.com>. — Дата обращения: 02.11.2022.
 315. Нравственность // Нравственное развитие взрослого человека: основные понятия: Терминологический словарь / П. И. Юнацкевич, В. А. Чигирев, И. В. Савенко, Л. В. Ведмецкая. — СПб., 2009. — С. 24.
 316. Нравственность // Профессионально-этические основы социальной работы: Словарь терминов / О. Е. Костенко. — Омск, 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://voluntary.ru/termin/nravstvennost.html> (дата обращения: 04.11.2022). — Доступ с сайта: Национальная энциклопедическая служба России (НЭС).
 317. Нравственность // Термины по социологии: глоссарий: проект Kidnina.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://voluntary.ru/termin/nravstvennost.html>. — Дата обращения: 29.10.2022.
 318. *Ньюкасл Х.* Большой астрономический словарь. — 1997. — 2500 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mosgorcredit.ru/large-astronomical-dictionary-1/>.
 319. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии / Под ред. и с предисл. Л. С. Полака; пер. с лат. и коммент. А. Н. Крылова; пер. с лат. предметного указ., сост. именного указ. и прил. С. Р. Филоновича. 3-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 704 с. — (Классики науки). — ISBN 978-5-382-00740-3.
 320. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95509. — Дата обращения: 30.10.2022.
 321. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 939 [1] с. — ISBN 5-89285-003-X.
 322. *Окунь Л. Б.* Масса // Физическая энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 3. — С. 50–52.
 323. *Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии: Учебное пособие для вузов. — Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — 494 [1] с. — (Gaudeamus). — ISBN 5-88687-098-9.
 324. *Ольшанский Д. В.* Политический PR. — СПб. и др.: Питер, 2003. — 540 с. — ISBN 5-318-00384-2.
 325. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевич. — М.: Весь мир, 1997. — 700 [1] с. — (Studio et lectio). — ISBN 5-7777-0016-0.

326. *Осипов Г. В., Кара-Мурза С. Г.* Общество знания: переход к инновационному развитию России. — М.: Либроком, 2013. — 368 с. — (Будущая Россия). — ISBN 978-5-397-03101-1.
327. Основные математические понятия: [электронный] словарь // Инфоурок / Учредитель: Курума Холдингс Лимитед. — Смоленск, 2013, окт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://infourok.ru/slovar_osnovnye_matematicheskie_ponyatiya-369524.htm — Дата обращения: 03.11.2022.
328. Основные понятия психодиагностики и экспериментальной психологии: словарь: [400 основных теоретических и практических понятий] / М-во образования Республики Беларусь, Белорусский гос. пед. ун-т им. М. Танка / сост. Юренков В. Н. — Минск: БГПУ, 2006. — 32 [2] с. — ISBN 985-501-181-3.
329. *Патнэм Х. У.* Философия сознания / Пер. с англ. Макеевой Л. Б., Назаровой О. А. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. — 234 с. — (Сеу). — ISBN 5-733-0004-3.
330. *Патнэм Х.* Разум, истина и история / Пер. с англ. Т. А. Дмитриева и М. В. Лебедева. — М.: Праксис, 2002. — 294 с. — (Философия). — ISBN 5-901574-09-5.
331. *Пенроуз Р.* Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики / Пер. с англ. под общ. ред. В. О. Малышенко. — Изд. 4-е. — М.: URSS: Ленанд, 2011. — 398 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему). — ISBN 978-5-9710-1812-4 (ЛЕНАНД).
332. *Перминов В. Я.* Природа математического познания // Философия математики и технических наук: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. проф. С. А. Лебедева. — М.: Академический проспект, 2006. — 779 с. — ISBN 5-882 91-07 48-1.
333. *Петровский А. В.* Общая психология: слов. / Под ред. А. В. Петровского. — М.: Пет Се; СПб.: Речь, 2005 (ППП Тип. Наука). — 250 с. — (Психологический лексикон: Энцикл. слов.: В 6 т.). — ISSN 5-9292-0136-6; ISBN 5-9292-0137-4.
334. *Петтигри Э.* Изобретение новостей. Как мир узнал о самом себе / Пер. А. Громченко и И. Ивановой. — М.: АСТ, 2021. — 496 с. — ISBN 978-5-17-127024-7.
335. *Печенкин А. А.* Введение // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия для вузов / Ин-т «Открытое о-во» / Сост., пер., вступ. ст., ввод. замечания и коммент. А. А. Печенкина. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1996. — С. 5–17.
336. *Пинкер С.* Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу / Пер. с англ. В. П. Мурат, И. Д. Ульяновой. — М.: URSS: Либроком, 2013. — 557 с. — (Философия сознания). — ISBN 978-5-397-03891-1.
337. *Пиц У.* Материальные вознаграждения. Об истории договора было права // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 244–266.
338. *Платон.* Сочинения. В 3 т. / Ред. и авт. вступ. статьи А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1968. — 621 [2] с. — (Философское наследие: ФН).
339. *Платон.* Собрание сочинений: В 4 т. / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. Вл. С. Соловьева и др. — М.: Мысль, 1993. Т. 2. — 860 [1] с. — ISBN 5-244-00451-4.
340. *Платон.* Избранное: Пер. с древнегреч. — М.: Маска, 2018. — 458 с. — ISBN 978-5-907051-80-5.
341. *Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высшая школа, 1984. — 174 с.

342. *Позер Х.* Математика и Книга Природы. Проблема применимости математики к реальности // Эпистемология и философия науки, 2004. — Т. 1. — № 1. — С. 34–52.
343. *Поляков С. Э.* Мифы и реальность современной психологии. — М.: УРСС, 2004 (Казань: ГУП ПИК Идел-Пресс). — 492 с. — ISBN 5-354-00720-8 (в пер.).
344. *Поляков С. Э.* Феноменология психических репрезентаций. — СПб.: Питер, 2011. — 688 с. — (Мастера психологии). — ISBN 978-5-49807-898-4.
345. *Поляков С. Э.* Концепты и другие конструкции сознания. — СПб. и др.: Питер, 2017. — 621 с. — (Мастера психологии). — ISBN 978-5-4461-0363-8.
346. Понимание // Словарь-компендиум психолого-антропологической диагностики: Учебно-методическое пособие / Филонов Л. Б., Ананьева Н. А. / Московский гос. областной ун-т. — М., 2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/ponimanie.html>. — Дата обращения: 31.10.2022. — Доступ с сайта: Национальная энциклопедическая служба России (НЭС).
347. *Поппер К. Р.* Логика и рост научного знания: избранные работы: Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
348. *Поппер К. Р.* Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д. Г. Лахути и др.; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна. — М., 2000. — С. 57–74.
349. *Поппер К. Р.* Лорд Бойл о дуализме фактов и решений в «Открытом обществе» // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д. Г. Лахути и др.; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна. — М., 2000в. — С. 357–363.
350. *Поппер К. Р.* Объективное знание: эволюционный подход / Пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. — М.: УРСС, 2002. — 381 с. — ISBN 5-8360-0327-0.
351. *Поппер К. Р.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия: Пер. с англ. / Послесл. И. В. Журавлева. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 256 с.
352. *Порус В. Н.* О перспективах эпистемологии // Наука в культуре / Ин-т философии РАН / Под ред. В. Н. Поруса. — М., 1998. — С. 210–236.
353. *Пратканис Э. Р.* Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Р. Пратканис, Э. Аронсон / Ун-т Калифорнии, Санта-Круз. 3-е изд., междунар. — М.: ОЛМА-Пресс; СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. — 380 [1] с. — (Психологическая энциклопедия). — ISBN 5-93878-046-2.
354. *Пригожин И. Р.* Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / Сост. и отв. ред. В. А. Копчик. — М., 2002. — С. 15–21.
355. *Пригожин И. Р., Стенгерс И.* Время, хаос, квант: к решению парадокса времени / Пер. с англ. Ю. А. Данилов. 5-е изд., испр. — М.: УРСС, 2003. — 239 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему). — ISBN 5-354-00268-0.
356. Природа // Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и др.; под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Советская энциклопедия, 1939. Т. 3. — Стб. 843–844.
357. Природа математического познания // Философия математики и технических наук: Учебное пособие для студентов, соискателей и аспирантов технических

- специальностей / С. А. Лебедев, В. Я. Перминов, Н. М. Твердынин и др.; под общ. ред. С. А. Лебедева. — М., 2006. — С. 25–69.
358. *Прохоров А. М.* Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Сов. энцикл., 1983. — 928 с.
359. *Пруст М.* В поисках утраченного времени. Т. 1. — 2015. — 1071 с. — ISBN 978-5-9905505-3-7.
360. Психологическая энциклопедия // Национальная энциклопедическая служба России (НЭС) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vocabulary.ru>. — Дата обращения: 02.11.2022.
361. Психологическая энциклопедия: Пер. с англ. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; науч. ред., пер. на рус. яз. А. А. Алексеева. 2-е изд. — СПб. и др.: Питер, 2003. — 1094 [1] с. — ISBN 5-272-00018-8.
362. Психология личности: Словарь-справочник / Под ред. П. П. Горностая, Т. М. Титаренко. — К.: Рута, 2001. — 320 с.
363. *Пуанкаре А.* О науке: Сборник: Пер. с фр. / Под ред. Л. С. Понтрягина. — М.: Наука, 1983. — 560 с.
364. *Пушкин А. С.* «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» // Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3, кн. 1. — С. 424.
365. *Пушкин А. С.* Капитанская дочка // Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред., со вступ. статей и примеч. Д. Д. Благого. — М., 1969. Т. 4: Романы в стихах. Художественная проза. — 1969. — 478 с. — Из содерж.: Гл. 7. Приступ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/107/p.7/index.html>. — Дата обращения: 01.11.2022.
366. *Райл Г.* Понятие сознания: Пер. с англ. / Общ. науч. ред. В. П. Филатов. — М.: Идея-пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. — 406 с. — (Университетская библиотека. Философия). — ISBN 5-7333-0011-6.
367. *Райнах А.* Априорные основания гражданского права // Антология реалистической феноменологии. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006в. — 744 с. — С. 319–360, 543–613.
368. *Рао К. Р.* Сознание // Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; науч. ред. пер. на рус. яз. А. А. Алексеева. 2-е изд. — СПб. и др., 2006. — С. 818–821.
369. *Ранай К.* Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему; пер. с англ. У. Саламатова / Московская шк. упр. «Сколково». 2-е изд. — М.: Юнайтед пресс, 2010. — 166 с. — ISBN 978-5-904522-46-9.
370. *Рассел Б.* Искусство мыслить / Общ. ред., сост. и предисл. О. А. Назаровой. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. — 240 с. — ISBN 5-733-0007-8.
371. *Рассел Б.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней = History of western philosophy and its connection with political and social circumstances from the earliest times to the present day: В 3 кн.: Пер. с англ. / Подгот. текста и науч. ред. В. В. Целищева; вступ. ст. В. Смоленкова, Р. Светлова. — СПб.: Азбука, 2001а. — 956 [1] с. — ISBN 5-267-00350-6.
372. *Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы: Пер. с англ. — Киев: Ин-т общегуманитар. исслед.; М.: Ника-центр, 2001б. — 555 [1] с. — (Проблема человека; вып. 2). — ISBN 5-88230-011-8.

373. *Рассел Б.* Избранные труды / Пер. с англ. В. В. Целищев, В. А. Суровцев. — Новосибирск: Сибирское унив. изд-во, 2009. — 257 [2] с. — (Пути философии). — ISBN 978-5-379-01184-0.
374. *Рассел Б.* Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии: Пер. с англ. / Общ. ред., посл. и примеч. А. Ф. Грязнова. — М.: Республика, 2000. — С. 155–300.
375. Реальность // Психологический словарь / Р. С. Немов. — М., 2007. — С. 363–364.
376. *Ребер. А.* Большой толковый психологический словарь. В 2 т. / Пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. — М.: Вече: АСТ, 2001. Т. 1: А–О. — 591 с.
377. *Ребер. А.* Большой толковый психологический словарь. В 2 т. / Пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. — М.: Вече: АСТ, 2001. Т. 2: П–Я. — 560 с.
378. *Режабек Е. Я.* В поисках рациональности: Статьи разных лет. — М.: Академический проект, 2007. — 383 с. — (Технологии философии). — ISBN 978-5-8291-0876-2.
379. *Режабек Е. Я.* Мифомышление: когнитивный анализ. 3-е изд. — М.: URSS: Ленанд, 2017. — 302 с. — ISBN 978-5-9710-4762-9.
380. *Риккерт Г.* Философия жизни. — Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. — 505 с. ISBN: 966-521-097-1.
381. РМГ 29-2013. Государственная система обеспечения единства измерений. Метрология. Основные термины и определения: введен 2015-01-01 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200115154>. — Дата обращения: 30.10.2022.
382. *Робинсон Д.* 101 ключевая идея: психология: Пер. с англ. — М.: Гранд: Фаир-Пресс, 2001. — 214 [1] с. — (Грандиозный мир: ГМ). — ISBN 5-8183-0348-9.
383. *Розин В. М.* Психология: наука и практика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям ОПД.Ф.01. — Психология / Российский гос. гуманитар. ун-т. — М.: РГГУ: Омега-Л, 2005. — 542 [1] с. — (Humanitas: Учебник для высшей школы). — ISBN 5-98119-215-1.
384. *Розов М. А.* Инженерное конструирование в научном познании // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. акад. РАН В. А. Лекторский. — М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 197–215.
385. *Розин В. М.* Европейское время и китайский сезон в горизонте современного варианта феноменологии // Судьба европейского проекта времени: Сборник статей / Российский ин-т культурологии / Редкол.: О. К. Румянцев (отв. ред.) и др. — М., 2009. — С. 94–120.
386. *Розова С. С.* Методологические основы психологии: Учебное пособие. В 3 ч. / М-во образования и науки РФ, Новосибирский гос. ун-т, фак. психологии. — Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2013. Ч. 2. — 258 с. — ISBN 978-5-4437-0188-2.
387. *Рудой Ю. Г.* Вес // Физическая энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М., 1988. Т. 1. — С. 262.
388. *Рэндалл Л.* Закрученные пассажи: проникая в тайны скрытых размерностей пространства: Пер. с англ. / Науч. ред. И. П. Волобуев. — М.: URSS, 2011. — 397 с. — ISBN 978-5-453-00015-9 (URSS).
389. *Самарский А. А., Михайлов А. П.* Математическое моделирование: идеи, методы, примеры. 2-е изд., испр. — М.: Физматлит, 2001. — 316, [4] с. — ISBN 5-9221-0120-X.

390. Самая короткая единица времени: фантастическое открытие // *Новости-24 = AllDaily* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://alldaily.ru/2020/10/19/sozdana-sverxprochnaya-alternativa-armirovannomu-betonu>. — Дата публикации: 19.10.2020.
391. *Самсонов Ю. Б.* Измерение // БСЭ. 3-е изд. — М., 1972. Т. 10. — С. 77–79.
392. Семейный кодекс Российской Федерации в действующей редакции с комментариями по статьям СК РФ и судебной практикой // *Кодексы и законы: правовая навигационная система* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/sk/>. — Дата обращения: 30.10.2022.
393. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. — М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. — 654 [1] с. — (Филологи мира). — ISBN 5-01-002079-3 (в пер.).
394. *Сергеева Т. Б.* Словарь-справочник по философии для студентов лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов; Ставропольский гос. медицинский ун-т. — Ставрополь: СтГМА, 2009. — 160 с. — Электронная версия доступна по ссылке: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/medical-students/index.htm>.
395. *Серл Дж.* Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 240 с. — (Университетская библиотека. Философия). — ISBN 5-7333-0038-8.
396. *Серл Дж.* Что такое речевой акт? / Пер. И. М. Кобозевой с. 56–74 // *Философия языка* / Дж. Р. Серл (редактор-составитель). — М.: Едиториал УРСС, 2010. — 208 с. — (Аналитическая философия). — ISBN 978-5-354-01214-5.
397. *Скворцова М.* Математическое моделирование // *Математика*, 2003. — № 14 (484) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mat.1sept.ru/view_article.php?ID=200301401. — Дата обращения: 04.10.2022.
398. *Скороходова О. И.* Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир / Предисл. В. Чулкова. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Педагогика, 1990. — 410 [3] с. — ISBN 5-7155-0414-7.
399. *Словарь Л. С. Выготского* / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, фак. психологии / Е. Н. Высоцкая и др.; под ред. А. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2004. — 118 [1] с. — ISBN 5-89357-169-X.
400. *Словарь основных этнографических (этнологических) понятий и терминов* / И. К. Авилова / М-во образования Российской Федерации, Дальневост. гос. ун-т. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — 157 [1] с. — ISBN 5-7444-1016-3.
401. *Словарь практического психолога* / Сост. С. Ю. Головин. — Минск: Харвест, 1998. — 798 [1] с. — ISBN 985 433 167 9.
402. *Словарь русского языка (МАС): В 4 т.* / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. 4-е изд., стер. — М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. — ISBN 5-200-02672-5 (Рус. яз.).
403. *Словарь терминов межкультурной коммуникации* / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. — М.: Флинта: Наука, 2013. — 628 [1] с. — ISBN 978-5-9765-1083-8 (Флинта), ISBN 978-5-02-037446-1 (Наука).
404. *Словарь философских терминов* / Науч. ред. В. Г. Кузнецова. — М.: Инфра-М, 2004. — XV [1], 729 [1] с. — (Библиотека словарей «Инфра-М»: БСИ). — ISBN 5-16-000559-5.

405. *Смит Н.* Современные системы психологии: история, постулаты, практика / Пер. с англ. под общ. ред. А. А. Алексеева. — СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Нева, 2003. — 382 с. — (Психологическая энциклопедия). — ISBN 5-93878-082-9.
406. *Смит Р.* Быть человеком: историческое знание и сотворение человеком природы / Пер. с англ. Ирины Мюрберг. — М.: Канон+, 2014. — 367 с. — ISBN 978-5-88373-405-1.
407. *Сморodinский Е. А.* Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 928 с.
408. Событие: 4 определения // Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/sobytye.html>. — Дата обращения: 30.10.2022. — Доступ с сайта: Национальная энциклопедическая служба России (НЭС).
409. Сознание / Военно-психологический словарь-справочник: Учебное пособие / Л. А. Кандыбович и др.; под общ. ред. Ю. П. Зинченко / О-во психологов силовых структур. — М., 2010. — С. 268–269.
410. Сознание // Большой психологический словарь / Авдеева Н. Н. и др.; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — 3-е изд., доп. и перераб. — СПб.: 2007. — С. 466–469.
411. Сознание // Глоссарий основных терминов К. Г. Юнга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://carljung.ru/node/329>. — Дата обращения: 30.10.2022.
412. Сознание // Краткий словарь системы психологических понятий: Учеб. пособие для учеб. заведений проф.-техн. образования / Платонов К. К. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1984. — С. 134–135.
413. Сознание // Психологический словарь / Р. С. Немов. — М., 2007. — С. 401–403.
414. *Соколов В. Е.* Пятиязычный словарь названий животных = A dictionary of animal names in five languages: латинский, русский, английский, немецкий, французский. Млекопитающие. — М.: Русский язык, 1984. — 351 с.
415. *Соммер Д. С.* Развитие внутреннего мира / Пер. с исп. — М.: Научная книга, 2008. — 357 с. — ISBN 978-5-91393-022-4.
416. *Сорокин П. А.* Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов; пер. с англ. С. А. Сидоренко. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
417. *Сорокин Ю. А.* Этнос, сознание, культура, язык // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия: Учебное пособие / Сост. К. Ф. Седова. — М.: Лабиринт, 2007. — С. 8–3.
418. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера; под ред. и с примеч. Р. И. Шор; пер. со второго фр. изд. А. М. Сухотина. 3-е изд., стер. — М.: URSS, 2006. — 271 [1] с. — (Лингвистическое наследие XX века). — ISBN 5-484-00501-9.
419. Социологическая энциклопедия // Национальная энциклопедическая служба России (НЭС) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://voluntary.ru>. — Дата обращения: 02.11.2022.
420. Социология: Словарь / Уральская академия гос. службы; сост. Т. Е. Зерчанинова. — Екатеринбург: УРАГС, 2006. — 64 с.
421. Социология организаций и управления: Словарь основных понятий / Смоленский гос. ун-т / Сост. А. И. Фоменков. — Смоленск: СГПУ, 2005. — 168 с.

422. *Спенсер Г. Л.* Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. — Минск: Современный литератор, 1998. — 1407 с. — (Классическая философская мысль: КФМ). — ISBN 985-6524-02-4.
423. *Спиноза Б.* Этика. // Избранные произведения: В 2 т. — М., 1957. Т. 1. — С. 361–362.
424. *Спиридонов О. П.* Универсальные физические постоянные: Книга для внеклассного чтения учащихся 8–10 классов. — М.: Просвещение, 1984. — 160 с. — (Мир знаний).
425. *Степин В. С.* Основания науки и их социокультурная размерность // Наука в культуре / Ин-т философии РАН / Под ред. В. Н. Поруса. — М., 1998. — С. 65–81.
426. *Степин В. С.* Цивилизация и культура / Санкт-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов. — СПб.: СПбГУП, 2011. — 407 с. — (Классика гуманитарной мысли; вып. 3). — ISBN 978-5-7621-0612-2.
427. *Стоименов Й. А.* Психиатрический энциклопедический словарь / Й. А. Стоименов, М. Й. Стоименова, П. Й. Коева и др. — София: МАУП, 2003. — 1200 с.
428. *Страус Э.* Эстеziология и галлюцинации // Экзистенциальная психология / Под ред. Ролло Мэя. Экзистенция: новое измерение психиатрии и психологии / Под ред. Ролло Мэя и др.; Пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. — М., 2001. — С. 251–286.
429. Структурный психоанализ: Ж. Лакан // Психология личности: Словарь-справочник / Ред. Горностай П., Титаренко Т. — Киев: Рута, 2001 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://uchebilka.ru/pshologiya/6098/index.html?page=22>. — Дата публикации: 04.06.2013.
430. *Судзуки Д. Т.* Основные принципы буддизма Махаяны. — СПб.: Наука, 2002. — 382 с. — ISBN 5-02-026180-7.
431. Такт // Социология культуры: краткий словарь / В. Л. Николаенко, Л. Г. Николаенко; под науч. ред. Н. В. Туленкова / М-во социальной политики Украины, Ин-т подготовки кадров гос. службы занятости Украины. — Киев, 2011. — С. 477.
432. *Тард Г.* Законы подражания / Пер. с фр. — М.: Академический проект, 2011. — 302 [1] с. — (Психологические технологии). — ISBN 978-5-8291-1329-2 (в пер.).
433. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа / Пер. с фр. под ред. П. Когана. — М.: АСТ, 2021. — 264 [2] с. — (Philosophy). — (Философия — Neoclassic). — ISBN 978-5-17-134422-1.
434. Творчество: теория, диагностика, технологии: Словарь-справочник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям педагогического образования и научно-педагогических работников высших учебных заведений / А. Б. Афанасьева и др.; под общ. ред. Т. А. Барышевой // Научно-методические материалы «Междисциплинарные исследования и гуманитарные технологии» / Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена — СПб.: Книжный Дом, 2008. — 293 [2] с. — ISBN 978-5-94777-145-9.
435. *Тейлор С.* Покорение времени: как время воздействует на нас, а мы на время / Пер. с англ.: Н. Лисова. — М.: Альпина нон-фикшн: АНФ, 2010. — 255 с. — ISBN 978-5-91671-055-7.
436. *Тейлор Э. Ф., Уилер Дж. А.* Физика пространства-времени / Пер. с англ. Н. В. Мицкевича. — М.: Мир, 1969. — 254 с.
437. *Тен Раа Э.* Генеалогический метод в анализе мифа и структурная модель / Пер. М. В. Тростникова // Антология исследований культуры. Отражения культуры:

- Переводы оригинальных текстов / Пер. Р. Котовой и др.; сост. Л. А. Мостова; ред. А. В. Матешук. — М., 2011. — С. 236–272.
438. Тимофеев А.И. Концепции народного духа у Г. Гегеля и И. Ильина // Россия: прошлое, настоящее, будущее / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. / Отв. ред. М. С. Уваров. — СПб.: Издательство БГТУ, 1996. — С. 67.
 439. Толковый словарь русского языка: В 4 т.: [электронная версия] / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и др.; под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. Т. 4. Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека (ФЭБ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>. — Дата обращения: 30.10.2022.
 440. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — М., 1988. — С. 7–60.
 441. Традиции // Этнология: Словарь: основные понятия и термины: Учебное пособие / И. К. Авилова. — Владивосток, 2005. — С. 141–142.
 442. Традиции // Военно-психологический словарь-справочник: Учебное пособие / Л. А. Кандыбович и др.; под общ. ред. Ю. П. Зинченко / О-во психологов силовых структур. — М., 2010. — С. 303.
 443. Традиции // Социология: Словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://voluntary.ru/termin/tradicii.html>. — Дата обращения: 04.11.2022. — Доступ с сайта: Национальная энциклопедическая служба России (НЭС).
 444. Триандис Г. К. Культура и социальное поведение: Учебное пособие / Иллинойский университет / Пер. с англ. В. А. Соснина. — М.: Форум, 2007. — 382 с. — ISBN 978-5-91134-107-7.
 445. Трубецкой Е. Н. Мировая бессмыслица и мировой смысл // Смысл жизни. — М., 1994. — С. 25–52.
 446. Уайт Л. Наука о культуре: Избранное / Пер. с англ. О. Р. Газизова, П. В. Резвых. — М.: РОССПЭН, 2004. — 959 с. — (Культурология. XX век). — ISBN 5-8243-0480-7.
 447. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699. — Дата обращения: 03.11.2022.
 448. Узнадзе Д. Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; под ред. И. В. Имедадзе. — М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. — 413 с.: ил. — (Живая классика). — ISBN 5-469-00020-6.
 449. Уилер Дж. А. Предвидение Эйнштейна / Пер. с нем. В. Г. Лапчинского; под ред. К. П. Станюковича. — М.: Мир, 1970. — 112 с.
 450. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание // Языки как образ мира / Сост. К. Королева. — М.; СПб., 2003. — С. 157–201.
 451. Уорф Б. Л. Язык, мышление и действительность / Пер. М. В. Тростникова // Антология исследований культуры. Отражения культуры: Переводы оригинальных текстов / Пер. Р. Котовой и др.; сост. Л. А. Мостова; ред. А. В. Матешук. — М., 2011. — С. 96–128.
 452. Успенский В. А. Апология математики. — СПб.: Амфора, 2010. — 552 [2] с. — (Новая Эврика). — ISBN 978-5-367-00689-6.

453. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946, с изм. от 24.05.1973 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901977493>. — Дата обращения: 30.10.2022.
454. Учебный словарь и персоналии по возрастной и педагогической психологии / Кыргызско-российский славянский ун-т, гуманитар. фак., кафедра психологии / Сост. В. П. Иванова, Н. Н. Палагина; под общ. ред. Н. Н. Палагиной. — Бишкек: КРСУ, 2002. — 198 с. — ISBN 9967-405-87-2.
455. Факт // Большой психологический словарь / Авдеева Н. Н. и др.; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — 3-е изд., доп. и перераб. — СПб., 2007. — С. 513.
456. *Фейнман Р. Ф., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике: В 7 вып. Вып. 1/2. Современная наука о природе. Законы механики. Пространство. Время. Движение / Пер. с англ. А. В. Ефремова, Г. И. Копылова, О. А. Хрусталева; под ред. Я. А. Смородинского. 5-е изд. — М.: URSS, 2007. — 438 [1] с.
457. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса / Пер. с англ. А. А. Анистратенко, И. Знаешевой. — М.: Э, 2018. — 251 с. — (Классика психологии). — ISBN 978-5-699-95705-7.
458. Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 928 с.
459. *Филонов Л. Б., Ананьева Н. А.* Словарь психолого-антропологической диагностики: Учебно-методическое пособие. — М.: Изд-во МГОУ, 2006. — 113 с.
460. Философская энциклопедия: В 5 т. / Науч. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Ин-т философии Акад. наук СССР / Глав. ред. Ф. В. Константинов. — М.: Советская энциклопедия, 1960–1970. Т. 5.
461. Философские взгляды Бертрانا Рассела = Bertrand Russell's philosophical views // Wiki [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.abcdef.wiki/wiki/Bertrand_Russell%27s_philosophical_views. — Дата обращения: 02.11.2022.
462. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Короблева, В. А. Лутченко. — М.: Инфра-М, 1997. — 574 [1] с. — (Библиотека словарей «Инфра-М»: БСИ). — ISBN 5-86225-403-X.
463. *Финн В. К.* Интеллект, информационное общество, гуманитарное знание и образование: понятийные и логические основания искусственного интеллекта. Гуманитарное знание и когнитивные исследования в информационном обществе. Образовательные программы для искусственного интеллекта / Предисл. В. А. Лекторского / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Рос. акад. наук. — М.: URSS: Ленанд, 2021. — 463 с. — (Науки об искусственном). — SBN 978-5-9710-8474-7.
464. *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. — М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуал. книги, 1999. — 208 с. — (CEU). — ISBN 5-7333-0018-3.
465. *Фреге Г.* Логические исследования: Сборник: Перевод / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Суровцева. — Томск: Водолей, 1997. — 127 [1] с. — (Библиотека аналитической философии). — ISBN 5-7137-0075-5.

466. *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сборник произведений: Перевод / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. — М.: Просвещение, 1989. — 447 [1] с. — ISBN 5-09-001616-X.
467. *Фримен Ю., Сколимовский Г.* Поиск объективности у Пирса и Поппера // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д. Г. Лахути и др.; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна. — М., 2000. — С. 222–279.
468. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э. Телятниковой. — М.: АСТ, 2004. — 635 [2] с. — (Philosophy). — ISBN 5-17-023209-8: 5000.
469. *Фуко М.* Археология знания / Пер. Ракова М. Б. — СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. — 416 с. — ISBN: 5-93762-034-8.
470. *Фюстель де Куланж Ж. Д.* Древняя гражданская община = La cité antique: Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима / Пер. с фр. Н. Н. Спиридонова. Изд. 3-е, репр. — М.: URSS, 2010. — 351 с. — (Академия фундаментальных исследований: история (АФИ)). — ISBN 978-5-396-00298-2.
471. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. Сост., пер., вступит. ст., ком. и указатели В. В. Библихина. — М.: Республика, 1993. — 447 с. — (Мыслители XX в.). — ISBN 5-250-01496-8.
472. *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Начальные вопросы философии естественных наук / Пер. с англ. С. Кузнецов. — М.: Логос, 1998. — 291 с. — (Пирамида: б-ка журн. «Логос»). — ISBN 5-7333-0394-8.
473. *Харре Р.* Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 118–133.
474. *Харт Д. Л.* Классическая юнгианская школа // Кембриджское руководство по аналитической психологии / Под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даусона; Пер. И. Золотова и др. 2-е изд. — М., 2007. — С. 143–158.
475. *Хахлвег К., Хукер К.* Эволюционная эпистемология и философия науки // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия для вузов / Ин-т «Открытое о-во»; сост., пер., вступ. ст., ввод. замечания и коммент. А. А. Печенкина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1996. — С. 158–198.
476. *Холл Л. М., Боденхаммер Б.* 51 метапрограмма НЛП: прогнозирование поведения, «чтение» мыслей, понимание мотивов / Пер. С. Рысева. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. — 347 с. — (Лучшие психотехнологии мира). — ISBN 978-5-93878-198-6 (Психология — лучшее).
477. *Хьелл Л. А., Зиглер Д.* Теории личности: Основные положения, исслед. и применение: Учеб. пособие для психол. фак., психол. дисциплин гуманитар. фак. вузов РФ: Пер. с англ. — СПб.: Питер-пресс, 1997. — 606 с. — (Мастера психологии). — ISBN 5-88782-044-6 (в пер.).
478. *Хьюбнер К.* Прогресс от мифа, через логос — к науке?: Доклад на симпозиуме «Научные и вненаучные формы мышления» // Наука в культуре / Ин-т философии РАН / Под ред. В. Н. Поруса. — М., 1998. — С. 250–260.
479. *Ценности / Психологический словарь / Р. С. Немов.* — М., 2007. — С. 472–473.

480. Ценности // Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. 2-е изд. — СПб. и др.: Питер, 2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/cennosti.html>. — Дата обращения: 03.11.2022. — Доступ с сайта: Национальная энциклопедическая служба России (НЭС).
481. Ценности // Эпидемиологический словарь / Под ред. Дж. М. Ласта для Междунар. эпидемиологической ассоц.; лит. подгот. текста А. В. Полуниной; пер. с англ. А. Никольской. 4-е изд. — М., 2009. — С. 242.
482. Церемония // Социология культуры: Краткий словарь / В. Л. Николаенко, Л. Г. Николаенко; под науч. ред. Н. В. Туленкова / М-во социальной политики Украины, Ин-т подготовки кадров гос. службы занятости Украины. — Киев, 2011. — С. 505.
483. *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. 2-е изд., доп. — М.: Современник, 1989. — 621 [2] с. — (Б-ка «Любителям рос. словесности». Из литературного наследия). — ISBN 5-270-00694-4.
484. *Чаадаев П. Я.* Философические письма. — М.: РИМИС, 2011. — 268, [2] с. — ISBN 978-5-9650-0081-4.
485. *Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С.* Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя! Агрессия, лидерство, альтруизм, конфликт, группы / Науч. ред. А. Л. Свенцицкий; пер. с англ. Н. Миронов и др. — 3-е междунар. изд. — СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Изд. дом «Нева»; 2002. — 254 с. — (Главный учебник). — ISBN 5-93878-077-2.
486. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В. В. Васильева. — М.: URSS: Либроком, 2013. — 509 с. — (Философия сознания). — ISBN 978-5-397-03778-5 (ЛИБРОКОМ). — Электронная версия доступна по ссылке: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/55714/chitat_knigu.shtml.
487. Человек: анатомия, физиология, психология. Энциклопедический иллюстрированный словарь / Под ред. А. С. Батуева, Е. П. Ильина, Л. В. Соколовой. — СПб.: Питер, 2011. — 672 с. — ISBN 978-5-4237-0233-5.
488. *Чуковский К. И.* От двух до пяти / Предисл. Ю. А. Сорокина; послесл. А. Г. Арушановой. — М.: Педагогика, 1990. — 381 [3] с. — ISBN 5-7155-0258-6.
489. *Шадриков В. Д.* Мир внутренней жизни человека. — М.: Логос, 2006. — 389 с. — ISBN 5-98704-081-7.
490. *Шарден П. де Т.* Феномен человека: Сборник очерков и эссе: Пер. с фр. / сост. и предисл. В. Ю. Кузнецова. — М.: АСТ, 2002. — 553 с. — ISBN 5-17-009886-3.
491. *Швырев В. С.* Протокольные предложения // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд / Науч.-ред. совет.: В. С. Степин — пред. совета и др. — М., 2010. Т. 3: Н — С. — С. 378.
492. *Шевцов А. А.* Очищение. В 3 т. — СПб.: Академия самопознания: Тропа Троянова, 2004. Т. 1. Организм. Психика. Тело. Сознание. — 854 [1] с. — (Школа самопознания).
493. *Шелдрейк Р.* Семь экспериментов, которые изменят мир: самоучитель передовой науки: Пер. с англ. А. Ростовцева. — М.: Издательский дом «София», 2004. — 432 с. — ISBN 5-9550-0312-6.
494. *Шелер М.* Проблемы социологии знания / Пер., коммент., послесл. А. Н. Малинкина. — М.: Ин-т гуманитар. исслед., 2011. — 302 [1] с. — (Книга света). — ISBN 978-5-88230-265-7.

495. *Шеллинг Т. К.* Микромотивы и макроповедение / Пер. с англ. И. Кушнаревой. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. — 334 [1] с. — ISBN 978-5-93255-463-0.
496. *Широков К. П.* Измерение // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse/Измерение>. — Дата обращения: 02.11.2022. — Доступ с сайта: GUFO.me: словари и энциклопедии.
497. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление / Пер. Ю. И. Айхенвальд. — Минск: Харвест, 2011. — 848 с.
498. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. / Пер. с нем. И. И. Маханькова. — М.: Айрис-пресс, 2006. Т. 1. Образ и действительность. — 528 с. — (Библиотека истории и культуры).
499. *Шпет Г. Г.* Собрание сочинений. В 11 т. / Сост. и отв. ред. Т. Г. Щедрина. — М.: РОССПЭН, 2007. Т. 4. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. — 710 [1] с. — ISBN 5-8243-0656-7. — Электронная версия доступна по ссылке: <https://www.litmir.me/bd/?b=190620>.
500. *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольта. 4-е изд. — М.: URSS, 2009. — 217 [1] с. — (История лингвофилософской мысли). — ISBN 978-5-397-00733-7.
501. *Шпет Г. Г.* Философия и наука. Лекционные курсы / Отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедрина. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 496 с. — (Российские Пропилеи).
502. *Шредингер Э.* Мой взгляд на мир / Пер. с нем. Р. В. Смирнова. — М.: URSS, 2005. — 145 [1] с. — ISBN 5-484-00102-1.
503. *Шредингер Э.* Разум и материя. — М.; Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2000. — 97 с. — ISBN 5-93972-025-0.
504. *Шюц А.* Феноменология и социальные науки // Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. В. Г. Николаева и др.; сост. Н. М. Смирнова; общ. и науч. ред., послесл. Н. М. Смирновой. — М., 2004. — 1054 [1] с. — Электронная версия доступна по ссылке: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/shutz-izbr-mir-a.htm#_Toc160182567.
505. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в социальных науках / Сокр. пер. с англ. Н. М. Смирновой // Философия науки: эпистемология, методология, культура: Хрестоматия: Учебное пособие для гуманитарных и негуманитарных направлений и специальностей вузов России / Моск. пед. гос. ун-т, каф. философии / отв. ред.-сост. Л. А. Микешина; науч. ред. Т. Г. Щедрина. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2006. — С. 736–744.
506. *Эддингтон А.* Пространство, время и тяготение / Пер. с англ., предисл. и примеч. Ю. Г. Рабиновича. 2-е изд., стер. — М.: УРСС, 2003. — 216 [1] с. — ISBN 5-354-00367-9.
507. *Эйнштейн А.* Мир, каким я его вижу / Пер. А. Бродоцкая. — М.: АСТ; Прайм, 2016. — 200 [4] с. — (Золотой фонд науки). — ISBN 978-5-17-093977-0.
508. *Эйнштейн А.* Основы общей теории относительности // Собрание научных трудов: В 4 т.: Перевод / Под ред. И. Е. Тамма и др. — М., 1965. Т. 1. — С. 452–505.
509. *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики: развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов / Пер. с англ. и послесл. С. Г. Суворова. 3-е изд., испр. — М.: Наука, 1965. — 327 с.

510. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов: В 4 т. / Под ред. И. Е. Тамма и др. — М.: Наука, 1967. Т. 4. — 700 с.
511. Экономика и право: Словарь-справочник / Авт.-сост.: Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. — М.: Вуз и школа, 2004. — 1070 [1] с. — ISBN 5-94378-062-9.
512. *Элленбергер Г.* Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенция: новое измерение психиатрии и психологии / Под ред. Ролло Мэя и др.; пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. — М., 2001. — С. 201–236.
513. *Эллис Дж. Ф. Р.* Бог и современная наука // Великие мыслители о великих вопросах: Современная западная философия / Пер. с англ. К. Савельева. — М.: Фаир-Пресс, 2001. — 400 с. — (Грандиозный мир). — ISBN 5-818340183-4 (рус.); ISBN 85168-144-2 (англ.).
514. *Эльстер Ю.* Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / Пер. с англ. И. Кушнаревой / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 472 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0821-3 (в пер.).
515. *Эммонс Р. А.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ. А. В. Лызлова; под ред. и с предисл. Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2004. — 414 с. — (Точка роста). — ISBN 5-89357-152-5.
516. *Энгельс Ф.* Сочинения. 2 изд. — М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. — 745 с.
517. Энциклопедический иллюстрированный словарь. Человек: анатомия, физиология, психология // Под ред. А. С. Батуева, Е. П. Ильина, Л. В. Соколовой. — СПб.: Питер, 2011. — 672 с. — ISBN: 978-5-4237-0233-5.
518. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (сводный): составлен по различным изданиям // NIV: Наука, искусство, величие [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/index.htm>. — Дата обращения: 02.11.2022.
519. Энциклопедия социологии // Сост. А. Антинази [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm>.
520. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Российская акад. наук, Ин-т философии РАН / Редкол.: И. Т. Касавин (гл. ред. и сост.) и др. — М.: Канон+, 2009. — 1247 с. — ISBN 978-5-88373-089-3.
521. *Эпендиев М. Б.* Основы математики: квинтэссенция всех разделов в доступном изложении. Изд. 2-е, испр. — М.: URSS, 2022. — 324 [1] с. — ISBN 978-5-9710-9790-7.
522. *Эренгросс Б. А., Апресян Р. Г., Ботвинник Е. А.* Культурология: Учебник для вузов. — М.: Оникс, 2007. — 480 с. — ISBN: 5-488-00584-6.
523. Этнопсихологический словарь / Акад. пед. и социал. наук, Моск. психол.-социал. ин-т / Г. Н. Волков и др.; под ред. В. Г. Крысько. — М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 1999. — 342 с. — (Библиотека психолога). — ISBN 5-89502-058-5.
524. *Юм Д.* Сочинения: В 2 т. / Пер. с англ. С. Царетелли и др.; вст. А. Ф. Грязнова; примеч. И. С. Нарского. 2-е изд.; доп. и испр. — М.: Мысль, 1996. Т. 1. — 733 с.
525. *Юнг К. Г.* Архетип и символ / Пер.; предисл. А. М. Руткевича; примеч. В. М. Бакусева и др. — М.: Ренессанс, 1991а. — 297 [2] с. — (Страницы мировой философии). — ISBN 5-7664-0462-X.

526. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного: Электронная публикация: // Архетип и символ: Перевод / Предисл. А. М. Руткевича; примеч. В. М. Бакусева и др. — М., 1991б [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4232>. — Дата обращения: 03.11.2022.
527. Юнг К. Г. Психология бессознательного: Пер. с нем. / Вступ. ст. В. Бакусева. — М.: Канон, 1994а. — 317 [2] с. — (История психологии в памятниках). — ISBN 5-88373-002-7.
528. Юнг К. Тэвистокские лекции. — СПб.: МЦНК и Т «Кентавр», 1994б. — ISBN 5-91181-556-7, 978-5-91181-556-1.
529. Юнг К. Г. Психологические типы / Пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В. Зеленским; под общ. ред. и с послесл. В. Зеленского; предисл. Э. Метнера. — СПб.: Ювента; М.: Прогресс, 1995а. — 715 [1] с. — (Библиотека зарубежной психологии). — ISBN 5-87399-035-2 (в пер.).
530. Юнг К. Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее: Статьи: Перевод / Сост. В. Зеленский, А. Руткевич; предисл. А. Руткевича; послесл. В. Зеленского / Ин-т общегуманитар. исслед. — М.: Мартис, 1995б. — 309 с. — (Классики зарубежной психологии). — ISBN 5-7248-0034-9.
531. Юнг К. К феноменологии духа в сказке / Пер. и прим. В. Бакусева в кн. «Культурология. XX век. Антология». — М.: Юрист, 1995в. — 703 с. — (Лики культуры.)
532. Юнг К. Г. Психологические типы / Пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В. Зеленским; под общ. ред. В. Зеленского; предисл. Э. Метнера. — М.: АСТ; СПб.: Университетская книга, 1996а. — 715 [1] с. — (Классики зарубежной психологии). — Электронная версия доступна по ссылке: <https://www.yourdreams.ru/biblio/pages/carl-gustav-jung-pt-61.php> (дата обращения: 02.11.2022).
533. Юнг К. Г. Психологические аспекты архетипа матери // Структура психики и процесс индивидуации: Сборник статей: Перевод / Послесл. А. В. Брушлинского; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. — М., 1996б. — С. 30–50.
534. Юнг К. Словарь терминов. Психологические типы / Пер. Е. И. Рузера; предисл. проф. И. Ермакова. — М.: Гос. изд-во, 2001. — 96 с.
535. Юнг К. Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика / пер. с англ. В. И. Менжулина. — М.: АСТ, 2009. — 252, [1] с. — (Philosophy). — ISBN 978-5-17-040265-6 (АСТ).
536. Юнг К. Г. Теоретические размышления о сущности психического // Динамика бессознательного: Сборник. — М., 2022. — 850 с. — ISBN 978-5-17-147913-8.
537. Юнг К. Г. Глоссарий основных терминов К. Г. Юнга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/380886/>. — Дата обращения: 30.10.2022.
538. Юнг К. Г. Семинары о Ницше: Лекция 4, 23 мая 1934 года // Касталия: культурно-просветительский проект [Электронный ресурс] — Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. <https://castalia.ru/blogs/translations/karl-gustav-yung-seminaryi-o-nitshe-lektsiya-4-23-maya-1934-goda>. — Дата обращения: 05.11.2022.
539. Юнг К. Г. Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное // Юнг К.-Г. Психология бессознательного // Psychology.ru: психология на русском языке [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.psychology.ru/library/00026.shtml>. — Дата обращения: 22.10.2022.

540. Яглом И. М. Математика и реальный мир. Изд. 3-е, стереот. — М.: URSS, 2007. — 64 с. — ISBN 5-484-00823-9.
541. Язык: 13 определений // Социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://voluntary.ru/termin/jazyk.html>. — Дата обращения: 03.11.2022. — Доступ с сайта: Национальная энциклопедическая служба.
542. Язык: 27 определений // Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/jazyk.html>. — Дата обращения: 03.11.2022. — Доступ с сайта: Национальная энциклопедическая служба.
543. Якобсон Р. О. Избранные работы: Пер. с англ., нем., фр. / Предисл. В. В. Иванова; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. — М.: Прогресс, 1985. — 455 с. — (Языковеды мира).
544. Barbour J. B. The end of time: the next revolution in physics. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — 1 online resource (X, 374 p.). — ISBN 978019976089.
545. Barja R. H. What to expect when you lose a limb: a guide for patients expecting or having recently had an amputation / Roberto H. Barja, Richard A. Sherman, United States. — Washington, D.C.: Dept. of the Army, 1986. — 1 online resource (55 p.).
546. Bell M.W. Toward a Definition of «Virtual Worlds» // Journal of Virtual Worlds Research, 2008. — Vol. 1. — № 1. — P. 1–5. — DOI: 10.4101/jvwr.v1i1.283.
547. Berenson B. The Central Italian painters of the Renaissance. — New York: G. P. Putnam's Sons; London: The Knickerbocker Press, 1897. — [5], 205 p.
548. Bernard J. The history and prospects of sociology in the United States // Trends in American sociology / George A. Lundberg, Read Bain and Nels Anderson (eds.). — New York, 1929. — P. 1–71.
549. Bernstein R.J. The Restructuring of Social and Political Theory. — Univ. of Pennsylvania Press, 1978. — 286 p. — ISBN 0812277422, 9780812277425.
550. Castells M. End of Millennium, The information age: economy, society and culture. A trilogy. Vol. 1. The Rise of the Network Society / Castells Manuel. — Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell. 2010 — ISBN 978-0-631-22140-1.
551. Coulanges F. De. La cité antique. — Paris: Flammarion, 1984. — 698 p. — ISBN 208125431X, 9782081254312.
552. Crick F. The astonishing hypothesis: the scientific search for the soul. — London: Touchstone Books, 1994. — XIV, 317 p. — ISBN 9780671712952.
553. Damasio A. R. The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness. — New York: Harcourt Brace, 1999. — 386 p. ISBN 9780151003693, 0151003696
554. D'Andrade R. G. Cultural meaning systems // Culture Theory: Essays on mind, self, and emotion / R. A. Shweder & R. LeVine (eds.). — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1984. — P. 88–119.
555. Diagnostic and statistical manual of mental disorders / American Psychiatric Association. 5th ed. — Washington, DC: London: American Psychiatric Association, 2013. — 970 p. — ISBN 978-0-89042-554-1 (Hardcover).
556. Drake S. Galileo at work: his scientific biography. Facsim. — Mineola NY: Dover publ., 2003. — ISBN 9780486495422.
557. Dunbar R. I. M. Social brain: Evolution // Encyclopedia of Neuroscience, 2009. — Vol. 21. — P. 21–26. — DOI: 10.1016/B978-008045046-9.00957-8.

558. *Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse: Le système totémique en Australie / Emile Durkheim. — Paris: Catalan, 1912. — 647 p.
559. *Edelman D.* Bright air, brilliant fire: On the matter of the mind. — N. Y. Basic Books, 1992. — P. 304.
560. *Ericson R. V.* Policing the risk society / Richard V. Ericson and Kevin D. Haggerty. — Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1997. — XIII, 448 p.
561. *Fiske J.* Television and Postmodernism // Mass Media and Society / Curran J., Gurevitch M. (eds.). — London, 1991. — P. 55–67.
562. *Gergen K.*, 1994 The limits of pure critique. In After postmodernism: — Reconstructing Ideology Critique. Edited by Herbert W Simmons & Michael Billig. — London: Sage.
563. *Glaserfeld E. von.* Radical constructivism: a way of knowing and learning / Ernst von. Glaserfeld. — London: Falmer Press, 1995. — XVI, 213 p. — ISBN 9780750703871.
564. *Goldenweiser A.* Anthropology and Psychology // The Social Sciences and Their Interrelations / Edited by W. F. Ogburn and A. Goldenweiser. — Boston, 1927. — P. 69–88.
565. *Goodenough W. H.* Cultural anthropology and linguistics // Report of the Seventh Annual Round table Meeting on Linguistics and Language Study / Ed. By Garvin, Paul L. — Washington, DC: Georgetown University, 1957. — № 9. — P. 167–173.
566. *Gower B.* Scientific method: an historical and philosophical introduction. — London: Routledge, 1997. — VII, 276 p. — ISBN 9780415122818.
567. *Hacking I.* (1982/2002). Making Up People, in his: Historical Ontology. — Cambridge, MA, Harvard University Press, 2002. — P. 99–114.
568. *Herder J. G. von.* Reflections on the philosophy of the history of mankind (1784–1791). Trance T. O. Churchill (1800) Frank E. Manuel. — Chicago, University of Chicago Press, 1968.
569. *Jameson F.* Ideologies of theory: 2 vol. — Minneapolis: Univ of Chicago Press, 1986.
570. *Kohlberg L.* The claim to moral adequacy of a highest stage of moral judgment / Kohlberg, Lawrence // Journal of Philosophy, 1973. — Vol. 70 — № 18. — P. 630–646.
571. *Kusch M.* Psychological knowledge: A social history and Philosoph. — London: Routledge, 1999. — P. 248.
572. *Lakoff G.* Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought / George Lakoff, Mark Johnson. — New York: Basic Books, 1999. — 640 p. — ISBN 0465056733.
573. *Le Roy E.* L'exigence idéaliste et le fait de l'évolution / Édouard Le Roy, prof. — Paris: Boivin, 1927. — XVII, 270 c. — (Bibliothèque de la Revue des cours et conférences).
574. *Malotki, E.* 1983. Hopi time: A linguistic analysis of the temporal concepts in the Hopi language. Berlin: Mouton Publishers. (Trends in Linguistics, Studies and Monographs, No. 20). — ISBN. 3111773396 (ISBN13: 9783111773391).
575. *Nisbet R. A.* The sociology of Emile Durkheim. — New York: Oxford University Press, 1974. — 293 p. — ISBN 019501734X, 9780195017342.
576. *Petley B. W.* The Fundamental physical constants and the frontier of measurement / B. W. Petley. — Bristol: Hilger, 1985. — VII, 346 p. — ISBN 9780852744277.
577. *Postman N.* Amusing ourselves to death: Public discourse in the age of show business. — London: Penguin Books, 1985. — 184 p. — ISBN 0140094385, 9780140094381.

578. Quantum Theory of Gravity. I. The Canonical Theory / B. S. DeWitt // Phys. Rev. — 1967 Aug. — Vol. 160. — № 5. — P. 1113–1148. — DOI: 10.1103/PhysRev.160.1113.
579. *Quine W. V.* The roots of reference. — LaSalle: Open Court, Ill., 1973. — XII, 151 p. — (Paul Carus lectures). — ISBN 9780875481234.
580. *Scheff T. J.* Academic Gangs // Crime, Law, and Social Change, 1995. — Vol. 23. — № 2. — P. 157–162. — Русскоязычная версия статьи опубликована на сайте PSyberLink: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/scheff.htm>. — Дата обращения: 30.10. 2022.
581. *Schiitz A.* Concept and theory formation in the social sciences // Collected Papers / Schiitz A. — The Hafue, 1962. — Vol. 1: The Problem of Social Reality. — P. 48–66.
582. *Shapin S.* Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life: including a translation of Thomas Hobbes, Dialogus physicus de natura aeris, by Simon Schaf / Steven Shapin, Simon Schaffer, Thomas Hobbes. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985. — XIV, 440 p.
583. *Simmel G.* The persistence of social groups // The American Journal of Sociology, 1898. — Vol. 3. — № 5. — P. 662–698.
584. *Spykman N. J.* The social theory of Georg Simmel / N. J. Spykman. — Chicago: University of Chicago Press, [1925]. — XXIX, 297 p.
585. *Stockton N.* Time might only exist in your head. And everyone else's // Wired Magazine, 2016. — Sep 26, 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.wired.com/2016/09/arrow-of-time>. — Дата обращения: 01.11.2022.
586. *Taylor Ch.* The importance of Herder (1991) In. Philosophical Arguments. — Cambridge. Mass. Harvard University Press, 1995.
587. *Watzlawick P.* How real is real?: Confusion, disinformation, communication: An anecdotal introd. to communications theory / P. Watzlawick. — New York: Random house, 1977. — XIV, 266 c. — ISBN 0-394-72256-6.
588. *Yanofsky N. S.* Why mathematics works so well // Trick or truth? : The mysterious connection between physics and mathematics / Ed. by Anthony Aguirre, Brendan Foster, Zeeya Merali. — Switzerland, 2016. — P. 145–156.

Предметный указатель

А

Абстрактный, 16, 228, 271, 399
Абстракция, 88, 266, 338, 364, 401
Адекватность, 65, 80, 142, 229, 376
Адекватный, 47, 51, 116, 140, 183, 289
Актуализация в сознании, 224, 245, 348
Аморфный, 93, 181, 185
Анализа плоскость, 217
Антропоморфный, 28, 60–61, 81, 291, 351
Архетип, 248–255
Ассоциации, 25, 257, 314

Б

Бессознательное, 221–223
коллективное, 68, 251, 256
Бихевиоризм, 48, 171, 218

В

Вера, 170, 261
Вербализация, 36
Вербальное
конструирование, 40
моделирование, 302
Вербальные
конструкции, 30, 38–39, 48, 71, 123, 144
концепты, 39
модели, 137
репрезентации, 36, 46

Верование, 121
Вещественная реальность, 106
Вещественный, 18
Вещественность, 18
Вещь, 92
Внимание, 227
Во времени путешествие, 341
Воля, 227
Восприятие, 362
Восприятию доступные, 21, 29, 42, 78–79, 88, 127, 276
Восприятию не доступные, 29, 40, 42, 78–79, 127, 363
Времени интервалы, 320
Время, 106, 320

Г

Гипостазирование, 65, 102, 154, 164, 334

Д

Двигательная активность,
Движение, 75, 321
Действие, 192
в ОПР, 194–198
Долг, 182
Душа, 205

Е

Единица, 34, 274
Единица измерения, 125, 285, 294, 296

З

- Заблуждение, 118
- Закон, 140–141
 - научный, 20
- Защита психическая, 246
- Здравый смысл, 27, 31, 64, 72, 75, 100, 122, 194, 333
- Знание, 113, 116
 - вербальное, 117
 - врожденное, 116, 388
 - научное, 119, 121
- Значение,
 - вербальное, 89
 - понятия, 48
 - слова, 37
 - чувственное, 255
 - языковых конструкций, 349

И

- Идеальный тип, 93
- Идеи врожденные, 9, 388
- Идея, 21
- Иерархия, 62, 125, 175
- Изменение, 327
- Измерение, 294–295
- Изоморфизм, 386
- Иконичность, 82, 114, 115, 126, 363
- Иллюстрации, 68, 79, 96
- Инвариант, 29, 33–34
- Институт социальный, 153, 163
- Интеллект, 228
- Интерииоризация, 99, 118, 159, 165, 234, 348
- Интерииоризированный, 112, 246, 363, 382
- Интроспекция, 208
- Информация, 28
- Истина, 20
- Истинность, 20
 - вербальных конструкций, 130
 - знания, 116

К

- Картина мира, 25, 38, 52, 109, 113
- Категоризация, 60
- Классификация, 61, 108, 214, 226
- Коммуникация, 194
- Комплекс психический, 256
- Конвенциональный, 71, 180, 317
- Конституирование, 40
 - вербальное, 40
 - чувственное, 40
- Конструирование, 40
 - вербальное, 41
 - чувственное, 40
- Конструкт, 41, 380
- Конструкция,
 - психическая вербальная, 25, 32, 38
 - психическая смешанная, 83, 368
 - психическая чувственная, 25, 32
 - из понятий, 38, 72
 - психическая, 41
 - психическая определение, 24
 - регулирующая поведение, 51, 142, 174, 176, 191
 - смешанная, 24, 32, 83
 - чувственная, 24, 32
 - языка, 39
 - языковая, 21, 39, 44, 46–47, 116–118, 142, 178, 298
- Контекст, 142, 340
- Концепт, 37
 - вербальный, 38–39, 122
 - преимущественно вербальный, 111, 122, 153, 225
 - преимущественно чувственный, 211, 252, 255, 258
 - репрезентирующий сущность, 63, 156
 - смешанный, 38
 - фундаментальный, 253
 - чувственный, 38
 - этноспецифический, 366

Концепта

- аморфность, 77
- динамика, 167
- определение, 37
- ревизия, 37, 40
- содержание, 37
- унификация, 38
- форма, 43

Концептуализация, 36

- реальности, 37, 336, 354, 357

Координатная ось, 322**Культура, 165****Культурный код, 257****Л****Легитимация, 163****Личность, 230****Личности**

- каркас, 231, 241, 246
- структура, 231, 238

М**Математика, 265, 400****Мгновение настоящее, 76**

- психическое, 332
- физическое, 77, 106

Мгновенного образа

- продолжительность, 106

Мгновенный образ, 24, 208, 322, 326

- восприятия, 362

Мир, 98

- антропоморфный, 28–29, 36, 60, 67, 81–82, 111, 351, 377
- внешний, 15, 66, 78, 242, 272, 315, 350, 356, 361
- воспринимаемый, 14, 106–107, 111, 306
- психический, 11, 68, 86
- развернутый во времени, 106, 389
- реальный, 15, 129, 144, 263, 310
- социальный, 23, 165

- физический, 28, 34, 78, 86–88, 100, 109, 118, 332

Мировоззрение, 241**Мнение, 58, 184****Мнения, 13, 119, 145, 307****Множество, 274, 286****Модель,**

- вербальная, 45, 138, 148, 388–389
- реальности, 45

Модель-репрезентация, 33–34

- полимодальная, 32
- предмета, 33–34
- собираательная, 61, 73

Мораль, 179–180**Мысленная речь, 36, 194****Мысленные фразы, 36, 355****Мысли, 15, 18, 53, 131, 236, 395****Мышление, 225****Н****Наблюдатель, 27, 95, 130, 133, 139, 386****Наследование негенетическое, 165****Норма, 233****Нравственность, 181****О****Образ,**

- воспоминания, 23–25, 36, 53, 106, 207, 323
- восприятия, 48, 94, 323, 362
- мгновенный, 24, 208, 322, 326
- ментальный, 31, 35
- мысленный, 33, 267
- предмета, 32, 208
- представления, 23–25, 36, 53, 106, 207
- психический, 35
- слова, 26, 354

Объект,

- психический, 105
- социальный, 92, 293
- физический, 110

- Общество, 149, 189
Объективизм, 114, 360
Объективистская парадигма, 16, 27, 29, 126, 229
Объективистская точка зрения, 56, 82
Объективная наука, 19
Объективная психическая реальность, (ОПР), 8–9, 11, 86
 личная, 145, 374
 общества, 149, 374
Объективной психической реальности
 изменение, 327
 области, 291
 область, 88
 формирование, 367
Объективность, 20, 120, 172, 186, 191, 323, 326, 353, 373
Объективный, 21
 мир физический, 11, 363, 373
 наблюдатель, 95
 опыт, 19, 161
 эксперимент, 398
Объяснение, 20, 163
Описание, 65, 350
ОПР, 86
 объекты ОПР, 122, 198
 социальная часть ОПР, 160
 сущность, 202, 388
Осознание, 223
Открытие, 43
Отношение, 96, 103, 108, 176, 185, 283
Ощущение, 30
Ощущения, 31, 121
- П**
Поведение, 171
 членов общества, 174, 177
Понимание, 223
Понятия
 абстрактные, 280, 288
 значение, 35
 образование, 101
 определение, 35, 49
 отвлеченные, 278
 содержание, 348
 усвоение, 28, 44, 61–62
 формирование, 28, 121
Предмет, 27, 90
 конституируемый, 27
 физический, 27
Предрассудки, 244
Признак, 272, 275
Пропозиция, 39
Пространство, 78
Процесс, 42, 155, 226
Психика, 206
 в разрезе, 332
 животных, 207
 развернутая во времени, 207
 человека, 20
Психики
 феномены, 24, 29, 49, 78, 172, 213, 322
 функции, 25, 53
 явления, 23, 25, 51, 78, 206, 216, 332
Психические конструкции, 31
 вербальные, 25, 34, 38, 245
 смешанные, 25, 83
 чувственные, 25, 33, 245
Психические феномены, 23–24, 52, 217
Психические явления
 бессознательные, 222
 простые, 24
 сложные, 24–25
 сознательные, 222
Психическое содержание, 162, 246
 сознания, 52
Психическое явление, 29
Психология, 55, 59, 168, 362

Р

Разум, 46

Реальности

- концептуализация, 23, 36–37, 108, 354

- область, 22

- сегментирование, 108, 363

Реальность, 19

- антропоморфная, 28, 86, 144, 291, 317, 329, 358

- в себе, 23, 28, 126

- виртуальная, 294, 299–300

- игровая, 298

- литературная, 300

- недоступная восприятию, 36, 52

- объективная психическая, ОПР, 89, 197

- психическая, 9, 23, 55

- социальная, 149, 151

- фантастическая, 68, 163, 302

- физическая, 89, 197

Реификация, 160, 164

Религия, 160, 262

Репрезентация,

- антропоморфная, 24, 28, 30, 57, 65, 82, 361

- вербальная, 36, 46, 52, 89

- глобальная вербальная, 136

- глобальная чувственная, 27, 240

- движений, 326

- завершенная, 155, 241

- перцептивная, 27

- предмета, 31–33, 45

- психическая, 25

- реальности, 351, 355

- сенсорная, 89

- символическая, 89

- смешанная, 40, 62, 80, 389

- субъективная, 194, 206

- чувственная, 89, 363

- чувственно-образная, 240

Репрезентирование, 24

- качественное, 272–273

- количественное, 273–274, 284, 289–290

- реальности, 24, 47, 57, 64

Референты, 63, 72, 103, 278

Рефлексия, 25, 218, 229, 294

Речь, 172

С

Самонаблюдение, 398

Самость, 25

Связь, 8–9, 30, 76, 108, 224, 232, 282, 285

Символ, 16

- невербальный, 25, 35, 191

Слово, 35

Событие, 199

Сознание, 56, 213

Сознания

- содержание, 52

- формирование сущностей, 104

Соответствие, 115, 180, 183, 400

Социализация, 43, 61, 103, 159, 230, 377, 379

Социальный стереотип, 52, 241

Способность, 46, 184–185

Среда психофизическая, 376

Социальный,

- институт, 196

Стереотипы, 241–242

Суждение, 59, 142, 201, 225, 243

Сущности, 67

- психические, 47, 52, 67, 202, 209, 257, 334

- психической реальности, 64, 67, 73, 153, 235, 283, 313, 329, 388

- социальной реальности, 67, 153

- ОПР, 68, 78, 135

- формирование, 29, 42, 55, 61

Сущность, 29, 56

- альтернативная, 63

- гипотетическая, 68, 162

качественная, 273
количественная, 271
конституируемая, 101, 123, 127
новая, 36, 37, 61, 77, 136, 226,
293, 334
окружающего мира, 78
психическая, 27, 60, 205, 229,
248, 298
разворачивающаяся во времени, 331
реальности, 123, 351
символическая, 281, 284
сконструированная, 100
сконструированная вербально, 69
созданная сознанием, 55, 101, 104
социальная, 165
странная, 41
умозрительная, 30, 42, 167, 283, 330,
374, 381
физическая, 21, 60, 70, 79

Т

Теории

основные понятия, 139, 142
тождественность, 34, 137
объективизация, 139

Теория, 137–138

альтернативная, 138, 147
научная, 142, 164

У

Убеждения, 236

Универсалии, 15, 386

языковые, 45

Уровень репрезентирования, 26,
270, 272
чувственный, 42, 98, 272, 327
Установка, 245

Ф

Факт, 130–131, 134

Феномен, 24

Формирование, 367

Ц

Целостность, 27, 32, 33, 96, 362

Ценности, 231–232, 234

Э

Эго, 213, 216

Эксперимент, 95, 135–136

Экстериоризация, 36, 159,
165, 347

Элемент, 25, 43, 50, 52, 163, 225,
274, 280

Эпизод, 185

Эффективность прогностическая, 139,
285

Я

Я, 209–212

Явление, 73

психическое, 25, 222

психическое простое, 25

психическое сложное, 25

Язык, 44, 347

Языка конструкции, 46, 352

Сергей Эрнестович Поляков
«Темная материя» социальных наук

Руководитель дивизиона	<i>Ю. Сергиенко</i>
Руководитель проекта	<i>И. Сальникова</i>
Ведущий редактор	<i>Н. Гринчик</i>
Художественный редактор	<i>А. Татарко</i>
Корректоры	<i>Е. Павлович, Н. Терех</i>
Верстка	<i>Г. Блинов</i>

Изготовлено в России. Изготовитель: ООО «Прогресс книга».
Место нахождения и фактический адрес: 194044, Россия, г. Санкт-Петербург,
Б. Сампсониевский пр., д. 29А, пом. 52. Тел.: +78127037373.

Дата изготовления: 11.2023. Наименование: книжная продукция. Срок годности: не ограничен.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014, 58.11.12 — Книги печатные профессиональные, технические и научные.

Импортёр в Беларусь: ООО «ПИТЕР М», 220020, РБ, г. Минск, ул. Тимирязева, д. 121/3, к. 214, тел./факс: 208 80 01.

Подписано в печать 13.10.23. Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Усл. п. л. 36,120. Тираж 500. Заказ 0000.

ЗАКАЗ И ДОСТАВКА КНИГ

**ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР»
МОЖНО ЛЮБЫМ УДОБНЫМ ДЛЯ ВАС СПОСОБОМ**

- на нашем сайте: www.piter.com
- по электронной почте: books@piter.com
- по телефону: (812) 703-73-74 или 8(800) 500-42-17

**ВЫ МОЖЕТЕ ВЫБРАТЬ ЛЮБОЙ УДОБНЫЙ ДЛЯ ВАС
СПОСОБ ОПЛАТЫ**

Наложенным платежом с оплатой при получении в ближайшем почтовом отделении, пункте выдачи заказов (ПВЗ) или курьеру.

С помощью банковской карты. Во время заказа вы будете перенаправлены на защищенный сервер нашего оператора, где сможете ввести свои данные для оплаты.

Электронными деньгами. Мы принимаем к оплате Яндекс.Деньги, WebMoney и Qiwi-кошелек.

В любом банке, распечатав квитанцию, которая формируется автоматически после оформления вами заказа.

**ВЫ МОЖЕТЕ ВЫБРАТЬ ЛЮБОЙ УДОБНЫЙ ДЛЯ ВАС
СПОСОБ ДОСТАВКИ**

- курьерская доставка до дома или офиса
- на пункт выдачи заказов выбранной вами транспортной компании
- в отделение «Почты России»

ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ЗАКАЗА УКАЖИТЕ

- фамилию, имя, отчество, телефон, e-mail
- почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру
- название книги, автора, количество заказываемых экземпляров